ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2011 Том 17

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 3

июль – сентябрь

Учредитель
Костромской государственный университет
имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЗДРАВЛЯЕМ

5 **Алексеева М.А.**
Роль и значение костромского художественно-графического факультета в социальной, культурной жизни региона (к 50-летию со дня основания художественно-графического факультета)

СИСТЕМОТЕХНИКА

8 **Воробьев Б.Т., Авраменко Р.С., Козлов В.Н.**
Исследование затухания сигнала в оптоволоконном кабеле при нелинейной прокладке кабельной линии

11 **Денисов А.Р., Белянкин М.В.**
Календарное планирование процессов конструкторско-технологической подготовки мелкосерийного машиностроительного производства

15 **Монахов Ю.М., Абрамов К.Г.**
Моделирование распространения нежелательной информации в социальных медиа

18 **Амар Али Азази, Марголис Б.И.**
Система обработки и распознавания изображений сложных кривых

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

22 **Гарасько Е.В., Чуловская С.А., Парфенюк В.И.**
Биоцидные свойства наноразмерных частиц серебра

26 **Гунин Д.В., Лапко Е.Ю.**
Взаимодействие 2-тиабицикло[2.2.1]гептенов с полифторированными сульфенилхлоридами

29 **Палкина Т.А.**
Эколого-ценотическое происхождение сорных растений агроценозов в южной части нечерноземной зоны

33 **Радионов А.С.**
Почему Земля Костромская может и должна стать зоной экологического туризма?

37 **Секованов В.С.**
О множествах Мандельброта и Жюлиа для многочленов комплексной переменной

43 **Сиротина М.В., Баранов А.В.**
Изучение дерматофенов крупного рогатого скота

47 **Соколов Н.В., Соколов А.Н.**
Что есть приручение и одомашнивание

51 **Аверкиева И.Ю., Припутина И.В.**
Оценка влияния техногенной эмиссии NO_x на питательный режим лесных биогеоценозов Подмосковья

ФИЛОСОФИЯ

58 **Белозеров А.Б.**
Понятие коммуникации в экзистенциальной философии К. Ясперса

62 **Власова Н.А.**
Философия образования в понимании постмодернизма

65 **Зеленцова М.Г., Торосян О.А.**
Универсальность человеческой природы и проблема обоснования ценностей

69 **Кострова Е.А.**
Бог как Другой в философии Ф. Розенцвейга, Ф. Эбнера, М. Бубера

75 **Мушич-Громыко В.Г.**
Рационализм предельно-мировоззренческий (логический, гносеологический, социальный, культурный, практический аспекты)

80 **Смирнов Д.Г.**
Семиотические основания эволюции универсума

84 **Шагако Д.С.**
Война и насилие – социально-философская характеристика взаимодействия

89 **Касаткина С.С.**
Городская повседневность как направление социально-философских исследований

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

93 **Аймалетдинова Л.А.**
Проблема ценностной переориентации русского общества второй половины XIX – начала XX веков (на примере Нижегородской ярмарки)

95 **Борисова Е.Ю., Погорелова Н.Ю.**
Духовно-музыкальное наследие представителя Нового направления русской духовной музыки П.Г. Чеснокова

99 **Дзюбан В.В.**
Традиции, культура и промыслы казачества России: методологические и научно-практические аспекты исследования

105 **Кашина Н.К.**
Мифологема «дом» в произведениях В. Розанова

108 **Ровенко Е.В.**
Время и пространство в живописи Э. Делакруа и О. Редона

114 **Шемякина М.К.**
Особенности воплощения концепта «возрождение» в культурной традиции (теоретический анализ)

118 **Шестеркина Н.В.**
Взаимодействие язычества и христианства в немецких заговорах

ЛИНГВИСТИКА

123 **Алефиренко Н.Ф., Озерова Е.Г.**
Особенности лирикопрозаического текстопорождения поэтической прозы

127 **Бакулин М.А.**
Гендерные стереотипы в концептосфере современного детективного романа

132 **Гончаренко И.Г.**
О некоторых ошибках, допускаемых при реферировании научных текстов, и способах их предупреждения

136 **Дорогова Т.А.**
Функция гиперболы в немецкоязычной рекламе

140 **Дубинкина Н.В.**
Сюжетообразующая роль фразеологических единиц в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»

144 **Павлова А.В.**
К вопросу об ареальной характеристике слов с корнем *-губ-* в говорах побережья Белого моря

147 **Петрова Е.А.**
Прагматический аспект внутридиктемной когезии

151 **Хожанов Ш.Б.**
Стилистические функции антонимов в каракалпакском языке

154 **Галкина Н.П.**
Союзы *поскольку* и *так как* как квалификаторы причинных отношений в текстах естественнонаучного цикла

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

159 **Алламбергенова И.Х.**
К вопросу жанровых особенностей и классификации каракалпакских преданий

163 **Баталова Т.П.**
Некрасовский мотив Мороза в литературной перспективе

168 **Котлов А.К.**
Современная русская проза и категория народности в литературе

172 **Криволапова Е.М.**
Пространственно-временная картина мира в ранних дневниках М. Пришвина

175 **Локша А.В.**
Поэтическая космология Велимира Хлебникова

179 **Макарова Е.В.**
Художественное пространство в книге рассказов «Записки охотника» И.С. Тургенева

183 **Нашатырева С.С.**
Типология жестов в ранней прозе Л.Н. Андреева и ее преломление в рассказе «Молчание»
187 **Петрова Н.И.**
К вопросу о религиозно-культурной самоидентификации раннего Мандельштама
190 **Попова Ю.С.**
Родовое и личностное начала в герое И.А. Бунина (по произведениям 1910-х годов)
194 **Савинская О.А.**
Стоические и буддистские мотивы в лирике Б.Ю. Поплавского
199 **Склизкова А.П.**
Комедийные принципы XIX века и трансформация их в новой драме Г. Гауптмана «Бобровая шуба»
203 **Федотова А.А.**
Легенда Н.С. Лескова «Прекрасная Аза» в литературном контексте 1860-х – 1880-х годов
207 **Чехунова О.А.**
Циклизация как способ отражения мировосприятия поэта: эмигрантские поэтические циклы Георгия Иванова
212 **Шарапенкова Н.Г.**
«Сон, изменяющий судьбы»: онейросфера романа «Москва» Андрея Белого
216 **Мураткина Е.Л.**
Толстой и Диккенс об университетском образовании

ИСТОРИЯ

220 **Борщукова Е.Д.**
Деятельность православной церкви в организации медицинской помощи раненым в начальный период Первой мировой войны
223 **Голотин И.В.**
Принципы государственного руководства сферой охраны памятников истории и культуры в 1953–1964 годах
227 **Еремеева В.Л.**
Губернские статистические комитеты 1860-х – 1890-х годов и развитие исторической науки в российской провинции (на материале Костромской и Ярославской губерний)
231 **Котов П.П.**
Проблема наделения землей удельных крестьян по реформе 1863 года в советской историографии
235 **Кузьмичёв И.А.**
Социально-экономическое развитие города Галича в первой четверти XVII века
239 **Мальцев Р.Ю.**
Взаимодействие костромских предпринимателей и органов местного самоуправления в начале XX века: налоговый вопрос
243 **Матвиевский И.Н.**
Кадеты и местная власть в Костромской губернии в 1905–1914 годы
247 **Наградов И.С.**
Деятельность губернских секретных совещательных комитетов о раскольниках: от «мрачного семилетия» до Великих реформ (на материалах Костромского комитета)
251 **Петровичева Е.М.**
Земская общественность в контексте формирования демократической культуры в период думской монархии (на материалах Костромской губернии)
254 **Тюкачёв Н.А.**
Либеральная историография революционного народничества
258 **Чибисов А.В. (игумен Мануил)**
Условия существования древлеправославной церкви в СССР (1950–1988 годы)

ПСИХОЛОГИЯ

263 **Рудыхина О.В., Шемелина О.С.**
Соотношение интеллектуальных стилей и психологических типов в структуре личности студентов вуза
267 **Сордия Г.М.**
Взаимосвязь личностных характеристик пользователя с его активностью в Интернете
271 **Жданова С.Ю., Аликина Е.Л.**
Влияние социальных характеристик матери на особенности познания индивидуальности ребенка
275 **Меньшикова А.А.**
Особенности психологической готовности к материнству у беременных женщин с онкологическими заболеваниями
279 **Сапоровская М.В.**
Межпоколенные отношения и взаимодействие в семьях с разной структурой

ПЕДАГОГИКА

284 **Артюшина Л.А., Монахов М.Ю.**
Рефлексивные компетенции в стандартах высшего профессионального образования третьего поколения
286 **Воронцова О.Р., Катержина С.Ф.**
Шаги проектирования контрольно-измерительных материалов в рамках формирования компетенций
292 **Дорогова Ю.А., Деминцева О.А., Белкина Т.Н.**
Организация тренировочных нагрузок биатлонисток в условиях среднегорья с учетом биохимических изменений
296 **Максимова Е.А.**
Историко-культурный континуум как контекст педагогических исследований

300 **Смолонская А.Н.**
Особенности социального развития детей старшего дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья
305 **Фадеева Т.Ю.**
Концептуальные основы формирования педагогической толерантности у студентов в процессе их профессиональной подготовки
309 **Кукушкина Л.А.**
Формирование правовой компетентности учащихся профильных юридических классов

СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

313 **Зайцев А.В.**
Диалог в институциональной среде взаимодействия государства и гражданского общества
319 **Ильченко Е.В.**
Критерии институционального анализа социального обслуживания людей с инвалидностью
322 **Максименко А.А.**
Социологическая интерпретация понятия «рациональность»
327 **Осипова В.Н.**
Особенности организации конструктивного диалога между мигрантами и принимающей стороной в Костромском регионе
329 **Петрова О.С.**
Проблемы социальной адаптации среднеазиатских трудовых мигрантов в Санкт-Петербурге
333 **Хлеханова А.А.**
Особенности формирования гражданского общества в России: региональный аспект

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

340 **Кудряшова А.В.**
О правовом статусе прокуратуры субъекта Российской Федерации
344 **Рощин Б.Е.**
Особенности предмета и метода российского трудового права в период с октября 1917 по 1920-е годы: юридический аспект
349 **Сиверская Л.А.**
Регистрация сообщения о преступлении: новеллы нормативно-правового регулирования
354 **Сироткин А.Г.**
Узуфрукт (пользовладение) в работах российских ученых XIX – начала XX веков
359 **Смирнова Е.В.**
Проблемы определения правовой природы термина «аппарат районного суда»

ЭКОНОМИКА

363 **Бабаев Б.Д., Николаева Е.Е.**
О расширительной трактовке распределительных отношений
367 **Березиков С.А., Цукерман В.А.**
Модернизация технологической структуры экономики – путь к повышению конкурентоспособности регионов
370 **Голикова Ю.А.**
Условия реализации корпоративных проектов на Дальнем Востоке России и в азиатско-тихоокеанском регионе
374 **Зинчук Ю.Ю.**
Реализация принципа хозяйственного расчёта в работе областной больницы
379 **Кондратович Д.Л.**
Роль государства в социально-экономической модернизации моногородов российского Севера
383 **Кружкова Т.И., Комарова О.В.**
Деловой мир как социокультурный и социально-экономический феномен
388 **Мамон Н.В., Смирнова Ю.А.**
Расчет статистической меры связи по результатам исследования степени важности элементов имиджа
393 **Попов Д.Д.**
Социальный капитал в сетевых экономических структурах
396 **Горбачев О.Г.**
Страховой капитал в структуре экономических отношений
398 **Ерофеева Т.П.**
Гармонизация промышленной политики в современной экономике
403 **Степанов Е.Б., Симонов Р.Д.**
Экономическая культура как структурообразующий элемент качества человеческого капитала

407 **SUMMARY**

422 **ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

ПОЗДРАВЛЯЕМ

Алексеева Марина Андреевна
декан художественно-графического факультета
Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КОСТРОМСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА В СОЦИАЛЬНОЙ, КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА (к 50-летию со дня основания художественно-графического факультета)

За 50 лет своего существования костромской художественно-графический факультет дал путевку в жизнь множеству талантливых людей. Успешное воспитание творчески мыслящих людей в значительной степени определяет культурный уровень региона.

Ключевые слова: *КГУ им. Н.А. Некрасова, художественно-графический факультет, образовательная деятельность, культурно-просветительская деятельность, культурная жизнь региона.*

Создание костромского художественно-графического факультета было осуществлено в 1960 году и диктовалось государственной потребностью в специалистах, обладающих высшим художественным образованием. В Костроме, как и в рядом находящихся Ивановской, Ярославской, Вологодской областях, имелись подобные художественные училища, осуществлявшие средне-специальное профессиональную художественную подготовку. В регионе возникла необходимость создания учебной структуры, позволяющей давать высшее художественное образование, готовящее специалистов для руководства и организации учебного процесса как в системе дополнительного образования, общеобразовательной школы, так и в системе среднего профессионального и высшего образования. Такой структурой и стал наш факультет, который создали на базе костромского училища им. Н.П. Шлеина, которое считалось одним из сильнейших в художественном образовании. Открыто было и заочное отделение, то есть факультету доверили обучение специалистов, имеющих средне-профессиональное образование, – учителей, мастеров, людей, уже имеющих опыт работы в сфере изобразительной деятельности.

Все годы существования факультета основной целью художественного образования являлась подготовка педагога-художника. Эта цель успешно осуществлялась: выпускники художественно-графического факультета играют заметную роль в деле воспитания и образования подрастающего поколения в городе и области. Они являются творческим ядром в преподавательских коллективах вузов города (Сельхозакадемии, КГТУ), в творческих объединениях, детских художественных школах, педагогических и художественных училищах (ДХШ №1, ДХШ №2, творческое объединение «АРС» г. Костромы, Красносельское художественное училище, Галичское педагогическое училище, Училище народных промыслов г. Буй и т.д.).

Кроме этого, факультет достойно решает задачу подготовки кадров и для всего северного региона нашей страны. Выпускники факультета работают в общеобразовательных и художественных школах таких городов, как Ярославль, Иваново, Нижний Новгород, Рыбинск, Вологда, Владимир, Архангельск и др. Многие из них возглавляют образовательные художественные учреждения и иные образовательные структуры. Так, например, много лет возглавляет кафедру изо и художественно-графический факультет Владимирского государственного университета член Союза художников РФ В.Е. Улитин, руководит кафедрой рисунка в РГПУ им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург) В. Леднев, стала инициатором открытия и успешно возглавляет художественное отделение в г. Мурманске доктор наук О.Р. Лагутина, осуществляет руководство факультетом искусств Шуйского государственного университета доктор наук Л.В. Ершова, является директором Техникума народных художественных промыслов г. Павлово Нижегородской области заслуженный художник РФ В.С. Голубин, и многие другие.

Когда мы говорим об актуальности и важности художественного образования, нельзя, конечно, ограничиваться только выделением педаго-

© Алексеева М.А., 2011

гического аспекта. Известный исследователь, краевед В.Н. Бочков назвал Кострому культурным гнездом России. Немалую роль в культурной жизни города играет художественно-графический факультет. Выпускники факультета составляют творческий потенциал города и области, являясь ведущими скульпторами, декораторами, художниками, проектировщиками. Восемьдесят процентов костромского отдела Союза художников РФ представлено выпускниками факультета. Из них А.А. Мариев – заслуженный художник РФ, Н.Б. Колобова – секретарь союза художников РФ по центральному округу, С.И. Маковей – директор Музея современного искусства г. Костромы, М.Ф. Базанков – ответственный секретарь Костромской организации писателей и многие другие заслуженные деятели искусств и культуры, заслуженные и народные художники РФ.

В условиях коренных изменений политической и социально-экономической жизни России, произошедших в последние десятилетия, для факультета стало важным решение проблемы реализации способностей, полного раскрытия творческих возможностей выпускника. Проблема художественно-творческого развития неразрывно связана с проблемой становления человеческой личности в условиях социального творчества, реформирования и обновления всех форм общественной жизни.

Выпускники факультета формируют облик родного города. Пройдите по улицам – вас обязательно заинтересуют такие общественные места, как кофейня «Рога и копыта», столовая «Лимпопо», гостиница и ресторан «Снегурочка», «Белое солнце пустыни», их своеобразные, оригинальные дизайн-проекты выполнял С.В. Савосин, скульптурные фигуры, украшающие эти интерьеры, – Л.Н. Макаренкова, Т.Ю. Виноградова. Не может не привлечь внимание и интерьеры кафе «HUNDERT WASSER», «Желтая подводная лодка», помещение боулинга в развлекательном центре «Мануфактура» – их дизайн выполнялся под руководством Т.Н. Решетняк.

Творческая деятельность является для человека средством выражения собственной индивидуальности. Все средства выражения индивидуальности по своей природе коммуникативны, а, как известно, все человеческие коммуникативные средства культурно обусловлены. Приобщение наших студентов к культурно выработанным средствам и нормам дает личности материал для творческого самовыражения.

Так, интересные, познавательные телевизионные программы, освещающие аспекты краеведческой и культурной жизни города и области, готовят выпускники факультета А. Тихомиров, С. Высоцкая; создают эксклюзивные ювелирные проекты Е. Шумилова, А. Горкавенко, Ю. Лавыгина; немалый вклад в грамотное дизайнерское оформление полиграфической продукции вносят О. Клеопина, А. Соглачаев, А. Чернов, М. Короткова; созданием дизайна промышленных изделий занимаются Ю. Гончаренко, О. Поляков, интересные трикотажные коллекции одежды создает С.Ю. Галкина.

Важнейшей характеристикой гражданина является его активное участие в сохранении национальных реликвий, традиций, его готовность к духовно-этическому восприятию действительности. Именно это качество выступает культуротворческой силой и условием целенаправленного созидания. В последнее десятилетия происходило целенаправленное освоение нашими выпускниками сферы духовно-православного наследия. После окончания факультета многие выпускники осваивают техники и технологии реставрации уникальных фресок, настенных росписей, икон, церковно-храмовой архитектуры, например, состав коллектива костромского филиала ФГУ «Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. И.Э. Грабаря» в основном состоит из наших выпускников.

Одним из видов деятельности, который влияет на духовную сферу личности, является иконопись: она развивает чувство прекрасного, формирует эстетический вкус, мировоззрение, умение понимать и ценить произведения искусства, памятники истории. Около десяти лет назад в городе организовалась группа из наших выпускников – А. Ершов, Е. Ершова, Я.А. Высоцкая, Е. Грехова, В.М. Высоцкий, – которые начали успешно осваивать основы иконописи, ими был создан молодежно-православный центр «Ковчег». Сейчас они знакомят с культурой иконописи людей, желающих и готовых освоить это мастерство. Причем их курс обучения не просто знакомит с технологией написания иконы – он раскрывает ступени ее создания как определенные этапы духовного развития личности.

Успешное решение факультетом такой задачи, как развитие творческих качеств и воспитание творчески мыслящих людей, в значительной степени определяет культурный уровень города

и области. Творческие качества – это всегда способность к быстрой и разнообразной реакции, умение создавать что-то новое, находить ранее незаметные связи между предметами и идеями, умение приспосабливаться к новым условиям.

Сейчас, кроме педагогической, искусствоведческой, музейной, культурно-просветительской сферы деятельности, выпускники факультета работают и в качестве художников-модельеров: по ткани, художественной росписи (батик), в ручном ткачестве (гобелен), лоскутной технике; художников: иллюстраторов, витражистов, росписи по дереву, резьбы по дереву, художественной росписи стен, реставраторов; скульпторов: гончарных изделий, мелкой пластики, по гипсу, бетону; дизайнеров: ювелирных изделий, по интерьеру, ландшафтного дизайна, рекламы, мебели, оборудования, промышленной графики и т.д. Это лишь неполный перечень видов деятельности, в которых активно реализуют свои художественные и творческие способности наши выпускники.

Даже поверхностный анализ позволяет с полной уверенностью утверждать, что сложившаяся на художественно-графическом факультете система обучения позволяет воспитать гуманиста-творца с развитой индивидуальностью, способного к творческому труду в любой сфере деятельности, в рыночных условиях общественного и индивидуального производства.

Деятельность художественно-графического факультета имеет большое значение в формировании культурных норм и традиций города, области и региона в целом. За годы образовательной деятельности он внес огромный вклад в дело подготовки кадров в различных сферах изобразительной, художественно-творческой, декоративно-прикладной и культурно-просветительской деятельности.

СИСТЕМОТЕХНИКА

УДК 530.1

Воробьев Борис Тихонович
кандидат технических наук
Авраменко Роман Сергеевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Козлов Виктор Николаевич
Военная академия войск РХБЗ и инженерных войск им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (г. Кострома)

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАТУХАНИЯ СИГНАЛА В ОПТОВОЛОКОННОМ КАБЕЛЕ ПРИ НЕЛИНЕЙНОЙ ПРОКЛАДКЕ КАБЕЛЬНОЙ ЛИНИИ

В данной статье приведены результаты экспериментальных исследований затухания сигнала, проходящего по оптоволоконному кабелю, имеющему участки с изгибом.

***Ключевые слова**: оптоэлектроника, оптический сигнал, оптоволоконный кабель, затухание.*

В справочной и технической литературе разных изданий, известной авторам, представлены данные об оптоволоконных кабелях, в том числе о минимальном радиусе изгиба их при монтаже [1], высказано предположение возможности затухания передаваемого сигнала при изгибе оптоволокна [2]. Однако отсутствуют данные о зависимости затухания сигнала от величины изгиба, которые необходимо учитывать при выборе трассы и мест прокладки оптоволоконного кабеля по внутренним конструкциям зданий, шкафов, устройств.

При изгибе оптоволокна происходит сжатие материала сердцевины и оболочки в секторе АБ и растяжение его в области СД, при этом сердцевина оптоволокна смещается в направлении к центру изгиба [2].

Естественно, неодинаковая плотность в продольном сечении оптоволокна приводит к изменению условий полного внутреннего отражения светового сигнала от границ двух сред, а следовательно, к микрорефракции и частичному затуханию сигнала.

В результате изгиба $c_{АБ} > c_{СД}$ и $n_{АБ} > n_{СД}$, где $c_{АБ}$ и $c_{СД}$ – плотность материала оболочки в слоях АБ

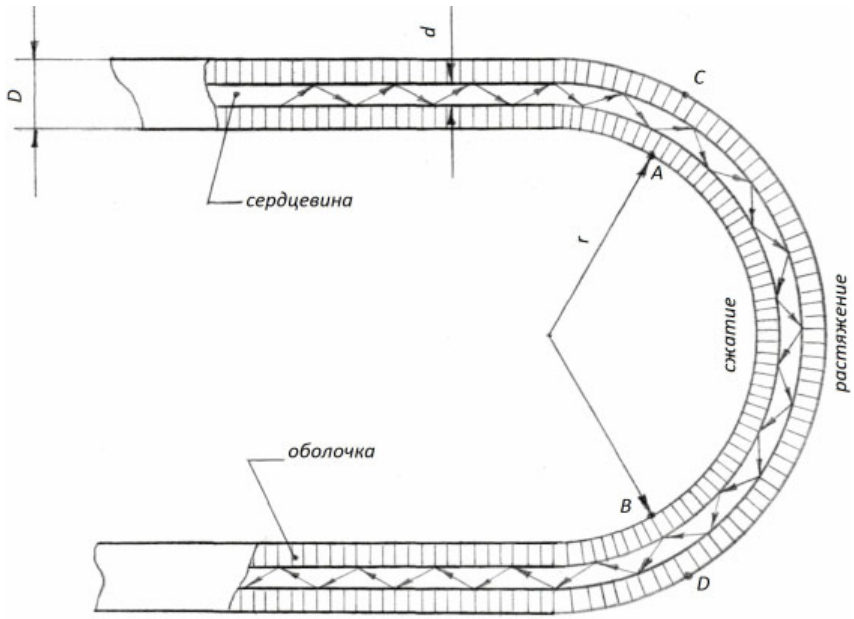


Рис. 1. Структура оптоволокна при изгибе

 © Воробьев Б.Т., Авраменко Р.С., Козлов В.Н., 2011

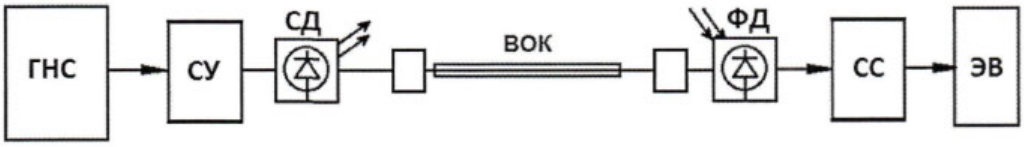


Рис. 2. Структурная схема экспериментальных исследований.
ГНС – генератор модуляционных сигналов низкой частоты; СУ – схема управления светодиодом СД;
ОР – оптический разъем; ОК – оптоволоконный кабель;
СС – схема сопряжения фотодиода ФД с электронным вольтметром ЭВ

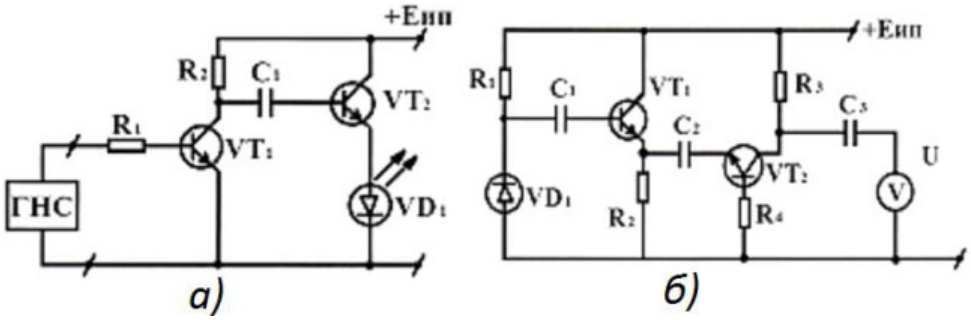


Рис. 3. Схемы: управления светодиодом (а), согласования фотодиода с вольтметром (б)

и СД соответственно, а $n_{АБ}$ и $n_{СД}$ – абсолютный показатель преломления на границе двух сред.

При больших радиусах изгиба такие деформации не существенно влияют на процессы отражения светового луча, проходящего по стволу оптоволокна, поскольку отношение $\left(\frac{r}{d}\right)$ – достаточно велико и равенство $c_{АБ} \approx c_{СД}$ сохраняется, где r – радиус изгиба, аd – диаметр сердцевины. При малых радиусах изгиба (r), когда r соизмеримо с диаметром оптического кабеля (D), неравенство ($n_{АБ} > n_{СД}$) становится значительным и затухание сигнала реально.

На основе выше приведенных рассуждений можно говорить о наличии потерь и их величине при изгибе оптоволокна только для конкретного типа оптического кабеля и определенных отношений $\left(\frac{r}{D}\right)$.

В лаборатории радиоэлектроники КГУ имени Н.А. Некрасова были проведены экспериментальные исследования с целью определения возможных потерь светового сигнала и их зависимости от радиуса изгиба оптоволоконного кабеля типа SIE COR OPTICAL CABLE E-04/99 – SM FIBER – TBII – OFNR <UL> OFN ET4 <CSA> 05736 FEET длиной 6 метров. Диаметр оболочки кабеля 0,11 мм (110 мкм), диаметр кабеля 2,5 мм.

Генератор модулирующих сигналов формирует импульсы прямоугольной формы типа меандр

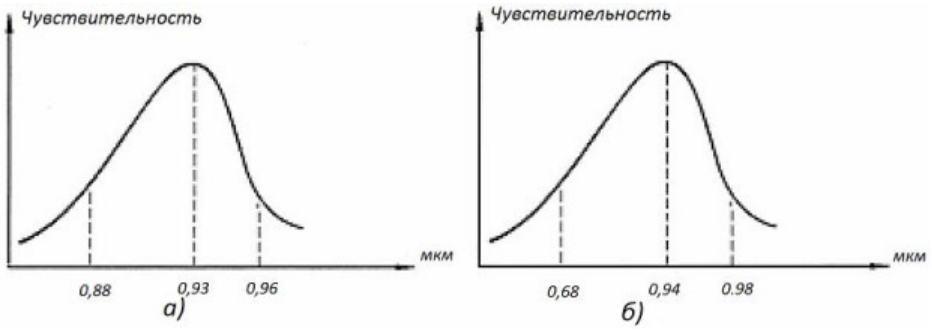


Рис. 4. Спектральная излучаемая мощность светодиода АЛ107Б (а),
спектральная чувствительность фотодиода ФД-11К (б)

Таблица

Результаты измерений

Радиус изгиба кабеля, *r* (мм)	100	80	60	50	40	30	20	10	5
Выходное напряжение U_2, В	4,60	4,50	4,40	4,25	4,10	3,90	3,65	3,35	3,0
Затухание сигнала $G_{дБ}$ в дБ	0	-0,19	-0,386	-0,687	-1,0	-1,43	-2,0	-2,75	-3,7

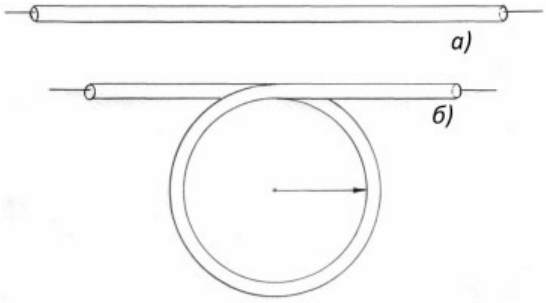


Рис. 5. Оптоволоконный кабель при прямолинейной (а) прокладке и при изгибе (б)

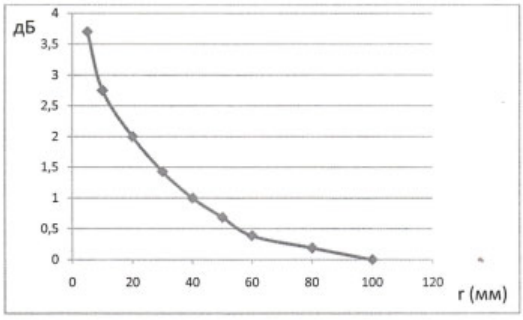


Рис. 6.

с длительностью 50 мкс. Схема управления светодиодом обеспечивает передачу максимальной мощности модулирующих импульсов от ГНС к светодиоду. Схема согласования имеет большое выходное сопротивление (VT_2 с общей базой), соизмеримое с входным сопротивлением электронного вольтметра и не шунтирующее его входную цепь. В схемах использованы биполярные транзисторы КТ315А, светодиод VD1-АЛ107В, фотодиод ФД-11К, генератор низкочастотных сигналов ГНС – Г3-36А, электронный вольтметр U-В3-38.

Оптопара – «светодиод-фотодиод» – для эффективной передачи сигнала была подобрана по близким спектральным характеристикам.

Были проведены измерения напряжения выходного сигнала U_2 при неизменном сигнала ГНС в случаях: прямолинейной прокладки оптоволоконного кабеля и при наличии участка, имеющего форму кольца с разными радиусами изгиба *r*.

Ослабление сигнала проходящего по оптическому кабелю, имеющему участок с изгибом, по сравнению с сигналом, проходящим по прямолинейному кабелю, определялось по формуле:

$$G_{дБ} = 20\lg\frac{U_2}{U_1},$$

где $G_{дБ}$ – затухание сигнала, дБ; U_2 – напряжение сигнала при изгибе кабеля, В; U_1 – напряжение сигнала при прямолинейном кабеле, В. $U_1 = 4{,}6$В.

Графическая зависимость $G = f(r)$ представлена на рисунке 6.

Некоторые выводы по работе (для данного кабеля).

1. Максимальное затухание сигнала происходит при $r = 5$мм и составляет -3,7дБ. При радиусе изгиба 3 мм, произошло механическое повреждение сердцевины кабеля.

2. Для сравнения, затухания в оптических кабелях при *л* = 8 мкм, составляет (2...5) дБ/км, а в высококачественных, достигает 0,36 дБ/км. [2].

3. Используя полученную зависимость $G = f(r)$ можно рассчитывать полные потери сигнала в линии связи и обеспечить качественный прием информации.

Библиографический список

1. *Юшин А.Н.* Волоконно-оптические кабели // Радио. – 2005. – №5.

2. *Гуськов Н.А.* Тенденция развития локальных волоконно-оптических сетей // Зарубежная радиоэлектроника. – 1990. – №11.

3. *Мидвинтер Дж.Э.* Волоконные световоды для передачи информации. – М.: Радио и связь, 1983.

4. *Гроднев И.И., Ларин Ю.Т., Теумен И.И.* Оптические кабели. – М.: Энергоиздат, 1991.

5. *Гроднев И.И.* Волоконно-оптическая линия связи. – М.: Радио и связь, 1990.

6. *Гауэр Дж.* Оптическая система связи. – М.: Радио и связь, 1989.

УДК 65.014.12

Денисов Артем Руфимович,
Белянкин Михаил Вячеславович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Inf_service@ksu.edu.ru

КАЛЕНДАРНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ КОНСТРУКТОРСКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ МЕЛКОСЕРИЙНОГО МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В статье рассмотрены вопросы построения системы календарного планирования процессов конструкторско-технологической подготовки мелкосерийного машиностроительного производства.

Ключевые слова: *конструкторско-технологическая подготовка, планирование, управление конфигурацией, мелкосерийное производство.*

В современном глобальном мире российская экономика может эффективно развиваться лишь при активном взаимодействии с мировым рынком товаров и услуг, вследствие чего для нашей страны назрела необходимость включиться в работу международных экономических организаций, в том числе – Всемирной торговой организации. При этом Россия будет вынуждена открыть свои собственные рынки для иностранных компаний, что неизбежно приведет к усилению внутренней конкуренции [1]. При этом в ряде областей промышленности, например в машиностроении, для отечественных предприятий внешние рынки останутся закрытыми. Одной из причин этого является низкая степень автоматизации систем управления предприятием и его производственными процессами, без чего невозможно решать задачи управления качеством продукции, повышения эффективности и прозрачности документооборота на всех этапах жизненного цикла выпускаемой продукции, внедрения принципов интегрированной логистической поддержки потребителей.

Повысить конкурентоспособность отечественных предприятий можно через внедрение современных производственных и управленческих технологий, основанных на процессном подходе. Данный подход является необходимым условием с точки зрения большинства международных стандартов, в том числе стандартов управления качеством ISO 9000, и должен быть внедрен на всех этапах жизненного цикла продукции, включая и конструкторско-технологическую подготовку производства (КТПП). Важной задачей при реализации процессного подхода является календарное планирование производственных процессов. В частности, необходимость планирования КТПП регламентируется [2 п. 5.2.5, 6.1.2, 7.2.2, 7.3.4, 7.4.4.].

Для решения задачи календарного планирования процессов КТПП принято использовать PDM-системы. Для этого в данные системы включены специальные модули, которые позволяют представить процессы КТПП в виде совокупности WorkFlow-диаграмм [3; 4]. Подобная функция есть в большинстве представленных на рынке PDM-систем, включая SmarTeam, WindChill, T-Flex DOCs, Аскон Лоцман: PLM и др.

При этом следует заметить, что WorkFlow-моделирование является очень трудоемким процессом и, соответственно, его применение при планировании процессов КТПП целесообразно только в случае устоявшейся номенклатуры выпускаемых изделий, то есть на предприятиях с крупно- и среднесерийным производством. В мелкосерийном же машиностроении, которое характеризуется постоянными изменениями в номенклатуре изготавливаемых изделий, использование данного механизма либо будет высокозатратным, либо будет носить общий характер (работы будут соответствовать этапам КТПП [5]). В любом случае это сделает календарное планирование процессов КТПП неэффективным.

Повысить эффективность календарного планирования можно через автоматизацию синтеза WorkFlow-диаграмм. Для этого целесообразно использовать принципы управления конфигурацией изделия [6–8]. В этом случае в проектируемом изделии выделяются объекты конфигурации, которые обычно являются типовыми для предприятия, что позволяет осуществлять планирование процессов КТПП с достаточной степенью точности. Тогда проектируемое изделие можно представить:

© Денисов А.Р., Белянкин М.В., 2011

$$\mathbf{Ри_i} = \langle \mathbf{Ок_i}, \mathbf{Св_i}, \mathbf{Doc_i}, \mathbf{T_i}, \mathbf{R_i}, \mathbf{Тв_i} \rangle \Big| \, \mathbf{i} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ри}|},$$

где **Ри** – множество всех проектируемых на предприятии изделий; $\mathbf{Ок_i}$ – множество объектов конфигурации *i-го* изделия; $\mathbf{Св_i}$ – множество всех связей между объектами конфигурации (ОК) в архитектуре *i-го* изделия; $\mathbf{Doc_i}$ – множество всех документов, создаваемых в процессе проектирования *i-го* изделия; $\mathbf{T_i}$ – трудоемкость проектирования *i-го* изделия; $\mathbf{R_i}$ – другие виды расходов на проектирование *i-го* изделия; $\mathbf{Тв_i}$ – время проектирования *i-го* изделия.

При этом каждый объект конфигурации имеет вид:

$$\mathbf{Ок_{ij}} = \left\langle \begin{matrix} \mathbf{ПГ_{ij}}, \mathbf{DOO_{ij}}, \mathbf{Too_{ij}}, \\ \mathbf{Roo_{ij}}, \mathbf{Тн_{ij}}, \mathbf{Тк_{ij}} \end{matrix} \right\rangle \Bigg| \, \mathbf{i} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ри}|}, \mathbf{j} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ок_i}|},$$

где $\mathbf{ПГ_{ij}}$ – проектная группа, ответственная за проектирование $\mathbf{Ок_{ij}}$; $\mathbf{DOк_{ij}}$ – множество всех документов, создаваемых в процессе проектирования $\mathbf{Ок_{ij}}$:

$$\forall \mathbf{i} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ри}|} : \mathbf{Doc_i} = \left(\bigcup_{\mathbf{j=1}}^{|\mathbf{Ок_i}|} \mathbf{DOк_{ij}} \right) \bigcup \mathbf{Dи_i} \; ;$$

$\mathbf{Tok_{ij}}$ – трудоемкость изготовления объекта конфигурации $\mathbf{Ок_{ij}}$:

$$\forall \mathbf{i} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ри}|} : \mathbf{T_i} = \mathbf{Tи_i} + \sum_{\mathbf{j=1}}^{|\mathbf{Ок_i}|} \mathbf{Tок_{ij}} \; ;$$

$\mathbf{Rок_{ij}}$ – множество других видов расходов на проектирование $\mathbf{Ок_{ij}}$:

$$\forall \mathbf{i} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ри}|} : \mathbf{R_i} = \mathbf{Rи_i} + \sum_{\mathbf{j=1}}^{|\mathbf{Ок_i}|} \mathbf{Rок_{ij}} \; ;$$

$\mathbf{Тн_{ij}}$, $\mathbf{Тк_{ij}}$ – время начала и окончания проектирования $\mathbf{Ок_{ij}}$; $\mathbf{Dи_i}$ – множество всех документов, непосредственно связанных с проектированием *i-го* изделия; $\mathbf{Tи_i}$ и $\mathbf{Rи_i}$ – трудоемкость и другие виды расходов, непосредственно связанные с проектированием *i-го* изделия.

Пример конфигурации станка класса ШлПС, выпускаемого на одном из предприятий Костромской области, приведен на рисунке 1.

Таким образом, становится возможным определение времени проектирования *i-го* изделия:

$$\forall \mathbf{i} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ри}|} : \mathbf{Tв_i} = \sup_{\substack{\mathbf{x}=\overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ок_i}|} \\ \mathbf{y}=\overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ок_i}|}}} \left(\mathbf{Tк_{ix}} - \mathbf{Tн_{iy}} \right),$$

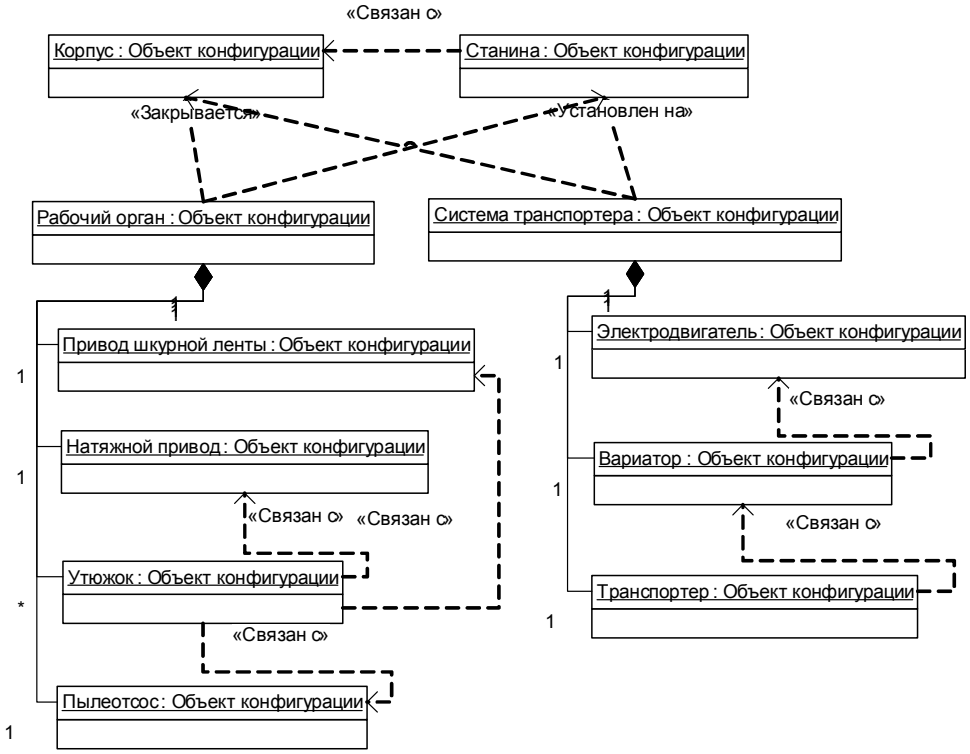


Рис. 1. Архитектура станка класса ШлПС

Для этого необходимо определить количество специалистов различного профиля, входящих в проектные группы: $\mathbf{ПГ_{ij}} = \left\langle \mathbf{РГ_{ij}}, \mathbf{Мс_{ij}} \right\rangle \Big| \, \mathbf{i} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ри}|}, \mathbf{j} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ок_i}|}$, где $\mathbf{РГ_{ij}}$ – руководитель проектной группы $\mathbf{ПГ_{ij}}$; $\mathbf{Мс_{ij}}$ – множество специалистов различного профиля, входящих в проектную группу $\mathbf{ПГ_{ij}}$:

$$\mathbf{Мс_{ij}} = \left\{ \left\langle \mathbf{Пс_{ijk}}, \mathbf{Кс_{ijk}}, \mathbf{Тс_{ijk}} \right\rangle \Big| \, \mathbf{k} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Мс_{ij}}|} \right\}:$$
$$\mathbf{i} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ри}|}, \mathbf{j} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ок_i}|},$$

где $\mathbf{Пс_{ijk}}$ – профиль соответствующих специалистов; $\mathbf{Кс_{ijk}}$ – количество специалистов соответствующего профиля, входящих в проектную группу; $\mathbf{Тс_{ijk}}$ – время выполнения *k-го* вида проектных работ для $\mathbf{Ок_{ij}}$:

$$\forall \mathbf{i} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ри}|}, \forall \mathbf{j} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ок_i}|} : \mathbf{Ток_{ij}} \approx \sum_{\mathbf{k=1}, |\mathbf{Мс_{ij}}|} \left(\mathbf{Тс_{ijk}} \cdot \mathbf{Кс_{ijk}} \right);$$

$$\forall \mathbf{i} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ри}|}, \forall \mathbf{j} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ок_i}|} : \mathbf{Тк_{ij}} \approx \mathbf{Тн_{ij}} + \sum_{\mathbf{k=1}, |\mathbf{Мс_{ij}}|} \mathbf{Тс_{ijk}} .$$

Таким образом, целью календарного планирования является определение для каждого ОК числа проектировщиков, необходимого для достижения максимального сокращения сроков проектирования всего *i-го* изделия, а именно: $\forall \mathbf{i} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ри}|} : \mathbf{Тв_i} \to \mathbf{min}$. При решении данной задачи необходимо учитывать:

– для проектирования любого ОК может быть задействовано только ограниченное число проектировщиков:

$$\forall \mathbf{i} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ри}|}, \forall \mathbf{j} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ок_i}|}, \forall \mathbf{k} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Мс_{ij}}|} :$$
$$\left(\mathbf{Мн}\left(\mathbf{Ок_{ij}}, \mathbf{Пс_{ijk}}\right) \le \mathbf{Кс_{ijk}} \le \mathbf{Мх}\left(\mathbf{Ок_{ij}}, \mathbf{Пс_{ijk}}\right) \right),$$

где $\mathbf{Мн(Ок_{ij}, Пс_{ijk})}$, $\mathbf{Мх(Ок_{ij}, Пс_{ijk})}$ – минимальное и максимальное количество специалистов профиля $\mathbf{Пс_{ijk}}$, необходимое для проектирования $\mathbf{Ок_{ij}}$;

– штатное расписание предприятия также ограничивает число одновременно задействованных специалистов:

$$\forall \mathbf{i} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ри}|}, \forall \mathbf{j} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ок_i}|}, \forall \mathbf{k} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Мс_{ij}}|} :$$
$$\sum_{\substack{\mathbf{x=1}, |\mathbf{Ок_i}|, \\ \mathbf{y=1}, |\mathbf{Мс_{ij}}|, \\ \mathbf{Тн_{ij}=Тн_{ix} \vee Тн_{ij}=Тк_{ix}}, \\ \mathbf{Пс_{ijk}=Пс_{ixy}}}} \mathbf{Кс_{ixy}} \le \mathbf{Кол}\left(\mathbf{Пс_{ijk}}\right),$$

где $\mathbf{Кол(Пс_{ijk})}$ – количество специалистов профиля $\mathbf{Пс_{ijk}}$ на предприятии;

– при планировании процессов проектирования необходимо учитывать связи, ранее определенные при построении архитектуры изделия:

$$\mathbf{Св_{ij}} = \left\langle \mathbf{ОКб_{ij}}, \mathbf{ОКо_{ij}}, \mathbf{Тсв_{ij}} \right\rangle \Big| \, \mathbf{i} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ри}|}, \mathbf{j} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Св_i}|}$$
$$\forall \mathbf{i} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ри}|}, \forall \mathbf{j} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Св_i}|}, \exists \mathbf{x}, \mathbf{y} = \overline{\mathbf{1}, |\mathbf{Ок_i}|} :$$
$$\begin{pmatrix} \mathbf{ОКб_{ij}} = \mathbf{Ок_{ix}} \wedge \mathbf{ОКо_{ij}} \subseteq \mathbf{Ок_{iy}} \wedge \\ \wedge \mathbf{Тк_{ix}} \le \mathbf{Тн_{iy}} \end{pmatrix},$$

где $\mathbf{ОКб_{ij}}$ – образующий элемент связи $\mathbf{Св_{ij}}$; $\mathbf{ОКо_{ij}}$ – второй элемент связи $\mathbf{Св_{ij}}$; $\mathbf{Тсв_i}$ – тип образуемой связи $\mathbf{Св_{ij}}$.

В соответствии с полученной моделью был разработан обобщенный алгоритм планирования процессов КТПП:

1. Оценка важности каждого ОК в изделии, выбор формы контроля качества проектных работ при его разработке, определение максимального количества итераций цикла его проектирования.

2. Определение «внешних» (по отношению к ОК) контрольных точек и формирование «внешних» итерационных циклов проектирования через:

– формирование квазиоптимального плана выполнения проектных работ при заданном количестве специалистов, для чего был использован «жадный» (GRASP) алгоритм с применением FFD (*первоначально располагают в убывающем порядке*) эвристики;

– определение квазиоптимального распределения проектировщиков для разработки ОК изделия, решаемая методом пошагового улучшения (рис. 2) первоначального плана, в котором для каждого ОК каждый вид работ выполняет только один проектировщик.

3. Определение количества задействованных проектировщиков.

4. Назначение непосредственных исполнителей проектирования ОК изделия, формирование проектных групп.

Предлагаемый алгоритм был опробован при планировании проектных работ для станка ШлПС-9 (рис. 1), в результате чего был сформирован сетевой план, представленный на рисунке 3. Проведенный экспертный анализ полученных результатов показал высокую эффективность предлагаемой системы, что позволяет рекомендовать ее для внедрения в условия мелкосерийных машиностроительных предприятий.

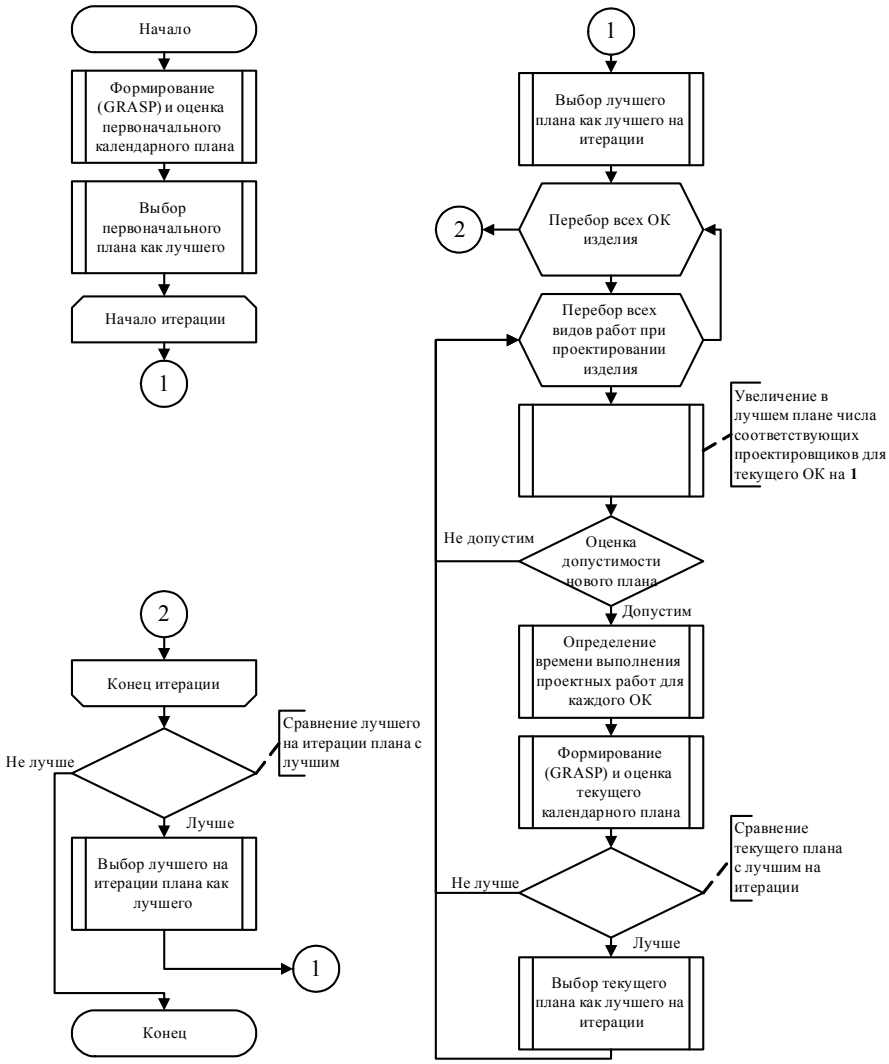


Рис. 2. Схема алгоритма формирования сетевого плана проектных работ

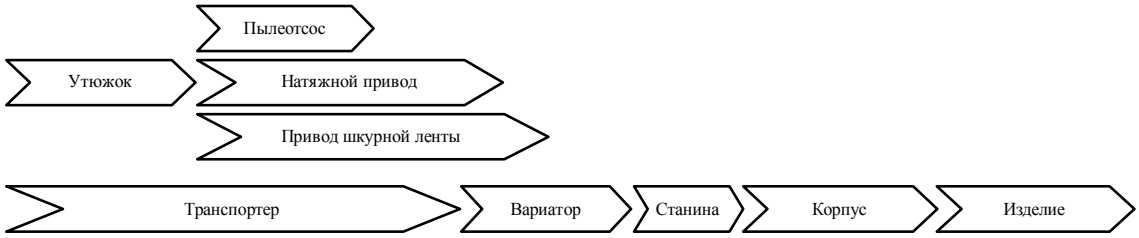


Рис. 3. Схема расчета критического пути проектирования станка ШлПС-9

Библиографический список

1. *Народнохозяйственные* последствия присоединения России к ВТО: доклад национального инвестиционного совета и Российской академии наук. – 2002. – [Электр. ресурс]. – Режим доступа: http://www.tpprf.ru/img/uploaded/200208151141159 2.zip

2. *ГОСТ Р ИСО 10006–2005*. Системы менеджмента качества. Руководство по менеджменту качества при проектировании. – М., 2005.

3. Костров А.В. Основы информационного менеджмента: учеб. для вузов.– 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2008. – 512 с.

4. *Яблочников Е.И.* Реинжиниринг бизнес-процессов проектирования и производства: учеб. пособие / Е.И. Яблочников, В.И. Молочник, Ю.Н. Фомина. – СПб.: СПбГУИТМО, 2008. – 152 с.

5. *ГОСТ 2.103–68*. ЕСКД. Стадии разработки. – М., 1971.

6. *Стародубов В.* Управление конфигурацией: задачи, стандарты и реализация // CAD/CAM/CAE Observer. – 2006. – №4 (28).– С. 30–33.

7. Теория и методы управления конфигурацией [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.cals.ru/material/mater/UK.pdf

8. MIL-HDBK-61. Military handbook. Configuration management guidance. – 1997. – 205 p.

УДК 004.735: 007.3

Монахов Юрий Михайлович
кандидат технических наук
Абрамов Константин Германович
Владимирский государственный университет

МОДЕЛИРОВАНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕЖЕЛАТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

В данной работе представлены результаты экспериментального исследования распространения нежелательной информации в социальных медиа. Рассматриваются классификации топологий социальных сетей, выявлены параметры для соотнесения топологии реальной сети с одним из классов. Предлагается алгоритм нахождения перколяционного кластера.

Ключевые слова: *социальные сети, моделирование, перколяционный кластер, алгоритм.*

В настоящее время существуют множество факторов, способствующих появлению массового распространения нежелательной информации в социальных медиа. Задача противодействия этим явлениям крайне актуальна, очень сложна и имеет множество аспектов, одним из которых является моделирование и методы предсказания. Самым простым подходом является использование классических эпидемиологических моделей, разработанных еще в XIX веке для изучения эпидемий инфекционных заболеваний и основанных на системах дифференциальных уравнений. Однако эти модели достаточно примитивны и не учитывают некоторых особенностей процесса. Существующие модели распространения обладают многими недостатками, разработка новых моделей актуальна и необходима для предсказания характера эпидемий и противодействия им.

Из анализа текущего состояния исследований в этой области [1; 3] можно сделать вывод о необходимости уточнения математических моделей распространения нежелательной информации. Для достижения поставленной цели нужно решить следующие задачи:

– составление набора моделей топологий сетей, предположительно применимых в рамках текущей проблемы;

– получение топологии участка реальной социальной сети;

– выявление классификационных признаков, достаточных для определения типа топологии социальной сети;

– определение модели топологии участка реальной социальной сети;

– получение результатов моделирования на реальной топологии;

– получение аналитического решения для SIR модели с учетом топологии сети;

– определение и проведение анализа перколяционного кластера.

В своих работах исследователи приводят различные классификации сетевых топологий и характерные для них свойства. По одной из классификаций [4], существует три класса сетей «тесного мира»: широкомасштабные сети, одномасш-

© Монахов Ю.М., Абрамов К.Г, 2011

табные сети и безмасштабные сети. Первый тип характеризуется функцией распределения степеней связности, которая представляет собой смесь степенного закона и экспоненциального распределения. Для графов второго типа характерно резкое распределение, которое означает, что узлы с очень высокой степенью связности отсутствуют. Одним из таких примеров является модель Уоттса-Строгатца. Наконец, безмасштабные сети (SF) строго описываются степенным законом распределения; подразумевается, что вероятность наличия узлов с большой степенью связности достаточно высока. Наиболее популярный пример SF сети – модель Барабаши и Альберт (BA).

В рамках исследования авторами были получены топологические данные об участке социальной сети Facebook размером 6927 узлов.

Определим признаки, по которым будем классифицировать полученную топологию социальной сети [3]:

– *число связей в сети из N узлов* – число всех возможных связей между N узлами;

– *средняя длина пути l* – средняя длина пути между всевозможными парами вершин;

– *распределение степеней вершин* – зависимость для узла k_i вероятности того, что узел будет иметь степень k, от числа вершин, с которыми соединен i-й узел;

– *коэффициент кластеризации* определяется как вероятность того, что два узла, связанных с данным узлом, также связаны между собой.

$$C_i = \frac{E_i}{\frac{1}{2}k_i(k_i - 1)}, \qquad (1)$$

где k_i – число вершин, с которыми соединен данный узел, E_i – общее число связей, между k_i узлами. Общий коэффициент кластеризации для сети из N узлов будет равен $C = \frac{1}{N}\sum_i Ci$.

Наиболее универсальными моделями влияния представляются классические эпидемиологические модели. Необходимо определиться с эпидемиологической моделью, которую мы будем использовать. Наиболее известные математические модели для исследования распространения вредоносного программного обеспечения следующие: модель SI, модель SIR, модель SIS, модель PSIDR, модель AAWP, модель SIM. Каждая из моделей имеет свою специфику, и ни одна из моделей не может претендовать на звание универсальной. В данной работе в качестве исходной модели мы будем использовать SIR модель.

Авторы провели сопоставление функций распределения степеней связности узлов участка рассматриваемой сети и сетей вида «тесный мир» (small world), безмасштабных сетей (scale-free), а также графов Эрдёша-Реньи. Для сетей вида «тесный мир» и графов Эрдёша-Реньи распределение степеней вершин можно аппроксимировать пуассоновским: $p(k) \approx e^{-pN}\frac{(pN)^k}{k!}$, а для безмасштабных сетей – степенным распределением: $p(k) \approx k^{-\alpha}$. В рассматриваемой сети 6927 узлов. Из них часть узлов связана с несколькими другими, часть – с единственным узлом. Таким образом, максимальное число связей для одного узла составляет 507, минимальное – 1. Полученный график представлен на рисунке 1 (а, б).

Известно, что для безмасштабных сетей характерно наличие ярко выраженных наиболее свя-

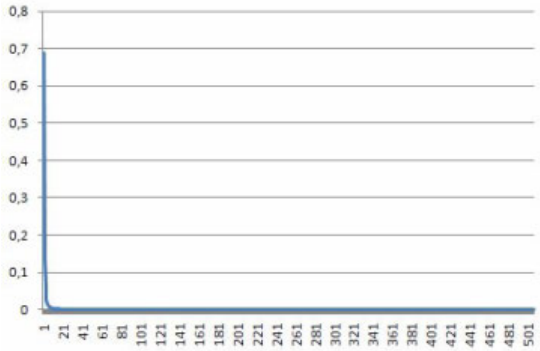


Рис. 1а. Вероятность указанного числа смежных узлов

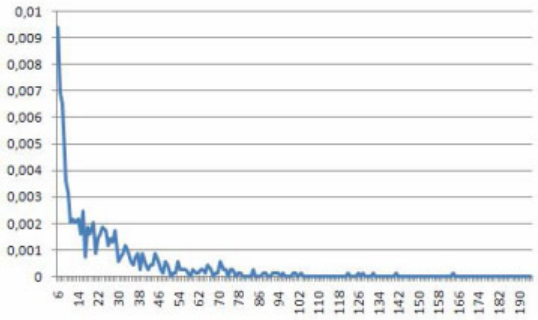


Рис. 1б. Вероятность указанного числа смежных узлов на отрезке [6, с. 195]

занных узлов и узлов, соединенных лишь с несколькими вершинами. Можно предположить, что рассматриваемая сеть именно безмасштабная. Чтобы проверить это, были рассчитаны вероятности наличия того или иного числа связей для каждого узла.

Результаты анализа показывают, что полученный набор данных возможно с достаточной точностью (Δ=0,01) аппроксимировать экспоненциальной функцией. Таким образом, характер распределения степеней связности узлов для участка социальной сети позволяет отнести данную сеть к безмасштабным.

В SF-сетях возможно образование перколяционного кластера (большой связной компоненты). В понимании авторов, перколяционный кластер представляет собой совокупность связных между собой узлов с высоким кластерным коэффициентом. Алгоритм поиска кластера состоит из следующих шагов:

1) для всех узлов в сети высчитывается кластерный коэффициент по формуле (1);

2) задается пороговый коэффициент, значение которого должно находиться между максимальным и минимальным значениями коэффициентов в заданной сети;

3) берется узел с наибольшим значением кластерного коэффициента, и от этого узла через его соседей начинаем рекурсивно формировать кластер. В кластер включаются только те узлы, значение кластерного коэффициента которых выше порогового.

Авторами была выдвинута следующая гипотеза. В ходе процесса распространения нежелательной информации в социальной сети скорость распространения будет коррелировать с количеством узлов в перколяционном кластере.

Для подтверждения или опровержения данной гипотезы было проведено имитационное моделирование. Для того чтобы проследить динамику изменения узлов в перколяционном кластере, использовался следующий алгоритм:

1) если в ходе процесса в перколяционном кластере иммунизируется узел, то этот узел «выбрасывается» из сети;

2) пересчитываются кластерные коэффициенты для оставшихся узлов в перколяционном кластере;

3) если у узла из перколяционного кластера коэффициент падает ниже порогового, то данный узел «выбрасывается» из сети.

В настоящее время проводятся эксперименты по выявлению зависимости между количеством узлов в кластере и инфицированных узлов. В результате работы планируется создать аналитическую модель распространения нежелательной информации в социальных медиа. Эта модель позволит повысить устойчивость социальных медиа к распространению нежелательной информации путем недопущения ее дальнейшей передачи ключевыми участниками сетей.

Библиографический список

1. *Груздева Л.М., Монахов М.Ю.* Алгоритм оптимизации функционирования распределенной системы защиты // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2008. – №2. – С. 80–82.

2. *Жаринов И.В., Крылов В.В.* Конструирование графов с минимальной средней длиной пути // Вестник Ижевского государственного технического университета. – 2008. – №4. – С. 164–169.

3. *Монахов М.Ю., Груздева Л.М.* Алгоритм раннего обнаружения атак на информационные ресурсы АСУП // Автоматизация в промышленности. – 2008. – №3. – С. 12–14.

4. *Leveille J.* Epidemic Spreading in Technological Networks // M. Sc. Thesis, HP Labs. – Bristol, 2002. – 100 pp.

УДК 616.079: 004.93.12

Амар Али Азази,
Марголис Борис Иосифович
доктор технических наук,
Тверской государственный технический университет
borismargolis@yandex.ru

СИСТЕМА ОБРАБОТКИ И РАСПОЗНАВАНИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ СЛОЖНЫХ КРИВЫХ

В статье описывается информационная система, предназначенная для автоматизации распознавания сложных изображений в дерматоглифических исследованиях. Рассмотрены методы компьютерной обработки отпечатков ладоней и пальцев, используемые в системе.

Ключевые слова: *информационная система, компьютерная обработка, распознавание изображений.*

Распознавание изображений сложных кривых имеет высокую актуальность на современном этапе развития методов идентификации личности. Для многих задач медицины важное значение имеет дерматоглифическое исследование, задача которого состоит в выделении классификационных признаков заболевания на основе изучения отпечатков ладоней и пальцев. Индивидуальное многообразие структур папиллярного рельефа чрезвычайно велико. Однако, несмотря на большое разнообразие, отдельные элементы дерматоглифики поддаются группировке в относительно небольшое число классов, что упрощает их анализ. Исследования показали, что основными признаками для диагностики являются: тип узора дистальных фаланг пальцев, ориентация пальцевого узора, пальцев, общий гребневой счёт, ладонный угол atd.

Таким образом, для принятия решения и диагностики предрасположенности пациента к заболеваниям определенного типа требуется выделить и распознать сложные изображения элементов дерматоглифики. Помимо того, что эта задача трудоемкая и утомительная, она требует наличия квалифицированных специалистов, способных уверенно распознавать эти элементы. Применение методов компьютерной обработки изображений способно существенно повысить скорость проведения диагностики на основе дерматоглифического исследования и способствовать его широкому внедрению. В данной статье рассмотрены методы, используемые при создании системы для автоматизации распознавания сложных изображений.

Процесс дерматоглифического анализа содержит три основные стадии обработки дактилокарты: сканирование и обработка изображения; анализ и распознавание типа изображения с индивидуальными особенностями; постановка диагноза на основании выявленных дерматоглифических признаков.

В процессе сканирования дерматоглифических изображений возможно появление дефектов, что приводит к значительным ошибкам при определении классификационных признаков.

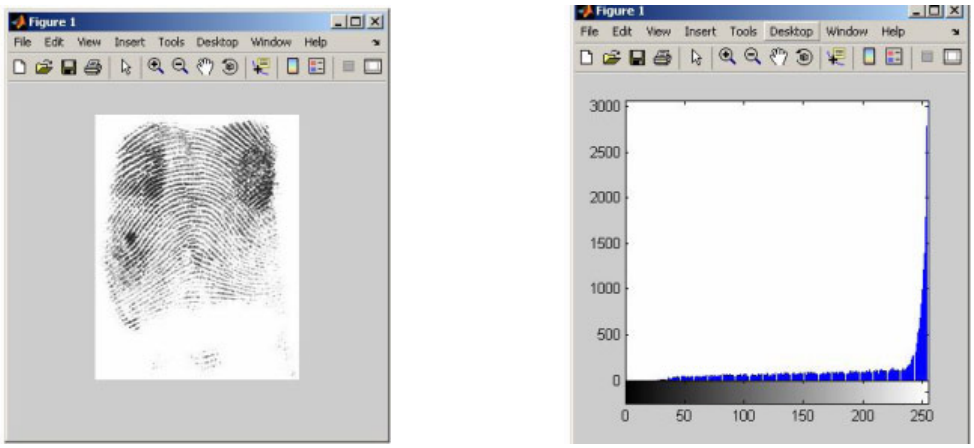
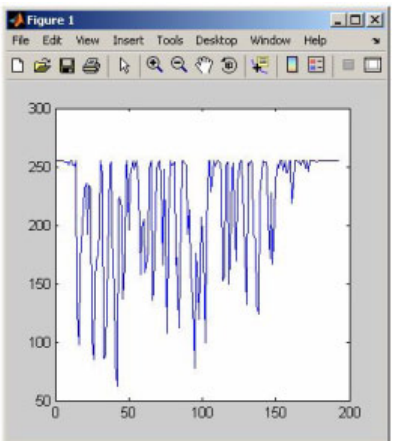


Рис. 1. Исходное изображение и гистограмма

 © Амар Али Азази, Марголис Б.И., 2011



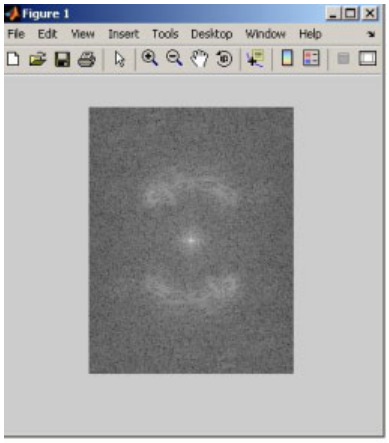


Рис. 2. Реализация случайной функции и спектр Фурье

Для улучшения изображений используются методы обработки в пространственной области (пространственные методы) и методы обработки в частотной области (частотные методы). Пространственные методы основаны на прямом манипулировании элементами изображения. Главную роль при улучшении изображений и сегментации играет информация, извлекаемая из гистограмм яркости. Типичная гистограмма пальцевого узора приведена на рисунке 1.

Основными методами пространственной обработки являются методы градационных преобразований, методы гистограммной обработки, сглаживающие пространственные фильтры и пространственные фильтры, основанные на первой и второй производных.

Частотные методы основаны на двумерном дискретном преобразовании Фурье, которое обеспечивает значительную гибкость при разработке и реализации алгоритмов фильтрации при решении задач улучшения изображений. Визуальный анализ спектра существенно помогает при использовании инструментов анализа изображений в частотной области. На рисунке 2 приведен спектр Фурье для исходного изображения, приведенного на рисунке 1.

Также улучшения изображений можно добиться с помощью его морфологической обработки, используя операции замыкания и размыкания.

Следующим этапом обработки является бинаризация изображения. Сущность бинаризации заключается в разбиении полутоновых изображений на две области, одна из которых содержит все пиксели со значением ниже некоторого порога, а другая – выше этого порога.

Для дальнейшего анализа изображения с целью выделения классификационных признаков используется процедура утончения, которая сокращает двоичные объекты до отдельных линий, которые имеют толщину в один пиксель. Процедура утончения основывается на методах морфологической обработки изображения, используя операции дилатации, эрозии, а также поисковые таблицы.

Базы данных текстурных изображений, используемые в целях анализа и распознавания, содержат либо полное представление эталона, либо сжатое интегральное описание топологических свойств изображений. Соответственно, процедуры распознавания основаны на методе сравнения с эталоном либо на дискриминантных решающих правилах в выбранном пространстве признаков. Эффективным методом решения данной задачи является согласованная фильтрация, основанная на корреляционном сопоставлении.

Определенные в процессе обработки изображения дескрипторы являются классификационными признаками, на которых строится определение предрасположенности пациента к заболеванию сахарным диабетом. Для классификации используется байесовский подход.

Методы обработки дерматоглифических изображений, получения дескрипторов и классификации заболевания составляют основу информационной системы, предназначенной для автоматизации дерматоглифических исследований и выявления предрасположенности пациента к заболеванию. Структура информационной системы представлена на рисунке 4.

Данная система реализует описанные выше методы компьютерной обработки изображений

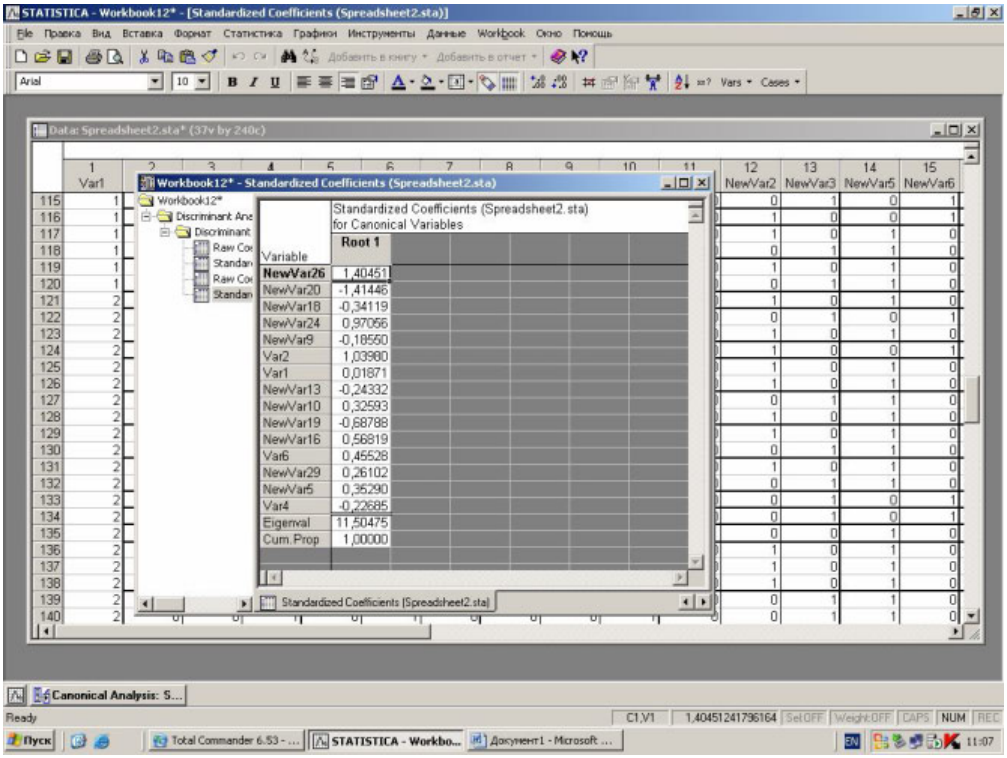


Рис. 3. Окно определения параметров дискриминационной функции

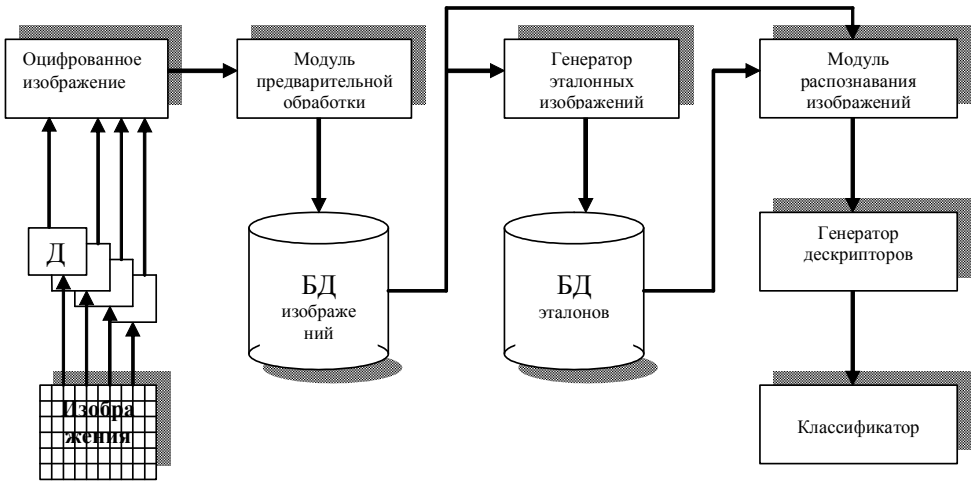


Рис. 4. Структура информационной системы обработки сложных изображений

и имеет модульную структуру. Модули предварительной обработки и распознавания изображений реализуют следующие функции:

– определение качества изображения и его корректировка;

– бинаризация изображения;

– ориентация изображения и его нормализация;

– морфологический анализ и выделение отдельных элементов изображения (ладонных линий);

– истончение (скелитизация) изображения для определения количественных показателей, таких как гребневый счет.

Последовательность обработки изображений определяется сценарием дерматоглифического анализа и управляется программой – супервизором, составляющим ядро информационной системы. Модули обработки изображения, формирования дескрипторов и диагностики подключаются последовательно по мере выполнения алгоритма анализа. Этап обработки изображений заканчивается генерацией классификационных признаков, на основе которых делается вывод о предрасположенности пациента к заболеванию. База данных системы содержит сведения о пациентах и цифровые изображения отпечатков ладоней правой и левой руки, а также цифровые изображения эталонов (масок), необходимых для поиска необходимых фрагментов.

Система реализована в среде *MATLAB* с использованием пакетов расширения *Image Processing Toolbox* и *Database Toolbox*. Для классификации в данном случае использовался пакет статистического анализа *Statistica*. В дальнейшем для этой цели будет использоваться *MATLAB*.

Библиографический список

1. *Рогачева Е.А.* Особенности дерматоглифики у больных сахарным диабетом 1 типа // Успехи современного естествознания. – 2009. – №6. – С. 18–19.

2. *Якушева М.Ю., Сарапульцев П.А., Трельская Н.Ю.* и др. Выявление генетической предрасположенности к возникновению сахарного диабета 2-го типа // Эфферентная терапия. – 2007. – Т. 13. – №4. – С. 9–13.

3. *Гонсалес Р., Вудс Р., Эддинс С.* Цифровая обработка изображений в среде MATLAB. – М.: Техносфера, 2006. – 616 с.

4. *Визельтер Ю.В., Желтов С.Ю., Князев В.А.* и др. Обработка и анализ цифровых изображений. – М.: ДМК Пресс, 2007. – 464 с.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

УДК 579+544.653.3

Гарасько Екатерина Владимировна
доктор медицинских наук
Ивановская государственная медицинская академия
garasko@mail.ru
Чуловская Светлана Альбертовна
кандидат химических наук
Институт химии растворов РАН (Иваново)
smk@isc-ras.ru
Парфенюк Владимир Иванович
доктор химических наук
Институт химии растворов РАН (Иваново)
vip@isc-ras.ru

БИОЦИДНЫЕ СВОЙСТВА НАНОРАЗМЕРНЫХ ЧАСТИЦ СЕРЕБРА

В статье показаны возможности применения наноразмерных частиц серебра для модификации традиционных медицинских материалов с целью придания им эффективных биоцидных свойств. Применяемые в исследовании наноразмерные частицы серебра получены методом катодного восстановления из водно-органических растворов электролитов.

Ключевые слова: *нанотехнологии, электролиз, наноразмерные порошки серебра, биоцидные свойства.*

В последнее десятилетие наноматериаловедение получило широкое развитие. Наноструктурные композиции, составляющие элементы которых не превышают размер ~ 100 нм хотя бы в одном направлении, обладают совершенно новыми, отличными от соответствующих конденсированных тел функциональными характеристиками [5, с. 454; 6, с. 365; 7, с. 288] и имеют большие возможности для продуктивного развития многих областей науки и техники. В частности, в медицине для создания санитарно-гигиенических средств нового поколения: имплантантов, адгезинов, систем для доставки лекарств, антибактериальных покрытий для биомедицинских приборов и противомикробных упаковок [3, с. 116–119; 1, с. 84].

Нами [9, с. 58–63; 10, с. 282–286.] разработан метод электрохимического катодного восстановления наноразмерных порошков различных металлов из водно-органических растворов электролитов, позволяющий, при правильно выбранных условиях синтеза, направленно регулировать размерные параметры частиц. Высокодисперсные порошки могут быть получены на предельных плотностях тока в присутствии поверхностно-активных добавок. Электролитически полученные порошки отличаются чистотой и развитой удельной поверхностью.

В представленной работе показаны возможности применения синтезированных наночастиц серебра для модификации традиционных медицинских материалов с целью придания им высоких биоцидных свойств.

Электроосаждение серебра проводили из водно-этанольных растворов нитрата серебра ($AgNO_3$) в стеклянной электрохимической ячейке в потенциостатическом режиме [8, с. 1298–1302]. В качестве катода использовали серебряную проволоку. Анодом являлась титановая основа с нанесенным слоем из диоксида рутения RuO_2 и диоксида титана TiO_2. Форма анодов и катода выбраны таким образом, чтобы обеспечивалось равномерное распределение тока по поверхности катода. Для приготовления электролита использовали реактивы квалификации «хч».

Размер частиц серебра определяли из микрофотографий, полученных на просвечивающем электронном микроскопе ЭМВ-100 Л в режиме высокого разрешения. Для построения гистограмм, характеризующих дисперсный состав порошков, делали электронные микроснимки разных участков образца при многочисленных увеличениях.

Рентгенограммы снимали на дифрактометре ДРОН – 3М с использованием Cu-Kα излучения. Качественный состав НРПС определяли путем сопоставления межплоскостных расстояний дифрактограмм исследуемого порошка со справочными данными [4, с. 863].

Антибактериальное действие медицинских материалов с наночастицами серебра, а также

 © Гарасько Е.В., Чуловская С.А., Парфенюк В.И., 2011

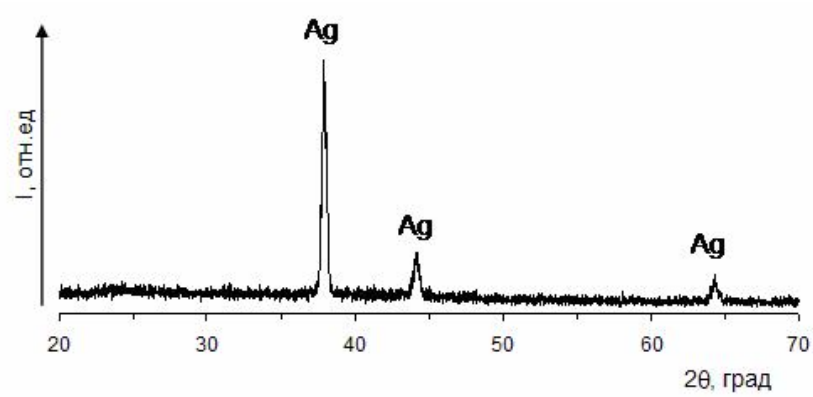


Рис. 1. Рентгенограмма наноразмерного порошка серебра

листовой серебряной фольги толщиной 0,3 мм изучали на грамположительных прокариотах (фирмикутных бактериях) рода *Staphylococcus*. В качестве тест-микроба использовали типовой вид рода *Staphylococcus – Staphylococcus aureus*, ассоциированный с кожными покровами и слизистыми оболочками, способный вызывать оппортунистические инфекции.

При исследовании биоактивности образцов использованы методы, предложенные для установления антимикробной активности антисептиков, нанесенных на текстильные материалы путем пропитки [2, с. 223].

Суточную культуру тест-штамма смывали физиологическим раствором и подводили под оптический стандарт мутности, соответствующий 5 единицам (500 млн. микробных клеток в 1 мл). Из исходной стандартной взвеси готовили десятикратные разведения, достигая рабочей концентрации 1000 микробных клеток в 1 мл.

Испытания образцов на бактерицидность проводили в двух вариантах по ниже представленной методике.

По первому варианту – посев «газоном» – в чашки Петри с мясо-пептонным агаром вносили 1,0 мл тест-культуры, сверху помещали испытуемые образцы размером 10×10 мм. Чашки Петри инкубировали 24 часа в термостате при 37^0С. Об антимикробной активности испытуемых образцов судили по степени угнетения роста микроорганизмов (зона ингибиции до 10 мм – отсутствие биоактивности, 11–15 мм – слабая активность, 15–25 – выраженная активность; зона, превышающая 25 мм, свидетельствует о высокой антимикробной активности).

Для выявления пролонгированного действия наночастиц серебра на микроорганизмы в ходе эксперимента через 24 часа инкубации в термостате чашки выдерживали еще 24 часа при комнатной температуре, затем испытуемые образцы снимали с поверхности инфицированного агара и длительно выдерживали чашки Петри при комнатной температуре, фиксируя изменения результатов на 7-е, 14-е сутки и т.д.

По второму варианту аналогично методике определения чувствительности микроорганизмов к антибиотикам в жидкой питательной среде испытуемые образцы помещали в пробирки с 9,0 мл мясо-пептонного бульона и 1,0 мл тест-культуры взвеси микроорганизмов (посевная доза 1000 клеток в 1 мл). Пробирки инкубировали при температуре 37^0С 24 часа и выдерживали в течение суток при комнатной температуре. Учет результатов включал определение коэффициентов пропускания и оптической плотности раствора в пробирках с исследуемыми и контрольными образцами на колориметре фотоэлектрическом концентрационном КФК-2. Затем для подтверждения наличия бактерицидных свойств у исследуемых образцов проводился высев из всех пробирок на чашки Петри с желточно-солевым агаром (ЖСА) для подсчета выросших колоний и определения колониеобразующих единиц (КОЕ).

Таблица 1

Биоактивность и значения зон ингибиции роста (мм) исследуемых образцов в отношении *St. aureus*.

Биоактивность	Образцы				
	a	b	c	d	f
отсутствует	1	3			
выраженная			15		
высокая				38	35

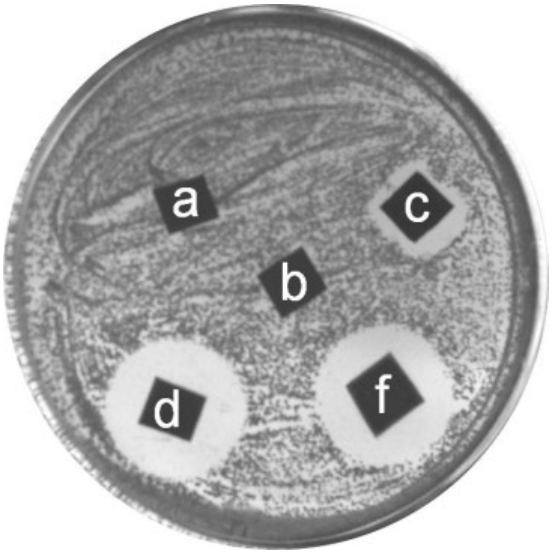


Рис. 2. Снимки исходных перевязочных материалов (a, b), серебряной фольги (c) и модифицированных медьсодержащими порошками (d, f) после воздействия на бактериальный газон со штаммами *St. aureus* на плотной питательной среде

Для исследований биоактивности применены наноразмерные частицы серебра (НРЧС), полученные электровосстановлением из водно-этанольных растворов нитрата серебра со средним размер частиц ~ 100 нм [8, с. 1298–1302]. Из анализа значений межплоскостных расстояний, соответствующих различным положениям максимумов на дифрактограмме (рис. 1), следует, что в состав полученного вещества входят только частицы серебра.

Результаты исследования биоактивности (табл. 1) показали, что чистые различные медицинские материалы (образцы a, b), металлическое серебро (образец c) и модифицированные наноразмерными частицами серебра материалы (образцы d, f) ведут себя по-разному.

Как представлено на рисунке 2, немодифицированные образцы (a, b) не проявляют антимикробной активности в отношении тест-культуры *St. aureus*. Химически чистое металлическое серебро (c) хотя и имеет выраженную биоактивность, но зона подавления роста тест-бактерий у образца значительно меньше, чем у материалов, модифицированных НРЧС, имеющими высокую биоактивность (d, f).

Данный вариант испытаний рассматривается как модель развивающегося инфекционного процесса, включающего его начальный этап – адгезию микроорганизмов на поверхности кожи или слизистых и возможность ингибирования этого этапа для предотвращения развития инфекционного процесса с целью профилактики инфекции. В этой связи следует отметить, что преимущество НРЧС перед остальными обеззараживающими реагентами заключается в том, что их бактерицидное действие сохраняется в течение длительного времени.

В настоящем исследовании выявлено пролонгированное бактерицидное действие наноразмерных частиц серебра. Установлено, что при диффузии в течение 24–48 часов в питательный агар наночастиц серебра из образцов модифицированных материалов антимикробное действие сохраняется длительное время после их удаления. В зоне задержки роста и на месте удаленных нанообразцов не отмечается рост микробов, тогда как на месте немодифицированных образцов питательный агар быстро инфицируется.

Результаты микробиологических исследований биоактивности исследуемых образцов на плотной питательной среде коррелируют с результатами оценки биоактивности в жидкой питательной среде (табл. 2) с последующим высевом (рис. 3).

Как видно из представленных данных, металлическое серебро (c) в жидкой питательной среде проявляет биоактивность и значительное подавление роста тест-культуры. Наночастицы серебра проявляет высокую биоактивность и полное подавление тест-культуры (d, f). Коэффициент пропускания в пробирках с данными образцами

Таблица 2

Влияние наноразмерных порошков серебра на выживаемость *St. Aureus* в жидкой питательной среде

Показатели	Образцы				
	a	b	c	d	f
коэффициент пропускания, %	72	75	83	98	96
КОЕ/мл	1000>	1000>	<100	<10	<5

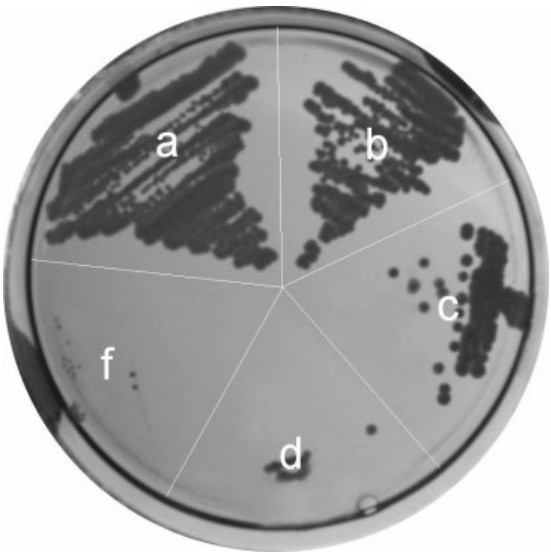


Рис. 3. Демонстрация воздействия испытуемых образцов на штаммы *St. Aureus* после высева из жидкой питательной среды

был максимальным (табл. 2). Отсутствие роста при высеве из жидкой питательной среды подтверждает биоактивность исследуемых НРЧС (рис. 3).

Этот вариант испытаний можно рассматривать как модель уже развившегося инфекционного процесса, включающего размножение микроорганизмов в ране и накопление условно-патогенных микроорганизмов в раневом отделяемом подлежащих тканей в диагностически значимом количестве (КОЕ = 10^3 и выше). Именно такое количество тест-микробов (1000 и >) содержалось в жидкой питательной среде при внесении в нее испытуемых образцов и было практически полностью инактивировано.

Таким образом, показано, что с применением данной методики получены более точные результаты, подтверждающие гибель тест-микробов в жидкой среде с наноразмерными частицами серебра. Это весьма существенно при антибиотикорезистентности возбудителей раневой инфекции, при лечении трофических язв и др.

Выводы

1. Применение серебра в наноразмерной форме позволяет в сотни раз снизить концентрацию серебра с сохранением бактерицидных свойств химически чистого металлического серебра.

2. Большая удельная площадь поверхности увеличивает область контакта наночастиц серебра с микроорганизмами, улучшая его бактерицидные свойства.

3. Новая форма серебра в виде наночастиц открывает широкие возможности для создания эффективных медицинских материалов с повышенной биоактивностью.

Библиографический список

1. *Алексеева О.В., Чуловская С.А, Багровская Н.А., Гарасько Е.В.* и др. Физико-химические и антимикробные свойства пленочных нанокомпозитов на основе гидроксиэтилцеллюлозы // Жидкие кристаллы и их практическое использование. – 2007. – № 22. – С. 84.

2. *Вольф Л.А., Меос А.И.* Волокна специального назначения. – М.: Химия, 1971. – 223 с.

3. *Гарасько Е.В., Тесакова М.В., Чуловская С.А., Парфенюк В.И.* Применение наноразмерных медьсодержащих порошков в качестве эффективных биоцидных препаратов // Изв. вузов. Химия и хим. технология. – 2008. – № 8. – С. 116–119.

4. *Миркин Л.И.* Справочник по рентгеноструктурному анализу поликристаллов. – М.: Физматиздат, 1961. – 863 с.

5. *Рамбиди Н.Г., Березкин А.В.* Физические и химические основы нанотехнологий. – М.: Физматлит, 2008. – 454 с.

6. *Рыжонков Д.И.* Наноматериалы. – М.: Бином, 2008. – 365 с.

7. *Сергеев Г.Б.* Нанохимия. – М.: МГУ, 2003. – 288 с.

8. *Чуловская С.А., Гарасько Е.В., Парфенюк В.И.* Электрохимическое получение и свойства ультрадисперсных частиц серебра // ЖПХ. – 2009. – № 8. – С. 1298–1302.

9. *Чуловская С.А., Парфенюк В.И.* Влияние состава электролитного раствора на процесс электрохимического синтеза наноразмерных медьсодержащих порошков // Электронная обработка материалов. – 2008. – № 1. – С. 58–63.

10. *Чуловская С.А., Парфенюк В.И.* Электрокристаллизация и физико-химические свойства наноразмерных медьсодержащих порошков // Физикохимия поверхности и защита материалов. – 2009. – № 3. – С. 282–286.

УДК 547.425.5

Гунин Дмитрий Валерьевич,
Лапко Евгений Юрьевич
кандидат химических наук
Военная академия войск РХБЗ и инженерных войск
им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (г. Кострома)
dmigunin@yandex.ru

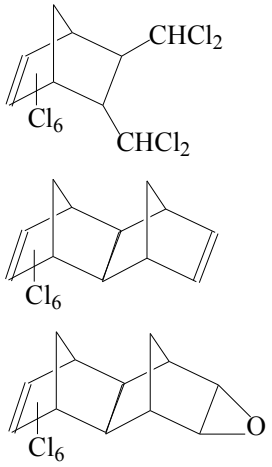
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ 2-ТИАБИЦИКЛО[2.2.1]ГЕПТЕНОВ С ПОЛИФТОРИРОВАННЫМИ СУЛЬФЕНИЛХЛОРИДАМИ

Получен структурный ряд соединений на основе модификации кратной связи 5-6 2-тиабицикло[2.2.1]гептенов полифторированными сульфенилхлоридами, синтезированными на основе фторированных спиртов-теломеров и фреонов. Рассмотрены особенности распределения атома Cl и полифторированного радикала сульфенилхлоридов в каркасе бициклической структуры.

Начало нового столетия характеризуется небывалыми темпами появления новых биологически активных веществ самого различного назначения, что обусловлено все возрастающими требованиями к препаратам для медицины и сельского хозяйства.

Одним из классов органических соединений, интенсивно исследуемых в поисках пестицидов нового поколения, являются фторорганические соединения, в том числе и содержащие в составе структуры полифторалкилтио фрагменты. Данные соединения могут быть получены с использованием в качестве одного из реагентов полифторалкилсульфенилхлоридов. Из-за высокой полярности и малой прочности связи S-Cl, данные соединения легко вступают в реакции как с электрофильными, так и с нуклеофильными реагентами, проявляя при этом высокую реакционную способность. В связи с этим теоретические и прикладные аспекты химии поли-фторалкилсульфенилхлоридов представляют особый интерес. Ранее при исследованиях в этой области основное внимание уделялось химии и применению перфторхлорметилсульфенилхлоридов, а фторсодержащие сульфенилхлориды с другими первичными, а также вторичными и третичными полифторалкильными группами оказались практически не изучены.

Другим классом веществ, представляющих огромный интерес в области синтеза физиологически активных веществ ФАВ, являются соединения бициклогептанового ряда. Первыми исследованными образцами биологически активных веществ бициклогептановой структуры явились так называемые «диеновые» пестициды на базе гексахлорциклопентадиена [1; 2]. Основными представителями данного класса являются «гептахлор», «полихлоркамфен», «хлордимеформ», «эндосульфан». В работе Е.И. Спыну [3], посвященной поиску эффективных пестицидов, были также получены физиологически активные химические соединения следующей структуры:



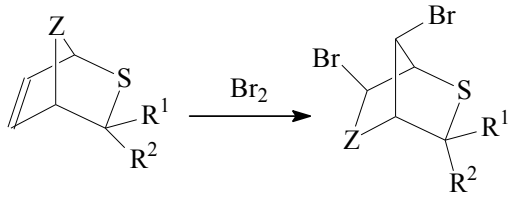
Работы по приданию пестицидам более эффективных свойств приковали внимание к галогенированным фторсодержащим бициклогептанам, систематическое изучение которых ведется с середины 50-х годов XX века. При рассмотрении литературных источников по этому вопросу обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на большой объем данных по химии аналогичных химических структур [4–7], сведения об их биологической и физиологической активности редко приводятся или существуют в виде отдельных сообщений [8].

Непредельные бициклические структуры, как правило, проявляют высокую химическую активность. Свойства фторсодержащих 2-тиабицикло-

 © Гунин Д.В., Лапко Е.Ю., 2011

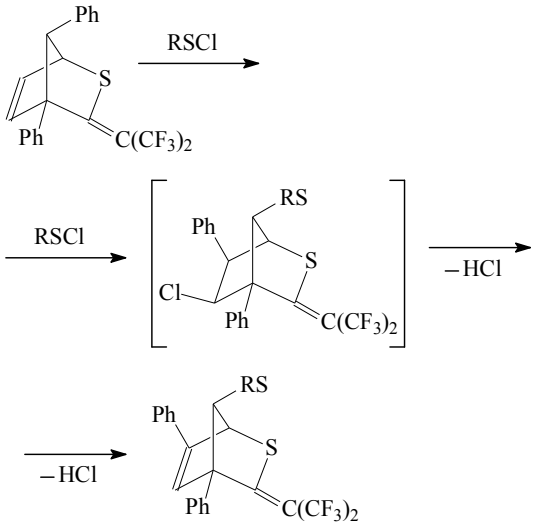
[2.2.1]гептенов-5 обусловлены присутствием двух главных реакционных центров – кратной связи и атома серы.

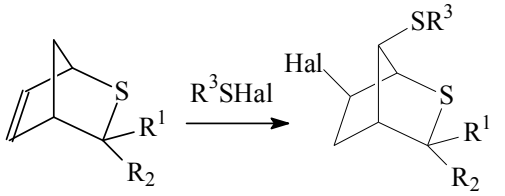
Галогенирование фторсодержащих тиабициклогептенов систематически исследовано M.S. Raasch. На большом количестве примеров было представлено, что бромирование и присоединение сульфенилгалогенидов к фторсодержащим 2-тиабицикло[2.2.1]гептенам-5 реализуется в 6-экзо- и 7-анти-положениях [9]:



R^1, R^2 = Cl, Cl; F, F; CF_3, CF_3; $=C(CF_3)_2$

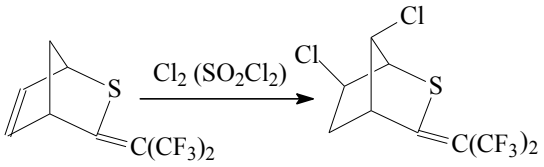
Z = CH_2;





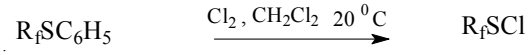
R^1, R^2 = F, F Hal = Cl, Br

В данной же работе приводятся данные по процессу хлорирования хлором и хлористым сульфурилом:



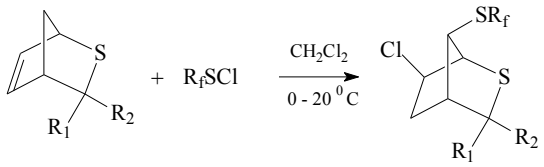
Вместе с тем в литературе практически не встречаются данные о присоединении полифторированных сульфенилхлоридов по кратной связи 2-тиабициклогептенов.

С целью изучения возможности протекания такого типа реакций нами были синтезированы полифторированные сульфенилхлориды на основе полифторированных бензилсульфидов путем их хлорирования в среде хлористого метилена:



где: Rf = CF_3, $CFCl_2$, CF_2CF_2H, CF_2CF_2Br, $HClFCCF_2$, $ClCF_2CFCl$.

Полифторированные сульфенилхлориды взаимодействуют с 2-тиа-бицикло[2.2.1]гепт-5-енами [10] в растворе хлористого метилена, так уже при 0–20 ^{0}C наблюдается образование 2-тиабициклогептанов:

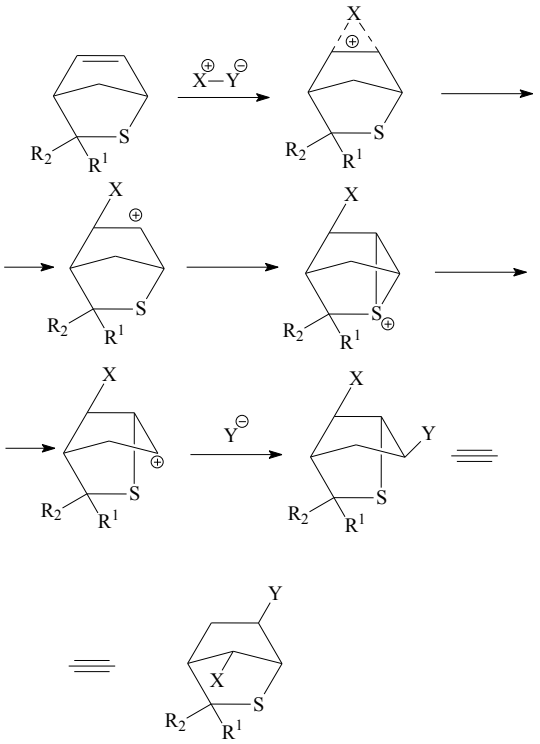


где: R_1 = Cl, CF_2Br, CF_3;
R_2 = Cl, F;
Rf = CF_3, $CFCl_2$, CF_2CF_2H, CF_2CF_2Br, $HClFCCF_2$, $ClCF_2CFCl$.

Таким образом, нами были получены аддукты с различными полифторированными тиоэфирными заместителями и атомом хлора в седьмом и в шестом положениях бициклического каркаса путем присоединения полифторированных сульфенилхлоридов к тиабициклогептенам.

Ориентация присоединения радикалов к бициклическому каркасу может быть объяснена перегруппировкой Вагнера-Меервейна с участием эписульфониевого интермедиата. В коррес-

понденции с подобной схемой, образующиеся продукты обладают 6-экзо-, 7-анти-ориентацией заместителей X и Y и, кроме этого, имеют антагонистическую ориентацию заместителей R^1 и R^2 (в тех случаях, когда они разнятся) по соотнесению с исходным тианорборненом:



Структура полученных соединений подтверждена современными физико-химическими методами анализа с использованием ПМР и хромато-масс-спектрометрии. Оценка новизны полученных соединений проведена с использованием баз данных сервисов Reaxys [11] и SciFinder [12].

Таким образом, в ходе выполненной работы был синтезирован ряд структурных аналогов 2-тиабицикло[2.2.1]гептанов, полученных на основе присоединения к непредельным политианам по кратной связи 5–6 положения каркаса полифторированных алкилсульфенилхлоридов.

Библиографический список

1. *Парк Д.В.* Биохимия чужеродных соединений: Учеб. пособие для мед. вузов / пер. с англ. – М.: Медицина, 1973. – С. 234–241.

2. *Мельников В.Н.* Пестициды. Химия, технология и применение. – М.: Химия, 1987. – С. 512.

3. *Спыну Е.И.* Токсикология хлорорганических пестицидов диенового синтеза и гигиена труда при их применении // Медицина. – 1964. – № 1. – С. 26–30.

4. *Спыну Е.И.* Токсикология хлорорганических пестицидов диенового синтеза и гигиена труда при их применении // Медицина. – 1964. – № 1. – С. 26–30.

5. *Perry D.R.* Diels-Alder Reactions of Organically Fluorine Compounds [Monographic review] // Fluor. Chem. Rev. – 1967. – Vol. 1. – № 2. – P. 253–313.

6. *Koremura M.* Synthesis of 2-Nitro-3-trichlormethylbicyclo[2.2.1]hept-5-ene Derivates and their Activities / M. Koremura, H. Oku, T. Shono [et al.] // Takamine Kenkyusho Nempo. – 1961. – Vol. 13. – P. 192.

7. *Winstein S.* Bicycloheptadiene Dibromides [Review] // J. Amer. Chem. Soc. – 1961. – Vol. 83. – № 6. – 1516 p.

8. *Binnewies M.* Generation of Diatomic Sulfur from Organometallic Precursors. 1,3-Dithiocarbonils Compounds in Synthesis 2-thianorbornenes / M. Binnewies, J. Grobe, D. Le Van // Phosphorus and Sulfur. – 1985. – P. 349.

9. *Vedejs E.* Regiochemistry in Thiocarbonyl Diels-Alder Additions: Reversal of Selectivity by Substitnent Effects in Thioaldehydes / E. Vedejs, D.A. Perry, K.N. Houk, N.C. Pondan // Journal Amerikan Chemical Society. – 1983. – Vol. 105. – № 23. – P. 6999–7001.

10. *Raasch M.S.* [Review] / Heteroatom Participation during Addition – Rear rangement Reactions of 2-Thia- and 2-Azanorbornenes // J. Org. Chem. – 1975. – Vol. 40. – № 2. – P. 161–172.

11. Maynard S. Raasch. // J. Org. Chem. – 1975. – Vol. 40. – P. 161.

12. www.reaxys.com

13. www.cas.org/SCIFINDER

УДК 632.51

Палкина Тамара Александровна
кандидат биологических наук
Рязанский государственный агротехнологический университет им. П.А. Костычева
t.a.palkina@mail.ru

ЭКОЛОГО-ЦЕНОТИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОРНЫХ РАСТЕНИЙ АГРОЦЕНОЗОВ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ НЕЧЕРНОЗЕМНОЙ ЗОНЫ

В агроценозах Рязанской области обнаружено 255 видов сорных растений, среди них широко распространенных – 47. В их составе выделены группы растений сегетальных, рудеральных и естественных сообществ. Показана роль этих групп в современных агроценозах. Наблюдается увеличение в составе сорного компонента количества неактивных видов – рудеральных и луговых растений.

Ключевые слова: *сегетальная флора, агроценозы, видовой состав, происхождение, рудеральные растения.*

Видовой состав сорных растений агроценозов формировался с начала их появления из заносных растений и в значительной мере – за счет местной флоры (апофитов). Человек постоянно влияет на этот процесс. С течением времени при совершенствовании агротехники ведущие позиции заняли растения, наиболее приспособленные к пашенным условиям [6; 10]. Однако в последнее десятилетие появляются сведения о возрастании участия апофитов в составе полевых сообществ как следствия ослабления регулирующих мер и других технологических нарушений [5; 7; 9]. Становится особенно значимой роль антропогенных местообитаний как источников миграции растений в посевы.

Среди сорных растений принято выделять ряд групп специализации по отношению к условиям агроэкотопов от сегетальных к рудеральным [6; 9]. Виды группы, называемой остаточными (растения естественных сообществ, оказавшиеся в посевах), как маловажные при обследованиях засоренности посевов с практическими целями, обычно не учитывают. Однако для выяснения закономерностей формирования сорного компонента агроценозов и планирования мероприятий контроля в конкретных регионах имеет значение изучение состава всех видов, включая и малораспространенные.

В задачи данной работы входило проведение анализа эколого-ценотического происхождения видов сегетальной флоры в пределах Рязанской области, в том числе её неактивной фракции.

Рязанская область расположена в центральной части Русской равнины в пределах трех природных зон: подтаежных хвойно-широколиственных лесов, широколиственных лесов и лесостепной [1]. Пашней занято (в 2008 г.) 60,9% территории области. В структуре посевных площадей 62,8% представлено зерновыми культурами (наибольшая доля принадлежит озимой пшенице – 53,4% и ячменю – 35,1%; значительно меньше высевается овса – 6,2%, ржи – 3,6%); пропашным культурам (кукуруза, сахарная свекла, картофель) отведено 7,7%, многолетним травам – 17,5%.

В 1997–2010 годах обследовано маршрутно-рекогносцировочным методом 320 агроценозов различных культур. Геоботанические и флористические описания выполнялись на учетных площадках размером 100 м^2. Номенклатура растений приведена по П.А. Маевскому [4]. Оценка агрофитоценотической активности видов выполнена на основании методов, разработанных Б.А. Юрцевым [11] и Я.П. Дидухом [2]. Эколого-ценотическая приуроченность видов устанавливалась в результате наблюдений, а также литературных данных по флоре области [3].

В результате полевых исследований в составе современных агроценозов на территории Рязанской области к 2010 г. обнаружено 255 видов травянистых сорных растений. Для установления роли видов в полевых сообществах все они разделены на категории активности на основании существующих методов с учетом постоянства в агроценозах каждой культуры, разнообразия культур, которым они сопутствовали, и обилия [2; 11]. Выделено 5 групп, состав которых был описан ранее [8].

Особо активны 4 вида (1,6%), высокоактивны 8 (3,1%), среднеактивных видов 15 (5,9%). Эти 27 видов представляют основное ядро сегетальной флоры с постоянством в агроценозах культур не ниже 20%. Малоактивные виды встречаются редко, в агроценозах не всех культур, с постоянством в ценофлорах одних культур менее 20%, других – 21–40%. Неактивные виды встречаются в отдельных агроценозах либо в нескольких, но единично при постоянстве менее 20%.

© Палкина Т.А., 2011

В данной работе использована основа классификации сорных растений по степени сегетальности В.В. Никитина [6], но с иным значением промежуточных групп. К рудерально-сегетальным отнесены растения, более характерные для посевов; а к сегетально-рудеральным – те виды, которые чаще встречаются в рудеральных местообитаниях.

Источники и пути проникновения видов растений в агроценозы различны. В составе сегетальной флоры региона преобладают местные виды-апофиты –157 (62% общего числа). Чужеродных сорных растений 98 видов (38%). Большая их часть – археофиты, древние сорняки земледелия – 63 вида (64% чужеродных). Эти виды расселились в посевах вместе с культурами с их родины [9].

Роль археофитов в современных агроценозах велика – 20 растений входят в состав 27 видов основного ядра сегетальной флоры: *Convolvulus arvensis* L., *Sonchus arvensis* L.; *Chenopodium album* L., *Galium aparine* L., *Galeopsis bifida* Boenn., *Polygonum convolvulus* L., *Stellaria media* (L.) Vill., *Echinochloa crus-galli* (L.) P.B., *Matricaria perforata* Merat., *Capsella bursa-pastoris* (L.) Medic., *Viola arvensis* Murr., *Centaurea cyanus* L. и др. Многие из них распространены и на других антропогенных местообитаниях региона, а *Convolvulus arvensis* L. – обычное растение лугов. В связи с этим у исследователей нет единого мнения о принадлежности многих археофитов к чужеродным растениям. Вероятно, для ряда видов имеются популяции как местного происхождения, так и заносного. Активность археофитов различна, что связано с большей приуроченностью к культурам в связи с их циклами развития.

Другой путь проникновения чужеродных растений в посевы – через нарушенные местообитания – рассматривает Т.Н. Ульянова [9]. Этот путь характерен для большинства кенофитов (чужеродных растений, появившихся на данной территории после XVI века). Кенофитов среди заносных видов агроценозов значительно меньше, чем археофитов – 35 (36%). Наибольшего распространения достигли североамериканские растения: сегетальный вид *Amaranthus retroflexus* L. (высокоактивный) и сегетально-рудеральный *Erigeron canadensis* L. (малоактивный).

Из 208 неактивных видов заносные составляют 31%, это в основном сегетальные и рудеральные растения, почти в равной мере представленные археофитами и кенофитами. Среди них в агроценозах присутствуют в качестве сорных культурные растения – эргазиофиты (25 видов, 12,4%), в большинстве это эфемерофиты, временные виды. Но ряд инвазионных видов-неофитов, ставших сорными растениями вторичных местообитаний, а также естественных сообществ, появляются в посевах многолетних трав (в единичных случаях): *Heracleum sosnowskyi* Manden., *Echinocistis lobata* Torr. et Gray, *Helianthus tuberosus* L., *Lupinus polyphyllus* Lindl.

Местные растения с началом земледелия проникали в посевы в первую очередь непосредственно в результате освоения участков, занятых естественной растительностью. Ряд многолетних растений с применением интенсивной механической обработки почвы, усилившей их вегетативное размножение, стали злостными сегетальными, требующими специальных мер борьбы с ними. В их числе *Cirsium arvense* (L.) Scop. s. l.; луговые апофиты *Elitrigia repens* (L.) Nevski и *Equisetum arvense* L.; лугово-болотный *Stachys palustris* L. В состав среднеактивных видов в настоящее время вошли и вегетативно малоподвижные растения – сорно-луговой *Taraxacum officinale* Wigg. и рудеральный *Artemisia vulgaris* L.

В числе 20 малоактивных видов растения местной флоры составляют половину: луговые и сорно-опушечно-луговые *Vicia cracca* L., *Achillea millefolium* L., *Linaria vulgaris* Mill. (рудерально-сегетальные); *Euphorbia virgata* Waldst., *Silene vulgaris* (Moench) Garcke, *Plantago major* L. (сегетально-рудеральные). Эти виды в целом снизили активность с совершенствованием агротехники культур в сравнении с началом XX века. В то же время вошли в группу малоактивных сорно-опушечно-луговые *Tanacetum vulgare* L., *Rumex crispus* L., *Melandrium album* (Mill.) Garcke, *Cichorium intybus* L.; из рудеральных – *Artemisia absinthium* L.

Разнообразен по ценотическому происхождению состав неактивной части сорного компонента агроценозов, преобладают апофиты 149 (67%) (табл. 1).

Из числа растений естественных сообществ в посевах зоны широколиственных лесов обнаружено 13 лесных видов (6,5%): *Equisetum sylvaticum* L., *Scrophularia nodosa* L., *Solidago vigaurea* L., *Chamaenerion angustifolium* (L.) Scop. и др.

Прибрежные растения встречаются в основном в агроценозах, расположенных на пойменных землях (6): *Phragmites australis* (Cav.) Trin. ex

Таблица 1

Эколого-ценотические группы неактивных сорных растений агроценозов Рязанской области

Эколого-ценотические группы растений	Число видов				
	Пропаш-ные	Яровые сплошного сева	Озимые	Многолет-ние травы	Всего, %
1. Сегетальные	5	5	5	3	5/2,5
2.Рудерально-сегетальные	6	6	7	3	7/3,5
3.Сегетально-рудеральные	2	7	8	4	8/4,0
4. Лесные	7	7	4	8	13/6,5
лесные и опушечно-лесные	5	5	1	4	7
лугово-лесные	1	1	2	2	4
сорно-опушечно-лесные	1	1	1	2	2
5. Прибрежные	3	1	4	4	6/3,0
6. Луговые	20	24	35	59	70/34,8
прибрежно-влажнолуговые	3	1	4	4	6
эвритопные луговые	2	7	10	15	16
пойменных лугов	6	3	3	12	15
суходольных лугов и опушечно-луговые	2	5	9	14	17
сорно-прибрежно-влажнолуговые	6	6	5	8	9
сорно-опушечно-луговые	1	2	4	6	7
7. Степные	8	23	28	22	41/20,4
лугово-степные и степные	2	6	6	10	16
сорно-степные	6	17	22	12	25
8. Рудеральные	13	14	18	15	26/12,9
9.Культуры (эргазиофиты)	10	13	10	10	25/12,4
Итого	74	99	119	128	201/100

Steud., *Bidens tripartita* L. и др. В посевах кукурузы обильны сорно-прибрежно-влажнолуговые растения: *Cenolophium denudatum* (Hornem.) Tutin *Mentha arvensis* L., *Symphytum officinale* L., *Polygonum amphibium* var. *terrestre* Leyss., а также растение прибрежных ивняковых зарослей и прирусловой поймы *Calystegia sepium* (L.) R. Br.

Неактивные виды различных луговых экотопов наиболее распространены в агроценозах 70 (34,8%), и особенно разнообразны они в посевах многолетних трав. Эвритопные луговые растения (16) – *Alopecurus pratensis* L., *Gallium mollugo* L. *Lathyrus pratensis* L., *Phleum pretense* L., *Prunella vulgaris* L. и др. Виды, чаще встречающиеся по сырым пойменным лугам, реже в прибрежной зоне (6): *Achillea salicifolia* Bess., *Cenolophium denudatum* (Hornem.) Tutin, *Potentilla anserina* L., *Ranunculus repens* L. и др. Растения суходольных лугов и опушечно-луговые (17 видов) – *Centaurea jacea* L., *Leucanthemum vulgare* Lam, *Pimpinella saxifraga* L., *Agrimonia eupatoria* L., сорно-опушечно-луговые – *Leontodon autumnalis* L., *Cerastium fontanum* Baumg. и др. Многие виды агроценозов многолетних трав (35) в посевах других культур не встречались: *Galium boreale* L., *Geranium pratense* L., *Juncus bufonius* L., *Poa palustris* L., *Prunella vulgaris* L., *Valeriana officinalis* L. и др.

В сегетальной флоре региона довольно многочисленна группа степных видов – 41 (20,4%), наибольшее богатство которых отмечено в ценозах озимой пшеницы. В посевах встречаются растения луговых степей и степей (16): *Astragalus cicer* L., *Eryngium planum* L., *Centaurea scabiosa* L., *Plantago lanceolata* L., *Lathyrus tuberosus* L. Сорно-степные виды (25), распространенные преимущественно по местообитаниям, лишённым сомкнутого растительного покрова: *Anthemis tinctoria* L., *Dracocephalum thymiflorum* L., *Cynoglossum officinale* L., *Cirsium polonicum* (Petrak) Iljin., *Echium vulgare* L., *Lappula echunata* Gitib., *Nonea pulla* (L.) DC., *Poa compressa* L. и др.

Группу рудеральных неактивных растений (типичных для различных вторичных местообитаний на необрабатываемых землях) составили 26 видов (12,9%). Наиболее распространены из

них местные – *Arctium tomentosum* Mill., *Carduus acanthoides* L., *C. crispus* L., *Spergularia rubra* (L.) J. et C. и др.; чужеродные – *Atriplex patula* L., *Cirsium vulgare* (Savi) Ten., *Conium maculatum* L. (археофиты); *Bromus japonicus* Thunb., *Lepidium ruderale* L., Presl. *Cyclachaena xanthiifolia* (Nutt.) Fresen. и др. (кенофиты).

Таким образом, в составе сегетальной флоры значительна группа неактивных видов естественных сообществ, которые являются полусорными (45), и видов, часто переходящих на вторичные, полностью или частично нарушенные местообитания. Особенно они активизируются в посевах многолетних трав, где отсутствует ежегодная обработка почвы, а также при различных нарушениях агротехники. Замечено, что во флоре Рязанской области повсеместно распространены виды широкого экологического диапазона, значительно число видов экотонных растений – как следствие различных антропогенных воздействий [3]. При высокой агротехнике большинство из выявленных неактивных видов неустойчивы в посевах. В агроценозах пропашных культур, где применяются интенсивные регулирующие меры, видовой состав неактивных сорных видов меньше, как видно из данных таблицы.

Итак, из 255 видов, выявленных в составе сорного компонента агроценозов Рязанской области, широко распространенных 47 (18%).

Основное ядро сегетальной флоры (27 видов) состоит из однолетних сегетальных растений, преимущественно археофитов: *Chenopodium album*, *Galium aparine*, *Polygonum convolvulus, Matricaria perforata, Galeopsis bifida*, *Stellaria media, Echinochloa crus-galli* и др. Наиболее устойчивы в агроценозах многолетние виды, в основном местные, корнеотпрысковые и длиннокорневищные сорно-луговые и луговые растения (*Cirsium arvense*, *Sonchus arvensis, Convolvulus arvensis*, *Equisetum arvense, Elitrigia repens, Stachys palustris*).

В посевах не типичные для них растения – апофиты, выходцы из естественных, а также рудеральных сообществ, составляют половину малоактивных видов (11) и большую часть неактивных 149 (67%). Многие из них положительно реагируют на антропогенные нарушения биотопов и представляют потенциал для более широкого расселения.

Наиболее богаты апофитами агроценозы многолетних трав, а также озимой пшеницы, наименее – сахарной свеклы и картофеля.

Широкое распространение в посевах видов, ранее не характерных для агроценозов, свидетельствует о необходимости усиления целенаправленного контроля их присутствия и проведения постоянного мониторинга.

Библиографический список

1. Атлас Рязанской области. – М., 2006. – 72 с.

2. *Дидух Я.П.* Проблемы активности видов растений // Ботан. журн. – 1982. – Т. 67. – № 7. – С. 925–935.

3. *Казакова М.В.* Флора Рязанской области. – Рязань: Русское слово, 2004. – 388 с.

4. *Маевский П.Ф.* Флора Средней полосы европейской части России; 10-е изд. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. – 600 с.

5. *Миркин Б.М., Шайхисламова Э.Ф., Ямалов С.М., Суюндуков Я.Т.* Анализ динамики сегетальной растительности Башкирского Зауралья за 20 лет (1982–2002) с использованием метода Браун-Бланке // Экология. – 2007. – № 2. – С. 158–160.

6. *Никитин В.В.* Сорные растения флоры СССР. – Л.: Наука, 1983. – 454 с.

7. *Туганаев А.В., Туганаев В.В.* Состав, структура и эволюция агроэкосистем европейской России (лесная и лесостепная зоны) в средневековье (VI–XVI вв. н.э.). – Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2007. – 198 с.

8. *Палкина Т.А.* Метод фитоценотической активности видов в оценке и прогнозировании сорного компонента агроценозов // Вестник Рязанского государственного агротехнологического университета имени П.А. Костычева. – 2011. – № 2. – С. 22–26.

9. *Родионова А.Е.* Сегетальные растения Верхневолжья. ВИЗР. – СПб., 2001. – 100 с.

10. *Ульянова Т.Н.* Сорные растения во флоре России и сопредельных государств. – Барнаул: Азбука, 2005. – 295 с.

11. *Юрцев Б.А.* Флора Сунтар-Хаята: Проблемы истории высокогорных ландшафтов северо-востока Сибири. – Л.: Наука, 1968. – 236 с.

УДК 504.054+63

Радионов Артём Сергеевич
Московский государственный областной университет
Artyom-radionov@mail.ru

ПОЧЕМУ ЗЕМЛЯ КОСТРОМСКАЯ МОЖЕТ И ДОЛЖНА СТАТЬ ЗОНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА?

На основе общих сведений и результатов исследований в статье сделана попытка проанализировать потенциальную возможность Костромской области в качестве объекта экотуризма.

***Ключевые слова**: мониторинг, пригородная территория, экотуризм, природный потенциал.*

Костромская область является уникальным регионом, и эта уникальность настолько своеобразна и интересна, что её изучение и последующее использование потенциально перспективно, приоритетно и априори стратегически выгодно. Географическое положение области способствует разнообразию природно-климатических условий, напрямую влияющих на природно-ресурсный потенциал, являющийся не последним звеном в системе оценки территории. Территория Костромской области занимает 60,2 тыс. км^2. Территория области идет широкой полосой на северо-восток и север от Костромы. Ее крайняя западная точка находится на 40°33', восточная – на 47°42' восточной долготы, а северная и южная – соответственно на 57°18' и 59°37' северной широты. В современных границах область образована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1944 года.

Регион расположен в центральной части Европейской территории России в бассейне верхней Волги и ее левых притоков – Костромы, Унжи, Ветлуги и разделен на 24 административных района [2].

Рельеф представлен плоско-холмистой равниной, расчлененной многочисленными речными долинами. Она сложена в основном меловыми, триасовыми и пермскими породами, перекрытыми четвертичными отложениями. В Солигаличском районе имеется выход пермских пород. Современный рельеф области сформировался в основном в четвертичный период, важнейшими событиями которого были мощные четвертичные оледенения днепровского и московского периодов. В дальнейшем на формирование рельефа решающее значение оказала эрозия, в связи с этим в настоящее время можно наблюдать различные формы рельефа: моренные гряды, холмы, низины, овраги, речные долины. На западе области в направлении с севера на юг тянется Галичско-Чухломская возвышенность. В северо-восточную часть области заходят южные отроги Северных Увалов, служащих водоразделом бассейнов рек Волги и Северной Двины. Наряду с возвышенностями рельеф региона также представлен обширными низинами: Костромской, Унженской и северной частью Ветлужской, сложенными рыхлыми, преимущественно озерными отложениями. Они имеют почти плоскую поверхность, не выше 100 м абсолютной высоты. Самый нижний участок – ложе долины реки Волги.

Малые уклоны и тяжелый механический состав моренных отложений затрудняют сток талых вод, поэтому в области много переувлажненных и заболоченных земель. Вместе с тем расчлененность рельефа на речные долины и возвышенности создает достаточное многообразие местообитаний, пригодных для жизни различных видов растений и животных [8].

В данной работе сделана попытка дать оценку территории Костромской области как потенциально перспективного региона, основанную на результатах мониторинга геоэкологического состояния (изучение содержания некоторых загрязняющих элементов) ряда районов области.

Геоэкологический мониторинг, исходя из современных условий, является необходимой мерой поддержания относительно благополучного с точки зрения экологии и соответственно социума состояния на какой-либо территории. Чтобы голословно не говорить об особенностях этого мониторинга, попробуем разобрать его механизм. Термин «мониторинг» вошел в научный оборот из англоязычной литературы и происходит от английского слова *monitoring* – «контрольное наблюдение». В свою очередь слово *monitoring* происходит от английского *monitor*, а также от латинского «монитор» – «наблюдающий», «предостерегающий». Современное значение этого слова можно определить как наблюдение, контроль, предупреждение. Ориентируясь

© Радионов А.С., 2011

на данное определение понятия мониторинг, можно уже складывать начальное представление о методических основах обсуждаемой работы.

Существует ряд концепций геоэкологического мониторинга. По нашему мнению, наиболее верной является концепция Ю.А. Израэля, где под мониторингом понимается система наблюдений, позволяющая выделить изменения состояния (и прежде всего загрязнение) биосферы под влиянием деятельности человека. Подобная система определяется как мониторинг антропогенных изменений окружающей природной среды [5].

Идеей, обсуждаемой в данной статье, является представление Костромской области как природно-рекреационной зоны. В нашей стране такое понятие, как экологический туризм, не ново, но в основном данный вид бизнес-проектов приурочен к специфическим, но общеизвестным территориям. По нашему мнению, существует ряд условий, которые вполне позволяют относить Костромскую область к приоритетной с точки зрения экотуризма, но следует отметить и кардинально противоположные моменты, которые не способствуют продвижению данного рода проектов. Те и другие условия будут рассмотрены сквозь призму геоэкологической направленности.

Геоэкологическая оценка – это многоуровневая система, использующая различные методики и подходы. На основе комплексных исследований различных территориальных условий даётся полноценная характеристика, делаются выводы, строятся прогнозы, решаются вопросы, связанные с непосредственным использованием территории.

Прежде чем говорить о положительных и отрицательных условиях, влияющих на развитие экологического туризма в Костромской области, следует уделить внимание тем факторам, на основе которых появилась концептуальная идея о возможности использования территории некоторых районов Костромской области в потенциальной экотуристической деятельности.

В первую очередь следует обратить внимание на уникальность природного ландшафта территории, являющегося эталонным ландшафтом средней России. Это связано напрямую с разнообразием типов рельефа, вызванным сочетанием и взаимодействием видов, образованных при Московском и Днепровском оледенениях [1].

Ландшафты по своей сути являются интереснейшим объектом для изучения в рамках геоэкологического мониторинга. Для ландшафтных исследований целесообразно использовать элементарный ландшафт [4], который представляет собой непреобразованный ландшафт. Ряд территорий Костромской области можно отнести к территориям с элементарным ландшафтом. Следует отметить о наличии участков элементарного ландшафта практически в каждом районе области.

В апреле 2011 г. в рамках диссертационной работы проводились исследования образцов почвы и снеговой воды, отобранных в ландшафтах пригородных территорий нескольких районов Костромской области (Островского, Костромского, Судиславского, Красносельского) и города Костромы. Место пробоотбора выбиралось в соответствии с поставленной целью – определение влияния техногенной нагрузки, отбор почвы проводился методом конверта с глубины 0–20 см, отбор снеговых проб проводился на относительно ровных поверхностях с относительно ровным слоем снегового покрова на глубине 10–20 см

Таблица 1

Содержание тяжелых металлов в пробах почвы ландшафтов пригородных территорий некоторых районов Костромской области, мг\кг

Район	Свинец	Цинк	Медь
Костромской	7,7	34,1	5,8
Судиславский	7,6	35,8	4,0
Островский	7,4	28,9	6,9

Таблица 2

Фоновый многолетний уровень валового содержания тяжелых металлов в почвах, мг/кг

Показатель	Свинец	Цинк	Медь
Стандартный [3]	16	45	17
Нормальный [3]	10	50	20
Костромская область (среднее 1996–2006г.) [7]	5,8	9,5	2,6

Таблица 3

Содержание тяжелых металлов в пробах снега ландшафтов пригородных территорий некоторых районов Костромской области, мг\л

Район	Свинец	Цинк	Медь
Красносельский	0,004	0,04	0,02
Костромской	0,005	0,07	0,001
Судиславский	0,001	0,009	0,001
Островский	0,003	0,002	0,001
Кострома	0,007	0,01	0,001

Таблица 4

Предельно допустимая концентрация (ПДК) ТМ в снеге, мг/л [9]

Свинец	Цинк	Медь
0,006	0,01	0,001

с шагом 0, 5, 10, 20 м от дороги. Усредненные данные результатов представлены в таблицах 1, 3, фоновые многолетние данные для сравнения в таблицах 2, 4.

Основываясь на приведенных данных, можно сделать следующие выводы. В почвенных образцах содержание свинца ниже стандартного и нормального показателя, но выше среднего показателя за 1996–2006 гг. Что касается цинка и меди, также показатели ниже стандартного и нормального содержания, но выше среднего показателя за 1996–2006 гг.

Оценивая содержание тяжелых металлов в снеговых пробах, следует отметить, что содержание свинца превышает ПДК в Костроме и имеет низкий показатель в Судиславском районе. Содержание цинка в образцах превышает ПДК в Костромском и Красносельском районе, наиболее низкие показатели в Судиславском и Островском районах. Содержание меди превышено в Красносельском районе.

Следует отметить, что отбор образцов проводился на пригородных территориях и в какой-то степени можно говорить о некоторой локализации результатов. Необходимо учитывать, что протяженность пригородной территории составляет 10–15 км от районного центра и, соответственно, степень техногенной нагруженности территории в большинстве случаев уменьшается. Также следует обратить внимание на то, что на территории области имеется значительное количество участков, где практически отсутствует техногенная нагрузка. Немаловажным фактором, влияющим на элементный состав, является миграционная подвижность.

В зависимости от ряда факторов и условий миграции элементов проходят неравномерно, и в некоторых случаях естественные химические барьеры концентрируют загрязнители, приводя к их локальному распределению.

С точки зрения геоэкологической ситуации Костромскую область можно отнести к территории с относительно благоприятными условиями. Это, прежде всего, определяется следующими особенностями природного, техногенного и антропогенного характера: высокая лесистость (более 74%), наличие обширных водно-болотных угодий, низкая плотность населения (порядка 11 человек на 1 км^2), относительно низкий уровень техногенной нагрузки на окружающую среду [6].

На территории Костромской области имеется множество предпосылок к развитию в её пределах экотуристической деятельности. Основываясь на основных принципах становления экотуризма, попробуем дать оценку Костромской области как возможной экотуристической зоне. Экологический туризм от обычного отличает ряд особенностей и признаков. Для экологического туризма выбираются территории с явным преобладанием природных объектов.

На территории Костромской области расположены уникальные природные объекты – Государственный природный заповедник «Кологривский лес», Государственный природный заказник федерального значения «Сумароковский», Государственный природный заказник регионального значения «Кологривская пойма». Особо охраняемые природные территории категории «туристско-рекреационная местность» «Парк «Берендеевка» города Костромы и «Усадьба «Следово» Судиславского муниципального района, «Завражье» (Кадыйский муниципальный район), «Ефимов кордон» (Кологривский муниципальный район), «Парк Губернский» (Кострома), «Костромская слобода» (Кострома), «Зона отдыха в поселке Первомайский» (Кострома), Галичское и Чухломское озёра.

По данным департамента природных ресурсов и окружающей среды Костромской области, действующая сеть особо охраняемых природных территорий Костромской области включает 18 памятников природы и 53 заказника, в том числе 43 комплексных, 5 гидрологических, 3 ботанических и 2 зоологических. Этот пример подтверждает, что область относится к территориям с достаточным количеством природных туристических объектов. Следующим критерием соответствия является устойчивое природопользование. Говоря о системе устойчивого природопользования, следует отметить некоторое нерациональное использование лесных и земельных ресурсов территории области. В процессе изучения этой проблемы отмечаются тенденции ведения природопользования на основе экономической и экологической сбалансированности, то есть с учётом

приоритетных направлений деятельности по обеспечению экологической безопасности природопользования [10].

Немаловажным критерием выбора территории для развития экотуризма является критерий ресурсоёмкости и энергоёмкости. Чем меньше эти два критерия, тем предпочтительней территория. Специфика Костромской области в том, что для проведения экотуристической деятельности необходимы минимальные ресурсные и энергетические затраты. Это связано с физико-географическими и социокультурными особенностями территории. Главным критерием экологического туризма является экологическое просвещение. Если задуматься о значении экотуризма в целом, то его главной задачей становится приобщение к природе с элементами обучения и просвещения. Каждый из указанных выше природных объектов играет свою роль, имеет свою специфику и направленность, тем самым подтверждая потенциальные возможности Костромской области в сфере экотуристического бизнеса.

Несмотря на подходящую с точки зрения природно-ресурсных условий обстановку для полноценного экотуризма, существует ряд моментов, негативно влияющих на ситуационную картину при потенциальном выборе территории. К таким условиям можно отнести: локальную развитость вспомогательной инфраструктуры, отсутствие нормативной базы, недоступность большого числа территорий.

Но, несмотря на имеющиеся несовершенства, экологический туризм должен и может развиваться на территории Костромской области. Большинство факторов и условий этому способствует. Благодаря развитию этого рода деятельности будет достигнута обоюдная выгода: область получит дополнительные финансовые инвестиции за счёт увеличения спектра туристических услуг, а потребитель этой услуги познакомится с уникальнейшим регионом России.

Библиографический список

1. Атлас Костромской области. – М., 1975.

2. *Большаков А.Н.* Экономика и организация заготовки и переработки продукции побочного лесопользования в лесах Костромской области: на примере дикорастущих ягод: Дис. ... канд. эконом. наук. – М., 2005. – 181 с.

3. Временные методические рекомендации по контролю загрязнений почв. Ч. 1. – М.: Гидрометеоиздат, 1983. – 127 с.

4. *Глазовская М.А.* Геохимия природных и техногенных ландшафтов СССР. – М.: Высш. шк., 1988. – 328 с.

5. *Израэль Ю.А., Гасилина Н.К., Ровинский Ф.Я.* Мониторинг загрязнения природной среды. – Л.: Гидрометеоиздат, 1978. – 560 с.

6. Об экологической ситуации в Костромской области. – Кострома, 2010.

7. Отчёты ФГУ ГСАС «Костромская». – Кострома, 1996–2006.

8. Природа Костромской области и её охрана. – Ярославль, 1987.

9. Санитарные правила и нормы охраны поверхностных вод от загрязнения, № 4630-88.

10. *Шабанов В.В.* Введение в рациональное природопользование. – М.: МГУП, 2007. – 115 с.

УДК 513

Секованов Валерий Сергеевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

О МНОЖЕСТВАХ МАНДЕЛЬБРОТА И ЖЮЛИА ДЛЯ МНОГОЧЛЕНОВ КОМПЛЕКСНОЙ ПЕРЕМЕННОЙ

В данной статье рассматриваются множеств Жюлиа и множества Мандельброта для полиномов комплексной переменной любой степени и исследуются их свойства.

Ключевые слова: *множество Жюлиа, множество Мандельброта, орбита точки, фрактал.*

В настоящее время интенсивно исследуются фрактальные множества на комплексной плоскости. Это связано с их использованием при создании математических моделей в физике, экономике и других науках. Большой интерес для исследователей представляют комплексные фракталы. Полезны комплексные фракталы и для реализации дидактических целей, поскольку математические исследования здесь органически переплетаются с разработкой алгоритмов, реализуемых с помощью современных информационных и коммуникационных технологий, включая параллельное программирование, что дает прекрасную возможность формирования креативности бакалавров, магистров, аспирантов и студентов.

Мы считаем, что данная статья может оказаться полезной в методическом плане, поскольку здесь материал излагается в той последовательности, в которой его можно использовать при чтении спецкурсов «Фрактальная геометрия и теория хаоса» и «Комплексная динамика».

Следует отметить, что множества Жюлиа и множество Мандельброта рассматриваются в известных автору учебных пособиях и монографиях [1–6] в основном для квадратичных отображений, а для многочленов, степень которых больше двух, даются только определения, приводится несколько задач и компьютерных экспериментов.

В настоящей статье мы рассмотрим множества Жюлиа и множества Мандельброта для полиномов $f(z) = z^p + c, \quad p \geq 2$. Приведем сначала определения данных комплексных фракталов.

Определение 1. Множество Жюлиа для полинома комплексного переменного, $f(z) = z^p + c$, $p \geq 2$, обозначаемое $J(f_c)$, определяется как $J(f) = \partial\{z : f^{(n)}(z) \to \infty, n \to \infty\}$, где ∂ – граница области притяжения бесконечности, а $f^{(n)}(z) = f(f^{(n-1)}(z)), n = 2, 3, \ldots$.

Определение 2. Множество Мандельброта для функции комплексного переменного $\varphi(z) = z^p + C$, $p \geq 2$, обозначаемое M_p, определяется как множество c комплексных точек $(c \in C)$, орбиты нуля которых ограничены. То есть точка c принадлежит множеству Мандельброта M_p, если последовательность $\{\varphi^{(n)}(0)\}_{n=1}^{\infty}$ ограничена на комплексной плоскости.

Определение 3. Заполняющее множество Жюлиа для полинома комплексного переменного $f(z) = z^p + c$, $p \geq 2$, обозначаемое $\overline{J(f_c)}$, определяется как множество точек z комплексной плоскости, орбиты которых ограничены (заметим, что множеством Жюлиа будет граница заполняющего множества Жюлиа).

Построить множества Жюлиа, так же как и множества Мандельброта, без использования компьютера практически невозможно, поскольку границы этих множеств сильно изрезаны. Однако есть и исключения. Например, при $c = 0$ заполняющим множеством Жюлиа будет круг единичного радиуса с центром в начале координат, а множеством Жюлиа – окружность, граница этого круга. Обоснуем данное утверждение. Пусть $f_0(z) = z^p$, $p \geq 2$. Тогда $z_n = f_0^{(n)}(z) = z^{p^n}$, $n = 1, 2, \ldots$. Если $|z| < 1$, то $\lim\limits_{n\to\infty} z_n = 0$, а при $|z| > 1$ $\lim\limits_{n\to\infty} z_n = \infty$. Если же $|z| = 1$, то $|z_n| = 1$. Таким образом, заполняющим множеством Жюлиа действительно будет круг радиуса единица с центром в начале координат. Отметим, что при c, отличном от нуля, множество Жюлиа будет иметь фрактальную структуру.

Справедливы следующие теоремы 1 и 2, обобщающие соответственно теоремы 8.1.1, 8.3.3, доказанные в [2] для квадратичных полиномов комплексной переменной.

© Секованов В.С., 2011

Теорема 1. Предположим, что $f(z) = z^p + c$, где $|c| < 2$, а $p \geq 2$. Пусть $z \in C$ и $z_n = f_c^{(n)}(z)$ для $n = 1, 2, 3, \ldots$ Если существует такое n_0, что $|z_{n_0}| \geq 2$, то имеет место $\lim\limits_{n\to\infty} z_n = \infty$. То есть орбита $z_n = \{f_c^{(n)}(z)\}_{n=1}^{\infty}$ стремится к бесконечности и z не принадлежит множеству Жюлиа $\overline{J(f_c)}$.

Доказательство. Не нарушая общности рассуждений, будем считать, что $|z| \geq 2$. Тогда $|f_c(z)| \geq |z^p + c| \geq |z|\left(|z|^{p-1} - \frac{|c|}{|z|}\right)$. Рассмотрим функцию вещественной переменной $\varphi(x) = x^{p-1} - \frac{|c|}{x}$, $x \in [2;\infty)$. Имеем: $\varphi'(x) = (p-1)x^{p-2} + \frac{|c|}{x^2}$. Следовательно, при переменной $x \in [2;\infty)$ функция $\varphi(x)$ возрастает. Пусть $|c| = 2 - 2\delta, \delta > 0$. Тогда $|z|^{p-1} - \frac{|c|}{|z|} \geq 2^{p-1} - \frac{|c|}{2} = 2^{p-1} - 1 + \delta > 1 + \delta$. Таким образом, $|f_c(z)| \geq |z|(1+\delta)$.

Положив $f_c(z) = y$, имеем $|f_c(z)| = |y| \geq |z|^p - |c|$, $|z| \geq 2$. Поскольку $|z|^p \geq 4, |c| < 2$, то $|f_c(z)| = |y| \geq 2$, и мы получим, что $|f_c^{(2)}(z)| = |f_c(y)| \geq |y|(1+\delta) \geq |z|(1+\delta)^2$. Продолжая аналогичные рассуждения, получим для любого натурального n $|f_c^{(n)}(z)| \geq |z|(1+\delta)^n$, что и заканчивает доказательство теоремы 1.

Обозначим n-ю итерацию функции $f_c(z) = z^p + c$ при фиксированном p через $f_c^{(n)p}(z)$.

Следствие 1. Предположим, что $f_c^{(n)p}(z)$, $|z| > 1, |c| < 1$. Тогда существует такое p_0, что для каждого $p > p_0$ орбита точки z стремится к бесконечности.

Доказательство. Так как $|z| > 1$, то существует такое натуральное число p_0, что $|z|^{p_0} - |c| > 2$. Тогда при каждом $p > p_0$

$|f_c^{(1)p}(z)| = |z^p + c| \geq |z|^p - |c| > |z|^{p_0} - |c| > 2$. Согласно теореме 1 последовательность $\{f_c^{(n)p}(z)\}_{n=1}^{\infty}$ стремится к бесконечности для каждого $p > p_0$. Поскольку орбита точки z: $\{z, f_c^{(1)p}(z), f_c^{(2)p}(z), \ldots, f_c^{(n)p}(z), \ldots\}$ отличается от последовательности $\{f_c^{(n)p}(z)\}_{n=1}^{\infty}$ только одним первым членом, то она также стремится к бесконечности для каждого $p > p_0$.

Теорема 2. Предположим, что $f_c(z) = z^p + c$, где $|c| > 2$, $|z| \geq |c|$ и $p \geq 2$. Тогда орбита точки z устремляется к бесконечности и $c \notin M_p$.

Доказательство. Положим $|c| = 2 + \delta$, $\delta > 0$. Далее имеем

$$|f_c(z)| \geq |z^p + c| \geq |z|^p - |c| \geq |z|^p - |z| = |z|\left(|z|^{p-1} - 1\right) =$$
$$= |z|(|z| - 1)\left(|z|^{p-2} + |z|^{p-3} + \ldots + |z| + 1\right) >$$
$$> |z|(|z| - 1) \geq |z|(|c| - 1) = |z|(1+\delta).$$

Положим $f_c(z) = y$, где $|c| > 2, |z| \geq |c|$ и $|y| \geq |z|(1+\delta) \geq |z| \geq |c| > 2$. Тогда имеем: $|y| = |f_c(y)| \geq |y|^p - |c| \geq |c|^p - |c| = |c|\left(|c|^{p-1} - 1\right) > |c|$. Таким образом, $|f_c^{(2)}(z)| = |f_c(f_c(z))| = |f_c(y)| \geq |y|(1+\delta) \geq |z|(1+\delta)^2$. Продолжая аналогичные рассуждения, получим неравенство $|f_c^{(n)}(z)| \geq |z|(1+\delta)^n$ для каждого натурального n. Следовательно, $\lim\limits_{n\to\infty} f_c^{(n)}(z) = \infty$.

Далее имеем $f_c(0) = c$. Поскольку $|c| \geq |c| > 2$, то согласно предыдущему рассуждению орбита точки c стремится к бесконечности. В таком случае к бесконечности будет стремиться и орбита нуля. Согласно определению множества Мандельброта точка c ему не принадлежит. Теорема 2 доказана.

Теорема 3. Пусть $f_c(z) = z^p + c$, $p \geq 2$. Тогда справедливы следующие утверждения:

а) если $p \geq 2$, $p \in N$, то множество Мандельброта для функции $f_c(z) = z^p + c$ симметрично относительно вещественной оси;

б) если $p \geq 2$ – четное число, то множество

Мандельброта для функции $f_c(z)=z^p+c$ не симметрично относительно мнимой оси;

в) если $p\geq 3$ – нечетное число, то множество Мандельброта для функции $f_c(z)=z^p+c$ симметрично относительно мнимой оси, а значит, центрально симметрично.

Доказательство. а) Мы убедимся, что $f_c^{(n)}(0)=\overline{f_{\bar{c}}^{(n)}(0)}$ для каждого натурального числа n. Применим метод математической индукции по n, где n – номер итерации. При n = 1 имеем $f_c(0)=c$, а $f_{\bar{c}}(0)=\bar{c}$ и утверждение справедливо, поскольку $\overline{f_{\bar{c}}(0)}=\bar{\bar{c}}=c=f_c(0)$. Пусть теперь наше утверждение справедливо при n = k. То есть $f_c^{(k)}(0)=\overline{f_{\bar{c}}^{(k)}(0)}$. Покажем тогда, что $f_c^{(k+1)}(0)=\overline{f_{\bar{c}}^{(k+1)}(0)}$. Положим $f_c^{(k)}(0)=y=\overline{f_{\bar{c}}^{(k)}(0)}$. Тогда $f_{\bar{c}}^{(k)}(0)=\bar{y}=\overline{f_c^{(k)}(0)}$. Далее имеем:

$$f_c^{(k+1)}(0)=f_c\left(f_c^{(k)}(0)\right)=f_c(y)=y^p+c.$$

$$f_{\bar{c}}^{(k+1)}(0)=f_{\bar{c}}\left(f^{(k)}{}_{\bar{c}}(0)\right)=f_{\bar{c}}\left(\bar{y}\right)=\bar{y}^p+\bar{c}=$$
$$=\overline{y^p}+\bar{c}=\overline{y^p+c}.$$

Следовательно, $f_c^{(k+1)}(0)=\overline{f_{\bar{c}}^{(k+1)}(0)}$.

Таким образом, для каждого натурального числа n $f_c^{(n)}(0)=\overline{f_{\bar{c}}^{(n)}(0)}$. Покажем, что $c\in M_n$, тогда и только тогда, когда сопряженное число $\bar{c}\in M_n$.

Действительно, $f_c^{(n)}(0)=\overline{f_{\bar{c}}^{(n)}(0)}$ и $\overline{f_c^{(n)}(0)}=\overline{\overline{f_{\bar{c}}^{(n)}(0)}}=f_{\bar{c}}^{(n)}(0)$. Замечаем, что $\left|f_c^{(n)}(0)\right|=\left|\overline{f_c^{(n)}(0)}\right|$. Следовательно, последовательности $\left\{f_{\bar{c}}^{(n)}(0)\right\}_{n=1}^{\infty}$ и $\left\{f_c^{(n)}(0)\right\}_{n=1}^{\infty}$ одновременно сходятся или расходятся и а) доказано.

Докажем теперь б). Пусть $p=2k, k\geq 1$ – четное число. Найдем две точки, симметричные относительно мнимой оси, одна из которых принадлежит M_{2k}, а другая не принадлежит. Заметим, что $-1\in M_{2k}$, поскольку для функции $f_{-1}(z)=z^{2k}-1$ орбита нуля ограничена $\left\{f_{-1}^{(n)}(0)\right\}_{n=1}^{\infty}=\{0,-1,0,-1,...\}$. Однако $1\notin M_{2k}$, ибо для функции $f_1(z)=z^{2k}+1$ орбита нуля $\left\{f_1^{(n)}(0)\right\}_{n=1}^{\infty}=\left\{0,1,2,2^{2k}+1,\left(2^{2k}+1\right)^{2k}+1,...\right\}$ не ограничена.

Докажем в). Пусть $c=c_1+ic_2$ и $p=2k+1$, $k\geq 1$. Введем обозначение $\overleftrightarrow{c}=-c_1+ic_2$. Заметив, что модули комплексных чисел $c=c_1+ic_2$ и $\overleftrightarrow{c}=-c_1+ic_2$ равны, покажем, что $c\in M_{2k+1}$, тогда и только тогда, когда $\overleftrightarrow{c}\in M_{2k+1}$.

Итак, пусть p – нечетно. Покажем сначала, что $f_c^{(n)}(0)=\overleftrightarrow{f}_{\overleftrightarrow{c}}^{(n)}(0)$ для каждого натурального числа n, где $f(z)=z^p+c$. Применим вновь метод математической индукции по n, где n – номер итерации. При n = 1 имеем $f_c(0)=c$, а $f_{\overleftarrow{c}}(0)=\overleftrightarrow{c}$. Следовательно, наше утверждение справедливо. Предположим теперь, что утверждение справедливо при n = k. То есть $f_c^{(k)}(0)=\overleftrightarrow{f}_{\overleftrightarrow{c}}^{(k)}(0)$. Покажем тогда, что $f_c^{(k+1)}(0)=\overleftrightarrow{f}_{\overleftrightarrow{c}}^{(k+1)}(0)$. Положим $f_c^{(k)}(0)=y=\overleftrightarrow{f}_{\overleftrightarrow{c}}^{(k)}(0)$, где $y=y_1+iy_2$. Тогда $f_c^{(k)}(0)=\overleftrightarrow{y}=\overleftrightarrow{f}_{\overleftrightarrow{c}}^{(k)}(0)$. Далее, используя бином Ньютона и определение $k+1$ итерации функции $f(z)=z^p+c$, получим равенство (1):

$$\begin{aligned}
&f_{\overleftrightarrow{c}}^{(k+1)}(0)=f_c\left(f_c^{(k)}(0)\right)=f_c(y)=y^p+c_1+ic_2=\\
&=\left(y_1+iy_2\right)^p+c_1+ic_2=C_p^0y_1^py_2^0i^0+C_p^1y_1^{p-1}y_2^1i^1+\\
&+C_p^2y_1^{p-2}y_2^2i^2+C_p^3y_1^{p-3}y_2^3i^3+.....\\
&...+C_p^{p-3}y_1^3y_2^{p-3}i^{p-3}+C_p^{p-2}y_1^2y_2^{p-2}i^{p-2}+\\
&+C_p^{p-1}y_1^1y_2^{p-1}i^{p-1}+C_p^py_1^0y_2^pi^p+c_1+ic_2.
\end{aligned}\qquad(1)$$

Учитывая, что $\overleftrightarrow{c}=-c_1+ic_2$, получим равенство (2):

$$f_{\overleftrightarrow{c}}^{д+1}(0)=f_{\overleftrightarrow{c}}\left(f_{\overleftrightarrow{c}}^{(k)}(0)\right)=f_{\overleftrightarrow{c}}\left(\overleftrightarrow{y}\right)=\overleftrightarrow{y}^{p}+\overleftrightarrow{c}=$$
$$=\left(-y_1+iy_2\right)^p-c_1+ic_2=C_p^0\left(-y_1\right)^p y_2^0 i^0+$$
$$+C_p^1\left(-y_1\right)^{p-1}y_2^1 i^1+C_p^2\left(-y_1\right)^{p-2}y_2^2 i^2+$$
$$+C_p^3\left(-y_1\right)^{p-3}y_2^3 i^3+.....+C_p^{p-3}\left(-y_1\right)^3 y_2^{p-3}i^{p-3}+$$
$$+C_p^{p-2}\left(-y_1\right)^2 y_2^{p-2}i^{p-2}+C_p^{p-1}\left(-y_1\right)^1 y_2^{p-1}i^{p-1}+$$
$$+C_p^p\left(-y_1\right)^0 y_2^p i^p-c_1+ic_2. \qquad (2)$$

Замечаем, что на четных местах в (1) и (2) стоят одночлены, не имеющие в своем составе мнимой единицы i. Занумеруем данные одночлены члены слева направо. Получим выражения (3):

$$a_0=C_p^0 y_1^p y_2^0 i^0,\ b_0=C_p^0\left(-y_1\right)^p y_2^0 i^0;$$
$$a_2=C_p^2 y_1^{p-2}y_2^2 i^2,\ b_2=C_p^2\left(-y_1\right)^{p-2}y_2^2 i^2;\ldots;$$
$$a_{p-1}=C_p^{p-1}y_1^1 y_2^{p-1}i^{p-1},\ b_{p-1}=C_p^{p-1}\left(-y_1\right)^1 y_2^{p-1}i^{p-1};$$
$$a_{p+1}=c_1,\ b_{p+1}=-c_1. \qquad (3)$$

Из соотношений (3) замечаем, что одночлены, стоящие на четных местах, имеют противоположные знаки. Рассуждая аналогично, нетрудно убедиться, что на нечетных местах стоят одинаковые одночлены. Таким образом, если p – нечетно, получим $f_c^{(k+1)}(0)=\overleftrightarrow{f}_{\overleftrightarrow{c}}^{(k+1)}(0)$. Следовательно, $f_c^{(n)}(0)=\overleftrightarrow{f}_{\overleftrightarrow{c}}^{(n)}(0)$ для каждого натурального числа n.

Далее $\forall n\in N$ из равенства $f_c^{(n)}(0)=\overleftrightarrow{f}_{\overleftrightarrow{c}}^{(n)}(0)$ получаем, что $f_{\overleftrightarrow{c}}^{(n)}(0)=\overleftrightarrow{f}_c^{(n)}(0)$. Поскольку $\left|f_c^{(n)}(0)\right|=\left|\overleftrightarrow{f}_c^{(n)}(0)\right|$, то последовательности $\left\{f_{\overleftrightarrow{c}}^{(n)}(0)\right\}_{n=1}^{\infty}$ и $\left\{f_c^{(n)}(0)\right\}_{n=1}^{\infty}$ одновременно сходятся или расходятся.

Таким образом, $c\in M_p$, тогда и только тогда, когда $\overleftrightarrow{c}\in M_p$, что и доказывает симметричность множества Мандельброта относительно мнимой оси при $p=2k+1, k\geq 1$.

Далее, пусть $c=c_1+ic_2\in M_p$. Согласно пункту а) теоремы 3 $\bar{c}=c_1-ic_2\in M_p$. Поскольку p нечетно, то согласно пункту в) теоремы 3 множество Мандельброта симметрично относительно мнимой оси. Тогда $\overleftrightarrow{\bar{c}}=-c_1-c_2 i=-c\in M_p$. Теорема 3 доказана.

Теоремы 1 и 2 дают возможность глубже исследовать математические свойства множеств Жюлиа и множеств Мандельброта. Данные теоремы также позволяют разрабатывать эффективные алгоритмы для визуализации этих множеств на мониторе компьютера, без которого, как уже отмечалось, строить множества Жюлиа и множества Мандельброта (за редким исключением) невозможно.

Предложение 1. При каждом натуральном $p\geq 2$ множества Мандельброта M_p находятся внутри или на границе круга радиуса 2 с центром в начале координат.

Доказательство. Пусть комплексное число c такое, что $|c|>2$. Тогда в силу теоремы 2 $c\notin M_p$. Покажем, что при некоторых значениях p точка $c\in M_p$ может находиться на границе круга с центром в начале координат и радиусом, равным 2. Действительно, пусть $c=-2$, $p=2$. Тогда для функции $f_{-2}(z)=z^2-2$ орбита нуля $\{0,-2,2,2,2,...\}$ ограничена. Следовательно, $c\in M_2$. Видимо, это единственный случай. То есть не существует таких $p\neq 2$, для которых граничная точка окружности с центром в начале координат и радиусом, равным 2, принадлежит M_p. Предложение 1 доказано.

Предложение 2. Заполняющее множество Жюлиа для функции $f_c(z)=z^p+c$, $p\geq 2$ непусто.

Доказательство. Пусть n – натуральное число. Рассмотрим уравнение $f^{(n)}(z)=z$, левая часть которого является многочленом степени p^n, имеющим ровно p^n корней: z_1, z_2, z_3, ..., z_{p^n}. Нетрудно заметить, что для корней уравнения выполняются следующие равенства: $z_2=f(z_1)$, $z_3=f(z_2)$, ..., $z_{p^n}=f(z_{p^n-1})$, $f(z_{p^n})=z_1$. Таким

образом, орбита каждой точки $z_i \quad i=\overline{1,p^n}$ ограничена. И, следовательно, каждая из них принадлежит заполняющему множеству Жюлиа. Объединение всех неподвижных точек функции $f^{(n)}(z)$ $n \in N$ конечно или счетно, а следовательно, непусто.

Предложение 3. Если $p \geq 2$ – четное число, то множество Жюлиа для функции $f_c(z)=z^p+c$ центрально симметрично. Пусть z принадлежит заполняющему множеству Жюлиа. Тогда орбита точки z: $\left\{z, z^2+c, \left(z^2+c\right)^2+c, \ldots\right\}$ ограничена. Рассмотрим орбиту точки $-z$: $\left\{-z, (-z)^2+c, \left((-z)^2+c\right)^2+c, \ldots\right\}$. Сравнивая полученные последовательности, замечаем, что они отличаются только первым членом. Следовательно, орбита точки $-z$ ограничена, и она принадлежит заполняющему множеству Жюлиа. Если точка $-z$ принадлежит заполняющему множеству Жюлиа, то, рассуждая аналогично, нетрудно показать, что z также ему принадлежит. Предложение 2 доказано.

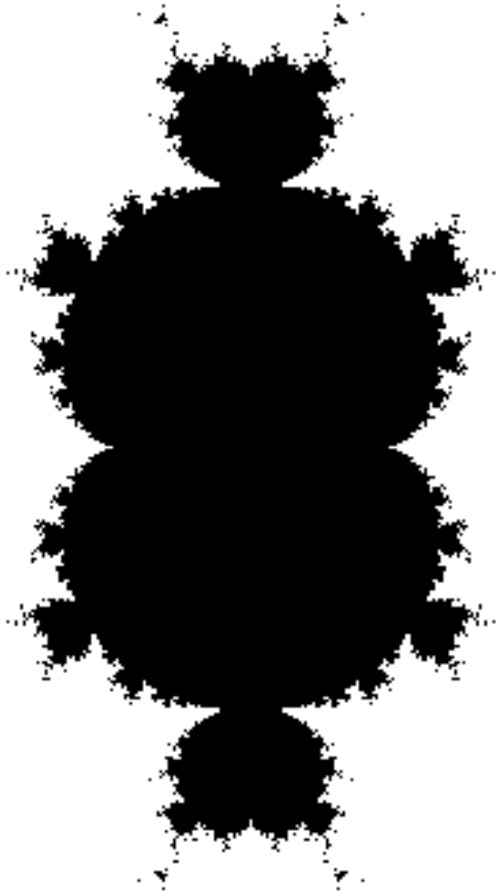


Рис. 1. Множество Мандельброта для функции $f(z) = z^3 + c$

Компьютерные эксперименты показывают, что множество Мандельброта M_p, порожденное многочленом $f_c(z)=z^p+c$, $p \geq 2$, состоит из доминирующей области, состоящей из $p-1$ примыкающих областей (для $p = 3$ см. рис. 1). Покажем, что внутренность этой области соответствует точкам c, для которых сопутствующее множество Жюлиа имеет притягивающую неподвижную точку. Докажем это и построим границу данной области.

Пусть z есть притягивающая неподвижная точка. Тогда выполняются два условия:

1) $f_c(z)=z^p+c=z$; 2) $\left|f_c'(z)\right|=\left|pz^{p-1}\right|<1$.

Из условия 2) следует, что точки границы удовлетворяют соотношению $p|z|^{p-1}=1$. Или же $|z|=\frac{1}{\sqrt[p-1]{p}}$. Тогда переменную z можно записать в виде $z=\frac{1}{\sqrt[p-1]{p}}e^{it}$ (*), где $t \in [0; 2\pi]$.

Учитывая условия 1), (*) и $z^p=\frac{e^{ipt}}{\sqrt[p-1]{p^p}}=\frac{e^{ipt}}{p\sqrt[p-1]{p}}$, получим выражение $c=\frac{1}{\sqrt[p-1]{p}}e^{it}-\frac{1}{p\sqrt[p-1]{p}}e^{pit}=\frac{1}{\sqrt[p-1]{p}}\left(e^{it}-\frac{e^{pit}}{p}\right)$, где $t \in [0; 2\pi]$, $p \geq 2$, которое является уравнением границы основной области множества M_p.

Положив $c=c_1+ic_2$, получим параметрическое уравнение данной линии:

$$\begin{cases} c_1=\frac{1}{\sqrt[p-1]{p}}\left(\cos t-\frac{\cos pt}{p}\right) \\ c_2=\frac{1}{\sqrt[p-1]{p}}\left(\sin t-\frac{\sin pt}{p}\right) \end{cases},$$

где $t \in [0; 2\pi]$, $p \geq 2$.

Найдем площадь S_p основной области множества Мандельброта M_p:

$$S_p = 2\int_{\pi}^{0} \frac{1}{\sqrt[p-1]{p}}\left(\sin t - \frac{\sin pt}{p}\right)\frac{1}{\sqrt[p-1]{p}}\left(\sin pt - \sin t\right)dt =$$

$$\frac{2}{\sqrt[p-1]{p^2}}\int_{0}^{\pi}\left(\sin^2 t + \frac{\sin^2 pt}{p} - \frac{(p+1)}{p}\sin pt \sin t\right)dt.$$

Вычисляя последний интеграл, получим: $S_p = \frac{1}{\sqrt[p-1]{p^2}}\left(\pi + \frac{\pi}{p}\right)$.

Заметим, что последовательность $\left\{\frac{1}{\sqrt[p-1]{p}}\right\}_2^{\infty}$ монотонно возрастает и предел ее равен единице. Таким образом, сопутствующее множество Жюлиа с притягивающей неподвижной точкой при достаточно большом p будет приближаться к кругу радиуса единица с центром в начале координат.

Это же предположение подтверждает и вычисленная нами площадь $S_p = \frac{1}{\sqrt[p-1]{p^2}}\left(\pi + \frac{\pi}{p}\right)$, поскольку $\lim\limits_{p\to\infty} S_p = \lim\limits_{p\to\infty}\frac{1}{\sqrt[p-1]{p^2}}\left(\pi + \frac{\pi}{p}\right) = \pi$ – есть площадь круга радиуса 1.

Согласно следствию 1 при достаточно больших $p\,(p > p_0)$ и $|c| < 1$ точка z, модуль которой больше единицы, не принадлежит заполняющему множеству Жюлиа $\overline{J(f_c)}$.

Заметим также, что

$$\lim_{p\to\infty}\left(\frac{1}{\sqrt[p-1]{p}}e^{it} - \frac{1}{p\sqrt[p-1]{p}}e^{pit}\right) = e^{it}$$

для каждого $t \in [0;\, 2\pi]$.

При p=3 получим:

$$\begin{cases} c_1 = \frac{1}{\sqrt{3}}\left(\cos t - \frac{\cos 3t}{3}\right) \\ c_2 = \frac{1}{\sqrt{3}}\left(\sin t - \frac{\sin 3t}{3}\right) \end{cases},\ t \in [0;\, 2\pi].$$

А обрамление M_3, у которого в сопутствующем заполняющем множестве Жюлиа будет неподвижная притягивающая точка, заполнит внутренность основной части множества Мандельброта, расположенной на рисунке 1.

Например, для функции $f_c(z) = z^3$ получим одну притягивающую неподвижную точку $z_1 = 0$ и две отталкивающие неподвижные точки $(z_2 = 1,\quad z_3 = -1)$.

Приведем таблицу (табл. 1) нескольких значений функции: $c = \frac{1}{\sqrt{3}}\left(e^{it} - \frac{e^{pit}}{3}\right)$.

Заметим, что данная линия простирается по вещественной оси от $-\frac{2}{3\sqrt{3}} \approx -0{,}39$ до $\frac{2}{3\sqrt{3}} \approx 0{,}39$.

Следует отметить, что согласно исследованным свойствам множеств Жюлиа и множеств Мандельброта алгоритмы их построения значительно сокращают число вычислительных операций.

Библиографический список

1. *Морозов А. Д.* Введение в теорию фракталов. – М.; Ижевск, 2002.

2. *Кроновер Ричард М.* Фракталы и хаос в динамических системах: пер. с англ. под ред. Т.Э. Крэнкеля. – М.: Постмаркет 2000.

3. *Божокин С. В., Паршин Д. А.* Фракталы и мультифракталы. – М.; Ижевск, 2001.

4. *Шредер М.* Фракталы, хаос, степенные законы: (миниатюры из бесконечного рая). – М.:

Таблица 1

t	0	$\frac{\pi}{2}$	π	$\frac{3\pi}{2}$
c_1	$\frac{2}{3\sqrt{3}} \approx 0{,}39$	0	$-\frac{2}{3\sqrt{3}} \approx -0{,}39$	0
c_2	0	$\frac{4}{3\sqrt{3}} \approx 0{,}78$	0	$-\frac{4}{3\sqrt{3}} \approx -0{,}78$

Научно-издательский центр «Регулярная и хаотичная динамика», 2001.

5. *Гринченко В.Т., Мацыпура В.Т., Снарский А.А.* Введение в нелинейную динамику. Хаос и фракталы. Изд. 2-е. – М.: URSS, 2007.

6. *Пайтген Х.-О., Рихтер П.Х.* Красота фракталов. Образы комплексных динамических систем: пер. с англ. под ред. А.Н. Шарковского. – М.: Мир, 1993.

УДК 636.2.082:591.421

Сиротина Марина Валерьевна
кандидат биологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
mvsirotina@gmail.com
Баранов Александр Васильевич
доктор биологических наук
Костромской НИИСХ Россельхозакадемии
Knicx@kosnet.ru

ИЗУЧЕНИЕ ДЕРМАТОФЕНОВ КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА

В статье описана история изучения дерматофенов носогубного зеркала крупного рогатого скота в России и за рубежом. Обращается внимание на эпигенетические основы фенетики, отмечен вклад авторов в развитие фенетики крупного рогатого скота.

***Ключевые слова**: фенетика, носогубное зеркало, дерматоглифы, эпигенетика.*

Фенетика – это научное направление, сформировавшееся в 70-е годы XX века на стыке генетики, классической зоологии и ботаники. Предметом фенетики является внутривидовая изменчивость, которая доводится до рассмотрения дискретных альтернативных признаков – фенов, а методы фенетики основаны на вычленении различных фенов, количественном и качественном их изучении. По мнению А.Г. Васильева [4; 5], в последние годы всё яснее становится, что фенетика основана на популяционном анализе процессов развития (эпигенеза) и является своеобразным «популяционным окном» в онтогенез и морфогенез. Впервые эта мысль была сформулирована А.В. Яблоковым [20] и развивалась в работах его учеников и последователей.

Успехи молекулярной биологии в последние годы позволяют установить реальное существование эпигенетических механизмов и их роль в регуляции процессов функционирования генома и морфогенеза [5; 8; 19]. По мнению Б.В. Конюхова, «фенотип многоклеточного организма рассматривается сейчас не как мозаика признаков, контролируемых отдельными генами, а как общий продукт взаимодействия многих тысяч генов в онтогенезе». Следовательно, генотип развивающегося организма представляет собой эпигенетическую систему, а фены представляют собой «маркеры» особенностей организации процесса «эпигенеза», то есть могут служить маркерами эпигенетической системы популяции. По мнению А.Г. Васильева [4], фены представляют собой результат дискретного осуществления в ходе развития последовательных или альтернативных шагов онтогенетических программ, лежащих в основе структурогенеза, и позволяют надёжно и устойчиво маркировать эпигенетическую специфику популяций и внутрипопуляционных групп.

У крупного рогатого скота в настоящее время выделено более 40 фенов. Среди них: дерматоглифы носогубного зеркала, вибриссы, форма завитков волос на некоторых частях тела, форма копытец, рогов, ноздрей, ушей, вымени, молочных колодцев, масть, форма и расположение отметин на туловище, конечностях и др., но наиболее перспективным направлением в фенетике крупного рогатого скота является изучение дерматофенов носогубного зеркала.

История изучения дерматоглифических узоров носогубного зеркала началась в 20-е годы XX века, когда вышел ряд работ, посвящённых этой тематике в Австрии, Англии, Германии, Японии, России. Основы фенетики дерматоглифов носогубного зеркала были разработаны на Украине А.Л. Трофименко в 70-е – 90-е годы прошлого века. Так, А.Л. Трофименко были проанализированы частоты дерматотипов у 14 пород крупного рогатого скота, сделаны выводы о породной специфичности распределения частот дер-

© Сиротина М.В., Баранов А.В., 2011

матотипов и о преимущественном распространении дерматотипа «ветка» у большинства пород. А.Л. Трофименко утверждал, что дерматоглиф характеризуется многими особенностями, имеющими генетическое и селекционное значение, в частности, для идентификации животных, экспертизы принадлежности к полу, уточнения критериев оценки типа конституции, интенсивности роста, повышенной плодовитости.

Наивысшую продуктивность А.Л. Трофименко отмечал для коров с типом дерматоглифа «ветка» [13; 23]. А.Л. Трофименко [18] были проведены исследования по оценке показателей спермопродукции быков-производителей с разными дерматотипами носогубного зеркала. По его данным, быки двух- – трехлетнего возраста с узором типа «колосок» в среднем за год имели наибольший объём эякулятов, за весь период использования они дали дополнительно 25 766 стандартизированных спермодоз. Оплодотворяемость коров от быков с типом носогубного зеркала «колосок» была наибольшей и достигала 78%.

Украинские исследователи широко сотрудничали с учёными лаборатории постнатального онтогенеза института биологии развития им. Н.К. Кольцова, и в результате совместных исследований дерматоглифов носогубного зеркала были оформлены авторские свидетельства: «Способ отбора быков-производителей крупного рогатого скота на повышенную спермопродукцию» [14], «Способ определения пола крупного рогатого скота по частям тела» [15]. Также украинскими учёными были запатентованы: «Способ оценки интенсивности прироста живой массы тёлок» [16]; «Способ отбора новорожденных телят желательного типа конституции» [17].

Одновременно проводились совместные исследования с Э. Пярна (Институт животноводства и ветеринарии, г. Тарту, Эстония) и Ф. Пирчнером (лаборатория разведения животных Мюнхенского технического университета, г. Фрайзинг, Германия), в результате которых была установлена наследственная обусловленность ряда количественных и качественных признаков дерматоглифики носогубного зеркала крупного рогатого скота и высокая корреляционная связь некоторых из них с хозяйственно-полезными признаками [29; 24]. Необходимо отметить, что в 90-е годы XX века в Германии проводились успешные опыты по формированию стад по признакам дерматоглифики носогубного зеркала, в результате которых резко выросла молочная продуктивность [21; 24] и, которые, к сожалению, были прекращены в связи с историческими процессами объединения Германии. В это же время в Индии проводились исследования связи строения носогубного зеркала и молочной продуктивности у индийского скота [26].

Изучение дерматофенов носогубного зеркала было продолжено и в XXI веке. Так, Ю.В. Аржанковой [2] изучены дерматоглифы носогубного зеркала у коров чёрно-пёстрой, красной эстонской и айширской пород. Вслед за А.Л. Трофименко автор отмечает преимущественное распространение у коров изученных пород дерматотипа «ветка», за исключением айширской породы. Ю.В. Аржанковой проведён сравнительный анализ элементов дерматофенов у животных исследованных пород, отмечен ряд закономерностей в распределении дерматофенов по линиям. Согласно заключениям Ю.В. Аржанковой, в стадах чёрно-пёстрого скота наивысшей молочной продуктивностью характеризуются животные с дерматотипами «ветка» и «крона». Ю.В. Аржанковой были проанализированы показатели живой массы и продолжительность хозяйственного использования животных с разными дерматотипами носогубного зеркала. Несколько позже автором был проведён сравнительный анализ частот встречаемости ISSR-фрагментов у черно-пестрых коров с разной структурой носогубного зеркала и сделана попытка дифференциации дерматоглифических фенотипов носогубного зеркала коров на основе AG-ISSR маркера [3].

А.Ю. Винокуров [6], исследуя дерматофены носогубного зеркала коров голштинской породы, отмечал, что наибольшее распространение имеют животные с дерматотипом «колосок», затем «крона» и «ветка». А.Ю. Винокуровым были построены дендрограммы дерматоглифического сходства линий в изучаемых хозяйствах. Исследователь отмечает практически полное совпадение дендрограмм, полученных в стаде ПСК «Красная звезда», в результате кластеризации показателей дерматоглифического и иммуногенетического сходства, что говорит о сопоставимости данных, полученных методами иммуногенетического и дерматоглифического анализа. А.Ю. Винокуровым проанализированы показатели продуктивности, воспроизводительной способности и живой массы коров голштинской породы в зависимости от дерматотипа носогубного зеркала.

В.Ю. Козловский [7], исследуя первотёлок чёрно-пёстрой породы в тех же хозяйствах, что и Ю.В. Аржанкова, выделяет пять дерматотипов, среди которых наиболее высокая встречаемость отмечена у животных с дерматотипами носогубного зеркала «крона» и «ветка». В.Ю. Козловским отмечено, что животные с этими дерматотипами характеризуются высокой молочной продуктивностью, содержанием жира и белка в молоке. Кроме того, автор даёт характеристику лактационной кривой в связи с дерматотипами носогубного зеркала по показателям коэффициента полноценности лактации и коэффициента равномерности удоя.

Ю.М. Малофеев, С.П. Ермакова, П.Б. Шестун [9] изучили особенности дерматоглифов носогубного зеркала маралов, обитающих в республике Алтай. Этими же авторами было проанализировано строение дерматоглифов у 46 коров чёрно-пёстрой породы в стадах учхоза «Пригородное» АГАУ и выявлено, что животные с типом дерматоглифа «крона» и «зерно» отличаются наивысшей молочной продуктивностью.

П.Е. Алексеева [1], исследуя носогубное зеркало якутского скота, отмечает, что у якутского скота выделено пять дерматотипов: «ветка», «колосок», «крона», «зернистый», «комби». Наибольшая частота встречаемости характерна для коров с дерматотипом «комби», для якутского скота характерны потоки типа «луч».

Ш. Мишра, О.С. Томер, Е. Кальм [27] проанализировали особенности строения дерматоглифов носогубного зеркала чёрно-пёстрого, красно-пёстрого скота и местных индийских пород. Н.П. Сингхом и А.М. Пателом [30] была исследована дерматоглифическая структура носогубного зеркала буйволов (Индия) и показана применимость её характеристик в прогнозировании возрастных и производственных показателей.

Л.Ю. Овчинниковой [10] были изучены дерматоглифы у 147 коров голландской и у 122 коров голштинской селекции чёрно-пёстрого скота Урала, выявлено восемь дерматотипов носогубного зеркала. Отмечается, что большинство коров стада имеют дерматоглифы «крона» (26,4%); «колосок» (21,2%), «ветка» (14,1%) и «зернистый» (13,4%). Л.Ю. Овчинникова отмечает, что среди коров голландской селекции наивысшая продуктивность была у животных с дерматотипом «зернистый», а среди коров-первотёлок голштинской популяции наибольшими удоями отличались животные, имеющие дерматотип «крона» и «ветка-крона».

С целью идентификации животных дерматоглифы носогубного зеркала используются в Новой Зеландии [28], Индии [27; 30], Японии [25], Ирландии [22].

Нами были проведены комплексные исследования дерматофенов носогубного зеркала крупного рогатого скота у 2 520 животных костромской, ярославской и красной горбатовской пород. Выявлены породные особенности строения дерматоглифов и выделен новый комбинированный дерматотип носогубного зеркала – «ветка-зернистый». Нами разработан алгоритм определения и компьютерная программа идентификации дерматотипов носогубного зеркала (CNChecker), усовершенствована методика исследования дерматоглифов. Кроме того, были проведены исследования комплекса дерматоглифических показателей (дерматотип носогубного зеркала, тип структуры, гребневой счёт) в связи с молочной продуктивностью крупного рогатого скота. Изучен полиморфизм дерматоглифов носогубного зеркала в генеалогических группах (в том числе в маточных семействах), особенности дерматоглифической структуры коров разных фенотипических групп. В результате исследований выявлены генетические особенности по EAB-локусу групп крови животных с разными дерматотипами носогубного зеркала, прослежена связь влияния генотипа и дерматотипа животных на их продуктивность, изучены морфометрические характеристики коров разных дерматотипов [11; 12].

В настоящее время под фенетические исследования подведена мощная теоретическая база современной эпигенетики, которая объясняет многие вопросы, казавшиеся спорными. Фенетика носогубного зеркала крупного рогатого скота привлекала и привлекает внимание исследователей многих стран мира, которые отмечают специфичность сочетаний частот дерматотипов для разных пород и корреляционные связи строения носогубного зеркала с хозяйственно-полезными признаками. Всеми авторами признаётся возможность идентификации животных по строению дерматоглифов носогубного зеркала. Учёт и использование фенотипического разнообразия дерматоглифов носогубного зеркала в селекции крупного рогатого скота будет вести к повышению точности отбора животных, что, в свою очередь, будет способствовать увеличению эффективности производства продуктов животноводства.

Библиографический список

1. *Алексеева П.Е.* Полиморфизм дерматоглифики якутского скота // Матер. конф., посвящ. 119-й годовщине со дня рождения академика Н.И. Вавилова. – Саратов, 2006. – С. 3–4.

2. *Аржанкова Ю.В.* Изучение дерматоглифов носогубного зеркала у молочных пород скота в связи с продуктивностью и происхождением: Дис. … канд. биол. наук. – Великие Луки, 2002. – 129 с.

3. *Аржанкова Ю.В.* Дифференциация дерматоглифических фенотипов носогубного зеркала коров на основе AG-ISSR маркера / Ю.В. Аржанкова, Г.С. Лозовая, Н.В. Федотова // ВНИИплем, 2010. – С. 52–55.

4. *Васильев А.Г.* Эпигенетические основы фенетики: на пути к популяционной мерономии. – Екатеринбург: Академкнига, 2005. – 640 с.

5. *Васильев А.Г.* Гомологическая изменчивость морфологических структур и эпигенетическая дивергенция таксонов: основы популяционной мерономии. – М.: КМК, 2009. – 511 с.

6. *Винокуров А.Ю.* Особенности генетико-популяционных процессов в голштинизированных стадах крупного рогатого скота в условиях Ульяновской области: Дис. … канд. с.-х наук. – 2002. – 160 с.

7. *Козловский В.Ю.* Эффективность некоторых методов отбора коров-первотёлок чёрно-пёстрой породы в хозяйствах с разным уровнем молочной продуктивности: Дис. … канд. с.-х. наук. – Великие Луки, 2004. – 135 с.

8. *Корочкин Л.И.* Что такое эпигенетика // Генетика. – 2006. – Т. 42. – № 9. – С. 1156–1164.

9. *Малофеев Ю.М.* Дерматоглифы носогубного зеркала коров учхоза «Пригородное» Алтайского госагроуниверситета / Ю.М. Малофеев, С.П. Ермакова, П.Б. Шестун // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2005. – № 2. – С. 56–58.

10. *Овчинникова Л.Ю.* Генетико-популяционные процессы при голштинизации чёрно-пёстрого скота Урала: Автореф. дис. … д-ра с.-х. наук. – Дубровицы, 2008. – С. 26–27.

11. *Сиротина М.В.* Полиморфизм дерматоглифов носогубного зеркала крупного рогатого скота / М.В. Сиротина, А.В. Баранов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 96 с.

12. *Сиротина М.В.* Фенетика носогубного зеркала крупного рогатого скота / М.В. Сиротина, А.В. Баранов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. – 215 с.

13. *Трофименко А.Л.* Дерматоглифический полиморфизм носогубного зеркала крупного рогатого скота в связи с молочной продуктивностью // Сельскохозяйственная биология. – 1987. – № 5. – С. 80–83.

14. *Трофименко А.Л.* Способ отбора быков-производителей крупного рогатого скота на повышенную спермопродукцию / А.Л. Трофименко, Д.Т. Винничук, А.С. Баранов, А.В. Яблоков // А.С. 1550654 СССР. – 1989. – 4 с.

15. *Трофименко А.Л.* Способ определения пола крупного рогатого скота по частям тела / А.Л. Трофименко, А.С. Баранов, А.В. Яблоков, Д.Т. Винничук, А.М. Машуров. // А.С. 1455404 СССР: МКИ А01К87/02: № 4250156/30–15. Заявл.26.02.87; Опубл. Бюл. №1. – 1989. – 8 с.

16. *Трофименко А.Л.* Способ оценки интенсивности прироста живой массы тёлок / А.Л. Трофименко, Д.Т. Винничук // А.С. 1642599 СССР. – 1989. – 3 с.

17. *Трофименко А.Л.* Способ отбора новорожденных телят желательного типа конституции / А.Л. Трофименко, Д.Т. Винничук, В.М. Демченко // А.С. 1613079 СССР. Опуб. бюл. Открытия, изобретения. – 1990. – № 46. – С. 19.

18. *Трофименко А.Л.* Теоретические и практические основы фенетики дерматоглифов носогубного зеркала крупного рогатого скота: Автореф. дис. … д-ра с.-х. наук. – М., 1991. – 31 с.

19. *Эллис С.Д.* Эпигенетика / С.Д. Эллис, Т. Дженювейн, Д. Рейнберг. – М.: Техносфера, 2010. – 496 с.

20. *Яблоков А.В.* Фенетика: эволюция, популяция, признак. – М., 1980. – 135 с.

21. *Baranov A.S.* Breed differences and intrabreed genetic variability of dermatoglyphic pattern of cattle / A.S. Baranov, R. Graml, F. Pirchner et al. // Jour. Anim. Breed. Genet. – 1993. – Vol. 110. – P. 385–392.

22. *Barry B.* The use of muzzle pattern for biometric identification of cattle / B. Barry, U. Gonzales Barron, K. McDonnell et al. // American Society of Agricultural and Biological Engineers. – 2007. – 50 (3). – P. 1073–1080.

23. *Вінничук Д.Т.* Кластерний аналіз дерматогліфів і молочності корів / Д.Т. Вінничук, О.Л. Трофименко // Молочно-м'ясне скотарство. – 1994. – Вип. 84. – С. 40–41.

24. *Graml R.* Milk protein genotypes and dermatoglyphics of cattle muzzle / R. Graml, A.S. Baranov, J. Buchberger // Arch. Anim. Breed. – 1993. – 36 (2). – P. 139–144.

25. *Kimura A.* Structural recognition textures with growing deformations: A case of cattlers muzzle patterns / A. Kimura, K. Itaya, T. Watanabe. – URL: www.interscience.wiley.com. DOI 10.1002/ecjb.20076.

26. *Mishra S.* Association between characteristics of muzzle and milk yield / S. Mishra, O.S. Tomer, E. Kalm // Indian journal of dairy science. – 1997. – Vol. 50. – № 5. – P. 384–387.

27. *Mishra S.* Breed differences through pattern ridge characteristics on the dermatoglyphics of the muzzle / S. Mishra, O.S. Tomer, E. Kalm // Egyptian Journal of Dairy Science. – 2006.

28. *Pandey S.N.* Myzzle printometry in bovines / S.N. Pandey // Indian Journal of Animal Sciences. – 1979. – 49(12). – P. 1038–1042.

29. *Parna E.* Association studies on production and muzzle dermatoglyphic in Estonian cattle of different genetic origin / E. Parna, A.S. Baranov, A.V. Yablokov // 2^{5th} International Conference on Animal Genetics. ISAG International Society for Animal Genetics. Section E: Association between markers and traits. 21–25 july 1996. – France. – 166 p.

30. *Singh N.P.* Muzzle dermatoglyphics pattern of Surti and Jaffarabadi buffalo and applicability in predicting the age and production performance / N.P. Singh, A.M. Patel // Jawaharial Nehru Krishi Vishwa Vidyalaya Research Journal. – 2006.

УДК 639.111.16

Соколов Н.В.
кандидат сельскохозяйственных наук
Соколов А.Н.
кандидат сельскохозяйственных наук
Костромской НИИ сельского хозяйства РАСХН
knicx@kosnet.ru

ЧТО ЕСТЬ ПРИРУЧЕНИЕ И ОДОМАШНИВАНИЕ

Приручение и одомашнивание животных всегда были прерогативой скотоводов – жителей открытых пространств. Рыболовы и охотники, осваивавшие таёжные просторы, в силу специфики рода их деятельности, одомашнивать животных не имели возможности и предпочитали пользоваться подготовленными животными. Чаще всего приручение животных рассматривается с позиции меркантильных соображений человека. Однако в нашей практике причины поимки диких лосят населением объясняются, в основном, жалостью и состраданием.

Ключевые слова: *животные, дикие, прирученные, домашние.*

За огромный отрезок времени, исчисляющийся тысячелетиями, список одомашненных животных практически не увеличился. И лоси, несмотря на то, что неоднократно приручались и использовались человеком, в сферу общечеловеческого внимания так и не попали. И это при том, что основные одомашненные виды были завезены в экстремальные условия таёжного севера России из климатически умеренных поясов и оказывались малоприспособленными как к суровым зимам, так и к хищникам, и к кровососущим насекомым, населяющим эти места. Объяснение этому можно найти у С.Н. Боголюбского [1]. Он пишет, что «домашние животные проникли (на таёжные территории России. – *С.Н.*) с юга, со степных районов в связи с тем, что кочевникам нужен был хлеб…, а земледельцам – мясо». Подобная специализация, безусловно, освобождала людей тайги от проблемы обеспечения себя продукцией, которую трудно получить в имеющихся условиях. Одновременно она снимала необходимость приручения и одомашнивания местных видов животных. Хотя, получая мясо, в некоторых случаях в виде живых лошадей, коров, овец жители лесной зоны были вынуждены их какое-то время передерживать и даже получать потомство. Но это к приручению и одомашниванию уже отношения не имело.

То есть, следуя сказанному, приручение и одомашнивание животных всегда оставалось прерогативой скотоводов, отделенных от гигантских северных территорий границей лесной зоны [9].

Было бы логично предположить, что таёжная зона заселялась рыболовами и охотниками и только потом земледельцами. Казалось бы, кому как не им заниматься одомашниванием. Однако если вникать глубже, оказывалось, что род занятий охотников и рыболовов предполагал постоянное

© Соколов Н.В., Соколов А.Н., 2011

их перемещение в поисках добычи, тогда как животные, содержащиеся у человека, требуют ежедневного внимания, ухода и кормления. Жены и дети охотников и рыболовов, конечно же, приручали некоторых животных, но заготовка кормов на зиму, строительство изгородей и укрытий опять же требовали мужской силы. Без всего этого прирученное животное будет уходить в поисках пищи и, рано или поздно, если не уйдет совсем, то станет добычей волков, приходящих в голодное время к жилищам людей.

Из всего сказанного вытекает следующее: кочевники пытались одомашнить то, что попадало в поле их зрения. Другое дело, все ли одомашниваемые виды могли конкурировать с уже одомашненными.

Что же касается таёжных видов, то, с одной стороны, их одомашнивать просто было некому. С другой – редкие посещения лесных угодий человеком, довольно часто заканчивающиеся для животных смертью или ранением, одомашниванию тоже не способствовали.

В настоящее время традиционные виды животноводства, выведенные на индустриальный уровень, при всех своих издержках, безусловно, препятствуют одомашниванию новых видов животных. Противниками одомашнивания, как правило, приводится один аргумент: а зачем? Тем более, нет соответствующих специалистов – знатоков одомашнивания животных и нет заказчиков, готовых финансировать столь призрачную идею. Глобализационные и интеграционные процессы также не способствуют появлению конкурентоспособного направления в отдельно взятой стране и, видимо, отодвинут освоение данного потенциала на долгие годы.

Уже более 70 лет с переменным успехом проводятся работы по одомашниванию лося, а также по получению и использованию продукции лосеводства. Однако, несмотря на столь значительный срок, до сих пор остается открытым вопрос: а что есть «одомашнивание» и чем оно отличается от «приручения»?

В большом энциклопедическом словаре [3] *одомашнивание (доместикация)* рассматривается как приручение диких животных и превращение их в домашних, специально разводимых человеком. Там же дается ссылка на одомашнивание (доместикацию) новых видов, таких, как антилопа, лось, норка, но не рассматривается термин *«приручение»*.

В словаре иностранных слов [10] *доместикация* трактуется как одомашнивание, приручение диких животных, что еще меньше объясняет как одомашнивание, так и приручение.

В Большой советской энциклопедии [2] дано достаточно полное, обстоятельное описание «одомашнивания», но такое понятие, как «приручение», не затронуто, хотя и выделяется в отдельный процесс. Там сказано, что ***одомашнивание – процесс приручения и последующего изменения человеком диких животных, в результате которого они становятся домашними.*** Далее поясняется, что домашними они становятся в результате совместного влияния условий кормления, содержания, тренировки и эксплуатации взрослых животных, приемов выращивания молодняка, а также в результате применения специальных приемов подбора животных для спаривания, искусственного отбора – селекции. Одомашненные животные значительно отличаются от своих диких предков не только повадками, нравом, но и по комплексу анатомо-физиологических признаков и, в особенности, по признакам продуктивности. В процессе одомашнивания сильно изменились общая величина животных, а также особенности их скелета, кожи, волосяного покрова, мускулатуры, внутренних органов, нервной системы; изменились время наступления половой зрелости, сезоны половой активности. Там же дана ссылка на то, что Ч. Дарвин [6], изучавший вопросы одомашнивания, в качестве общей закономерности отмечал, что вместе с изменением наследственности животных при одомашнивании значительно увеличивается, по сравнению с дикими предками, степень их разнообразия по анатомо-физиологическим и продуктивным признакам. Это связано с тем, что одомашненные животные подвергаются воздействию более разнообразных условий жизни, создаваемых человеком, чем животные, обитающие в природных условиях.

В малом толковом словаре русского языка [7] понятие «домашний» и «приручить» даны предельно кратко:

домашний – прирученный, не дикий;

приручить – приучить к исполнению воли человека, сделать послушным (внушить чувство доверия, привязанности).

Если первое понятие выглядит весьма общим, то второе – «приручить», на наш взгляд, заслуживает особого внимания, так как именно оно

достаточно полно раскрывает суть термина. Единственно, что хотелось бы дополнить, так это изменить порядок изложения определений. А именно: поставить в начало пункт – внушить чувство доверия животного к человеку. Далее – внушить чувство привязанности к человеку. И последнее – сделать животное послушным, то есть приучить к исполнению воли человека.

E.B. Hele [11] пишет, что *приручение* – это устранение склонности убегать от человека, тогда как *доместикация* сопровождается рядом биологических (морфологических, физиологических или поведенческих) изменений у животного.

Вызывает некоторое недоумение то, что слова «приручение» и «одомашнивание» не указаны в словарях таких авторов, как Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон [4] и В.И. Даль [5], хотя, возможно, эту претензию следует отнести только к этим, весьма кратким изданиям.

На наш взгляд, понятие «приручение» характеризует если не первую, то одну из начальных стадий одомашнивания и указывает на приучение изъятого из природы животного к человеку, а точнее, к рукам человека. Мы считаем, что определение, указывающее на то, что животное «срушное», «рушное», «ручное», не является иносказанием, поскольку у большинства животных конечности могут служить в качестве орудия агрессии, а значит, пойманные человеком животные в первую очередь опасаются его рук. Отсюда следует, что кормление животного из рук, а также прикосновение к нему руками меняет в сознании животного первоначальное увязывание образа рук с орудием агрессии на образ источника блага.

В дальнейшем, когда доверие к рукам человека полностью перенесется на образ человека, можно попытаться сделать животное послушным, исполняющим волю человека.

Важно то, что процедуру приручения зачастую вынуждены проходить и одомашненные виды животных. К ним относятся те, которые в детстве воспитываются матерями, но, по истечении того или иного срока, должны быть отняты от матерей для обучения их сотрудничеству с человеку. Классический пример тому – лошадь.

Использование импринтинга облегчает приручение животного, но не подменяет его.

То есть, **приручением мы можем назвать приучение отловленного в дикой природе или отнятого от матери животного к рукам человека с целью внушения этому животному чувства доверия к человеку для исполнения воли человека.**

Приручение может быть начальной стадией одомашнивания животного.

Что касается термина «одомашнивание», то, как нам кажется, в Большой советской энциклопедии [2] оно объяснено точно, полно и исчерпывающе. Однако было бы неправильным не попытаться раскрыть значение понятия «дикий», от которого, собственно, и начинается весь процесс одомашнивания. В толковом словаре русского языка В.И. Даля [5] слово *«дикий»* объясняется, как «в природном виде состоящий» и «необузданный, свирепый, суровый, чурающийся людей».

Настораживает местное западное обозначение кабана или вепря словом «дик».

В малом толковом словаре, составленном В.В. Лопатиным и Л.Е. Лопатиной [7] слово *дикий* трактуется как ненаселенный, глухой, мрачный (о местности) и неприрученный (о животных). Также в старинном разговорном языке глубинки Костромской области, вплоть до 1960 года, можно было услышать такие слова, как диканька – что-то вроде лешего – и диковать (о лисах и собаках) – взбеситься.

Как видим, согласно этому небольшому экскурсу в этимологию, в целом, смысл слова «дикий» сводится, в аспекте наших интересов, к суровому, чуждающемуся человека, даже агрессивному по отношению к человеку чему-либо или кому-либо. Дикий лес, дикие звери, дикие нравы – все это указывает на то, что данный объект нашего внимания для нас опасен, опасен в том плане, что он нас не ждет и не хочет допускать к себе, видя в своей дикости свое спасение от нас. Но человек силен и агрессивен. И в нашем случае, при некоторой адаптации к нашим требованиям, термин «дикое животное» может трактоваться следующим образом: **дикое животное – животное, обитающее в естественной среде и пока еще не подвергшееся воздействию приручения.**

В литературе, как правило, приручение животных объясняется меркантильными соображениями человека, такими, как желанием или необходимостью создания на трудный период запаса мяса, для использования в качестве тяглового, верхового или (и) вьючного животного, для использования в качестве манного или охотничьего животного с целью добычи диких животных, для получения продукции от живых животных,

такой как шерсть, молоко, яйца. И, наконец, для продажи [8; 9].

Однако, на основе нашего опыта, связанного с биологией, охотой, лесоводством, лосеводством и лосеведением, нам кажется более убедительной версия человеческой жалости, сострадания.

Любой биолог, любой охотник, несмотря на то что ему приходится постоянно сталкиваться с детенышами различных видов животных, практически никогда не берет их себе. Причин тому много. А именно:

1. У детеныша есть мать.

2. Сложности с выкармливанием, воспитанием, содержанием диких животных.

3. Нежелание лишних проблем, которые неизменно возникают при содержании животных:

– какой нужен корм?

– где его взять?

– как содержать животное?

– где его содержать?

– что скажут контролирующие органы?

И, вообще, для чего это животное, если, в случае необходимости, его можно добыть? Кроме того, многим видам есть альтернатива среди домашних животных.

В то же время любой ребенок или женщина, встретив беспомощного детеныша, сначала восторгаются им, потом, не увидев поблизости матери, жалеют его. А далее, убедив себя в необходимости спасения этого детеныша, берут его домой, совершенно не подозревая, что, по своей доброте, разлучают насовсем мать и дитя, обрекая последнего на мучения и, зачастую, на гибель.

К сожалению, детеныши животных попадают к человеку чаще всего тогда, когда у них идет период запоминания своей матери. Только что родившиеся, они не только не могут убежать, но и не пытаются этого сделать, так как пока еще не знают – чего бояться, от кого и к кому убегать. В результате, увидев человека, детеныш тянется к нему, и очень быстро запоминает, воспринимая его как свою мать.

С лосями именно так и происходит. Лосиха, родив лосенка, отходит от него, чтобы покормиться, на водопой или чтобы не выказывать себя и лосенка забредшему на их территорию человеку.

Человек, обнаружив лежащего или пытающегося неуклюже уйти лосенка, сначала, из любопытства, наблюдает за ним, а потом, из жалости, забирает его. К сожалению, подобранный человеком лосенок обречен если не на быструю смерть от неправильного питания или отсутствия соответствующей гигиены, то на медленную – от рахита и нарушения обмена веществ или на отсроченную, по причине неадекватного, по человеческим меркам, поведения.

Несмотря на различного вида запрещающие меры, каждую весну на Костромскую лосеферму поступают предложения от жителей области, егерей, охотоведов с просьбой принять на содержание лосенка. И таких предложений может быть более десятка за весну. Если же учесть, что только усилиями ветеринарных работников, специализирующихся на лосях, особой технологии содержания и гигиене удается избежать на лосеферме гибели 30–40% лосят, то можно только догадываться, сколько лосят гибнет необъявленными от жалости доброжелателей.

Нужно отметить, что на заре животноводства из взятых по причине жалости животных часть выжила, иначе не было бы одомашнивания. Более того, люди, наблюдая за поведением животных, их питанием и жизнью, пользовались этими знаниями при содержании животных у себя дома. В ходе опыта они находили оптимальные пути в содержании отловленных животных. А то, что достигалось, перерастало в устные предания, сказания, приметы, изображалось на скалах и поделках.

В настоящее время трудно создать федеральную или региональную программу по целенаправленному, научно обоснованному одомашниванию перспективных видов животных. Тем не менее, на фоне ухудшающейся экологической обстановки и истощения природных ресурсов, а также достижения предела возможностей эксплуатации ранее одомашненных видов, эта проблема становится всё более актуальной. Поэтому уже сейчас требуется самое тщательное детальное изучение этого вопроса, что позволит не только использовать богатейший потенциал этих животных, но и защитить их от попыток гибельного стихийного приручения.

Библиографический список

1. *Боголюбский С.Н.* Происхождение и преобразование домашних животных. – М.: Советская наука, 1959. – 594 с.

2. Большая Советская Энциклопедия / под ред. Б.А. Введенского. 2-е изд. – М., 1954. – Т. 30. – С. 545–546.

3. Большой энциклопедический словарь: В 2 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – Т. 2. – 768 с.

4. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Современная версия. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 672 с.

5. *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 736 с.

6. *Дарвин Ч.* Изменения домашних животных и культурных растений / под ред. акад. Е.Н. Павловского. – М.; Л., 1951. – Т. 4. – 500 с.

7. *Лопатин В.В., Лопатина Л.Е.* Малый толковый словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1990. – 704 с.

8. *Носков Н.М.* Основы этологии. – Горький: Волго-Вятское кн. изд., 1973. – 256 с.

9. *Отрыганьев Г.К.* Как приручили животных. – М.: Колос, 1972. – 122 с.

10. Словарь иностранных слов. 14-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1987. – 608 с.

11. *Hele E.B.* Domestication and the evolution of behavior // Jn. E.S.E. Hafez (Ed). The behavior of domestic animals. (2 d Ed). – Baltimore: Williams and Wilkins, 1969. – P. 22–42.

УДК 519.241.6: 519.25: 581.55: 634.948

Аверкиева Ирина Юрьевна,
Припутина Ирина Владимировна
Учреждение Российской академии наук Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (Пущино Московской области)
averkieva25@rambler.ru

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ТЕХНОГЕННОЙ ЭМИССИИ NO_x НА ПИТАТЕЛЬНЫЙ РЕЖИМ ЛЕСНЫХ БИОГЕОЦЕНОЗОВ ПОДМОСКОВЬЯ

В статье рассмотрено влияние техногенной эмиссии оксидов азота (NO_x) на питательный режим (обеспеченность азотом) почв лесных биогеоценозов Московской области на основе анализа почвенно-геохимических, геоботанических и других экосистемных показателей.

***Ключевые слова**: оксид азота, питательный режим, лесные экосистемы.*

Леса Подмосковья имеют особое экологическое значение для столичного региона, выполняя важнейшие средообразующие, рекреационные и прочие функции. При этом на протяжении многих столетий они испытывают разноплановое антропогенное воздействие, интенсивность и специфика которого меняются во времени. Начиная с 70-х–80-х гг. прошлого века, заметным фактором техногенного влияния на состояние лесных биогеоценозов Московской области является эмиссия атмосферных поллютантов, в т.ч. оксидов азота (NO_x). В отечественной литературе практически отсутствуют экспериментальные данные по анализу влияния техногенных нагрузок азота на продуктивность, видовой состав и экологическое состояние лесов. В то же время, мониторинговые исследования, выполняемые в Европе, свидетельствуют о существенной трансформации биогеохимического цикла азота в лесных экосистемах в результате повышенного поступления соединений азота с атмосферными выпадениями, что ведет к различным экологическим проблемам (Grennfelt, Thornelof, 1992; Bobbink et al., 2003).

Для Центральной России в целом и для Московской области в частности специалистами прогнозируется рост эмиссии оксидов азота в ближайшие годы (Соколовский, 2004), что может привести к увеличению атмосферной поставки азота в экосистемы. В этой связи, исследования по оценке экологического состояния, питательного режима и устойчивости лесов Подмосковья в отношении воздействий эвтрофирующих и кислотообразующих соединений азота приобретают особую актуальность.

Целью данной работы был анализ почвенно-геохимических и геоботанических показателей, характеризующих питательный режим (обеспеченность азотным питанием) лесных экосистем Подмосковья, с учетом влияния на эти показатели природных и техногенных факторов. В задачи исследования входили: (I) оценка параметров и преобладающих форм поступления азота с атмосферными выпадениями; (II) определение содержания доступных растительности форм азота в почвах; (III) характеристика обеспеченности фитоценозов азотным питанием на основе геоботанических показателей (экологических шкал); (IV) анализ зависимости азотного статуса лесных

© Аверкиева И.Ю., Припутина И.В., 2011

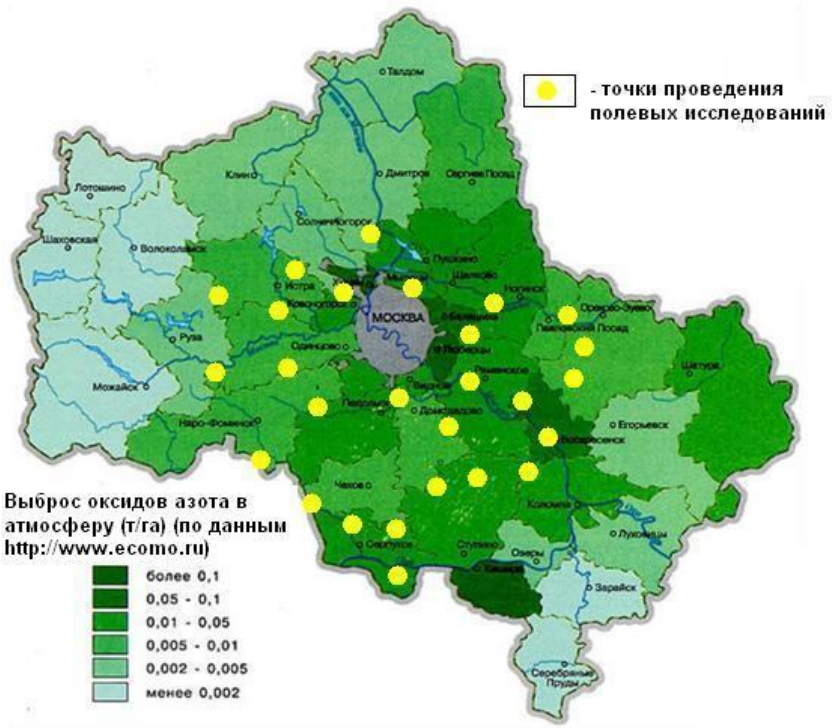


Рис. 1. Схема расположения ключевых участков на территории Московской области.
В качестве карты-основы использована карта выброса оксидов азота в атмосферу, представленная на сайте Общества охраны природы Московской области http://www.ecomo.ru.

биогеоценозов от природных и техногенных факторов.

В качестве ***объектов исследований*** в данной работе рассматриваются типичные для Подмосковья лесные биогеоценозы, различающиеся по составу древостоев, видовой структуре напочвенного покрова и почвенным характеристикам, расположенные на разном удалении от потенциальных источников эмиссии техногенного азота (автотрасс, предприятий энергетики и др.). Исследовано более 20-ти ключевых участков, отражающих существующее разнообразие почвенно-геохимических и геоботанических условий территории Московской области, включая территорию Приокско-Террасного государственного природного биосферного заповедника (далее ПТБЗ).

Таблица 1

Краткая характеристика исследованных типов леса

Номер в базе данных	Преобладающие породы древесного яруса	Преобладающие виды напочвенного покрова	Преобладающий тип почв
1	Береза	Лугово-опушечные	Дерново-подзолистые преимущественно суглинистые
2	Осина	Разнотравье	Дерново-подзолистые и серые лесные преимущественно суглинистые
3	Ель с участием березы, осины, дуба	Неморальные или разнотравье	Дерново-подзолистые и серые лесные преимущественно суглинистые
4	Ель	Осоковые и разнотравные	Дерново-подзолистые преимущественно суглинистые
5	Сосна с участием березы	Неморальные	Дерново-подзолистые преимущественно песчаные и супесчаные

Схема расположения ключевых участков показана на рисунке 1. Фитоценозы ключевых участков в зависимости от преобладающего состава древесных ярусов и напочвенного покрова были подразделены на пять типов леса в соответствии с классификацией Сукачёва (табл. 1).

Полевые исследования проводились на выбранных ключевых участках в 2009–2011 гг. и включали отбор проб снега (в конце каждого зимнего сезона), почвенно-геохимическое опробование и выполнение геоботанических описаний (в середине вегетационного сезона). Дополнительно, на территории ПТБЗ в течение вегетационных сезонов 2010–2011 гг. проводился мониторинг динамики минеральных соединений азота в почвах.

Пробы снега отбирались в конце марта по общепринятой методике (Глазовский и др., 1983). Снег (смешанный образец из 5-ти или 10-ти снежных кернов с фиксированным диаметром) отбирался раздельно на открытых участках и под древесным пологом с площади 5–10 м^2. В лаборатории образцы растапливались при комнатной температуре и фильтровались для удаления пыли и растительного опада, измерялся объем полученной талой воды. За трехлетний период было отобрано 56 проб.

Геоботанические описания площадок включали характеристику структуры древостоев, видового состава и оценку обилия видов напочвенного покрова.

Почвенные пробы отбирали из верхнего гумусового горизонта (до глубины 10 см), с учетом того, что в лесных биогеоценозах таежно-широколиственной зоны для этого слоя характерны наибольшие насыщенность корней и активность микробиоты, и здесь же содержится основной пул органических и минеральных соединений азота (Почвы..., 1979; Звягинцев и др., 2005). С площадки (примерно в 10 м^2) методом конверта брался смешанный образец из 5-ти индивидуальных проб. Общее число почвенных проб – 130.

Мониторинг динамики минеральных соединений азота в почвах ПТБЗ выполнялся по такой же схеме (смешанный образец из 5-ти индивидуальных проб с площадки в 10 м^2). Опробование проводилось с периодичностью один раз в 2 недели на 4-х площадках под разными типами древостоев (смешанным хвойно-широколиственным, осиново-березовым, еловым и сосновым). В связи с особенностями снеготаяния в 2010 г., отбор почвенных проб в ПТБЗ начали в середине мая, в 2011 г. – в конце апреля. Опробование проводилось до середины ноября.

Химико-аналитическая часть работы включала определение в пробах талой снеговой воды и в почвах концентраций минеральных соединений азота: нитратов ($N\text{-}NO_3$) и обменного аммония ($N\text{-}NH_4$). Определение проводили калориметрическим методом, используя фенолятгипохлоритную реакцию в модификации В.Н. Кудеярова (1965, 1969). В почвенных пробах дополнительно по общепринятым методикам определялись стандартные почвенные показатели (pH, содержание органического вещества, гранулометрический состав, содержание обменных катионов и др.); общее содержание азота определено методом кислотного озоления (Воробьёва, 2006).

Обработка геоботанических данных включала в себя эколого-ценотическую характеристику видов и анализ видовой структуры напочвенного покрова на ключевых участках с использованием программы EcoScaleWin (Зубкова и др., 2008), что позволило оценить условия обеспеченности почв ключевых участков азотом по соответствующим экологическим шкалам Г.Элленберга и Д.Н. Цыганова.

Будучи важнейшим элементом питания растений, азот традиционно относится к числу лимитирующих факторов продуктивности фитомассы во многих природных экосистемах, включая леса умеренной зоны. При этом его суммарные запасы в лесных экосистемах могут составлять от 1,5–3 до 8–20 т/га и выше, в зависимости от типа леса и почвенно-климатических условий (Федорец, Бахмет, 2003). Отмечаемое «лимитирование по азоту» связано с высокой замкнутостью биогеохимического цикла азота в лесных биогеоценозах и относительным недостатком в лесных почвах доступных растениям минеральных и простых органических соединений азота. Считается, что преобладающей формой минерального азота в лесных почвах, особенно на поздних стадиях сукцессии фитоценозов, являются аммонийные соединения (Умаров и др., 2007). Они же преобладают в составе атмосферных выпадений азота в фоновых районах (Sutton et al., 2009). Однако в силу активного поглощения азота биотой, содержание $N\text{-}NH_4$ в корнеобитаемом слое почв, как и суммарное содержание минеральных форм обычно не велико. Высокая сбалансированность всех звеньев азотного цикла в лесах, как правило, ограничивает «непродуктивные» потери азота из

лесных экосистем в результате вымывания нитратов или эмиссии N_2 и N_2O в атмосферу из почв в результате развития процессов денитрификации (Умаров и др., 2007; Gundersen, 1995; Nave et al., 2009).

Техногенная эмиссия азота, в которой преобладают оксиды NO и NO_2, ведет к интенсификации миграционных потоков минеральных соединений азота из атмосферы в экосистемы за счет их дополнительного поступления с осадками или сухого осаждения. На первоначальных стадиях это обусловливает активное поглощение «дополнительного» легкоусвояемого азота биотой и увеличение продуктивности природных фитоценозов, но по мере «насыщения» экосистем происходит нарушение исторически сложившегося масс-баланса азота, сопровождающееся целым рядом экологических изменений, ведущих, в том числе, к снижению устойчивости лесных биогеоценозов (De Vries et al., 2002).

Современный питательный режим лесов Подмосковья в отношении обеспеченности почв азотного питания определяется совокупным влиянием многих факторов, включая антропогенные. В соответствии с классификацией 1997 года, на территории области преобладают дерново-подзолистые и серые лесные почвы, сформировавшиеся под лесной растительностью на отложениях различного состава и генезиса, что определяет разнообразие и доступность элементов питания и щелочно-кислотные условия почв (Анненская и др., 1997). Предыдущими исследованиями (Башкин, 1987; Припутина, 1996) показано, что общее содержание азота в гумусовых горизонтах лесных почв Московской области составляет около 0,1–0,25% и заметно уменьшается с глубиной (до 0,02–0,05%). На долю минеральных соединений (нитратных и аммонийных) приходится не более 2–3% от общего содержания азота, что обусловливает средние концентрации $N\text{-}NO_3$ и $N\text{-}NH_4$ в верхних горизонтах, равные 1,1–1,7 мг N / 100 г почвы для каждой из форм, а на глубинах ниже 20-ти см – около 0,1–0,5 мг N / 100 г.

В исследованных нами *почвах ключевых участков* общее содержание азота соответствовало полученным ранее данным, составляя для верхних гумусовых горизонтов в среднем 0,1–0,2%. Концентрации $N\text{-}NH_4$ в середине вегетационного сезона изменялись от 0,15 до 1,6 мг N / 100 г почвы (в среднем – 0,4–0,8 мг N / 100 г). Содержание нитратов изменялось от 0,1 до 1,4 мг $N\text{-}NO_3$ / 100 г почвы (в среднем 0,3–0,6 мг N / 100 г). Суммарные концентрации доступных растительности минеральных форм азота для большинства рас-

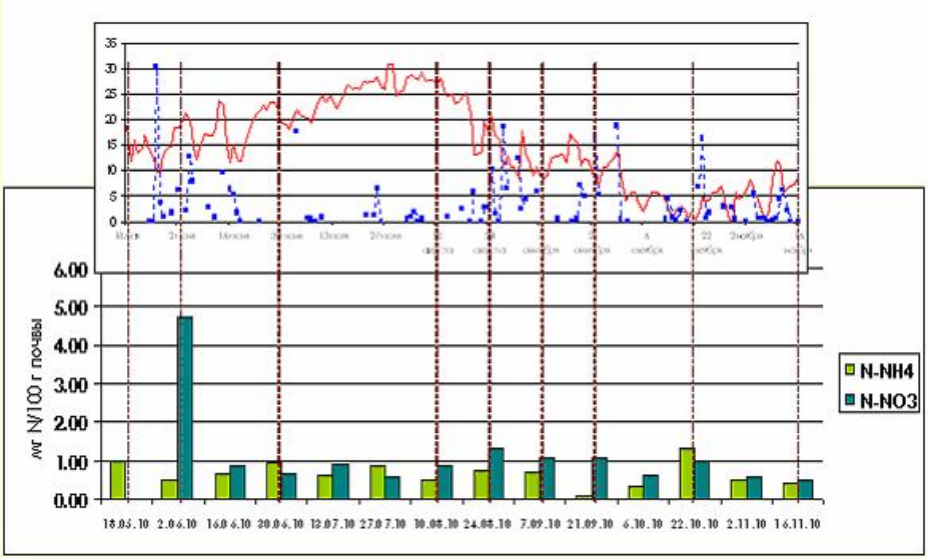


Рис. 2. Динамика климатических показателей (верхний график) и содержания минеральных соединений азота в гумусовом горизонте почв ПТБЗ (нижний график) в течение вегетационного сезона 2010 года.

На верхнем графике: красная сплошная линия – среднесуточная температура воздуха (°С), синие пуансоны – количество осадков (мм)

смотренных биогеоценозов составляли 1–1,5 мг N / 100 г почвы.

Однако *анализ динамики минеральных соединений азота в почвах* ПТБЗ в течение вегетационных сезонов 2010 и 2011 гг. показал, что, на фоне относительно равномерного распределения концентраций, аналогичных указанным выше, в лесных почвах возможны отдельные «пиковые» повышения концентраций как $N\text{-}NO_3$, так и $N\text{-}NH_4$ до 3–5 мг N / 100 г почвы. С агрохимических позиций (Гамзиков, 2000), такой уровень обеспеченности фитоценозов азотным питанием оценивается как повышенный. Эти разовые «пики» в мае–июне 2010 года совпадали по срокам с предшествующими им интенсивными осадками и последующим повышением суммарных суточных температур воздуха до +20°С и выше (рис. 2). Подобное сочетание погодных условий, по-видимому, приводит к усилению микробной активности почв, повышению скорости минерализации органического вещества и образованию повышенного пула минерального азота в гумусовом горизонте лесных почв, что и было зафиксировано при опробовании. В начале вегетации минеральный азот, как правило, «перехватывается» биотой. В случае же увеличения концентраций нитратов в середине или во второй половине вегетационного сезона, когда лесная растительность меньше нуждается в азотном питании, образование «свободного пула» минерального азота может привести к его потерям из почв в результате развития процессов денитрификации или вымывания нитратов.

По мнению специалистов, индикаторным критерием, отражающим возможность выноса нитратов из почв в почвенно-грунтовые воды, является соотношение в почвах концентраций углерода и азота (C/N). В исследованных нами почвах при содержании гумуса в верхних горизонтах 2–9% (или в пересчете на $C_{орг.}$ 1,5–5,5%) соотношение C/N изменяется в пределах 10–32, и преобладают почвы с величиной C/N 17–21. Согласно De Vries с соавторами (2002), при величинах C/N<24–25 в лесных почвах формируются условия, благоприятные для вымывания нитратов. Фактором, снижающим значение C/N в почвах, является повышенное поступление азота

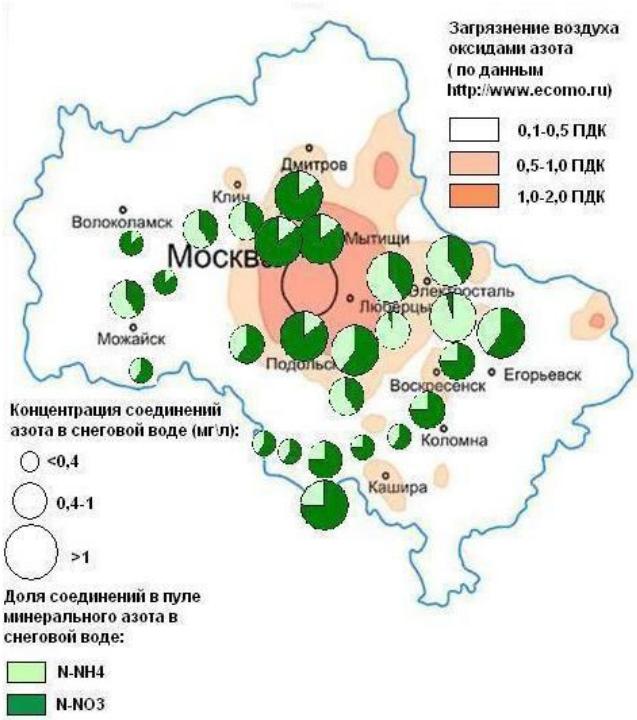


Рис. 3. Специфика атмосферной поставки соединений азота в лесные экосистемы Московской области в зимний период (по данным снегосъемки 2009–2011 гг.

В качестве карты-основы использована карта загрязнения воздуха оксидами азота, представленная на сайте Общества охраны природы Московской области http://www.ecomo.ru.

с атмосферными выпадениями, что ведет к ускоренной минерализации органического вещества.

Согласно полученным нами данным, *поступление азота в лесные экосистемы Подмосковья в течение зимнего сезона* определяет суммарные концентрации его минеральных соединений в талых снеговых водах от 0,2–0,5 до 2–2,6 мг N / л (в среднем – 0,8–1 мг N / л). Уровень концентраций аммонийных соединений в снеге составляет 0,1–1,6 мг N / л (в среднем – 0,2–0,35 мг N / л). Более высокая поставка $N\text{-}NH_4$ отмечается для юго-восточных сельскохозяйственных районов области, но в большинстве исследованных проб снега преобладали нитраты, концентрация которых изменялась от 0,15 до 2,4 мг $N\text{-}NO_3$ / л (в среднем – 0,4–0,7 мг N / л). Повышенное содержание $N\text{-}NO_3$ характерно для проб, отобранных в 20-ти–30-тикилометровой зоне атмосферного переноса поллютантов от столичной агломерации, что свидетельствует о влиянии техногенной эмиссии NO_x на азотный цикл в данных районах Московской области (рис. 3).

Корреляционный анализ подтверждает преобладающее влияние нитратов на суммарный уровень минерального азота в снеге; коэффициент парной корреляции равен 0,86 (для аммония аналогичный коэффициент равен 0,62). Также выявлена зависимость между содержанием минерального азота в снеге и концентрацией нитратов в почве; соответствующий коэффициент корреляции равен 0,7.

В рамках нашего исследования данные о содержании минерального азота в талых снеговых водах представляют интерес, как показатели обеспеченности лесной растительности доступным азотом в начальный период вегетации, когда процессы микробного разложения органического вещества еще замедлены. Кроме того, талые снеговые воды формируют необходимый для роста древесной растительности запас почвенной влаги и элементов питания на глубине. Согласно имеющимся экспериментальным оценкам (Bobbink et al., 2003), концентрации азота в почвенном растворе ниже 0,4 мг N / л соответствуют условиям оптимального питания олиготрофных видов напочвенного покрова (лишайников, мхов и др.); при концентрациях выше 0,6–1 мг N / л наблюдается вытеснение мезотрофных кустарничков более эвтрофными видами, например злаковыми; а при уровне содержания азота выше 2–3 мг/л – замена злаковой растительности широкотравьем. Таким образом, во многих из исследованных нами биогеоценозов Московской области условия азотного питания в начальный период вегетации соответствуют (удовлетворяют) «требованиям» мезотрофных и эвтрофных видов напочвенного покрова.

Естественно, что *распространение тех или иных видов растительности* в конкретных местообитаниях зависит от многих факторов, лишь одним из которых является обеспеченность почв азотом, потребность в котором различна у разных видов. Выполненные на ключевых участках геоботанические описания позволили нам провести экологическую оценку местообитаний по шкалам богатства почв азотом (использованы шкалы Д.Н. Цыганова и Г.Элленберга). Как показал анализ полученных данных, во всех исследованных фитоценозах присутствуют виды нитрофильной свиты, являющейся индикатором богатых минеральным азотом местообитаний. Одновременно, на многих площадках обнаружены олиготрофные виды, типичные для лесов Подмосковья. Оценка средних показателей обеспеченности биогеоценозов азотным питанием характеризует почвы Московской области как средне обеспеченные азотом или переходные к почвам, богатым азотом. Статистический анализ данных выявил зависимость между показателями (баллами), характеризующими экологические условия ключевых участков по шкале богатства почв Цыганова, и долей нитратов в снеговых водах; коэффициент корреляции равен 0,86.

Полученные данные показывают, что в лесных почвах Московской области в течение всего сезона вегетации присутствует пул доступных растениям минеральных соединений азота, соответствующий суммарным концентрациям 1–2 мг N / 100 г почвы. В зависимости от сочетания почвенно-геоботанических и климатических условий в конкретных местообитаниях возможно кратковременное повышение концентраций лабильного пула азота в почвах до 3-х–5-ти мг N /100 г почвы. Преобладание нитратов в составе атмосферных выпадений и их наличие в почвах в течение всей вегетации можно рассматривать как свидетельство влияния техногенной эмиссии NO_x на биогеохимический цикл азота и питательный режим лесных биогеоценозов Подмосковья. При пониженной потребности лесной растительности в азотном питании во вторую половину вегетационного сезона и при благоприятных почвен-

но-геохимических условиях свободный пул $N\text{-}NO_3$ в почвах может способствовать развитию процессов денитрификации и (или) вымыванию нитратов с почвенно-грунтовым стоком, определяя соответствующие экологические риски.

Благодарности. Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФИ (гранты № 07-05-00492 и № 09-04-01209). Авторы признательны В.П. Смирновой и Т.Н. Мякшиной за помощь в выполнении химико-аналитических работ, А.М. Ермолаеву и Е.В. Зубковой за консультации по анализу геоботанических данных. Выражаем благодарность администрации Приокско-Террасного государственного природного биосферного заповедника за предоставленную возможность проведения мониторинговых исследований.

Библиографический список

1. *Анненская Г.Н., Жучкова В.К., Калинина В.Р.* и др. Ландшафты Московской области и их современное состояние. – Смоленский гуманитарный ун-т, 1997. – 296 с.

2. *Башкин В.Н.* Агрогеохимия азота. – Пущино: ОНТИ НЦБИ АН СССР, 1987. – 270 с.

3. Теория и практика химического анализа почв / под ред. Л.А. Воробьёвой. – М.: ГЕОС, 2006. – 400 с.

4. *Гамзиков Г.П.* Принципы почвенной диагностики азотного питания полевых культур и применения азотных удобрений // Совершенствование методов почвенно-растительной диагностики азотного питания растений и технологий применения удобрений на их основе. – М., 2000. – С. 33–46.

5. *Глазовский Н.Ф., Злобина А.И., Учватов В.П.* Химический состав снежного покрова некоторых районов Верхнеокского бассейна // Региональный экологический мониторинг. – М.: Наука, 1983. – С. 67–86.

6. *Звягинцев Д.Г., Бабьева И.П., Зенова Г.М.* Биология почв: Учебник. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – 445 с.

7. *Зубкова Е.В., Ханина Л.Г., Грохлина Т.И., Дорогова Ю.А.* Компьютерная обработка геоботанических описаний по экологическим шкалам с помощью программы EcoScaleWin. Учебное пособие. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2008. – 96 с.

8. *Кудеяров В.Н.* Калориметрическое определение аммонийного азота в почвах и растениях феноловым методом // Агрохимия. – 1965. – №1. – С. 146–150.

9. *Кудеяров В.Н.* Калориметрическое определение нитратов в почвах методом восстановления их до аммиака // Агрохимия. – 1969. – №1. – С. 102–106.

10. *Афанасьева Т.В., Василенко В.И., Терешина Т.В. и др.* Почвы СССР. – М.: Мысль, 1979. – 380 с.

11. *Припутина И.В.* Распределение соединений азота в ландшафтах Московской области: Автореф. дис. … канд. геогр. наук. – М., 1996.

12. *Рябошапко А.Г., Брюханов П.А., Брускина И.М.* Мониторинг атмосферного трансграничного переноса загрязняющих веществ // Труды ЦЛГПБЗ. – Великие Луки, 2007. – С. 354–362.

13. *Свистов П.Ф., Першина Н.А., Полищук А.И.* Ежегодные данные по химическому составу атмосферных осадков за 1996–2000 гг. – М.: Метеоагентство Росгидромета, 2006. – 226 с.

14. *Соколовский В.Г.* Атмосферный воздух России // Использование и охрана природных ресурсов в России. – 2004. – №6. – С. 88–100.

15. *Умаров М.М., Кураков А.В., Степанов А.Л.* Микробиологическая трансформация азота в почвах. – М.: ГЕОС, 2007. – 138 с.

16. *Федорец Н.Г., Бахмет О.Н.* Экологические особенности трансформации соединений углерода и азота в лесных почвах. – Петрозаводск: КНЦ РАН, 2003. – 240 с.

17. Bobbink R., Ashmore M., Braun S., Fluckiger W., Van den Wyngaert I.J.J. (2003). Empirical nitrogen critical loads for natural and semi-natural ecosystems: 2002 update. In Empirical critical loads for Nitrogen. Environmental Documentation No. 164. Air., eds. D.Achermann & R.Bobink, pp. 43–170. Swiss Agency for Environment, Forests and Landshape SAEFL, Bern.

18. De Vries W., Reinds G.J., Van Dobben H., DeZvart D. et al. (2002) Intensive monitoring of forest ecosystems in Europe. Technical Rapport EC. UN/ECE. Brussels, Geneva (http://www.icp-forests.org/TRLII20002.pdf).

19. Gundersen P. (1995) Nitrogen deposition and leaching in European forests – preliminary results from a data compilation // Water. Air and Soil Pollution 85, 1179–1184.

20. Grinnfelt P, Thornelof E. Critical Loads for nitrogen – report from a workshop held at Lokederg (1992). Sweden.

21. Nave L.E., Vance E.D., Swanston C., Curtis P. (2009) Impacts of elevated N inputs on north temperate forest soil C storage. C/N and net N-mineralization // Geoderma 153: 231–240.

22. Sutton M., Reis S., Baker S.M. (Eds.) Atmospheric ammonia: Detecting emission changes and environmental impacts (2009). Springer.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1

Белозеров Александр Борисович
Вологодский государственный педагогический университет
borzytsch@mail.ru

ПОНЯТИЕ КОММУНИКАЦИИ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ К. ЯСПЕРСА

В статье показано отличие неклассического понимания коммуникации как диалога от классического как договора. Дан анализ экзистенциальной концепции коммуникации К. Ясперса как согласования экзистенции и разума через общение при помощи философской веры.

***Ключевые слова**: постнеклассическая наука, философия науки, коммуникация, концепции коммуникации, экзистенциализм, экзистенция, экзистенциальная коммуникация, философская вера.*

Философия науки является самостоятельной областью философского знания, которая возникла на пересечении особо значимых проблем философии, науки, её истории. Одним из актуальных вопросов философии науки является необходимость анализа роли коммуникации в познании, которая выступает связующим звеном различных отраслей знания, информационно соединяет и структурирует различные сферы научных исследований, способствует обмену идеями между ними, диалогическому пониманию и достижению конструктивного консенсуса. Поэтому на постнеклассическом этапе развития науки проблема коммуникации «становится одной из центральных тем ряда философских направлений» [1, с. 256].

В процессе развития философского и научного познания понимание коммуникации изменялось и трансформировалось. В классической теории познания, восходящей к просветительской идее общественного договора, под коммуникацией понимался контракт, сделка, участники которой ограничены обоюдными обязательствами, «воспринимают и осознают друг друга лишь в свете этих обязательств, т.е. абстрактно безлично» [3, с. 256], а договор выступает как связь, покоящаяся на фактической разобщённости людей.

В неклассической теории познания коммуникация рассматривается как сознательно устанавливаемая взаимосвязь, противоположная договору, а место контракта занимает контакт. Средством установления такой коммуникации становится дискуссия, в ходе которой выясняется не только общая, но и индивидуальная, неповторимая диалогичность общения.

На современном этапе философии науки понятие коммуникации используется достаточно широко и неоднозначно – как процесс общения людей; взаимодействия между субъектами познания; способ обмена информацией; сообщения и распространения информационных единиц.

Многообразие существующих концепций философского понимания коммуникации в постнеклассической науке обусловливает необходимость её дальнейшего системного рассмотрения и анализа. Особенный интерес в этом плане представляет экзистенциальная философия К. Ясперса, в которой в центре внимания находится экзистенция как определённый уровень человеческого бытия и связанная с ней экзистенциальная форма коммуникации.

Одним из центральных проблемных вопросов концепции экзистенциальной коммуникации Ясперса является анализ необходимых условий, при которых она становится возможной, достигая взаимного понимания между субъектами. Для их выявления Ясперс вводит понятия конечности, историчности, пограничной ситуации, философской веры, задающих единые интерсубъективные рамки коммуникации, в которой люди объединяются на пути к истине.

Понятие конечности подразумевает смертность человека, чувство вины, борьбу, ограниченность его сознания опытом, исторической и ситуационной связью с людьми, обществом. Термином пограничной ситуации определяются условия наступления конечности экзистенции, которую человек осознаёт в крайних случаях своего существования.

Экзистенция, как одно из основных понятий экзистенциализма, означает способ бытия конк-

 © Белозеров А.Б., 2011

ретной неповторимой личности, представляющий собой неопределенную, необъективируемую практическим и теоретическим знанием, потенциально открытую возможность существования. Бытие само по себе, которое объемлет человека, определяется Ясперсом как мир и трансценденция, а бытие, которое составляем мы, именуется «существованием, сознанием вообще, духом или же называется экзистенцией» [4, с. 425].

Объемлющее человека бытие является двойственным, так как, с одной стороны, это мир, представляющий собой частицу бытия в виде человеческого существа, с другой стороны – мир в целом, объемлющий людей и всё окружающее. Объемлющее бытие воспринимается как трансценденция, совершенно другое бытие, не включающее нас, но на котором мы основаны и к которому относимся. Поэтому познанный человеком мир никогда не является этим миром в полной мере понимания, в связи с тем, что он не предмет, а идея. Существование трансценденции в мире неуловимо, однако её присутствие подтверждается возможным указанием на нее в бытии мира. Трансценденция представляет собой такой уровень бытия, которому невозможно стать миром, сфера её нахождения указывает за пределы существования познания, как бы «говорит через бытие в мире» [4, с. 426].

Ясперс анализирует способы, посредством которых человек осознаёт своё бытие, которые заключаются в жизни человека в определённой среде, в представлениях о познании окружающих предметов, в существовании и духовном наполнении идей и возможной экзистенции. Наша жизнь является наличным бытием, проявления которого включают в себя процесс возникновения жизни, телесный образ, функции физиологии, наследственность, психические процессы, поведение, среду. В процессе исследования предметов наличного бытия, человек изобретает и использует «язык, орудия, структуры, деяния, предметно создает самого себя» [4, с. 426]. Жизнь остальных живых существ представляет наличное бытие в собственной среде. Только наличному бытию человека свойственна вся полнота проявлений и проникновений способов объемлющего, именно человек «становится их носителем, либо принуждает их служить себе» [4, с. 426].

«Сознанию вообще» как форме бытия принадлежит способность разделения мира на субъект и объект, поэтому всё входящее в сознание подлежит познанию и освоению в формах предметности и представляет для нас бытие. В данном контексте человек является «объемлющим сознанием» всех окружающих предметов. Человек, через понимание своей среды, предпринимает прорыв к познанию окружающих миров, при помощи мысли выходит за пределы мира и способен «мысленно представить себе его исчезнувшим, будто он есть ничто» [4, с. 426].

«Состояние духовной жизни» как форма бытия определяет жизнь идей, которые представляют собой особый внутренний импульс, находящий базовый смысл вещи, содержащий в себе «систематический метод проникновения, присвоения и осуществления» [4, с. 426]. Идеи действуют в настоящем времени и устремлены в бесконечность, они содержат в себе практические и теоретические компоненты воплощения реальности, которые не являются предметами, а проявляются в схемах и образах.

Бытие человека, считает Ясперс, не исчерпывается этими тремя способами объемлющего, посредством которых человек представляет собой мир. В этих способах объективация объемлющего дана в предметности, в них происходит реализация человека как эмпирического предмета «биологического и психологического, социологического исследования и исследования в области науки о духе» [4, с. 426].

Продолжая исследование человеческого бытия, Ясперс переходит к анализу человека как возможной экзистенции. Сама человеческая жизнь происходит из истоков, которые находятся вне пределов становящегося опытного объективного наличного бытия, за пределами сознания вообще и духа. Поэтому состояние жизни человека определяется и неудовлетворенностью, возникающей в результате несоответствия его представлений о себе своему наличному бытию, знанию, духовному миру, подчинённостью наличного бытия безусловному, в постоянном стремлении к единому. Человек не может получить удовлетворение не только одним, но и всеми вместе способами воздействия объемлющего на себя, поэтому он «стремится к единству в основании, которое только и есть бытие и вечность» [4, с. 427]. В силу этого осознание человеком бессмертия понимается не в качестве новой жизни, в ином образе, а в укрытии в вечности, которая представляется ему как «путь беспрерывного действия во времени» [4, с. 427].

Фактором, способствующим проявлению экзистенции, является философская вера, которая реализуется в видении непознаваемого, трансцендентного. Философская вера подобна религиозной вере, она ведёт к постижению истины, является единой для всего человечества, представляет собой внутреннюю уверенность глубоко и свободно мыслящего индивидуума, которая постоянно становится «яснее, осознаннее, продвигается далее посредством сознания» [4, с. 423]. Пространство содержания философской веры открывается через ответы на четыре основных вопроса, поставленных Ясперсом: «Что я знаю? Что, собственно, есть? Что есть истина? Каким образом я знаю?» [4, с. 431].

Поиск ответов на эти вопросы, с точки зрения Ясперса, направляет человека к трансцендентальному мышлению, которое в контексте теоретического метода характеризуется как научное, но из-за отсутствия определенного предмета исследования таковым не является. В результате, в незнании обнаруживается новый способ беспредметного знания, поэтому мышление через трансценденцию конечного постигает и бесконечное, что, в свою очередь, ведёт к познанию мира, постижению реальности бытия и открытию области веры.

Постижение человеком философской веры происходит через достижение единства субъективной и объективной сторон действительности, через историческое осознание истоков бытия. Уверенность человека в своем бытии составляет основную черту философской веры, которая отличается от догматического мышления открытостью, динамической объективностью, исконностью, поэтому она «существует лишь в союзе со знанием» [4, с. 423].

Продолжая рассмотрение философской веры, учитывая неопределенность её оснований и границы пространства объемлющего, Ясперс приходит к необходимости дать характеристику отношений, возникающих между разумом и коммуникацией. Процесс философствования занимает «промежуточное положение между истоками и целью» [4, с. 440], поэтому именно разум незримо побуждает нас идти к объекту познания, направляет к цели, выводит за пределы субъективности. Разум является необходимым моментом философской веры, он неотделим от рассудка, значительно превосходит его, чувство истины возникает только тогда, когда оно очищено в движении разума.

Разум, по утверждению Ясперса, способен анализировать значимость всех уровней истины, предотвращать её замыкание на себя. Истина подсказывает вере, которая может заблуждаться, определённый модус объемлющего. Утверждение непротиворечивости бытия является заблуждением веры сознания, так как оно способно лишь указать на противоречия, непостижимые для него. Содержание бытия, доступное сознанию, представляет собой «способ его явления в категориях общезначимого мышления» [4, с. 441].

Разум стремится объять полностью всю истину, не позволяет упускать отдельные моменты, довольствоваться неполными смыслами, ограждает от затруднений, преодолевает узость мышления, требует вступать во взаимодействие со всем имеющимся, искать везде и именно то, что необходимо, «охватывать даже противоположности и всегда постигать целостность, всякую возможную гармонию» [4, с. 441].

Разум пытается достичь прорыва в познании любой целостности, поэтому ему свойственно желание незавершенной гармонии, в этом он доходит до крайности, чтобы узнать подлинное бытие. Стимулом для работы разума становится бесконечная открытость вновь обретаемых смыслов. Сомнение является способом обретения истины, в котором рассудок основывается на экзистенции, а разум, сочетаясь с рассудком, постигнет не только реальность бытия, но и в конечном итоге вновь уверится в трансценденции. Объемлющее в нас без указания на подлинные истоки является разумом, который в качестве инструмента экзистенции должен выявить эти «истоки в их осуществленности как глубочайшее откровение» [4, с. 441].

Величие разума заключается в открытости, в стремлении проникнуть в тайны бытия, получить осведомленность о нём. Это является основанием любви ко всему существующему в бытии, которая проявляется в широте и тонкости понимания, стремлении к новизне, гибкости и готовности к коммуникации. Однако все это проявляется тонко, неявно, скрыто в сокровенном «воспоминании обо всем, что когда-либо было для него действительным» [4, с. 441]. Разум является способом связи всех модусов объемлющего и контролирует целостность всего сущего посредством своей открытости, действенности, соучастия, заинтересованности в познании. В стремлении к единству, исключая заблуждения, разум

требует «беспредельной коммуникации, он сам – тотальная воля к коммуникации» [4, с. 442]. Человек не может объективно обладать единой и вечной истиной в конкретном времени, поэтому наличное бытие возможно только в сообществе с таким же другим бытием, в которых экзистенция возможна совместно с другой экзистенцией, а «коммуникация являет собой образ открытия истины во времени» [4, с. 442].

Стремление к мнимому удовлетворению от постижения абсолютной истины, к одиночеству, во имя веры в Бога, приводит к замкнутости человека в себе, отсутствию любви, недоверию к диалогу. Такому стремлению «противостоит философская вера, которую можно назвать также верой в коммуникацию» [4, с. 442]. В ней имеют силу два основания, которые гласят, что истиной является то, что нас соединяет, а «в коммуникации заключены истоки истины» [4, с. 442]. Единственной действительностью, которую может постичь человек, является соединение доверия и понимания своего мира с миром другого человека. В диалоге, основанном на любви, находится «путь к истине, который теряется в изоляции, в упрямстве и в своеволии, в замкнутом одиночестве» [4, с. 442].

В связи с этим возможность общечеловеческой коммуникации как сокровенного, личностного общения, при котором человек постигает свою подлинную сущность и ориентирован на достижение истины, определяется и отождествляется с разумом, который посредством проявления своей воли способствует общению между людьми. С точки зрения Ясперса, соединение разума и экзистенции представляет собой высшую форму коммуникации, которая является центром миропонимания, основным критерием философской истины, понятием аксиологии, гносеологии и этики. По мнению Ясперса, область познания человека является самой увлекательной и волнующей темой исследования, в которой проблематично «подвести окончательный итог и полностью понять как человека вообще, так и отдельного человека» [4, с. 448].

Ясперс показывает и обосновывает соединяющую роль коммуникации, утверждая, что экзистенциальная коммуникация представляет собой высший тип общения. Человек является необъективируемым в эмпирическом смысле существом, поэтому к нему нельзя применять внешние рассудочные положения и опыт, с ним необходимо взаимодействовать как с экзистенцией, которая именно в общении раскрывается полностью. В результате этого, особое внимание Ясперс уделяет проблематике коммуникации, которая «проходит красной нитью через все его философское творчество» [2, с. 10].

Коммуникация, с точки зрения Ясперса, является изначальным феноменом и необходимым условием человеческого существования. Она возникает и осуществляется как общность взаимного сознательного понимания лишь в относительно свободном пространстве. Человеческое бытие предполагает наличие возможности передавать необходимые информационные сообщения через общение с людьми в свободном диалоге своей необъективируемой экзистенции и безусловного восприятия экзистенции собеседника. В результате этого, появляется возможность слышать и воспринимать мысли и чувства других людей и соответственно быть услышанным самому.

В контексте такой коммуникации возникает процесс взаимного открытия индивидуального мира человека через сопереживание и ценностное восприятие другого. При этом ведущими мотивами становятся трансцендентное, неуловимое, существующее неявно, незримо. В такой ситуации сверхчувственные, необъективируемые экзистенции расцениваются субъективным разумом в качестве реальности, индивидуально воспринимаемой человеком. В подобном коммуникативном взаимодействии разум постигает экзистенцию другого человека, в результате чего появляется возможность сопоставления и согласования экзистенции и разума через общение.

Таким образом, экзистенциальная коммуникация, устанавливающая диалогическую связь между людьми с помощью философской веры, позволяет согласовать экзистенцию и разум через общение. Экзистенциальная концепция коммуникации Ясперса явилась значительным вкладом в понимании места и роли коммуникации, разработке проблем её рациональности. Она включает в себя отдельные элементы наиболее значимых коммуникативных теорий и их дальнейшее развитие, осмысление и способствует разработке новых подходов и исследовательских программ, направленных на комплексное, интегративное понимание сущности феномена коммуникации в рамках единой исследовательской программы.

Библиографический список

1. *Артамонова Ю.Д.* Коммуникация // Словарь философских терминов. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 731 с.

2. *Гайденко П.П.* Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса // Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – С. 5–26.

3. *Рузавин Г.И., Соловьев Э.Ю.* Коммуникация // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. – 719 с.

4. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории: пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

УДК 37.01

Власова Наталья Александровна

Пермский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета

kaf_gum_dis@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ПОНИМАНИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

В статье рассматривается значимость философии образования с позиций постмодернистской теории. Обсуждается проблема онтологического плюрализма в приложении к образованию. Обозначена проблема поиска критериев для определения научных знаний, которые должны быть включены в содержание образования. Сделан акцент на проблеме аксиологического плюрализма и релятивизма.

Ключевые слова: *философия образования, постмодернизм, онтологический плюрализм, аксиологический релятивизм.*

Современная философия образования стремится осмыслить вызовы современности, найти различные решения, сформировать новые ценности и новое содержание образования. В философском сообществе острые дискуссии были вызваны кризисом образовательной системы в России. Формируются многообразные философские построения, связанные с осмыслением образовательной деятельности, ее целей, норм и ценностей.

Вступая в новый, информационный этап развития общества, следует вновь задуматься над целями и содержанием образования, формулировать новые цели и выявлять новые ценности, актуальные для информационного общества. При этом необходимо делать акцент на процедурах понимания, интерпретации, включенных в педагогическое отношение [3]. В этом определенную ценность и значимость играет философский постмодернизм.

Постмодернизм, представленный такими мыслителями, как М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делез, Ж.-Ф. Лиотар, В. Подорога, и зародившийся во второй половине XX века, первоначально воспринимался как одно из направлений лингвистической философии. Со временем он стал претендовать на роль макропарадигмы, которая пришла на смену классической парадигме логоцентризма. Постмодернисты относятся с иронией ко всем философским системам, принимая ведущим принцип онтологического плюрализма. Постмодернисты исходят из того, что существующий мир бесконечно сложен. Его невозможно объяснить, исходя из одного принципа или определенного круга понятий. Они убеждены, что жесткая понятийная схема скрывает бесконечно сложное содержание.

Постмодернисты полагают, что философия – это развертывание универсальной способности понимания существующего. Таким образом, разрушается логоцентрическая парадигма классического типа философствования. Постмодернистская культура символична, характеризуется повышенной гибкостью и подвижностью интеллектуальных форм. Постмодернизм рассматривает понятия как самодостаточные, поэтому нет никакого запрета на их произвольное сочетание (пусть даже самое абсурдное). Постмодернисты в каждом случае выдвигают свое основание, используют свой язык. А если и используют общие термины, то остается скрытым содержательное единство этих терминов, содержание может быть автономным.

Существенная проблема, на наш взгляд, кроется в следующем. Постмодернисты в качестве ведущего утверждают принцип онтологического плюрализма. А современное образование довольно однообразно. Образование в классической парадигме понималось таким образом, что в образовательной системе мы довольно однозначно

© Власова Н.А., 2011

должны отражать мир в рациональных схемах. Постмодернисты утверждают, что никаких рациональных схем нет. Они критикуют сциентическую ориентацию классического образования, предлагают свое понимание связи науки с жизнью, с образованием, а также исходят из сложности понимания человека и мира, из невозможности в полной мере понять и объяснить жизнь, настаивают на полноправности множества интерпретаций.

Современная наука дифференцируется все больше. Должен допускаться и плюрализм знаний и оснований. Но, вместе с тем, в образовании должно быть некое единство знаний, являющихся основным содержанием образования. Возникает вопрос: какие научные знания могут быть представлены в образовании? Наука стремится дать объективно-истинное объяснение мира, общества, человека, закономерностей мышления. В различные эпохи возникали своеобразные способы постановки и решения научных проблем, что отражалось на содержании образования. Что считать научным знанием сегодня? Даже и понимание самой сути, что есть наука, каким образом она должна быть связана с образованием и становлением человека, в сравнении с прошлыми эпохами сегодня существенно изменяется. Нам важно понимать, что мы имеем в виду под научным знанием в настоящее время. Должно быть единство знания, представленного в образовании. Современная наука сильно обогнала образование. Лишь малая доля научных знаний в образовании представлена. А ведь школьное образование претендует на то, чтобы быть научным.

Постмодернистов интересует тот факт, что наука усложнилась настолько, что становится непонятным, как преподавать научные данные. Происходит дальнейший рост многообразия научного знания. С одной стороны, существует постмодернистская установка: должны преподаваться научные знания. Но проблема в том, какие из всего многообразия знаний в образовании преподавать? Что именно должно включать в себя содержание образования? По каким схемам и категориям надо осуществлять процесс образования? А школьникам надо давать конкретные знания по определенным схемам, в определенном объеме. Современность требует того, что надо учить пониманию, а для понимания нужна серьезно подготовленная база в виде системы взаимосвязанных конкретных знаний. Здесь существенной является проблема определения критериев отбора научных знаний.

Решение данной проблемы связано с пониманием того, какой образ человека и какие знания будут востребованы в обществе в ближайшей и дальнейшей перспективе. В нашем понимании, при определении критериев отбора научных знаний для образования, необходимо основываться на целостном, комплексном подходе. Надо учитывать, комплекс каких компетенций будет востребован в формирующемся информационном, постиндустриальном обществе. Необходимо осознавать и, возможно, заново определять *цель* образования – какого человека мы желаем формировать, *содержание* образования – это основные научные знания, и *средства* – методики, различные образовательные программы. То есть у нас должно быть выработано понимание того, чему и как учить.

Еще одна важная проблема, которая связана с первой и которую мы также здесь рассмотрим. Онтологический плюрализм в постмодернизме глубоко связан с аксиологическим плюрализмом и релятивизмом. Суть этого обоснования заключается в том, что не существует абсолютных ценностных систем. С позиций постмодернизма, мы должны формировать в процессе образования такого человека, который будет способен воспринимать другие ценностные системы. Постмодернисты утверждают, что надо ориентировать на диалог – на способность воспринимать другие смыслы, иные контексты. Необходимо использовать принцип аксиологического плюрализма: не существует абсолютных, универсальных ценностных систем. Плюралистичность постмодернисты считают единственно возможным подходом к ценностным системам в современную эпоху. Что это значит для России? Множество религиозных, национальных систем, культурных ценностей, политических и идеологических течений – все они построены на разных ценностях. И как раз они-то, все эти направления, не стремятся делать акцент на общем, что должно объединять людей, а сосредоточивают внимание именно на различиях, стремятся к обособлению и противопоставлению. То есть практическое противостояние противоречит теоретическому принципу плюрализма и релятивизма. Теоретические постулаты отражают действительность частично, только в некоторых моментах. А реальная жизнь, существующие отношения строятся не только на указан-

ных теоретических принципах равноправия ценностных систем. Существующие отношения и взаимодействия основываются и на множестве других принципов и факторов, далеко не всегда рационализируемых. Приоритетной системы ценностей нет. А это чревато для государства и общества, в результате – эклектика во всех сферах общественной жизни. Философский постмодернизм отражает и российскую ситуацию, и тенденции в мире в целом. В глобальной системе все ценностные системы должны быть признаны равноправными. А в образовании должны быть приоритеты. Поэтому возникает проблема. С позиций постмодернизма, не должно быть приоритетов: если брать за основу религиозные ценности, то преподавать надо все основные религиозные направления – и буддизм, и христианство, и иудаизм. В субъектах Российской Федерации система образования выборочно принимает за основу религиозные ценности. Но надо учитывать, что многие люди нерелигиозны – на какие ценности ориентироваться им? Есть поверхностный эффект множества возможных равноправных ценностных систем, тем не менее, возможно обнаружить присутствие действительных ценностей [4, с. 16].

Философия образования, в понимании постмодернизма, по необходимости должна отражать рост многообразия. Все претендуют на единство в многообразии. И проблема в том, каким должно быть основание для предполагаемого единства. Это основание и будет опорой для образования.

В понимании постмодернизма, философия образования имеет дело с несоответствием образования объективным процессам развития научного познания и процессам дифференциации знания с появлением новых знаний и технологий. Существуют тысячи специализаций. Постмодернизм и вся постнеклассическая наука требует вводить не только методы, но и ценностные ориентации: научное познание должно соотноситься с ценностями. Подразумевается, что истинное познание должно опираться на нравственность, выдвигается требование использовать достижения науки, опираясь на ценностно-нравственные основания.

Рост ценностных систем и рост человеческих практик не отменяет единства многообразия. Должна быть найдена форма единства. Для определения критериев единства многообразия должны быть найдены единые основания, то есть основания жизни человека и общества.

Постмодернистский плюрализм должен дать возможность разного прочтения, различных интерпретаций существования общества. При этом возможно использовать не только разброс объяснений, а применять плюрализм для разностороннего, разноуровневого, более целостного понимания, объяснения. Ведь современная действительность усложняется. Прежняя научная парадигма не отвергается, а дополняется этим плюрализмом, возможностью разного прочтения. Постмодернисты верно отмечают, что форма и содержание знания существенно изменяются. Реальность намного усложнилась и продолжает усложняться. Как объяснить усложняющийся мир? Какие связи и отношения существуют в обществе, развиваются в современном обществе, от чего они зависят? Что представляет собой современный человек, и каким мы определяем его для будущего? Совокупность этих трех составляющих представляет собой системное целое. Эта целостность, системность, хотя и отвергается постмодернистами, ими же эта целостность и подразумевается, как некое единство сложной реальности, для объяснения которой и нужен плюрализм в разностороннем понимании.

Научный метод объединяет явления в их разнообразии, которое, казалось, отрицает свойственную им общность. Мир характеризуется единством многообразия, целостностью, включенностью в него человека. Многообразие – это сумма всего особенного, что в мире существует. Объединение явлений отражает общее в мире – единство мира. Строгая научность и постмодернизм делают акценты на разных аспектах одной и той же действительности: научный метод – на общем, постмодернизм – на особенном.

Есть российская, американская, европейская системы образования – они претендуют иметь внутреннее единство. И надо постоянно осмыслять, как возможно это внутреннее единство, чтобы не потерялась универсальная составляющая образования. Растет количество педагогических технологий, множатся методики образования – это тоже ставит проблему единства образовательных систем. В них должны соотноситься цели (должны быть едиными) и средства (методики могут быть различными). Проблема в том, *что* определить как цель образования, то общее, чему надо образовывать, какой образ человека и образ государства мы желаем видеть как результат образования.

Существует мнение: несмотря на то что постмодернизм не реализовался как макропарадигма, он обладает эвристической ценностью в некоторых областях философского знания [2, с. 26].

Невозможно совсем отбрасывать фундамент прежней методологии (строго научной), но нельзя и то, что предлагается взамен (философский плюрализм), объявлять универсальным философским методом. Задача образования – научить ориентироваться в рамках общей методологии, чтобы уметь отделять эклектизм от комплиментарности исследовательских методов, то есть смесь различных аналитических методов и систем измерений от гармоничного взаимопроникновения, дополнения исследовательских методик, приемов в едином научном пространстве. Для более полного понимания возможно пользоваться структурными методами и проблемным сопоставлением.

Жесткий сциентизм и плюральность постмодерна – две крайности, которые не могут реализовать задачу формирования гармонично развитого человека. Поэтому необходимо осуществлять принцип комплиментарности, используя гармоничное взаимодополнение различных методологий.

Библиографический список

1. *Никифоров А.Л.* Философия науки: история и методология. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2006. – 276 с.

2. *Огурцов А.П.* Постмодернистский образ человека и педагогика // Человек. – 2001. – № 4. – С. 18–27.

3. *Огурцов А.П., Платонов В.В.* Образы образования. Западная философия образования. XX век. – СПб.: РХГИ, 2004. – 520 с.

4. *Панарин А.С.* Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств // Вопросы философии. – 2003. – № 6. – С. 16–36.

5. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – 543 с.

УДК 141

Зеленцова Марина Григорьевна
доктор философских наук
Торосян Ольга Азатовна
Ивановский государственный химико-технологический университет

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ И ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ

В статье дается критика субъективистского подхода к анализу ценностей, который характерен для философии XX века. Однако нужно отметить тот факт, что все ценности имеют объективные основания: они коренятся в универсальных человеческих потребностях. В статье также сделан вывод о том, что ценности, в том числе моральные, можно и нужно вывести из природы человека.

Ключевые слова: *мораль, ценность, человеческая природа.*

Современное человечество переживает сложнейший период своей истории – период кризиса индустриально-технической цивилизации. В ситуации кризиса потребность философского осмысления бытия ощущается особенно остро. Актуальным становится поиск и теоретико-методологическое обоснование новых мировоззренческих и ценностных установок, необходимых для перехода к оптимальному типу цивилизационного развития. В связи с этим усиливается значение аксиологии как фундаментальной философской науки.

Однако, к сожалению, приходится констатировать слабую разработанность самой аксиологии. Ценностная проблематика в исследованиях отечественных философов постсоветского периода практически отсутствует (едва ли наберется десяток работ за последние 20 лет), отсутствует и соответствующий раздел в подавляющем большинстве учебников по философии. До сих пор не выработано более или менее единого понимания ценности, ценностного отношения, оценки, не решены вопросы о логическом статусе ценностей (ценность – вещь, свойство, отношение?), о природе ценностей (субъективной, объективной или субъективно-объективной), о характере ценностей (универсальном или конкретно-историческом) и т.д. Последние две проблемы особенно остро стоят в отношении духовных ценностей, прежде всего, моральных.

© Зеленцова М.Г., Торосян О.А., 2011

Главным препятствием для научно-теоретического анализа ценностей является, на наш взгляд, широко распространенное и прочно укоренившееся убеждение в том, что ценности, идеалы и нормы относительны, субъективны, – либо вследствие своего конкретно-исторического характера, либо как выражение чувств конкретного индивида – и потому не только не имеют никакого отношения к объективной истине, но и вообще не поддаются научно-теоретическому анализу. Наиболее прямо и последовательно эту точку зрения выразили представители одного из направлений западной этики – эмотивизма (логического позитивизма). «Когда мы утверждаем, – писал, например, Б. Рассел, – что та или иная вещь имеет ценность, то даем выход нашим эмоциям, но ничего не говорим о фактах, природа которых не зависит от наших к ним чувств» [1, с. 200]. Автор отмечает, что его теория «трактует ценности с “субъективной” точки зрения: если у людей разные ценности, то их несогласие есть вопрос не истины, но вкуса» [1, с. 203], и делает вывод о том, что «наука не решает вопроса о ценностях …потому, что такого рода вопрос вообще не решается с помощью интеллекта. Ценность не имеет отношения к истине или лжи» [1, с. 206].

Нельзя не признать, что большинству людей действительно присущ моральный субъективизм, в соответствии с которым целью моральных поступков считается достижение субъективного состояния удовольствия или счастья. То есть человек оценивает как «хорошее» все, что доставляет ему удовольствие, и как «плохое» – все, что вызывает у него боль и страдание. При таком подходе понятие морали не связывается с высокоэтичным поведением. Как считает испанский философ Д.С. Соммэр, «субъективизм оправдывает все самые примитивные, животные импульсы и желания, полностью освобождая человека от беспокойства, стыда или вины, если реализация данных желаний и импульсов приносит ему удовольствие» [2, с. 50]. К сожалению, моральный субъективизм получает все большее распространение, и этому способствуют все те моралисты, которые утверждают, что мораль – дело личного выбора и желания.

(Интересно, что Б. Рассел в цитированной выше работе отводит от себя обвинение в аморализме, признавая, что «жизнь, которой большинство из нас восхищается, связана с великими *безличными* (курсив наш. – *М.З.*) желаниями», и «как бы мы ни определяли понятие ценности, мы все равно будем зависеть от существования безличных желаний» [1, с. 205]. Это высказывание означает, на наш взгляд, признание объективности и универсальности ценностей, в том числе моральных).

В современной отечественной литературе точка зрения релятивности морали тоже находит своих сторонников. Рассмотрим в качестве примера статью Н.В. Медведева «В поисках основания морали» [3]. Анализируя вопрос об объективных основаниях морали, автор отмечает, что многообразие типов культур и существующих в их рамках традиций, обычаев, норм поведения не дает оснований для вывода о наличии какой-либо общей основы морали, а скорее свидетельствуют о релятивности моральной практики и моральных ценностей. Автор критикует точку зрения, согласно которой мораль является «функцией» некоторой природной реальности [3, с. 83], то есть «связана с удовлетворением потребностей людей, укорененных в единой человеческой природе» [3, с. 86]. Эту точку зрения он называет «натурализмом», хотя, по сути, – это материализм. Какой может быть альтернативная точка зрения, автор не уточняет, но очевидно, что в качестве альтернативных остаются два варианта: либо согласиться с субъективистской трактовкой морали, либо принять учение о ее внеприродном и сверхчеловеческом источнике, то есть встать на позиции идеализма и религии.

Пытаясь представить аргументы против «натурализма», Н.В. Медведев обращается к вопросу об универсальности человеческой природы. «Действительно ли мы знаем, – спрашивает он, – что человеческая природа с ее потребностями, склонностями, влечениями всюду и всегда остается той же самой?» [3, с. 84]. Если не существует единой человеческой природы, то не существует и общего критерия, общего основания морали, считает автор, и в этом он, безусловно, прав. Автор отрицает наличие универсальных человеческих потребностей (как и универсальных характеристик культур разных народов) и вытекающих из них моральных ценностей. Человеческая природа, по его мнению, не есть нечто инвариантное, она формируется традицией, обществом, в котором живут люди. О единой человеческой природе можно говорить лишь на предельно абстрактном уровне, а это мало что дает для понимания моральных норм [3, с. 85–86].

На наш взгляд, здесь налицо явные логические противоречия. Если человеческая природа является продуктом разнообразных культур, то как же она все-таки оказывается единой, хотя бы на самом абстрактном уровне этого понятия? Значит, в ней все же есть нечто универсальное, инвариантное? И почему нужно общее, абстрактное отрывать от единичного, конкретного? Далее, если культура определяет природу человека, то чем же определяется она сама? Разве культура не создается самими людьми в процессе их жизнедеятельности с целью удовлетворения их потребностей? Мораль – это элемент культуры, значит, и моральные ценности каким-то образом связаны с потребностями и интересами людей, с объективными условиями их существования? Эта точка зрения представлена в работах ряда известных философов, которых вряд ли можно назвать приверженцами натурализма.

Так, в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса понятия «человеческая природа», «родовая сущность» и т.п. встречаются довольно часто. Правда, известно их утверждение о том, что никакой вечной, неизменной человеческой природы не существует и что вся история есть не что иное, как беспрерывное изменение и развитие человеческих способностей и сил. Но в то же время Маркс прямо говорил, что конкретно-историческое – это форма существования общего. Он обращал внимание на необходимость различать постоянное и изменяющееся в человеке, «фиксированные» стремления, общие всем людям, и «изменчивые аппетиты», которые обязаны своим происхождением лишь определенной форме, определенным условиям производства и общения…» [4, с. 245]. Споря с Бентамом, Маркс писал: «Если мы хотим узнать, что полезно, например, для собаки, то мы должны сначала исследовать собачью природу… Если мы хотим применить этот принцип к человеку, …то мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху» [5, с. 623].

Аналогичное решение проблемы универсальности человеческой природы было предложено и философами XX века. Так, Э. Фромм в одной из своих работ отмечает, что в человеке есть нечто всегда постоянное – природа, но ему присуще также великое множество переменных факторов, делающих его способным к обновлению, творчеству, созиданию и прогрессу [6]. При этом автор ссылается на ряд известных мыслителей различных эпох – Ф. Аквинского, Б. Спинозу, Т. де Шардена, в том числе и на К. Маркса, которые, по его мнению, размышляли в том же направлении, что и он сам. Фромм критикует точку зрения экзистенциалистов («существование предшествует сущности») как нежелательную и опасную, поскольку она означает, что не может быть единства людей, не могут быть найдены ценности и нормы, общезначимые для всех. Автор строит свою гуманистическую этику, опираясь на тезис об универсальности человеческой природы, постоянно подчеркивая, что познание реального человека возможно лишь в единстве абстрактных, общечеловеческих и конкретно-исторических характеристик его бытия.

Человек по своей общей природе – существо социальное, то есть живущее и способное выживать только в сообществах. Социальность присуща всему живому, человек унаследовал ее от своих животных предков. Человеческие гены передаются из поколения в поколение, пока люди остаются людьми. Наследуются и свойства социальности, потребности в сообществе. И свое духовное воплощение эти потребности получают в морали. Кроме социальных, человек характеризуется и индивидуальными, узколичными потребностями, а значит, в его поведении проявляются две противоположные объективные необходимости: одна в обеспечении общего, другая – личного блага. На основе их взаимодействия, в частности, противодействия друг другу, возникает необходимость их уравновешивания, гармонизации. Осуществление этой необходимости полезно для социума, а нарушение вредно и опасно как для общности в целом, так и для каждого ее члена. Именно она служит основанием морали, которая является духовным средством ее реализации. Таким образом, моральные ценности (и ценности вообще) вытекают из общей природы человека.

Ценность вообще – это значимость объекта для человека, соответствие объекта какой-либо из его целей. Цели человека не произвольны, они вытекают из человеческих потребностей, которые ориентируют человека на поиск возможностей их удовлетворения, следовательно, на поиск объектов, значимых для него, соответствующих его целям. Потребности, в свою очередь, вытекают из универсальной человеческой природы. Этой точки зрения придерживаются и представители западной философской антропологии вто-

рой половины XX века, на которых ссылается в своей статье Н.В. Медведев и которых он критикует за «натурализм». Так, А. Макбит в работе «Опыты в жизни» пишет: «Мне представляется, что все общества пытаются реализовать человеческую природу, а потому устремлены к одной и той же цели. Конечно, итоги этих усилий могут оказаться разными, но природа и потребности человека обеспечивают базис для их сопоставления»; «основание морали заключено в удовлетворении человеческих потребностей». Дж. Кикс в работе «Человеческая природа и моральные теории» говорит о «базисных факторах человеческой природы», которые «являются основой любой допустимой теории морали». М. Эдел, А. Эдел в работе «Антропология и этика» отмечают: «Общие нужды, общие социальные задачи, единые психологические процессы определяют общие рамки для широкого различия в человеческом поведении. Это общее служит основанием для морали». Д.Э. Браун в работе «Человеческие универсалии» пишет: «За свидетельствами антропологов о странном поведении других народов стоят очевидные, но абстрактные универсалии человеческой жизнедеятельности, такие, как социальный ранг, вежливость и юмор» [3]. К сожалению, Н.В. Медведев не оценил по достоинству идей цитируемых им исследователей, отказался от философских абстракций, а потому и не смог ответить на вопрос, который сам поставил в начале своей статьи: почему такие понятия, как совесть, долг и другие являются этическими, то есть относятся к сфере морали? Чтобы ответить на этот вопрос, надо найти общее между этими понятиями, а значит, взять мораль в ее самом абстрактном виде. Это делается посредством определения понятия.

Мораль – нормативная система, форма должного. В наиболее общем смысле морально-должное выражается в моральном идеале – в представлении о высшей цели морального поведения, которая обусловлена реально существующей необходимостью, присущей человеческой природе, – необходимостью согласования, сочетания, гармонизации личного и общественного. В морали проявляется специфика этой необходимости как синтеза противоположностей, в котором в «снятом» виде сохраняется противоречие между ними: с одной стороны, нормы морали выполняются добровольно, без насильственного внешнего принуждения, а с другой – неохотно, с самопринуждением, поскольку это препятствует удовлетворению личных желаний. Эту особенность морального долга отмечал И. Кант, внесший выдающийся вклад в создание теории морали. В своем учении о «категорическом императиве» он соединил общественный и личный интересы, долг и счастье, а их единство рассмотрел как высшее благо, высшую цель морали. При этом на первое место он поставил исполнение «всеобщего законодательства», то есть обеспечение общего блага, а в счастье, личном благе он видел конечную цель общества.

На основе этики Канта можно представить сущность морали в форме основного морального отношения, являющегося наиболее общим или основным, моральным законом. Это отношение личности к общему благу как к исходной и ведущей цели, к личному благу – как к конечной цели, и к их единству – как к высшей цели, высшему благу [7]. Из основного морального отношения (ОМО) можно вывести все моральные понятия, принципы и нормы. Так, добро можно определить как цель ОМО, долг – как необходимость ОМО, гуманность – как отношение к благу личности как к конечной цели и т.д. Общий смысл морали выражен в моральном идеале – идеале гуманного общества и нравственной личности, рассматривающихся в единстве. Конечно, это абстрактный идеал, но от этого он не теряет своей значимости. В реальной жизни абстрактное, общее всегда «модифицировано», конкретизировано в зависимости от своеобразия исторических условий, национальных, культурных и других особенностей того или иного общества. В классовом обществе мораль носит классовый характер, накладывающий ограничения на действие таких моральных феноменов, как долг, солидарность (национальное единство), гуманность, справедливость и др. Но это не значит, что к числу моральных можно отнести любые правила и принципы поведения, например, те, целью которых является исключительно личная выгода. Мораль всегда сохраняет в себе общее, инвариантное, а именно, она по своей сути антиэгоистична и в тех случаях, когда мотивом поведения служит личный интерес, требует его согласования с общим, исключения возможности нанесения ущерба другим – группе, классу или обществу в целом.

Таким образом, понимание сущности морали способствует выявлению ее основания (общей

природы человека) и, наоборот, из основания можно вывести ее сущность. И в том, и в другом отношении необходим метод абстракции и обобщения. Без использования абстракций невозможно понять суть морали, ценностей вообще, суть человеческой природы. Н.В. Медведев считает понятие природы человека, ввиду его абстрактности, лишенным всякого содержания, которое могло бы послужить основанием для объяснения морали. Абстрактное для него – нечто абсолютно пустое. Но как в таком случае возможно теоретическое мышление, научное знание? Согласно диалектической логике, абстрактное и конкретное взаимосвязаны, и при изложении теории необходимо применение метода восхождения от абстрактного к конкретному, что мы и пытались продемонстрировать.

Необходима также опора на научный материализм с его требованием поиска основания любых духовных явлений в объективных условиях. Вопреки мнению Н.В. Медведева, именно «натурализм», то есть материализм, служит отправным пунктом и средством решения проблемы основания морали. Ценности, в том числе моральные, можно и нужно вывести из природы человека, из присущих ей необходимостей, заключенных в человеческих потребностях.

Библиографический список

1. *Рассел Б.* Почему я не христианин: Избр. атеист. произведения. – М., 1987.

2. *Соммэр Д.С.* Мораль XXI века: пер. с исп. – М.: Научная книга, 2007.

3. *Медведев Н.В.* В поисках основания морали // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – Вып. 6 (50). – С. 82–86.

4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. – Т. 3.

5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. – Т. 23.

6. *Фромм Э., Хирау Р.* Предисловие к антологии «Природа человека» // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990. – С. 146–168.

7. *Гумницкий Г.Н.* Основы этики: учеб. пособие. – Иваново: Изд-во ИГАСА, 1992.

УДК 141.4

Кострова Елизавета Алексеевна
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
elizakos@mail.ru

БОГ КАК ДРУГОЙ В ФИЛОСОФИИ Ф. РОЗЕНЦВЕЙГА, Ф. ЭБНЕРА, М. БУБЕРА

Ф. Розенцвейг, Ф. Эбнер и М. Бубер являются представителями философии диалога. Диалогисты критикуют традиционные подходы к пониманию Бога в теологии и философии и предлагают исходить из ситуации диалога между Богом и человеком, где Бог выступает как Другой. Этот диалог становится основой глубинного единства и цельности человеческого существования в его экзистенциальном и социальном измерениях.

Ключевые слова: *философия диалога, Другой, религия, онтология.*

Рождение философии диалога относится к 20-м годам XX века и связано с появлением нескольких произведений, которые, несмотря на все различия, излагают сходный взгляд на ошибки классической философии и на возможный путь ее преобразования. В числе этих произведений были «Звезда спасения» Франца Розенцвейга (1920), «Слово и духовные реальности. Пневматологические фрагменты» Фердинанда Эбнера (1921) и «Я и Ты» Мартина Бубера (1922). Авторы этих произведений отказывают классической парадигме в способности объяснить человеческое существование. Если до сих пор ключом к пониманию места и специфики человеческого было противопоставление субъекта объекту, то теперь эта роль отводится соотнесенности Я и Ты.

Речь идет о том, чтобы в формировании личности отдать предпочтение социально-этическому перед теоретически-познавательным. Это принципиальным образом сказывается и на самой структуре бытия. Возможность общения предполагает фигуру Другого, не сводимого к Я, что кардинально отличается от процесса познания, который требует изначального единства, общности оснований познающего и познаваемого. Философия диалога предполагает плюралистическую онтологию, в которой отсутствует перс-

© Кострова Е.А., 2011

пектива объединения множественности в некоторое единство, обладающее приоритетом по отношению к своим проявлениям.

Я самостоятельно и независимо и способно существовать изолированно от Другого. В модусе отделенности Я может полновластно распоряжаться всем, что окружает его, присваивая и осваивая, делая все частью собственного бытия. В качестве метафоры обычно используется идея речи «в третьем лице»[1], которая подразумевает отсутствие личного отношения, дистанцию, превращение вещи в предмет, способность ею распоряжаться. Поэтому Бубер обозначает сферу господства Я словом Я-Оно. Именно эту сторону бытия раскрывает классическая философия субъекта. Всё, что человек находит в этом мире, включая и других людей, становится для него предметом познания, желания, восприятия. Я выступает как инстанция присвоения, активная, выстраивающая мир в соответствии со своими потребностями и устремлениями. Я и Оно изначально неравноценны и неравнозначны. Оно (которое может выступать и как Он или Она) не имеет самостоятельного значения, может и даже должно быть познано, определено, заключено в рамки понятия, использовано, оценено, употреблено, присвоено; Оно предназначено для того, чтобы оказаться во власти Я, быть включённым в его сферу, подчиняться, служить и принадлежать. Мир Оно, мир опыта, существующий во времени и пространстве, подчиняющийся закону самосохранения, даёт человеку то, что позволяет ему выживать и поддерживать своё существование.

Но диалогисты отказываются признавать такое существование подлинным. Выход к истине бытия открывается через встречу с Другим, признание его инаковости, невозможности ее присвоить и свести к Я, обращение к нему как к Ты. Следуя Буберу, именно в этой ситуации возникает истинное «отношение». Оно противопоставляется опыту как предполагающее двустороннюю активность, взаимность, обратимость и, в конечном счёте, равноправие участвующих сторон. Я и Ты не подчинены одно другому и не являются средствами для реализации каких бы то ни было целей. Соответственно символом отношения к Другому становится диалог – речь от первого и второго лица, непредсказуемый и неуправляемый обмен репликами. Равноправие Я и Ты выражается, между прочим, в том, что Я может только призвать и ждать ответа от Ты; ответ не зависит от его произвола и является как милость, ожидаемая, но нежданная. Открытость перед Другим есть необходимое условие самого существования Я в качестве Я, так что встреча оказывается онтологически первичной, хотя исторически Я приходит к ней, преодолевая одиночество изоляции.

Своеобразно эта схема преломляется и применительно к Богу.

Философия диалога принадлежит к числу тех направлений, для которых вопрос о Боге становится одним из центральных. Желание найти в философии место для откровения привело Франца Розенцвейга к созданию его системы[2]. Поиск духовного обновления движет Мартином Бубером. «Пневматологические фрагменты» – итог духовных размышлений Фердинанда Эбнера. Все эти мыслители живут в эпоху, последовавшую за смертью Бога, и остро чувствуют духовный кризис, охвативший Европу после Первой мировой войны. Все они являются глубоко религиозными людьми, но понимают, что существующая теология не в состоянии помочь современному человеку найти ответы на терзающие его вопросы. В то же время те решения, которые предлагает философия, также кажутся неудовлетворительными. Требуются глубокие преобразования и теологических, и философских методов, чтобы дать точку опоры человеку двадцатого столетия.

Итогом долгого процесса либерализации и секуляризации стало отделение церкви от государства если и не везде в европейских странах, то, во всяком случае, мировоззренческое разделение сферы гражданской и религиозной. Вероисповедание все в большей степени превращается в частное дело каждого, элемент внутренней идентичности. Такое положение кажется данным мыслителям разрушительным и уводящим от истины. Само слово «религия» нередко употребляется диалогистами в отрицательном значении[3]. Она становится синонимом объективации и затемнения некогда истинного содержания, лишенным жизни культурным конструктом. Она скорее уводит от истины, чем помогает к ней приблизиться. «Ведь Бог создал не религию, а мир», – замечает Розенцвейг и особенно выделяет христианство и иудаизм как раз за их способность преодолеть собственное превращение в «религию» и сохранить связь с живой действительностью[4]. Целью философии диалога является восстановление разрушенного единства божественного и человечес-

кого на новой основе, возвращение религиозного измерения в центр современной жизни. Она стремится вернуть Бога в философию, избежав при этом ее превращения в теологию.

Примером того, как эти авторы представляют себе место религии в их творчестве, может служить позиция Розенцвейга. Разъясняя свои взгляды в статье «Новое мышление», Розенцвейг отказывается признать «Звезду спасения» «еврейской книгой», по крайней мере, в общепринятом смысле. Это не книга об иудаизме, которой ожидали от него многие читатели. Но Розенцвейг отказывается и признать «Звезду» книгой по философии религии: ведь слово «религия» там даже не встречается. Нет, это система философии, в которую философия религии входит как необходимая часть[5]. Правда, он отмечает, что теми, кто, подобно ему самому, открыл дорогу новому мышлению, двигал именно теологический интерес. «Если это теология, то, во всяком случае, теология столь же новая, как философия»[6]. Розенцвейг отказывается разделять проблемы философские, теологические и человеческие. На самом деле, они переходят друг в друга, так как в основе совпадают. Таким образом, на экзистенциальные вопросы человека найдутся ответы тогда, когда божественное будет по-новому интегрировано в преображенную философию.

Можно в общих чертах выделить несколько основных вариантов, в которых до сих пор обсуждалась тема высшего существа, и ни один из них не устраивает диалогистов. В рамках теологии наибольшее распространение находит догматическое констатирование факта существования Бога («Бог есть») и его атрибутов. Этот стиль «описания в третьем лице» представляется неприемлемым, поскольку превращает Бога в простой объект исследования, ничем не отличающийся от любого другого предмета науки. В теологическом рассуждении человек берет на себя смелость в полной мере демонстрировать активность субъекта познания, присваивает себе право помещать божественное в понятия человеческого рассудка и орудовать ими при помощи логики. Такое обращение никак не подходит Творцу мира и человека и нисколько не позволяет приблизиться к постижению Его истины.

Аналогичной трактовкой отношения между Богом и человеком является атеистическая позиция, которая отрицает существование Бога и считает Его только идеей, созданной человеком. В этом случае божественное также сводится к человеческому, вмещается в ограниченность его сознания.

Розенцвейг критикует оба эти варианта за то, что здесь на первое место ставится вопрос о сущности. В этом отношении и теология, и философия едины: тот же вопрос «что есть всё?» теология задает, когда речь заходит о Боге. «Что есть Бог?» – вот что, в конечном счете, ее интересует. Розенцвейг показывает, что такой подход не работает. Бог подобен луковице, которую, сколько ни очищай, не найдешь ничего, кроме луковой шелухи[7]. О Нем можно сказать только то, что он «божественный». Дальше тавтологии исследование сущностей привести не может. Путь к познанию лежит не через вопрос о сущности («что есть Бог?»), но через вопрос о том, что происходит с Богом во времени. Ключом к пониманию того, что суть Бог, мир, человек, становятся творение, откровение, спасение.

Эбнер оценивает теологию даже строже, чем философию, поскольку первая претендует быть *наукой* о вере. И та, и другая являются формами объективного мышления, и главный признак этого – возможность вести речь о Боге в третьем лице, наделять его именами и свойствами. Я и Ты исчезают, и поэтому как философия, так и теология являются для Эбнера формами «лишенности Ты» (Dulosigkeit). Бог становится субстанцией, а значит, лишается личности. К Нему не обращаются с молитвой или отчаянным призывом, но отстраненно рассуждают. Третье лицо чревато сослагательным наклонением и отрицанием, открывает путь предположению и отвержению. С точки зрения Эбнера, фразы «меня нет», «тебя нет» лишены смысла, внутренне противоречивы, в то время как вполне возможно высказывание «его нет». Поэтому, даже говоря «Бог есть», теология или философия подразумевают вариант «Бога нет», лишая существование божественного существа полной и безусловной достоверности.

Бубер рассуждает аналогично Эбнеру. Любое рассуждение о божественной природе и сущности, которое предлагает религия или философия, не отражает Его истину и уводит от нее. Человеку свойственно превращать божественное Ты в Оно; это не соответствует Его природе, но присуще природе человека. В отличие от Эбнера, Бубер видит неизбежность этого процесса и относится к нему как к тому, что необходимо сопровождает

человеческое существование и не столь опасно, если не загораживает от человека выход к истинному отношению. Но и он, конечно, понимает Бога как личность, а через мир Оно к ней не приблизиться.

Альтернативной формой отношения человека к Богу традиционно является мистицизм. Здесь существенно меньшую роль играет рассуждение о божественной сущности, приоритет отдается образному и интуитивному способу связи с Богом. Можно сказать, что мистические направления более глубоко и полно переживают инаковость Бога, часто говорят о впечатлениях, превосходящих человеческие возможности, об ограниченности человеческих способностей постижения Бога. При этом, однако, утверждается наличие пути к преодолению расстояния между Богом и человеком. И если теология, условно говоря, снимала различие божественного и человеческого, укладывая Бога в человеческие слова, то мистика предлагает обратное: слияние человека с божеством, растворение в божественном свете. Человек должен отринуть все земное, чтобы открыть в себе искру, роднящую его с Богом, и (в пределе) полностью присоединиться к Его существу.

Философским аналогом мистицизма оказывается пантеизм, который тяготеет к отрицанию специфики индивидуального существования и подведению его под божественную тотальность.

Мистицизм подвергается со стороны диалогистов не менее строгой критике. Для Эбнера, к примеру, мистицизм – еще одна форма «лишенности Ты», такая же обманчивая, как и теология. Стремление преодолеть различие между Богом и человеком приводит к исчезновению и Я, и Ты; истинная же вера только подчеркивает эту различенность. Также и Бубер отвергает путь растворения в божественном, ведь когда эти прекрасные мгновения оказываются позади, человек возвращается в мир земной скорби, лишенный божественного присутствия: «Что пользы душе моей, что вновь она может быть восхищена из этого мира в царство единства, коль скоро этот мир с необходимостью остается полностью непричастным единству?»[8] Для Розенцвейга стремление к мистическому экстазу характеризует язычество, то есть предварительную стадию божественного существования. Здесь мир и человек должны желать приобщиться к божеству, достигнуть обожения, но Бог остается замкнутым в своей природе, не спускается к людям и не видит их.

Философия диалога критикует и отвергает оба пути понимания Бога. Для нее одинаково неприемлемо и сведение божественного к человеческому, и сведение человеческого к божественному. В обоих случаях устанавливается господство тотальности, а множественность оборачивается иллюзией. Верным будет то решение, при котором и человеческое, и божественное полностью сохранят свою специфичность и независимость друг от друга.

Для представителей философии диалога Бог – это Другой. Можно сказать, что в собственном смысле Другим, «Ты», для человека является именно Бог. Более того, только ситуация диалога создает Я, которое не существует как таковое до того момента, пока не заговорит о себе в первом лице, вступая в общение с Ты. Наиболее близкой к сочетанию в Боге абсолютной инаковости и изначальной причастности Я оказывается философская позиция Декарта[9]. Декарт вводит Бога в свою философию, обнаружив в Я Его врожденную идею. Несмотря на те важные расхождения, которые присутствуют между диалогистами и Декартом, в первую очередь в понимании того самого Я, где идея Бога обнаруживается, этот концепт им довольно близок. Врожденная идея Бога очень напоминает эбнеровское «воспоминание» о собственной сотворенности (Erinnerung; см. ниже) и буберовское сочетание врожденности Ты с трудностью его нового обретения. Бубер признает, что Декарт обладал тем, что пропало у Гегеля, – «действительностью узрения или контакта, которым непосредственно обусловливается наше бытие»[10].

Наиболее определенно об этом пишет Эбнер. Для него Ты – это всегда Бог, а наиболее экзистенциально важное и подлинное отношение – это разговор с Богом. Способность к овладению речью свидетельствует о сотворенности человека Богом, которое сохраняется даже тогда, когда человек отказывается ее признать. Именно речь, по Эбнеру, делает человека человеком. Я человека можно считать сформированным тогда, когда он становится способен превратить свои мысли в слова. В этот момент о нем можно говорить как о существе духовном, обладающем самосознанием. Но в каждом слове человеческого языка присутствует Бог, так что человек как духовное существо является Божьим творением.

Бубер говорит о Боге как о «Вечном Ты». В то время как «Ты» может стать любой человек или

явление, которому открывается Я, вступая в отношение, то Вечное Ты – это то, что неизменно просвечивает сквозь все отношения Я–Ты; божественное присутствие, которое располагается в области «между», и есть, в общем-то, как раз то Ты, к которому обращается Я во всяком отношении. Это Ты врождено человеку и является условием возникновения самого Я, что Бубер демонстрирует на примере развития ребёнка. Таким образом, Я и Ты взаимообусловлены: Я изначально возникает только потому, что вступает с миром в отношение; но при этом отношение невозможно до тех пор, пока не сформировалось самостоятельное Я, которое не будет поглощено во встрече, а останется само собой. В то же время мир Я–Оно безусловно вторичен и возникает лишь тогда, когда уже имеется Я, родившееся во встрече с Ты. Я–Оно обязано своим существованием Я–Ты; поэтому так опасно, когда его распространённость выходит за положенные пределы и отрывается от питающего корня диалога с Ты. По мнению Бубера, это именно то, что наблюдается в современности и представляет существенную опасность для европейской культуры, спасти которую может только обращение к практике диалога.

В «Звезде спасения» Розенцвейга именно раскрытие Бога навстречу другим элементам – миру в творении, человеку в откровении – создает отношения, которые связывают их друг с другом. В случае с человеком именно вступление в диалог с Богом превращает его из немой, довлеющей себе субстанции в Я, причем то же происходит в этот момент и с самим божеством.

Как уже отмечалось, элементы отношения, Я и Ты, должны в полной мере сохранять свою специфичность, вступая в диалог. Они должны пройти стадию независимого, отделенного существования и сохранить после встречи с Ты сферу «собственного», пусть и в преображенном виде. Момент преодоления одиночества, открытия замкнутого Я навстречу Ты описывается диалогистами очень драматически и неизменно связывается с состоянием греха. Грех понимается как забвение о том, что именно божественное Ты было источником существования Я, замыкание в отчаянии собственного одиночества, но это состояние как раз подводит человека к тому, чтобы искать Ты и взывать к Нему.

Эбнер наиболее эмоционально описывает это событие. Я забывает о своей сотворенности божественным Ты и оказывается оторванным и от Бога, и от людей, отгороженным от мира «великой китайской стеной». В состоянии «лишенности Ты» (Dulosigkeit) Я не способно ни на истинную любовь, ни на истинное общение, но обречено на изоляцию и смерть. Человек может отказаться замечать неполноценность такой жизни и упорствовать в грехе. Следствием как раз такого положения вещей является практически вся европейская культура с ее наукой и философией, которые признают реальное существование только Я, не вспоминая о Ты, даже тогда, когда речь заходит о Боге. Но в самой глубине отпадения скрыта возможность возвращения. В глубине Я прячется воспоминение о своей сотворенности, и свидетельством ее является та роль, которую играет речь в жизни человека. Недаром Евангелие от Иоанна называет Иисуса Христа «Словом». Самое обыкновенное слово человеческого языка указывает на его исконную связь с Ты – ведь реальность языка свидетельствует против одиночества, призывает Другого и верит в его существование даже тогда, когда человеку кажется, что он оставлен всеми. Началом спасения является призыв, который человек обращает к Ты из отчаяния греха и забвения. Наиболее глубоким воплощением этого призыва для Эбнера является восклицание Христа на кресте: «Господи, почему Ты покинул Меня?»

Так же и Розенцвейг в первой части «Звезды спасения» описывает параллельное и самостоятельное существование Бога, мира и человека, каждый из которых вполне достаточен для того, чтобы в своей замкнутости исчерпать универсум. Этот этап он описывает как то, что предшествует творению, пред-мир, когда каждый пребывает сам в себе, не подозревая о существовании других. В таком состоянии человек сводится к упорству самоутверждения, к уникальности своего характера, в том числе перед лицом смерти. И так же, как у Эбнера, началом возвращения и спасения оказывается призыв, вопрос, ожидающий ответа, который уже признает существование Ты и ищет его. Но на этот раз вопрос исходит от Бога: «Где ты?» И только после того, как человек откликается и узнает в себе божье творение, предмет божественной любви, предшествующее состояние предстает перед ним как греховное отпадение и забвение Бога.

Понимание Бога как Другого имеет несколько аспектов. Прежде всего, оно хорошо согласу-

ется с теологическими проблемами творения и откровения. Традиционная догматика подтверждает потребность мыслить человека и Бога как отдельные и самостоятельные существа. Действительно, предполагается, что Бог творит человека, обладающего свободой воли, а это подразумевает, что творение есть нечто иное по отношению к своему Творцу. Кроме того, очевидно, что откровение имеет смысл только тогда, когда происходит между двумя независимыми существами, одно из которых до этого момента не знает о существовании другого. Философия диалога заостряет момент взаимной независимости, подчеркивая право и возможность человека отвергнуть откровение, «отделиться», замкнуться в себе. Наверное, наиболее остро чудо взаимной открытости тех, кто обычно замкнут в себе, передает Бубер, настаивающий на краткости, мгновенности такой встречи. Отношение Я–Ты не может быть установлено как гарантированный результат целенаправленной деятельности человека, а предстаёт как непредсказуемый дар, ответ на вопрошание и ожидание, чудо взаимопонимания и длится только очень непродолжительное время.

Кроме того, разделение является необходимым условием действия одного на другого. Розенцвейг пишет: «Их [первоэлементов – Бога, мира, человека] разделение здесь предполагается, потому что если бы они не были разделены, то они ничего не могли бы сделать друг другу; …если бы Бог был “во мне” или “моим высшим Я”, …то это было бы не просто бесполезным затемнением ясного отношения, но, прежде всего, такой Бог едва ли имел бы, что мне сказать, ведь что мне хочет сказать мое высшее Я, я и так знаю…»[11] Сходным образом Эбнер замечает, что Бог должен быть Другим, чтобы я мог Его любить.

Наиболее интересной особенностью религиозной темы в философии диалога является ее связь с этической и социальной проблематикой. Характерно, что религиозное и социальное становятся фактически синонимами: одно невозможно без другого. По Буберу, человек, пребывающий в мире Я–Оно, не способен относиться к другим людям иначе, как к способу достижения собственных целей; только вступление в отношение, признание в другом человеке Ты делает возможным этическое и эстетическое восприятие окружающих. Также и истинная социальность появляется в сообществе людей, говорящих друг другу Ты[12]. Но между каждыми Я и Ты, как уже было сказано, мерцает Вечное Ты, и всякая обращенность к Другому в признании его инаковости есть обращенность к Богу.

Эбнер постулирует постоянное присутствие Бога в каждом слове, произносимом человеком, что, очевидно, также делает любое социальное взаимодействие изначально наполненным божественным участием. Более того, с его точки зрения, отношения между людьми существуют только постольку, поскольку каждый вступает в отношение с Богом. Если человек не находит пути к своему Ты, то оказывается обреченным на замкнутость в собственном одиноком мире. Только любовь к Богу является истинной формой любви. Любовь к другому человеку или вещи как к таковым, по сути совпадающая с желанием, является извращением истинного чувства и не позволяет избавиться от одиночества. Любовь к Богу должна воплощаться в любви к ближнему (то есть в равной степени к любому человеку), в человеческом «ты» должно проглядывать «Ты» божественное; другой человек – это Сам Бог. Получается, что подлинные человеческие взаимоотношения укоренены в отношении человека к Богу и совершенно невозможны без Него.

Нечто подобное имеет место и у Розенцвейга. В откровении происходит утверждение взаимной любви Бога и человека, которая становится основой всех заповедей. Ради оправдания себя в глазах любящего Бога человек обращается к деятельности по спасению мира. Божественная заповедь любви к ближнему открывает человека для нужд и бед другого, делает его моральным существом и создает общину тех, кто получил откровение, кто любит Бога и следует его заповедям.

Таким образом, человеческое и религиозное оказываются, в конечном счете, слитыми воедино. Философия диалога стремится связать и даже совместить отношения с Богом и отношение к ближнему. Этическое поведение оказывается свидетельством близости Богу, и даже сам факт включенности человека в социум становится религиозным фактом. Обратное столь же верно: нет и не может быть религиозной жизни, которая не находила бы выражения в жизни общественной, в участии в человеческих взаимодействиях. Для Бубера, который не ищет вдохновения в ритуале и одиночестве духа, это практически единственный способ истинно религиозного поведения. Представителям философии диалога действительно удалось показать неразрывную связь проблем

теологических и философских, укорененность и тех, и других в сложностях единого человеческого существа.

Примечания

[1] Речь идет именно о метафоре, потому что «третье лицо», символизирующее отношение использования и присвоения, вполне может реализовываться грамматически как первое или второе.

[2] *Rosenzweig F.* Kleinere Schriften. – Berlin, 1937. – S. 357.

[3] Примером может служить переписка Бубера и Розенцвейга. См.: *Friedman M.* Dialogue, Speech, Nature, and Creation. Franz Rosenzweig's Critique of Buber's "I and Thou" // Modern Judaism. – Vol. 13. – No. 2 (May, 1993). – P. 111.

[4] *Rosenzweig F.* Kleinere Schriften. – Berlin, 1937. – S. 389–390.

[5] Там же. – S. 374.

[6] Там же. – S. 388.

[7] Там же. – S. 378.

[8] *Бубер М.* Два образа веры. – М., 1995. – С. 64.

[9] Наиболее подробно это родство будет раскрыто Э. Левинасом.

[10] Там же. – С. 350–351.

[11] *Rosenzweig F.* Kleinere Schriften. – Berlin, 1937. – S. 386.

[12] Уже отмечалось, что пребывание в отношении Я–Ты длительное время невозможно; предполагается, что люди, принадлежащие к истинному сообществу, способны предстоять перед Ты достаточно часто, так что это соответственно изменяет их самих и в остальное время.

УДК 101.8:140.8

Мушич-Громыко Вячеслав Георгиевич
кандидат философских наук
НОННА «Межрегиональный центр изучения диалектико-материалистической Космологии» (г. Новосибирск)
cosmology@cosmologia.ru

РАЦИОНАЛИЗМ ПРЕДЕЛЬНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ (логический, гносеологический, социальный, культурный, практический аспекты)

В данной статье ставится задача рассмотрения путей развития философии посредством обращения к истокам и базовым компонентам рациональности, которую автор статьи называет старой и, одновременно, по определённым параметрам новой в имени «предельно-мировоззренческий рационализм ВМС»).

Ключевые слова: *рационализм, предельность, мотивация, подлинное знание, логика, практика, познание, культура.*

Во все времена и у всех цивилизаций рефреном звучали слова: человека необходимо совершенствовать, общество необходимо совершенствовать, необходимо устранить всё то, что мешает развитию человека, социума. Но противоречий и проблем так много и они так взаимосвязаны, что теоретическая мысль и практическая заходят в тупик отчаяния каждый раз при решении этих вопросов потому, что намеченные интерпретации и подходы в разрешении проблем антропологии исходят из непредельных представлений о человеке и обществе.

Изложенные нами в наших статьях [2] взгляды, как нам представляется, помогут с более общих позиций интенсифицировать общественную мысль, через опору, прежде всего, на представления о предельных идеально-мировоззренческих субстратах в именах: ПГ, ВМС, НМС, ПМС (Последовательность Гармоний; Высокая Мировоззренческая Стилистика; низовая мировоззренческая стилистика; промежуточная мировоззренческая стилистика), – несущих в себе мотивационные векторы направленности в мышлении и в деятельности, а далее в методологиях, соответствующих (по-своему) каждому вектору мотивации. Чтобы исследовать человека, общество с более общих позиций, нужно найти адекватную модель, отражающую в пределе интересующие нас объекты. И эта модель нами найдена, её мы назвали ФММм (формальная мировоззренческая модель мышления). Если ещё более обобщить формально-мировоззренческую модель мышления, то она превращается в ФКМ (формальную космологическую модель), о которой, конечно,

© Мушич-Громыко В.Г., 2011

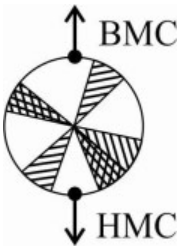


Рис. 1.

необходим отдельный разговор, обещающий выйти на гипотетическое разрешение проблемы существования внеземных цивилизаций. ФММм мы обозначаем в виде геометрической модели, где секторы отображают соответствующие предельные типы мышления, а векторы (вниз, вверх) – ведущие мировоззренческие стилистики, результирующиеся в мышлении в попеременности, которая задаёт определённую ритмологию их смен (то ВМС – вверх, то НМС – вниз) (рис. 1).

Складывающаяся научная концепция под названием «Рационализм предельно-мировоззренческий», взятая в русле отмеченных аспектов, начинает в наших изысканиях выступать в свете: структурных особенностей мышления (что общества, что человека); дуализированных квантово-подобных представлений, существующих в языке; языково-лингвистических композиций ВМС, НМС, ПМС, дающих выход к пониманию культурных явлений; объяснения механизма мышления, когда ядро мышления как «квант» мышления переносит (с большим или меньшим успехом) сущность замысла к итогу посредством диалектической борьбы корреляций предельно-мировоззренческих (К+; К–) за воплощение в итог своей предельной идеи отношения к миру (гармонизирую мир во всех его аспектах; потребляю мир, не предполагая своей ответственности за его искажение или даже разрушение); «корпускулярно-волновой» композиции жизни, с одновременным выделением в ней подлинных направлений жизни; диалектики предельных дуальных мировоззренческих корреляций, обеспечивающих либо фронт волны ВМС, либо провал волновых построений; и многого другого, связанного с оценкой явлений на предмет их соответствия объективной мировоззренческой действительности и оценкой возможности перехода уже знаниевых технологий к практике, когда под знанием понимается не объём информации, а употребление информации по вектору предельной мотивации, условно обозначаемой вверх (↑).

Раскрытие ФММм, как модели-свёртки мышления для последующей организации научного познания, позволит, на наш взгляд, рассмотреть рационализм мировоззренчески-предельный не только как искомый результат взаимодействия предельных типов мировоззренческих стилистик в мышлении индивида, но и как результат субъектно-субъектных отношений, когда в них результируется взаимодействие, с одной стороны, взаимодействием ведущих мировоззренческих стилистик, а с другой стороны, сменой векторов этих мировоззренческих стилистик на базе лингвокультурологического восприятия окружающей действительности.

Взятые целостно, функциональные отношения с целостно-интерпретационным анализом отношений между субъектами на базе ВМС могут гарантировать рассмотрение традиционных вопросов философии с большой объективностью. ФММм в текстах разворачивается послойно, образуя определённую ритмологию смен ВМС, НМС, ПМС, что и составляет сущность мышления, а значит, и содержания текста.

В мире, как мы уже отмечали, существуют определённые ожидания, обращённые к философам, деятелям культуры, гуманитариям, политикам, да и не только ожидания, но и требования – организовать жизнь таким образом, чтобы научные теории выражали более сильную тенденцию гуманизации знания и самой жизни, чем сегодня, когда, собственно, под знанием понимается некая абстракция в виде слитности информационной осведомленности и функциональной деятельности на базе непредельных мотиваций. Такое требование, как и исполнение требования, раз за разом не дает искомого результата – глубокой гуманизации общества без возврата в общество антигуманных мыслительных и практических программ. Так, В.А. Рыжко пишет: «В том более широком плане вопросов о роли культуры в философском и научном знании, а также практической деятельности, современной жизни, которые были объектом анализа на XVII Всемирном философском конгрессе (Монреаль, 1983 г.), а также XII Международном конгрессе по логике, методологии и философии наук (Зальцбург, 1983 г.) можно вполне определённо сказать, что идея социокультурного рассмотрения научного знания всё более прочно входит в арсенал философско-

го анализа познания и практического действия» [3, с. 8]. Прочитав эти строки, мы сразу задали себе вопрос: «О каком научном знании идет речь?» Конечно же, в этом случае речь идёт только о функциональном научном знании (даже в гуманитаристике), которое не сопрягается с человекоразмерным фактором в виде разума человека и форм деятельности этого разума в предельной мировоззренческой стилистике. Многие участники этих совещаний в прениях, докладах отмечали, что и в настоящее время нельзя разобраться «в закономерностях развития и функционирования научного знания, если не учитывать его социокультурный контекст» [3, с. 8]. Сказаны правильные слова, но к ним хорошо бы добавить и другие слова, учитывающие обстоятельство существования разума как иного дуально-феноменологического слоя социокультурного контекста, в котором противоборствуют предельно-мировоззренческие мотивации.

Проблемы изучения развития ума, разума, способностей к познанию всегда считались прерогативой психологов, но философско-рационалистический подход предельно-мировоззренческий должен подниматься выше в своих представлениях: по отношению к чувственно-эмоциональному восприятию; по отношению к рационализму естественнонаучному и рационализму гуманитарных наук. Само понятие «социальная культура», а также «культура разума» сходны тем, что основной системообразующей единицей этих понятий является понятие «сумма дел гуманных и не гуманных» – то есть ФММм что отдельного индивида, что соответствующей социокультурной фракции (составленной из определенного множества людей). Человек вчерашний и сегодняшний, социальная группа вчерашняя и сегодняшняя, социальная страта вчерашняя и сегодняшняя могут отличаться сами от себя сменившейся по какой-то причине ведущей мировоззренческой стилистикой, что ставит в повестку дня вопрос изучения и малых отрезков исторических превращений (то есть связанных с жизнью отдельных людей).

Познавательный процесс в изучении объективных основ общественного развития не может игнорировать предельные элементы феномена в имени человек, так как эти предельные элементы, группируясь в некоторое сообщество, образуют новое множество таких же предельных элементов, общий реверс которых в сознании человека (туда↔сюда) даёт все то же – ведущую мировоззренческую стилистику. Нам представляется, что всякая цивилизация может быть лишь: или цивилизацией ВМС, или цивилизацией НМС, или, как правило, ПМС. Такое деление упрощает и, одновременно, усложняет рассмотрение теории. Каждая предельная МС каждой цивилизации создаёт свои ценности культурного характера, по-своему модулирует окружающее культурное (теоретическое, образное, материальное) пространство, вкладывая в каждый штрих семиотической культурной системы те принципы, на которые опирается соответствующий разум, через их оценку либо по критериям ВМС, либо НМС. В методологическом аспекте новая рациональность в этом случае, то есть в случае анализа семиотических систем по уровню их предельно-мировоззренческой организованности, должна опираться на предельно-идеальную субстратно-мировоззренческую рефлексию по линии становления ВМС.

Д.П. Горский и А.Д. Никифоров пишут: «В числе проблем, встающих с попытками выработать адекватное понимание научного знания, можно назвать, в частности, следующие. Какова наиболее фундаментальная единица научного знания, которую целесообразно избрать при описании развития знания: отдельные научные утверждения; научная теория; парадигма или что-либо ещё?» [1, с. 34]

«Единица знания, выделение которой способствовало бы решению возникающих методологических проблем, должна обладать свойствами не только описания и объяснения (как теория), но и свойствами осознания, рефлексии субъекта знания, свойствами понимания. Такой «срез» знания может репрезентировать социокультурное в знании, его логико-гносеологические свойства, а также возможности перехода от одной системы знания к другой и свойства воплощения знания в практические действия человека» [1, с. 11].

В нашем подходе фундаментальной единицей научно-мировоззренческого знания является категория ВМС. ВМС есть: абстракция как аббревиатура; научный термин (Высокая Мировоззренческая стилистика); научная теория и предельная мировоззренчески-научная парадигма (система рациональных принципов), у которой вектор идеи (↑) воплощён в системе понятий, выражающих сущностное отношение к действительности через сопряжение с понятием «жизнь». Как

термин, ВМС обращена к семиотике языка и, в частности, к понятию «стилистика» (в первую очередь). Как теория, ВМС есть трансляционная волна культуры, как дольность, которая «работает» в режиме естественного начала и универсально-индивидуального начала в первую очередь. «Перелить» из одной головы в другую соответствующую ВМС невозможно, невозможно для индивидов создать принцип дополнительности мировоззренческий, когда бы индивиды некоторой технологией осваивали бы принципы ВМС.

Но, главное, ВМС есть свойство осознания, и не просто осознания, а осознания социальных процессов по вектору (↑); такой «срез» знания репрезентирует в самом себе именно социокультурное начало, ядром которого является предельная мотивация как предельно общее отношение к миру, требующее от человека – добивайся в себе и в окружающем мире устранения превратных (а значит, и губительных) для окружающего пространства мыслепостроений и деяний. В векторе (↑) вверх есть «железная» логика, а гнозис определяется своей ценностью как ориентацией на глубокий гуманизм жизни. Предельные мотивации (↑или ↓) задают гносеологические схемы познания, свойства которых отражают: либо постоянство ВМС, либо переменчивость ПМС, либо разрушительность НМС.

У гносеологии предельной (НМС и ПМС) нет способности изобрести понятие, с помощью которого адекватным образом можно выразить, объяснить свойства ВМС, да и своих свойств она не может объяснить в полноте тоже по причине ориентации на предельно-превратно-суррогатные мотивации. Такая гносеология будет стремиться к использованию понятия «плюрализм», которое затеняет истину, пропагандируя множество истин, создавая впечатление свободы, борьбы за потребности человека (на самом деле за потребности человека подменить истину и поиски истины – мнением); будет стремиться к капсуляции, что характеризуется опорой на принцип тождества неразличимых (по Лейбницу). Спросите окружающих Вас людей: «Человек имеет право на собственное мнение?» Мы уверены, что почти все ответы будут такими: «Человек имеет право на собственное мнение». На самом деле человек имеет право на такое высказывание, такое мнение, которое соответствует типу мышления в имени ВМС (если, конечно, индивид причисляет себя к гуманистам); на высказывание научно-объективное, прежде всего. Другими словами, человек всегда должен быть мобилизован для честной и открытой борьбы с превратностями своего разума – и функционального, и мировоззренческого. О превратностях ума функционального веско говорили Декарт, Лейбниц и другие философы. Пришло время говорить о превратностях предельно-мировоззренческих в разуме человека. Представление о том, что удовлетворение природных инстинктов и есть жизнь, ставит барьер познанию жизни как перспективы существования человека на миллионы и миллионы лет вперёд в живом Космосе. Представления о ВМС вырабатывает сама жизнь (мы рассматривали примеры) через творчество отдельных людей. При этом само представление не оформляется научным термином (ВМС), а лишь в сложной гносеологической философской или культурной форме передает значение её предельной мировоззренческой направленности и чаще в свёртке (или проекции), которую ещё необходимо расшифровать. Следовательно, мы начали неосознанно употребляемый смысл ВМС (по некоторым случаям) переводить в осознанно логически и гносеологически эксплицированную категорию с тем, чтобы гносеологические возможности познания сущности человека и социума усиливались.

Научная концепция под именем «предельно-мировоззренческий рационализм» должна содержать в себе социокультурный и практический аспекты, не исключая при этом логико-гносеологический аспекты, которые могут распадаться на ряд теорий.

ФММм, как таковая, есть свёрнутая концепция, так как в ней: репрезентирован логический слой, содержащий в себе топологическую компоненту структуры ФММм, векторную содержательность каждого сектора (как логику организации наличного онтологического материала), логику смены вектора ведущей мировоззренческой стилистики в зависимости от того, с какой целью ФММм отдельного индивида входит составной частью в ФММм другого уровня организации; гносеологический слой ФММм определяется: сопоставлением разных ФММм, их изучением как нечётких множеств, когда они, в пределе, объединяются в одну предельную ФММм Вселенского масштаба; изучением внутренней структуры ФММм на основе квантовых представлений; изучением распределений ФММм в отдельных ар-

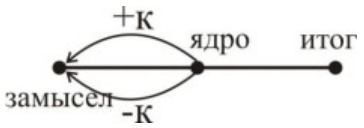


Рис. 2.

тефактах культуры, слоях культуры, в культуре в целом; практические аспекты при рассмотрении ФМММ как концепции должен быть сосредоточены: на изучении причин как порождающих факторов, в которых рождается вектор индивида (вектор общества в целом); изучении закономерности движения «маятника судьбы»; на изучении закономерности смены ведущих мировоззренческих стилистик отдельных индивидов и отдельных общественно-социальных образований, причём на значительном историческом отрезке существования этих образований; на изучении форм и способов существования трансляционной волны ВМС в различных слоях культуры и социума; отдельной задачей стоит проблема изучения последовательности гармоний на основе схемы мышления (см. рис. 2), где противоположные корреляции в ядре мышления своим взаимодействием «выстреливают» свои решения на «экран» жизненных обстоятельств и условий существования человека, определяя волновую картину множества решений, подобно тому, как это происходит в квантовой механике. При этом за частицу можно принимать отдельное решение, доставленное ядром мышления к «итогу», а множество решений – за волновую вероятностную картину «нормального распределения случайных величин ответственности и безответственности человека».

Библиографический список

1. *Горский Д.П.* Логический анализ моделей развития научного знания / Д.П. Горский, А.Д. Никифоров // Методология развития научного знания. – М., 1982. – 158 с.

2. *Мушич-Громыко В.Г.* «Волна» и «частица» с точки зрения философского дискурса в применении к материалу человеческих отношений // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2009. – № 2(45). – С. 12–15; *Мушич-Громыко В.Г.* Информационное общество в настоящем и его будущем // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена: Научный журнал. – 2009. – № 110. – С. 120–125; *Мушич-Громыко В.Г.* К вопросам понимания квантовой механики, сознания и моста между двумя культурами // Научные проблемы гуманитарных исследований: Научно-теоретический журнал. – 2010. – № 4. – С. 287–295; *Мушич-Громыко В.Г.* К вопросу о соотношении информационной и знаниевой причины // Научные проблемы гуманитарных исследований: Научно-теоретический журнал. – 2009. – Вып. 11 (1). – С. 137–142; *Мушич-Громыко В.Г.* Методологические возможности принципа дополнительности в формализованных знаниях через опору на понятие пространство: монография. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010. – 208 с; *Мушич-Громыко В.Г.* Методологические возможности принципа дополнительности в формализованных и неформализованных знаниях: Автореф. дис. … канд. филос. наук. – Новосибирск, 2010. – 183 с; *Мушич-Громыко В.Г.* О природе принципа // Перспективы науки: Научно-практический журнал. – 2010. – № 2 (04). – С. 82–89; *Мушич-Громыко В.Г.* О смысле «мировоззренческой стилистики» как понятия // Современные гуманитарные исследования. – М.: Компания «Спутник +», 2007. – № 5(18). – С. 112–126.

3. *Рыжко В.А.* Научные концепции: социокультурный, логико-гносеологический и практический аспекты. – Киев: Наукова думка, 1985. – 94 с.

УДК 165.24

Смирнов Дмитрий Григорьевич
кандидат философских наук
Ивановский государственный университет
dissovet_212@mail.ru

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭВОЛЮЦИИ УНИВЕРСУМА

Статья посвящена системному анализу взаимодействия ноосферы и семиосферы в условиях современного информационного общества. Показано, что семиосфера выступает репрезентацией ноосферы, раскрывающей человеку в процессе понимания направленность цивилизационного развития, смысл перехода биосферы в ноосферу.

Ключевые слова: *ноосфера, семиосфера, универсальный семиотический закон, ноогенные биогеохимические принципы, семиосознание, ноосферное образование.*

Специфика развития семиотической науки на современном этапе предполагает не просто разработку особой предметной области, а реализацию особого семиотического подхода к пониманию и преобразованию ноосферной реальности. При этом, естественно, не игнорируется вопрос о конструировании и конституировании предметной базы семиотики (ее субстратной составляющей), которая во многом определяет адекватность применения указанного подхода к тому или иному предмету, явлению или процессу.

В условиях глобализации человеческой цивилизации и формирования информационного общества особенно актуальной становится проблема становления космопланетарной семиосферы – глобального семиотического пространства. Глобальная семиотизация человеческого бытия ставит в центр внимания исследователей вопрос о роли и месте знаков и языков, естественных и искусственных семиотических систем в процессе становления ноосферы как сферы труда и разума цивилизованного человечества – стадии существования земной цивилизации, в рамках которой важную роль начинает играть культурная биогеохимическая энергия.

Изучение семиосферы в контексте биосферно-ноосферной картины мира, созданной В.И. Вернадским, берет начало в фундаментальных трудах российских ученых Ю.М. Лотмана [8] и Вяч.Вс. Иванова [5]. Западноевропейская традиция в исследовании семиосферы представлена прежде всего работами Дж. Хоффмайера [15], который акцентирует внимание преимущественно на биосемиотическом прочтении биосферных процессов.

Продвижение в направлении изучения феномена семиосферы стало возможным в результате развития не только семиотики (семиологии), но и ноосферологии и информациологии – дисциплин, претендующих на общенаучный статус.

Исследование продолжает традицию ивановской научной школы Н.П. Антонова, в трудах которого проблемы философии сознания и ноосферы рассматривались в том числе с точки зрения функционирования знаков в ноосфере [1]. Развитие этих идей в контексте осмысления взаимосвязи семиосферы и ноосферы нашло отражение в работах А.Н. Портнова [10; 11].

Анализ взаимосвязи и взаимодействия ноосферы и семиосферы возможен на стыке трех культурных парадигм: ноосферной (В.И. Вернадский) [2; 3], семиосферно-семиотической (Вяч.Вс. Иванов, Ю.М. Лотман) [6; 7] и универсумной (Н.Н. Моисеев) [9]. Методология ориентирована на рассмотрение проблем взаимоотношения ноосферы и семиосферы с позиций универсального эволюционизма, к которому по отдельным параметрам близки философский «пансемиотизм» или «радикальный семиотический идеализм» (термин Т. Себеока) [12]. Данный методологический инструментарий позволяет по иному взглянуть на соотношение ноосферы и семиосферы и проблему «реальности ноосферы» в целом.

Семиотическое пространство биосферы-ноосферы может раскрываться (разворачиваться) в триаде: семиотика–семиология–семиософия. Термин «семиософия», используемый в тексте статьи, не совсем совпадает в лингвистическом и содержательном плане с аналогичным понятием, используемым М.Н. Эпштейном [14] и Ю.А. Шелковниковым [13]. В настоящей статье семиос*о*фия ноосферного универсума рассматривается как область знания, позволяющая раскрыть принципы и механизмы функционирования и развития ноосферно-семиотической орга-

 © Смирнов Д.Г., 2011

низованности, реализуемой на субстрате ноосферной и семиотической реальности. Семиософия ноосферного универсума раскрывает функционирование и развитие вселенской организованности ноосферной и семиотической реальности, в которой живет информационное общество начала третьего тысячелетия.

Применение к ноосемиосферной проблематике ноосферно-универсумного, системно-синергетического и информационно-семиотического методологических подходов способствует формированию «новой», **универсумной (или ноосферной) семиотики – семиософии**, синтетической семиотической дисциплины, объединяющей циклы гуманитарных, экологических и естественных наук, вбирающей в себя не только обыденный и теоретический (идеологический и социально-психологический) уровни осмысления космопланетарного Всеединства знаковой субстанции, но также и посттеоретический (интуитивистский) уровень понимания семиотических процессов в рамках подсознания и сверхсознания.

Универсумная семиотика – семиотика, в которой знак рассматривается как универсальный, то есть читаемый как в рамках искусственного (культуры), так и в рамках естественного (природы, биосферы, космоса). В универсумном подходе знак предстается как единство естественного и искусственного, что порождает в свою очередь единство биосферы и ноосферы (антропосферы), природы и культуры. Естественные и искусственные знаки образуют некоторую целостность – единство глобальной семиосферы: природные знаки в антропогенезе формируют знаки человеческие.

Становление нового взгляда на взаимодействие ноосферы и семиосферы обусловлено развитием биосферологии и ноосферологии. Семиотический подход к окружающей человека действительности – ноосферной реальности – задает новые смыслы учению В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, позволяет осуществить попытку его семиотической экспликации.

Ноосфера развертывается перед семиотическим субъектом в совершенно ином свете, проявляется через «данную человеку в ощущении» знаковую и символическую (семиотическую) реальность. Так ноосфера становится ближе и понятнее современному Homo semeion (Человеку семиотическому); возрастает ее практическая значимость и мировоззренческий потенциал. **Семиосфера** же рассматривается как космопланетарная область функционирования естественных и искусственных языков, знаковых систем, отдельных знаков, символов, симптомов, сигналов, которые отражают развитие ноосферы. В рамках ноосферно-синергетической картины мира семиосфера выполняет функцию опережающего отражения ноосферы (своеобразную футурологическую миссию), которая вытекает непосредственно из свойств знаковости. Она, как «очеловеченная», антропологизированная инфосфера, выступает в качестве концептуального ядра ноосферной сверхсистемы, соединяя в онтологическом плане природу и человека (общество).

Процессы коэволюции ноосферы и семиосферы могут быть представлены взаимодополнительностью основного ноосферного закона и универсального семиотического закона. Основной ноосферный закон, сформулированный И.В. Дмитревской, – информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество – раскрывает механизм образования знака [4]; **универсальный семиотический закон** – вещество развертывается в энергию, энергия распаковывается в информацию – раскрывает механизм порождения информации. Тем самым обнаруживает себя **ноосферно-семиотический круговорот знаков** (вещества, энергии и информации) в биосфере-ноосфере.

Семиогенез (и семиосферогенез) – эволюция знаковой организованности – выступает в качестве фактора организованности биосферы-ноосферы и может быть представлен как одна из биогеохимических функций живого вещества. Процесс перехода биосферы в ноосферу опосредуется становлением и развитием природного и культурного семиотического поведения и семиотической организованности как следствием действия в живом веществе культурной биогеохимической энергии. Ноосферная эпоха в развитии человеческой цивилизации может быть рассмотрена не только через призму биогеохимических принципов, сформулированных В.И. Вернадским, но и через контекст созвучных, **ноогенных биогеохимических принципов,** раскрывающих логику негэнтропийных (эктропийных) процессов в ноосфере: культурная биогеохимическая энергия (ноогенная миграция семиотических элементов, знаков) в ноосфере стремится к максимальному своему проявлению (**первый принцип**); при эволюции живого вещества в ноосфере

выживают те социальные и социоприродные организмы, которые своей жизнедеятельностью увеличивают (накапливают и усложняют) ноообиогенную геохимическую энергию (**второй принцип**).

Данные принципы свидетельствуют о том, что мысль (в том числе научная) – это планетное явление, космопланетарная форма ноосферно-семиотического бытия человечества.

На современном этапе развития человеческого общества возникает новый вид сознания – **семиосознание** – специфическая форма духовного бытия человека (человечества), особая форма общественного сознания, в которой находят отражение знаковые феномены космопланетарного существования Вселенной, космоса, природы, общества и человека, характеризующаяся постоянным взаимопостижением и взаимопорождением смыслов семиотического Всеединства Универсума. Термин «семиосознание» рассматривается в широком понимании, соответствующем формационному подходу, ибо в методологическом плане от категорий общественно-экономических формаций через категории духовных формаций совершается переход к категориям семиотических формаций. Этот процесс осуществляется посредством семиотизации и семиологизации духовного бытия человека и проявляется в формировании семиологической функции современного человечества.

Семиологическая функция, актуализирующаяся лишь на субстрате живого разумного вещества (Homo sapiens sapiens), задает семиотические парадигмы понимания, объяснения, опережающего отражения, диагностирования, прогнозирования сложных социоприродных и социокультурных систем (расширяющихся до пределов Вселенной). С развитием индивидуального и коллективного сознания семиологическая функция выстраивается посредством расширения среды «естественного семиотического пространства»; «искусственное семиотическое пространство» развертывается в искусственный семиологический хронотоп как форму, придуманную самим человеком, для построения и постижения Универсума.

Вследствие этого современная глобализирующаяся цивилизация предстает как общество не только информационное (компьютерно-опосредованное), но и **семиотическое (семиотическая цивилизация)**, то есть такое, которое вступает в «новый диалог с природой», предполагающий нахождение в постоянном процессе взаимопорождения и взаимопостижения смыслов природы и культуры.

Основания этого нового диалога с природой коренятся в устойчивости мирового существования человеческой цивилизации, решении **ноосферных (ноосферно-семиотических) конфликтов**, то есть конфликтов «кодов» и «декодеров». Ноосферный конфликт – это многоуровневый конфликт, спровоцированный антропоцентрической парадигмой существования социоприродной системы. С точки зрения системного подхода данный феномен имеет несколько измерений: концептуальное, структурное, субстратное – и на всех уровнях своего проявления имеет семиотическую природу. Противостояние на концептуальном уровне есть противостояние (внутри) системообразующего свойства – материального и духовного производства, срезов бытия. На структурном уровне – это «ситуация перекрестных целей» общества и природы, биосферы и техносферы, техносферы и культуросферы, и т.д. На субстратном уровне – это столкновение семиотических субъектов, «персональных семиосфер», конфликты «текстов» (в широком толковании термина). Становление ноосферы в целом может быть представлено как борьба ноосферных и антиноосферных тенденций, предполагающая разрешение постоянно возникающих ноосферных конфликтов.

С проявлениями в современных условиях антиноосферных тенденций связана проблема семиотических ресурсов ноосферного (устойчивого) развития. **Семиотические ресурсы** можно определить как совокупность знаково-языковых средств различных семиотических систем, с помощью которой обеспечивается становление, направляемое и управляемое развитие организованных или самоорганизующихся систем. Основными семиотическими ресурсами по мере значимости выступают общественное и индивидуальное сознание, наука, искусственные семиотические и информационные системы, внутренние семиотические механизмы человека. В широком смысле, в качестве универсального семиотического ресурса выступает сознание человека (или сам человек), рассматриваемое не как семиотический механизм, а как определенного рода семиотическая организованность.

Семиотические ресурсы проявляют себя во всех сферах бытия космопланетарного универ-

сума – в биосфере, антропосфере, техносфере, социосфере, культуросфере, а значит, можно говорить о «семиотических ресурсах биосферы», «семиотических ресурсах социосферы» и т.д. Термин «семиотические ресурсы ноосферного развития» обладает максимально широким синтетическим смыслосодержанием.

Наиболее значимым фактором устойчивости (ноосферности) человечества может считаться **модель ноосферно-семиотического образования**, целью которой выступает формирование универсумной, ноосферной личности, обладающей знаниями, умениями и навыками для постижения Универсума (прочтения его знаков), – универсальным умом, позволяющим семиотически адаптироваться к изменяющимся условиям пребывания в системе «Природа – Человек – Общество».

Пронизанность ноосферного образования образно-символическими и интеллектуальными токами семиотики природы, экологической семиотики и универсумной семиотики формирует в человеке открытость бытию и, тем самым, способствует его вхождению в подлинное духовное бытие универсума. Процесс глубинной семиотизации воспитания и образования в эпоху информационного общества еще только делает первые шаги, но эти подвижки свидетельствуют о важном значении разработки глобальной семиотики как синтетической дисциплины в мире, где «все есть знак». Ноосферное образование в широком смысле может пониматься как тотальное семиотическое образование, открывающее ноосферу (Вселенную) человеку и человека (Богочеловечество) ноосфере.

Анализ рассмотренных проблем в известной мере лишь подступ к анализу ноосферно-семиотической реальности. К перспективным направлениям дальнейшего исследования можно отнести изучение семиотической стратификации общества, раскрывающей структурные уровни знаково-информационной организации социума в зависимости от уровня семиотической открытости личности; ждут исследования такие вопросы аксиологического и праксиологического характера, как семиософия ноосферного устойчивого развития, семиотическая революция в образовании, формирование семиологической культуры, семиотическая свобода, семиотический нигилизм, семиотический агностицизм, семиотический императив, а также семиотика гражданского общества, персональной семиосферы и ноосферной истории.

Современная семиотика, приобретающая масштабность семиософии, распахивает новые горизонты философского и научного понимания сложнейших процессов перехода биосферы в ноосферу в XX веке, которые были осмыслены культурой Серебряного века, и научные основания которых имплицитно содержатся в «ноосферно-семиотическом» творчестве В.И. Вернадского, широко открытом культуре третьего тысячелетия.

Библиографический список

1. *Антонов Н.П.* Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу // Человек, эволюция, космос. – София, 1984. – Кн. 4, книжка 1. – С. 93–104.

2. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991. – 270 с.

3. *Вернадский В.И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. – М.: Наука, 1987. – 339 с.

4. *Дмитревская И.В.* Ноосфера как системно организованное всеобщее // Философские истоки учения В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере. – Иваново: Ивановский государственный университет, 1990. – С. 44–46.

5. *Иванов В.В.* О выборе веры в Восточной Европе // Природа. – 1988. – № 12. – С. 26–38.

6. *Иванов В.В.* Очерки по предыстории и истории семиотики // Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. – М.: Языки русской культуры, 1998. – Т. 1. – С. 605–811.

7. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

8. *Лотман Ю.М.* О семиосфере // Ученые записки Тартусского государственного университета. – 1984. – Вып. 641. – С. 5–23.

9. *Моисеев Н.Н.* Человек и ноосфера. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 351 с.

10. *Портнов А.Н.* Ноосфера и семиосфера // Философские истоки учения В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере. – Иваново: Ивановский государственный университет, 1990. – С. 68–70.

11. *Портнов А.Н.* Сознание, язык, смысл: в поисках новой парадигмы // Философский альманах. – 1998. – № 1/2. – С. 51–93.

12. *Себеок Т.А.* Культура и семиотика: Учение о знаках // Философия языка и семиотика. – Иваново: Ивановский государственный университет, 1995. – С. 32–43.

13. *Шелковников А.Ю.* Философия семиотики как метагносеологическая проблема: Дис. ... д-ра филос. наук. – М., 2006. – 275 с.

14. *Эпштейн М.Н.* Проективный словарь философии. Новые понятия и термины. № 4. Available from: URL http://topos.ru/article/1846.

15. *Hoffmeyer J.* The unfolding semiosphere // Biological and epistemological perspectives on selection and self-organization. – Dordrecht, 1998. Available from: http://www.molbio.ku.dk/MolBioPages/abk/PersonalPages/Jesper/Unfolding.html.

УДК 11/13

Шагако Дмитрий Сергеевич
Воронежский государственный технический университет
dmitrii-shagako8@mail.ru

ВОЙНА И НАСИЛИЕ – СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье анализируются категории «война» и «насилие», предлагается ряд методологических уточнений к ним, а также отражена авторская версия осмысления их сущностной взаимосвязи, выделяются ее особенности. При этом каждая категория здесь рассматривается в рамках общего процесса социального взаимодействия субъектов, что находит свое отражение в последовательности обоснованных социально-философских примеров.

Ключевые слова: *война, насилие, социальное взаимодействие, человек.*

На протяжении всего индивидуализированного существования каждое социальное объединение людей в той или иной мере закономерно подвергается воздействию – внутреннему и внешнему – со стороны различных субъектов системы общественных отношений – индивидов и их групп. Однако если с задачей снижения риска возникновения в социальном объединении внутреннего «взрыва» человеческий разум все же смог более или менее справиться, создав упорядочивающий индивидуальные интересы людей общественный институт верховной правовой власти, то от подобной опасности, исходящей со стороны внешнего фактора, таковой инструмент фактически отсутствует. «…Смысл государства состоит в том, что оно в своих пределах подчиняет насилие праву, произвол – законности… Но эта власть простирается только до пределов данной государственной территории…», – отмечал В.С. Соловьев [14, с. 461–462].

Таким образом, мы совершенно отчетливо приблизились к анализу сущности такого общественного явления, непосредственно сопровождающего все историческое развитие человечества и напрямую связанного с возникновением феномена насилия, как война, которая, по меткому выражению К. Маркса, «подвергает нацию испытанию… выносит окончательный приговор социальным учреждениям, которые утратили свою жизнеспособность» [11, с. 551]. При этом необходимо сразу заметить, что в данном исследовании не рассматривается «война гражданская» как столкновение в рамках одного социального объединения, а анализируется исключительно военное противостояние двух или более различных социально сплоченных коллективов людей.

Если социально-философски конкретизировать данное понятие, то под ним, с нашей точки зрения, следует иметь в виду множество, череду «министолкновений», целенаправленных частных схваток – ресурсных, ценностно-мировоззренческих, статусно-ролевых и др., протекающих в рамках единого «сверхконфликта» и происходящих исключительно между различными «солидарно действующими человеческими массами» [14, с. 467] – общинами, племенами, народами, нациями, государственными образованиями и их коалициями и даже, по мнению некоторых исследователей [18], целыми цивилизациями. Точнее сказать, столкновения происходят здесь между теми организованными группами принадлежащих к ним индивидов (как непосредственными участниками – дружинами, ополчениями, войсками, армиями и т.п., так и «тылом», оказывающим им материальную и моральную поддержку), которые различными своими действиями и воплощают в жизнь многообразие интересов и целей своего конкретного социального объединения.

 © Шагако Д.С., 2011

Иными словами, общественно-историческое явление войны всегда представляет собой максимально развернутое, глобализированное (исходя как из пространственно-временных масштабов самих действий, так и из количества участвующих субъектов) мотивированное конфликтное противостояние субъектов социального взаимодействия, так называемое «расширенное единоборство» (термин К. фон Клаузевица) [9, с. 33].

Под категорией же «насилие» мы склонны понимать, во-первых, отрицательно оцениваемое сознанием человека агрессивное действие, протекающее в процессе социального взаимодействия между людьми, а во-вторых, недобровольную по своему характеру любую форму этого процесса, возникающую в ходе непосредственного либо опосредованного принуждения к определенным действиям одной стороной другую.

Следует обратить внимание, что легитимно применять агрессивно-принудительные (насильственные) меры в отношении элементов, существующих в поле влияния иного института верховной власти, индивид обязан исключительно при санкционированной «сверху» защите интересов всего (а не какой-либо отдельной части) социального объединения, мотивированной исключительно рамками общегрупповой самозащиты. «Человеческой личности запрещено убивать, и убийство почитается великим грехом. Но эта же человеческая личность, если она действует как государство, как его орган, не только может убивать, но даже должна убивать, и это не только не считается грехом, но считается долгом», – отмечал Н.А. Бердяев [3, с. 176]. В таком санкционированном «защитном» типе насилия, вероятно, и состоял исторически-изначальный смысл данного общественного явления, обусловливающего успешность отстаивания человеком своего права на существование. Проблема же здесь кроется в том, что этот определенно основополагающий фактор объективного развития социума со времени возникновения института верховной правовой власти персонифицированный субъект управления стал использовать для достижения именно личных целей: «…Вечной и главной причиной… человеческих войн было и будет властолюбие, …желание человека завоевать себе возможно большее число людей, наибольшую территорию, наибольшее богатство, наибольшую власть и престиж» [1, с. 35].

Собственно, по этим причинам с течением времени в обществе и возникли войны «захватнического» типа, в рамках которых меры «защитного насилия» уступают место уже мерам «насилия экспансионного» (или, лучше сказать, в своей сущности видоизменяются в них). При этом факт наличия разрешающей санкции на их применение здесь всегда достаточно спорен, относителен: для напрямую не заинтересованных членов объединения насилие также носит завуалированный «самозащитный» характер, но, по своей реальной сути, преследует именно противоположные, те или иные значимые лишь для узкого круга «посвященных» лиц цели. Как однажды совершенно точно подметил король Пруссии Фридрих II Великий, «если бы наши солдаты понимали, из-за чего мы воюем, нельзя было бы вести ни одной войны» [10, с. 48].

В целом же нужно иметь в виду, что особенность проявления насилия в рамках любого типа военного противостояния сторон заключается в том, что здесь бытие абсолютно всех индивидов, выступающих конструктивными элементами структуры противостоящих социальных объединений (как непосредственных участников активных боевых действий, так и тех, кто занимается обеспечением их нужд), по сути, находится под постоянной всеобъемлюще существующей угрозой, исходящей от этого явления. Более того, те же индивиды именно сами и являются его естественными «творцами», внося свою долю вклада в нанесение ущерба и принуждения к подчинению членов иного антагонистично настроенного социально сплоченного коллектива.

Действительно, часть из них самостоятельно, в большей степени часто и объектно-направленно, применяет прямые и косвенные агрессивно-принудительные действия непосредственно на поле боя. Оставшаяся же часть, создавая и развивая инфраструктуру, заботясь о раненых и т.п., а также, что немаловажно, одобряя, духовно санкционируя применение первыми различных насильственных форм поведения, в свою очередь, также способствует нанесению ущерба противоположной стороне, хотя и в косвенной форме. «Уже тем, что я… хочу победу русским, я участвую в войне и несу за нее ответственность… Всякий искренно желающий вытеснить немцев из пределов России духовно убивает не менее, чем солдаты, которые идут в штыковую атаку…» – замечал Н.А. Бердяев [4, с. 156].

Таким образом, насилие в периоды существования социально-исторического явления войны присутствует повсеместно, во всех сферах бытия любого индивидуализированного субъекта каждой из враждующих сторон. Между тем человек всегда продолжает оставаться не только врожденно-потребностным, но и духовно-нравственным существом. Следовательно, любое действие индивида непременно должно быть обосновано конкретными интересами – реальными ли, мнимыми, но, тем не менее, подлинно способными пересилить субъективированный моральный барьер потенциально существующей угрозы применения к нему самому насильственных санкций возмездия за их совершение: «На войне едва ли бывает так, чтобы не имели места безрассудная отвага и недостаток доброжелательности ввиду важности самого дела, которое всегда таково, что не довольствуется причинами только вероятными, а требует совершенно очевидных причин» [7, с. 543–544].

Во-первых, индивид как непосредственный или опосредованный участник военного противостояния в своем субъективированном сознании должен быть глубоко убежден в ситуативной уместности, обоснованности своих действий. В ситуации реально происходящего нападения членов одного социального объединения на другое субъективированное обоснование собственных действий у индивидов, чье объединение стало объектом этого нападения, способно возникать, вероятно, вполне естественным путем, в ходе прямого наблюдения ими последствий данного нападения и сознательного их анализа. «Я видел… поруганную нашу русскую землю… Я клянусь, что… в первом же бою жестоко отомщу фашистским зверям за их злодеяния», – писал в 1944 году непосредственный участник тех событий ефрейтор Соловьев [12, с. 88]. Субъекту управления здесь остается лишь «утвердить» свое разрешение на агрессивно-принудительное противодействие этому нападению.

Однако и в ситуации, когда члены какого-то социального объединения сами выступают в роли нападающей стороны, все их атакующие действия также должны быть непременно обоснованы, хотя бы и «надуманным» путем. В этом случае субъекту управления, в чьих интересах, по нашему мнению, всегда и применяется данный тип «экспансионного насилия», заранее требуется позаботиться о том, чтобы создать видимость «самозащитной» мотивированности таких действий, фикцию их «безальтернативной» значимости для дальнейшего существования всех членов данного социального объединения.

Показательным историческим примером подобной социально-политической демагогии может выступать немецкий лозунг времен Второй мировой войны. В нем напрямую сравниваются личные амбиции нацистского правительства с «битвой за судьбу немецкой нации», тем самым они как бы переводятся в ранг жизненно важного вопроса для всех немцев, которые непременно должны были поверить, что просто обязаны «полностью уничтожить своих врагов, а то враги полностью уничтожат их самих» [2, с. 87].

Кроме того, субъект управления может постараться искусственно создать в сознании управляемых им индивидов такой устойчивый иллюзорно-теоретический, упрощенный и обобщенный субъективированный образ противника, который бы позволил «искусственно» придать их агрессивно-принудительным действиям тот самый «оправданный» характер, необходимый для их практического применения в дальнейшем. Здесь он перестает уже рассматриваться как равнозначный субъект, обладающий «ценностью жизни» и правом на гуманное отношение, а предстает всего лишь неким внебытийным существом, способным на любые непредсказуемые действия, а значит, потенциально враждебным, опасным. Следовательно, в данном случае абсолютно прав был А.Е. Снесарев, заметивший, что «на алтарь войны оно [государство] несет психику своего народа, проводя принцип… делания из своих граждан злых и ярых зверей, способных вцепиться в шею таких же зверей по ту сторону границы» [6, с. 65].

Так, в ходе Первой мировой войны чуть ли не все представители германского народа в Европе звались не иначе, как варварами-«гуннами» [17, с. 169], а в России – «насильниками», «носителями милитаризма и реакции», «носителями антихристианских начал, ложной духовной культуры» и т. п. [4, с. 165] Во времена же Второй мировой войны, в свою очередь, уже сами немцы официально именовали русских «рожденными рабами», «русско-монгольской отсталостью», «недочеловеками», «ордами азиатов» (то есть дикарями) и т. п. нелицеприятными эпитетами [5, с. 325, 380, 381, 474].

Во-вторых, даже если человек субъективированно сомневается, что во время военного про-

тивостояния использует (или ранее использовал) действия агрессивно-принудительного характера в рамках «справедливой самообороны», он должен быть в большей степени уверен, что сможет избежать положенных за их применение моральных и правовых наказаний.

Так, он может пояснять их тем, что сам выступал лишь в качестве «средства насилия», без какого бы то ни было «дурного» умысла исполняя чужую волю, облаченную в форму приказа, задания, инструкции и т.д.

Подобным образом, к примеру, пытаясь оправдаться, объяснял свое поведение бывший высокопоставленный нацист А. Эйхман, который, по свидетельствам Х. Арендт, считал себя виновным только «перед Господом Богом, но не перед [человеческим] законом», так как действовал исключительно по приказам А. Гитлера и не имел никаких личных мотивов [2, с. 41–62]. Ту же ситуацию наблюдал и К.М. Симонов в люблянском концлагере «Майданек», бывшие работники которого сваливали всю вину на представителей СС [13, с. 200].

Однако использовать агрессию и принуждение и оставаться за пределами досягаемости правового и нравственного наказания человек также может и иным способом, в частности, поступая тем же самым образом, как ведут себя в данную минуту окружающие его люди: «Каждый в отдельности человек испытывает чувство, что в массе он выходит за пределы своей личности… Он чувствует себя свободным, следовательно, может преступить собственные границы» [8, с. 20]. Так в ходе военного противостояния коллективная ответственность отодвигает на второй план ответственность индивидуальную.

На наш взгляд, во всех подобных обстоятельствах субъект, непосредственно совершающий (или совершивший) насильственные действия, в какой-то степени и сам может рассматриваться в качестве объекта, «жертвы» косвенного принуждения к совершению определенных поступков, которые, в свою очередь, также привели к возникновению содержащих «ущербную» составляющую последствий. Но, с другой стороны, мы также не можем не согласиться с мнением Н.А. Бердяева, который, в частности, считал, что «низко было бы возложить на других убийство, которое нужно и мне, и делать вид перед самим собой, что в этом убийстве я не участвую» [4, с. 156].

В-третьих, человек может также пытаться самооправдать свои, по общей сути, насильственные действия и тем, что он ими никакому конкретному индивиду умышленно не вредит, более того, даже прямо не взаимодействует с ним, а возникший ущерб является всего лишь результатом «случайного стечения обстоятельств», косвенно ставших следствием данного поступка. Однако мы считаем, что особенность возникновения явления насилия как раз и заключается в том, что его никогда нельзя ограничивать лишь применением конкретно направленных действий. Оно может выступать и в совершенно опосредованном виде, когда одна из сторон общей единой системы отношений в социуме любыми своими поступками формирует обстоятельства, которые некой другой стороной будут индивидуалистично расцениваться как наносящие ей тот или иной тип ущерба, блокирующие ее свободный выбор дальнейшего способа бытия. В данном случае абсолютно уместным будет привести здесь следующее поучение Л.Н. Толстого: «Не утешай себя мыслью, что если ты не видишь тех, которых ты мучаешь и убиваешь, …то ты не мучитель, не убийца…» [16, с. 266].

Наконец, в-четвертых, несмотря на отсутствие внешней угрозы, прямого приказа или непосредственно наблюдаемых образцов подобного поведения, человек в ходе разворачивающегося военного противостояния сторон способен действовать с применением мер насильственного характера и в том случае, если ожидаемая от подобных действий личная сиюминутная выгода (материальная плата или знак отличия) сможет преодолеть все наложенные на него морально-правовые запреты. В данном случае свое поведение человек будет подстраивать, в первую очередь, под личные нужды, хотя при этом может попутно достигать как действительно общезначимые для всех членов своего социального объединения интересы, так и интересы верховного субъекта управления этим объединением, всегда завуалированные под таковые.

Таким образом, выше были проанализированы, вероятно, все те обстоятельства, в которых люди в тот или иной исторический период существования социального явления войны становятся способны совершать действия, абсолютно исключенные из их поведения в «мирное» время: «…Во время войны царят отъявленные преступники. И их дела, за которые бы в мирное время их

бы распяли и повесили, во время войны считаются самыми главными и самыми почетными» [19, с. 61].

В целом же надо отметить, что каждая война, по своей сущности, всегда превращается не иначе, как во «временное упразднение правовых отношений между воюющими народами, их более или менее полное возвращение (относительно друг друга) к естественному состоянию борьбы стихийных сил» [15, с. 515]. Следствием же такого «естественного состояния» выступает то, что в системе общественного бытия будут и далее возникать все новые и новые формы агрессивно-принудительных действий, наносящих ущерб не только конкретным индивидам и их группам, но и всему обществу в целом, и субъективированно расценивающиеся человеческим сознанием в качестве неприемлемого, но, тем не менее, приносящего при определенных условиях пользу явления насилия.

Библиографический список

1. *Альберди Х.Б.* Преступление войны. – М.: ИИЛ, 1960. – 256 с.

2. *Арендт Х.* Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. – М.: Европа, 2008. – 424 с.

3. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // О назначении человека: Сочинения. – М.: Республика, 1993. – С. 19–252.

4. *Бердяев Н.А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М.: Мысль, 1990. – 208 с.

5. *Буллок А.* Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание: В 2 т. – Т. 2. – Смоленск: Русич, 1994. – 672 с.

6. «Война… ведет государство властным определенным руслом» (публикация «Философии войны» А.Е. Снесарева И.С. Даниленко) (начало) // Военно-исторический журнал. – 2001. – №12. – С. 62–67.

7. *Гроций Г.* О праве войны и мира. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.

8. *Канетти Э., Московичи С.* Монстр власти: роман. – М.: Алгоритм, 2009. – 240 с.

9. *Клаузевиц К. фон.* О войне: в 2 т. – Т. 1. – М.: ГВИ НаркОб СССР, 1937. – 440 с.

10. *Ленин В.И.* Успехи и трудности советской власти // Соч.: В 45 т. – Т. 29. – М.: ГИПЛ, 1950. – С. 37–69.

11. *Маркс К.* Новые разоблачения в Англии // Соч.: В 50 т. – Т. 11. – М.: ГИПЛ, 1958. – С. 548–553.

12. *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М.: РОССПЭН, 2006. – 288 с.

13. *Симонов К.М.* От Халкингола до Берлина. – М.: ДОСААФ, 1973. – 336 с.

14. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия // Соч.: В 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1988. – С. 47–580.

15. *Соловьев В.С.* Спор о справедливости // Соч.: В 2 т. – Т. 2. – М.: Правда, 1989. – С. 509–521.

16. *Толстой Л.Н.* Путь жизни. – М.: Высшая школа, 1993. – 527 с.

17. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2006. – 635 с.

18. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2007. – 571 с.

19. *Эразм Роттердамский.* Жалоба мира // Трактаты о вечном мире / под ред. И.С. Андреева, А.В. Гулыга. – М.: ИСЭЛ, 1963. – С. 39–65.

УДК 316:1

Касаткина Светлана Сергеевна
Череповецкий государственный университет
svetlanach5@rambler.ru

ГОРОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

В работе предпринята попытка рассмотреть комплекс направлений исследований о повседневной городской жизни. Целью изучения городской повседневности является представление о её структуре, смысловом содержании, отношении к ней горожанина. В урбанизированном и глобализированном обществе понять смысл городской повседневности особенно актуально.

Ключевые слова: *город, повседневность, городская жизнь, теории изучения городского пространства, урбанизация, философия урбанизации.*

Городская повседневность в современном миропонимании является одним из востребованных объектов познания. В урбанизированном обществе XX–XXI вв. важно представлять структуру, особенности, функции, перспективы городской жизни. Решение многих проблем повседневности зависит от уровня освоения городского пространства, от осознания его закономерностей и противоречий. Понятие городской повседневности включает в себя как инфраструктуру города, особую социокультурную среду, развивающуюся под воздействием региональных и общегосударственных контекстов, являющуюся пространством существования его обитателей, так и потребности горожан, их трудовые будни и отдых, качество и уровень жизни.

Проблемы повседневного опыта горожан занимали многих мыслителей. Античные авторы поднимали вопросы общественного устройства, исторической «почвой» которого были конкретные для философов греческие города-полисы. Можно согласиться с идеей А.М. Пятигорского о том, что философия как наука возникает в рамках городской среды, городской повседневности [20]. Мыслители нарекались именами, связанными с городами, давшими им творческий путь – Гераклит Эфесский, Зенон Элейский, Ксенофонт Афинский, Платон Афинский и др. Повседневность греков представлена в разных сочинениях. Идеи Сократа по этому поводу можно почерпнуть из произведений его слушателя – Ксенофонта, описавшего эпизоды повседневной жизни афинян V–IV в. до н. э. [11]. Эталоном жизни городского общества многие греки считали гражданское общество, приоритет которого не исчезает до сих пор. Платон и Аристотель обозначили разнообразные вопросы гражданского общества в античной, греко-римской цивилизации [2; 18]. Человек античности воспринимал повседневность в целостности, не делая различий между государством – полисом (городом) и гражданским состоянием, фактами и ценностями, реальным и идеальным. «Миросозерцание людей характеризовалось нерасчлененностью. Также оценивалось социальное окружение. Это не говорит о гармоничности жизни, отсутствии в ней противоречий и конфликтов. Государство-полис отождествлялось с обществом как таковым, обеспечивающим жизнедеятельность людей во всех ее формах, проявлениях» [6; 10].

Города античности сформировали специфическую западную повседневность. Города древнего Востока определили особенности жизни горожан восточной цивилизации. Так, Месопотамия в III тыс. до н.э. состояла из сети городов-государств с окружающей их территорией, возделываемой населением города. Центром города-государства был город, а центром города был храм, посвященный богу города. Жизнь горожан была сосредоточена в сфере инфраструктуры храма бога города. Месопотамский город, внешне напоминающий греческий полис, жил мировоззрением подчиненности, подвластности божеству. Восточный горожанин являлся служителем бога, покровительствовавшего его городу. «Поддерживая великого бога, создавая экономическую базу, позволяющую этому богу наслаждаться полным и свободным самовыражением, город-государство поддерживает какую-либо из великих сил природы, обеспечивает ей свободу должного функ-

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009–2013 гг., ГК П 360.

© Касаткина С.С., 2011

ционирования. Таким образом, город-государство способствует поддержке и осуществлению упорядоченного космоса и его сил» [24, с. 245].

На заре средневековой эпохи городская жизнь стала объектом внимания Аврелия Августина [4]. С.А. Смирнов отмечает, что идея города у А. Блаженного рождается как единство Града душевного (личности, имеющей свое символическое тело) и единства Града духовного (культуры, имеющей свое символическое тело). По христианской традиции, город есть единство Града Небесного и града Земного, в нем воплотилась идея сотрудничества Человека и Бога [23]. Городская повседневная жизнь европейских христиан была строго канонизирована, а формы общественных связей регламентированы церковью.

Эпоха Возрождения скорректировала представления о городской повседневности утопиями об «обществах равных». Т. Мор и Т. Кампанелла под влиянием гуманизма и антропоцентризма своей эпохи предложили теории о городах, где ярко выражены идеи социальной справедливости жизни горожан [9; 14]. Следует признать, что модели городского развития Мора и Кампанеллы воспринимались в качестве идеальных. Внимание к городской жизни отразилось в творчестве Ф. Бэкона и французских просветителей. Авторы подчеркивали необходимость расширения прав непривилегированных горожан в повседневной жизни, призывали к борьбе за них. Ж.Ж. Руссо считал, что после заключения общественного договора человек теряет естественную свободу и неограниченное право на все, что его привлекает, приобретая взамен гражданскую свободу и право собственности на то, чем он обладает. Раз люди объединяются в единое целое, подчиняя ему себя, подчинение должно быть справедливым, т.е. одинаковым для всех [21].

Теория социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана так же сыграла серьезную роль в философском осмыслении городской повседневности [3]. Эти мыслители первыми ввели в научный оборот понятие «повседневный мир», поставили вопрос о языке «повседневных встреч», о путях «заучивания типичных повседневных действий», тем самым дав толчок концепциям социального конструирования идентичностей, в том числе городского пространства [19].

Основополагающими классическими теориями о городской повседневности признаны работы деятелей Чикагской школы Р. Парка и Э. Берджесса [25]. Ученые проанализировали различные аспекты влияния социального окружения на человека, биологические и экономические факторы человеческой жизнедеятельности, вследствие чего появилась идея социального развития (инвазия, сукцессия), методика «концентрических зон». Л. Вирт в рамках Чикагской социологической школы обосновал понятие «урбанизм», исходя из его четырех характеристик: размера, территории города, плотности и гетерогенности населения [5]. В современном российском обществе также актуальны социальные вопросы, связанные с пространственной сегрегацией городского мира. Противоречия этого явления, возможные сценарии его развития волнуют мыслителей, горожан, властей [16]. Городскую повседневность рассматривал Макс Вебер, автор «понимающей социологии». Он предположил, что город способствует развитию индивидуальных черт личности в рамках городской повседневности [29]. Американский ученый Л. Мамфорд последовательно изложил эволюционные преобразования, происходящие городской жизнью западной Европы на протяжении всей истории их развития [27]. Одними из основателей современной урбанистической теории являлись Э. Дюркгейм и Г. Зиммель. Дюркгейм признавал город живой целостностью, которой характерны разные способы взаимодействия между людьми, девиантное поведение [26]. Г. Зиммель указывал, что город воздействует на психику человека, так же порождая асоциальное поведение. Однако в метрополисе возможно избежать жесткого социального контроля [28]. Н. Смелзер определил, что в городе жизнь населения не представляет целостного единства, а существует в виде множества миров [22].

Существует современный подход к пониманию города как к креативному явлению. «Город представляет собой сложный сплав самых разнообразных людей, групп интересов, институтов, организационных форм, отраслей экономики, социальных групп и культурных ресурсов» [12]. Ч. Лэндри считает, что креативность города формируется за счет силы мышления и идей горожан, определяющих их мировоззрение, а так же от восприятия культуры как творческого ресурса.

Среди отечественных классиков городских исследований социокультурные тенденции повседневности рассматривали Н. и Т. Анциферовы [1]. Город как самодостаточную повседневную среду, основная функция которой дать лю-

дям обеспеченное жизненное пространство, рассматривает Е.А. Мельник [13]. Городской быт можно представить как территориальную концентрацию людей, средств производства, предметов и продуктов труда, концентрацию многих домохозяйств в одно целостное повседневное образование, не сводимое к множеству отдельных поселений, обладающее интенсивностью социальных связей. Г.В. Горнова определяет городскую жизнь результатом и объектом творческой и любой другой деятельности человека, называет её «квинтэссенцией социальности» [7, с. 3]. Город как исторически и культурно освоенный локус, постоянно продуцирующий собственную культурную информацию предлагает рассматривать С.А. Смирнов. Автор позиционирует отечественное и западное городское пространство. Повседневная среда горожан – соотечественников, по мнению С.А. Смирнова, «место уничтожения человека, каменный мешок – тюрьма». Российские города не созданы для жизни, для полноценного обитания в них человека, в котором раскрывались бы все его способности, в котором развивалась бы личность. Современные города – это города – монстры, города – фабрики, лишенные духовных центров и культурных корней [23]. Городскую повседневность во взаимосвязи с социумом эпохи всеобщей информатизации исследуют Ю.В. Зацепилин [8] и М.Л. Паламарчук [17]. В данном ракурсе повседневность современного города характеризуют ряд особенностей: усложнение жизни из-за постоянного роста информационных потоков, неоднородность их структуры, увеличение производственных процессов; интенсивность воздействия на человека средств массовой информации, средств массовой коммуникации. По их каналам извне горожане получают образцы и нормы, регулирующие их поведение. Тенденции глобализации, виртуализации, гипертекстуальности, интерактивности городского пространства определяют повседневный мир медиачеловека как сложный феномен, отражающий многоликие процессы социокультурной реальности.

Вопросы ценностей городской повседневной жизни, их структуру позволяют выявить преобладающие предпочтения горожан. Это в дальнейшем способствует составлению общей картины жизни обычного городского обывателя. Имея реальные представления о том, чем живет горожанин каждый день, становится возможным разрабатывать эффективные действенные программы развития современных городов. Г.М. Муталова отмечает, что ценности горожан в повседневной жизни оказывают заметное влияние на образ жизни в городе, проявляясь в виде предпочтений в таких сферах, как: семья, работа, здоровье, отдых и досуг [15]. Социально-философский взгляд на исследуемую проблему можно дополнить методом феноменологической урбанистики. Городская повседневность в рамках феноменологического восприятия предполагает создание образа города, востребованного в эстетических, психологических, антропологических и других направлениях познания.

Предприняв попытку рассмотреть городскую повседневность как одно из направлений социально-философской тематики, можно определить её некоторые аспекты. Городская повседневность первична для большинства людей XXI века, необходима как предпосылка для развития всех сфер жизни современного общества. Повседневность горожан – актуальный объект разнообразных научных исследований. Это сложный структурированный комплекс жизнеустройства, динамически развивающаяся система знаков, символов, характеристик городской жизни. Городская среда – отражение социально-экономических, духовных и политико-правовых тенденций в обществе в целом, а так же уникальный исторический, эстетический, психологический феномен и социокультурный концепт современного мира.

Библиографический список

1. *Анциферовы Т. и Н.* Книга о городе. Город как выразитель сменяющихся культур. – Л.: Изд-во Брокгауз – Ефрон, 1926. – 224 с.

2. *Аристотель.* Политика // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. – М.: Мысль, 1984. – 830 с.

3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.

4. *Блаженный Августин.* О Граде Божием. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 1296 с.

5. *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – С. 93–118.

6. *Ганин О.Н.* Понятие «гражданское общество»: сущность и содержание // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 2. – С. 93–94 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rae.ru/fs/?section=content&op=

show_article&article_id=7779848 (дата обращения: 24.08.2011)

7. *Горнова Г.В.* Феномен города в духовном мире человека. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2005. – 148 с.

8. *Зацепилин Ю.В.* Город как социум в эпоху всеобщей информатизации. – Челябинск: НП «Институт развития города», 2006. – 135 с.

9. *Кампанелла Т.* Город Солнца. Утопический роман XVI–XVII вв. – М., 1971. – 496 с.

10. *Кошеленко Г.А.* Полис и город: к постановке проблемы // Вестник древней истории. – 1980. – № 1. – С. 3–28.

11. *Ксенофонт.* Домострой // Ксенофонт. Сократические сочинения. – М.: Мир книги, Литература, 2007. – С. 217–283.

12. *Лэндри Ч.* Креативный город. – М.: «Классика – XXI», 2006. – 399 с.

13. *Мельник Е.А.* Города России: основные идеи современного городского развития // Малые города России. Проблемы истории и возрождения: Материалы Международной научно-методологической конференции. 16–17 окт. 1998 г. (Переславль-Залесский) / под ред. А.А. Черемина. – М.: Изд. центр «Москвоведение», 1998. – С. 18–22.

14. *Мор Т.* Утопия. – М., 1978 – 416 с.

15. *Муталова Г.М.* Ценностные ориентации и предпочтения повседневной жизни горожан: Дис. … канд. социол. наук. – Уфа, 2009. – 182 с.

16. *Обирин А.И.* Неравенство в пространстве города. Элитное и социальное жилье, пространственная сегрегация г. Хабаровска // Вестник ТОГУ. – 2011. – № 1. – С. 223–230.

17. *Паламарчук М.Л.* Город как социокультурный феномен: Дис. … канд. филос. наук. – Архангельск, 2009. – 134 с.

18. *Платон.* Диалоги; Сочинения платоновской школы. – М.: Мир книги; Литература, 2007. – 496 с.

19. *Пушкарева Н.* «История повседневности» как направление исторических исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280 (дата обращения: 24.08.2011).

20. *Пятигорский А.М.* Философия как урбанистический феномен. Философия городского сознания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.renova-sg.ru/press/analitika/?n=37 (дата обращения: 24.08.2011)

21. *Руссо Ж.Ж.* Об общественном договоре. Трактаты. – М.: «Канон-пресс»; «Кучково поле», 1998. – 416 с.

22. *Смелзер Н.* Поселенческие общности и жизнь в больших городах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_590.html (дата обращения: 24.08.2011).

23. *Смирнов С.А.* Антропология города или о судьбах философии урбанизма в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://antropolog.ru/doc.php?id=129 (дата обращения: 24.08.2011).

24. *Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т.В.* В Преддверии философии. Духовные искания древнего человека. – СПб.: Амфора, 2001. – 314 с.

25. *Burgess.* The growth of the city: on introduction to a research project. – Chic., 1925; Burgess E., *Park R., McKenzie R.D.* The city. – Chic., 1926.

26. *Durkheim E., Fauconnet P.* Sociologie et sciences sociales // Revue philosophique, t. LV. – 1903 – Mai; *Durkheim E.* Sociologie et philosophie. – P., 1924.

27. *Mumford L.* Technics and civilization. – N.Y., 1934; The condition of man. – N.Y., 1944; The myth of the machine. – N.Y., 1967–1970.

28. *Simmel G.* The Metropolis and Mental Life. – N.Y., 1903.

29. *Weber M.* Die Stadt. – Wirtschaft und Gesellschaft, Kap 8. // Grundriss der Sozialökonomik. III. Abt. Tübingen, 1922.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 101.1008

Аймалетдинова Лариса Андреевна
кандидат философских наук
Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева
larisa.colesova@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНОЙ ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ (на примере Нижегородской ярмарки)

Проблемой, обсуждаемой в этой статье, является переориентация ценностей российского общества XIX – начала XX столетий (на примере Нижегородской ярмарки). Понимание всех тех культурных и эстетических изменений, которые имели место в прошлом, особенно важны сегодня для соответствующего восприятия подобных социокультурных изменений в России.

Ключевые слова: *аксиологический анализ, девиантное поведение, ценностная шкала, Нижегородская ярмарка, социальный контроль.*

Уже со второй половины XVIII века духом российского общества стало завладевать прозаическое понятие пользы, эта тенденция еще более усилилась в XIX веке, когда мощное индустриальное развитие, технический прогресс, роль двигателя которого в России играло купечество, ориентированное (в силу своей специфики) на материальную культуру, приводит к тому, что именно купеческая модель картины мира с ее аксиологической шкалой постепенно становится доминирующей над всеми остальными. Модель эстетических, нравственных, культурных ценностей купеческого сословия в XIX веке выходит за пределы отдельной социальной группы и претендует на роль универсальной, становясь опасной уже тем, что отвергает иные картины мира с их ценностными установками. Такой период в истории (когда активность одного психологического типа становится более интенсивной по отношению к другим и невольно такой психологический тип начинает доминировать над остальными) Л. Гумилев называет «фазой надлома». Результатом такой социализации предпринимательской картины мира стала экзальтация массовой культуры, основанной на материальных ценностях.

Таким образом, с подъемом промышленности в начале XIX века начинается процесс мутации российской культуры. Постепенно происходит активизация устойчивых и древних ее пластов. Например, столь характерное для русского человека колебание между порядком и хаосом, свободой и деятельностью во многом проявилось в менталитете купца 2-й половины XIX века. Силу инстинктов, жажду свободы русского человека не смог заглушить западный аскетизм; западный образ жизни, насаждаемый в Петровскую эпоху; дух игры и свободы оказался неискоренимым, о чем говорит непреодолимая тяга русского предпринимателя к кутежам и разгулу.

Подобным потребностям в полной мере отвечала такая форма экономической и культурной жизни русского общества, как ярмарка, сочетавшая в себе важные функции промышленной и экономической жизни и, вместе с тем, всегда ассоциировавшаяся с безудержным весельем.

Для русского купечества XIX века ярмарка становится, по сути, единственным субкультурным образованием, полностью соответствующим его ценностным установкам, где массовый спрос на рафинированные чувственные наслаждения явился причиной активизации массовой культуры с ее чувственно-эмоциональной насыщенностью содержания, выразительностью, экспрессивностью, зрелищностью – всем тем, что могло отвлечь, заполнить существовавшую духовную пустоту.

Беря во внимание вышесказанное, можем отметить, что ярмарка стала моделью культуры нарождающегося в России в начале XIX века капитализма, более того, моделью российской культуры, в которой происходила актуализация купеческой картины мира. К тому же аксиологическая переориентация проходила в нелегкое для нашей страны время, в годы военных потрясений, революционных волнений, когда рушился не

© Аймалетдинова Л.А., 2011

только государственный строй, но нравственные идеалы и ценности, в период истории, который Ю. Тынянов определил как «культурный промежуток».

Характерные для этой эпохи социальная аномия, общественная нестабильность, паралич власти отмечает и К. Леонтьев. Он говорит, что для этого периода характерно формирование некоего обезличенного среднего типа – так называемого «человека массы». Такой «средний человек» и становится доминирующим типом личности в российской культуре 2-й половины XIX века.

Тема статьи звучит особенно актуально в контексте современной социокультурной ситуации в России. Попытки демократизации всех сфер общественной жизни, развитие новых направлений в российской экономике, рост проституции, преступности, ряд других сложных явлений в нашем обществе выступают своеобразным эхом исторических процессов в России XIX – начала XX вв.

Мир смеховых форм карнавального творчества всегда противостоял официальной авторитарной культуре, то есть сложившейся социальной норме. Превратившись в товар для рынка, карнавальная культура, как таковая, всегда являлась одной из самых прибыльных отраслей экономики. Подробное освещение этого аспекта массовой культуры дал в своих работах Чингиз Айтматов. По его мнению, «сила массового искусства в наглядном и неотвратимом действии рыночного спроса-предложения. Рынок же всесилен по той простой причине, что его искусство… сумело, прочно и навсегда оседлать коня с тремя головами, коня …базовых инстинктов …со всеми их бесчисленными вариациями в различных жанрах и действах» [1, с. 7].

Н.А. Бердяев в своей работе «Философия неравенства» отмечал, что «происходящая в мире демократическая революция не оправдывает себя высокой ценностью и высоким качеством культуры, которую она несет с собой в мир» [2, с. 264]. По причине всеобщей демократизации, по мнению философа, культура понижается в своем качестве и в своей ценности, «она делается более дешевой, более доступной, более комфортабельной, но и более плоской, пониженной в своем качестве».

Целостная концепция массовой культуры была предложена испанским философом и искусствоведом Хосе Ортегой-и-Гассетом. Он утверждал, что обезличенная масса не вторит элитарному меньшинству, а, напротив, является его оппозицией. Вытеснение так называемой элиты из традиционных для нее областей (культуры, политики) приводит к общественным бедам. Для испанского философа человек массы – человек, лишенный самостоятельности и индивидуальности.

Ярмарка в этом случае рассматривается как карнавал, вечное ощущение праздника. Ярмарочная субкультура здесь выступает в качестве временной доминанты, позволяющей погрузиться в атмосферу свободы, изобилия, равенства, ее составляющие замещают утраченные обществом нормы и ценности, особое значение приобретает эстетическая составляющая карнавала: чувственно-эмоциональная насыщенность содержания, выразительность. В этих условиях человек, утрачивая свою индивидуальность, растворяется в толпе, оказывается в пограничном состоянии между реальной жизнью и театральным действом. Социальная норма отступает, ее заменяет непреодолимая тяга к разгулу.

В начале XIX века в связи с подъемом промышленности, активизацией купеческого сословия, являющегося, по сути, двигателем технического прогресса, в России начинается процесс мутации российской культуры, экзальтации массовой культуры. Ярмарочная субкультура, основанная на инстинктах, выступала в этом случае как спасение, замещение утраченных обществом норм и ценностей. В условиях «ярмарочного праздника» человек, лишаясь своей индивидуальности, растворяется в толпе, оказывается в пограничном состоянии между реальной жизнью и театральным действом. При всем позитивном финансово-экономическом значении Нижегородской ярмарки, которое отмечается в существующей литературе, необходимо учитывать всю совокупность негативных, антикультурных явлений, которые закономерно сопровождали ее функционирование.

Библиографический список

1. *Айтматов Чингиз.* В ожидании прибытия XXI века // Известия. – 1998. – №23. – С. 7.

2. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. – М.: Има-пресс, 1990. – 285 с.

УДК 78
Б 825

Борисова Елена Юрьевна,
Погорелова Наталья Юрьевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МУЗЫКИ П.Г. ЧЕСНОКОВА

Духовно-музыкальная литература конца XIX – начала XX веков, в сравнении с другими жанрами этой эпохи, по вполне понятным причинам, наименее изучена. Сосредоточенность нашего музыкознания исключительно на одной стороне творчества П.Г. Чеснокова при совершенном забвении другой её стороны мешает правильному пониманию как его духовной, так и светской музыки и, в конечном счёте, искажает научную истину. Поэтому в данной статье мы ставим своей задачей более подробно осветить духовно-музыкальное наследие Чеснокова.

Ключевые слова: *русская духовная музыка, древнерусские певческие традиции, народно-песенные интонации, новый тип концертной духовной музыки.*

Павел Григорьевич Чесноков – одна из крупнейших фигур русской хоровой культуры первой половины XX века. Разносторонний хоровой деятель – композитор, дирижёр, педагог, он родился в семье сельского церковного регента и уже с пятилетнего возраста пел в хоре отца, поэтому, в отличие от многих представителей Нового направления русской духовной музыки, основным его делом стало регентство в разных церковных хорах.

Характеризуя жанровые линии творчества композитора, как церковных его сочинений, так и светских, следует отметить, что существенного отличия между этими сочинениями у Чеснокова нет ни по музыкальному языку, ни по общему идейно-эмоциональному содержанию. Павел Григорьевич был очень устойчив и целен в своих лирических настроениях, поэтому все его хоровые произведения укладываются в одну эмоциональную палитру, отличаясь друг от друга только текстом, например, песнопение «Величит душе моя Господа» (ор. 40) имеет, в интонационном плане, много общего с жизнерадостным светским хором «Пантелей-целитель».

Духовно-музыкальное наследие Чеснокова охватывает почти весь круг церковного богослужения (семь «Литургий», четыре «Всенощных», две «Панихиды», песнопения-отпевания мирян, многочисленные гармонизации различных роспевов, множество «Херувимских», тропарей, прокимнов – богородичных, причастных и т.д.). Во всех его духовно-музыкальных произведениях ярко выражен основной смысл православных песнопений – это свет и радость, что является основой всего православного богослужения.

Воспитанник «московской школы» и любимый ученик Смоленского – Чесноков начинал писать духовную музыку не с самостоятельных сочинений для богослужения, а с переложений в чисто «синодальном» стиле, и такого рода мастерские работы проходили через разные этапы его жизни, вплоть до самых последних опусов, например, «Литургии» и «Всенощной» (ор. 50, 1917 г.). Обработки подлинных старинных роспевов (славянских, болгарских, киевских, знаменных и др.) Чеснокова отличаются не только великолепным хоровым письмом, но и особой естественностью.

В своих авторских духовных сочинениях П.Г. Чесноков соединил все характерные черты предыдущих эпох: инструментальность партесного пения, полифонию итальянской музыки, строгость и красоту немецкого хорала, задушевную лиричность русского городского романса и позднего духовного стиха. Ярким примером использования Чесноковым оборотов городского лирического романса в духовной музыке является песнопение (ор. 43) «Не умолчим никогда, Богородице». Всё это он благодатно сочетал с глубоким знанием и внутренним ощущением национальных корней древнерусского церковного роспева: его благородная сдержанность, строгий диатонизм, логичность мелодического развития в высшей степени облагородили стиль композитора.

Для духовно-музыкального творчества Чеснокова типичны, с одной стороны, великолепное

© Борисова Е.Ю., Погорелова Н.Ю., 2011

владение хоровым письмом, отличное знание разных видов традиционного пения, что особенно проявляется в его переложениях роспевов, а с другой – тяготение к большой эмоциональной открытости в выражении религиозного чувства, вплоть до прямого сближения с романсовой или песенной лирикой. В духовной музыке Чеснокова можно найти немало параллелей с фольклорным мелосом и конкретными народными жанрами, например, применение в церковных произведениях двухголосного четырёхголосия, трёхголосного шестиголосия (как правило, употребляется композитором для создания плотного, блестящего, фанфарного, как бы двуххорного звучания в торжественных, пышных, праздничных песнопениях). К впечатляющим по эмоциональному воздействию примерам соединения народного жанра с церковным можно отнести № 7 «Достойно есть…» из «Литургии св. Иоанна Златоуста» (ор. 42), № 6 «Херувимская песнь» (На «Видя разбойник») (ор. 33) и др.

Для духовно-музыкальных произведений Чеснокова обычно характерна шестиголосная партитура (два сопрано, альт, тенор и два баса), однако даже на протяжении одного духовно-музыкального произведения общее количество голосов и их комбинации могут непрерывно меняться. В качестве примера можно привести песнопение (ор. 43) «Заступнице усердная».

В духовно-музыкальном наследии П.Г. Чеснокова хоровая инструментовка его песнопений отражает великий певческий дар русского народа, раскрывает голосовое богатство наших певцов, в частности басов-октавистов, и даёт полное представление о несравненно стройном звучании лучших профессиональных отечественных хоров. В этом отношении следует отметить влияние на хоровую инструментовку духовных сочинений Павла Григорьевича голосового состава и исполнительского уровня Синодального хора, который пел богослужения в Московском Большом Успенском Соборе (осторожное отношение к тесситуре женской партии и расчёт на огромные возможности мужской). При этом, как ни парадоксально, стиль инструментовки Чеснокова сочетает в себе, казалось бы, несовместимые черты: предельное выявление стихии вокальности и инструментальные принципы организации хора. Некоторые приёмы хоровой инструментовки у Павла Григорьевича устойчиво связаны с кругом определённых художественных образов. Так, например, поручение басам ведущей мелодической линии, нередко с октавными удвоениями в басовой партии и противопоставлением её другим голосам, композитор применяет обычно в произведениях скорбного или величественного характера. Ярким примером великолепной хоровой инструментовки Чеснокова является великопостный тропарь «Се жених грядет…» (ор. 6).

Фактура духовно-музыкальных произведений Павла Григорьевича отличается специфической манерой располагать аккорд по хоровым партиям, в основном следуя обертоновому принципу, то есть соблюдению большого расстояние между нижними голосами и уплотнению верхних голосов. С этим же принципом связаны типичные для духовной музыки Чеснокова divisi басовой партии. Так как фонизм аккорда был для него важнее функциональности, а гармония в целом неотделима от хорового тембра, поэтому Чесноков гармонии придаёт только чисто красочное звучание. Для его церковной музыки характерны органные пункты, как правило, тонические, то есть функционально статичные, частое использование аккордов многотерцовой структуры, особенно нонаккордов различных функций и доминантовых альтераций, которые, в большинстве случаев, играют у Чеснокова роль характерной мелодической интонации.

П.Г. Чесноков в своих духовно-музыкальных сочинениях часто использует большетерцовые сопоставления тональностей, причём именно сопоставления, а не модуляции, в случае же модуляций (энгармонических и внезапных) композитор ради эффекта красочности нередко шёл на риск в смысле трудности хорового интонирования. В свете основных эстетических позиций Чеснокова интересен вопрос выбора им тональностей для церковных произведений. Можно отметить, что композитор чаще выбирал тональности фа мажор и ре минор. Тональность до мажор он считал яркой, сверкающей, блестящей; соль мажор – нарядной, роскошно красочной, особенно в сопоставлении с си мажором; фа мажор – мягкой, светлой, спокойной тональностью.

Мелодика и ритмика духовных сочинений Чеснокова в значительной степени подчинены гармонии. Обычно мелодия его песнопений вырастает из тонов распетой гармонии. Это особенно очевидно в тех случаях, когда композитор поручает верхнему голосу выдержанные звуки, «раскрашивая» их разными гармониями, как бы

любуясь переливами гармонических красок, неожиданно сменяющихся функций выдерживаемого тона. В связи с отмеченным выше специфическим характером мелодики Чеснокова партии сопрано у него в тематическом отношении мало интересны. Очень часто в них присутствует псалмодическое речитирование, ритмически фигурированный органный пункт, гармоническая фиоритура, иногда органный пункт типа повторяющегося подголоска. Тембр сопрано Павел Григорьевич обычно трактует как лёгкий, светлый, нежный, в тесситурном отношении не переступающий тот предел, за которым он мог бы превратиться в резкий и драматически напряжённый тембр. Так, например, в песнопении «Благослови душе моя» (ор. 44) высшая точка сопрановой партии – ре второй октавы. Однако следует отметить, что в некоторых песнопениях торжественного, хвалебного характера Чесноков всё же использует и довольно высокие ноты – фа, соль, ля второй октавы, например, № 5 «Хвалите Господа с небес» из «Литургии» (ор. 10).

Альтовая партия в духовных произведениях Чеснокова представляет собой наименее подвижный голос самого умеренного диапазона. Это единственная хоровая партия, в которой редко встречается divisi. В своей книге «Хор и управление им» Павел Григорьевич характеризует своё понимание вокально-хоровой специфики альтов как «полный, густой, матовый тембр». Особенно бережно относится Чесноков к голосовому аппарату альтового solo. Для примера можно привести его великопостное песнопение «Да исправится молитва моя». На протяжении всего произведения solo альта находится в диапазоне си малой октавы – ля первой октавы и только дважды встречается ре второй октавы. Звучит оно на фоне мягкого и густого тембра мужской партии, женскую же группу композитор подключает лишь в кульминационном моменте песнопения без партии солистки.

П.Г. Чесноков, как было нами ранее сказано, сочинял свои духовные песнопения в расчёте на голосовой состав и исполнительский уровень Московского Синодального хора, который обладал огромными возможностями мужского хора. Поэтому партия теноров у Чеснокова используется в гораздо напряжённой и более высокой тесситуре, чем партия сопрано. Например, в песнопении «Вечери твоея тайныя» самая высокая нота – ля-бемоль первой октавы, а в песнопении «Тя Едину…» из цикла «Во дни брани» (ор. 45) даже си-бемоль первой октавы. В отличие от альтов, композитор почти во всех песнопениях использует divisi теноровой партии, часто вводит в духовно-музыкальные сочинения solo тенора или предоставляет ему ведущую роль.

Басовая партия в духовных сочинениях Чеснокова, как правило, тоже делится на две, а иногда и на три партии в характерных для его песнопений низких регистрах. Следует остановиться на особом отношении Чеснокова к басам-октавистам, которых он называл «роскошью» в хоре, замечая, однако, что использовать их нужно с большой осторожностью. Поскольку этот редкий голос встречается преимущественно у русских певцов, постольку применение его Чесноковым в своей духовной музыке является национальной чертой хоровой оркестровки композитора. Ярким примером поразительно тонкого понимания автором вокальной природы этого уникального голоса может служить песнопение Чеснокова «Не отвержи мене во время старости» (№ 5, solo баса-октавы со смешанным хором, ор. 40, 1914 г.). Композитор для партии солиста выбирает наиболее выгодный регистр. Он тщательно расставляет дыхание (сравнительно короткое – с учётом медленного темпа), динамические оттенки, проставленные композитором, соответствуют естественной динамике этого регистра. П.Г. Чесноков безукоризненно знал законы вокальной орфоэпии, поэтому на очень низкую ноту соль контроктавы композитор использует более удобную для этого регистра гласную «а», а не «е»: вместо «отв-е-ржи» – «ост-а-ви». Крайние медленные части этого хора инструментованы без басов, с divisi в теноровой партии, а применение необыкновенно яркого эффекта сопоставления регистров хора и солиста, при модуляции в средней части формы, делает данный хор великолепным образцом художественного раскрытия вокальных возможностей баса-октавы.

П.Г. Чесноков, как православный человек, который с детства постиг значение хорового пения в храме, понимал, что хор – это сердце и уста молящегося человека. Он знал и чувствовал «тайну» вокально-хоровой выразительности. Его вокально-хоровое чутьё, знание природы и выразительных возможностей певческого голоса имеют мало равных себе среди композиторов отечественной и зарубежной хоровой литературы.

В творческом наследии П.Г. Чеснокова довольно большое место занимают духовно-музыкаль-

ные произведения для женского хора – это «Литургия» и «Всенощное бдение» (ор. 9). В этих циклах чётко прослеживается характерное для Чеснокова осторожное отношение к тесситурным условиям женского хора. Так, в партии первого сопрано редко встречается нота фа второй октавы (за исключением торжественных песнопений, например «Хвалите Господа с небес»). В партии второго альта композитор часто использует ля малой октавы, и только эпизодически, обычно в конце песнопений, встречается соль малой октавы. Строение этих циклов нетрадиционно, так как композитор некоторые песнопения написал в двух и даже трёх вариантах (два варианта песнопений «Слава… Единородный Сыне», «Господи, спаси…», «Благослови душе», «Свете тихий», «Хвалите имя Господне» и три варианта «Херувимской»).

В нашей статье мы неоднократно писали, что Павел Григорьевич сочинял свои духовно-музыкальные произведения в расчёте на голосовой состав и исполнительский уровень Московского Синодального хора. Однако следует отметить, что композитор не забывал и о небольших приходских хорах, для которых сделал великолепные переложения со смешанного состава на однородный хор как своих произведений, так и духовную музыку П.И. Чайковского, А.Т. Гречанинова, М.М. Ипполитова-Иванова, Вик. С. Калинникова. Ярким примером бережного отношения к авторскому замыслу может служить переложение песнопения А.Т. Гречанинова «Благослови, душе моя, Господа».

П.Г. Чесноков, как и многие композиторы Нового направления русской духовной музыки, писал также в такой жанровой сфере, где музыкальные сочинения, основанные на ортодоксальных текстах, предназначались только для концертного исполнения. Ни в коем случае нельзя заподозрить этих композиторов в неправославии, хотя они иногда серьёзно думали и о введении инструментов в церковную службу, в данном случае речь идёт о новом типе концертной духовной музыки, который получил широкое развитие в наше время. Для примера приведём сочинения: «Братское поминовение» для солистов, хора, органа и оркестра А.Д. Кастальского, «Oecumenica» («Вселенская») для четырёх солистов, хора, органа и оркестра А.Т. Гречанинова, «Семь псалмов царя Давида» для хора с аккомпанементом фортепиано или арфы М.М. Ипполитова-Иванова, цикл, посвящённый Николаю Григорьевичу Зипалову «Во дни брани» (ор. 45) П.Г. Чеснокова, а также его апокалипсический по настроению концерт на текст 78 псалма, который исполнялся на концертных площадках, но так и не был опубликован:

Боже! язычники пришли в наследие Твое,
осквернили святый храм Твой,
святый град превратили в овощное
хранилище;
трупы рабов Твоих отдали на
снедение птицам небесным,
а тела святых Твоих – зверям земным;
пролили кровь их, как воду,
и некому было похоронить их.
Мы сделались посмешищем у соседей наших,
поруганием и посрамлением у окружающих нас.

Любовь к хоровому творчеству, во всех его проявлениях, составляла смысл всей жизни П.Г. Чеснокова. Однако наиболее яркой стороной его художественных стремлений являлась, пожалуй, любовь к хоровому исполнительству. В работе с хором Чесноков представал как великолепный знаток хорового пения, образованный музыкант и талантливый высокопрофессиональный дирижёр. Каждый шаг его работы с хором был глубоко осмыслен и последователен, каждое требование целесообразно и ясно. Основным принципом взаимоотношений руководителя с коллективом хора, которому Чесноков следовал всю свою жизнь, были глубокая человечность, взаимное уважение певцов и дирижёра, поэтому Павел Григорьевич всегда пользовался исключительной любовью у хористов. Произведения в исполнении его хоровых коллективов отличались благородством, безукоризненным вкусом, мудрым и глубоким проникновением в авторский замысел.

Музыкальное наследие П.Г. Чеснокова следует рассматривать как творчество хорового дирижёра, которому удалось зафиксировать в своих сочинениях великолепное мастерство русского хорового пения a cappella. Учиться же у композитора, самозабвенно влюблённого в хоровое искусство, можно многому, в том числе виртуозному письму и глубочайшему постижению коренных свойств хорового пения. Чесноков не мыслил себя вне церкви, оставаясь верным этому служению до конца своих дней, и, несмотря на политические катаклизмы и церковные гоне-

ния, регентская деятельность Павла Григорьевича красной нитью прошла через всю его жизнь.

В некрологе, опубликованном в «Журнале Московской Патриархии» было написано: «В церковной музыке он оставил нам неподражаемые образы высокого религиозного вдохновения, которое тихим пламенем горело в нём всю жизнь. Не стремясь ни к каким внешним эффектам, П.Г. Чесноков окрылял слова молитвенных прошений и славословий простейшими мелодиями, звучащими из глубины чистой и совершенной гармонии» [2]. Это высказывание – яркое свидетельство всеобщей любви к творчеству выдающегося композитора Павла Григорьевича Чеснокова.

Библиографический список

1. *Архимандрит Макарий (Веретенников)* Вечер памяти композитора П.Г. Чеснокова. 2004 // Альфа и Омега. – 2004. – № 2.

2. *В-ов А.* П.Г. Чесноков // Журнал Московской Патриархии. – 1944. – №4. – С. 27 (Некролог).

3. *Дмитревская К.Н.* Павел Григорьевич Чесноков // Русская советская хоровая музыка. – Вып. 1. – М., 1974. – С. 45–70.

4. *Иеродиакон Роман (Подлубняк)* «Его музыка чужда земных страстей» (130 лет со дня рождения композитора П.Г. Чеснокова). 24 октября 2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sedmitza.ru/text/412031.html

5. *Кузина Н.* Павел Григорьевич Чесноков – регент, дирижёр, композитор, учёный XX века (1877–1944) // Мир православия. – 2007. – №10.

6. *Лисицын М.А.* О новом направлении в русской церковной музыке // Регентское дело. – 2009. – № 2. – С. 15–22.

7. *Плотникова Н.* Молитвенные крылья музыки // Встреча. – 2001. – №2. – С. 19–21.

8. *Птица К.Б.* Павел Григорьевич Чесноков (1877–1944) // Птица К.Б. Мастера хорового искусства Московской консерватории. – М., 1970. – С. 59–72.

9. *Чесноков П.Г.* Хор и управление им: пособие для хоровых дирижёров, изд. 3-е. – М., 1961.

10. *Чесноков П.* Собрание духовно-музыкальных сочинений. Тетрадь I / вступ. ст. А.Г. Муратова, Д.Г. Иванова. – М., 1994.

УДК 008

Дзюбан Валерий Валерьевич
кандидат педагогических наук
Брянский государственный технический университет
bryanskstudzuban@mail.ru

ТРАДИЦИИ, КУЛЬТУРА И ПРОМЫСЛЫ КАЗАЧЕСТВА РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются особенности воспитания в семьях казаков, имевшие большое влияние на культуру казачества в целом.

Ключевые слова: *казаки, казачество, культура, традиции, обычаи, воспитание, семья.*

Развертывающиеся мировые процессы глобализации и информатизации, открытость России мировому сообществу обусловливают пристальное внимание ученых к исследованию вопросов духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. В обществе ощущается мировоззренческая пустота, возникшая после отторжения старой идеологии; культ денег, наживы, навязывание безнравственной мысли о том, что все способы обогащения приемлемы, и это отрицательно сказывается на нравственности молодежи. Средства массовой информации в большинстве своем уродуют духовную сокровищницу – русский язык. Достаточно перечислить только названия телепередач: «Топ-гир», «Брейн-ринг», «Полный фейшн», «Дизайн-ревю», «Дог-шоу», часты газетные фразы типа: «эксклюзивное интервью о ноу-хау в маркетинге дал представитель префектуры при мэрии Москвы». В программе телепередач из 80 названий – 57 иноязычные. Рекламные вывески пестрят новомодными словами, о значении которых многие и не думают.

Актуализация проблемы усиливается тем, что в условиях роста национального самосознания современная педагогическая наука все чаще об-

© Дзюбан В.В., 2011

ращается к историческим памятникам, культурным традициям, в частности традициям казачества, как средствам воспитания подрастающего поколения. Традиция – понятие многогранное. Она проявляется в детерминирующем действии прошлого на настоящее и будущее. На первый взгляд, создается парадоксальная ситуация: прошлое потому и является прошлым, что оно уже существует, но вместе с тем нельзя не признать, что прошлое сохраняется и в настоящем, оказывает определенное влияние на действительность и таким образом живет. Поэтому в научном смысле прошлое следует интерпретировать не как небытие, а, напротив, как особую форму бытия. Традиция и выражает жизнь прошлого в настоящем и будущем. Традиция выступает в качестве исторической предпосылки (основания) и в качестве средства формирования системной целостности. Наличие традиций служит специфически социальной основой объединения людей в то или иное сообщество – экономическое, политическое, научное, религиозное и т.д. В качестве закона интеграции общественных отношений традиция тесно связана со специфическими механизмами социального общения, общественной психологии, идеологии. Следуя обычаям, соблюдая ритуалы, люди тем самым объединяются в определенную общность. Традиции, на наш взгляд, не только обязывают, но и связывают, и эта их сторона не менее важна, чем первая; правилами поведения, способом действий общность связывается и стабилизируется. В традициях выражается общность и в какой-то мере классификация членов группы, здесь индивид подчиняет себя общности.

Казак не может считать себя казаком, если не знает и не соблюдает традиции и обычаи казаков. Но не всегда можно истолковать неписаные казачьи законы правильно. Беспощадные к врагам, казаки в своей среде были всегда благодушны, щедры и гостеприимны. А основой морально-нравственных устоев казачьих обществ стали десять Христовых заповедей. Родители с детства детей поучали: не убивай, не кради, не блуди, трудись по совести, не завидуй другому и прощай обидчиков, заботься о детях своих и родителях, дорожи девичьим целомудрием и женской честью, помогай бедным, не обижай сирот и вдовиц, защищай от врагов Отечество. Но, прежде всего, крепи веру православную: ходи в Церковь, соблюдай посты, очищай душу свою через покаяние от грехов, молись единому Богу Иисусу Христу; и добавляли: если кому-то что-то можно, то нам нельзя – мы казаки [1, с. 15]. Чрезвычайно строго в казачьей среде, наряду с заповедями Господними, соблюдались традиции, обычаи, поверья, несоблюдение которых или нарушение осуждалось всеми жителями хутора или посёлка.

Суровый воинский быт накладывал яркий отпечаток на всю культуру казаков. В очень давнюю эпоху казаки жён не имели, но со временем стали уводить невест у татар, турок, горцев, из русских селений Тамбовской и Воронежской губерний [5, с. 126]. В XVII в. храмов на Дону не было, и брак совершался в станичной избе, где жених и невеста перед казаками объявляли о своём супружестве. Начиная с XVIII столетия брак на Дону и в других казачьих общинах обязательно завершался венчанием в церкви [1, с. 12–17]. Существовал предварительный ритуал сватовства.

Свадьбы у казаков устраивались в основном осенью и зимой. Обыкновенно в сваты приглашали кого-нибудь из наиболее уважаемых родственников или родственниц. Порядок сватовства имел часто обрядовое значение. Сваты под видом купцов или странников входили в дом невесты и заводили иносказательную беседу. Если жених был совсем не по душе хозяевам дома, то они не предлагали даже сесть, и это означало отказ. Но если родители невесты и были рады сватам, то они все равно не давали сразу согласия – обычай требует, чтобы сваты приходили 3 раза. Когда родители невесты давали согласие на брак, вечером в их доме собирались родственники. Невесту и жениха отводили в другую комнату на «первое свидание». Родня жениха угощала будущих родственников, даже в доме невесты вином, «хлебом-солью». Когда родственники невесты выпивали по три стакана вина, они усаживали за стол родственников жениха. Выпив по три стакана вина, те приглашали всех идти «печи глядать», то есть осматривать хозяйство жениха. В доме жениха совершался обряд рукобития. Родители вступающих в брак договаривались, сколько должна будет заплатить виновная сторона в случае расстройства свадьбы (40–200 рублей). Договор закреплялся рукобитием: родители жениха и невесты клали руки на стол, сверху клали руки все присутствующие. В первое после рукобития воскресенье устраивали своды или пропой. Обряд сво-

дов и пропоек во многом повторяет сватовство. В эти дни стороны окончательно договариваются об условиях и дне свадьбы, определяют ее церемониал, расходы, приданое. Изменение этих условий после сводов не допускалось. В день сводов на невесту одевали косник – повязка на голову из разноцветных лент, который невеста носила до дня свадьбы. Как только проходили пропойки, засватанная девушка официально объявлялась невестой. За день до свадьбы в доме молодых пекли из пшеничной муки вытушки (калачи), каравай, лежень и шиши (маленькие хлебцы), разливали вино. Все эти приготовления называли «лепить шишки». Особое значение имел процесс изготовления свадебного каравая. Для этого в доме невесты собирались замужние женщины. Старались позвать таких, у которых была благополучная семья. Каравай считался символом счастья и плодородия в новой семье. Накануне свадьбы у молодых устраивались вечеринки. В день свадьбы рано утром к невесте приходили её подруги. Часам к 10 утра от жениха к невесте приходила сваха и вместе с девушками, под их песни начинала «убирать невесту к венцу». У староверов невеста надевала алую шелковую, длинную до земли юбку, алую рубашку с длинными, узкими рукавами, черный или синий шелковый кафтан и серебряный поясок. Обязательно надевались серьги, бусы, браслеты. Крепко заплетали косу, чтобы свахе, которая должна была в церкви расплетать косу, пришлось повозиться. Невеста разбирала свой косник и давала подружкам по ленте. У староверов невеста шла венчаться с непокрытой головой. Во всех станицах с нестароверческим населением в наряд невесты входило длинное белое платье, украшенное с левой стороны красным восковым цветком, и длинная фата, прикрепленная к веночку из белых восковых цветов. После того как невеста была убрана, она просила благословения у родителей. Жених в это время наряжался в полную парадную казачью форму: брюки-галифе – темно-синие с кантами, легкие сапоги, белую рубашку, парадный бешмет с длинным узким рукавом. Поверх бешмета надевалась черная черкеска с козырями, в которые были вложены пустые гильзы. На черкеску с левой стороны прикалывался красный восковой цветок. Одевшись, жених просил у родителей благословения. После этого поезд жениха направлялся к дому невесты. Когда жених и невеста отправлялись в церковь, мать и отец невесты оставались дома и переносили приданое невесты в дом жениха. Приданое невесты состояло из сундука, постели, 6–15 подушек, одеяла, тюфяка и т.п. Свадебный кортеж совершал 3 объезда вокруг церкви, чтобы «закружить черта». В церковь первыми вступали жених и невеста. В углу сваха заплетала волосы невесты в две косы. После венчания все отправлялись в дом мужа. Во дворе молодых усыпали хмелем, мелкими деньгами, конфетами. Выпив по три стакана вина, отправлялись в дом невесты. Ее мать всем гостям повязывала на руки платки, а дружку и сваху крест-накрест через плечо перепоясывала рушниками. В конце свадебного пира присутствующие одаривали жениха и невесту. Кое-где на Тереке и в конце XIX века встречался обычай, когда под кроватью молодых всю брачную ночь лежал дружка. Военизированный быт казаков отразился и в свадебном обряде: почти все ключевые моменты свадебной церемонии сопровождались скачками, ружейной пальбой [3, с. 34].

Обычно казачья семья была многолюдной с несколькими взрослыми женатыми сыновьями. Её главой являлся старший по возрасту – отец или дед. Он пользовался в семье непререкаемым авторитетом и неограниченной властью. Женщины-казачки были в семье равноправны вне зависимости от национальности, так как казачка была обязательно окрещённой. Казаки редко обижали своих жён [2, с. 41].

У каждого новорожденного казака или казачки, помимо кровных отца да матери, были крёстный отец и крёстная мать. О выборе крёстных кровные родители заботились заранее. Это не должны были быть родственники (как принято сейчас). Крёстного подбирал отец – это должен быть человек надёжный, у которого было чему поучиться. Это он в первую очередь формировал дух казака. И, немаловажный фактор, и крёстный отец, и крёстная мать должны быть способны участвовать в воспитании ребёнка – жить недалеко от крестника (крестницы).

Крёстную подыскивала кровная мать из числа своих подруг (желательно хотя бы немного старше её возраста).

Если в семье родился казак, то основная нагрузка ложилась на крёстного – он делал из казака воина. Главная же задача крёстной матери в этом случае состояла в том, чтобы сформировать в казаке отношение к девушке-казачке как к жене, матери и хозяйке.

Если же родилась казачка, то основную роль выполняла крёстная. Она формировала из девочки женщину-казачку – умеющую ждать жену, терпеливую мать и добрую хозяйку. Крёстный в данном случае формировал в казачке отношение к казаку как к воину-защитнику, как к мужу, отцу и главе семьи.

После рождения. Ребёнка особо не торопились распеленовывать. Побыстрее научить его двигать ручками и ножками – было не самоцелью. Ребёнок должен сначала увидеть и осознать неизвестный ему предмет, а уж потом потрогать, «взять на зубок».

В дальнейшем процесс «увидел-осознал-сделал» ускорялся. Именно так поступает казак в критической ситуации. И нет паники и ненужных движений, потому что сначала оценил, а потом сделал.

После крестин казачонку клали шашку (кинжал) либо пулю (раньше стрелу), что называется «на зубок». И наблюдали за его реакцией: если начнёт с ней играть – добрый будет казак, если же расплачется – есть над чем задуматься [4, с. 45–47].

Далее мальца всегда старались окружать именно теми вещами, которые являлись непременными атрибутами жизни казаков.

Вообще, подобные «гадания» проводились на протяжении всего времени обучения-воспитания казака. Поэтому у казаков было принято так: сначала казачонка ставили в определённые условия, далее смотрели на его реакцию, выявляли недостатки и достоинства и уже потом начинали его корректировать и вырабатывать необходимые навыки и качества.

При подобном подходе нарабатывалась и скорость мышления, и адекватная реакция на внезапно изменившуюся обстановку и появление чего-то нового. Всё это постоянно ускорялось во времени.

А таких «гаданий» было очень много. Были общепринятые, и были родовые. В каждом роду свои.

Когда казачонку исполнялся год, его вели к первому причастию. В год у казачонка многое было впервые. Впервые его одного сажали на коня, надевали на него отцовскую шашку, отец брал коня по уздцы и проводил его по двору.

И ещё один обряд совершался в год от рождения. Собирались все мужчины рода и вели мальца на священное место своей станицы (или хутора). У донцов оно называлось «урочищем», у черноморцев «кругликом». Там совершались действия, позволяющие передать на духовном уровне силу и знания рода новому поколению.

Первые шаги в обучении и воспитании делались в семье. Вся система, если её можно так назвать, строилась именно на родовых и товарищеских принципах существования [2, с.40].

Весь процесс развития казака строился по спирали. Каждый виток в ней – это замкнутый цикл, и занимал он определённый возрастной период.

Следующий круг начинался с того же, но на новом качественном уровне.

Каждый из этих уровней включал в себя физическое, интеллектуальное и нравственное (духовное) развитие.

В зависимости от возраста одна из этих категорий была главенствующей, а остальные как бы сопутствующими.

Физическое развитие было основным в возрасте от 8 лет (в некоторых семьях от 7 лет) и до 12 лет [3, с. 27].

До 7–8 лет казачонок жил на женской половине куреня.

В этот момент воспитание шло и от женской части семьи, и от мужской. Чаще всего в его основе лежала наглядность. И главное здесь – личный пример старших и погружение мальца в соответствующую среду.

А что в себя включала именно казачья среда обитания для казачонка? На стене в курене шашка отцовская (или дедовская). Нагайки у двери и в руках казаков. Лампасы, папахи, фуражки на близких мальцу людях. Кресты и медали на груди деда, отца, дядьки или крёстного. Кони. Кони везде, у себя на базу, на улице, у соседей, в степи за станицей… И слова старших: лампас – это символ казака, шашка – это наше казачье оружие и символ казачьей воли, конь – это друг и товарищ казака, кресты и медали – это отличие за участие и подвиги в военных кампаниях. А ещё сказки на ночь о том, как казаки побеждают ведьм и чудищ несусветных и как с честью выходят из той или иной ситуации. И песни, которые казаки и казачки постоянно поют. О славе казачьей, былых походах, битвах и героях.

А ещё пословицы и поговорки из уст старших. Станичные праздники, где казаки и казачки поют, пляшут – кто лучше. Состязания в кулачках, в стрельбе, в скачках и джигитовке, в фехтовании.

Всё это перед глазами мальца-казачонка. Всё это формирует в нём причастность именно к этой группе людей [3, с. 57].

В этот период мужчины следили за тем, как формируется казачонок. Женщинам всё меньше позволяли сюсюкаться с ним: «Не портьте, бабы, казака!» Если где-то ушибся и заплакал, то поучали: «Не плачь, ты же казак, а казак не плачет!»

И тогда в казачонке постепенно складывалось убеждение, что то, о чём поют и что говорят старшие, то они и делают, такие же поступки и совершают. И это всё настоящее. И так же будет поступать он сам.

С 8 лет казачонка переселяли в мужскую половину куреня. В это время снова проводился обряд в урочище (отдельно стоящие небольшие населённые пункты, выделяющиеся на окружающей местности). С этого же времени казачонок учился владеть нагайкой.

Вообще, нагайка – предмет очень символичный для казаков и очень древний. С ней связана и легенда о Егории Храбром, и ещё более древние легенды о змееборцах. Кстати, казаки раньше никогда не выясняли отношения между собой кулаками. Говорят, боялись поубивать друг друга. А вот нагайками частенько охаживали друг друга в пылу спора.

С этого же времени казачонка начинали приглашать на «беседы».

Основным моментом в воспитании казака в данный период являлось следующее: научить его справляться с собственным страхом в любых его проявлениях. И, наблюдая реакцию казачонка, старшие говорили: «Не бойся, казак ничего не боится!», «Терпи, казак, атаманом будешь!»

Существовало множество игр-упражнений для развития казачат. Упражнения, естественно, не в том виде, в каком мы их понимаем. Это скорее упражнения-тесты. Они выявляли наличие того или иного качества либо навыка у казачат. И казачата делали эти тесты-игры, соревнуясь между собой (играя). И в эти игры казаки играли чуть ли не всю свою жизнь.

В 12 лет процесс физического обучения в основном завершался. Именно обучения, но не развития. С 12 лет казачонка приучали к боевому оружию – шашке (кинжалу).

С 8 лет главная роль принадлежала крёстному. Именно он по большому счёту обучал мальца казачьей науке. Но кровный отец был руководителем этого процесса. Крёстный и кровный отцы как бы дополняли друг друга. Родной отец мог быть излишне мягок в отношении своего сына. Крёстный же мог быть излишне суров. Поэтому родной отец останавливал крёстного, когда дело могло принять опасный оборот, а крёстный не давал отцу жалеть сына.

Пример процесса обучения видения летящей пули:

– проводится на изгибе реки, стрелок (крёстный) находится в 80–100 шагах от казака с сыном,

– в 10–15 шагах от наблюдающих за выстрелом находится мишень,

– по сигналу отца крёстный производит выстрел в мишень, казачонок должен заметить пролетающую пулю [3, с. 59].

С 12 до 16 лет – ещё один цикл в воспитании казака. И опять же он начинался и заканчивался обрядами в урочище.

С 12 лет казачонка начинали водить на круг (сход) и другие общественно значимые мероприятия. Его основная задача – смотреть и запоминать.

И в 16 лет по готовности казака его ждало более серьёзное испытание – в основном это была охота на хищника (волка, кабана и пр.).

После такого воспитания и обучения получался «матёрый казачина». Правда, есть одно уточнение: «матёрый» казак появлялся в третьем поколении. Естественно, если первое и второе поколения были тщательно подготовлены и выжили в битвах и сражениях.

Конечно, такое воспитание было не во всех казачьих семьях. Но чем древнее был род, тем тщательнее и обширнее было воспитание. И сами казаки не всегда вдавались в суть этого процесса – как их самих учили, так и они учат [2, с. 32–48].

Рождение девочки не праздновалось в семье так торжественно, как мальчика. При известии о её рождении не грохотали выстрелы. Оно было тихой домашней радостью. С ранних лет в девочке развивали женственность, хозяйственность, терпение, трудолюбие и отзывчивость. Поэтому от самого рождения её воспитывали иначе, чем мальчика. С раннего возраста девочки-казачки стирали, мыли полы, ставили заплатки и пришивали пуговицы. Учились шить, вышивать, вязать. Особой их заботой было нянчить младших братьев и сестёр. Если мальчика постоянно настраивали на то, что он должен быть первым, находиться на людях, постоянно соревноваться, то девочке внушали, что самое главное – спокойная душа и чи-

стое сердце, а счастье – это крепкая семья и честно заработанный достаток.

Дети, чьи отцы погибли на войне в сражениях с противником, считались «атаманскими детьми». Атаман станицы или хутора был обязан знать их всех, заботиться о них. Старики следили, чтобы сирот не обижали. Крёстные наблюдали за их здоровьем и нравственностью. Одарённых детей-сирот посылали учиться за казённый счёт.

Казак был обязан знать все степени родства и своих предков поимённо. Воспитание казака начиналось с семейных рассказов о жизни предков. Поскольку семьи были многодетными, то в степени родства включались все братья и сёстры мужа и жены [3, с. 13].

Старики в собственном доме бывали несколько удалены от семьи. По возрасту они уже бывали прадедами, и хотя правнуки их обожали, сами они старались своей стариковской любовью детей не обременять. Таким образом, семья у казаков в миниатюре напоминала казачью общину.

Россия – многонациональное государство. На знании истоков казачества, его сакральных традиций, родного фольклора воспитывается интерес и уважение к культуре других народов. Казачество является хранителем самых высоких духовных и нравственных ценностей. Казачество сформировало сакральный компонент, который отсутствует в других социальных системах. Оно имеет высокую идею в форме Святая Русь или Мать – Сыра Земля и сохранило эту константу, трансформировало через века в современность. На бескрайних просторах России сформировались и заложились в духовно-психологическом коде нации на генетическом уровне истинно сыновья любовь и почтительность к Матери – Сырой – Земле. Казаки относились к земле с величайшей любовью, и все сказания говорят, что Земля платила им тем же. В мае справлялись «именины земли»: в этот день ее нельзя было беспокоить – пахать, вскапывать. Земля была свидетельницей торжественных клятв: при этом ее касались ладонью, а то вынимали кусок дерна и возлагали себе на голову, мистическим образом делая ложь невозможной: считалось, что Земля не станет носить обманщика. Было время на Руси, когда вместо нынешней присяги в обычае было ходить по меже с куском вырезанного на спорном поле дерна на голове. Это было равносильно лучшему доказательству законных прав тяжущегося. Казак с благоговением смотрел на землю, именуя ее святою, родною. Отсюда и отношение: «На родной земле хоть умри, но с нее не сходи!»; «На какой земле родился – там и богу молись!»

Сохранение и изучение традиций казачества необходимо, так как эти традиции доказали свое право на существование.

Библиографический список

1. *Акимов П.А.* Православие и традиции в казачьем воспитании // Педагогическое краеведение (к 900-летию г. Рязани) / Тезисы докладов 2-й научно-практической конференции. 20 сентября 1995 г.). – Рязань: 1995. – С. 12–17.

2. *Алмазов Б.А., Новиков В.Т., Манжола А.П.* Казаки от казаков ведутся. – СПб.: Золотой век, 1999. – С. 32–48.

3. *Быкадоров И.Ф.* История казачества. Библиотека вольного казачества – вильного казацтва, 1930. – 117 с.

4. Казаки / под ред. Б.А. Алмазова. – СПб.: Золотой век, 1999. – С. 45–47.

5. Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. – М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 1996. – Т. 2. – 431 с.

УДК 1 (091)

Кашина Наталия Константиновна
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

МИФОЛОГЕМА «ДОМ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. РОЗАНОВА

В творчестве В. Розанова тема дома особая. В традицию русской литературы символизировать образа дома писатель внёс своё содержание. Его дом – мифологема, порождающая сюжет о возможности осуществления гармонии. Он награждён эпитетами «тёплый», «благословенный». Именно такой дом может стать и домашним храмом. Мемориальные квартиры Гёте, Лермонтова, посещённые Розановым, понимаются им как воплощение мировосприятия их знаменитых обитателей. В творчестве Розанова мифологема «дом» отождествляется с миром, обжитым и уютным.

Ключевые слова: *архетипическая мифологема, микрокосм, духовная составляющая, целостность, гармония, достоверная основа образа, философия понимания и философия жизни.*

Дом является архетипической мифологемой, в которой издавна читалась идея защищённости, тепла и уюта, микрокосма. В русской литературе середины XIX века именно с этой мифологемой связан мотив неблагополучия. При этом возможно отождествление: Дом – Мир – Целостность – Гармония, потеря же их приводит к душевному оскудению и бездуховности.

Так в поэме А. Фета «Две липки» (1856 г.) смерть героини означает необратимую утрату духовной составляющей жизни самого героя, воплощающего слепую непро-(или нео-) священную волю. Одинокая могила героини в запустенье, но разрушен и сам дом:

А серый дом, угрюмый и пустой,
Стоит давно с безмолвием гробницы. [5, с. 499]

Образ безжизненного дома красноречив: скривившийся балкон, половицы, прорастающие тонкой травой шаткие ступеньки и зыбкие перила. Дом, лишённый души, умирает, рассыпается.

В стихотворении «Пустой дом» А. Толстого дом сопричастен жизни некогда знатного рода:

Стоит, опустелый над сонным прудом,
Где ивы поникли главой,
На славу Растреллием строенный дом,
И герб на щите вековой
……

И только верный «старый служитель» с тоской ждёт молодого хозяина:

И ловит вдали колокольчика звон,
И ночью с одра привстаёт…
Напрасно! всё тихо средь мёртвого сна,
Сквозь окна разбитые смотрит луна,

Сквозь окна разбитые мирно глядит
На древние стены палат;
Там в рамках узорчатых чинно висят
Напудренных прадедов ряд
Их пыль покрывает, и червь их грызёт…
Забыли потомки свой доблестный род! (1849 г.)
[4, с. 314 – 315].

И в поэтических текстах, и в прозаических можно найти внушительный ряд подобных примеров. Однако, все они литературны по своей природе: это образы, позволяющие выразить конкретное и определённое содержание. В розановских текстах образ дома – реальность, переживаемая автором, становящаяся мифологемой. Это становление, казалось бы, протекает во времени: дом в Костроме, на Боровом пруду, с которым связано неблагополучие, а затем – дом «бабушки», в котором жила его вторая жена…

В «Русском Ниле» В. Розанов вспоминая о Костроме, городе своего сиротского детства, называет её дождливой. Серый непрекращающийся дождь – это не метафора, а реальность, как это следует из печати тех лет. В этой документальности и заключается особая природа розановских образов: они создаются на глубоко достоверной основе. Автор воспринимает и фиксирует явления мира, и уже затем они, *сами по себе,* оказываются наполненными символическим смыслом. В восприятии читателя мелькают одна за другой картины: холодный бесприютный дом, где постоянны ссоры, где дети не чувствуют матери. В. Розанов, рассуждая о матери, вспоминал, как хотели жаловаться на неё в полицию, «обсуждали это, на брёвнах – был “сруб” по соседству» [2, с. 241].

Детали, которые фиксирует автор, обладают значительным символическим потенциалом: упомянутое почти вскользь обстоятельство, оставшееся, казалось бы, случайно в памяти авто-

© Кашина Н.К., 2011

ра, реализуется как символ в контексте розановского мифа – обсуждение происходило не в самом доме, а на срубе (самом начале) будущего соседского дома.

Несчастье (нет счастья) – основной мотив воспоминаний детства: «Но на наш “не мирный дом” как бы хорошо повеяла зажженная лампадка. Но её не было (денег не было ни на масло, ни на самую лампадку).

И весь дом был какой-то – у!-у!-у! – тёмный и злой. И мы все были несчастны. Но что “были несчастны” – я понял потом. Тогда же хотелось только “на всех сердиться”» [2, с. 241].

Приведённые фрагменты не являются частью дневниковых заметок или мемуаров, это фрагменты самостоятельных и новых для литературы текстов. Определить их жанр чрезвычайно сложно при всём многообразии вариантов: это не миниатюра, не афоризм и не лирическая зарисовка – перед нами текст мифологической природы. Сюжетная логика такого текста строится по синтаксическому принципу не подчинения, а соподчинения. Временной аспект отсутствует. Эти два дома – интимное пространство, в котором жила душа автора-героя, его овеществлённое, воплощённое мировосприятие.

Дом как интимное пространство человека толкуется В. Розановым в очерках «Домик Лермонтова в Пятигорске» и «В домике Гёте». Описывая своё знакомство с местом, где жил Лермонтов, автор размышляет о свойствах памяти, точнее – о памятниках: «Слишком мы христианская нация, чтобы нам удавалось это языческое увековечение: “бронзовая хвала” <…> Что лучше простого креста над могилой или часовенки возле могилы? что лучше простой записи в “поминанье” <…> И вот ещё такое вечное сохранение жилища, где он жил» [2, с. 443]. «Мне кажется, – пишет В. Розанов, – что ценность и интерес Лермонтовского домика и сада будут всё возрастать со временем» [2, с. 442].

Рассматривая помещения, мебель, вещи, книги в доме великого Гёте, автор их словно обживает. Самой уютной комнатой дома он назвал комнату «субботнего чаепития» фрау Гёте: «Вечер субботы, очевидно, проводился во Франкфурте так же уютно, семейно и тепло, как и у нас “канун праздника”» [3, с. 491]. Однако Розанова занимает не сам по себе дом знаменитого человека, а возможность найти в нём черты своего, родного. Так лермонтовский домик стал для него особенно близок после того, как у живущего там нового хозяина обнаружилась костромская святыня – икона Федоровской Богоматери, а сам старичок, напомнивший Максима Максимовича, оказался, как и Розанов, костромичом. Ещё красноречивее выглядят слова о гётевском кабинете: «Деревянный стул перед письменным столом, как и комод в “чайной фрау Гёте” и вообще вся мебель – деревянная, толстая, широкая, где возможно – “пузатых”, выпуклых форм… И, глядя на неё, без труда, немного укорачиваешь мысленно мебель в “мамашиных комнатах” раннего детства и тогда узнаёшь в ней всё “родное”, “былое”…» [3, с. 493].

Эта «подгонка» мира под себя и является смыслом писания для В. Розанова: сделать мир обжитым, своим пространством, чтобы затем увидеть его универсальность. Именно таким универсальным основанием и стал для него дом. Именно там есть «свой угол», а если оказываешься в другом, возможно чужом, доме, то необходимо этот угол *сделать* своим (так создавал своё пространство Розанов в салоне Мережковских).

Смысл розановского «уединения» отнюдь не только в стремлении к «домашнему» теплу, которое спасает от холода улицы. Розановский дом является также домашним храмом. В произведениях писателя присутствует точная картина обстоятельств, при которых совершается домашняя молитва. При этом следует подчеркнуть, что тихая молитва в доме явно предпочтительнее молитвы в людном храме.

Тепло дома является противоположностью остывающего мира, что вполне адекватно представляет архетипическое противопоставление Космос – Хаос, Хаос мирового распада и уютный, заботливо оберегаемый домашний Космос.

Однако космос этот не первозданный, а *благословенный*: «И жизнь очень бедна. И люди очень бедны, – описывает Розанов дом «бабушки», – Но никакой тоски, черни, даже жалоб не было. Было что-то “благословенное” в самом доме, в деревянных его стенах, в окошечке в сенях … В глупой толстой Марье (прислуге), которую терпели, хотя она глупа, – и никто не обижал.

И никто вообще никого не обижал в этом благословенном доме» [2, с. 242].

Неоднократно употреблённое слово «благословенный» появилось далеко не случайно. Кроме указанного в «Полном церковно-славянском словаре» значения «похваленный, прославлен-

ный, сопровождаемый благословениями» автор поместил и другое пояснение со ссылкой на Евангелие от Матфея и книгу Бытия: «будет особенное благодатное общение Бога с потомством Сима» [1, с. 44]. Благословенный дом, обретённый Розановым, призван был стать местом для его обращений к Богу. Заметим, что *дом* в данном контексте принимает значение мифологемы, основанием для рождающегося мифа, когда происходит открытие – новое восприятие мира: «Я был удивлён. Моя “новая философия”, уже не “понимания”, а “жизни”, – началась с великого удивления…» [2, с. 242]. Через несколько строчек автор повторяет: «“Как могут быть синтетические суждения a priori”: с вопроса этого началась философия Канта. Моя же новая “философия” жизни началась не с вопроса, а скорее с зрения и удивления: как может быть жизнь благородна и в зависимости *от одного этого* – счастлива; как люди могут во всём нуждаться <…> и жить благородно и счастливо…» [2, с. 242].

Отметим, что в приведённом фрагменте присутствует модель важного этапа в истории европейской философии: упоминание Канта, противопоставление его новой, *собственно розановской* («Моя новая “философия” жизни») удивительно совпадает с появлением новой философской парадигмы, где слово *философия* употреблялось без кавычек. Напомним, что это новое направление родилось в немецкой философии ещё в конце 18 века, когда впервые был употреблён сам термин. Синонимами ему были «практическая философия», «жизненная мудрость», «наука о жизни». Классическому логическому доказательству в этом направлении противопоставлялся опыт и переживание истины. Представители «философии жизни», среди которых называют Шлегеля, Риккерта, Ницше были единодушны в том, что их философия должна рождаться из самой жизни, а отсюда и первостепенное значение непосредственного переживания, которое и являлось, по сути, *вживанием* в объект познания, где жизнь приобрела статус сущности мира. Так рождалось новое представление о смысле жизни, а мир приобретал целостность, жизненность, и систему ценностей.

Эта новая философия нуждалась в адекватной форме выражения. Такой формой изначально стал афоризм, а затем появились и более сложные по структуре произведения, как, например, «Так говорил Заратустра» Ницше. Вряд ли есть смысл устанавливать непосредственную связь розановского понимания философии с направлением «философия жизни», но типологические совпадения, безусловно, очевидны. При всём многообразии представителей этого нового направления, оно неизбежно актуализировало мифологическое мышление, порождая интенсивный мифологический процесс в культуре. Обретя *свою* философию «жизни», В. Розанов вступил окончательно в мифологическую пору, о чём совершенно справедливо свидетельствовали его исследователи. И в этом мифе первостепенное значение принадлежало символу гармоничного Космоса – Дом.

Библиографический список

1. *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. – М.: Посад, 1993. – 1120 с.

2. *Розанов В.В.* О себе и жизни своей / сост., предисловие, коммент. В.Г. Сукача. – М.: Моск. рабочий, 1990. – 876 с.

3. *Розанов В.В.* Сочинения: Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков, 1899–1913 гг. / сост., коммент. и ред. В.Г. Сукача. – М.: Танаис, 1994. – 736 с.

4. *Толстой А.К.* Смерть Иоанна Грозного; Царь Фёдор Иоаннович; Царь Борис; Стихотворения / вступ. статья и примеч. А. Тархова. – М.: Худож. лит., 1988. – 527 с.

5. *Фет А.А.* Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы; Переводы / подгот. текста, сост., коммент. А.Е. Тархова. – М.: Худож. лит., 1982. – 575 с.

УДК 75.03

Ровенко Елена Владимировна
Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского
rovenko-lena@mail.ru

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В ЖИВОПИСИ Э. ДЕЛАКРУА И О. РЕДОНА

Замечательный мастер рубежа XIX–XX веков Одилон Редон создал уникальный художественный мир. Однако его искусство очень многим обязано искусству Эжена Делакруа, чьи картины Редон копировал в молодости и чей творческий метод он внимательно изучал. В данной статье анализируются параметры времени, пространства и живописного материала в произведениях О. Редона и Э. Делакруа. Пространственно-временные концепции мастеров сопоставляются с целью выявить общие черты организации художественного целого.

Ключевые слова: *О. Редон, Э. Делакруа, художественное время, колористическое пространство, развитие материала.*

В своем дневнике Редон называет Делакруа художником свободным и страстным, говоря, что именно этому мастеру он обязан пробуждением своего собственного творческого огня. Действительно, среди мастеров прошлого, оказавших влияние на искусство Редона, Делакруа занимает особенное место. Сам Редон в качестве своих предшественников почитал А. Дюрера, Ф. Гойю, Рембрандта и Леонардо. Видно, что мастер, выявляя истоки своего искусства, делает акцент на творчестве тех мастеров, которые сосредоточивались на эффектах света и тени, для которых свет – творящая субстанция, одухотворяющая полотно. Таковы Рембрандт и Леонардо: они не были колористами, исследование суггестивной силы цвета не привлекало их.

Однако в живописи мастера ощущается воздействие, прежде всего, одного из величайших колористов в истории западного искусства – Эжена Делакруа, произведения которого Редон тщательно изучал и копировал в молодости. В цветных работах Редона[1] влияние творческого метода Делакруа прослеживается и в организации цветовых контрастов, и в характере формообразования, и в принципах построения композиции. Но, возможно, самое удивительное – общие черты *пространственно-временной концепции живописного произведения.* Рассмотрим их подробнее.

Художественное пространство и время. В работах обоих мастеров картинное пространство может быть охарактеризовано как пространство *колористическое*, сотворенное цветом. Данное пространство обладает такими качествами, как связность, цельность, однородность. У Делакруа образование колористического пространства обусловлено наличием общего тона (доминирующего цвета). Для Редона исходным пунктом был не столько доминирующий тон, сколько гармония цветов, понятая как их взаимодействие и взаимовлияние. Последнее рождает скорее не общий *тон*, а общий *тональный эффект*. Однако предпосылкой для Редона была живопись Делакруа, – ведь именно в связи с искусством Делакруа в дневнике Редона описывается такой феномен, как mélange optique – оптическая смесь, смешение цветов. «Два цвета, расположенные рядом или наложенные друг на друга в некоторых пропорциях …образуют третий цвет, который наш взгляд воспринимает на расстоянии (дистанционно), без того чтобы он был выписан художником …этот третий цвет – равнодействующая, которую художник предусматривает и которая рождена оптическим смешением (или взаимодействием двух тонов)…» [10, с. 178–179].

В художественном мире как Делакруа, так и Редона цвет, колорит становятся творящей силой, первичной по отношению к образам и независимой от них. Это обособление композиционного аспекта от конструктивного[2] позволяет говорить о *собственном времени материала* и *времени образов* соответственно, причем оба эти аспекта художественного времени вступают в определенные соотношения со *временем зрителя*[3]. «Вытканное»[4], цельное, единое колористическое пространство способствует беспрепятственному течению художественного времени в различных его ипостасях (время зрителя, время образов, время материала). Названный аспект художественного времени дает о себе знать на разных уровнях композиции и конструкции. Это 1) уровень художественного целого, всего произведения; 2) уровень собственно *живописных событий*; 3) уровень, подчиненный предыдущему и выражающий структуру живописных событий. Под живописным событием понимается в области композиции определенное качество материала,

 © Ровенко Е.В., 2011

фиксируемое зрительским восприятием (например, локальная цветовая область; определенный ритм линий; красочные пятна, насыщенные тональными модуляциями). В области конструкции событием будет новый образ, новая деталь. При этом каждому живописному *событию* соответствует определенный *момент* художественного времени[5].

1. *На уровне художественного целого* искусство Делакруа и Редона объединяет аспект *времени материала*. В искусстве Делакруа мгновение[6] времени материала корреспондирует с доминирующим тоном картины как живописным событием в крупном плане. Доминирующий тон картины улавливается на расстоянии. Глядя на картину издалека, не видя, что на ней изображено, зритель воспринимает цвет как свойство композиции вне его конструктивного смысла, а следовательно, речь идет об эмансипации материала от образа, особой жизни цвета. Несомненно, описываемое мгновение времени материала соответствует мгновению времени зрителя, которое связано с моментальным впечатлением от всего полотна. В искусстве Редона объединяющим фактором на уровне целого служит результирующий цветовой аккорд, но он выполняет функцию, аналогичную функции доминирующего тона у Делакруа. При этом описываемое мгновение времени материала в художественном мире обоих мастеров насыщается внутренней динамикой, движением цветовых областей и ритмом линий и потому становится *процессуальным*, *длящимся*.

Сама жизнь красок, несомненно, связана со временем материала другого, подчиненного иерархического уровня. Однако даже при беглом взгляде на картину улавливается не жизнь материала как таковая во всех деталях, а ощущение присутствия этой жизни без ее фиксации. Зритель чувствует, что жизнь красок существует, но видит ее лишь «боковым зрением». Стоит только сконцентрироваться, сфокусировать зрение – и можно ощутить ритм жизни материала, особенности его движения, развития. При этом уже совершается переход с уровня художественного целого на подчиненный уровень – уровень живописных событий.

2. *Уровень живописных событий.* Каковы живописные события в искусстве Делакруа и в художественном мире Редона? Примечательно, что сам Делакруа размышлял о феномене времени в изобразительном искусстве, и некоторые его высказывания позволяют сделать вывод, как мастер ощущал сущность живописного события. «Живопись располагает только одним мгновением, но разве в нем не заключается столько же мгновений, сколько в картине деталей и фаз?» [6, с. 230] – это мысли художника уже в поздний период творчества. В приведенном высказывании в неявном виде прочитывается соответствие каждой детали и фазы определенному мгновению. А следовательно, детали и фазы – это и есть живописные события. Однако детали и фазы сами по себе могут быть отнесены как к образам, так и к материалу, – ведь чередование фаз в равной мере связано и со сменой изображенных объектов (конструктивный план, или план содержания), и со сменой собственно живописных событий (композиционный план, или план выражения: чередование локальных цветовых областей, ритм линий). Поэтому детали и фазы как живописные события коррелируют с моментами и *времени образов*, и *времени материала*. Кроме того, разглядывание подробностей предполагает скольжение взгляда зрителя по всему полотну, и в данном случае это путешествие взгляда требует ощутимого времени[7]. Каждая деталь рассматривается в некоторой мере обособленно от других; взгляд, как правило, «ощупывает» каждый изображенный объект. Видимо, это и подразумевал Делакруа, говоря о множестве мгновений в картине. Тут речь идет уже о мгновениях *времени зрителя*, которое предстает, таким образом, как длительность, процессуальность, связанная с путешествием взгляда зрителя от детали к детали, от фазы к фазе[8].

В аспекте времени материала в живописи мастера новое событие чаще всего выражено *колористическими средствами*: изменением цвета, вариациями его плотности, насыщенности, добавлением новых оттенков, игрой валеров[9]. Не будет преувеличением сказать, что *ритм живописных событий* у Делакруа, *а значит, и ритм времени материала*, соответствует именно ритму *цветовых масс*. Цветовая масса переходит в другую плавно, и время поэтому длится непрерывно. Плавному переходу способствует и отсутствие резких, четких контуров, которые всегда *отграничивают* одну деталь от другой и *обособляют* локальные цветовые области. «С точки зрения Делакруа, линии как таковой не существует, ибо, как бы тонка она ни была, какой-нибудь лукавый геометр всегда может пред-

положить, что она содержит в себе еще тысячу других. А для колориста, стремящегося передать вечный трепет природы, линия представляется лишь границей слияния двух цветов – как в радуге» [1, с. 77]. Бодлер характеризует линии Делакруа как «ускользающие»: действительно, рисунок Делакруа живет такой же интенсивной жизнью, как и цвет.

Аналогичные параметры живописный материал приобретает в творчестве Редона, причем и в «черных» (les noirs[10]), и в цветных работах. Здесь очень важно плавное движение и развитие материала, последовательное выведение одной стадии его развития из другой[11]. Конечно, достигнуть указанного эффекта в «черных» (а именно в этой области Редон работал в ранние годы) было гораздо труднее, в силу особенностей самого материала – угля, карандаша, туши, не говоря уже о технике литографии: все названные материалы предполагают отчетливый *рисунок*, то есть письмо линиями, а не массами. А линии, даже если сливаются в штриховке, неизбежно ведут к возникновению контуров объектов и разнохарактерных участков картинной плоскости – и, следовательно, ведут к отграниченности последних друг от друга. Описанный эффект отчлененности, обособленности областей материала наблюдается, например, в таких работах, как «Старость» (уголь, тушь, черный карандаш и фиксатив на пергаментной бумаге, 1865, Париж, музей Орсэ), «Автопортрет» (холст, масло, 1867, Париж, музей Орсэ). Однако в некоторых офортах даже этого времени стабильность и замкнутость этих областей удивительным образом сосуществует с их «текучестью», и уступы скал, векторно устремляясь друг к другу, образуют континуальное, связное, «тканое» пространство (офорты «Брод», 1865–1866, и «Страх», 1866, обе работы из Национальной библиотеки Франции, департамента Эстампов). В масляных работах создать эффект постепенного взаимоперетекания цветовых областей гораздо проще, поскольку сама масляная краска не предназначена для вычерчивания контуров (пастельные работы в этом смысле больше подобны «черным» Редона). Здесь цветовые области – это своеобразные «протуберанцы», выбрасываемые вовне кипящей плазмой цвета. Причем цветовые массы у Редона словно бы движутся и вращаются[12]. И в этом отношении Делакруа тоже был предшественником Редона. В Дневнике Делакруа есть такая красноречивая запись: «Я замечаю, что всегда надо *моделировать вращающимися массами*, как это имело бы место с предметами, не состоящими из бесконечного числа мелких частиц, например с листвой…» [5, с. 24; курсив мой. – *Е.Р.*][13]. Находя тональный эквивалент выразительности предмета, художник понимал цвет именно как цветовую массу, и движение масс на картине, их ритмическое чередование выражали *время материала*, его ритм. Р*итм цветовых масс у Делакруа всегда в то же время является и ритмом форм*. «…Природа, соединяя тона, не может ошибаться, ибо для нее форма и цвет неразделимы» [1, с. 68], – замечал Бодлер.

«Вращающиеся цветовые массы» вылепливают форму, и ритм цветовых форм у Делакруа всегда обладает векторностью, устремленностью в определенном направлении[14]. Векторность обусловливает постепенное движение от массы к массе, от формы к форме, что возможно только во времени. Примером могут послужить даже ранние работы Делакруа, такие как «Ладья Данте» (холст, масло, 1822, Париж, Лувр) или «Смерть Сарданапала» (холст, масло, 1827, Париж, Лувр).

В художественном мире Редона, как и у Делакруа, ритм форм тоже выражен через ритм цветовых масс. Ведь материал у Редона вылепливает форму в процессе своего становления. Определенный цвет, самораскрываясь, локализуется в колористическом пространстве, «осваивает» определенную его область, – но, в силу насыщенности энергией, не удерживается в пределах этой области и стремится «выплеснуться» за ее границы. Поэтому контуры в цветных работах Редона такие же размытые, ускользающие, как и у Делакруа. А в «черных» контуры включаются в интенсивное, направленное движение заполняющих формы линий и, таким образом, уже не являются собственно границей, преградой на пути развития материала.

Из сказанного можно сделать вывод, что и *в аспекте времени образов* на уровне живописных событий художественный мир Редона наследует многие качества художественного мира Делакруа. Конечно, сам характер образов у Редона принципиально иной. Но образы и у Делакруа, и у Редона, выражая определенное сюжетное или символическое событие соответственно, не теряют при этом самодостаточности и смысловой самоценности. Каждый образ в работах Делакруа живет собственной жизнью, независимо от того, какой сюжет он призван репрезентировать, –

не теряя при этом внутренней взаимосвязи с другими образами. Аналогично в художественном мире Редона каждый образ излучает свой собственный смысл (в данном случае символический), создавая при этом смысловое поле во взаимодействии с другими образами. Однако такой смысловой энергией образы не могли бы обладать, если бы формирующий их материал не жил столь интенсивной жизнью на микроуровне.

3. Микроуровень жизни материала. На данном уровне о конструктивном аспекте уже нельзя говорить, поскольку речь идет о внутренней жизни живописного материала, который «вылепливает» образы, но собственное бытие которого не связано с бытием этих образов как предметных форм. Поэтому в данном случае художественное время репрезентируют только два аспекта – время зрителя и время материала.

Описываемое собственное бытие материала качественно иное в сравнении с жизнью образов и материала на уровне живописных событий. Движение мазков, тональные модуляции, валеры репрезентируют самую сущность жизни материала, хотя и не дорастают до ранга живописных *событий* и потому не могут соотноситься собственно с *моментом* времени материала. Однако они могут наполнять этот момент движением, внутренним жизненным ритмом. Здесь можно выделить два аспекта, впрочем, неразрывно связанных: бытие материала в плане плотности красочной субстанции и характера нанесения красок на холст; бытие материала в плане его цветовых и световых свойств. Первый аспект и у Делакруа, и у Редона связан прежде всего с характеристикой мазка, а второй – с тональными модуляциями и градациями внутри достаточно однородных красочных масс определенного цвета[15].

Именно в творчестве художников-романтиков, и прежде всего Делакруа, особое внимание стало уделяться мазку как таковому. «Мазок – такое же средство передачи мысли в картине, как и все другое, – записывает Делакруа в дневнике 11 января 1857 года. – <…> В конечном счете, в произведении подлинного мастера все зависит от расстояния, с которого будешь смотреть на картину. На известном расстоянии мазок растворяется в общем впечатлении, но он придает живописи тот акцент, которого ей не может дать слитность красок» [5, с. 228]. Жизнь мазка, рождающая микроритм[16] в картинах Делакруа, чрезвычайно интенсивна. Обособление одного мазка от другого позволяет показать направленность движения кисти при их нанесении на холст; каждый мазок оказывается вовлечен в общее движение материала и при этом не теряет своей индивидуальной выразительности, своего фактурного облика.

Аналогичные процессы наблюдаются и в искусстве Редона, хотя многие его цветные работы выполнены пастелью[17], тогда как Делакруа писал маслом[18] и пользовался пастелью не слишком часто. Известно, что Редон очень чутко относился к тем «указаниям», которые «давал» ему материал: и в плане пути формирования образов, и в плане техники[19]. Однако в творчестве Редона можно выделить большую группу работ, в которых, независимо от того, написаны ли они маслом или пастелью, глаз с легкостью различает обособленные мазки и штрихи. Каждый из них обладает собственным обликом, собственной выразительностью, и при этом все они *векторно ориентированы*, *устремлены* к одной цели, воплощая постепенное изменение материала и его эволюцию[20]. Мазки краски или штрихи пастели объединяются, образуют группы, *направленные* в одну сторону, – аналогичное движение мазков можно наблюдать в картинах Делакруа[21].

Другая функция мазка и у Делакруа, и у Редона – осуществление тональных модуляций внутри цветовой массы. Скорость нанесения мазков на холст, ощущаемая визуально, нередко соответствует скорости тональных переходов. Делакруа всегда искал способ, как выразить *внутреннее движение цвета*. «*…Окрашенный рефлексом полутон* есть тот принцип, который должен доминировать, потому что именно он дает верный тон – тот тон, который образуют валеры, столь важные в предмете и придающие ему подлинную живость» [5, с. 25][22], – размышлял мастер уже в поздние годы. В искусстве Делакруа рефлексы и полутона насыщают внутренним движением цветовую массу и заставляют *длиться соответствующий момент времени материала*.

В художественном мире Редона цветовые модуляции не только играют сходную роль, но, более того, выявляют и позволяют ощутить *скрытую энергию* материала как *хаотической стихии*, обладающей собственной, как правило, непредсказуемой волей к становлению и самораскрытию. Максимилиан Волошин так видит цветные работы Редона: «В пастелях Рэдона[23] хаос развертывается в своих красочных гармониях. Ужас времени кричит синими голосами; ультра-

фиолетовые полыньи на черном властно затягивают в глубины мистицизма. Ультрафиолетовые лучи, помещаясь на границе видимого спектра, служат противоположно-дополнительными желтому цвету дня» [3, с. 237]. И если в картинах Делакруа яростная энергия цветов все же с необходимостью подчиняется образам, которые эти цвета призваны *воплотить*, то в произведениях Редона цвето-световая энергия – полновластный хозяин, поскольку призвана не воплощать определенные образы, а *создавать*, *творить новые*[24]. Поэтому движение тонов и их взаимодействие в мире Редона не только придают качество длительности, процессуальности моменту времени материала, но и постепенно творят, развертывают само живописное событие, – а следовательно, творят и *сам этот момент*, то есть в процессе становления творят *время материала как направленную, векторную длительность*[25].

Редон характеризовал искусство Делакруа как «триумф движения и страсти» [10, с. 181]. Действительно, ритм взвихренных мазков, пульсация цветовых пятен, напряженное устремление образов друг к другу, – все это составляет сущность художественного мира Делакруа. И движение в полотнах мастера создается прежде всего энергией цвета, «духовного цвета», по меткому выражению Редона[26]. Одухотворенный, живой цвет, наделенный творящей силой, – вот, возможно, главное, что Редон почувствовал и перенял от старшего мастера.

Примечания

[1] Сюда относятся произведения, выполненные как маслом, так и пастелью, хотя сам Делакруа работал в технике масляной живописи и фрески.

[2] В данном случае термины «конструкция» и «композиция» трактуются в том смысле, в каком они встречаются еще в работах П. Флоренского. См., например: [9]. Воспринимаемые нами образы относятся к *конструктивному* аспекту картины, а собственное бытие живописной материи – к аспекту *композиционному*. Применяются также соответствующие понятия «план содержания» и «план выражения».

[3] Указанные аспекты художественного времени обозначены в статье: [2].

[4] «И все так связано, – восторгался Сезанн перед «Алжирскими женщинами». – Тона входят один в другой, как нити шелка в ткани. Все сотканo, сработано вместе. И поэтому все объемно. В первый раз после великих мастеров живописно передан объем. <…> Его живопись переливается всеми цветами» (Цит.по: [8, с. 278]).

[5] Общепринято соответствие между неким событием и определенным моментом времени.

[6] Понятия «момент» и «мгновение» в данном контексте употребляются как синонимы.

[7] В отличие от охвата полотна в целом, требующего беглого взгляда.

[8] Аналогичное путешествие взгляда зрителя совершенно необходимо при постижении мира Редона: пристальное рассматривание каждой детали позволяет ощутить оттенки ее символического смысла.

[9] Термин «валер» в теории колорита – многозначный термин. Часто он употребляется для обозначения небольших вариаций внутри тона в рамках более крупных соотношений тонов. Валерами называют не все светлотные и тональные градации внутри крупной одноцветной массы, а только такие почти незаметные переходы внутри цвета, которые обязательно содержат *хроматические колебания*. Например, в синем пятне различаются зеленовато-синие, розовато-синие, желтовато-синие оттенки: возникает хроматический контраст между данными оттенками.

[10] Определение самого Редона.

[11] Конечно, крупные черные или выполненные цветом массы часто возникают из совокупности штрихов карандаша, пастели или из наложения мазков краски. Однако это уже микроуровень жизни материала.

[12] Благодаря направленности штриховки или мазков на микроуровне.

[13] Запись от 29 апреля 1854 года.

[14] Такой векторности ритмического движения нет в классической живописи, где цветовой ритм и ритм форм позволяет говорить лишь о пространственных композиционных рифмах.

[15] У Делакруа здесь также важны рефлексы.

[16] Как чередование цветовых масс рождает композиционный ритм в крупном плане, так и пульсирующее движение мазков продуцирует композиционный ритм на микроуровне.

[17] С использованием дополнительных материалов: угля, карандаша, белил.

[18] Станковые работы. В данном случае не рассматриваются фрески и рисунки.

[19] Редон мыслил материал как своеобразного партнера в творческом процессе, о чем сам заявляет, например, в письме к А. Меллерио. См.: [7, с. 187–188].

[20] Мазки и штрихи у Редона в ранний период творчества в большинстве работ еще не обладают векторной направленностью. Но, например, в «Роланде в Ронсевале» (холст, масло, 1868–1869, Бордо, музей Изящных искусств) Редон уже пытается именно мазком передать движение, осуществить взаимоперетекание света и тени.

[21] Например: «Тигр, играющий с матерью» (холст, масло, 1830, Париж, Лувр), – в этой картине детально прописаны космы шерсти тигрицы на первом плане; «Ладья Данте» (холст, масло, 1822, Париж, Лувр), – здесь скрупулезно, мелкими мазками выписаны капли воды, стекающие с борта лодки и с обнаженных тел грешников.

[22] Запись от 29 апреля 1854 года.

[23] Сохранена орфография Волошина.

[24] Иными словами, Делакруа всегда знает, что он хочет *изобразить*, для него конструктивный аспект произведения (предметный план) всегда ясен еще до того, как кисть коснулась полотна. Делакруа, как истинный романтик, обдумывает и подбирает сюжеты для своих произведений. Редон же никогда не знает заранее, какие образы будут населять картинное пространство создаваемого произведения (о чем он сам неоднократно говорил), и даже в процессе работы этот вопрос не проясняется, – все зависит от воли материала.

[25] Такое время подобно бергсоновской la durée.

[26] «Венеция, Парма, Верона видели цвет с материальной стороны. Делакруа единственный достигает духовного цвета (touche à la couleur morale)…» [10, с. 176].

Библиографический список

1. *Бодлер Ш.* Салон 1846 года // Шарль Бодлер об искусстве / сост. Ю.Н. Стефанова, А.Д. Чегодаева, вступ. статья В.В. Левика. – М.: Искусство, 1986. – С. 61–129.

2. *Виппер Б.Р.* Проблема времени в изобразительном искусстве // 50 лет Государственному музею изобразительных искусств им. А.С. Пушкина / ред. Б.Р. Виппер. – М.: Издательство Академии художеств, 1962. – С. 134–150.

3. *Волошин М.* Лики творчества / подгот. В.А. Мануйлов и др. – Л.: Наука, 1988. – 848 с.

4. *Делакруа Эжен.* Дневник: пер. с франц. Т.М. Пахомовой / ред. и предисл. М.В. Алпатова: В 2 т. – Т. I. – М.: Издательство Академии художеств СССР, 1961. – 451 с.

5. *Делакруа Эжен.* Дневник: пер. с франц. Т.М. Пахомовой / ред. и предисл. М.В. Алпатова: В 2 т. – Т. II. – М.: Издательство Академии художеств СССР, 1961. – 441 с.

6. *Делакруа Э.* Мысли об искусстве. О знаменитых художниках: пер. с франц. / вступ. ст. и коммент. В. Прокофьева. – М.: Издательство Академии художеств СССР, 1960. – 282 с.

7. Мастера искусства об искусстве. Избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов / под общ. ред. А.А. Губера и др.: В 7 т. – Т. V. Кн. 1. / под. ред. И.Л. Маца и Н.В. Яворской. – М.: Искусство, 1968. – 448 с.

8. Из книги Жоашима Гаске. Сезанн // *Сезанн П.* Переписка. Воспоминания современников: пер. с франц. / сост., вступ. ст., примеч. Н.В. Яворской. – М.: Искусство, 1972. – С. 270–281.

9. *Флоренский П.А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / послесл. и коммент. О.И. Генисаретского. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. – 321 с.

10. *Redon O.* À soi-même. Journal. 1867–1915. Notes sur la vie, l'art et les artistes. – Librairie José Corti, 2000. – 189 p.

УДК 008

Шемякина Мария Константиновна
Белгородский государственный институт культуры и искусств
mary-ru2004@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ КОНЦЕПТА «ВОЗРОЖДЕНИЕ» В КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ (теоретический анализ)

Термин «возрождение» в культурологической неоднозначности может быть рассмотрен в качестве модели исторической динамики бытия культуры. В подобном понимании концепт «возрождение» должен быть осмыслен как естественный механизм культурного изменения, основанный на повторяемости сюжетов развития элементов культуры, в которых заложена основа ее стабильности и энергийная сила восстановления.

Ключевые слова: *концепт «возрождение», историческая динамика бытия культуры, механизм культурного изменения.*

В современной культурологии, пожалуй, нет более сложного определения, чем определение самой культуры. Как отмечает ряд исследователей, на современном этапе развития культурологической науки совокупное представление о культуре сводимо к терминологическому употреблению понятия «культура» в двух значениях – «широком» и «узком». «“В широком смысле”, – пишет Э.В. Соколов, – к культуре относят все общественные, утвердившиеся в обществе формы жизни – обычаи, нормы, институты, включая государство и экономику. В “узком смысле” границы культуры совпадают с границами сферы духовного творчества, с искусством, нравственностью, интеллектуальной деятельностью» [10, с. 22].

Термин «возрождение» с той же культурологической неоднозначностью может быть рассмотрен в нескольких смыслах.

Возрождение как эпоха и культура возникло в Италии в XVI в. в качестве некого итога осмысления культурного новаторства исторического промежутка между Средними веками и Новым временем. Этим понятием обозначили первый со времени античности блестящий расцвет культуры, гуманитарных наук, искусства, начавшийся после долгого, почти тысячелетнего упадка.

Термин Rinascita (Возрождение) был предложен итальянским живописцем и историком искусства Джорджо Вазари в XVI веке в его труде «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих». Дав определение основным характеристикам эпохи, мыслитель обозначил это время как период всестороннего развития нового искусства, предопределенного иными, нежели прежде, мировоззренческими установками, соединившими светский характер и гуманистическую направленность всех сфер жизни с обращением к античному наследию, как бы возрождением минувших образцов.

В XIX в. применительно к эпохе Возрождения утвердился французский термин «Ренессанс», прочно вошедший в русскую речь. Девизом и основной идеей культуры Возрождения становится обращение к «первоисточникам знания», восстановление во многом утраченных в средние века связей с культурными традициями античности. Как отметит А.И. Чернокозов, это соединение зачастую антагонистических противоположностей дало само понятие «осмысленной жизни» в ее целостности и нераздельности, когда «материальное и духовное, земное и божественное, христианское и языческое звучат в единой гармонической полифонии» [11, с. 100]. Искусство Возрождения, подтвердит ту же мысль А.А. Радугин, было «своеобразным синтезом античной физической красоты и христианской духовности» [5, с. 188].

Возрождение, как историческая эпоха и феномен в развитии не только Италии, но и многих европейских государств, определялось наличием ряда характеристик, долженствующих быть в проявлении. Можно было бы их обозначить в следующем перечислении:

1) появление нового типа культуры, отличающегося своим креативно-творческим характером и динамическим строем;

2) обогащение культуры посредством оказания существенного влияния на мироощущение ее носителей (в качестве примера можно рассмотреть наличие изобилия научных открытий и технических изобретений, входящих в повседневную жизнь и навсегда ее изменяющих);

3) переход от средневекового жизненного уклада к технологическому (а если рассматривать

© Шемякина М.К., 2011

более широко, то смена экономических формаций, что, безусловно, было связано и с категориями государственного переустройства);

4) изменение в управленческом механизме, естественным образом влекущее за собой появление новых социальных реалий, антагонистических противоречий, выражающихся в непримиримом противостоянии классов (а возможно, и конфессиональных противоречий: изменение социальной роли церкви и религии в целом), и, как следствие, внешняя и внутренняя дисбалансировка с тяготением к консолидации, попыткам поиска единых централизующих основ, способных объединить носителей культуры на базе традиций, языка, общих корней;

5) выработка идеи национального единства на основе социально-политического единства и культурных факторов;

6) борьба материалистического рационализма и чувственно-религиозного переживания, когда тяготение к мистическому постижению смысла или религиозному откровению дают основы мирочувствования. «Тайна Возрождения… – скажет В.В. Розанов, – лежит в самих сокровищах, в том, что …под влиянием сурового аскетического идеала умерщвления плоти в себе и ограничения порывов своего духа, человек только сберегал и ничего не умел тратить. В этом великом тысячелетнем молчании… в этом насильственном закрытии глаз на мир… в тысячелетних молитвах… вырисовались образы мадонн…» [9, с. 132];

7) утверждение гуманистического начала как осевого направления в развитии культуры: духовное самоутверждение человека в мире, признание величия его природной красоты и возможности творческого преображения окружающего мира; гармоничное взаимопроникновение светского, церковного и фольклорного начал, включение античного наследия в искусство (живопись, литературу, театр, архитектуру, музыку).

Размышления над истоками гуманистической культуры приведут А.Н. Веселовского к мысли, с одной стороны, о вписанности истории Возрождения в «историю мысли» как особого формообразующего этапа западной цивилизации, с другой – о распространении антропологического принципа структурирования общества на отдельные этапы развития человеческой культуры [2, т. 5, с. 6].

Так рождается понятие концепта «возрождение», долженствующего быть рассмотренным не столько как историческая эпоха, но как модель исторической динамики бытия культуры.

Каждый народ, подчеркнет А.И. Чернокозов, «в своем историческом развитии переживает эпоху, когда после длительного упадка расцветают его экономика и культура… Феномен переходной эпохи как независимой фазы культурного процесса – это общая историческая закономерность, которую переживают многие народы в разные исторические периоды» [11, с. 93]. Закономерность, определяющая развитие культуры, воспринимается самой культурой как естественный механизм ее изменения.

Подобное уже не раз происходило в мировой истории. Примером тому может служить историческая эпоха, открывшая собой культурный подъем на территории Франции и Германии до XIV века. Культурный подъем в империи Карла Великого и в королевствах династии каролингов в VIII–IX веках принято называть «каролингским возрождением» (идеологом культурного подъема был Флакк Альбин Алкуин, англосаксонский ученый из Турского монастыря).

Именно эту особенность развития культуры заметит и М.С. Каган, рассуждая о трех возможных путях движения культуры от старого к новому: «…В сфере светского сознания (научного, художественного, философского) – по пути Возрождения, опираясь на частично сохранившееся, частично античное наследие; в сфере еще достаточно сильного религиозного сознания – по пути Реформации, в различных ее модификациях; в сфере политического сознания – по пути теоретического и практического республиканизма, идей демократии и утопического социализма» [4, с. 256].

Таким образом, в качестве культурно-обусловленных представлений о культуре концепт «возрождение» всегда будет знаменовать собой «рубеж», «кризис», за которым обязательно следуют или его преодоление, или полное и безоговорочное низвержение предшествующих культурных установок.

Именно поэтому система ценностей, формируемая концептом «возрождение», справедливо может быть отнесена к итоговым, финальным ценностям человеческого существования. Как отметят Ю.Н. Солонин, М.С. Каган, такие ценности мыслятся высшими идеалами существования человека. «Они, – отметит М.К. Мамардашвили, – являются конечными целями человеческих уст-

ремлений, главными жизненными ориентирами… человеческая жизнь, свобода, справедливость, красота …честь и достоинство личности, законность, гуманизм …"это ведь вещи, производящие сами себя"» [6, с. 140].

Система ценностей будет складываться не только из способа отношения к миру, но и из способов трансляции – передачи этих достижений последующим поколениям. И, наверное, последнее окажется существеннее и основательнее для сохранения самой культуры, поскольку только в передаче аксиологии «осевого времени» видится ее сохранение и развитие. «Для многих культур, – определит А.И. Чернокозов, – в отдельные периоды их существования актуален даже не сам классический и последовательный прогресс творческих возможностей, а, как минимум, сохранение, или, в случае потери, реставрация, возрождение в себе естественной и самобытной способности к подлинной субъективности… Возрождение стало исторической эпохой, в которой в гармоничной, не отягощенной цивилизационной доминантной форме, воплотились одновременно и энергийность естественного первобытного общества, и возможности новой социальной целостности, связанной с раскрепощением и стимуляцией творческих способностей человека» [11, с. 96].

Изучение культуры в таком аспекте есть безусловная форма постижения культуры в ее динамическом аспекте, «воссоздание своего рода "образцов" культуры каждой исторической эпохи как единого целого, в котором концентрируется, вызревает и реализуется новый, более высокий этап развития творческих сил человека, его обогащение как личности» [3, с. 19]. При этом тип культуры будет отражать своеобразие способа обновления и накопления опыта, принятого в данном обществе.

В подобном понимании концепт «возрождение» должен быть осмыслен как естественный механизм культурного изменения. И наблюдения в области развития культуры приведут к изучению вертикали ее изменений, когда вертикаль будет пониматься как «открытие новых форм культуры», «квинтэссенция творчески-продуктивного начала», «процесс временного развертывания культуры, ее исторический характер, принцип преемственности, переход предшествующих культурных форм или элементов в новые культурные образования» [8, с. 37–38].

Различение типов культур по критерию доминирующей ориентации на сохранение или изменение определит две существующие модели: культуры, ориентирующиеся на сохранение, к которым относятся древние и современные «примитивные» культуры, и культуры, в которых преобладает вектор изменения (другие культуры). Естественно, что механизм действия концепта «возрождение» будет свойственен последним – культурам, в основании развития которых заложена идея распада и возрождения культурных традиций (русский тернарный тип, по определению Ю.М. Лотмана). При этом центральными в сохранении оси культуры и возрождении аксиологической периферии выступят культурные универсалии.

Но каковым бы ни оказался вектор изменения культуры, она основана на повторяемости сюжетов своего развития, и в этой повторяемости тех или иных элементов заложена основа ее стабильности и энергийной силы восстановления. В культуре ничто не умирает, а, отходя на второй план, восстанавливается при складываемых благоприятных условиях – собственно это служит и сущностью, и условием действия концепта «возрождение».

Именно эту мысль пытался выразить Ю.М. Лотман, подчеркивая, что «культура всегда подразумевает сохранение предшествующего опыта. Более того, одно из важнейших определений культуры характеризует ее как "негенетическую" память коллектива. Культура есть память. Поэтому она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества. Потому, когда мы говорим о культуре нашей, современной, мы может быть, сами того не подозревая, говорим об огромном пути, который эта культура прошла. Путь этот насчитывает тысячелетия, перешагивает границы исторических эпох, национальных культур и погружает нас в одну культуру – культуру человечества»[7, с. 4].

Похожую мысль, облеченную в идею «восходящей лестницы» или «схематизм драматического произведения», в свое время озвучивал и В.С. Библер. Исследователь обращал внимание на то, что в истории человеческого бытия можно обозначить две формы «исторической наследственности». И если одна форма – «восходящей лестницы» – представляет собой прогрессивное

развитие, то вторая, объясняющая схематизм «драматического произведения», будет основана не на первичном знании, но на повторении как на сумме знаний, входящих в единый пласт культуры.

Так же, как в драме, рассуждает ученый, «с появлением нового персонажа (нового произведения искусства, нового автора, новой художественной эпохи) старые "персонажи" – Эсхил, Софокл, Шекспир, Фидий, Рембрант, Ван Гог, Пикассо …не уходят со сцены, не "снимаются" и не исчезают в новом персонаже, в новом действующем лице. Каждый новый персонаж выявляет, актуализирует, даже впервые формирует новые свойства и устремления в персонажах, ранее вышедших на сцену… Даже если какой-то герой навсегда уйдет со сцены, или – в истории искусств – какой-то автор выпадает из культурного оборота, его действующее ядро все же продолжает уплотняться, сама лакуна, разрыв обретают все большее драматургическое значение» [1, с. 282].

Единая мысль в отношении развития культуры в контексте понимания действия механизма концепта «возрождение», таким образом, будет столь же неоднозначна: развитие культуры невозможно обозначить в четких и ясно понятных очертаниях. Согласимся в этом наблюдении с П. Флоренским, попытавшимся выразить свое представление о культуре как о крайне неоднородной субстанции, состоящей из различных слоев, пластов, уровней. Это уровни символизма и его восприятия, то есть способности понимать символику, прозревать сквозь нее тайну мироздания и его смысл.

Обозначенные уровни могут быть осмыслены как уровни особой практики – символизации мира, описания и типологизации символов, создания и воссоздания условий, в которых символы функционируют именно как символы, а не как пустые или непонятные знаки. Находясь на низком уровне культурного символизма, человек не имеет доступа к символизму более высокому, более близкому к культу. Но при снижении общего культурного уровня (примитивизации символической практики) все же сохраняется культурный слой, в котором практика символизма поддерживается на очень высоком, эзотерическом уровне. Те, кто принадлежит к этому слою, являются хранителями и творцами «высокой» культуры, жрецами культа, владеющими «тайнознанием». Этим субъектам культуры, новым людям, и назначено преодолеть кризис и вывести культуру из катастрофы. И в возрождении культуры мы увидим ее новое начало.

Концепт «возрождение» в особенностях осмысления культурного развития предполагает учет изменений самой культуры. Содержательное же наполнение концепта ориентирует не только на сохранение предшествующего опыта, но на восстановление, возвращение к жизни определенных образцов. И эта схема действия концепта «возрождение» в различных культурных парадигмах универсальна. Не случайно теоретики культуры едины во мнении о том, что специфика выражения содержательного начала концепта не есть характеристика лишь европейского феномена, но особенность развития и русской культуры. Очевидно, что концепт «возрождение» может быть прочтен в особенностях семиотического развития отечественного аналога.

Библиографический список

1. *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры. – М., 1991. – 154 с.

2. *Веселовский А.Н.* Боккаччьо // Собр. соч. – Т. 5. – Л., 1956. – 425 с.

3. *Драч Г.В.* Культурология: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 608 с.

4. *Каган М.С.* Философия культуры. – СПб.: Петрополис, 1996. – 491 с.

5. Культурология / сост. и отв. ред. А.А. Радугин. – М.: Центр, 1997. – 304 с.

6. Культурология: учебник / под. ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. – М.: Высшее образование, 2008. – 566 с.

7. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. – СПб., 1994. – 478 с.

8. *Оганов А.А., Хангельдиева И.Г.* Теория культуры: Учеб. пособие для вузов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 416 с.

9. *Розанов В.В.* Религия, философия, культура. – М., 1992. – 312 с.

10. *Соколов Э.В.* Культурология. Очерки теории культуры: Пособие для старшеклассников. – М., 1994. – 269 с.

11. *Чернокозов А.И.* История мировой культуры (Краткий курс). – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 480 с.

УДК 811.112.2:27-67

Шестеркина Наталья Викторовна
Мордовский государственный университет (г. Саранск)
nvshest@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫЧЕСТВА И ХРИСТИАНСТВА В НЕМЕЦКИХ ЗАГОВОРАХ

В статье речь идет о различии в происхождении и лечении болезней согласно мифологическим и христианским представлениям. Анализ проводится на материале немецких заговоров с мотивом мертвой руки*, в которых отражается архаический культ мертвых.*

Ключевые слова: *заговор, язычество, христианство, мотив* мертвой руки.

Однозначно провести границу между заговорами и молитвами очень сложно. Есть противоположные точки зрения на соотношение этих текстов: 1) условность терминов *заговоры* и *народные молитвы,* которые могут отсылать к одним и тем же текстам; 2) существование «заговорно-молитвенного континуума», на противоположных полюсах которого находятся эти тексты. Е.А. Огнева [7] выделяет культурный концепт религиозного дискурса – *'вера',* определяющий его внутреннюю логику. Концепт передает ментальное состояние человека, который: 1) осознаёт различие между обыденным и сверхъестественным миром; 2) не сомневается в существовании Бога; 3) делает выбор, признавая существование Бога; 4) доверяет Богу, ждет от него помощи. Концепт *'вера'* и субконцепт *'молитва'* соотносятся как общее и частное. Молитва, особый тип религиозного дискурса, отличается от других жанров общения [3, с. 5–19]. Мы признаем сходство между заговором и молитвой, так как концепт *'молитва'* репрезентируется когнитивной структурой из компонентов *'молящийся', 'прошение', 'адресат',* являющихся элементами субконцепта *'молитва'* (ср. с заговариванием). Появление молитвы связано с большими изменениями в обществе, особенно в религии, вызывающими резкое изменение массового сознания и переосмысление категорий культуры.

«Цементирующая основа» общества – коллективные представления, выбор их часто бессознателен. Он определяет тип мировосприятия, доминирующий в обществе, организацию и тип общества. Выбор коллективных представлений и определенное их соединение – основа всякой культуры, он позволяет существовать всякому обществу – и мифопоэтическому, и «цивилизованному». Разница в том, какие коллективные представления, мифы лежат в основе культуры, как они определяют восприятие времени, пространства, причинности, как влияют на язык и какому типу общества соответствуют [4, с. 48]. Мифопоэтическое восприятие основывается на социальной природе человека. В «социум» включаются не только люди данного общества, но и животные, растения, предметы и даже явления природы. Основной принцип причинности такого мировосприятия и господствующая в нем установка на включенность предполагают невозможность выделения какого-либо Я или ОН прежде совместного МЫ. Социальность как форма жизни подкрепляется основами мировосприятия [4, с. 235–236].

Древний человек не выделял себя из космологической схемы. Все связанное с космосом было сакральным. Предметы быта, тело человека, профанические по своей природе, объяснялись космическим порядком. Вся сфера профанического насыщена символикой, истинное значение ее лежит в сфере сакрального, и как только связь с космосом прерывается, нарушается «договор со средой» – возникает необходимость в ритуалах, восстанавливающих исходное благополучие [1, с. 37]. Считалось, что человек, живущий в гармонии с коллективом и внешним миром, здоров физически и этически. Единство сакрального и профанического, духовного и плотского выражалось у германцев в понятии *heil* – всеобъемлющем определении человеческой сущности. *Heil* в первоначальном значении трудно определить, оно употребляется и в современных германских языках (ср. в немецком: «невредимый», «целый», «нетронутый», «цельный»; *etw. heil über-stehen* «остаться целым и невредимым»; *heil und gesund* «в целости и сохранности»). Семантическое поле *heil* включало понятия благополучия, здоровья (телесного и душевного), плодовитости, счастья, потенциальной уда-

 © Шестеркина Н.В., 2011

чи. О *heil* говорили и по отношению к коллективу, в первую очередь к роду. Разрыв родственных связей, преступления, влекущие изгнание из коллектива, означали разрушение сопричастности человека к родовому *heil*, отчуждение от рода и мира, с которым он общался как его частица, оставляли его один на один с враждебными силами. *Heil* присутствует в каждом человеке, по его внешнему и внутреннему облику распознавали и понимали, какая судьба ожидает его [1, с. 36–38]. При нарушении этических норм коллектива и в изгнании человек гибнет (от ран, болезни, колдовства), так как от него отвернулась судьба. Чтобы вылечиться, противостоять вредоносному коллективу, нужно очиститься от скверны, воздействовать на судьбу, вернуть удачу, для чего совершались магические действия.

Представление о душе (*hugr* – ум, сердце, дух, мысль, желание) всплывает в сюжетах о причинах болезней. Если у человека недобрые мысли, они как бы отделяются от него и воздействуют на того, против кого направлены. *Hugr* может принимать видимые образы [1, с. 42]. Пока душа странствует, ее оболочка бездыханна, что приводит к болезни и смерти. Болезни объяснялись «стрелами» демонов, колдунов, в их основе – представление о некоем «выстреле», «ударе» и т.п., внезапно вызывающем заболевания [11, с. 596–599]. У германцев болезнь исходила и от элементов космоса (солнца, луны, земли), а также крови, ее приносил ветер с севера – самой опасной стороны света у германских народов [1, с. 106].

По учению Церкви, все беды, болезни и смерть – наследие первородного греха. В этой концепции человек сотворен для Бога, мир – для человека, тело – для его души, все существование соотносится с Божественным промыслом, поэтому и начало болезни, и конец зависят от Божественного провидения. Здоровье, как и жизнь, – божественный дар [1, с. 112]. Христианство считало болезнь наказанием за грех. Основной грех – гордыня в форме тщеславия, алчности, развратности, лени. Альтернативой, предлагаемой средневековой Церковью вместо привычных магических средств воздействия на мир, были крест и молитва. Церковь боролась с «язычеством» в течение всего Средневековья, но в быту преобладала магическая медицина [1, с. 211]. В V–VIII вв. формируется новый тип целительной практики, считавшейся «христианской». В обряды включались христианские символы, появлялись обряды исцеления реликвиями святых, целительство с участием священника. Взаимодействие «языческого» и «христианского» в обществе, считающемся христианским, свидетельствует не о том, что одна религия боролась с пережитками другой, а о том, что перед нами наглядный пример функционирования механизма традиции в устной культуре [1, с. 211]. В такой ситуации формирование средневековых форм народно-медицинской практики рассматривается как приспособление традиции к меняющимся культурным условиям. А.Я. Гуревич отмечает, что многие стороны деятельности церкви были пронизаны магией. Влияя на восприятие верующих, церковь сама усваивает некоторые элементы народной традиции и в какой-то мере идет у нее на поводу. Церковные заклинания, благословения применялись в разных жизненных ситуациях. Потребность в них была постоянной, так как средневековый человек не воспринимал природу как неодушевленный объект: жизнь и смерть, здоровье и болезни, урожай и недород, мир растительный и животный – все управляется таинственными магическими силами. С ними нужно считаться, но и на них можно магически воздействовать. Некоторые благословения и экзорцизмы перешли в церковный обиход из народных обрядов, и языческие традиции получили в формулах христианское оформление [2, с. 281–282].

Христианское Средневековье сохранило много элементов древнего культа мертвых. Двойственная позиция мертвых, позволяющая им то выступать источником несчастья, то способствовать исцелению, обусловлена магическим мышлением. Предметы, имеющие отношение к мертвому телу, были сакральными. Следование ритуалу погребального обряда, многочисленные элементы апотропеической магии – «профилактика» болезней и смертей в доме покойного. Церковь запрещала культ мертвых как языческое суеверие. Культ святых и их мощей рассматривается как продолжение культа мертвых. Основа нового культа – убеждение, что святой одновременно находится на небесах и на земле, незримо присутствуя в своих реликвиях. Постоянное нахождение его души перед Богом, в то же время ее участие в земных делах связывает святого с миром земным и небесным и делает не только его самого посредником и заступником перед Богом за людей, но и наделяет особой силой его реликвии [1, с. 235].

Такую практику можно увидеть в немецких заговорах. В заговорах от гангрены (*kalter Brand)* доминирует мотив *руки мертвеца: Unser Herr Christus ging über Berg und Sand und Land, /Was fand er?* ***Eine kalte Manns-Todtenhand****: /Damit still ich* ***den kalten Brand*** (1824(a)) (при анализе использован материал сборника [10]. Цифра после заговора – его порядковый номер в сборнике). Н.Ф. Познанский отмечает, что по этому образцу составлен длинный ряд заговоров от «огня». Кончаются они неизменным *Damit still ich* ***den Brand.*** Мертвая рука, упоминающаяся в заговорах, на самом деле использовалась. Она холодна; в ней нет огня. Надо, чтобы и больное место было холодно, не горело. Мертвой рукой прикасаются к больному месту. Действие это совершенно забылось. Но что оно существовало когда-то, указывают приписки после заговоров: Indem man dies spricht, be-streicht man die verbrannte Stelle **mit der Hand einer Leiche** [10, с. 386]. «Эта заметка сохранилась, очевидно, от того времени, когда формула, сопровождавшая лечение мертвой рукой, стала рассматриваться как самостоятельная сила, независимая от обряда» [8, с.191]. Когда наличие мертвой руки стало необязательным, ее лишь упоминали: *Ich ging über Land und Sand, / Da fand ich* ***eine Todtenhand****: /Damit stille ich den Brand*. К заговору от огня и ожоговых ран приводится приписка, о которой уже говорилось: ***Maria*** *ging über Land, /Einen Brand trug sie* ***in der Hand****, / Brand, du sollst einrügen /Und nicht einkriegen* (1802). В заговоре от пожара и огня – *Ich ging mal durch Sand, Da fand ich eine* ***Todtenhand****…* – прослеживается параллелизм песка и преисподней, откуда могла появиться мертвая рука.

По канонам церкви, место лекаря занял Христос / Мария. Когда забылся смысл древнего обряда, утратилось представление о том, почему в заговорах употребляется мертвая рука. Стала упоминаться просто рука или рука Христа: *Ich ging über ein Land /Da fand ich* ***eine Hand****: / Damit…* (1806(b)). Рука сохраняется в тексте, так как ее к слову *Brand (Hand)* прикрепляет рифма. Изменение текста идет дальше для сохранения рифмы: ***Chris-tus*** *hielt uff* ***seine Handt****, /Damit…* (1804); *Unser Heiland* ***Jesus Christus*** *zieht ьber das ganze Land /Mit* ***seiner Hand****…* В результате осмысления таких формул появились новые: ***Mit dieser Gottes Hand*** */Still ich den kalten Brand / Ut din Hand (Kopp, Foot* etc.) (1828). Такова судьба мотива *мертвой руки* [8, с.191–192].Следующий заговор по форме является молитвой:*Wo hoch is de Heben?* **/Im Namen Gottes**. /*Wo sid is dat Eben?* /**Im Namen Gottes**. /*Wo kolt is die* ***Dodenhand****,* /**Im Namen Gottes**. /*Die den Brand stillen kann?* (1811(f)).

В заговорах много архаических смыслов, выявляемых с помощью анализа множественной этимологии, допускающего наличие нескольких семасиологических связей в истории значения. М.М. Маковский учитывал, что язычник соотносил один и тот же предмет с разными вещами, а одно и то же действие вызывало ассоциацию с огромным кругом действий и предметов [5, с. 6]. Теория разработана В.Н. Топоровым, рассматривавшим этимологические решения как различные степени приближения к матрице этимологической относительности [9, с. 141]. Изучение «картин мира» людей ранних цивилизаций открывает возможности для обнаружения древнейших когнитивных процессов [5, с. 7]. Так, слово ***Hand*** «рука» связывают с и.-е.**hin-þan-* в гот. *fra-hinþan* «схватить». Соотносится с и.-е. корнем**(s)kand-/*(s)kend-* “brennen, leuchten”: ср. лат.*candere* «гореть» (обхватить пламенем): ср. лат. pre-*hendere* “fassen, greifen”. Понятие руки соотносилось с понятием правды. Рука использовалась при клятве (тох. А *känt* “low”); она уподоблялась пламени, а огонь был очищающим началом: хет. *handuz* «правда». Ср. и.-е.**(dh)lengh-* «гореть» > **dhel-* “lang” (рус. *длинный*), но рус. *подлинный*, а также др.-рус. *длань* «рука». Значение «рука» связано со значением «гореть» (огонь «схватывает»): нем. *Hand* «рука», но лат. *candere* «гореть»; типологически ср.: ди. *bahu-* «рука», но и.-е. **bhok* «гореть» [6, с. 203–204]. В заговоре номинация *Hand* связана с лексемой ***Tod*** «смерть». И жизнь, и смерть понимались как различные состояния вселенского Огня (и.-е.**dau-* «гореть»: нем. *ge-deihen* «преуспевать, жить», но да. *die-gan* «умирать», и.-е.**dheu-* “verschwinden”, ди. *dodhat-* “erschütternd, tobend”, ирл. *dith* “Ende”). Ср. двн. *towen* „sterben“, др.-сев. *dey-ja* «гореть, переплетать языки пламени»: жизнь и смерть отождествлялись с разматыванием и наматыванием божественных Узлов; но они соотносились и с единством Движения (и.-е.**dheu-* “sich rasch bewe-gen”,**deu-* “sich bewegen”) и Остановки (ср. и.-е.**deu-* “aufhören”) [6, с. 532].

Иногда эти заговоры имеют более пространную формулировку, например, заговор, где Ма-

рия благословила *Brand.* Стремление к символическому толкованию образов забытых обрядов отразилось и на этом мотиве: *Der **Herr Jesu Christ** ging durch einen grünen Wald, /da begegnet ihm ein brennender Brand, /(das war Gott der Vater genannt)* [8, с.193]. Заговоры для «укрощения» огня существуют в большом количестве: *Der Himmel ist hoch, /Der Krebs ist roth, /Die **Todeshand** ist kalt: /Damit…* (1809(b)); *De Himmel is hoch, /De Krewt is rot, /Die **Todtenhand** ist kalt: / Ik nem mi ne koll **Dodenhand** /Un still dormit den **heeten Brand*** (1809(d)); *Wie hoch ist der Heben? / Wie roth ist der Krebs? /Wie kalt ist die **Todtenhand**?...* (1811 (d)). Следующий похожий заговор используется при боли и жаре: *Der Himmel ist hoch, /Der Krebs ist roth, /Die **Todtenhand** ist kalt: /Damit stille ich dir das Feuer bald* (1809(c)); ***Todt Manneshand** /Stillt diesen Brand. /Der Krebs ist roth, /Der Brand ist todt* (1815); *Hoch ist erhaben, /Kalt ist die Nacht, /Kalt ist die **Todtenhand**: /Da-mit…*(1811(b)); *Wie hoch ist der Himmel? /Wie tief ist das Grab? /Wie kalt ist die **Todtenhand**. /Hiermit stille ich den Brand* (1814); *Wie hoch ist die Heben? /Wie blank ist die Degen? /Wie kalt ist **die todte Hand**?* В заговорах профилируется триада «небо» – «земля» – «преисподняя». *Высокое небо* олицетворяет вертикальное движение, *Земля* – горизонтальное. Мертвая рука соотносится с красным раком, так же как холодность шпаги и мертвой руки.

Erde соотносится с и.-е.**er-* «дробить», «разрывать»: земля понималась как *materia prima,* созданная после божественного разрыва Хаоса; но земля понималась и как то, что дробят, разрыхляют для сева. Земля – женское начало (и.-е.**s-or-* «женщина»); но она немыслима без наличия в ней мужского начала (семени): и.-е. **ar-* «мужчина, мужской»; и.-е.**ar-* «огонь» (мужское творящее начало). По поводу перехода «земля» > «женщина» ср. лат. *tellus* «земля», но тох. А *kuli* «женщина». Земля – «печь», которая сжигает (**ar-* «гореть; сжигать») в могиле [6, с.117–118]. ***Nacht*/** «ночь» связана с тьмой. Дихотомии «огонь–вода» соответствует «свет–тьма», причем значение «жидкость, вода» связано с «мрак, темнота», которое соотносится со значением «рожать, производить на свет» (мрак – репродуктивное начало, параллельное свойствам огня и света) [6,с. 348]. **Grab/** «могила» соотносится с и.-е.**gher-* «гореть» (могила «сжигает» покойника). Рус. *могила* соотносится с кельт.**mog-* «гореть; огонь»+*al* «гореть». Ср. и.-е.**цer-* «гореть»; но новоирл. *uaigh* «могила», но и.-е.**цeg-* «гореть» (двн. *wahan* «гореть»); и.-е.**цep-* "Hitze" (лат. *Vapor* "Hitze"), но хет. *Wappu* «могила». Как и Огонь, могила «съедает» покойника: нем. *Grab* «могила», но и.-е. **gher-* «есть, съедать»; англ. *ade* «яма» [6, с. 194].

Номинации ***hoch*** противопоставлена ***tief*** «глубокий», соотносимую с и.-е. корнем**dheub-* "Erdvertiefung" (mit Wasser gefüllt): Внеземные области мироздания (Небо-Верх и Преисподняя-Низ) обозначались красками, наблюдаемыми язычниками в верхнем и нижнем крае горящего сакрального Огня: ср. и.-е.**tep-* «гореть», англ. *top* «верх», тох. А *tpär*, В *tapre* «высокий», но нем. *tief*, англ. *deep* «глубокий»; с другой стороны, да. *tēafor* «краска», да. *tiefran* «красить» (ср. ирл. *dub* «черный» – цвет в самом низу горящего огня). Бездна – предмет поклонения язычников [6, с. 530]. Острота шпаги (***scharf***) соотносится с и.-е.**(s)ker-* >**(s)kerbh-* "schneiden". Разрыв лежит в понятии Божественного Начала Мироздания, поэтому ср. нем. *scharf* «острый» (и.-е.**(s)ker-* «резать») с хет. *harpai* «начало»; и.-е. **sek-* «резать, разрывать», но латыш. *sākt* «начинать»; и.-е. **(s)ken(d)-* «разрывать», но и.-е.**ken-*kon-* «начало / конец» [6, с. 423]. Шпага дает возможность устранить «огонь», возвращающий к началу, когда не было болезни.

Холодная Луна противостоит горячему огню: *De Man' steit rot an'n Hęben, /Kolt dornęben /Is de **Dodenhand**: Dormit…* (1831); *Hoch ist der Hebęn, /Scharp ist der Dęgen, /Kalt ist die **Todtenhand**: /Damit…*(1834); *De **Hęb'n** is lang, / Dat Swert is **blank:** /Dormit…*(1835). ***Schwert*** соотносится с *schneiden.* Меч – символ Огня (ср. и.-е.**sцer-* «гореть; огонь») [6, с. 463]. ***Mond*** «луна»: двн. *mane,* да. *moni,* гот. *mena*. Мы имеем дело с и.-е. корнем **mei-* «двигаться» (ср. рус. *миновать*, кимр. *mynet* «двигаться, идти») > **mei-* "wechseln, tauschen" (рус. *менять, меняться*): и.-е.**mei-*"power". Луна идентифицировалась животным-тотемом: ср.и.-е.**mandos* "young animal, foal, calf": лат. *luna* «луна», но тох. А *lu* «животное-тотем». К Луне обращались с молитвой: рус. диал. *манеть* «говорить, издавать звуки». Одна из форм молитвы – молчание: ср. ди. *mauna* "silent", индоарийск.**monna* "silent". Луна – местопребывание душ: ср. лат. mānēs «души умерших». Луна – символ смерти: хет. *menu* «болезнь», др.-сакс. *men* «плохой, злой», да. *mān* "Bosheit,

Sünde”. Ср. хет. *arma* «луна», но и «больной» [6, с. 336].

Итак, благодаря параллелям небесного и земного в заговорах восстанавливается связь верхнего и нижнего миров архаической картины мира. Народная культура германцев приспособилась к христианизации и сохранила магический характер целительства, включив лишь некоторые элементы христианского культа в обрядовую практику.

Библиографический список

1. *Арнаутова Ю.Е.* Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. – СПб.: Алетейя, 2004. – 398 с.

2. *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего боль-шинства. – М.: Искусство, 1990. – 396 с.

3. *Карасик В.И.* Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. – Волгоград, 1999.

4. *Козолупенко Д.П.* Мифопоэтическое мировосприятие. – М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2009. – 432 с.

5. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: ВЛАДОС, 1996.

6. *Маковский М.М.* Этимологический словарь современного немецкого языка: Слово в зеркале человеческой культуры. – М.: Азбуковник, 2004. – 415с.

7. *Огнева Е.А.* Структурирование религиозного дискурса: субконцепт «мо-литва» [Электр. ресурс]. – Режим доступа: www.gramota.net/materials/2/2008/ 1-1/43.html

8. *Познанский Н.Ф.* Заговоры: Опыт исследования происхождения и раз-вития заговорных форм. – М.: Индрик, 1995. – 352 с.

9. *Топоров В.Н.* Ведийское *rta-:* к соотношению смысловой структуры и этимологии // Этимология. 1979. – М.: Наука, 1981. – 192 с.

10. *Bartsch K.* Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg. Bd. 2. – Wien: Wilhelm Braumüller, 1880. – 508 s.

11. *Höfler M.* Deutsches Krankheitsnamenbuch. – München, 1899. – S. 596–599.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'42: 82.091

Алефиренко Николай Фёдорович
доктор филологических наук
Белгородский государственный университет
alefirenko@bsu.edu.ru
Озерова Елена Григорьевна
кандидат филологических наук
Белгородский государственный университет
ozerova@bsu.edu.ru

ОСОБЕННОСТИ ЛИРИКОПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТОПОРОЖДЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

В статье рассматриваются закономерности порождения лирико-поэтического текста как продукта дискурсивной деятельности художника слова. Проводится мысль о том, что дискурс поэтической прозы является определённой моделью мира, в которой прошлое содержание жизни не только эстетически сохраняется творческим переживанием, но и служит основой авторского замысла в процессе текстопорождения.

Ключевые слова: *текстопорождение, поэтическая проза, эготоп, дискурс, лингвосинергетика, речевая семантика, память.*

Текст поэтической прозы (ПП) – особый продукт лирикопрозаической дискурсии (см.: [1, с. 5]). Его своеобразие обусловливается способом художественной репрезентации действительности: преломляясь в эготопе и ассимилируя соответствующие эмотивно-смысловые впечатления, актуализируемые языковой памятью автора, художественно-словесная интерпретация описываемой действительности осуществляется в процессе её вторичного ценностно-смыслового переосмысления на фоне социально значимых субъективных переживаний. Образуемая при этом этнокультурная синергетика мысли, чувства и слова выступает главным фактором интенциональности лирикопоэтического текстопорождения. А концептуальным основанием текстопорождения ПП выступает долговременная память, в данной речевой ситуации актуализирующая те смыслы, которые, проходя через чувственность сенсорной модальности, выходят за её пределы – в мир амодального мировосприятия (ср.: [7, с. 5]). Способность понять и оценить ситуацию «вытекает из возможности сравнить её с соответствующими ситуациями в прошлом опыте» [6, с. 116], хранимом языковым сознанием автора. Проблема языковой памяти является основополагающей категорией лингвопоэтики ПП. Тем более, что её сущность всё ещё остаётся в нашей науке белым пятном. Мы исходим из концепции А.Р. Лурия, который под памятью предлагал понимать процесс, который позволяет человеку сохранять и воспроизводить следы прежнего опыта и реагировать на сигналы и ситуации. Сущность языковой памяти вытекает из устройства памяти вообще, которая включает в себя эпизодическую (событийную, или ситуативную) и семантическую информацию, что соответствует (а) запоминанию отдельных эпизодов, событий, происходивших в определённое время и (б) их отображению в языковой семантике. Эпизодическая память является продуктом перцептивной деятельности субъекта, результатом того, что было воспринято им в чувственно-созерцательном опыте. Именно такая память, отмечает Е.С. Кубрякова, опираясь на работы Э. Тульвинга, связана «со временем, тогда как семантическая память существует безотносительно к нему» [6, с. 117]. Объектом языковой памяти является прежде всего семантическая информация, актуализация которой сопровождается воспроизведением событийной, дискурсивно обусловленной информации. Языковая память автора лирикопоэтического текста представляет собой, если перифразировать Б.М. Гаспарова, грандиозный конгломерат, накапливаемый и развивающийся в течение всей его жизни. Она заключает в себе в полусплавленном, ассоциативно подвижном, текучем состоянии различные форматы речемыслительной деятельности: гигантский запас коммуникативно заряженных частиц языковой ткани разного объема; речепрагматические фактуры, разной степени отчетливости и законченности:

© Алефиренко Н.Ф., Озерова Е.Г., 2011

– отдельные словоформы, каждая в окружении целого поля более или менее очевидных сочетательных возможностей;

– готовые словесные группы, в каждой из которых просматриваются различные возможности модификации, расширения, усечения, замены отдельных элементов [см.: 3, с. 105].

Надо отметить, что язык и память, образуя единое целое (языковую память), выполняют вполне специфические функции. По данным О.Г. Ревзиной, память оказывается тесно связанной с моральным словарём, а человеческий язык является хранилищем знаний о мире, которые человек удерживает в памяти и которые формируют его картину мира. В значениях слов и выражений, в языковых метафорах зафиксированы представления о том, что такое память и какие процессы с ней связаны. Так складываются «народные» теории памяти и забвения, если воспользоваться выражением американского исследователя Дж. Лакоффа. «Народные теории» принадлежат разным языкам и разным языковым сообществам, но в них выделяются универсалии, которые можно назвать человеческими универсалиями памяти.

Для текстопорождения ПП важны обе составляющие языковой памяти (эпизодическая и семантическая), позволяющие эготопу обобщать опыт и «переплавлять» его в текст. Закономерность текстопорождения ПП определяется тем, что и эпизодическая и семантическая память сосуществуют в сознании эготопа. Благодаря их сосуществованию события воспроизводятся (а) через актуализацию хранимого в языковой памяти определённого времени, в котором находился субъект текстопорождения, и (б) рекуперацию тех чувств и переживаний, которые сохранились в его памяти. В итоге процесс порождения лирикопрозаического текста сопровождается наполнением новой энергетикой *воспоминаний о прошедшей жизни*.

Ср.: ***Сегодня*** *непарный день, все парильщики свободны. Да хоть бы и гостей мыли, извинились бы для такого раза, Сергей Иваныч, хозяин, выздоровел, приехал в бани. И все молодцы в один голос закричали:*

– ***Радость-то*** *нам какая! Мы с вас, Сергей Ваныч,* ***остатнюю болезнь****, какая ни есть****, скатим****! Болезнь в подполье, а вам здоровье!****..*

Народу набилось – полна «тридцатка». Все глядят на отца и на меня, мне даже стыдно. Горкин ***доволен,*** *что ребята так деликатно себя оказывают. Говорит мне, что этого за денежки не купишь,* ***душой любят.***

Когда у бань толпился народ, кто-то из молодцов сказал:

Живой водой *приехал окачиваться Сергей Иваныч.*

Запомнилось мне это (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»).

Именно это воспоминание (*радость вызвана надеждой на то, что отца, которого все душой любят, исцелит живая вода*) явилось мотивацией и модусом текстопорождения рассказа «Живая вода» повести И.С. Шмелёва «Лето Господне». Важными для оказания воздействия на сознание эготопа являются те эмоциональные коннотации, которые воздействуют на чувства и переживания.

Итак, первая закономерность текстопрождения ПП состоит в том, что в основе текстопорождения ПП находится апостериорно-чувственная и ассоциативная память, которая, актуализируясь в переживаниях и воспоминаниях эготопа, воплощается в текст.

Второй закономерностью текстопорождения является синергетика смысловой и эмотивной информации, раскрывающейся через призму когнитивно-коннотативного авторского видения потенциального дискурса ПП. За каждым текстом как продуктом дискурса стоит «духовный облик личности, мир её ценностей, идеалов, устремлений, выражающихся в чертах характера и стереотипах поведения, методе мышления, социально-жизненных целях и конкретно избираемых путях их достижения» [5, с. 69].

Люди совсем не одинаково ***чувствительны к смерти****. Есть люди, что весь век живут под её знаком, с младенчества имеют обострённое* ***чувство смерти*** *(чаще всего в силу столь же обострённого* ***чувства жизни****).*

Когда и как ***приобрёл я веру в бога****,* ***понятие о нём, ощущение его****? Думаю, что вместе* ***с понятием о смерти****. Смерть, увы, была как-то соединена с ним (****и с лампадкой, с чёрными иконами в серебряных и вызолоченных ризах в спальне матери****).* ***Соединено*** *с ним было и* ***бессмертие****.* ***Бог – в небе, в непостижимой высоте и силе****, в том непонятном синем, что* ***вверху, над нами****, безгранично далеко от земли: это* ***вошло в меня с самых первых дней моих****, равно как и то, что, невзирая на смерть, у каждого из*

нас ***есть*** *где-то в груди* ***душа*** *и что* ***душа*** *эта* ***бессмертна*** (И.А. Бунин, «Жизнь Арсеньева»).

Духовный облик автора формировался с детства (***это вошло в меня с самых первых дней моих***) под влиянием социально-жизненных и ценностных идеалов ***(лампадка, чёрные иконы в спальне матери; Бог, душа бессмертны)***. Духовная традиция является ключевой для текстопорождения лирикопрозаики как осмысление христианской сущности человека и православной картины мира. Духовность, отмечает Ю.Н. Караулов, «опредмечивается в речевых поступках человека, языковом его поведении, то есть в широком смысле – в текстах, им порождаемых» [5, с. 70].

Таким образом, вторая закономерность текстопорождения ПП обусловливается синергетикой духовного и ценностно-смыслового знания, эксплицируемого языковой памятью авторского восприятия действительности.

Третья закономерность текстопорождения ПП – в формировании нарративного модуса, наполняющего повествование живым поэтическим звучанием. Особенность текстопорождения ПП обусловливается эготопом рассказчика, его лирическими переживаниями и сложной диалектикой речи-мышления (термин С.Д. Кацнельсона). Именно он исполняет роль своего рода призмы словесно-художественного изображения, через которую активизируются те текстопорождающие факторы, которые являются особенно ценными и значимыми для художественно-дискурсивной деятельности автора лирикопрозаического произведения. Именно эта особенность текстопорождения позволила В. Шкловскому сравнить лирическую прозу с кристаллом, через который интерпретируется жизнь. Наполнение текстов ПП внутренним психологическим содержанием, раскрытие многообразного мира личности является тем модусом, который наполняет повествование живым поэтическим звучанием.

Помню поездки к обедне, в Рождество (Н. А., Е. О. Рождество Пресвятой Богородицы, 8 сентября).

Тут всё необычайно: кучер в жёлтой шёлковой рубахе и плисовой безрукавке на козлах тарантаса, запряжённого тройкой; отец с свежевыбритым подбородком и по-городскому одетый, в дворянском картузе с красным околышем, ...мать в красивом, лёгком платье со множеством оборок; я, напомаженный, в шёлковой рубашечке, с праздничной напряжённостью в душе и теле…

А в церкви – теснота, тёплая, пахучая жара от этой тесноты, от пылающих свечей, от солнца, льющегося в купол, и чувство тайной гордости: мы впереди всех, мы так хорошо, умело и чинно молимся, священник после обедни подаёт нам целовать пахнущий медью крест прежде всех, кланяется подобострастно… (И.А. Бунин, «Жизнь Арсеньева»).

Раскрытие многообразного мира личности автора – модуса, наполняющего повествование живым поэтическим звучанием, осуществляется благодаря возможности оценить прошлый опыт, погрузиться в то эмоциональное состояние (*я, напомаженный, в шёлковой рубашечке, с праздничной напряжённостью в душе и теле*), которое тогда переживал автор и которое в настоящей действительности воспринимается как воспоминание-гармония (*чувство тайной гордости: мы впереди всех, мы так хорошо, умело и чинно молимся*). Дискурс ПП является определённой моделью мира, в которой прошлое содержание жизни не только эстетически сохраняется творческим переживанием, но и продолжается в авторских замыслах текстопорождения.

Всякое психическое явление, отмечает Ф.Е. Василюк, характеризуется своей отнесённостью к той или иной модальности (чувству, памяти, мышлению), а со стороны внутренней структуры 1) наличием «имманентной предметности» (Ф. Брентано) или «предметного содержания» (С.Л. Рубинштейн) и 2) тем, что оно непосредственно испытывается субъектом. Именно последний аспект психического явления и зафиксирован в психологии: «переживание в психологии понимается как непосредственная внутренняя субъективная данность психического явления в отличие от его содержания и модальности» [2, с. 7].

Иногда, отмечает митрополит Антоний (Блум) в проповеди «О покаянии», мы осознаём, что плохи или должны быть иными в том или другом отношении, а чувством мы этого не можем пережить. Дискурс ПП – то пространство, которое создано благодаря тому, что было прочувствованно, пережито авторами ПП. *Никем я не очаровывался давно и не поддавался влиянию, принимая на веру только пережитое* (В.Н. Крупин, Выбранные места из дневников 70-х годов).

В сложном процессе текстопорождения ПП можно выделить четыре уровня: 1) целевую за-

вершённость и исчерпанность как степень дискурсивной ориентации текста (см.: Ю.М. Лотман); 2) знаковую оформленность как состав знаковых средств, позволяющих выявить и удержать смысловую полноту содержания, так как текст, по мнению А.М. Пятигорского, обладает единым текстовым значением и в этом отношении может рассматриваться как нерасчленимый сигнал; 3) коммуникативную адекватность как включённость текста в определённый масштаб текстообменных процедур; 4) смысловую содержательность как фрагмент внетекстовой действительности, так как, по мнению Ю.М. Лотмана, «вся совокупность исторически сложившихся художественных кодов, делающая текст значимым, относится к сфере внетекстовых связей, которые могут быть описаны как отношение множества элементов, зафиксированных в тексте, к множеству элементов, из которого был осуществлен выбор данного употреблённого элемента.

По мнению Н.И. Жинкина, «смысл возникает не только в лексемах. Он начинает формироваться ещё до языка и речи… Образование смысла в речи, надо думать, происходит в особом механизме коммуникации» [4, с. 84]. Можно себе представить некоторый смысл, отмечает Ю.М. Лотман, «который остаётся инвариантным при всех трансформациях текста. Этот смысл можно представить как дотекстовое сообщение, реализуемое в тексте» [8, с. 157]. В художественном тексте как форме коммуникации дифференцируются два аспекта его смыслового развертывания: лингвистический и экстралингвистический. Первый предполагает систему контекстуального выдвижения отобранных автором и особым образом организованных речевых средств, призванных активизировать творческое воображение читателя в нужном для писателя русле. Второй (экстралингвистический) аспект смыслового развертывания произведения характеризуется прагматической направленностью, определяющей особый ассоциативно-образный характер отражения эстетической информации в сознании читателя [см.: 9, с. 368].

Тексту ПП присуща внутренняя организация, превращающая его на синтагматическом уровне в структурное целое. Поэтому для того, чтобы некоторую совокупность фраз естественного языка признать текстом ПП, следует убедиться, что они образуют некую структуру вторичного типа на уровне художественной организации. Условием текстопорождения в ПП является наличие такой действительности, которая давала возможность проявлению субъективного переживания.

Порождение речи, наряду с пониманием речи, является главным процессом речевой деятельности, которая реализует коммуникативную компетенцию автора лирикопрозаического текста. Для акта лирикопрозаической коммуникации важно, чтобы эготоп автора и читателя имел как можно больше пересекающихся ассоциаций и чувственно-духовных кодов переживаний, идеальным является полное совпадение, наложение эготопа адресата на эготоп адресанта.

Итак, для текстопорождения ПП как продукта художественной дискурсии характерными являются следующие факторы:

– в основе текстопорождения ПП находится апостериорно-чувственная и ассоциативная память, которая, актуализируясь в переживаниях и воспоминаниях эготопа, воплощается в текст;

– синтез смысловой и эмотивной информации при текстопорождении раскрывается через призму когнитивно-коннотативного авторского видения в дискурсе ПП;

– в центре текстопорождения ПП находится эготоп рассказчика, его лирические переживания и диалектика мысли, именно он становится объектом изображения, рассматривая тот круг текстопорождающих вопросов, которые являются ценностным и значимым материалом для автора лирикопрозаического произведения.

Примечания

[1] Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по Госконтракту П 1306.

[2] *Эготоп* – субъективно-индивидуальное восприятие действительности, соотнесенность объекта художественного описания с «Я-личностью», создание определенных эго-смыслов, эго-воспоминаний, эго-оценок.

Библиографический список

1. *Алефиренко Н.Ф.* Дискурсивное сознание: Живодействующая связь языка, познания и культуры // Живодействующая связь языка и культуры: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной юбилею доктора филологических наук профессора В.Н. Телия: В 2 т. – М.; Тула: Изд-во Тульск. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 5–10.

2. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М., 1984. – 200 с.

3. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

4. *Жинкин Н.Н.* Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 160 с.

5. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М., 2003. – 261 с.

6. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М., 1997. – 245 с.

7. *Леонтьев А.Н.* Психология образа // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 1979. – №2. – С. 3–13.

8. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1998. – 265 с.

9. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 392–395.

УДК 81.42

Бакулин Михаил Алексеевич

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

mabakulin81@gmail.com

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ СОВРЕМЕННОГО ДЕТЕКТИВНОГО РОМАНА

В статье раскрываются особенности функционирования гендерных стереотипов в современных «мужских» и «женских» детективных романах, отражение гендерной информации в различных социальных моделях поведения, которые становятся основой создания образов персонажей, выражением их гендерной идентичности.

Ключевые слова: *лингвокультурология, детективный роман, концептосфера, гендерный стереотип, социальные роли.*

Лингвокультурологическое описание особенностей национальной когнитивной картины мира на материале современной массовой литературы является перспективным, так как, в отличие от элитарной и авангардной литературы, массовая литература «ориентирована на потребности и вкусы широкой публики, ее характерными чертами являются общедоступность, легкость восприятия, развлекательность, упрощенность», отсюда следует ряд нетривиальных функций массовой литературы: «от воспроизводства и трансляции базовых ценностей культуры, консолидирующих общество, их адаптации к массовому восприятию до тематизации проблем и целей общественного развития» [2, с. 87]. В когнитивной картине мира, которая понимается как «совокупность концептосферы и стереотипов сознания, которые задаются культурой» [6, с. 52], одно из главных мест занимают гендерные стереотипы – сформировавшиеся в культуре обобщенные представления (убеждения) о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины. Поэтому изучение репрезентации гендерных стереотипов в современных детективных романах позволит выявить: 1) особенности содержания гендерных стереотипов в их соотнесенности с национально-культурными представлениями о мужчине и женщине; 2) средства репрезентации стереотипов, которые могут оказывать воздействие на адресата, его представления и социализацию в целом.

Объектом нашего анализа являются современные российские детективные романы, так как они составляют большую долю на книжном рынке; например, согласно статистическому отчёту Книжной палаты Российской Федерации, наиболее издаваемыми авторами по художественной литературе за 2010 год являются Д. Донцова, Ю. Шилова, Т. Устинова, Т. Полякова, А. Маринина, А. и С. Литвиновы, В. Колычев, то есть авторы, создающие произведения в жанре детектива. Необходимо отметить, что детективными романами мы называем достаточно широкий круг произведений. Так, произведения В. Колычева и Ф. Незнанского близки к жанру боевика, в романах Т. Устиновой важным становится любовный сюжет. Главными признаками в выделении жанра детектива являются: 1) сюжет строится вокруг раскрытия преступления; 2) в произведении изображается современная для читателя действительность. Кроме того, большую роль играет гендерная стратификация ряда издательских проектов: 1) существуют книжные серии, ориентированные либо на мужскую, либо на женскую чи-

© Бакулин М.А., 2011

Таблица 1

Гендерные стереотипы в детективных романах

Суждение	Когнитивные признаки концептов, соотносимые с гендерными стереотипами
Мужские гендерные стереотипы (стереотипы маскулинности)	
1) Успешный мужчина должен обладать привлекательной внешностью.	Концепт «мужчина»: *внешне привлекательный; с хорошей фигурой; хорошо одет; опрятный;* ср.: концепт «мужик»: *грязный; неопрятный; внешне непривлекательный.*
2) Мужчина должен быть мужественным.	*Мужественный; честный; целеустремлённый; сильный; содержит семью; заботится о женщине; ухаживает за женщиной; защищает; герой;* «мужик»: *богатырь.*
3) Мужчина обладает превосходством над женщиной (доминирует).	*Изменяет женщине; грубый; наглый; властный.*
4) Мужчину отличает особая сфера интересов и профессиональной деятельности.	*Служит в армии; занимается спортом; смотрит телевизор; пьёт; курит; зарабатывает деньги; ездит на автомобиле;* «мужик»: *моряк; работает в милиции.*
5) Мужчина – это животное.	*Плохо пахнет;* «мужик»: *храпит; чавкает.*
6) Мужчина должен реализовать свою сексуальную активность.	*Изменяет женщине.*
Женские гендерные стереотипы (стереотипы фемининности)	
1) Женщина слабая, зависимая от мужчины, но должна эту зависимость преодолевать, должна быть сильной.	*Слабый пол; особь женского пола; баба как баба; это человек, но чуть-чуть похуже мужчины.*
2) Женщина должна утвердить себя путем завоевания мужчины с помощью хитрости, соблазнения и т. п.	*Лиса; змея; обманщица; любовница; сожительница; коварная; порочная; «воздействует на мужчину»; является предметом сексуального интереса для мужчин; «соперничает за мужчин с другими женщинами»; порочная.*
3) Женщину отличает глупость, для мышления характерна «женская логика».	*Странная; глупая; нелогичная.*
4) Все женщины болтливы.	*Говорит лишнее.*
5) Для женщины важна внешняя привлекательность.	*Производит очень хорошее внешнее впечатление; шикарная; восхитительная; очаровательная; божественная; великолепная; королева; стройная; фигура; статная; ладная; грудастая; худая; ноги от ушей; наряды.*
6) Женщину отличает особая сфера интересов и профессиональной деятельности, тем не менее профессиональные интересы женщины распространяются на традиционно бывшие только мужскими.	*Готовит; стирает; убирает дом; шьёт; вязание; деловая; врач; учитель; учительница; делает карьеру.*
7) Для женщины характерна повышенная эмоциональность и чувствительность.	*Страстная; злая; душевная; понимает людей; склочная.*

тательскую аудиторию; 2) в такой адресации важным становится гендер автора. Поэтому рассматриваемые нами детективные романы были поделены на две группы: «мужские» и «женские». Материалом для анализа послужили детективные романы Д. Донцовой, Ю. Шиловой, Т. Устиновой, В. Колычева, Ф. Незнанского, С. Алтынова.

Модель макроструктуры концепта, описанная Г.В.Токаревым, включает такие ментальные единицы, как представления, научные понятия, обыденные понятия, культурные установки и стереотипы [8]. Поэтому место и роль гендерных стереотипов в концептосфере детективных романов могут быть определены с опорой на существую-

щие методы и приёмы семантико-когнитивного описания концептов и изучения семантического пространства художественного текста. Необходимо отметить, что для детектива как жанра большое значение имеют концепты «преступление», «преступник», «сыщик», «действия», связанные с ситуацией раскрытия преступления; ядром этой концептосферы является концепт «преступление» [7]. Вместе с тем наши наблюдения показали, что художественный мир современных российских детективных романов в большей или меньшей степени создаётся посредством обращения к гендерным стереотипам. Определяя специфику функционирования гендерных стереотипов в детективном романе, мы опираемся на показания языкового сознания носителей языка, которые отражены в исследованиях концептов «мужчина» и «женщина» в русском языковом сознании [1; 4].

Комплексная методика исследования, включающая семантический, интроспективный, концептуальный анализ, позволила реконструировать гендерные стереотипы, представленные в «мужском» и «женском» детективных романах. Так как гендерный стереотип в языке – это «суждение, в заостренно упрощающей и обобщающей форме, с эмоциональной окраской приписывающее некоторые свойства <…> или, наоборот, отказывающее <…> в этих свойствах» мужчинам и женщинам» [5], представления об этих стереотипах мы сформулировали как высказывания. В таком высказывании предикат является характеризующим, а позицию субъекта занимает номинативная единица «мужчина» или «женщина»; при этом в ряде случаев в высказывании возникает модальное значение долженствования, которое связано с реализацией социальной функции стереотипа. Предикаты в выделенных гендерных стереотипах мы соотнесли с когнитивными признаками, составляющими ядерную зону и периферию концептов «мужчина» / «мужик» и «женщина» (табл. 1).

Таким образом, гендерные стереотипы, реконструируемые в современных детективных романах, соответствуют описываемым классификациям в социологических и психологических исследованиях гендера [3]. Кроме того, соответствие когнитивных признаков концептов «мужчина» / «мужик» и «женщина» характеризующим предикатам высказываний о мужчине и женщине указывает на то, что художественная картина мира детективных романов соотносится с национальной в той части, которая касается отражения гендерных стереотипов, что позволяет говорить об ориентации авторов детективов на массовую аудиторию и о высокой значимости гендерных стереотипов в концептосфере детективных романов.

Основная часть гендерных стереотипов в детективных романах становится средством создания образов героев. Гендерные стереотипы определяют социальную роль героя, особенности его мировоззрения. В образах главных героев наблюдается сочетание различных социальных практик и в целом утверждается либеральная (эгалитарная) гендерная идеология; второстепенные герои, как правило, статичны и представляют собой социальные типы. Опираясь на семантический анализ лексических репрезентантов гендерных стереотипов, мы выделили следующие социальные роли в «мужских» и «женских» детективных романах, некоторые социальные роли образуют оппозиции, в которых крайние позиции получают либо положительную, либо отрицательную оценку: *красотка – настоящая красавица, успешный мужчина / мужик – неуспешный мужчина, самостоятельная женщина – тётка*; *проститутка, блондинка, брюнетка, прагматичная девушка, красавчик / мачо*. Эмоциональная оценка определенной модели поведения – положительная или отрицательная – в основном детерминирована ценностями и идеалами массовой культуры: успеха и молодости. Поэтому, например, образ немолодой женщины, которая не смогла добиться успеха в жизни, получает отрицательную оценку, что закрепляется за словом *тетка*. Эти социальные роли воплощают представление об определенной модели поведения, социальном типе; в смысловом наполнении этих ролей участвует несколько гендерных стереотипов. Рассмотрим особенности создания некоторых социальных ролей в детективных романах.

Гендерный стереотип о женской красоте поразному реализуется в «женских» детективных романах в образе красивой героини-женщины. Образ красотки получает, как правило, отрицательную оценку, так как подчёркивается неестественный характер физической красоты: «*Ребята», в непосредственной близости от которых разыгрывалась милая семейная сцена, деликатно смотрели в другую сторону, а лежащая на полотенце* ***девица, такая же рельефная и фигуристая,*** *наоборот, смотрела пристально и ус-*

мехалась ***со злорадным превосходством*** (Т. Устинова, Хроника гнусных времен). Положительную оценку в «женском» детективе получает образ настоящей красавицы, в котором подчёркивается естественность красоты: *Ей-богу, жалко, что Нора временно прекратила работу, потому что стоящая передо мной женщина –* ***настоящая красавица****, такие редко встречаются на улице, как правило, подобные девушки либо дефилируют по подиуму, либо снимаются в кино, либо сидят дома, радуя богатого мужа* (Д. Донцова, Рыбка по имени Зайка).

В «мужском» детективном романе в образе героини-красотки делается акцент на физическом облике и её сексуальной привлекательности: *Дверь открыла женщина лет тридцати пяти. <…> Растрепанные волосы, небрежно запахнутый дешевый халат.* ***Фигурка у нее высший класс. Тонкая талия, плоский животик, худые стройные ноги.*** *Правда, все это скрывал* ***приличный слой жира****…* (В. Колычев, Палач Мафии: на кону жизнь).

Гендерные стереотипы о мужской привлекательной внешности и мужественности нередко начинают противостоять друг другу, утверждая ценность для мужчины либо первого, либо второго качества. В «женском» детективном романе посредством обращения к гендерному стереотипу о мужской внешней привлекательности создаётся, как правило, образ типичного красавчика, в котором подчёркиваются детали внешней красоты: *Я один раз с таким* ***симпатичным мужчиной*** *познакомилась. Прямо* ***красавец из сказки****. Высокий, спортивный, интересный...* (Ю. Шилова, Охота на мужа, или Поиск одинокого сердца). Вместе с тем внешняя красота мужчины нередко получает ироничную оценку как в «женском», так и в «мужском» детективном романе: *Тридцатипятилетнему Корешкову не привыкать к женскому вниманию. Он парень из себя видный – высокий, статный, брюнет с голубыми глазами. А* ***ресницы****, сколько себя помнит,* ***были предметом зависти женщин.*** *Не одна из них говорила: «Вот бы мне иметь такие длинные и густые ресницы. Можно было бы забыть про всякую тушь»* (Ф. Незнанский, Борт С747 приходит по расписанию). Внешняя красота мужчины может служить сигналом наличия у него каких-то отрицательных черт характера: *Таких мальчиков, как этот Кирилл, я терпеть не могу. Трудно объяснить, но* ***есть в них что-то немужское. Очень сильно немужское, несмотря на накаченные габариты*** (С. Алтынов, Болевой прием).

Образ успешного мужчины, в котором реализуется гендерный стереотип о мужественности, в номинативном плане реализуется в «женском» детективном романе посредством лексемы *мужик,* в «мужском» – лексем *крутой мужик / парень.* При этом в «женском» детективе в образе такого героя значимость получают все выделенные выше когнитивные признаки этого стереотипа, а в «мужском» детективе на первый план выходят когнитивные признаки: «сильный», «богатырь», «герой». Например: ***Обеспеченные, реализованные, самодостаточные мужики*** *были давно расхватаны другими* (Д. Донцова, Бенефис мартовской кошки); *Витя с важным видом лег на шконку. <…> Ирка, сучка, даже не соизволила поехать за ним, узнать, где он находится… <…> Он по-настоящему* ***крутой мужик****. Вона, даже тюремная камера перед ним на цырлы вот-вот встанет.* ***Все признаки его верховенства****…* (В. Колычев, Палач Мафии: на кону жизнь).

Образ несостоятельного мужчины создаётся только в «женском» детективном романе (в «мужском» представлены единичные случаи). Видимо, это говорит о том, что для женщины важно наличие рядом мужчины-защитника, поэтому данный образ получает отрицательную оценку посредством обращения к разнообразным языковым средствам: *Натальиного Витьку она терпеть не могла, чего никогда не скрывала. Бабушка Марфа Васильевна даже определение вывела для такой породы мужчин. Порода называлась* ***«никчемушник»*** *– потому что ни к чему не нужен. Бабушка их терпеть не могла и всегда говорила, что эта порода получила особенное распространение в последнее время, как декоративные собачки* (Т. Устинова, Закон обратного волшебства).

Гендерный стереотип о том, что женщина должна преодолевать свою зависимость от мужчины, реализуется в образах успешных, самостоятельных женщин. Положительная оценка таких героинь усиливается путём противопоставления их неуспешным женщинам, или *тёткам,* например: *Варвара вынула из сумочки изящную пудреницу и ловкими движениями провела пуховкой по лицу. Внимательно вгляделась в зеркало: на нее смотрела* ***элегантная, холеная дама со стильной стрижкой «под Хакамаду», подтя-***

нутой фигурой и умным, проницательным взглядом. *Конечно, на роковую женщину-вамп, покорительницу мужских сердец, тем более на смазливую блондиночку с пышными формами, она похожа не была, но облик* ***уверенной, решительной современной женщины*** *ее вполне устраивал. Что ж, не позволим себе* ***обабиться*** (Ф. Незнанский, Профессионалы). Однако в детективных романах обеих гендерных разновидностей самостоятельность и успешность женщины посредством сравнения её с мужчиной получает, как правило, отрицательную оценку: – *Я ж тебе говорила, лучше с этой бабой не связываться… – Ты это* ***чудище*** *называешь бабой?! Да у нее* ***хватка круче, чем у любого мужика****…* (Ю. Шилова, Любовница на двоих, или История одного счастья); – *Прямо* ***не баба, а олигарх*** *высшей категории. – Черевченко загасил сигарету* (Ф. Незнанский, Борт С747 приходит по расписанию). Иногда автор-мужчина идёт на компромисс: *Татьяна ушла с подиума в легкомысленном платье, а в зал вышла в стильном деловом костюмчике. Она уже не модель, она* ***бизнесвумен. Гордая и независимая****… Хотя нет,* ***зависимая. Но только от Кирилла*** (В. Колычев, Палач Мафии: на кону жизнь).

Образ *тётки* реализуется в номинативном плане в лексемах *тётка, баба, бабёнка, бабища, квашня*. В её облике подчёркиваются внешняя непривлекательность, избыточный вес, её социальный статус низкий, она не смогла преодолеть установки советской идеологии, например: *Высунулась* ***неопрятная тетка*** *в красном* ***засаленном*** *байковом* ***халате****. Мой нос тут же уловил запах куриного супа и жареных котлет.* ***Тетка*** *явно никогда не слышала о правильном питании и ничтоже сумняшеся готовила на обед жирный бульон и холестериновое второе* (Д. Донцова, Бенефис мартовской кошки); *Может быть, было бы легче сейчас по-бабьи все выболтать школьной приятельнице? Но тогда она сразу* ***превратится в обыкновенную советскую тетку, у которой все хреново*** (Ф. Незнанский, Профессионалы).

В данной статье раскрывается один из аспектов функционирования гендерных стереотипов в концептосфере современных детективных романов: их роль в создании образов героев. Оценка героя с точки зрения разных субъектов в детективных романах может быть детерминирована гендерными стереотипами и отношением к ним высказывающимися субъектами. Анализ контекстов, в которых гендерные стереотипы получают языковое / речевой выражение, показал, что посредством обращения авторов детективных романов к гендерным стереотипам создаётся упрощённый и вместе с тем узнаваемый образ современной социальной действительности.

Библиографический список

1. *Адонина Л.В.* Концепт «женщина» в русском языковом сознании: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Воронеж, 2007. – 22 с.

2. *Биричевская О.Ю.* Массовая культура России и Японии: сравнительный ценностно-смысловой анализ // Вестник ТГПУ. – 2006. – Вып. 7 (58) (серия Гуманитарные науки). – С. 87–91.

3. *Вещев Н.С.* Гендерные стереотипы и гендерные представления // Теория и практика гендерных исследований в мировой науке: материалы международной научно-практической конференции. – Пенза – Ереван – Прага: ООО Научно-издательский центр «Социосфера», 2010. – С. 151–155.

4. *Дуссалиева Э.А.* Национальная специфика языковой объективации концепта «мужчина» (на материале русского, татарского и английского языков): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Воронеж, 2009. – 23 с.

5. *Кирилина А.В.* Гендерные стереотипы в языке [Электронный ресурс] / Электронная версия печатной публикации: Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М., 2002. – Режим доступа: http://www.owl.ru/gender/index.htm (дата обращения 10.01.2011).

6. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

7. *Теплых Р.Р.* Концептосферы английских и русских текстов детективов и их языковое представление: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 24 с.

8. *Токарев Г.В.* Лингвокультурологическая интерпретация концепта // Когниция, коммуникация, дискурс: международный электронный сборник научных трудов. – 2010. – № 2. – С. 51–61.

УДК 800.866:62:001.814:37

Гончаренко Илья Георгиевич
Российский государственный профессионально-педагогический университет (г. Екатеринбург)
insomniai@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ОШИБКАХ, ДОПУСКАЕМЫХ ПРИ РЕФЕРИРОВАНИИ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ, И СПОСОБАХ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Цель статьи состоит в описании и классификации ошибок, допускаемых при реферировании научных текстов. Новизна статьи заключается в подходе классификации ошибок и привлекаемом для анализа материале. Ошибки разделены на три группы в соответствии с представлением о структуре языковой личности: собственно речевые ошибки, ошибки когнитивного характера и коммуникативно-прагматические ошибки.

Ключевые слова: *реферирование, научный стиль речи, речевые ошибки, коммуникативно-прагматические ошибки, языковая личность.*

Важнейшей задачей изучения речеведческих дисциплин студентами нефилологических специальностей в вузе является формирование коммуникативных компетенций, необходимых для создания научных текстов. К числу таких компетенций можно отнести готовность к созданию собственного научного произведения, отражающего результаты самостоятельно проведенного научного исследования, способность к чтению научной литературы по специальности, умение анализировать научную информацию, представленную в разных источниках. Задача формирования у студентов способности к анализу научной информации приобретает особую актуальность в условиях современной информационной революции.

Необходимость формирования у студентов способности к эффективной научной коммуникации рождает появление в вузах наряду с дисциплиной «Русский язык и культура речи» других специальных дисциплин, ориентированных на развитие навыков коммуникации в научной сфере общения (за последние годы по таким профессионально ориентированным речеведческим дисциплинам издано немало учебников и пособий [см., например: 6; 10; 11]).

В Российском государственном профессионально-педагогическом университете ведется дисциплина «Стилистика научной речи». Среди тем, которые изучаются в рамках этой дисциплины, особое место занимают темы, посвященные вторичным научным текстам – аннотации, реферату, реферативно-аналитическому обзору.

В ходе продолжительной работы автора настоящей статьи со студентами технических специальностей в процессе преподавания дисциплины «Стилистика научной речи» удалось выявить ряд сложностей, возникающих при написании вторичных научных текстов. Эти сложности приводят к наиболее типичным ошибкам, которые студенты допускают при аннотировании и реферировании.

К первой группе ошибок можно отнести ошибки, связанные с нарушением норм литературного языка. Они могут проявляться в сфере лексики, морфологии, синтаксиса, выражаться в нарушении правил орфографии и пунктуации.

Ошибки такого типа подробно описаны в учебной и научной литературе (см., например: [3; 12; 7]), разработаны методики, направленные на их предупреждение (см., например: [5]).

Вторая группа ошибок связана с неправильной передачей смысла реферируемого или аннотируемого текста.

На этапе подготовки к реферированию при составлении плана студенты зачастую не могут отличить важную информацию (ту, с целью сообщения которой и был написан текст) от информации нерелевантной.

Так, студентам предлагалось написать реферат статьи «Виртуальный шатун» [9]. Статья могла быть разделена на две части: историческую, в которой рассматривалась история развития двигателей внутреннего сгорания, и теоретическую, в которой кривошипно-шатунный механизм сопоставлялся с механизмом кривошипно-ползунного типа со сдвоенным крейцкопфом. Основной смысл статьи заключался в том, чтобы представить механизм кривошипно-ползунного типа как альтернативу кривошипно-шатунному механизму, позволяющую существенно снизить потери на трение и, следовательно, увеличить КПД двигателя внутреннего сгорания.

Поскольку статья начиналась с довольно большого по объему исторического экскурса, студенты определяли тему текста как «история двигате-

 © Гончаренко И.Г., 2011

лей внутреннего сгорания», без внимания оставляя тот факт, что историческая часть выполняла функцию преамбулы.

Кроме того, когда перед написанием реферата давалось задание составить назывной план текста, нередко студенты пытались подобрать заголовок к каждому абзацу и оформить план текста в виде перечня названий абзацев. Это свидетельствует о том, что студентам, наряду с разграничением важной и неважной информации, трудно установить иерархические отношения между смысловыми частями текста.

Два указанных затруднения неизбежно приводят к тому, что при составлении реферата студенты неадекватно представляют структуру и содержание реферируемого текста и неправильно определяют спорный вопрос – тезис, который доказывается в тексте. К неверной формулировке тезиса приводит не только неправильная интерпретация текста, но и неумение логически и лингвистически правильно сформулировать суждение: зачастую студенты не могут отличить формулировку темы от формулировки тезиса, вместо тезиса стараясь назвать тему.

Очевидно, причинами подобных ошибок является то, что студенты мало читают специальную техническую литературу.

Но, по-видимому, трудности, которые возникают у студентов при работе с научным текстом, обусловлены еще и тем, что преподавание литературы в школе все более и более маргинализуется (а именно работа с художественным текстом на уроках литературы позволяет дать представление о структуре и композиции текста, об основной мысли; фактически на уроках литературы формируются интерпретационные умения – универсальные умения, так как способность к интерпретации необходима для чтения научных текстов и публицистических текстов), задания же блоков «В» и «С» ЕГЭ по русскому языку, как правило, содержат тексты, не требующие серьезных усилий при их интерпретации.

Понятно, что для предотвращения ошибок, связанных с неправильным представлением информации о реферируемом или аннотируемом тексте, необходимо обучить студентов работе с текстом – определению основной мысли, выделению смысловых частей и т.п., при этом весьма полезными могут оказаться приемы, известные из методики преподавания литературы. В принципе, научный текст позволяет пользоваться тем же самым инструментарием, которым пользуются при анализе художественного текста.

С этой целью для работы на практических занятиях можно подбирать тексты, которые имеют четкую композиционную структуру, подобную строфической структуре стиха. Использование таких текстов облегчает работу при составлении плана текста. Возможно использование текстов, имеющих какую-то «интригу». Так, в уже упоминавшемся тексте «Виртуальный шатун» интригующим является само заглавие, и для верной его интерпретации требуется не только внимательно прочитать текст, но еще и разобраться в схеме, на которой изображено устройство механизма кривошипно-ползунного типа со сдвоенным крейцкопфом.

Разумеется, в качестве эффективного средства, активизирующего аналитическую деятельность студентов, можно использовать вопросы разных типов. Вопросы могут касаться значения тех или иных терминов, которые употребляются в тексте, так как незнание их значения может приводить к непониманию (например: *Что представляет собой крейцкопф?*). Отвечая на подобные вопросы, студенты закрепляют умение формулировать научные дефиниции.

Вопросы могут иметь фактический характер, они могут быть ориентированы на определение того, насколько внимательно был прочитан текст (например: *Почему при полной массе, превышающей 1 400 килограммов, утяжеление аккумуляторных батарей не приводит к увеличению хода автомобиля? Какие типы разрушений были обнаружены в зоне сварного соединения?*).

В совокупности вопросы могут указывать на последовательность изложения мыслей (например: *О чем свидетельствуют разрушения в зоне сварного соединения, возникающие при низких значениях ударной вязкости? На что указывает широкая бейнитная область во всем диапазоне скоростей охлаждения на диаграмме анизотермичесокого превращения? Каковы причины деградации сварного соединения в условиях подводной сварки?*).

Можно использовать вопросы, связанные с заглавием (например: *Почему статья называется «Виртуальный шатун?»*), предлагать придумать варианты других заглавий.

Вопросы могут выходить за пределы текста, побуждать студентов критически относиться к информации и высказывать свое мнение по поводу обсуждаемой в тексте проблемы.

После того как проведена подготовительная работа, нацеленная на уяснение студентами смысла и структуры текста, написание реферата и тем более аннотации оказывается более легкой задачей.

Помимо грамматических ошибок и ошибок, связанных с неадекватным представлением структуры текста, существуют ошибки, которые можно назвать коммуникативно-прагматическими. Они заключаются в нарушении коммуникативно-прагматических норм, то есть прагматических условий эффективности коммуникативного акта [1, с. 399].

Проиллюстрируем то, что мы называем коммуникативно-прагматическими ошибками, следующими примерами:

Кандидат технических наук И.И. Вольнов в свой статье рассматривает, главным образом, программные комплексы, наиболее распространенные и прошедшие апробацию на промышленных предприятиях и в образовательных учреждениях Российской Федерации.

Кандидаты технических наук А.Ю. Коротченко и О.Я. Куцый в данной статье знакомят нас с некоторыми результатами, полученными в области проектирования пресс-форм литья под давлением.

В обоих примерах референты указали ученую степень авторов реферируемых текстов, однако эта информация в самом тексте реферата, как правило, не сообщается. В указании ученой степени, конечно, нет ничего предосудительного, но всякий человек, знакомый с реферативными изданиями и правилами реферирования, знает, что указывать ученую степень не принято. Таким образом, к коммуникативно-прагматическим ошибкам можно отнести такие, которые заключаются в употреблении языковых выражений или приемов, которые в силу негласных конвенций не принято использовать в научных текстах.

Коммуникативно-прагматические ошибки могут проявляться в общей оценке источника или характеристике адресата текста:

Заслуга автора состоит в том, что он полностью раскрыл тему и предложил мероприятия для развития производства.

Статья адресована тем, кто заинтересован сваркой.

Данная статья предназначена для людей инженерной наклонности.

Более серьезный характер имеют коммуникативно-прагматические ошибки, заключающиеся в отсутствии разграничений между своей и чужой речью. При реферировании научного текста студенты не оформляют цитаты так, как их принято оформлять, и реферат превращается в выписки.

Выписки, как правило, не содержат такой важный для реферата элемент, как метатекст [2], который может выражаться в формулировках: «по мнению автора статьи…», «в статье доказывается…» и подобных. В результате получается, что автор реферата не столько сообщают информацию об источнике, сколько пишет как бы «от себя» о том, о чем говорится в реферируемом тексте.

Эффективное средство, позволяющее предупредить данные ошибки, состоит в том, чтобы после того, как составлен детализированный план текста, предложить студентам написать реферат, не обращаясь к источнику и не цитируя его. Опыт показывает, что студенты легко справляются с этим заданием, если они не имеют возможности обратиться к реферируемому тексту. В этом случае у них и возникает необходимость в использовании метатекста, который они без особых затруднений включают в реферат.

Близкой к ошибкам охарактеризованного выше типа является ошибка, заключающаяся в отсутствии указаний на источник – место и время публикации реферируемого текста.

Данный тип коммуникативно-прагматических ошибок свидетельствует о том, что в сознании студентов не сформировано представление о достоверности научной информации.

Три типа рассмотренных выше ошибок могут быть соотнесены с уровнями языковой личности [4]: ошибки, связанные с нарушением норм литературного языка, соотносятся с вербальным уровнем, ошибки в понимании текста – с концептуальным, коммуникативно-прагматические ошибки – с прагматическим. Причины ошибок первого типа являются собственно языковыми, причины ошибок второго типа когнитивными, причины ошибок третьего типа прагматическими (применительно к научному тексту их можно назвать методологическими).

Традиционно в курсах, подобных «Стилистике научной речи», главным образом работа ведется на вербальном уровне: внимание обращено на соблюдение норм литературного языка и функционально-стилевых требований. Когнитивные же и прагматические моменты задейству-

ются лишь при работе с жанрами, при этом обычно сообщаются сведения о цели и композиционной структуре того или иного жанра научной речи, в виде списка даются используемые клише, в результате получается нечто вроде жанровой «модели» – модели реферата, аннотации, рецензии и т.п. [8, с. 78].

На наш взгляд, такая ориентированная на язык методика обучения научной речи имеет некоторые ограничения: она не позволяет предупредить ошибки, связанные с пониманием текста и прагматикой. Приведем еще один пример:

Тема статьи [1] – твердое точение. Статья [1] представляет собой анализ экономической целесообразности замены шлифования твердым точением. Тема статьи [2] – изменение структуры материала в процессе обработки. Статья [2] представляет собой изложение преимуществ и недостатков твердого точения. Тема статьи [3] – оборудование для твердого точения. Статья [3] представляет собой обзор российского оборудования, способного выполнять операции твердого точения.

В статье [1] рассматривается внедрение современных методов обработки с целью удешевления операций точения. В статье [2] речь идет о существовании ряда недостатков, которыми обладает твердое точение наряду с преимуществами. В статье [3] речь идет о высоких требованиях, предъявляемых к станку, на котором ведется обработка твердых материалов.

Приведенный фрагмент взят из реферативного обзора, подготовленного студентом. Очевидно, что при составлении текста автор руководствовался жанровыми установками и активно пользовался клише, однако это привело к тому, что текст получился искусственным и изобилующим недопустимыми в научном тексте стилистическими приемами (неоднократно используемый синтаксический параллелизм). В пределе методика, ориентированная исключительно на работу на вербальном уровне, должна приводить именно к таким результатам. Для того чтобы быть максимально эффективным, преподавание профессионально ориентированных речеведческих дисциплин типа «Стилистики научной речи» должно находиться в тесной связи с дисциплинами профессионального цикла и опираться на представления о методологии научного исследования.

Библиографический список

1. *Баринова А.В.* Коммуникативно-прагматические ошибки // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – С. 399–400.

2. *Вежбицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. – М.: Прогресс, 1978. – С. 402–424.

3. *Евтюгина А.А.* Жанрово-стилистические подход к оценке качества дипломных работ студентов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2005. – №15. – С. 66–70.

4. *Караулов Ю.Н.* Языковая личность // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – С. 671–672.

5. *Константинова Л.А.* Лингводидактическая модель обучения студентов-нефилологов письменным формам научной коммуникации: Монография. – Тула: Известия Тул. гос. ун-та, 2003. – 173 с.

6. *Котюрова М.П.* Стилистика научной речи. – М.: Академия, 2010. – 240 с.

7. *Котюрова М.П., Баженова Е.А.* Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 280 с.

8. Культура устной и письменной речи делового человека: Справ. Практикум / Н.С. Водина, А.Ю. Иванова и др., 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2000. – 315 с.

9. *Некрасов В.Г.* Виртуальный шатун // Автомобильная промышленность. – 2006. – № 1. – С. 25–26.

10. Основы научной речи: учеб. пособие для студ. нефилол. высш. учеб. заведений / Н.А. Буре, М.В. Быстрых, С.А. Вишнякова и др.; под. ред. В.В. Химика, Л.Б. Волковой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2003. – 272 с.

11. Пособие по научному стилю речи для вузов негуманитарного профиля / И.Г. Проскурякова и др. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2002. – 258 с.

12. *Сенкевич М.П.* Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений: учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика». 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1984. – 319 с.

УДК 81`38 : 82 – 053.2 / (81` 38)

Дорогова Тамара Александровна
Московский педагогический государственный университет
tomad86@mail.ru

ФУНКЦИЯ ГИПЕРБОЛЫ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ

Данная статья посвящена проблеме изучения гиперболы в немецкоязычной рекламе. Целью предлагаемой статьи является обозначить сущность гиперболы как коммуникативно-семантического инструмента, особенности рекламного текста и выразить функцию гиперболы в немецкоязычной рекламе.

Ключевые слова: *гипербола, немецкий язык, реклама, литота, мейозис.*

Необычайная популярность гиперболических образов, наличие большого количества способов отражения мира посредством гиперболы: гигантские пирамиды Хеопса и небоскребы – в архитектуре; карикатура – в художественном воплощении; разнообразные гиперболические выражения словоупотребления – в составе словаря любого языка, характеризуют гиперболу как общий универсальный тип видения мира. Во всех своих формах и проявлениях гипербола возводит обычное в высшую степень, представляет характеризуемое как бы под увеличительным стеклом [6].

В гиперболе происходит столкновение обычного, естественного в отношениях между явлениями и предметами и невозможного, нереального, гротескного. Гипербола обладает двумя основными значениями: традиционным и ситуативно-предметным. В лингвистике их называют соответственно предметно-логическим и контекстуально-эмоциональным. Два этих значения, то есть представления, сливаются, создавая единый образ. Предметно-логические значения слов приобретают таким образом эмоциональное значение [5].

М.П. Брандес определяет гиперболу как «прием выражения преднамеренного увеличения либо усиления свойств предмета или явления, нередко в такой степени, в какой они реально ими не обладают; такое преувеличение повышает экспрессивность высказывания, например, «todmüde», «splitternackt», «eine Ewigkeit warten», «es regnet in Strömen».

Клишированные приемы, преувеличивающие качественный признак, используются в официальных документах с разными оттенками выразительности (подобострастие, уничижительность, учтивость и т.п.): zu tiefst berührt, vollstes Verständnis, möglichst bald, allerbeste Ware и др. Как справедливо замечает М.П. Брандес, в эстетическом контексте шкала использования гипербол для создания общей выразительности имеет диапазон от иронии до патетики [3].

Определенная оценка, которую выражает гипербола, обычно не принимается буквально, так как не является истинной или ложной. И всё же ее нельзя свести ко лжи, поскольку последняя во всех своих проявлениях социально неприемлема. Гипербола же – это, по сути, хотя и необоснованное, но в общем приемлемое обобщение, выраженное в семантически экстремальной форме. Она делает речь более разнообразной, яркой, нескучной, что сближает ее с комическими элементами в языке. Так, гиперболу можно часто встретить в пословицах и идиомах (Die Furcht hat tausend Augen; vom Hundertsten ins Tausendste kommen; век живи, век учись; проглядеть все глаза); они также входят в устойчивые сравнения (wie ein Elefant im Porzellanladen) и метафоры (Bärenhunger haben), вследствие чего могут со временем изнашиваться и восприниматься не столь образно. Ср. русск.: Не видел(а) тебя сто лет! Аналогичное немецкое выражение: Hallo, altes Haus! Hab' dich eine ganze Ewigkeit nicht gesehen! Такие гиперболические выражения со стертым от частого употребления образным значением называют «стертыми», «окаменелыми», «эксгиперболами».

Следует отметить, что большие круглые числа используются часто нематематически для реализации гиперболического значения. Употребляясь гиперболически, они являются, по мнению Е.В. Поликарповой, синонимами слова «много». Характерным для гиперболического словоупотребления является потеря числительными своего первоначального значения. Являясь обозначением точного количества, числительные начинают выражать неопределенно большое количество. Но гиперболический эффект порождается прежде всего, как считает Е.В. Поликарпова, завышенной количественной оценкой характеризуемого события. В случаях невозможности или даже от-

 © Дорогова Т.А., 2011

сутствия необходимости точного подсчета прибегают к гиперболическому образу. Собеседникам представляется удобным выражать желаемое синонимично – гиперболически. Чаще других в роли таких гиперболических числительных оказываются в современном немецком языке числительные: hundert, tausend, hunderttausend, Million, например: das Glas zersprang in tausend Splitter; mit hundert Sachen fahren. Часто гиперболические числительные входят в состав фразеологизированных построений: mit tausend Zungen predigen; tausende Tode sterben.

Теоретические исследования Е.В. Поликарповой доказывают, что не только большие, но малые числа используются для гиперболического представления фактов действительного мира, гиперболического описания жизненных ситуаций. Так, в зависимости от значения сопутствующего существительного, числительные, названия этих чисел, могут передавать значение интенсивности какого-либо действия, например, «молчания»: In sieben Sprachen schweigen; «частотности»: jedes zweite Wort ist bei ihm Lüge; «быстроты»: sie war eins, zwei, drei fertig; «мало»: ich spreche zwei, drei Worte [7].

Несомненно, гипербола – постоянная спутница рекламирования и журналистики, имеющая особое значение для коммерческой товарной рекламы. В рекламных текстах гипербола создается с помощью традиционных суперлативов: blitzneu, brandneu, extrafein – или усилительных приставок: ultra-, super-, extra-, wunder-, alt-, doppel-, traum-, welt- и др.

В языке рекламы, как считает С.В. Ильинский, гиперболизация обеспечивает нужный подтекст. «Das großartige Projekt», «die neueste Ausgestaltung», «die allerbeste Ware» и др. подобные гиперболические штампы указывают на то, что потребителю «есть зачем тратить время, знакомясь с рекламным обращением», создают фон для той конкретной информации, которая и является решительной, определяет решение о покупке [4].

Несомненно, лучшие образцы мировой рекламы не могли бы стать успешными без гиперболы и метафоры. Однако, по мнению специалистов, потребитель, на которого рассчитана подобная реклама, ни в коей мере не вводится в заблуждение. Гипербола в рекламе – это нормально работающий инструмент, и если она воспринимается потребителем как реальность, то это – проблема самого потребителя [12].

В.М. Аврасин относит рекламу к одной из разновидностей опосредованного общения. Отнесение рекламы к разновидностям общения связано со следующим пониманием процесса рекламирования: рекламодатель посылает более или менее определенному кругу людей информацию, реципиенты (или их часть) получают эту информацию и реагируют на нее совершением или несовершением поступка, то есть акта купли-продажи. Исследователь подчеркивает, что этот процесс включает в себя исходную часть и ответную реакцию, даже если последняя выступает как нулевая реакция [2].

Под рекламой понимают разнообразные мероприятия, проводимые с целью создать чему-либо широкую известность, привлечь внимание потребителя. Реклама информирует адресата об особенностях, в первую очередь достоинствах популяризуемых товаров и услуг, дает необходимые рекомендации по их использованию.

Справедливо, на наш взгляд, утверждение М.Г. Сазонова, который видит конечную цель рекламы в том, чтобы оказать конкретное воздействие на поведение человека: побудить его купить определенный товар или воспользоваться определенной услугой, тем самым решив важные коммерческие задачи по обеспечению, сохранению и расширению сбыта, а также по введению новых продуктов в обиход и повышению их известности. Для достижения эффективности воздействия на человека требуется детальное изучение мотивов людей (то есть их социальной мотивации и личных мотивов), которые заставляют их реагировать должным образом на рекламу; и специальных приемов, которые оказывают влияние на мыслительные процессы человека и его чувственный мир [9].

Исследования В.М. Аврасина подтверждают, что «важное место в работе по коммерческой реализации патентно-лицензионных отделов и внешнеторговых организаций в условиях бурного роста научно-технического прогресса и перестройки внешнеэкономической деятельности занимают конъюнктурное исследование и рекламная переработка». Они, в свою очередь, включают изучение рекламных текстов зарубежных фирм и составление рекламы на изделия, предлагаемые для коммерческой реализации.

Важным научным и практическим значением представляется исследование языковых средств для подчеркивания качества и преимуществ про-

дукции. При анализе рекламного текста можно определить факторы конкурентоспособности для дальнейшего сравнения с лучшими отечественными и зарубежными аналогами с целью создания продукции, конкурентоспособной на мировом рынке.

Соглашаясь с утверждением В.М. Аврасина, следует отметить, что главным условием действенности рекламы является умение подчеркнуть, выделить те отличительные свойства рекламируемого объекта, которые свидетельствуют о его способности удовлетворить потребности в качестве и преимуществах продукции.

Расширению и обогащению терминосистемы рекламной лексики способствовало ужесточение требований к качеству продукции. Поэтому на первый план в рекламном тексте при описании и подчеркивании преимуществ продукции стали выступать существительные Hochpräzision и Präzision (высокопрецизионный и прецизионный). Слово Präzision имеет значение «высокоточный, прецизионный». С введением существительного Hochpräzision в рекламном тексте при описании преимуществ продукции рекламные агентства стремятся гиперболизировать, преувеличить качества признака с помощью префикса существительных Hoch-: Ausführung in Hochpräzision, Hochpräzisions – Plan – und Ausdrehkopf (высокопрецизионное исполнение, высокопрецизионная расточно-подрезная головка).

Использование в рекламных текстах существительного Präzision в сочетании с прилагательным hoch в разных степенях сравнения также имеет целью гиперболизацию преимуществ продукции: die Maschinen von höchster Präzision (станки с высочайшей точностью); unveränderlichen referenzflächen von höchster Präzision (неизменяющиеся базовые поверхности высочайшей точности); Spitzentechnologie von höchster Präzision (передовая технология высочайшей точности); hohe Präzision (высокая прецизионность); in höchster Präzisionsausführung (в высочайшем прецизионном исполнении).

Элементы преувеличения и гиперболизации признака в рекламных текстах воспринимаются положительно за счет подтверждения в подавляющем большинстве случаев действительно высоких достоинств рекламируемых изделий. В рекламных текстах многих немецких фирм встречается часто гиперболизация признака: sprichwörtliche Genauigkeit (точность, вошедшая в поговорку); sprichwörtliche Rundlaufgenauigkeit (точность кругового движения, ставшая притчей).

Экономия трудовых ресурсов, сулящая огромные прибыли предпринимателям, привела к подчеркиванию в рекламных текстах следующих преимуществ: mannarme-, unbemannte Fertigung (мало- и безлюдная технология), …ausbaufähig bis zur Robotermaschine (обладающий возможностью переналадки и использования в качестве робота); Mehrmaschinenbedienung (многостаночное обслуживание) [2].

Если под стилем понимают обобщение определенных выразительных средств, то о лексике рекламы можно сказать, что ей присущ вполне определенный стиль. Он позитивен и гиперболичен. Рекламу можно пародировать. Язык рекламы богат существительными и прилагательными (преимущественно номинальный и адвербиальный стиль). Особенно много существительных содержат объявления. Прилагательные в рекламе являются в основном украшающими эпитетами. Язык рекламы старается избегать различного рода диалектных выражений, так как объявления должны быть понятны во всех частях страны.

О том, что язык рекламы имеет дело с преувеличением, свидетельствует то, что реклама насыщена лексикой, высокой в стилистическом отношении. Реклама, сообщающая и уведомляющая сухо, является больше информацией, как, например, сведения в СМИ и по радио о стоимости продуктов.

Реклама игнорирует блеклость содержания, наоборот – она желает придать словам живость и яркость, пытается сделать продукты фантастическими, сказочными, поразительными, великолепными [8].

Гипербола в рекламе – очень действенное коммуникативно-стилистическое средство, именно поэтому она используется с достаточной степенью регулярности. С ее помощью легко можно воздействовать на сознание потребителя, на склонность многих людей к преувеличению. Но не следует переступать за определенные границы, разрушив которые рекламодатель рискует потерять доверие аудитории. У людей, читающих рекламу, не должно пропасть ощущение реальности.

Ряд лингвистов различают два семантических варианта гиперболы: а) гипербола-преувеличение, для которой характерно возрастание признака в направлении к максимуму: groß-riesig; б) гипербола-преуменьшение, или минимизация при-

знака, когда что-либо слишком малое преломляется в гиперболических единицах в чрезмерно малое: klein-winzig [10].

Гипербола – преувеличение каких-либо свойств или качеств описываемого предмета. Здесь возможны утверждения, противоречащие реальности.

Гипербола преувеличивает какие-то свойства объекта, но не делает это с целью ввести в заблуждение того, кому она адресована. Логическую и психологическую противоположность гиперболы называют мейозисом. Его сущность состоит в намеренном преуменьшении свойств объекта речи. Однако психологическая структура мейозиса сложна и утонченна. Говорящий доверяет способности слушателей понять намеренно скромную сдержанность оценок и учесть несоответствие между тем, что говорится о предмете, и что этот предмет представляет собой на самом деле. Часто мейозис путают с гиперболой. Но мейозисом является преуменьшение нормального или большего, чем нормальное. Если же объект действительно невелик, незначителен, неудовлетворителен и его языковая характеристика усиливает и подчеркивает эту незначительность – в подобных случаях перед нами гипербола. Мейозис может быть выражен любыми языковыми средствами. Исключение составляет специфическая разновидность мейозиса – литота (es ist unwahrscheinlich, er redet nicht schlecht, er hat dafür nicht wenig erhalten), имеющая строго определенную логико-грамматическую форму. В основе литоты лежит логическая операция двойного отрицания. В соответствии с логическим толкованием, двойное отрицание равняется утверждению, однако очевидно, что выражения-литоты имеют более слабое значение по сравнению с утверждениями. К литоте относят и случаи, когда отрицание добавляется к слову, имеющему нежелательные, с точки зрения говорящего, признаки, а также при замене какого-либо выражения на противоположное, к которому добавляют отрицание.

Функция литоты в рекламе также заключается в воздействии на эмоции и воображение человека: обычно она используется, чтобы показать потребителю, что товар или услуга избавят его от лишних усилий, помогут сэкономить время и проч. [11].

Справедливо, как отмечает большинство лингвистов, различать понятия гипербола-мейозис и его разновидность литоту, являющиеся фигурами количества, образованными на основе выражения сопоставления двух разнородных предметов или их свойств с общим для них признаком. Общий признак объективно характеризует один из сопоставляемых предметов. Если этот признак приписывается предмету в большей степени, возникает выразительное средство – гипербола, если в значительно меньшей – мейозис.

В коммерческой рекламе гиперболические определения нужны для преувеличения функциональных качеств и эстетических свойств товаров и услуг. Гипербола требуется для провоцирования определенных действий целевой потребительской аудитории, ее «программирования» на покупку [4].

Таким образом, излишняя гиперболизация рекламных посланий, включая уничижительные гиперболы в адрес конкурентов, может встретить неприятие аудитории, вызвать реакцию отторжения. Очень осторожно следует применять гиперболу при рекламировании товаров и услуг производственно-технического назначения, серьезных общественно-политических и финансовых проектов, в рекламе банковских и страховых услуг, ибо в противном случае может быть достигнут эффект, обратный желаемому.

Библиографический список

1. *Алаев С.В.* Языковые средства для подчеркивания качества и преимуществ продукции в рекламном тексте. – Сумы, 1987.

2. *Аврасин В.М.* Торговая реклама как разновидность речевого воздействия: на материале нем.-языч. пресс-рекламы.– Курган: Кург. гос. пед. ин-т., 1988.

3. *Брандес М.П.* Стилистика текста. – М.: Высшая школа, 1990.

4. *Ильинский С.В.* Общественные связи. Реклама. Маркетинг. Нейролингвистическое программирование. – М., 2006.

5. *Поликарпова Е.В.* Гиперболические высказывания в современном немецком языке / Гос. ком. СССР по нар. образованию. Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. – М., 1989.

6. *Поликарпова Е.В.* Гипербола в современном немецком языке. Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1990.

7. *Поликарпова Е.В.* Семантическое переосмысление числительных на примере гиперболического употребления // Rec. philologica. – Архангельск, 2000. – Вып. 2.

8. *Römer Ruth* Die Sprache der Anzeigenwerbung. – Düsseldorf, Schwann. – 1968.

9. *Сазонов М.Г.* Лингвостилистические особенности рекламного текста // Учен. зап. РОСИ / Регион. Открытый социал. ин-т. – Курск, 2002. – Вып. 4.

10. *Тахтарова С.С.* Мейозис в системе оценочных категорий // Актуальные вопросы английской филологии. – Пятигорск, 2001.

11. www.intersolar – direct.ya.ru

12. www.reklamate.ru

УДК 882.09; 808.2

Дубинкина Надежда Витальевна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

rakunova_nadezhd@mail.ru

СЮЖЕТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Данная статья посвящена характеристике фразеологических средств сюжетообразования в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Фразеологизмы в романе употребляются как средство создания сквозных мотивов и ключевых образов, что даёт возможность проследить сюжетную линию героев и выявить особенности сюжетного конфликта.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, фразеологическая конфигурация, сюжетообразующая роль, сквозной образ, смысловая доминанта.*

Исследование сюжетообразующей роли фразеологических единиц (ФЕ) в художественном тексте показало, что данные устойчивые обороты организуют повествование как в пределах целого текста, так и в отдельных эпизодах произведения, являющихся ключевыми фрагментами развития действия, стержневыми составляющими сюжетных линий. По наблюдениям М.А. Фокиной, фразеологические единицы участвуют в создании событийных рядов, обеспечивающих последовательность элементов сюжета: экспозиции, завязки, кульминации, развязки. Доминантные фразеологические конфигурации семантически связаны с предшествующими или последующими текстовыми фрагментами, которые в совокупности способствуют интеграции общего смысла целого текста. «Сюжетообразующая роль проявляется в динамике развёртывания проспективно-ретроспективных взаимодействий лексико-фразеологических компонентов в составе текстовых парадигм, представляющих панораму событий и эксплицирующих смысловую структуру повествования» [3, с. 24].

Охарактеризуем фразеологические средства сюжетообразования на уровне блока высказываний и в пределах целого текста романа «Анна Каренина», проследим особенности создания сюжетных линий и сюжетных конфликтов произведения, основанных на использовании сквозных мотивов и образов.

«Несмотря на то, что вся *внутренняя жизнь* Вронского *была наполнена* его страстью, внешняя жизнь его неизменно и неудержимо *катилась по прежним, привычным рельсам* светских и полковых связей и интересов.<…> В полку не только любили Вронского, но его уважали и гордились им, гордились тем, что этот человек, огромно богатый, с прекрасным образованием и способностями, *с открытою дорогой* ко всякого роду успеху и честолюбия и тщеславия, пренебрегал этим всем и из всех жизненных интересов *ближе всего принимал к сердцу* интересы полка и товарищества».

«После разговора своего с Алексеем Александровичем Вронский вышел на крыльцо лома Карениных и остановился, с трудом вспоминая, где он и куда ему надо идти или ехать. Он чувствовал себя пристыженным, униженным, виноватым и лишённым возможности *смыть своё унижение*. Он чувствовал себя *выбитым из той колеи*, по которой он так гордо и легко шёл *до сих пор*.<…> *Роли* вдруг *изменились*. Вронский чувствовал его высоту и своё унижение, его правоту и свою неправду».

Приведённый блок высказываний позволяет проследить особенности создания сюжетной линии Каренина – Вронский и выделить основные фразеологические средства сюжетообразования. Анну Каренину, тонкую и совестливую натуру, связывает с графом Вронским настоящее, сильное чувство. Толстой представляет обстоятель-

© Дубинкина Н.В., 2011

ства, казалось бы, оправдывающие Анну. Она открыта и честна, не скрывает своих отношений с Вронским и стремится добиться развода у мужа. И, тем не менее, Толстой видимо осуждает Анну. Расплатой за измену мужу оказывается самоубийство героини, при этом ее смерть, по замыслу автора, – проявление божественного суда. Кроме того, согласно Толстому, высшего суда заслуживает не только Анна, но и другие совершившие грех персонажи – прежде всего, Вронский. Доминантами рассматриваемых эпизодов являются процессуальные ФЕ с общими компонентами, последовательно характеризующими динамику изменения поведения Вронского в отношениях с Анной: *катиться по прежним рельсам, ближе всего принимал к сердцу* (*принимать близко к сердцу* ‘воспринимать что-либо с повышенной чувствительностью, придавая слишком большое значение чему-либо’), *смыть своё унижение, роли изменились* (ср. с исходной формой ФЕ «*играть роль*» ‘быть, являться кем-либо, чем-либо, выступать в качестве кого-либо, чего-либо’). Эти обороты создают эмоциональную тональность текста за счёт последовательного нагнетания тревожных чувств персонажа. ФЕ являются характеристикой душевного состояния, самоощущения Вронского, итога пережитых им бурных жизненных событий, результата слепой страсти, которой герои бездумно отдались, погубив себя. Динамика изменения самоощущения Вронского прослеживается в употреблении контекстуальных антонимов – семантически контрастных устойчивых оборотов: в начале романа его жизнь *катилась по прежним рельсам*, а по мере развития отношений с Анной герой стал чувствовать себя *выбитым из той колеи, по которой он так гордо и легко шёл до сих пор.*

Отличительная художественная особенность романа – повторы ситуаций и образов, выполняющие роль тревожных, устрашающих предвестий. Доминантные в данных эпизодах ФЕ *катиться по прежним рельсам* и *выбитый из колеи* соотносятся с образом железной дороги, который, в свою очередь, ассоциируется с холодом и бездушным металлом и репрезентирует мотив смертельной угрозы.

Вина Анны для Толстого – в уклонении от предназначения жены и матери. Связь с Вронским – не только нарушение супружеского долга. Она приводит к разрушению семьи Карениных: их сын Сережа теперь растет без матери, а Анна и ее муж борются друг с другом за сына. Любовь Анны к Вронскому, по мнению Толстого, – это не высокое чувство, в котором над физическим влечением преобладает духовное начало, а слепая и губительная страсть.

«– Но как, Алексей, научи меня, как? – сказала она [Анна Каренина] с грустной насмешкой над *безвыходностью своего положения*. – Разве есть *выход из такого положения*? Разве я не жена своего мужа?».

Анализ представленного фрагмента романа свидетельствует о том, что ФЕ являются важным сюжетообразующим средством, формирующим повествовательную структуру эпизода и его семантику. Смысловым центром становится ФЕ *безвыходность положения* (ср. с исходной формой ФЕ «*знать все ходы и выходы*» ‘знать очень хорошо, досконально, основательно, как действовать, поступать в тех или иных ситуациях, при определённом стечении обстоятельств, в сложном деле и т.п.’), создающая текстовый рефрен, выполняющий ритмообразующую роль. Фразеологический рефрен создаёт однозначную оценку поведения Анны, которая совпадает у автора и его героини. Цепная связь в качестве доминирующего способа синтаксической связи в данном фрагменте романа репрезентирует накал эмоций Анны Карениной. Так передаётся осознание героиней необратимости изображаемых жизненных конфликтов.

Цепная синтаксическая связь представлена в следующем фрагменте рассуждений Анны.

«“Ужасно то, что нельзя *вырвать с корнем прошедшего*. Нельзя вырвать, но можно скрыть память о нём. И я скрою”. И тут она [Анна Каренина] вспомнила о прошедшем с Алексеем Александровичем, о том, как она *изгладила его из своей памяти*».

Доминантами данного эпизода являются процессуальные ФЕ с глагольным компонентом совершенного вида: *вырвать с корнем* (‘совершенно, окончательно, совсем уничтожать, искоренять’) и *изгладила его из своей памяти* (ср. с исходной формой ФЕ «*вычеркнуть из памяти*» ‘забыть, заставить себя забыть кого-либо или что-либо; перестать думать о ком-либо или о чём-либо’). Данные ФЕ организуют повествование в данном контексте, являясь ключевыми образами, основными составляющими сюжетной линии. Анна, будучи глубоко нравственной натурой, мучительно переживает всё случившееся

с ней в связи с изменой мужу. ФЕ репрезентируют эмоциональную тональность текста за счёт нагнетания тревожных чувств персонажа, приближают к логическому завершению, подводят к трагической развязке.

Кульминационным эпизодом повествования является трагическая гибель Анны Карениной. ФЕ здесь передают накал чувств и эмоций, задают тревожную эмоциональную тональность повествованию, ярко выражают суть характера главной героини:

«Невозможно! Мы *жизнью расходимся*, и я делаю его несчастье, он моё, и переделать ни его, ни меня нельзя. Все попытки были сделаны, *винт свинтился*».

«Направляясь между толпой в залу первого класса, она понемногу припоминала все подробности своего положения и те решения, между которыми она колебалась. И опять та надежда, то отчаяние по старым наболевшим местам *стали растравлять раны её измученного, страшно трепетавшего сердца*».

«В то время, как она говорила с артельщиком, кучер Михайла, румяный, весёлый, в синей щегольской поддёвке и цепочке, очевидно гордый тем, что он так хорошо исполнил поручение, подошёл к ней и подал записку. Она распечатала, и *сердце её сжалось* ещё прежде, чем она прочла».

Приведённые фразеологические конфигурации репрезентируют сильное эмоциональное потрясение Анны Карениной. Её психологическое состояние передано фразеологическим рядом, создающим драматизм повествования: *жизнью расходимся* (ср. с исходной формой ФЕ *пути разошлись* ‘прекращена связь, общение между кем-либо из-за несходства взглядов, интересов, образа жизни’), *винт свинтился, растравлять раны* (ср. с исходной формой ФЕ *бередить рану* ‘вызывать тягостные воспоминания, волновать, тревожить’), *её измученного, страшно трепетавшего сердца* (ср. с исходной формой ФЕ *сердце надрывается* ‘кто-либо испытывает душевные страдания, чувство тоски, жалости’), *сердце сжалось*. Внутренняя речь Анны является отражением её восприятия всего случившегося с ней. Героиня осознаёт всю неразрешимую сложность и трагизм своего положения. Фразеологические средства создают эмоциональную тональность текста за счёт последовательного нагнетания тревожных чувств персонажа. Фразеологические конфигурации, участвующие в развёртывании сюжетной схемы текста, отражают специфику нарративной техники писателя, мастерски владеющего языковыми механизмами создания динамики действия.

В романе чётко выделяются две основные сюжетные линии: Анна – Вронский и Кити – Левин. Проанализируем ряд фразеологических конфигураций, образующих обширную текстовую парадигму, репрезентирующую развитие отношений между Кити и Левиным.

«Левин подошёл к своей невесте и взял её за руку. Он теперь *овладел собой* и мог говорить, и ему многое нужно было сказать ей. Но он сказал совсем не то, что нужно было.

– Как я знал, что это так будет! Я никогда не надеялся; но *в душе* я был уверен всегда, – сказал он. – Я верю, что это было предназначено.

– А я? – сказала она. – Даже тогда… – Она остановилась и опять продолжала, решительно глядя на него своими правдивыми глазами, – даже тогда, когда *я оттолкнула от себя своё счастье*. Я любила всегда вас одного, но я была увлечена».

Высказывания Левина характеризуются откровенностью, стремлением передать Кити всю глубину своих переживаний, связанных с чувствами к ней. Душевное состояние героев гармонирует. Кити предельно искренна в своих признаниях Левину. Фразеологические единицы *овладел собой, в душе, оттолкнула своё счастье* передают душевные переживания героев, связанные со стремлением выразить свои чувства.

«Так он [Левин] жил, не зная и не видя возможности знать, что он такое и для чего живёт *на свете*, и, мучаясь этим незнанием *до такой степени*, что боялся самоубийства, и вместе с тем твёрдо *прокладывая свою особенную, определённую дорогу в жизни*».

«Но она [Кити] *видела его не извне, а изнутри*; она видела, что он здесь не настоящий; иначе она не могла определить себе его состояние. Иногда она *в душе упрекала* его за то, что он не умеет жить в городе; иногда же сознавалась, что ему действительно трудно было *устроить* здесь *свою жизнь* так, чтобы быть ею довольным».

Мысли Левина постоянно заняты поиском своего места в жизни, его беспокоит невозможность определить основную цель его жизненного пути. Для Кити характерно понимание натуры Левина. Она принимает позиции мужа, связанные с его жизненными устоями.

На базе приведённых фразеологических конфигураций создаётся фразеосемантическое поле, ядерными компонентами которого являются ФЕ, передающие динамику развёртывающихся событий: *в душе* был уверен ('внутренне, мысленно'); *оттолкнула своё счастье; прокладывая свою дорогу в жизни* ('создавать благоприятные условия для успеха, продвижения кого-либо, достижения чего-либо'), *видела изнутри* (*видеть насквозь* 'хорошо знать кого-либо'), *устроить свою жизнь* (*воплощать в жизнь* 'осуществлять' или *класть жизнь* 'целиком, полностью отдаваться чему-либо'). Перечисленные ФЕ последовательно характеризуют различные этапы жизни молодых героев романа, ищущих смысл своего существования, мечтающих посвятить себя социально значимой деятельности. ФЕ *прокладывая свою дорогу в жизни, устроить свою жизнь* образуют микрополе, содержат общую процессуальную сему 'понять своё предназначение в жизни'. С помощью устойчивых оборотов Толстой выражает мысль о необходимости правильного жизненного самоопределения человека.

Толстой во многом наделил Левина своими собственными переживаниями. В романе этот герой представляет, по замыслу автора, общественный идеал. Левин – носитель высоких христианских нравственных ценностей и человек чрезвычайно совестливый. Любовь и брак Левина с Кити Щербацкой в композиции романа противостоят любви Анны Карениной и Алексея Вронского, которая заканчивается не браком, а трагическим самоубийством Анны. В отличие от Анны и Вронского, Левин и Кити видят в любви, прежде всего, духовное, а не телесное влечение, что, по мысли Толстого, только и может гарантировать прочность брака.

Исследование фразеологических средств сюжетообразования показывает, что устойчивые обороты создают обширные семантические поля, занимающие центральное место в повествовательной структуре художественного текста. Смысловыми доминантами этих полей являются процессуальные ФЕ, особенности семантики которых определяют специфику их употребления. Они передают динамику событий, характеризуют этапы жизни героев, способствуют продвижению действия в пространстве и времени.

Сюжетообразующая роль ФЕ активно проявляется на уровне целого текста. Устойчивые обороты служат выразительным средством создания сквозных мотивов и ключевых образов, позволяющих проследить сюжетную линию героев от начала и до конца или выявить особенности сюжетного конфликта и его последствия на протяжении всего действия.

Анализ ключевых фразеологических конфигураций в повествовательной структуре романа «Анна Каренина» позволяет сделать следующие выводы. Устойчивые обороты обладают полифункциональностью, обеспечивая связность и целостность текста на всех уровнях организации нарратива. С помощью фразеологических средств активно формируется литературная коммуникация в сферах автор – читатель, автор – персонаж, персонаж – персонаж. Связывая разные субъектно-речевые планы (план автора и план персонажа), ФЕ создают повествовательную полифонию. Ключевые фразеологизмы с процессуальной семантикой обладают высоким нарративным потенциалом и участвуют в создании сквозных образов и мотивов. Разнообразные приёмы использования ФЕ в повествовательном дискурсе формируют авторскую тактику, направленную на реализацию общей текстовой стратегии, отражающей творческий замысел произведения.

Библиографический список

1. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: «Русские словари», 1997.

2. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

3. *Фокина М.А.* Фразеология в русской повествовательной прозе XIX–XX вв.: монография. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – 378 с.

Павлова Анна Владимировна
Мурманский государственный гуманитарный университет
andrey0269@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ АРЕАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ СЛОВ С КОРНЕМ *-ГУБ-* В ГОВОРАХ ПОБЕРЕЖЬЯ БЕЛОГО МОРЯ

Статья посвящена исследованию лексики говоров побережья Белого моря и имеет цель показать неоднородность названного говора на лексическом уровне. Выявлен ряд слов с корнем губ, называющих заливы, определены ареалы функционирования этих слов в говорах побережья Белого моря. Представлен и описан лексический материал, не отмеченный в словарях других регионов.

Ключевые слова: *диалектология, говоры побережья Белого моря, номинации залива, ареал распространения слов.*

Поморская группа говоров севернорусского наречия охватывает территорию по берегам Белого моря в Архангельской, Мурманской областях и в Республике Карелия. В настоящей статье ставится цель показать неоднородность названного говора на лексическом уровне, обозначив ареалы слов с корнем *-губ-*, называющих заливы.

В бассейне Белого моря имеется большое количество заливов разного типа, то есть, по определению географических словарей, части океана, моря, озера, водохранилища, вдающейся в сушу и слабо отчлененной от основного водного бассейна. В зависимости от причин возникновения, размеров, конфигурации, степени связи с основным водоемом в географической науке среди заливов различают: бухты, эстуарии, фьорды, лагуны, лиманы и гафы.

Одним из наиболее распространенных слов для обозначения заливов в Беломорье является апеллятив ***губа'***. О его широком распространении свидетельствуют данные словарей литературного языка, которые, включая апеллятив без территориально-ограничительных помет («областное»), в то же время указывают на его локализацию на севере. Как видим, в словарях современного русского литературного языка статус слова остается неопределенным, нет ясного указания, является ли оно диалектным или общенародным, не ограниченным территориально.

Слово *губа'* репрезентируют также энциклопедические и географические словари, в которых сказано, что это название, принятое на севере России, является народным, поморским и используется для номинации больших и малых заливов типа *эстуария*; в географической науке «термин *губа* применяется как к заливам, так и к бухтам, большей частью образуемым речными устьями при впадении рек в море» [2, с. 91], поэтому губа мелководна, вода в ней сильно опреснена и по цвету резко отличается от морской, а дно покрывают речные отложения.

Единого мнения о происхождении слова *губа'* нет. Этимология апеллятива связывается с первоначальным значением «рот, устье» [14, I, с. 469]; или с «губить; сугубый» в первоначальном их значении «складка, загиб» [10, I, с. 132]. П.Я. Черных считает, что у данного диалектного севернорусского слова «происхождение то же, что у слов губа ‘рот’, первоначально – “огиб”, “лука”, “лукоморье”», а позднее лексема была заимствована в украинский и белорусский языки [16, I, с. 225].

Л.Н. Кутина пишет, что «в русской практической географии допетровского времени были в ходу обозначения: губа моря и залив (залива) моря» [6, с. 162]. «Практическая географическая и мореходческая традиция прочно остановилась к этому времени (петровскому. – *А.П.*) на термине “залив”. Слово “губа” продолжает употребляться применительно к северу и заливам северных морей», однако есть сведения об употреблении данного апеллятива применительно к заливу Аравийского моря [6, с. 164].

Слово *губа'* засвидетельствовано в памятниках письменности, новгородских и псковских по происхождению, начиная с XIV в. Достаточно рано отмечается апеллятив *губа'* непосредственно в поморских источниках. Так, в лоции XVIII в. находим: «…земля поиде губой, въпереди за губой покажетце наволок толстой – то Пурнаволок…» (л. 11) [3, с. 286]. Этот же автор приводит фольклорные сведения: «Губы да губочки у нашего Белого припасены, для помора морюшко позаботилось. В губу зайдешь – спокой найдешь» [3, с. 286]. Употребление этого слова в фольклоре поморов косвенно свидетельствует о давнем и широком характере распространения термина в говорах Беломорья.

© Павлова А.В., 2011

Апеллятив *губа*' отмечают почти все поморские источники XVIII–XIX вв.: материалы И. Лепехина, П. Челищева, А. Шренка и др. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля приводится слово «губа» – «морской залив, затон, заводь взморья», а также пословица: «Кольская губа что московская тюрьма, не скоро выйдешь». В архангельских холмогорских говорах слово фиксировалось в значении ‘речной залив’. Подробное энциклопедическое описание слово *губа'* получает в словаре Дурова, фиксирующем лексику Карельского Поморья в начале XX века. Так, автором приводятся следующие энциклопедические сведения: отмечается образование губ в устьях рек, обилие в губах отмелей и островов; имеются также сведения об особом характере воды (пресная), что, в сочетании с наличием неглубокого бассейна, влияет на образование льда; кроме того, «на губе, которая имеется у каждого села в Поморье, промышляется <…> рыба беломорских пород» [5, с. 41].

О распространении апеллятива ***губа' в современных говорах западного и карельского Беломорья в значении*** ‘залив; морской залив’ свидетельствуют данные Картотеки Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей; фиксирует слово и региональный словарь поморских говоров Мурманской области: *губа'* – «морской или озерный залив. С обеих сторон наволок у губы. У нас поло море, губы нету. Пароходы на губе стоят» [7, с. 37]. Повсеместно распространен апеллятив *губа'* ‘морской залив’ в архангельском Беломорье, что подтверждается сведениями Архангельского областного словаря и данными авторского полевого обследования: «Луха губа – глубока губа, на полной воды дрова плавили. В Стрельны есть Говёнка губа».

Таким образом, слово *губа* является повсеместно распространенным в говорах Поморской группы говоров севернорусского наречия.

Гу'бка. В говорах Беломорья наряду с апеллятивом *гу'ба* активно употребляется диминутив *гу'бка*. Слово засвидетельствовано псковскими памятниками письменности с XVI в. Диминутив *гу'бка* отмечен региональными лексикографическими источниками XIX–XX вв. с локализацией на территории современной Мурманской области и Карелии: «Гу'бка – залив. В тихой губке больше рыбки» [9, с. 35]; «Гу'бка – образовавшиеся по низким берегам озер и рек небольшие заливчики со спокойным, почти стоячим и даже обратным течением воды» [5, с. 41]. Бытует эта лексема и в современных говорах западного Поморья, о чем свидетельствуют сведения авторского полевого обследования. Следующие значения слова *гу'бка* приводит Словарь русских народных говоров: 1) «небольшой морской залив» (Беломор. Арх.); 2) «небольшая заводь на низком берегу озера или реки с замедленным, почти стоячим или обратным течением воды» (Арх. Белом.) и оттенок значения «небольшой залив в устье реки» (Помор.) [13, вып. 7, с. 194–195]. В мурманском Поморье отмечено и другое гидрографическое значение слова *гу'бка*: «выступ суши в море» [12, т. 1, с. 410].

Губови'на и губови'нка. В лексике Беломорских говоров для номинации залива издавна функционирует апеллятив ***губови'на***. Следующие сведения о реалии приводятся К.П. Гемп: «Губовина малая обычно мелководна, площадь ее невелика, поэтому она доступна только мелкому промысловому флоту. И губовина малая всегда у помора на примете» [3, с. 286]. Данное слово было отмечено еще в «Опыте…» как архангельское, а его диминутив ***губови'нка*** – как олонецкое [8, с. 43]; *губови'на* и *губови'нка* приводятся и В.И. Далем, включившим в словарь эти слова как архангельские.

По имеющимся сведениям, в XIX в. семантика лексемы была шире; на исследуемой территории отмечалось значение «пруд, в котором мочат лен» (Арх.) наряду со значением «небольшой залив» (Арх. Белом.) [13, вып. 7, с. 196].

В региональных беломорских источниках слово *губови'на* фиксируется с XIX в.; так, это слово приводится как синоним к другому поморскому апеллятиву – ***ла'хта*** «небольшой морской залив» (Арх. губ. Арх. у.) [9, с. 35].

В середине XX столетия слово *губови'на* ‘небольшой морской залив’ было отмечено в Беломорском р-не Архангельской области (в современности – Беломорский район Карелии) [13, вып. 7, с. 196]; в современных говорах Беломорья оно засвидетельствовано на Терском берегу в Мурманской области, по данным полевого обследования. Одним из региональных словарей конца XX в. отмечен диминутив ***губови'нка*** (Мурм. Севмор.) [12, 1, 410]. Апеллятив ***губови'на*** функционирует в сопредельных севернорусских говорах (Волог. Чер.) [там же].

Таким образом, ареал данной лексемы ограничен говорами западного Поморья.

При'губ и пригу'бок. На Терском берегу и в окрестностях г. Кандалакша Мурманской обл. зафиксированы дериваты лексемы *губа' – при'губ* и *пригу'бок* «морская губа, залив» (Мурм. Тер.) [12, 5, с. 154], образованные префиксальным и префиксально-суффиксальным способом от основы слова *губа'*.

Отмечены также диминутивы лексемы пригу'бок – ***пригубочек*** и ***пригу'бочка*** (Мурм. Канд.) [12, 5, с. 154], диминутивы находятся в отношениях морфологической вариантности и различаются родом.

Указанные апеллятивы являются локальными поморскими диалектизмами.

Загу'бина, загу'бинка. В значении 'морской залив' в говорах Беломорья ранее отмечался апеллятив ***загу'бина*** (Арх.) [13, 10, 33]. Оттенок данного значения («маленький залив») фиксировался в псковских говорах [там же].

В значении «тихое, укромное место на заливе» слово вошло в Словарь Академии Российской 1900 г. (Олон. Петрозав.) [13, 10, с. 33].

В современных поморских говорах слово не отмечено, однако в сопредельных говорах Карелии *загу'бина* фиксируется со значением 'озерный залив' (Кондоп., Медв.), как и диминутив *загу'бинка* (Медв.) [12, т. II, с. 111].

Итак, в заключение статьи в качестве выводов отметим следующее. В говорах Беломорья со значением 'морской залив' фиксируются следующие слова: ***губа'***, ***гу'бка; при'губ; пригу'бок, пригубочек*** и ***пригу'бочка; губови'на, губови'нка***, ***загубина***. Повсеместное распространение в Поморье имеет слово губа. Ареал слова *губовина* ограничен западным Поморьем. Слова *пригуб*, *пригубок* отмечены на Терском берегу Мурманской области. Лексема *загубина* в современных говорах Поморья словарями не фиксируется. Таким образом, слова с корнем *-губ-* демонстрируют неоднородность Поморской группы говоров севернорусского наречия на лексическом уровне.

Библиографический список

1. Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. – М., 1980–2001. – Вып. 1–11.

2. *Барков Л.С.* Словарь-справочник по физической географии. – М., 1954.

3. *Гемп К.П.* Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2004. – 637 с.

4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского словаря. Т. I–IV. – М.: Русский язык, 2003.

5. *Дуров И.М.* Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья / под ред. Н. Виноградова. – Соловки, 1929.

6. *Кутина Л.Л.* Формирование языка русской науки. (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в.). – М.; Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1964.

7. *Меркурьев И.С.* Живая речь Кольских поморов. – Мурманск, 1979.

8. Опыт областного великорусского словаря / под ред. А.Х. Востокова. – СПб., 1852.

9. *Подвысоцкий А.О.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1885.

10. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка: В 2 т. – М., 1959.

11. Путешествие академика Ивана Лепехина в 1772 году. – СПб., 1805. – Ч. IV.

12. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / под ред. А.С. Герда. – СПб., 1994–2005. – Т. 1–6.

13. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – М., Л., СПб., 1965–2003. – Вып. 1–37.

14. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – М., 1986–1987. – Т. 1–4.

15. *Челищев П.И.* Путешествие по северу России в 1791 г. – СПб., 1886.

16. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999.

17. *Шренк А.И.* Областные выражения русского языка в Архангельской губернии // Зап. РГО, 1850. – Ч. 4.

УДК 802

Петрова Елена Александровна
кандидат филологических наук
Уфимский юридический институт МВД России
eleina.froloff@yandex.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВНУТРИДИКТЕМНОЙ КОГЕЗИИ

Статья посвящена прагматическому (коммуникативному) аспекту текстового анализа таких языковых единиц, как сложноподчиненные предложения с придаточной предикативной частью, то есть рассматривается его роль в передаче текстовой информации и участие в реализации внутридиктемной когезии. Методологической базой исследования послужила теория парадигматического синтаксиса. В качестве топикальной единицы тематизации текста выбрана диктема.

Ключевые слова: *парадигматический синтаксис, тема, рема, пресуппозиция, контактные и дистантные связи, диктема.*

Главным конституирующим фактором текста является его коммуникативное или прагматическое назначение. Информация текста, понимаемая как передача им некоторого содержания, распределяется различными способами. И.Р. Гальперин [2, с. 27] отмечает, что по прагматическому назначению различается информация содержательно-актуальная, содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая. Таким образом, текстовая информация представлена как бы с трех сторон, а именно: лежащая на поверхности событийная (фактуальная) информация, параллельная ей и выводимая из нее подтекстовая информация и заложенная автором в основу ведения концептуальная информация, воспринимаемая в результате обобщения первых двух информаций и всего произведения [2, с. 27–29].

Изучение предложения в тексте позволяет глубже понять его особенности, точнее оценить его специфические черты. В качестве топикальной или элементарной, предельной единицы текста нами выбрана диктема (от лат. dicere, dictum – говорить), основное назначение которой состоит в тематизации или тематической интеграции текста. Именно в диктеме реализуются контактные и дистантные связи между частями текста, которые выражают категорию его когерентности, и осуществляется действие текстовой пресуппозиции (фонд предварительных знаний), без которой невозможно адекватное восприятие смысла. Текст тематизируется диктемами, которые, объединяясь, образуют диктемные группы (гипердиктемы). Поэтому в теории парадигматического синтаксиса за основные единицы текста принимают диктему и диктемную группу, которые последовательно и составляют текст [1, с. 168–179].

В качестве объекта исследования нами выбраны сложноподчиненные предложения с придаточной предикативной частью (клауземой), поскольку эти предложения, как предикативные единицы, выступают в качестве первичного, целостного носителя информации, способного отобразить ситуацию некоторого действия или состояния с ее оценкой. Анализ в тексте такой единицы, как сложноподчиненное предложение с придаточной предикативной частью, очень важен тем, что именно через текст, во всей полноте и сложности, проявляются системные особенности и специфические черты исследуемых конструкций.

Как показывает материал, сложноподчиненное предложение с придаточным предикативным участвует в передаче информации всех трех видов – содержательно-актуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой, реализуемой, как правило, в составе смыслового ядра диктемы. Однако чаще сложноподчиненное предложение с придаточной предикативной частью задействовано в передаче подтекстовой информации в соединении с концептуальной.

Рассмотрим несколько отрывков из произведения Фитцжеральда «Последний магнат».

Simalteneously Jim has found Stahr's briefcase – a briefcase is what he has always wanted, and Starh's briefcase is an excellent piece of leather – and some other travelling appurtenances of Stahr's. … …. We can all come up here later, and there is probably a lot more of this stuff here, and there's probably money and everything – these people are dead, they will never need it again – then we can say about the plane or let other people find it. Nobody will know we have been up here [8, с. 188].

Перед нами отрывок из главы, где автор, используя сложноподчиненное предложение с при-

© Петрова Е.А., 2011

даточной предикативной частью, описывает этот добротный кейс из дорогой кожи, а также его содержимое, которое могло принадлежать, судя по качеству, только состоятельному человеку. Попутно автор заостряет внимание читателя на кое-каких деталях, так или иначе связанных с героем, и тут же рассуждает о смысле жизни и поведении людей. Анализируемая конструкция содержит в себе дополнительную подтекстовую информацию, которая побочно связана с концептуальной информацией всей главы, но, тем не менее, она служит для характеристики героя с точки зрения автора. Вся остальная часть отрывка развивает содержание дополнительной линии, которая семантически распространяется на весь абзац.

Другой отрывок из этого произведения:

Do you remember about 1933 when a transport plane was wrecked in a mountainside in the Southwest, and a Senator was killed? The thing that struck me about it was that the country people rifled the bodies of the dead. That is just what happens to plane which is bearing Stahr from Hollywood. The angle is that of three children who, on a Sunday picnic, are the first to discover the wreckage [8, с. 169].

В приведенном примере употреблены сразу три сложноподчиненных предложения с придаточными предикативными частями, которые передают событийную информацию, расширяя и конкретизируя при этом основное информативное содержание всего отрывка. В данном случае все три предложения занимают срединную позицию и расположены контактно друг относительно друга. Первое из предложений выполняет текстовую функцию развития темы отрывка и одновременно задает тему для следующих за ним предложений, которые связаны с первым проспективно. Для более емкой передачи своих эмоций и чувств об ужасной катастрофе, вандализме людей и черствости их душ применяются элементы и повествования, и описания, и рассуждения. Все используемые здесь сложноподчиненные предложения с придаточными предикативными активно участвуют в развертывании темы диктемы. Кроме того, в данном отрывке заложена концептуальная информация. Автор при помощи самого первого предложения-вопроса отсылает нас к событиям, о которых мимоходом упоминалось ранее на страницах произведения и которые косвенно связаны с описываемыми событиями. Таким образом, мы имеем дело с дистантной пресуппозицией.

Еще пример: *The situation on the big lot was that every producer, director and scenarist there could adduce proof that he was a money-maker. With the initial distrust of the industry by business, with the emphasis as in a mining camp on the lower virtues; with the growing complication of technique and the elusiveness it created – it could be fairly be said of all and by all of those who remained that they had made money – despite the fact that not a third of the producer or one-twenties of the writers could have earned their living in the East* [8, с. 192].

В данной диктеме сложноподчиненное предложение с придаточной предикативной частью занимает интродуктивную позицию и выполняет текстовую функцию задания темы, развитие которой происходит в остальных предложениях отрывка. Однако употребленное здесь анализируемое предложение не ограничивается только выполнением текстовой функции задания темы. Оно прямо передает заложенную автором в основу произведения концептуальную информацию, передаваемую практически на всех его страницах, – кино становится отраслью индустрии, рассматривающей его не как искусство, а лишь прибыльный бизнес. Итак, все три отрывка, взятые из одного романа, показывают, что сложноподчиненные предложения с придаточными предикативными частями задействованы в передаче разнообразной информации, заложенной в произведении, и концентрируют внимание читателя на важных моментах повествования, способствуя логической цельнооформленности всего текста.

Исследуемые конструкции, несомненно, активно участвуют и в формировании коммуникативной целостности текста, выражающейся в «преемственности между составляющими его предложениями» [5, с. 147]. Коммуникативная преемственность предложений связного текста образуется тема-рематической цепочкой, позволяющей установить границы элементарной текстовой единицы – диктемы. Тема-рематическая цепочка имеет свою структуру, ее основные модели сводятся к трем: модель простой линейной тематической прогрессии, модель со сквозной темой, модель с общей темой или гипертемой [3, с. 75]. Эти модели представляют преемственность предложений текста упрощенно, учитывая лишь их основные связи, но позволяют рассматривать актуальное членение не только на пропозематическом уровне, но и на уровне текста. При включении в диктему, сложноподчиненное предложе-

ние с придаточной предикативной частью образует с соседними предложениями все упомянутые выше модели тематической прогрессии. Обратимся к материалу.

Модель простой линейной цепочки отличается последовательным переходом рем предшествующих предложений в темы последующих. Анализируемые конструкции в данном случае, как правило, занимают середину диктемы, но могут употребляться и в ее конце, передавая основную мысль, фоном которой является информация, высказанная в предыдущем предложении. В формировании такой модели используются в основном сложноподчиненные предложения с придаточным предикативным с рематическим расширением, тема-рематическим расширением или с простой темой и ремой.

Например: *«Marrying a widow has never entered my mind».*

This is because you have no experience. *A widow, especially if she is young and healthy like this girl, is a wonderful person to marry. She will be thankful to you the rest of her life. Believe me, if I was looking now for a bride, I would marry a widow* [9, с. 189].

В приведенной диктеме сложноподчиненное предложение с придаточной предикативной частью занимает срединную позицию и формирует тему по отношению к реме предыдущего предложения. Продолжая мысль героя, оно дает оценку словам героя. Одновременно рема исследуемого предложения, выраженная придаточной предикативной частью, выступает темой следующего предложения. Таким образом, происходит постепенное линейное раскрытие содержания темы всего отрывка: молодые люди рассуждают о преимуществе женитьбе на вдове.

Модель со сквозной темой характеризуется аккумуляцией рематической информации. Это происходит в тех случаях, когда ситуация представляется автором как расчлененная, и в результате происходит последовательное накопление актуальной информации. Сложноподчиненное предложение с придаточной предикативной частью в этой модели используется либо в начале диктемы, либо в ее середине. Как правило, это конструкции с тема-рематическим расширением, с рематическим расширением, с двухвершинной темой.

Например: ***The point now is that I found a home – or a hole in the ground,as you will.*** *Now don't jump to the conclusion that because I call my home "a hole" it is damp and cold like a grave; there are cold holes, and warm holes, mine is a warm hole. And remember, a bear retires to his hole for the winter and lives unti1 spring; then he comes strolling out like the Easter chick breaking from its shell. I say all this to assure you that it is incorrect to assume that, because I'm invisible and live in a hole. I am dead. I am neither dead nor in a state of suspended animation. Call me Jack – the Bear, for I am in a stste of hibernation* [7, с. 194].

Приведенная диктема отличается сквозной темой, выраженной словом **hole**, которая объединяет все ее предложения, в том числе и сложноподчиненное предложение с придаточным предикативным, в единое целое. Анализируемая конструкция также содержит указанное слово. Таким образом, синтагматическое развертывание текста осуществляется посредством повторения ключевого слова **hole,** которое и является стержнем диктемы и способствует формированию у читателя правильного восприятия передаваемой автором информации, экспрессивно усиливаемой употреблением стилистических приемов сравнения, антитезы, репризы (стилистического повтора).

Модель с гипертемой образуется из производных тем, связанных друг с другом общей темой, или гипертемой, которая либо называется, либо подразумевается. Гипертема может находиться либо в первом предложении диктемы, организуя ее сверху вниз, или же в заключительном предложении, которое подводит итог предыдущим высказываниям. Материал показывает, что сложноподчиненное предложение с придаточной предикативной частью зачастую само содержит гипертему. В этом случае, как правило, употребляются конструкции с рематическим расширением, двухвершинной темой, простой темой и простой ремой, которые занимают интродуктивную позицию в диктеме. В финальной же позиции используются предложения с рематическим расширением, с тема-рематическим расширением и двухвершинной темой.

Например: ***So here, it seemes, is where I must live:*** *in an old cramped sour framehouse – having failed even worse than my relatives getting out of the American big – business unquestionably should very much have enjoyed.* ***Here is where I end by living*** [10, с. 178].

В отрывке параллельно употреблены два сложноподчиненных предложения с придаточными

предикативными частями. Эти конструкции выражают гипертему диктемы – герой должен жить в этом доме и умереть, а почему – поясняется дальше. Таким образом, параллельные конструкции способствуют здесь не только связности текста, но и воплощают основную идею, диктемы, позволяя повествованию развиваться в одном эмоциональном ключе.

Итак, коммуникативный (содержательный) аспект внутридиктемной когезии, осуществляемой сложноподчиненным предложением с придаточной предикативной частью, заключается в его участии в формировании трех основных перечисленных выше моделей тематической прогрессии. Анализируемые конструкции при этом употребляются в различных информационных типах диктем, определяемых их рематическими доминантами. Рематические доминанты аккумулируют определяющие элементы развертывающегося содержания [4, с. 146] и активно участвуют в тематическом членении текста. В зависимости от того, что выражает доминирующая рема, складывается значение диктем. На основании этого различают следующие рема-доминантные типы диктем: акциональные, выражающие семантический признак действия; квалификативные, выражающие семантический признак качества, описывающие свойство или состояние предметов; импрессивные, с помощью которых объективная действительность передается через эмоциональное состояние субъектов, то есть через выражение производимого на него впечатления [6, с. 5]. Кроме того, можно выделить и смешанный тип диктем, так как текстовой отрезок иногда представляет собой с информационной точки зрения соразмерное перемежение составляющих его рем разных типов.

Сложноподчиненные предложения с придаточными предикативными частями встречаются практически во всех типах диктем, включая смешанный тип. Однако, представляя собой стилистически-экспрессивные средства языка, они особо характерны для импрессивных диктем. Каждый тип диктем обладает своими имманентными признаками и имеет свое топикальное назначение.

Библиографический список

1. *Блох М.Я.* Теоретическая грамматика английского языка. – М.: Высшая школа, 1994. – 381 с.

2. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.

3. *Данеш Ф.* Функциональная перспектива предложения и организация текста // Записки по функциональной перспективе предложения. – Прага: Академия, 1974. – С. 64–89.

4. *Золотова Г.А.* Роль семантики в актуальном членении предложения // Русский язык. Вопросы его истории и становления. – М.: Наука, 1978. – С. 143–158.

5. *Москальская О.И.* Грамматика текста. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.

6. *Щербик В.Р.* Единицы текста и их семантическая организация: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1993. – 16 с.

7. *Ellison R.* Invisible man. – N. A. of Amer. Lit. – USA, N.Y., 1994. – 16 p.

8. *Fitzgerald F.S.* The Last Tycoon. – Gr. Br.: Penguin Books. Ltd., 1977. – 196 p.

9. *Malamud B.* The Magic Barrel. – N.A. of Amer. Lit. – USA, N.Y., 1994. – 109 p.

10. *Wilson E.* Upstate. – N.A. of Amer. Lit. – USA, N.Y., 1994. – 534 p.

УДК 494.3

Хожанов Шарапатдин Балтаниязович
Каракалпакский государственный университет им. Бердаха (г. Нукус, Узбекистан)
sharap_05@mail.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ АНТОНИМОВ В КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается использование антонимов в качестве антитезы, стилистической различительной фигуры, стилистической объединяющей фигуры, нейтральной фигуры, стилистической фигуры, отражающей совместное действие между противоположностями, фигуры стилистического чередования и оксюморона. Статья посвящена попытке решения таких проблем, которые существуют в современном каракалпакском литературном языке.

Ключевые слова: *антонимы, контекст, эффектное воздействие, художественное восприятие, контрастные понятия, стилистические функции, пословицы и поговорки, фразеологические выражения, устное народное творчество, фольклор, синтаксические конструкции, антитеза и др.*

Определенную группу слов, которые выполняют функцию изобразительных средств в языке художественных произведений, составляют слова, противоположные по смыслу, – антонимы. Антонимы возникают вследствие и на основании сопоставления признаков предметов, событий, явлений, характерных черт людей между собой. Например, *приходи-уходи, сядь-встань, высокий-низкий, теплый-холодный, холод-жара* и т.д. Они являются названиями движений, признаков, состояний (соответственно: *приходи-уходи, высокий-низкий, темный-светлый, холод-жара*) и др.

Путем внедрения в контекст противоположных значений достигается определённость, конкретность, точность мыслей и их эффективность. Ибо при помощи антонимов указываются взаимоотношения между предметами и явлениями и особо выделяются качество, количество, свойство и другие признаки между ними.

Свойственные антонимам такие признаки позволяют им часто употребляться в языке художественных произведений в качестве одного из изобразительно-выразительных средств.

В художественных произведениях антонимы используются в качестве конкретного описания. В таких случаях они употребляются в предложениях рядом, противоречивые положения между ними воздействуют на нас как чувства впечатления. Например:

Там, где есть *знаток*, там есть и *глупый*,
Там, где есть *хороший*, там есть и *плохой*,
Там, где есть *герой*, там есть и *трус*,
Там, где есть *сладкое*, там есть и *горькое*
(Т. Жумамуратов).

Антонимы в этих приведенных выше строках участвуют в обеспечении эффектного воздействия чувств и понятий на читателя и слушателя, доходчивости и понятливости. Следовательно, антонимы служат для обеспечения образного воздействия и художественного восприятия контрастных понятий. В связи с этим антонимы используются в художественной литературе в различных стилистических функциях.

Очень разнообразна и эффективна стилистическая функция антонимов. При сопоставлении противоположных явлений, при сравнении их между собой и в объяснении их точно и эффективно при помощи вышеуказанных методов антонимы выполняют особую функцию. Видимо, именно благодаря этой особенности антонимов, они часто употребляются в составе пословиц, поговорок и фразеологических выражений. Мы можем привести множество примеров, подтверждающих данное положение. Например: Глаза *боятся*, а руки *делают* (букв.: Глаза-трусы, руки-герои). *Ложь* – перекати-*поле*, легковесна, а *правда весома* (тяжесть, серьезно, серьезность). Лучше быть братишкой *умного*, чем быть старшим братом *глупого*. Различает разницу между *сладким* и *горьким* тот, кто попробовал, а расстояние *близко* или *далеко* знает тот, кто его преодолел (букв.: кто бегал (скакал) между этими расстояниями). Кто *берёт*, тому *мало* кажется шесть, а кто *даёт – много* кажется пять. Сила осла *пригодна*, а мясо *не пригодно* (букв.: сила осла чиста, а мясо погано). Для *хорошего* (человека) нет чужих, а у *плохого* (человека) нет совести. Лучше быть вдовой *героя* (богатыря), чем быть женой *труса*.

Можно привести ёще много примеров, кроме этих, где применяются антонимы в пословицах, поговорках и устойчивых фразеологических выражениях каракалпакского народа. Антонимы употреблялись во многих жанрах устного народ-

© Хожанов Ш.Б., 2011

ного творчества как одно из основных средств в произведениях фольклора.

Можно встречать антонимы и в сочинениях каракалпакских классиков в качестве различных стилистических функций. Например: *Хороший* (умный человек) понимает суть дела, *Плохой* (человек) слушает (прислуживается) дурные слова (Бердах). Бердимурат, говори *правду*, а не *ложь*, Этот мир длинным путём остался в наследство от прадедов (Бердах). Одни были *голодны*, другой *сыт*, Все это происходит от бездумий (Утеш).

Из примеров видно, что наши поэты-классики в соответствии со своими взглядами по отношению к описываемым ими событиям широко использовали антонимы.

И в настоящее время наши поэты и писатели в своих произведениях также очень много употребляют антонимы как средство описания.

Выяснить, в составе каких синтаксических конструкций антонимы встречаются, определить, в качестве какого средства выполняют функции антонимы, как они служат в качестве связующего, дополняющего, определяющего звена, как они обеспечивают последовательность событий, действий, явлений и факторов, их сменяющийся характер и другие процессы, считается немаловажными теоретическими и практическими проблемами каракалпакского языкознания.

Антонимы являются художественным источником и часто употребляются в языке. Они, выполняя различные стилистические функции, играют большую роль в образной и эффективной передаче мыслей слушающим и читателям.

Стилистическое использование антонимов связано с их семантическими свойствами. В художественной литературе антонимы служат источником основного воздействия на читателя или слушателя в создании противоположных понятий. Основное внимание необходимо обратить на то, в каких стилистических конструкциях употребляются антонимы. С этой стороной можно заметить, что антонимы не только противопоставляются, но и осуществляют такие функции, как усиление, дополнение, определение, обобщение, непрерывность действий и положений, их смену и т.д.

Антонимы служат в следующих стилистических целях.

Антитеза – это стилистическая фигура, которая состоит из противопоставления сравниваемых мыслей, понятий и образов.

В современном каракалпакском языке антитеза демонстрируется в следующих оппозиционных моделях.

1. Х и У. Примеры: *Радость* и *горе* рядом (боком) идут (Т. Каипбергенов). И приказ, и просьба мальчика расстроили Кутыма, а Тагая – *радовали* и *опечалили* (Г. Сеитназаров). *Огонь* и *вода*, *мед* и *яд* нашли друг друга давно, Однако никак не могут найти друг друга люди (И. Юсупов).

2. Х с У. Например: *Рано* и *поздно* (Кунходжа).

3. Х, но не У. Например: *Брать-то* – больше взял, *Но давать* – не дал (Бердах).

4. Не Х, а У. Примеры: Он оказался не *трусом*, а *героем*, *смелым* (К. Мамбетов). Ерназар продолжал говорить (произносить) эти слова почему-то не *нервозно*, а с какой-то очень *серьезностью* (А. Садыков).

Если сказать в целом, то антитеза, употребляясь в вышеуказанных оппозициях, функционирует для создания художественного мира поэтами и писателями. Использование антитезы мастерами художественного слова способствует глубокому знанию языка, а это зависит, в свою очередь, от правильного применения антонимов в стилистических целях.

Функции стилистической различительной фигуры. Нельзя ограничиваться тем, что антонимы используются только в качестве антитезы. В современном каракалпакском языке антонимы употребляются и в функции стилистической различительной фигуры. Здесь бросаются в глаза два положения. Во-первых, взаимное различение, раздвоение, разделение, то есть здесь обозначается невозможность наличия противоположных явлений в одно то же время. Модель такого положения выглядит следующим образом: *или Х, или У, Х или У*. Например: Его эти раздумья, возможно, *правильны*, а может быть, *ошибочны* (А. Пахратдинов).

Во-вторых, взаимное отделение или разделение противоположностей ослабляется или совсем исчезает. Здесь создаются условия для использования антонимов, и их значение бывает равносильно смыслу слов *всё равно*. Например: *Идти, не идти* решаешь сам (А. Абдиев).

Здесь слова *идти, не идти* выступают в качестве синонима к выражению *всё равно* и усиливают экспрессивность и образность использованных слов.

В осуществлении указанных значений участвуют синтаксические модели *Х или У; или Х,*

или У; Х пусть У; пусть Х, пусть У; Х ли, У ли; пусть будет Х, пусть будет У (никакой разницы). Примеры: То, что я делал (-а) – *благородное дело* или *преступление*? Ох, вот именно этот вопрос мучает меня (Т. Матмуратов) [Х ли, У ли?]. Поле полностью опустошалось: всё уничтожилось – и *спелое*, и *зеленое*, и завязь дыни, и тыквы (Ш. Сеитов) [Х ли, У ли?]. Одно твое единственное слово – смертельная пуля, Или *помилуй*, или *проклинай* (Жийен жырау) [или Х, или У]. И *самец* тигра, и *самка* тигра убивает скот (Каракалпакские нар. посл. и погов.) [Х пусть будет, У пусть будет]. Он не взял за основу ни *оправдание*, ни *обвинение* Айдоса (А. Садыков) [Х или У]. Мы пришли, услышать и узнать из ваших собственных уст, *правда* или *ложь* те слова (А. Садыков) [или Х, или У]. Будет *хвалить* или будет *хулить* народ – это его дело, Мои стихи – это обратное отражение моей жизни (К. Рахманов) [Х пусть У]. Бедная твоя старуха, будь она *в этом мире*, будь она *на том свете* – все равно она была бы довольна тобой (У. Абдирахманов) [Х будет ли, У будет ли].

Функции стилистической объединяющей (соединяющей) фигуры. Стилистическая объединяющая функция возникает в результате соединения или слияния антонимов. Именно поэтому (она) они, заключая в себе противоречивые положения и два процесса в целом, выступают в качестве синонимов к словам постоянно, всегда, все время, все и полностью объединяют и организуют такие понятия, как постоянство, непрерывность, общность и подобные значения. Здесь антонимы употребляются парами, обозначают одно понятие. Например, сюда относятся слова: *днем и ночью, день и ночь, рано-поздно, друг-враг, хорошо-плохо* и др. Примеры: Зараза, испортившая наше поведение (характер), *Не скоро* можно ее вылечить (И. Юсупов). Если слова верные (правильные, справедливые) (букв.: то их не будет *ни много, ни мало*), то они не лишни (Бердах). Говорил я много слов (букв.: слова *разные – правильные и неправильные*), Может, я выжил из ума (с ума сошел) – не знаю (Бердах). Аскарбай прикрашивает еще больше, крася красками и доски, и фанеру *изнутри* и *снаружи* (Ш. Сеитов).

Подобные стилистические фигуры в отдельных случаях обозначаются синтаксическими моделями *Х с У; Х и У*. Например: Улема[1] вдруг в конце своего рассказа стал говорить о потустороннем мире, о *рае* и об *аде*, о добродетели и грехе; рассказал он также по этому поводу и о том, как хазирет[2] Каракум ишан приносит пользу своему народу своими добродушными отношениями и приношениями – милостынями (У. Ходжаниязов). Дай мне (милостивый государь) скакуна-пегаса, Который бы служил мне, сокращая путь (расстояние) между *Востоком* и *Западом* (Бердах). Стерпел (Перенес) ты и *жару*, и *холод,* и голод (И. Юсупов).

Функция нейтральной фигуры. Для описания природы, жизни, двойственности и неизвестности в поведении и характере героев и персонажей имеет огромное значение функция нейтральной фигуры. Функции нейтральной фигуры антонимов обозначаются при помощи синтаксических оппозиций не Х, не У, между Х и У. Например: То ли ему хотелось *смеяться*, то ли он один *горевал*, Бердибай смотрел вниз (А. Бекимбетов). Его нет ни в *количестве*, ни в *качестве* (Каракалпакские нар. посл. и погов.). Зашла не то, что бы *красивая*, не то, что бы *некрасивая*, и не то, чтобы *слабая*, не то, что *не слабая*, средних лет одна женщина (Е. Утепбергенли). Люди в Шри-Ланке не то *белые*, не то *черные* (К. Мамбетов).

Функция стилистической фигуры, отражающей совместное действие между противоположностями. Известно, что мир состоит из противоположностей. При передаче таких диалектических взаимосвязей и взаимоотношений, как уподобление, подражание, сравнение, изменения функций стилистической фигуры, отражающей совместное действие между противоположностями, особенные. Данная фигура осуществляется при помощи перехода синтагматической оппозиции от Х до У. Примеры: Таким образом, нельзя допустить, чтобы закрытый казан (котел) остался *закрытым*, а необходимо его *открыть*, то есть справедливость должна восторжествовать (журнал «Амударья»). Был я *новым*, но стал *старым* (Кунходжа). Хотя и *удлинились* толстые корни, уходя вглубь, но они стали *тонкими* (И. Ниетуллаев). Бывают *теплые* дни и *зимой*, *холодные* дни – и *летом* (Т. Матмуратов). Если не выплатит положенного, то *родственник* напоминает *врага* (Ажинияз).

Фигура стилистического чередования. В устной или разговорной речи, в письменной литературе при передаче мыслей поочередно и последовательно определенную функцию выполняют антонимы. Такая функция фигуры стилистического чередования антонимов передает-

ся через следующие синтаксические оппозиции: *или X, или У; то X, то У; иногда X, иногда У; X и У.* Примеры: Ты *обманываешь* или *правду* говоришь, это известно только тебе самому (И. Ниетуллаев). Иногда весь день здесь людей *не ожидаешь,* а иногда здесь *толпа* людей (У. Абдирахманов). К весам приема хлопка Ерполат *сначала* отнёс мешок хлопка Перихана, а *затем* отнёс свой мешок с хлопком к весам (С. Ниетуллаев). Мулла сидит-дремлет, то *закрывая*, то *открывая* глаза (А. Шамуратов). Если будет маловодие и море уходит от берегов, Иногда наступает *прилив*, а иногда *отлив* (И. Юсупов). Вороны то *прилетают*, то *улетают* (Т. Каипбергенов).

Конечно, в таких целях употребления антонимов участвуют чередующиеся аффиксы и вспомогательные слова, которые служат для эффектной и усиленной передачи мыслей и чувств слушателям и читателям, тем самым выполняя большую функцию.

Таким образом, в каракалпакском языке антонимы используются как антитеза, как стилистическая различительная фигура, как стилистическая объединяющая фигура, отражающая совместное действие между противоположностями, как фигура стилистического чередования. Это связано с тем, что антонимы являются одним из основных изобразительно-выразительных средств языка. Антонимы, употребляясь в таких функциях, выполняют эстетическую задачу художественных произведений.

Примечания

[1] Улемы – высшее сословие законоведов и богословов в мусульманских странах.

[2] Хазирет – высший духовный глава, духовный сан.

Библиографический список

1. *Berdimuratova A.* Filosofiya. – No'kis, 2007. – Б. 32–44.

2. *Бердимуратова А.* Логика. – Нөкис, 2004. – Б. 77.

УДК 808.2

Галкина Наталия Павловна

Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

gnpav@mail.ru

СОЮЗЫ *ПОСКОЛЬКУ* И *ТАК КАК* КАК КВАЛИФИКАТОРЫ ПРИЧИННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕКСТАХ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ЦИКЛА

В статье рассматриваются особенности употребления союзов поскольку и так как как наиболее продуктивных в причинных сложноподчиненных предложениях в текстах естественнонаучного цикла. Анализируются условия функционирования средств связи недифференцирующего типа, способствующие конкретизации вида каузальности.

Ключевые слова: *союзы, причина, следствие, причинно-следственные отношения, актуализатор, значение, научный стиль.*

Научная речь со свойственной ей точностью, предельно строгой последовательностью изложения, упорядоченной системой связей между частями высказывания отличается использованием наибольшего числа синтаксических средств, служащих для выражения разнообразных логических отношений. Справедливо считается, что именно синтаксис таит в себе огромные стилистические возможности, которые заключаются преимущественно в его способности передавать тончайшие оттенки мысли. Однако вопрос о стилистических ресурсах синтаксиса остаётся недостаточно изученным [5, с. 215; 6, с. 155; 15, с. 124]. Д.Н. Шмелёв, анализируя особенности использования лексики в соответствии с её функциональной направленностью, говорит также о важности стилистической дифференциации грамматических исследований [15, с. 124]. М.Н. Кожина указывает, что при характеристике синтаксических средств различных функциональных стилей «следует иметь в виду частоту употребления синтаксических единиц и их достаточно устойчивую специализацию» [6, с. 148]. Как отмечается рядом исследователей, различные типы речи отличаются не только возможностью или невозможностью появления

 © Галкина Н.П., 2011

в них определенных языковых средств, но и степенью вероятности их появления там. Поэтому для решения вопроса о «стилистической приуроченности» союзов необходимо проследить продуктивность их использования в тех или иных разновидностях языка.

В данной статье рассмотрим особенности использования союзных средств сложноподчинённых предложений (СПП) с придаточными причины в научном стиле русского языка с точки зрения их продуктивности и конкретизации вида каузальности. Материалом для исследования послужили произведения известных учёных в области физики, химии, биологии, таких, как В.Л. Гинзбург, Я.Б. Зельдович, П.С. Зырянов, И.И. Иоффе, Л.Д. Ландау, И.Р. Пригожин и др. (список источников см. ниже). Было рассмотрено 650 двухкомпонентных сложноподчинённых конструкций с придаточными причины, извлечённых методом сплошной выборки из работ этих авторов.

Вопрос о причинности всегда находился в центре внимания в науке. [см., например: 9; 10; 11; 13]. Принято считать, что явление, которое порождает новое явление, называется причиной, а порождённое им явление – его следствием. Причина во времени обязательно предшествует следствию, что означает временную асимметрию причинно-следственной связи, её необратимость. В философском понимании каузальность – причинность, закономерная связь причины и следствия – важнейший, но не единственный вид объективной взаимообусловленности явлений. В этой цепи взаимосвязей находятся также и условие, повод, мотив, цель – факторы, влияющие на действие причины. Это приводит к разграничению понятий «полной причины» и «собственно причины» [13, с. 170].

В лингвистике такой подход находит своё отражение в том, что причинные СПП относятся к классу предложений со значением обусловленности [1, с. 222]. Придаточное предложение обозначает причину или основание для вывода, содержащегося в главном предложении, и связывается с ним причинными союзами. Значение каузальности в причинных предложениях конкретизируется как необходимое основание, порождающий или побочный фактор, обоснование, подтверждение, доказательство, довод, прямое или косвенное свидетельство, повод, предлог, стимул. Внимание к семантическому аспекту СПП, выражающего причинные отношения, обусловило их разделение на СПП с собственно-причинным и несобственно-причинным (причинно-аргументирующим) значением. В предложениях с собственно-причинным значением, придаточная часть сообщает о непосредственной причине того, о чём говорится в главной части. В предложениях с несобственно-причинным значением ситуация, представленная в придаточной части, является лишь внешним поводом или косвенным свидетельством, используемым как аргумент для умозаключения.

Союзы недифференцированного значения указывают на каузальность в наиболее общем виде и вне контекста не способны дифференцировать характер причинной зависимости. К ним относятся такие союзы, как *потому что, так как, поскольку, ибо, раз,* союз-частица *ведь* [12, с. 578]. Из них первые три имеют широкую сферу употребления, хотя *поскольку* и *так как* часто отмечаются как присущие книжной речи. Анализ исследуемого материала показал, что 90% СПП с придаточными причины в научном стиле оформлены союзами *поскольку* и *так как.*

Наиболее продуктивным для выражения причинных отношений в научном стиле является союз *поскольку* (60% всех анализируемых конструкций). Нормативные словари дают толкование значения этого союза очень общо, как тождественное по значению союзам *так как, потому что:* «союз, присоединяющий придаточные причины» [2, с. 932]. М.Н. Ляпон отмечает, что союз *поскольку* «представляет причину как единственную, вне конкуренции с другими» [8, с. 179]. По-видимому, способность данного союза ясно и недвусмысленно выражать такого рода причинные отношения и обусловила его высокую продуктивность в научном стиле, для которого характерна точность, логичность и максимальная ясность изложения материала. Большей частью он используется в препозитивных придаточных (66%). Такой порядок следования частей позволяет акцентировать внимание непосредственно на причине описываемого явления, а главная часть представляет следствие из неё. См., например: *Поскольку переходы включены параллельно, разности фаз на переходах будут равны* [Шмидт, с. 13]. В данном предложении чётко выражено, что «параллельное включение переходов» является определяющим фактором того, что «разности фаз на переходах будут равны». Информация предложения воспринимается как эле-

мент цепи рассуждений, в которой из одной ситуации следует другая. То же и в других областях естественных наук: *Поскольку белки содержат как положительно, так и отрицательно заряженные группы, они являются амфолитами* [Николаев, с. 46]. *Поскольку длины обычно лежат в нанометровом диапазоне, микрофазное расслоение приводит к наноструктурированию полимера* [Рамбиди, с. 210].

При использовании придаточного причины в постпозиции на первый план выступает ситуация, выражаемая главной частью, а затем приводится её объяснение или аргументация. В таких конструкциях «у придаточной части легко развиваются присоединительные оттенки» [7, с. 111]. При оформлении СПП союзом *поскольку* в текстах естественнонаучного цикла мы не наблюдаем присоединительного оттенка. Отражая внутреннюю объективно существующую связь между явлениями, автор как субъект речи подбирает способ для расстановки акцентов, наилучшим образом соответствующий ситуации. *Митохондриальная ДНК наследуется по материнской линии, поскольку митохондрии сперматозоидов не проникают в яйцеклетку* [Николаев, с. 147]. Здесь важным является факт, что «митохондриальная ДНК наследуется по материнской линии», который непосредственно связан с последующей информацией («митохондрии сперматозоидов не проникают в яйцеклетку»), оформленной и однозначно воспринимаемой как причина. См. также у других авторов: *А эти помещения должны быть значительными, поскольку только для охлаждения компьютера требуется мощность порядка 3 МВт* [Рамбиди, с. 108]. *Использование рентгеновских телескопов наряду с радиотелескопами является единственным способом заглянуть в центр Галактики, поскольку электромагнитные волны видимого спектра поглощаются газовыми облаками* [Гусев, с. 34].

В трёх случаях встречается использование парного сочетания *поскольку – постольку,* что способствует более чёткому распределению сложных взаимосвязанных отношений в многокомпонентном предложении. *Поскольку в динамике невязкого и нетеплопроводного газа, т.е. при условии, что мы отвлекаемся от молекулярной структуры вещества, нет никаких характерных длин, постольку неограниченны возможности существования сколь угодно тонких переходных слоев, в пределе сводящихся к разрыву* [Зельдович, с. 45]. Возможен и обратный порядок частей, а, следовательно, и компонентов парного союза: *Обычно анизотропия дифференциального сечения упругого рассеяния для полярона в невырожденной зоне в кубическом кристалле мала, и потому несущественна как при рассеянии дефектами, так и при рассеянии фононами постольку, поскольку анизотропия данных состояний полярона и спектра длинноволновых акустических фононов относительно невелика* [Зырянов, с. 138]. Как известно, сочетание *постольку, поскольку* может также употребляться в значении ‘в той мере как’ в функции союза, а также как наречие в значении ‘не очень, в некоторой степени’. При этом словари маркируют его пометой «разговорное» [2, с. 932]. Но в данном примере парный союз квалифицирует причинные отношения между частями и не имеет никакого разговорного оттенка. Использование соотносительного слова *постольку* в главной части позволяет акцентировать внимание на причинных отношениях в достаточно сложном по структуре и по содержанию предложении.

Вторым по частоте использования в СПП причины в научном стиле является союз *так как* (30% всех анализируемых конструкций). Причинное значение *так как* начало развиваться из сравнительного с конца XVIII века, и в первой половине XIX столетия этот союз «весьма редко использовался образцовыми писателями как неблагозвучный» [4, с. 1026]. Так, по свидетельству В.В. Виноградова, в языке А.С. Пушкина он встречается в причинном значении иронически лишь однажды в «Евгении Онегине» [6, с. 1026]. Но уже во второй половине XIX века его рекомендуют как замену для *ибо* [3, с. 395]. В современном русском языке союз *так как* используется в различных стилях, он указывается во всех грамматических описаниях причинных союзов, передаёт причинное значение «в чистом виде», не допуская каких-либо актуализаторов [8, с. 179]. Преимущество этого союза, как и союза *поскольку*, в том, что он может вводить придаточные как в препозиции, так и в постпозиции. В исследуемом материале, в отличие от *поскольку,* союз *так как* в 80% случаев употребляется в постпозитивной придаточной части. Как было сказано выше, это позволяет актуализировать информацию, содержащуюся в главной части, и привести её обоснование в придаточной. См. примеры из различных областей естествознания: *Производство энтропии*

при этом возрастает, так как конвекция представляет собой новый механизм переноса теплоты [Пригожин, с. 103]. *У плоских паразитирующих червей… пищеварительная полость, рот отсутствуют, так как питательные вещества просто всасываются поверхностью тела* [Берёзин, с. 78]. *Толщина получаемых пленок обычно не превышает 100 нм, так как они наносятся из раствора, а макромолекулы с высокой молекулярной массой не всегда хорошо растворимы* [Рамбиди, с. 252]. Как видно, в приведённых примерах союз *так как* выступает как выразитель «действительной причины», не требующей какой-либо модификации.

Как известно, союзы недифференцирующего типа характеризуются тем, что оформляют не только собственно-причинные, но и причинно-аргументирующие отношения. В этом случае имеют место конструкции обратного подчинения, где придаточная часть фактически содержит информацию о реальном следствии, а главная – о реальной причине [14, с. 16]. В таких построениях направление обусловленности устанавливается из контекста, а также с помощью модально-оценочных слов *очевидно, должно быть, по-видимому* и т. д. [12, с. 580]. Такого рода конструкции не являются характерными для научного стиля и встречаются в редких случаях, тогда, когда говорящий высказывает предположение, умозаключение на основании определенных доводов, побочных факторов, косвенного свидетельства. Очевидно, что стремление к максимальной точности, однозначности, подчеркнутой логичности, доказательности научного сообщения предполагает высокую «степень необходимой эксплицитности высказывания», которая достигается в данном случае как включением в предложение лексических элементов, так и «синтаксическим подтекстом» [15, с. 158]. Почти во всех случаях использования конструкций обратного подчинения в исследуемом материале мы наблюдаем подключение к главной части модально-оценочных компонентов, которые передают ту или иную степень уверенности говорящего субъекта при интерпретации им умозаключения как следствия. Ср.: *Относительное содержание неупорядоченной фазы пс-Со, по-видимому, очень завышено, так как образцы пс-Со были частично окислены* [Гусев, с. 269]. *Поскольку при этом мембраны сохраняются, то размер липидных пор в них не превышает, очевидно, этого нижнего предела* [Биофизика, с. 62]. В следующем предложении отсутствует модальный модификатор, но «перевернутые» временные отношения имеют эксплицитное выражение: сказуемое главной части выражено в прошедшем времени, а сказуемое придаточной – в настоящем. Информация, представленная в главной части, по сути, является порождающим фактором для сообщаемого в придаточной: *В прошлом значение р во Вселенной было выше, поскольку величина Н уменьшается со временем* [Гинзбург, с. 124].

В каждом случае причинно-аргументирующих конструкций конкретные ситуации получают статус «причины» и «следствия» в сознании говорящего, отношения между частями не носят объективный характер, а внешне устанавливаются мыслящим субъектом речи. Как видно из приведённых примеров, оба союза *поскольку* и *так как* участвуют в оформлении несобственно-причинных отношений в научных текстах. Использования других причинных союзов в конструкциях обратного подчинения в исследуемом материале мы не наблюдали.

Мы рассмотрели особенности употребления союзов *поскольку* и *так как* в причинных СПП в текстах естественнонаучного цикла. Они относятся к союзам функционально неоднозначным, т.е. указывающим на каузальность в наиболее общем виде и, вообще говоря, имеют широкую сферу употребления. Но условия, в которых функционируют эти не специализированные средства связи в текстах естественнонаучного цикла, позволяют сузить семантику союза и передать информацию с той степенью точности и логичности, которая не допускает «неоднозначного декодирования». Это обеспечивает им столь высокую продуктивность в научной речи.

Библиографический список

1. *Белошапкова В.А.* Современный русский язык. Синтаксис. Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.

2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб: Норинт, 1998. – С. 932.

3. *Булаховский Л.А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. – М.: Учпедгиз, 1954. – 468 с.

4. *Виноградов В.В.* История слов. – М.: Наука, 1999. – С. 1026.

5. *Гвоздев А.Н.* Очерки по стилистике русского языка. – М.: Просвещение, 1965. – 408 с.

6. *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка: Учеб. для студентов пед. ин-тов. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.

7. *Крючков С.Е., Максимов Л.Ю.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. – М.: Просвещение, 1977. – 191 с.

8. *Ляпон М.В.* Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. – М.: Наука, 1986. – 200 с.

9. Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме / Отв. ред. Е.А. Мамчур, Ю.В. Сачков. – М.: Наука, 2002. – 288 с.

10. Проблема причинности в современной биологии / под ред. В.М. Катанова и Г.В. Платонова. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 193 с.

11. Проблема причинности в современной физике / под ред. И.В. Кузнецова и др. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 429 с.

12 Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис / гл. ред. Н.Ю. Шведова. — М.: Наука, 1980. – С. 577–586.

13. *Солопов Е.Ф.* Философия: пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. – 400 с.

14. *Фёдоров А.К.* Спорные вопросы теории сложноподчинённого предложения. (Учебное пособие к спецкурсу). – Курск, 1982. – 89 с.

15. *Шмелёв Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы). – М.: Наука, 1977 – 167 с.

Источники

Берёзин И.В., Савин Ю.В. Основы биохимии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990; Биофизика / под ред. В.Ф. Антонова. – М.: ВЛАДОС, 1999; *Гинзбург В.Л.* О физике и астрофизике: Статьи и выступления. – М.: Наука, 1992; *Гусев А.И.* Наноматериалы, наноструктуры, нанотехнологии. – М.: Физматлит, 2005; *Зельдович Я.Б.* Физика ударных волн и высокотемпературных гидродинамических явлений. – М.: Гос. изд-во физ. мат. лит., 1963; *Зырянов П.С.* Квантовая теория явлений электронного переноса в кристаллических полупроводниках. – М.: Наука, 1976; *Иоффе И.И.* Гетерогенный катализ. Физико-химические основы. – Л.: Химия, 1985; *Ландау Л.Д.* Теория поля. Т. II. – М.: Наука, 1973; *Николаев А.Я.* Биологическая химия. – М.: Медицинское информационное агентство, 2004; *Пригожин И.Р.* От существующего к возникающему: время и сложность в физических науках. – М.: Наука, 1985; *Рамбиди Н.Г., Берёзкин А.В.* Физические и химические основы нанотехнологий. – М.: Физматлит, 2008; *Шмидт В.В.* Введение в физику сверхпроводников. – М.: МНЦПО, 2000.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 81

Алламбергенова Инабат Хасанбаевна
Каракалпакский государственный университет им. Бердаха (г. Нукус, Узбекистан)
inabat306@rambler. ru

К ВОПРОСУ ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И КЛАССИФИКАЦИИ КАРАКАЛПАКСКИХ ПРЕДАНИЙ

В статье проанализированы проблемы возникновения преданий в каракалпакском устном народном творчестве, вопросы их исследования, а также жанровые особенности и классификация.

Ключевые слова: *предания, жанровые особенности, классификация, каракалпакские народные предания.*

Устное народное творчество каракалпаков имеет многовековую историю, и оно является бесценным духовным наследием народа. Предания составляют важнейшую часть этого наследия. Однако они до сих пор не стали объектом научного исследования. В отдельных трудах имеются лишь общие замечания о них. Первым ученым, кто попытался определить содержательные, тематические и художественное особенности преданий и дать им понятийное обозначение, был Н. Даукараев. Он в своем известном труде «Очерки истории каракалпакской литературы» предания называет «легендами» [5, с. 184].

Фольклорист К. Айимбетов, называя эпические элементы, имеющиеся в преданиях, легендами, пишет: «Разновидность народных сказок называется легендой. Легенды – это сказки-рассказы, связанные с историей» [2, с. 33] Здесь заметна неудовлетворенность К. Айимбетова понятием «легенда», и он пытается его дополнить понятием «сказки-рассказы» и предлагает заменить их более подходящим понятием.

Н. Жапаков в своем труде использует понятие «сказка-предание» и в скобках указывает – «легенда». По его словам, «не все сказки-предания состоят из фантазии, многие из них тесно связаны с реальным бытом и историей». И в качестве примера исследователь приводит предание «Гулдирсин» [6, с. 9–10].

Фольклорист К. Максетов тоже в своих работах оперирует понятием «легенда», когда речь идет о преданиях. Он легендам дает следующее определение: «Легендами называем такие предания, которые охватывают природный, животный, человеческий мир и в которые вплетены религиозные, фантастические, исторические детали, имеющие форму догадки или утверждения» [9, с. 57]. Здесь понятие предания по содержанию и функции ближе к термину, который мог быть использован в национальном фольклоре.

К. Максетов в своей последней классификации устной народной прозы дает следующую жанровую характеристику, назвав апсана – мифом, рауаят – преданием, аңыз – легендой [10, с. 212].

Все эти «легенды», исторические мифы (апсана), «устные рассказы», предания (рауаяты) являются произведениями народного творчества, которые излагаются и передаются изустно и содержание которых составляют вымышленные догадки, утверждения, образы, события, исторические события и личности, народные представления о природе, о земле, о воде, о космосе и т.д.

С 90-х годов прошлого столетия предания, составляющие весомый жанровый пласт устной народной прозы, стали именоваться аңыз, то есть предания. В каракалпакской фольклористике понятие «предание» стало вытеснять понятие «легенда». Например, в книге «Каракалпакские народные предания и анекдоты», изданной в 1995 году, понятие «легенда» встречается очень редко. А в книге «Каракалпакские предания, мифы и красноречие», изданной в 1992 году, слово «легенда» как термин не употребляется и вместо него использован термин «аңыз» (предание). В предисловии одной из названных книг дана краткая характеристика состояния публикации и изучения преданий в каракалпакской фольклористике. Здесь и дается научно обоснованное определение преданиям: «В народных преданиях отражаются догадки, понятия и выводы людей о происхождении человека, земли, воды, названий городов и населенных пунктов, а также о возникнове-

© Алламбергенова И.Х., 2011

нии живой и мертвой природы, животных и предметов, луны и солнца, звезд» [4, с. 4].

При изучении преданий прежде всего следует обратить внимание на их жанровое своеобразие и национальные особенности. Именно этой позиции мы придерживаемся при жанровой и тематической квалификации каракалпакских преданий.

Возникновение жанра преданий в каракалпакском народном творчестве связано с реальными событиями и историческими личностями, с географическими местностями, которые составляют основной костяк содержания любого предания. Предания – это устная история в народном сознании. Условное содержание преданий служит объяснением происхождения реальных событий, местностей и личностей.

В возникновении преданий определенную роль играют контаминационные и ретроспективные методы. Смешение вокруг одного исторического предания различных событий или взаимодействие новых исторических событий с древними мифами расширяют объем и содержание преданий. При этом важное значение имеет способность создателей к фантазии. Они относятся к событиям романтически и предельно идеализируют их. И последующие рассказчики тоже вносят в них свою творческую «ленту». С течением времени, с изменением историко-общественных отношений историческое событие, служившее основой предания, остается в тени вымышленных сюжетов. В результате бывает трудно отличить предание от сказки.

Следует отметить, что эти методы (контаминация, ретроспектива) являются не субъектами-создателями, а лишь вспомогательными приемами. Предания не способны передать исторические события в чистом виде, и это не входит в их задачу. В преданиях всегда главенствует вымысел (фольклоризм) [3, с. 96].

Народ – создатель, хранитель и передатчик преданий из поколения в поколение. Со временем предания превращаются в духовное наследие народа и получают широкое распространение среди людей. Как следствие этого, формируются различные варианты и версии преданий. Но неизменным остается основное ядро, которое служило почвой для возникновения этого предания.

Возникновение преданий всегда связано с историческими условиями. Поэтому при изучении истоков преданий следует особое внимание уделить их исторической характеристике и особенностям. Но механизм возникновения преданий для всех времен одинаков. Он протекает примерно по следующей схеме: историческое события или историческая личность, имеющая отношение к этому событию (это имеет отношение ко всем видам преданий. – *И.А.*), устные рассказы о них и их эмоциональные состояния постепенно рождают предания. Этот процесс можно представить в таком виде: история – устный рассказ – предание. При этом могут выполнить дополнительную служебную функцию некоторые образцы мифологического творчества или приемы идеализации предметов и образов и т.д. Реальное наличие и существование события и личности, топонимов, этнонимов является исторической основой преданий. Совокупность этих эпических основ, отражающих и объясняющих историческое содержание, способствует возникновению преданий.

Предания являются отражениями народного самосознания и мировосприятия, поэтому не всегда принимают в себя сюжетные излишества и вымыслы. Если даже принимают, то сохраняют основное идейное содержание. (Со временем предания могут превращаться в мифы и сказки.)

Возникновение преданий связано с личным отношением их создателей и исполнителей к историческим событиям. Обычно событие не сразу превращается в предание. Оно после рассказывания свидетелями годами проходит этапы формирования. Предания отличает композиционная простота, и поэтому их рассказывание не требует от исполнителей особых способностей. Жизненность преданий, их способность передаваться из поколения в поколение всегда зависят от стремления исполнителя к занимательности и живости и исторической доказательности. Если не учтены эти условия, то событие не превращается в предание.

Этапы возникновения и развития жанра преданий тесно связаны с многослойным пластом исторического бытия народа. Первые предания появились в VI–V вв. н.э., и в дальнейшем они под влиянием социально-исторических изменений постоянно менялись и обогащались и по содержанию, и по тематике. Предания – жанр, продолжающийся из эпохи в эпоху. Каждая эпоха рождает свои предания. Даже в век научно-технического процесса предания сохранили свои критерии возникновения.

По тематике преданий среди фольклористов существуют различные суждения. Например, В.К. Соколов, учитывая фактические основы преданий, разделяет их на две большие группы – исторические и топонимические. К первой группе он относит предания, связанные с людьми, которые стали участниками исторических событий, и с личностями, которые оставили след в истории, ко второй группе – предания, связанные с происхождением названий географических местностей, стран, церквей [11, с. 273].

К.В. Чистов, учитывая долгую историю становления преданий с участием потусторонних сил, предлагает разделить их на несколько групп: исторические, космогонические, этнонимические, зоогонические, топонимические, ландшафтные и т.д. [13, с. 23].

Узбекские ученые чаще всего разделяют предания на исторические и топонимические. У. Жуманазаров в своей монографии «Узбекский фольклор и историческая действительность» предания (ривоят) рассматривает, разделив их на три группы: этнонимические, исторические, топонимические [7, с. 172].

Казахский ученый С. Каскабасов, учитывая национальные истоки казахских преданий, кроме исторических и топонимических, указывает на возможность выделить «куй аңыздар» (музыкальные предания), шешенлик сөздер (красноречие), «шежире» (родословные) [8, с. 150–151].

Туркменские фольклористы изучают предания, разделив их на три группы: исторические, этиологические, топонимические [3, с. 119].

Как видно из сказанного, тематические разделения преданий различаются в зависимости от национальной принадлежности. Такое своеобразие присуще и каракалпакским преданиям. Исходя из тематического содержания, можно их разделить на четыре вида: этнонимические, топонимические, исторические и религиозные.

Среди каракалпакских преданий особый вес имеют этнонимические предания. Предания, связанные с происхождением названий родов и племен, не ограничиваются только устными источниками, они находят отражение и в письменных источниках.

Этноним «Қоңрат» является названием крупного рода среди каракалпакского, узбекского и казахского народов. Он оказал сильное влияние на формирование их как самостоятельных народностей. Среди этнонимических преданий о названии «Қоңрат» очень много эпических сведений. По этому поводу существуют различные суждения ученых. Если одни исследователи указывают на монгольское происхождение этого рода, то другие считают его древним, коренным тюркским родом.

Эти утверждения еще не нашли своего полного решения. Однако, учитывая, что тюркские племена еще до монгольского нашествия имели свое крупное государственное образование, можно предполагать, что этноним Қоңрат как название крупных племенных объединений, появился среди тюркских племен. Следует признать, что в научной среде превалирует эта тенденция толкования.

В действительности монгольские племена длительное время тесно взаимодействовали с тюркскими племенами, и у них до их выхода на историческую арену были возможности «омонголивать» некоторые тюркские племена. Одним из них, возможно, было племя Қоңырат, потому что во всех местных преданиях происхождение этого этнонима связано с лошадью и ее мастью. И само слово и по содержанию, и по структуре, и по фонетике явно тюркизм.

Среди каракалпакских преданий занимают большое место предания и рассказы о племенах, родах, родовых делениях, девизах, тавро, например, имеется множество устных рассказов, объясняющих происхождение названий родов и родовых делений: колдаўлы, кара мойын, кандекли, казаяклы, кыят, нукис, костамгалы, кенегес и т.д. Они представляют собой большой фактический материал, достойный изучения их и с исторической точки зрения, и с позиции их литературно-эстетических достоинств.

Топонимические предания объясняют, почему страны, земли, города, селения, реки, озера, моря так названы и как в этих названиях отражены условия исторической и бытовой жизни народа. На возникновение преданий определенное влияние оказывают исторические условия, социальные и духовно-эстетические потребности народа. В этом заключается жизненность и продолжительность существования их в народном сознании.

Топонимические предания являются порождением событий и происшествий, ограниченных пределами определенной местности. К числу таких относятся предания «Аяз кала», «Гулдирсин», «Ток кала», «Шымбай», «Қоңрат», «Шоманай»

и некоторые другие этнонимические рассказы о происхождении названий ряда городов.

«Гулдирсин» – самое распространенное предание среди каракалпаков.

Рассказ начинается с сообщения о том, что в Хорезме был богатый благодатный город Гулистан и у старого (хана) царя этого города была дочь по имени Гулдирсин. Дальнейшее развитие событий связано с нашествием монголов на этот город. «Гулдирсин» можно признать образцом топонимических преданий. К нему примыкают предания «Багдат», «Аяз кала», «Шымбай».

Если у топонимов утеряны первоначальные старые названия, то в последующие периоды появляются новые топонимы («Топырак кала», «Кой кырылган кала», «Казаклы жаткан» и др.). В некоторых топонимических преданиях рассказывается о событиях, в которых отражается конкретный исторический период, конкретная географическая местность («Аяз кала», «Гулдирсин», «Шымбай» и др.). В этих топонимических преданиях часто используются вымышленные и «бродячие сюжеты».

Исторические предания в большинстве случаев возникают в периоды сложных исторических событий или тогда, когда образуются государственные и племенные объединения, когда на эти объединения надвигается внешняя угроза, когда усиливаются внутренние раздоры. Обычно исторические предания слагаются как особый тип преданий после реализации социальной программы. Поскольку герой, как член этого объединения и как участник и действующее лицо этого события, заслуживает внимание народа, и, вследствие этого, ему отводится достойное место в преданиях.

Предания о личностях, связанных с историческими событиями, разнообразны по роду их деятельности. В них рассказывается о государственных и религиозных деятелях, о ханах и о людях его окружения, о служителях искусства: о поэтах, жырау-баксы, ораторах, о вождях и биях родов и племен, о простых умельцах из народной среды. Здесь исторические события образно описываются через конкретное действие людей.

Возникновение преданий об исторических событиях и исторических личностях в основном связано с возникновением и решением важнейших проблем в жизни государственных, племенных и родовых объединений. В таких преданиях находят свое отражение самые характерные, яркие черты событий и людей.

Исторические предания сначала создаются в виде устных рассказов или участниками, или свидетелями конкретного события, а потом они приобретают форму преданий. В некоторых исторических преданиях образы исторических личностей могут быть внедрены в готовый старый традиционный мотив.

Жизнь страны, ее прошлое, обычаи, традиции, культура по-своему сохраняются в святых местах. Они отражены в названиях кладбищ, мавзолеев, мечетей, мест преклонений. Такие предания в науке называют некронимами. Некронимические предания характеризуются тем, что в них в основном отражаются религиозные понятия и представления. Важная особенность некронимов заключается в том, что в них ярко выражены религиозно-эстетические вкусы их создателей. В некронимах глубокий след оставили черты поклонения духам предков (анимизм). Например, в Каракалпакстане одним из древних археологических памятников является Шылпык (I–IV, VII–VIII, IX–XI вв.), считающийся местом пребывания святых духов. О нем есть следующее предание: «Налогосборщики хивинского хана, возвращаясь из Сырдарьи, возле Шылпыка издалека увидели группу паломников. Дело было к вечеру. Когда они подъехали к Шылпыку, чтобы разузнать, кто они, совершающие паломничество в столь поздний час, то обнаружили, что там никого не было. О случившемся по возвращении в Хиву они сообщили хану. Хан, и раньше наслышанный о подобных рассказах, велел построить возле Шылпыка каменную мечеть, чтобы угодить духам и заслужить их благосклонность. И в действительности здесь в конце XVIII – начале XIX веков была построена мечеть представителем хивинского хана и хакимом города Кипчак Хожаниязом-бием» [12, с. 25–26]. В этом предании обосновываются религиозно-этические основы того, что Шылпык является священным местом, где пребывают святые духи. В ряде исследованиях Шылпык предстает как место паломничества для молодоженов, бездетных женщин, больных людей с целью избавления их от страданий.

Места паломничества всегда связаны с именами религиозных деятелей. Среди них: Абу Бакр аш Шыблий (IX–X вв.), Хаким-ата (XII в.), Сейд-ата (XIII в.), Имам ийшан (Имаматдин Кайыпназар улы, 1753–1831), Хан-максым (Убайдулла Бахауддин улы, 1887–1956) и др.

Некронимы во многих случаях являются средством внедрения в сознание людей религиозно-этических наставлений, воспитания в них почтительного отношения к памяти, к духам предков.

Предания в процессе создания и исполнения подвергаются влиянию абстрагированного мышления. В них часто встречаются принципы гиперболизации, идеализации событий и образов. Это не характерно для всех видов преданий. Эти принципы используются преимущественно в исторических преданиях, что объясняется стремлением создателей особо подчеркнуть значение событий или исторических личностей, представить их образы в возвышенном эмоциональном ключе.

Другая особенность преданий в том, что в них часто наблюдаются анахронизмы и вымышленные сюжеты, которые связаны с индивидуальной особенностью их создателей. А в целом, преданиям присущ старый традиционный тип сюжета, который опирается на типические события и образы. Именно в этом проявляются их типологическая общность и индивидуальное своеобразие.

Библиографический список

1. *Аникин В.П., Круглов Ю.Г.* Русское народное поэтическое творчество. – Л.: Просвещение, 1983.

2. *Айимбетов К.* Народная мудрость. – Нукус: Каракалпакстан, 1988.

3. *Баймырадов А.* Исторический эволюция туркменской фольклорной прозы. – Ашхабад: Наука, 1982.

4. *Бахадырова С., Мамбетназаров. К.* Каракалпакские предания, мифы и красноречие. – Нукус: Каракалпакстан, 1992.

5. *Давкараев Н.* Полн. собр. соч. – Т. 2. – Нукус: Каракалпакстан, 1977.

6. *Жапаков Н.* Вопросы реализма в каракалпакской литературе дореволюционного периода. – Нукус: Каракалпакстан, 1972.

7. *Жуманазаров У.* Узбекский фольклор и историческая действительность. – Ташкент: Фан, 1993.

8. *Каскабасов С.А.* Казахская несказочная проза. – Алма-ата: Наука, 1990.

9. *Максетов К.* Эстетика каракалпакского фольклора. – Нукус: Каракалпакстан, 1971.

10. *Максетов К.* Устное художественное творчество каракалпакского народа. – Нукус: Наука, 1996.

11. *Соколов В.К.* Русские исторические предания. – М., 1970.

12. *Хожаниязов Г., Хакимниязов Ж.* Семь чудесных памятников Каракалпакстана. – Нукус, 2004.

13. *Чистов К.В.* Прозаические жанры в системе фольклора // Прозаические жанры фольклора у народов СССР. – Минск, 1974.

УДК 82.161.1

Баталова Тамара Павловна
кандидат филологических наук
Московский государственный областной социально-гуманитарный институт
slava964964@mail.ru

НЕКРАСОВСКИЙ МОТИВ МОРОЗА В ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Автор данной статьи анализирует мотив Мороза в произведениях Некрасова и поэме Блока «Двенадцать». На этом основании он делает вывод о том, что Блок продолжает традиции Пушкина и Некрасова в изображении своеобразия русской жизни.

***Ключевые слова**: мотив, мороз, деспотизм, Пушкин, Некрасов, Блок.*

Мотив Мороза в поэзии Н.А. Некрасова возникает в 1850-е – 1860-е гг., во многом для него переходные. На смену принципам натуральной школы приходят иные, дающие возможность выразить сложные жизненные отношения. Создаётся новая образная система, для которой характерно усиление символизации. Н.Н. Скатов отмечает, что в произведениях Некрасова меняется лирический строй. В частности, появляются слова, «схватывающие суть всего цикла». В стихах они «предполагают смысл больший, чем прямое значение слова» [6, с. 197–198].

Появляются крупные некрасовские вещи, ставящие коренные национальные проблемы. «Национальное у Некрасова, – пишет Г.В. Краснов, – прежде всего или чаще всего выражается в творческом переживании исторического момента» [3, с. 94]. Связующими (термин Г.В. Краснова [см.: 2]) для его произведений той поры были мотивы,

© Баталова Т.П., 2011

выражающие необходимость преодоления обострившихся общественных противоречий путём демократических преобразований. В этом плане акцентируется пагубность для русской жизни последствий петровских реформ – гнёта абсолютизма, бюрократии и военщины.

Размышления поэта о многочисленных жертвах деспотизма (о чём напоминала объявленная в 1856 г. амнистия политическим заключённым) нашли своё отражение в поэме «Несчастные» (1856). Думается, в поисках образной формы Некрасов шёл здесь за Пушкиным. Об этом говорит пушкинский подтекст и реминисценции стихотворения «Город пышный, город бедный» (1828), в котором Свобода и Свет («Ходит маленькая ножка, // Вьётся локон золотой») противопоставляются «Духу неволи». Для Некрасова приемлемы принципы пушкинской символизации: выражение душевного состояния героя природными образами – «свод небес зелено-бледный», «холод», «гранит». Но восприятие пушкинского лирического «Я» у Некрасова как бы объективировано и социологизировано. Так, в «Несчастных» Солнце адресовано тем, чьи «лица блещут и цветут»; Туман, Мрак, Туча свинцовая –

Всему, что зелено и бледно,
Несчастно, голодно и бедно,
Что ходит, голову склонив! [4, т. 4, с. 33]

Гарантом такого противопоставления является символ деспотизма – Гордый дворец. (Заметим, что здесь возникает мотив «голодно», семантически рифмующийся с пушкинским «холодом»; эта связь актуализируется в «Коробейниках».)

Во второй части «Несчастных» при изображении сибирской каторги пушкинский Холод превратился в свои смысловые дериваты – Снег, Мороз:

Безлюдье, степь, кругом всё бело,
И небеса над головой… [4, т .4, с. 39]

Благодаря такому некрасовскому переосмыслению создаются символы-гротески, соединяющие в себе природные и общественные коннотации. Эта тенденция проявляется и в последующих произведениях поэта.

В стихотворении «До сумерек» (цикл «Уличные впечатления», 1858) изображена кризисная ситуация (термин Г.В. Краснова [см.: 2]), символизирующая народное горе и равнодушие к нему властей. «Снег» засыпает «сотни сотен крестьянских дровней», привёзших рекрутов.

Да близ медной статуи Петра,
У присутственных мест дожидаются
Сотни сотен крестьянских дровней
И так щедро с небес посыпаются,
Что за снегом не видно людей [4, т. 2, с. 183–184], –

и не слышно в «присутственных местах» (не случайно подчёркнуто – «близ медной статуи Петра», узаконившего рекрутчину), –

Чу! рыдание баб истеричное!
Сдали парня?.. Жалей не жалей,
Перемелется – дело привычное!
Злость-тоску мужики на лошадках сорвут,
<...>
А слезами-то бабы поделятся! [4, т. 2, с. 184].

Мотив Снега, засыпающего «людей», в поэме «Коробейники» (1861) как бы уточняется: характеризует и саму жизнь народную во всей Руси – «Холодно, голодно!». Этот мотив связан с войной («Враг дурит – народу горюшко»):

Весь народ повесил голову,
Стон стоит по деревням
<...>
Бабы сохнут с горя с этого,
Мужики в кабак идут [4, т. 4, с. 61, 62].

От «горя этого» богатеют Целовальники:

«Выше нет меня начальника –
Весь народ – работник мой!
<...>
Что родит земля им, матушка,
Всё несут в мою казну!» [4, т. 4, с. 62]

Богатеет и государственная казна. Большую долю в бюджете России составляли доходы от винных откупов, особенно возраставшие с петровского времени. Так, в 1859–1862 гг. эти средства увеличили казну на 40% [см.: 5].

Следствие такой политики – преступление спившегося, обнищавшего, отчаявшегося, потерявшего всякий смысл жизни – Горе-богатыря. Завершает ряд героев поэмы Титушка-ткач, превратившийся по воле Чёрных воронов в Убогого странника. Припев его песни и подытоживает страдания народные:

Холодно, страничек, холодно,
Холодно, родименький, холодно!
<...>
Голодно, страничек, голодно,
Голодно, родименький, голодно! [4, т.4, с.73–74]

Итак, погодный образ Холод, как бы пройдя чрез восприятие некрасовских персонажей, превратился в Холодно, а соединившись с Голодно, получает уже социальное звучание, становится гротеском. Он выражает здесь жизненные условия, причиняющие страдания всему народу от войны, от Чёрных воронов, от Целовальников.

Снег, Холод, Голод, усиливая друг друга, сливаются в мотив Мороза. В поэме «Мороз, Крас-

ный нос» (1863–1864). В ней не показано ни войны, ни Целовальников, ни Чёрных воронов, ни рекрутчины. Мороз здесь символизирует условия обычной русской жизни, которых не может вынести трудолюбивая крестьянская семья. Для более сильного художественного впечатления Некрасов вносит в поэму балладное начало. Мороз олицетворён. Он губит Прокла («Его доконала зима» [4.4.88]), он заморозил Дарью.

Социальную ипостась Морозу придают рассуждения односельчан о Прокле –

Жил честно, а главное: в сроки,
Уж как ему Бог помогал,
Платил господину оброки
И подать царю представлял
<...>
Свалился… А то-то был в силе!
и о себе –
Свалился… Не минуть и нам! [4.4.90-91]

Итак, гротескный образ Мороза символизирует здесь губительные для крестьян государственные порядки, в частности, – платежи и подати. Следовательно, образ Мороза здесь также символический гротеск.

Анализируя поэму, можно сделать вывод о том, что автор предупреждает о возможности общественной трагедии, таящейся в количества, а значит, – и стихийных сил Горе-богатырей как следствия социального антагонизма.

Вероятно, по мысли Некрасова, демократизировать страну, сблизить противостоящие друг другу сословия, невозможно без инициативной деятельности в этом направлении представителей высших слоёв общества. Но готовы ли они? В этом свете, вероятно, можно рассматривать стремление поэта показать в художественных произведениях высшую степень их бездуховности как своеобразную попытку «чистки» душ. Усиливается публицистичность некрасовских стихов.

Так, в цикле «О погоде» (1865) мотив Мороза возникает в петербургских картинах – в образе Крещенских морозов (одноимённое стихотворение). Хронотоп столицы позволяет конкретизировать социальное противостояние. Показаны типические представители «верхов» и «низов» общества. Они изображены в одних и тех же условиях – Мороза – «Двадцать градусов, ветер при том». Мороз – их общий враг. «Бедняки ему песню поют, // Зубом на зуб едва попадая»:

«Уходи из подвалов сырых,
Полутёмных, зловонных, дымящихся,
Уходи от голодных, больных,
Озабоченных, вечно трудящихся<...>»
[4, т. 2, с. 188]

Мороз не щадит «петербургскую голь»:

Всевозможные тифы, горячки,
Воспаленья – идут чередой,
Мрут как мухи извозчики, прачки,
Мёрзнут дети на ложе своём [4, т.2, с.189].

Но эту же строфу автор продолжает сообщением о бедах «довольных и сытых людей»:

Появился убийца в столице,
Бич довольных и сытых людей.
<...>
Ходит он по гостиным, по клубам
С смертоносным своим кистенём [4, т. 2, с. 189].

Поэт саркастически высмеивает гибнущих от обжорства:

В клубах мрак и унынье, обжоры
Поклялися не пить и не есть [4, т. 2, с. 189].

Мороз, насмехаясь над ними, гонит их на улицу:

В эту пору никто не гуляет,
Кроме мнительных, тучных, обжор.
<...>
А потом наедаются вдвое,
И наутро разносится слух,
Слух ужасный – о новом герое,
Испустившем нечаянно дух! [4, т. 2, с. 190]

Итак, образ Мороза здесь дан в двух ипостасях: он выражает и бедствия бедноты, и «ужасы» «довольных и сытых людей». Но они связаны только внешне, формально, не обусловливают друг друга, поэтому не выражают необходимости преодоления раскола общества. Эти проблемы заострены в стихотворении «Балет» (1866). Мотив Мороза здесь выражает высшую степень противостояния общественных «верхов» народным «низам».

Эпиграф стихотворения, цитируя пушкинские лирические отступления «Евгения Онегина», ориентирует на беседу лирического «Я» с Музой о наблюдаемых и представляемых событиях. Благодаря этому в композиционном отношении произведение можно условно разделить на две части. Это говорит о монтажном принципе его поэтики, то есть взаимном усилении его частей. События, изображённые в «Балете», синхронны: «Свирепеет мороз ненавистный» (первая часть), «В январе, когда крепки морозы» (вторая часть).

Но обе части противоположны по своим героям, хронотопу и стилю.

В первой изображены «генералы», «статские тузы», «сенаторы», «банкиры», «чиновники»,

«дворяне» в «звездах» и «бриллиантах». Во второй – «мужик» «В мёрзлых лапотках, в шубе нагольной, // Весь заиндевев».

Представители «верхов» показаны в «театре»: «Нынче будет спектакль бенефисный» Эта замкнутость пространства и ограниченность времени выражает их оторванность от общественной жизни, их историческую бесперспективность.

«Мужики» – на бескрайних русских просторах:

На Руси, на просёлках пустынных
Много тянется поездов длинных [4, т. 2, с. 239].

Это – хозяева России. Мотив Мороза выражает драматизм момента: «В январе, когда крепки морозы // И народ уже рекрутов сдал» [4, т. 2, с. 239], то есть – возвращение домой без сына. И вновь мужик «злость-тоску» свою делит с лошадью:

Чу! клячонку хлестнул старичина...
Эх! чего ты торопишь её!
Как-то ты, возвратившись без сына,
Постучишься в окошко своё? [4, т. 2, с. 241]

В противоположность «довольным и сытым» («Крещенские морозы») герои в «звёздах» укрылись от мороза. Но смысл этого мотива берёт на себя сатира, их изображающая, высшая степень их противостояния народу, то есть интересам всего общества. Так, например, Откупщица, у которой «всё погибло – и деньги, и честь», ради дорогого ожерелья готова на всё:

Не затих ещё шёпот скандальный,
Будто было в закладе оно:
Говорят, чтобы в нём показаться
На каком-то парадном балу,
Перед гнусным менялой валяться
Ты решилась на грязном полу [4, т. 2, с. 234].

В противоположность пушкинской Татьяне – героине «древних дней» –

Наши дамы практичней, умнее,
Идеал их – телец золотой,
Воплощённый в седом иудее,
Потрясающем грязной рукой
Груды золота… [4, т. 2, с. 236]

Заметим, что эпитет «грязный» здесь можно понимать и как символ падения нравственности, бездуховности «людей хорошего тона».

Стиль второй части – возвышенно-сочувственный. Горе крестьян сравнивается с тяжёлой кладью. Их сдержанность говорит о благородстве и духовной силе. Их сердца отождествляются с - сердцем России.

В сердце самое русского края
Доставляется кладь роковая.
Где до солнца идёт за порог
С топором на работу кручина,
Где на белую скатерть дорог
Поздним вечером светит лучина,
Там найдётся, кому эту кладь
По суровым сердцам разобрать.
Там она приютится, попрячется,
До другого набора проплачется [4, т. 2, с. 241]

Отметим, что необъятность крестьянского горя здесь трактуется как горе всей русской земли.

Скрипом, визгом окрестность полна,
Словно по сердцу поезд печальный
Через белый покров погребальный
Режет землю – и стонет она [4, т. 2, с. 240].

Таким образом, мотив Рекрутчины здесь символизируется, представляет собой общенародное горе. Мороз выражает уже трагизм всего русского общества.

Итак, мотив необходимости преодоления обострившихся социальных противоречий в стихотворении «Балет» достигает своего апогея. В стихах поэта он символизируется в гротескном образе – Мороз – и его семантических дериватах – Снег, Холод.

О силе поэтической экспрессии мотива Холода, Снега, Мороза в некрасовском творчестве говорит как бы продолжение их в произведениях писателей конца XIX–XX вв.

Так, в поэме А.А. Блока «Двенадцать» (1918) мотивы Ветра, Холода, Мороза, Снега, Вьюги – выражают «голос черни многострунный», «восстанья страшную душу» [7, с. 98] – драматизм событий 1917 г. в России.

Чёрный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер
На всём Белом свете.
<...>
Ветер хлёсткий!
Не отстаёт и мороз! [1, с. 7]

Возникающую здесь некрасовскую аллюзию подтверждает и реминисценция из «Коробейников»:

Я лугами иду – ветер свищет в лугах:
Холодно, страничек, холодно [4, т. 4, с. 73]

и

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек
<...>
Холодно, товарищи, холодно! [1, с. 11]

Но некрасовский мотив у Блока переосмыслен. Его героям «холодно» также от государствен-

ных порядков, но не от гнёта, а от доверия властей.

Внешний вид Двенадцати выдаёт их как наследников некрасовского Горе-богатыря. Но они не только умножились числом, но и превратились из государственных преступников в опору новой власти. Ружьё Христову охотничку «Деревенский, видно, плотничек // Строил» –

Да и сам христов охотничек
Ростом мал и с виду слаб.
Выше пояса замочена
Одежонка лесника,
Борода густая склочена,
Лычко вместо пояска
<…>
Эх ты, горе-богатырь… [4, т. 4, с .70–71]

У Двенадцати –

В зубах цигарка,
Примят картуз,
На спину б надо
Бубновый туз
<...>
Эх ты, горе-горькое,
Сладкое житьё!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружьё! [1, с. 12]

Сближает героев и их стремление к грабежам и насилию. Но теперь это уже правомерные действия:

Запирайте етажи,
Нынче будут грабежи!
Отмыкайте погреба –
Гуляет нынче голытьба! [1, с. 16]
Уж я ножичком, ножичком
Полосну, полосну [1, с. 17]

Таким образом, Блок, как бы продолжая Некрасова, показывает, как реализовалось его предвидение о русской Драме. Самые обездоленные жертвы деспотизма (по Некрасову) превратились в орудие его господства (по Блоку). Изменился только субъект деспотизма.

Но автор «Двенадцати» углубляет проблему, рассматривая её в онтологическом плане. В этом отношении особо значима сюжетно-композиционная функция мотива Вьюги. Генетически она восходит к Пушкину и Некрасову. Для её выяснения интересно сопоставить три кризисные сюжетные ситуации – исходную пушкинского «Медного Всадника» (1836), концовку части 3 некрасовской «Тишины» (1856–1857) и финал «Двенадцати». Все они выражают отношение природы и Высших сил к изображаемым событиям. В первой из них –

И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел
И думал Он…

Природа и, прежде всего, Солнце, «спрятанное в тумане», не одобряют «думы» Его о Реке, Его планы.

Во второй, у Некрасова:

Но тихо… В каменные раны
Заходят сизые туманы,
И черноморская волна
Уныло в берег славы плещет…
Над всею Русью тишина,
Но – не предшественница сна:
Ей солнце правды в очи блещет,
И думу думает она [4, т. 4, с. 55].

Природа сочувствует истерзанной войной России; Солнце – символ Иисуса Христа – освящает её путь к Воскресению. У Блока на пути Двенадцати – Вьюга. Она мешает им идти вперёд:

Разыгралась что-то вьюга,
Ой вьюга, ой вьюга!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!
<...>
И вьюга пылит им в очи
Дни и ночи
Напролёт…[1, 18–19]

Задерживая на пути, Высшие силы как бы предупреждают Двенадцать, «кровавый флаг» символизирует грядущие трагедии.

Заметим, что финал «Двенадцати» как бы синтезирует рассмотренные кризисные ситуации:

Так идут державным шагом:
Позади – голодный пёс,
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз
Впереди – Исус Христос [1, с. 20].

Здесь актуализирована символика некрасовского образа Солнца правды – Иисус Христос. Вместе с тем Высшие силы, как и у Пушкина, не одобряют действия героев, но в то же время и не оставляют их.

Таким образом, некрасовский мотив Мороза, выражая мысль о кризисном состоянии русского общества в условиях господства деспотизма, предупреждает о возможности трагического исхода. Продолжая его, Блок показывает, что новый порядок эту опасность готов реализовать.

Библиографический список

1. *Блок А.А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. – Т. 4. – М., 1999.
2. *Краснов Г.В.* Сюжеты русской классической литературы. – Коломна, 2001.
3. *Краснов Г.В.* В поисках национальной идеи (Некрасов на рубеже 1850-х – 60-х гг.) // Карабиха. Историко-литературный сборник. Вып. 2. – Ярославль, 1993. – С. 90–104.
4. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч.: В 15 т. – Л.; СПб., 1981–2000.
5. *Прыжов И.Г.* История кабаков в России. – М., 1992.
6. *Скатов Н.Н.* Некрасов. – М., 1994.
7. *Туркин А.М.* Блок Александр Александрович // Русские писатели XX века. Биографический словарь. – М., 2000. – С. 96–98.

Котлов Александр Константинович
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ak_kotlov@inbox.ru

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПРОЗА И КАТЕГОРИЯ НАРОДНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ

Автор статьи обосновывает возможность применения к анализу современной «традиционной» русской прозы такой категории, как народность, на основе онтологического подхода.

***Ключевые слова**: современная русская литература, «традиционная» проза, народность в литературе, онтологический подход.*

За последние двадцать лет многие категории в современной науке о литературе пережили своего рода опалу, иногда заслуженную – как идеологическое наследие прошедшей эпохи, вошедшее в советское литературоведение в 1930-е годы, иногда, по мнению авторитетных теоретиков литературы, неоправданную, связанную с вытеснением классического литературоведческого инструментария новыми, а часто просто модными подходами к анализу художественного произведения, которое перестало быть таковым и превратилось в текст. Среди подобных категорий обычно назывались такие, как классовость, партийность, реализм, социалистический реализм, автор, образ автора и многие другие. Какие-то понятия позднее реабилитировались или уточнялись (вспомним споры о соцреализме). Дискуссии вызвала и категория народности, в советском литературоведении являвшаяся одной из фундаментальных.

Так, С.И. Чупринин в справочном издании «Русская литература сегодня: жизнь по понятиям», ориентированном, как видим из названия, на понимание процессов, происходящих в современной русской литературе, не без сарказма заявил: «Сколько-нибудь ответственные, эстетически вменяемые люди о народности в литературе сегодня предпочитают не высказываться»; «подавляющее большинство современных критиков» должно «попросту вычеркнуть понятие народности из своего рабочего лексикона, сохраняя его разве лишь для диссертаций по истории русской литературы XIX века» [12].

В то же время А.Б. Есин в работе «Народность как категория современного литературоведения», на наш взгляд, справедливо указывает на актуальность данного понятия, обладающего «вполне реальным содержанием, которое надо раскрывать, убирая, естественно, идеологические наслоения и крайности» [4, с. 20]. Ключевой причиной негативного отношения к исследуемой категории ученый закономерно видел в утрате русским народом в 1990-е годы национальной самоидентификации, в аморфности национального самосознания [4, с. 29].

Сторонником своеобразной ревизии категории народности, но, безусловно, не ее изъятия из научного оборота стал и такой теоретик литературы, как В.Е. Хализев. Он говорит именно не о народности литературы а *народности в литературе* (выделено нами. – *А.К.*) [11, с. 9]. Следовательно, речь идет не о явлении, безусловно имманентном литературе, но и не о явлении спорадическом.

Если в советские годы в определении сути народности ощущалась некая императивность: «выражение мыслей и чувств народных», «осознанное служение народу» [9, с. 234], то В.Е. Хализев, избегая подобного долженствования, говорит о народности как «вовлеченности (причастности)» творчества писателя в «жизнь больших

 © Котлов А.К., 2011

социумов и, прежде всего, народов». Однако исследователь указывает и главную причину сложности точного определения – «причастность писателя к жизни нации и ее культуре проявляется по-разному»: по словам, литературоведа, «здесь значимы и укорененность в отечественных традициях, и родство миропонимания народному менталитету, и пристальный интерес к современной участи широких слоев общества, и широкая опора на богатства национального языка, и уважительное внимание к истории своего народа и государства, и (далеко не в последнюю очередь) стремление создавать произведения, которые были бы понятны и сродни людям, удаленным от литературно-художественной среды, то есть обращенность творчества к широким общественным слоям» [11, с. 6]. Вследствие прежде всего последнего тезиса В.Е. Хализев устанавливает оппозицию: «народность» – «элитарность» [11, с. 9], отвергая, безусловно, претензии «массовой литературы» на некую народность в силу ее художественной неполноценности. С.И. Чупринин указывает на возможность наложения категории народности (не признавая ее в целом как категорию, а называя «первейшим и важнейшим признаком») именно на массив современной «массовой литературы»: «народность как соответствие творчества вкусам и ожиданиям большинства народонаселения» [12]. Нет надобности вновь заводить разговор о классическом разграничении, укоренившемся в русской традиции, народа и черни, чтобы понять изъяны утверждения, приведенного выше.

Совершив исторический экскурс в перипетии осмысления народности западными (И.Г. Гердер, Я. Гримм) и, прежде всего, отечественными художниками-практиками и теоретиками искусства (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, В.Г. Белинский, А.С. Хомяков, Н.А. Добролюбов, Ап.А. Григорьев, П.П. Муратов и др.), В.Е. Хализев отмечает взаимодополняемость, а не антагонизм: все они «ратовали за литературу, неразрывными узами связанную с национальной жизнью, с ее ценностями и противоречиями, тревогами и заботами», «сопрягали народность с этически ориентированным мироотношением писателей, с личностным началом, а также реалистическими установками творчества» [11, с. 8].

В то же время, думается, «выход литературы за рамки собственно художественной среды», как, согласимся, ключевой признак народности художественного явления, тоже еще не может быть признан главным. В чем в первую очередь должна выражаться указанная связь с жизнью нации? На наш взгляд, очень важной должна быть «находимость» автора, его соположение с миром, нахождение той «точки опоры», которая помогает ему преобразовать мысль или чувство о мире в художественный образ. Г.Д. Гачев, наблюдая за работой двух рабочих-пильщиков, не без зависти заметил: «Их – двое. И потому нет для них проблемы точки опоры: она вне каждого» [2, с. 52]. Действительно, если «точка опоры» художника вне его самого (в другом человеке, в природе, в Боге), то и бытийная картина, запечатленная в художественном произведении, будет стремиться к той народности, о которой говорили А.Б. Есин и Е.В. Хализев и которая («мысль народная») столь ясна в произведениях русской классики. Причем конкретная историческая ситуация может изменить лишь колористические или композиционные характеристики подобной бытийной картины, но не ее суть.

При этом относительное осознание своего бытия возможно только в «со-бытии», в котором, по утверждению М. Хайдеггера, «время и бытие сбываются» [10, с. 404]. Как образно заметил М. Бубер, «пока распростёрт надо мной небосвод *Ты*, ветры причинности сворачиваются клубком у моих ног, и колесо судьбы останавливается» [1, с. 9].

Таким образом, конечно, не «сусальностью» образов отличается истинно народное произведение, герои которого живут в миру с миром или страждут от разъединенности с ним, а именно ощущением своей сопричастности либо времени «торжеств», либо поре «бед народных», либо глухому безвременью (Толстой – Достоевский – Чехов). «Изолированность от большого мира», «тяга к эстетизму» (В.Е. Хализев) (вспомним эпоху модернизма, например), напротив, могут в определенные периоды несколько потеснить литературу, в которой такое качество, как народность, ярко проявилось.

На рубеже XX–XXI веков отчасти повторилась культурная ситуация эпохи модерна: постмодернистский эстетизм (иногда – антиэстетизм) на время заслонил иные художественные интенции, прежде всего связанные (вспомним размышления Е.В. Хализева) с открытой этической позицией автора, отсутствием в ней гиперамбивалентности, ориентацией на реалистически видимую картину мира.

Кстати, если говорить о «воскрешении» реалистических традиций в современной прозе, то данный процесс, на наш взгляд, как раз не может мыслиться без приобретения именно такого качества, как народность. Стоит напомнить слова, сказанные В.М. Жирмунским еще в 1916 году в работе «Преодолевшие символизм» о той тенденции в русской поэзии, которую он определил как «неореалистическую»: «Мы не считаем возможным возникновение нового и широкого реалистического направления вне выхода из индивидуалистически искаженного, уединенного восприятия жизни на вольный воздух жизни настоящей и непосредственно воспринимаемой, вне отказа от личной оторванности и смирения перед объективной жизненной правдой» [5, с. 401]. Современный прозаик, вольно или невольно испытавший на себе множество разнородных эстетических воздействий (от символизма и неореализма начала XX века до постмодернизма), не может, естественно, эпигонски «копировать» реалистическую классику: далеко не тот мир ни внутри искусства, ни вне его. Часто (особенно в 1990-е годы) мир воспринимается современным художником пугающим, чуждым, как когда-то в «Концерте на вокзале» (1921) О. Мандельштама:

Нельзя дышать, и твердь кишит червями,
И ни одна звезда не говорит... [6, с. 95]

Без сомнения, и современному прозаику иногда могло показаться, подобно Б. Пастернаку («Разрыв», 1919), что выход в мир почти равнозначен смертельному испытанию:

А в наши дни и воздух пахнет смертью:
Открыть окно – что жилы отворить [7, с. 181].

В результате произошло то, что В.М. Жирмунский назвал «сужением душевного мира» [5, с. 402]. Так, «я-повествование» стало играть, пожалуй, не меньшую роль в современном литературном процессе (и в произведениях, называемых критикой «реалистическими»), чем в эпохи романтизма или символизма. Сам по себе подобный тип повествования, безусловно, еще не говорит об исключительной акцентуации автора на собственной личности. В то же время параллель с постсимволистской эпохой напрашивается. Вновь В.М. Жирмунский о символистах и «преодолевших» их: «Индивидуалистическая искушенность слишком глубоко вошла в самое восприятие жизни того поколения, которое воспитывалось на символизме» [5, с. 400]. А наши современные прозаики не просто «воспитывались», но и продолжают жить в эпоху постмодерна, не менее индивидуалистическую, а, скорее, более, да еще с утратой «прекраснодушной» веры в трансцендентности.

Даже мандельштамовский «железный мир», при всей его жуткой экспрессии, не был замкнут в себе:

Но, видит Бог, есть музыка над нами... [6, с. 95]

Не случайно В.М. Жирмунский, размышляя о «новом реализме» начала XX века, указывал на необходимость того, чтобы этот реализм «основывался на твердом и незыблемом религиозном чувстве, на *положительной религии, вошедшей в историю и в быт и освещающей собою всю жизнь и все вещи в их стройном взаимоотношении* (выделено нами. – *А.К.*)» [5, с. 404]. Что есть эта «положительная религия»? Не есть ли это та народность, о которой мы размышляем? Думается, эти понятия оказываются очень близкими. Г.Д. Гачев как-то, анализируя свою «ежедневность», заметил рождение в своей душе того чувства, что он выразил словом «религия», акцентировав при этом в нем этимологический смысл:

«Итак, зарядка, как молитва, приводит тебя в состояние и гармонии с бытием, и в состояние боевой готовности. Да, а главное: в ходе этих телодвижений начинается забвение своего “я”, себя как чего-то корыстного и особого; “я” словно рассасывается; забываются и мои особые цели, заботы, мысли, и вот уже я – просто как все, и приемлем для всех; т.е. это и есть связывание (re-ligia) всех существ в одно мировое тело, которое бессмертно, – и через это ты чувствуешь и свое бессмертие, и непринужденную переселяемость своего “я” – во что угодно: в дерево, в комара, в барса, в другого человека...» [2, с. 33].

Сложно говорить о «непринужденной переселяемости своего “я”» в отношении современной прозы, в которой господство «я»-повествования (при всех нюансах) раскрывает сосредоточенность на собственной экзистенции, в то время как весь внешний мир воспринимается исключительно отражением «я», а не самостоятельно ценной субстанцией. Однако в «традиционной» прозе, при всей ее нынешней «экзистенциальности», сохраняется главное, что характерно для собственно народной по своему мировидению литературы, – ощущение непреходящей «связанности» двух сторон бытия: «я» и окружающего мира. Именно это создает ощущение целостнос-

ти жизни, бытия как такового в произведениях Д. Бакина, А. Варламова, Б. Евсеева, З. Прилепина и многих других «традиционных» по духу и часто современных по стилю русских прозаиков.

Так, в рассказе Д. Гуцко «Лю» неговорящий ребенок с этимологически значимым именем Алешка, кормя бананом игрушечного мишку, подаренного соседкой Евлампихой, рядом с далеко не святой «троицей», собирающейся выпивать, произнесет свое первое слово «лю» – то ли «люди», то ли «люблю»: «Алешка прижимается к мишке щекой.

– Лю, – повторяет он и с серьезной нежностью заглядывает в выпуклый черный глаз и серую пуговку.

– Лю, – и кормит его бананом (ждет, чтобы тот откусил, и только потом отводит руку).

– Лю…» [3, с. 318]

И пусть автор с печалью замечает: «Это его первое слово, но ни Нинка, ни Сом, ни Васька, ни даже Евлампиха об этом, конечно, не знают» [3, с. 318], в душе мальчика, в этом потенциально готовом развернуться мире, пока еще в неком «бытии в себе», прозревает забитая во взрослых бытом гармония Бытия. Детское целостное сознание позволяет маленькому герою почувствовать большую значимость мира вне себя.

Кажется, нет большего антипода Алешке, чем герой рассказа Р. Сенчина «На черной лестнице» – Максим, в финале произведения думающий о «*впустую* прожитых» тридцати восьми годах: «Ну, пусть не все тридцать восемь *впустую*, но двадцать – точно. Отпечатались они на лицах, ничем эти отпечатки не смоешь, не соскоблишь. И от новых таких же *пустых* не спасешься. Вот так все и будет еще очень долго – очень долго, тяжело и *пусто*» (выделено нами. – *А.К.*) [8, с. 297]. Сгущение самого ощущения пустоты, подчеркнутого лексическим повтором, неминуемо говорит о своей противоположности: невостребованная полнота души заставляет испытывать боль, не утихающую в герое и от большого количества выпитого. Сознание Максима (хочет он того или нет) «подключено» к миру, взыскующего его душу.

Таким образом, современные прозаики-«традиционалисты» наследуют от русской классики такое качество, как народность, проявляющееся отнюдь не во всех их произведениях, но «народность в литературе» остается одним из доминантных ориентиров в творческих поисках подобных писателей. Данное качество сродни понятию симфонизма в экспрессивных размышлениях Г.Д. Гачева, невольно указывающего на явную слабость современной русской прозы (отсутствие «большого дыхания») и выводящего наши размышления в область непреходящих этических ценностей:

«Мне нужно *большое дыхание*. А как его набрать в калейдоскопической жизни, которая раздрабливает сознание и где в лучшем случае можно подобрать осколки …Нет, это – поношение и крошение человека. Этот жребий удручает. Воспрянь, е…м..! *собери себя – и собери мир вокруг себя, стяни его*. И я знаю, что я это умею делать. Потому я чувствую себя крупным и должным вызывать благоговейное и радостное удивление у людей: что не только праотцы, писатели прошлого, имели эпическую *силу построить – не просто свой* (это делает в наше время каждый интеллигент), *но именно народно общезначимый, внятный всем людям мир нравственности и мысли,* но что *и в наше время – Ессе Homo! Жив человек!* – бытие может быть разломано и сотворено вновь» (выделено нами. – *А.К.*) [2, с. 55].

Библиографический список

1. *Бубер М.* Я и Ты: пер с нем., послесл. П.С. Гуревича. – М.: Высшая школа, 1993. – 175 с.

2. *Гачев Г.Д.* 60 дней в мышлении (Самозарождение жанра). – М.; СПб.: Летний сад, 2006. – 480 с.

3. *Гуцко Д.* Лю // Гуцко Д. Покемонов день. – М.: Время, 2007. – С. 314–318.

4. *Есин А.Б.* Литературоведение. Культурология: Избранные труды. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 352 с.

5. *Жирмунский В.М.* Преодолевшие символизм // Жирмунский В.М. Поэтика русской поэзии. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – С. 364–404.

6. *Мандельштам О.Э.* Собр. соч.: В 4 т. – Т. 1. – М.: ТЕРРА, 1991. – 684 с.

7. *Пастернак Б.Л.* Стихотворения и поэмы: В 2 т. – Т. 1. – Л.: Сов. писатель, 1990. – 504 с.

8. *Сенчин Р.* На черной лестнице // Сенчин Р.В. На черной лестнице: рассказы. – М.: АСТ; Астрель, 2011. – С. 274–297.

9. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.

10. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления: пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

11. *Хализев В.Е.* О народности в литературе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://

www.literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1206020739& (Дата обращения: 18.08.2011).

12. *Чупринин С.И.* Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/101082/Chuprinin (Дата обращения: 18.08.2011).

УДК 82(091)

Криволапова Елена Михайловна
Курский государственный университет
elena_vroblevska@mail.ru

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ КАРТИНА МИРА В РАННИХ ДНЕВНИКАХ М. ПРИШВИНА

В статье рассматривается специфика пространственно-временных отношений в ранних дневниках М. Пришвина. Анализируется творческий метод писателя, особенности стиля дневника, категории времени и пространства. Сопоставление эмпирического и духовного пространства в дневниках М. Пришвина позволяет выявить характер поэтического мировосприятия писателя и созданную им пространственно-временную картину мира.

Ключевые слова: *дневник, категории времени и пространства, художественный метод, стиль, картина мира, поэтическое мировосприятие.*

Говоря о пространственно-временных типологических моделях, М.М. Бахтин подчеркивал взаимосвязь хронотопа и жанра произведения: «Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом» [1, с. 122]. Наличие временной и пространственной датировки является одним из основных атрибутов дневника как жанра литературы non-fiction, поскольку «в самом жанровом названии содержится указание на периодичность как главную особенность дневника» [2, с. 58]. Хронотоп в данном случае играет определяющую роль и как структурообразующий элемент жанра, и, что еще более значимо, как способ постижения и осмысления действительности. «Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [1, с. 122]. Хронотоп в дневнике представляет в «развернутом виде» эволюцию взглядов его автора. В этом отношении справедливо определение О. Егорова, где он называет дневник «духовным хронометром, по которому автор прослеживает этапы своей жизни» [2, с. 59].

М.М. Пришвин принадлежал к числу тех писателей, кого в литературно-общественных кругах России начала XX века называли «ищущими». Жизненное кредо писателя можно выразить его же собственными словами из повести «У стен града невидимого»: «Ищу правильную веру» [3, с. 405]. Писательской позицией Пришвина обусловлены особенности пространственно-временной организации дневникового текста. Его ранние дневники охватывают период с 1905 по 1913 годы. По словам В.Д. Пришвиной, первоначально они представляли собой «разрозненные записи на отдельных листах разного формата и разной сохранности», иногда без точной датировки. Но все они были распределены самим автором по отдельным темам, что послужило основанием для издателей выстроить текст раннего дневника по тематическому принципу, в отличие от традиционного – хронологического. Основной объем текста дневников составляют материалы, связанные с религиозно-философскими исканиями писателя: отдельные тематические главы посвящены знакомству Пришвина с «петербургскими мистиками» и его участию в Религиозно-философском обществе Петербурга, общению с представителями хлыстовской секты «Начало века», с новгородскими сектантами. Помимо этого, в дневник включен материал о его поездках в Киргизию («Сибирский дневник») и Крым.

Поскольку в данном случае тематический принцип построения дневника является определяющим, значение времени как жанрообразующего фактора минимизируется: записи датируются, хотя их реальная последовательность нарушена, поскольку редакторы ранних дневников были сориентированы на определенные темы, изначально обозначенные самим писателем. Что касается пространственных отношений, то прин-

 © Криволапова Е.М., 2011

ципы их организации в данном случае полностью соответствуют авторской интенции.

Основная движущая сила раннего дневника Пришвина – это рефлексия, вызванная драматической историей его первой любви. По собственному признанию писателя, мучительные душевные переживания, будучи перенесенными на бумагу, доставляли ему заметное облегчение и позволяли «как-нибудь справиться с собой», выводили из состояния безысходности и душевного тупика. В дальнейшем дневниковые записи, ставшие для Пришвина на первых порах своеобразным психотерапевтическим средством, трансформируются в процесс самопознания, самоидентификации и связаны с освоением более широкого пространства, нежели биографическое, которое включает в себя уже не только внутреннее, личное «я», но и общественное «мы».

Несмотря на внешнюю географическую разбросанность – Петербург, Хрущево, Елец, Задонск, Спас-Чекряк Оровской губернии (сюда же можно включить и московские воспоминания), – в дневниках представлен единый пространственный континуум. Писатель выразительно и точно запечатлевает характерные приметы предреволюционной России: «ищут» не только «интеллигентные умы», в поисках весь народ – в поисках и одновременно в ожидании великой катастрофы. Вот характерная для пришвинского дневника маленькая сценка – рассуждения из «народной жизни»: «Совсем, совсем теперь другой народ стал… Чегой-то ищет. Ищет и ищет… И вот какие задумчивые стали! Вот какие задумчивые. Бывало, выпьет и развеселится, а теперь нет, все чегой-то ищет. Какой-то неуловимый стал народ, текучий, все перемешалось. Кажется, кончится это страшно» [4, с. 92].

Исследователи отмечают увлечение Пришвина религиозно-философскими вопросами, начиная с конца 1900-х годов. «Именно к этому периоду особенно относятся слова писателя, сказанные им в 1924 году в очерке “Голубиная книга”: “Раньше я очень интересовался русским человеком в отношении его к церкви, с одной стороны, и той природной религиозности, которую называют “язычеством”» [5, с. 9]. Постижение Пришвиным народной психологии, народной веры наблюдается на протяжении всего дневникового пространства. В Петербурге это непосредственные разговоры с людьми, в Задонске – наблюдения за священнослужителями и поведением народа во время богослужения, в Спас-Чекряке – это соприкосновение с феноменом старчества в лице о. Георгия. Стремясь приблизиться к пониманию народной веры, Пришвин, с одной стороны, проникается чувством уважения к тем, кто просто, не рассуждая, онтологически верит, а с другой – такая вера недоступна его пониманию. Общаясь с народом, он пытается выявить, на чем же основывается незыблемость его веры. В этом отношении показательна сцена разговора с рабочими на пристани у Летнего сада, датированная 28 мая 1906 г.:

«Заговорили о земле.

– Вот если бы хоть клочок земли, стал бы разве я вести ужасную жизнь? <…> Вот бы землицы клочок, сейчас бы бросил все, ушел. Ну, скажите, кто им позволил землей завладеть. Земля Божья!

Я сказал, что если говорить о Боге, то и Горемыкин скажет, что частная собственность освящена Богом. И сразу десятки голосов заговорили: собственность на земле освящена Богом! Да где же это сказано, когда Бог это говорил? Нет, Бог никогда этого не говорил, и нигде об этом не писано.

Они говорили так убежденно, что не оставалось никаких сомнений в их глубокой вере в Бога. Это были люди убежденные, чистые, без тени сомнения».

И когда Пришвин пытается «поколебать» их твердую веру, замечая, что «может быть, Бога-то и нет совсем, и нет на земле правды, и никогда не будет», его провокационные, «кощунственные», слова не вызывают должной реакции: «Но мои слова приняли как не имеющие значения и, помолчав немного, продолжали: “Никогда не говорил об этом так Бог, Бог никогда не говорил”» [4, с. 7–8].

Ко времени написания дневника Пришвин (он указывает свой точный возраст – 32 года) пережил увлечение марксизмом в студенческие годы, «потерял веру и вкус к прогрессивной деятельности», «к безвкусной и квадратной интеллигентности». Он не видит в себе религиозного человека, наоборот, прямо пишет о своей «нерелигиозности». В дневнике (запись от 5 мая 1908 года) Пришвин честно признается, что готов молиться «просто земле», но не Богу: «Земля прекрасна! Я носил любовь к бытию с детства, но ни разу не сказал искренно, от всего сердца, что это Бог так сотворил, что это Он. Я готов бы теперь произнести это слово, но чувствую вперед фальшь. Земле, однако, просто земле, убранной и зеленеющей, я готов бы молиться» [4, с. 41].

Осознание своей разъединенности с миром и попытки обрести с ним единство раскрываются автором посредством постижения пространства духовного. Мысль Пришвина неизменно устремляется к той плоскости, в которой «лежит тайна»: «Я думаю о себе и о том, что я значу в мире, какой смысл имеют мои переживания, как отражаются они во всем» [4, с. 14]. Ключ к постижению этой «тайны» дает природа. Именно через ее непосредственное восприятие автор пытается постичь Божественную сущность мира: «Я поднимаюсь все выше и выше и наконец вступаю в аллею… прохожу по террасе, оглядываюсь назад… Солнце село… <…> И вот начинается таинственный вечер… Сеть черных стволов на красном… Соловьи запели. Решено: мир принят как тайна… И я ступаю еле слышно… я боюсь нарушить тайну… (я крещусь). И все сильнее поют соловьи… Таинственный мир принят» [4, с. 20].

Показательно, что в описаниях природы Пришвин незаметно для себя как бы осторожно переступает ту невидимую черту, что разделяет две плоскости – обыденную, бытовую, и «тайную», Божественную. Не случайно хор соловьев в саду напоминает ему церковь, в радостном своем сне он слышит звон колоколов, а ели, стоящие вдалеке, ассоциируются у него с иконостасом. Эти «открытия» важны для Пришвина, поскольку дают внутренний душевный импульс, позволяющий верить в себя, и высшая точка этой веры – осознание себя как частицы мирового космоса. Писатель находится в ожидании духовного синтеза, в «предчувствии того дня», когда его «сознание сольется со всем миром». Не случайно «искание Бога» у него также начинается «на границе» двух плоскостей, двух миров. «На границе природы и человека нужно искать Бога», – приводит в дневнике Пришвин фразу из своей книги «У стен града невидимого» [4, с. 28]. Но этот вывод для «ищущего» писателя не безусловен, так как далее он выражает сомнения в «подлинности» написанной им самим «искренней фразы»: «Вообще, если говорить о самом Боге, то никогда нельзя знать, о Нем ли говоришь… Чтобы сказать о Боге, нужно… очень многое… Бога нужно прятать как можно глубже» [4, с. 28].

Пантеизм Пришвина сопряжен прежде всего с тем, что именно природа является для него мощным источником писательского вдохновения. Не случайно он говорит о своем замысле «когда-нибудь» «сделать работу о пантеистическом начале творчества». Что касается «природы и человека», то в дальнейшем они будут «разведены» Пришвиным по разным полюсам, о чем свидетельствует его высказывание: «В моих писаниях, даже самых лучших… есть упрямство в избегании привлечения к природе напрямую человеческой души. Я остаюсь у самой границы встречи божественной природы человека, его духа с обыкновенной натуральной природой» [4, с. 703].

Исследователи неоднократно обращали внимание на «перегруженность» дневников Пришвина фенологическими подробностями. Признавал это и сам автор, для которого внешнее, эмпирическое пространство с «обыкновенной натуральной природой» было не менее значимо, чем духовное. Действительно, у Пришвина рядом с художественными описаниями встречаются сугубо бытовые зарисовки. Например, после того, как «мир» был им «принят как тайна», следует текст: «В этот вечер размеряли для новой аллеи… клубнику прочищали, отрезали старые усы, лук сажали… Первая теплая заря» [4, с. 20]. Или другой пример: «Маркиза присутствует при окопке клубники. Катают овес, корка хорошо разрыхляется, боронят посеянную картошку (а то земля сселась). Как за один вчерашний день неузнаваемы стали аллея и сад» [4, с. 38]. Подобные бытовые зарисовки встречаются у Пришвина довольно часто. Отсюда, видимо, рождается признание: «Правда, есть что-то похожее во мне с наблюдателем на метеорологической станции» [4, с. 30]. В этих словах есть значительная доля истины. Для Пришвина, получившего агрономическое образование (продолженное затем в Лейпцигском и Берлинском университетах), работавшего агрономом, такое отношение к природе, земле было не менее естественным, чем отношение к земле народа в разговоре о Боге у решетки Летнего сада.

Для Пришвина жизнь природы представляется таким же «путешествием», какое совершается и в его душе: «От первой проталины до кукушки, кажется, столько времени должно пройти, столько счастья впереди, столько всего в природе должно построиться, а все так быстро проходит. И медленно, спокойно, почти лениво, до утомления медленно, а в то же время и быстро. Великий Художник работает спокойно» [4, с. 15–16]. Здесь «профессиональный» взгляд человека, знающего природу и понимающего ее внутренние законы, совмещается со взглядом писателя, видящего в этих законах тайну ее Творца – «Великого Ху-

дожника», тайну, пока еще не раскрытую Пришвиным.

Совмещение двух пространств – материального и духовного – является одной из особенностей художественного мировидения писателя. В ранних дневниках Пришвин-наблюдатель и Пришвин-художник составляют неразрывное единство. Тем не менее именно художественное освоение действительности является для него главенствующим. «У меня нет вымысла, – замечает Пришвин, – я изображаю подлинную жизнь русскую, повседневную… но я уношу ее в вечно далекие пространства» [4, с. 33]. Совмещение нескольких пространственных континуумов в ранних дневниках Пришвина позволяет составить представление не только о реалиях русской жизни, но и почувствовать «духовный хронометр» человека, живущего в преддверии великих потрясений.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – 122 с.

2. *Егоров О.Г.* Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 58 с.

3. *Пришвин М.М.* У стен града невидимого. (Светлое озеро) // Пришвин М.М. Собр. соч.: В 8 т. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 1. – 405 с.

4. *Пришвин М.М.* Ранний дневник. – СПб.: Росток, 2007. – 92 с.

5. *Фатеев В.А.* Возвращаясь к замыслу Пришвина // Пришвин М.М. Цвет и крест. Неизвестные произведения 1906–1924 годов. – СПб.: Росток, 2004. – С. 1–9.

УДК 821.161

Локша Анна Владимировна
кандидат филологических наук
Дальневосточный государственный университет (г. Владивосток)
fox1108@mail.ru

ПОЭТИЧЕСКАЯ КОСМОЛОГИЯ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

В статье анализируется поэтическая космология В. Хлебникова и доказывается, что астральная образность является своего рода «зеркалом», в котором отражаются основные миромоделирующие концепты творчества одного из ведущих представителей русского футуризма.

Ключевые слова: *поэтическая космология, астральная вертикаль, урбанистическая горизонталь, онтопоэтика, модель мира, «верхний» и «нижний» мир.*

Одна из доминантных оппозиций в творчестве Велимира Хлебникова – это традиционная оппозиция природы и культуры, актуализирующаяся у Хлебникова в частной оппозиции «горнего» и «дольнего», «астральной вертикали» и «урбанистической горизонтали». Характерно, что это противостояние в «синтетической» поэзии Хлебникова обретает свои характерные семантические обертоны.

«Астральная вертикаль» является одной из важнейших «несущих конструкций» в художественной миромодели Хлебникова. Поэт не только включает в свои тексты те или иные космические знаки-образы и символы, но и, группируя их в специфически организованном пространстве в том или ином порядке, устанавливает между ними определенные семиотические отношения. Говоря иначе, Хлебников создает целый мир со своими законами. Ориентация на подобную онтопоэтическую цель приводит к тому, что Хлебников в своей поэзии часто прибегает к «описательно-перечислительным» конструкциям, в которых на поэтическом материале воплощаются разные пространственные уровни мироздания. При этом сам прием онтологического параллелизма указывает на принцип тождества этих разных космологических уровней: они, согласно мифопоэтическим законам, *уподобляются* друг другу.

Ярким примером такого онтологического подобия служит стихотворение «Люди, когда они любят…», где поочередно представлены «параллельные» миры: люди – животные – светила – боги. Эта классификация дает приблизительное представление о космологической пространственной структуре в лирике Хлебникова. При этом важно, что все миры наделяются способностью «любить», что в каком-то смысле соединяет

© Локша А.В., 2011

их в единое целое и делает «семантически подобными». Ср.:

Люди, когда они любят,
Делающие длинные взгляды
И испускающие длинные вздохи.
Звери, когда они любят,
Наливающие в глаза муть
И делающие удила из пены.
Солнца, когда они любят,
Закрывающие ночи тканью из земель
И шествующие с пляской к своему другу.
Боги, когда они любят,
Замыкающие в меру трепет вселенной,
Как Пушкин – жар любви горничной Волконского [4, с. 72].

Ср. другое стихотворение, построенное по той же концептуальной схеме:

Когда умирают кони – дышат,
Когда умирают травы – сохнут,
Когда умирают солнца – они гаснут,
Когда умирают люди – поют песни [4, с. 75].

В стихотворении «Мне видны – Рак, Овен…» это онтологическое подобие доказывается с помощью иных поэтических приемов. Если выше речь шла о синтаксическом соположении разных миров, что приводило к принципу онтологического подобия, то здесь речь идет о звуковом уровне. Онтологическое тождество микрокосмоса и макрокосмоса здесь является семантической «осью» стихотворения. Приведем текст этого важного стихотворения полностью:

Мне видны – Рак, Овен,
И мир лишь раковина,
В которой жемчужиной
То, чем недужен я.
В шорохов свисте шествует стук вроде ТЧУ.
И тогда мне казались волны и думы – родичи.
Млечными путями здесь и там возникают женщины.
Милой обыденщиной
Напоена мгла.
В эту ночь любить и могила могла...
И вечернее вино
И вечерние женщины
Сплетаются в единый венок,
Которого брат меньший я [5, с. 39].

Как видим, в тексте возникают интересные анаграмматические соответствия: «Рак – овен» – «раковина». Очевидно, что Рак и Овен – это созвездия. На звукосмысловом уровне названия этих созвездий «повторяют» звуковую структуру слова «раковина», что семантически уравнивает «раковину мира» и небо. Это семантическое уравнение становится источником странных, нетипичных метафор, появляющихся в этом стихотворении. И только через изначальное базовое соположение двух уровней бытия можно понять «вечерних женщин», возникающих на млечных путях.

Взгляд лирического героя при этом оказывается взглядом, связанным с космической перспективой. Так, зрение героя постепенно «сужается»: он видит звезды, мир, а затем самого себя в центре этого мира. Возникает мотив единения разных планов бытия, при этом объединение этих уровней совершается благодаря наличию единого наблюдателя, имеющего возможность воспринимать мир как целое, – именно в этом и заключается онтологическая функция «брата меньшего».

В. Иванов и А. Такеда справедливо полагают, что это стихотворение построено на идее переплетения разных космических планов. Так, они утверждают, что «романтической и символической традиции поэтики существовала оппозиция Я/Мир; у Хлебникова отношение с миром иное. “Я” и “мир” часто сливаются в его поэтической системе: “я” в “мире”, “я” – “мир”, и “мир” во “мне” (ср. словотворчества “Я-мир”, “Мирязь” и т.п.). Здесь, в стихотворении “Мне видны...”, “я” – в раковине мира, а то ж – жемчужина во “мне”, потому что недуг поражает изнутри» [1, с. 8–83]. Идея переплетения, как показывают далее исследователи, реализуется также и на стиховом метрико-ритмическом уровне.

Большое значение при этом начинают играть палиндромы и анаграммы, изобилием которых славится хлебниковская поэзия: «Вино – вено – овин (место, где хранится зерно); жемчужина – жена – русалка (незамужняя, обманутая девушка); овин – укрытие – полость (как и чаша, мешок) раковин; оковы – овен – abovo – овин – нива (“Ведь это вы скрывались в ниве Играть русалкою на гуслях кос”. “Коса то украшает темя, спускаясь на плечи, то косит траву. Мера то полна овса, то волхвует словом”), женщины – нежные нищенки – беженки – которого (как рог к губам) – *которово* – роток (“На каждый роток не накинешь платок” – возможность высказывания), сплетаются – сплю – плетка (“плетка грезная”, “Что пою *о всем, тем кормлю овсом*”), раковина – нива кар...» [1, с. 82].

Таким образом, концепция соположения разных пространственных сфер бытия оказывается формообразующим фактором для этого художественного текста. (В этом, отметим, и заключается принципиальное отличие «космологической» поэтики Хлебникова от поэтики Маяковского, где

космологические мотивы были связаны преимущественно с мотивно-образным уровнем поэтической семантики.)

В некоторых случаях астральные образы в лирике Хлебникова являются приметами «космического» пейзажа, который служит насыщенным смысловым фоном для «лирического события». Так, в стихотворении «Когда над полем зеленеет…» появляется описание неба, зари, звезд. Характерны метафоры, с помощью которых обозначаются астральные образы. Так, закат уподобляется угасшему костру. Смысловое «ветвление» этой метафорически выраженной мысли приводит к появлению других метафор, строящихся по этой же модели. Ср.:

Когда над полем зеленеет
Стеклянный вечер, след зари,
И небо, бледное вдали,
Вблизи задумчиво синеет,
Когда широкая зола
Угасшего кострища
Над входом в звездное кладбище
Огня ворота возвела… [4, с. 74]

Стихотворение примечательно тем, что Хлебников здесь сопрягает два совершенно неравнозначных плана: макроплан Вселенной и микроплан бытия мотылька. И через это смысловое сопряжение Хлебников опять выходит к космистской идее универсализма и переплетения разных уровней бытия.

Важно отметить, что в лирике Хлебникова, так же, как и в поэзии Маяковского, «соединительным» звеном между разными космологическими уровнями становится человек, поэт. Поэтому неудивительно, что у Хлебникова мы встречаемся с теми же моделями движения, что и у Маяковского. Более того, эти модели функционально оказываются тождественными, ибо их главная функция – вернуть миру утраченное единство. Так, в стихотворении Хлебникова «Гонимый – кем, почем я знаю?..» появляется мотив падения героя с небес. При этом герой, так же, как и в поэме Маяковского «Человек», наделяется сверхчеловеческими качествами, вызывающими сильную реакцию у «обыкновенных людей». Ср.:

И я, как камень неба, несся
Путем не нашим и огнистым.
Люди изумленно изменяли лица,
Когда я падал у зари.
Одни просили удалиться,
А те молили: «Озари» [4, с. 77].

Полет дает лирическому герою Хлебникова не только ощущение сверхчеловеческой мощи, но и перспективу, умение все видеть в целом. Примечательно, что это всезнание, конкретно выраженное в мотиве «подняться над землей», обретает демонические обертоны и вызывает в памяти фигуру лермонтовского демона, тем более что и у Лермонтова был сопутствующий мотив полета. Ср. у Хлебникова:

И в этот миг к пределам горшим
Летел я, сумрачный, как коршун.
Воззреньем старческим глядя на вид земных шумих,
Тогда в тот миг увидел их [4, с. 78].

Космологические мотивы у Хлебникова имеют свою онтологическую основу – в ее функции выступают число и звук. Общеизвестны попытки Хлебникова найти числовой код Вселенной. Число у него выступает в качестве незыблемой основы мира, что заставляет предположить влияние на него мистики пифагорейского толка. Так, в стихотворении «Я всматриваюсь в вас, о, числа…», которое является маленькой философской зарисовкой, идет речь о некоем связующем звене, которое обеспечивает единство вселенной. Ср., например:

Я всматриваюсь в вас, о, числа,
И вы мне видитесь одетыми в звери, в их шкурах,
Рукой опирающимися на вырванные дубы.
Вы даруете единство между змееобразным
Движением
Хребта вселенной и пляской коромысла…
[4, с. 79]

Ключевой темой стихотворения становится соположение разных уровней Вселенной, которые оказываются тождественно-изоморфными друг другу. И установить эту изоморфность Хлебникову позволяет «закон чисел», которые обеспечивают единство микро- и макропланов. Недаром «хребет Вселенной» напоминает «коромысло» – общим становится изгиб, который может быть рассчитан математически.

Роль поэта в этом «космологическом» акте познания велика – он выступает в качестве пророка, который познает глубинные законы Вселенной. Характерно, что в самом тексте возникают очевидные отсылки к пушкинской теме пророка. Ср.: «Мои сейчас вещеобразно разверзлися зеницы / Узнать, что будет Я, когда делимое его – единица» [4, с. 79].

О космологической функции поэта у Хлебникова свидетельствует также создание специального «звездного языка», который в духе утопически-авангардных тенденций претендовал на роль некоего «соборного» начала, абсолютного кода Вселенной (см. об этом: [3, с. 359–385]).

Таким образом, космологический код в лирике Хлебникова тесно связан с его специфическим пониманием Вселенной. Хлебников понимает Вселенную, если угодно, семиотически. Она подчиняется закону знака (будь то число, или какой-либо иной знак). Поэтому вполне закономерны метафоры, где астральные образы соотносятся с тем или иным семиотическим кодом. Так, в стихотворении «Ночь, полная созвездий…» небо сравнивается с открытой книгой. Сам же поэт становится тем, кто эту книгу может «прочитать», что опять же подчеркивает его сакральный статус в космологии Хлебникова. Ср.:

Ночь, полная созвездий.
Какой судьбы, каких известий
Ты широко сияешь, книга?
Свободы или ига?
Какой прочесть мне должно жребий
На полночью широком небе? [4, с. 83]

С космологическими мотивами в лирике Хлебникова иногда связывается мотив прихода смерти. Смерть понимается им в пространственном ключе как соединение ранее разделенных сфер, слияние микрокосмоса и макрокосмоса. Ср.:

На полотне из камней
Я черную хвою увидел.
Мне казалось, руки ее нет костяней,
Стучится в мой жизненный выдел.
Так рано? А странно: костяком
Прийти к вам вечерком
И, руку простирая длинную,
Наполнить созвездьем гостиную [4, с. 90].

В этом стихотворении слияние выражается в разрушении пространственных границ: внутреннее пространство «пропускает» внешнее пространство, которое выражается в образе звездного неба. Подобное смещение границ между внутренним и внешним характерно также для народно-мифологического понимания смерти. Так, часто для пространственных мотивов смерти характерно полное разрушение внутренних пространственных координат.

Однако в результате снятия пространственной оппозиции в творчестве Хлебникова возникает синтез «верхнего» и «нижнего» миров, природы и цивилизации, который воплощается в образе города-утопии, чье существования связывается с будущим. Такой город представляет собой обновленную цивилизацию, построенную на «разумных», естественно-природных началах. Этот город имеет симптоматичное название «Солнцестан», что, вероятно, может отсылать к знаменитой утопии Т. Кампанеллы «Город солнца». Ср.:

Здесь площади из горниц, в один слой,
Стеклянною страницею повисли,
Здесь камню сказано «долой»,
Когда пришли за властью мысли.
Прямоугольники, чурбаны из стекла,
Шары, углов, полей полет,
Прозрачные курганы, где легла
Толпа прозрачно-чистых сот,
Раскаты улиц странного чурбана
И лбы стены из белого бревна –
Мы входим в город Солнцестана,
Где только мера и длина.
Где небо пролито из синего кувшина,
Из рук русалки темной площади,
И алошарая вершина
Светла венком стеклянной проседи,
Ученым глазом в ночь иди!
Ее на небо устремленный глаз
В чернила ночи ярко пролит [4, с. 118].

Именно о таком городе-утопии, «граде небесном» сказано в статье Е.Ф. Ковтуна и А.В. Повелихиной. Ср.: «Город Хлебникова с домами-иглами, домами-ульями, цветками, тополями, пронизанный светом и солнцем, высится среди зелени и *освобожденного* естественного рельефа. <…> Счастье человека немыслимо без гармоничного единства с природой. Поэтому город Хлебникова, уходя ввысь, освобождает землю для животного и растительного царства» [2, с. 41].

Таким образом, «космологический» комплекс в творчестве одного из ведущих русских футуристов занимает чрезвычайно важное место. И обращение к нему позволяет выявить миромоделирующие константы его художественного мира. Астральное пространство, реализующееся в парадигматических наборах образов и мотивов, оказывается его своеобразной семиотической «подложкой», организующей основные образы и мотивы в единое системное целое.

Проделанный анализ позволяет сделать вывод, что астральные образы в художественном мире Хлебникова, с одной стороны, находятся в бинарной оппозиции с земной сферой, с другой – в ряде текстов появляется утопическая модель взаимодействия «верха» и «низа». В. Хлебников воплощает футуристическую утопию, ибо онтологическая семантика урбанистических образов в его поэтической онтологии теснейшим образом связана с «верхней бездной». Поэтому в его поздней поэзии наблюдается взаимопронизанность разных семантических пластов – *урбанистичес-*

кого и *астрального*. Но если у Маяковского «город-утопия» связан с социально-политическими смыслами, то у Хлебникова «утопический город» архетипически восходит к «граду небесному» Блаженного Августина.

Библиографический список

1. *Иванов В., Такеда А.* К интерпретации стихотворения Велимира Хлебникова «Мне видны – Рак, Овен…» // Acta Slavica iaponica. – Sapporo, 1997. – Т. 15. – P. 80–92.

2. *Ковтун Е.Ф., Повелихина А.В.* «Утес из будущего» (Архитектурные идеи Велимира Хлебникова) // Техническая эстетика. – 1976. – № 5–6. – С. 41.

3. *Перцова Н.Н.* О звездном языке Велимира Хлебникова // Мир Велимира Хлебникова. – М., 2000. – С. 359–385.

4. *Хлебников В.* Творения. – М., 1986.

5. *Хлебников В.В.* Стихотворения. Поэмы. Драмы. Проза. – М., 1986.

Макарова Елена Владимировна

Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

lama28@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В КНИГЕ РАССКАЗОВ «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» И.С. ТУРГЕНЕВА

В статье выявляются особенности авторского введения пространственных категорий в текст, анализируется взаимосвязь между героями и той обстановкой, что их окружает. Также исследуются конкретные пространства, представленные в произведении: деревня, усадьба, провинциальный город. В качестве ключевого пространственного образа, связующего данные плоскости в книге, выделяется образ дороги.

Ключевые слова: *художественное пространство, книга рассказов, деревня, усадьба, провинциальный город, образ дороги, выбор национального пути.*

Исследуя книгу рассказов «Записки охотника» как художественное единство особого рода – прозаический цикл, мы выделяем те элементы композиции, которые соединяют разрозненные рассказы произведения в единое целое. Пространственно-временная заданность, наряду со сквозным героем-рассказчиком и рядом других элементов композиции, становится одним из жанрообразующих признаков книги рассказов или, по Б.В. Томашевскому, «доминантой жанра» [9, с. 206].

Художественное пространство понимается нами как «конструктивная категория в литературном отражении действительности, которая служит изображению фона событий» [8, с. 142]. И.Б. Роднянская обращает внимание еще на одно свойство пространства – присущую ему символичность [7, с. 487].

При описании фона, на котором происходят события, Тургенев сохраняет свойственную физиологическому очерку фактографичность. Пространственные границы произведения совпадают с границами путешествий охотника-рассказчика – это южная полоса России, территория на стыке Орловской и Тульской губерний в начале XIX века, причем повествование сужается вплоть до конкретных уездов (Мценского, Жиздринского) и деревень. С первых же строк книги автор знакомит читателя с «местным колоритом», на протяжении повествования вводит реальные географические названия (Лебедянь, Льгов, Красивая Меча, Бежин луг и т.п.). Таким образом, с одной стороны, повествование Тургенева предельно сфокусировано: губерния-уезд-деревня-дом. Однако, с другой стороны, масштаб книги вместе с границами странствий охотника постоянно расширяется – автор выходит далеко за рамки исходного жанра. Конкретная местность содержит не признаки единичного места, особой «среды», но отображает и красоту русской природы, и уклад жизни целого народа.

По мере развития произведения его пространство трансформируется не только «количественно» (расширяется масштаб книги), но и качественно: мир, окружающий героев, поэтизируется и мифологизируется («Бежин луг», «Стучит!» и т.д.). В процессе прочтения цикла создается эффект «наложения» одного сюжета на другой, в результате читатель вместе с рассказчиком-охотником проходит путь от жилища Хоря в первом очер-

© Макарова Е.В., 2011

ке до бескрайней, «безграничной» природы в финальном рассказе «Лес и степь». Таким образом произведение приобретает эпический масштаб.

Пространственные характеристики в книге, как правило, являются экспозицией к сюжету рассказов. Пейзаж, интерьер или экстерьер предваряют появление нового героя, подготавливают его. Этот прием был отмечен О.П. Ильинским: «Люди у Тургенева постепенно выделяются из пейзажа, как, например, крестьянские персонажи “Записок охотника”» [4, с. 31]. О той же повествовательной особенности говорит и Ю.В. Лебедев: на примере образа Аннушки в рассказе «Касьян с Красивой Мечи» он показывает, как герой «проступает» на заданном фоне [6, с. 37].

Однако во взаимодействии персонажа и окружающей его обстановки ведущая роль всегда остается за героем. Ярким примером «подстраивания» пространства «под себя» является образ Лукерьи в рассказе «Живые мощи». Героиня недвижима, она не может покинуть отведенное ей место, пересечь заданные границы, но, по удачному выражению исследовательницы Элизабет Аллен, Лукерья «ассимилирует» окружающее ее пространство [1, с. 80].

Как правило, по описанию жилища героя можно предугадать его характер: например, в избе Хоря чисто, убрано, дом сделан добротно, для Калиныча привычной, «своей» сферой является пасека, Касьян дома как такового не имеет, и проч. Тем не менее эта прямая соотнесенность существует не всегда. Обстановка в доме лесника по прозвищу Бирюк удручающая, вид единственной комнаты в избе наводит тоску на охотника; в то время как сам характер героя воспринимается рассказчиком иначе. В книге Бирюк становится образцом прямоты и честности, убожество домашней обстановки лесника подтверждает его бескорыстность, нежелание и неумение извлекать личную выгоду.

Говоря о способах авторского введения пространственных характеристик в текст, следует отметить, что, помимо прямого, непосредственного описания, пространственные образы могут вводиться через действия героев. Так, в рассказе «Бурмистр» устройство крестьянского дома (крыльцо, сени, холодная и теплая избы) показано через движения помещика Пеночкина и крестьян, озадаченных его внезапным приездом. «Аркадий Павлыч… взошел на крыльцо. В сенях, в темном углу стояла старостиха и тоже поклонилась… В так называемой холодной избе – из сеней направо – уже возлились две другие бабы; они выносили оттуда всякую дрянь, пустые жбаны, одеревенелые тулупы… Аркадий Палыч выслал их вон и поместился на лавке под образами» [10, с. 129].

Иногда рассказчик, описывая ту или иную картину, как будто скользит взглядом по окружающей его обстановке, выхватывая ключевые детали быта: «Мы вошли в избу. Ни одна суздальская картина не залепляла чистых бревенчатых стен, в углу, перед тяжелым образом в серебряном окладе, теплилась лампадка; липовый стол был недавно выскоблен и вымыт…» («Хорь и Калиныч») [10, с. 9]. В итоге этого описания у читателя создается твердое ощущение присутствия.

Описывая обстановку, окружающую героев, охотник не только останавливается на тех или иных внешних приметах жизни, но и проникает в суть вещей, чувствует особую *атмосферу* места. Таким образом пространственные характеристики приобретают дополнительное и, пожалуй, наиболее значимое для рассказчика звучание. Подобный пример находим в рассказе «Бурмистр»: у помещика Пеночкина «дом построен по плану французского архитектора, люди одеты по-английски…, а все-таки неохотно к нему едешь»: «странное какое-то беспокойство овладевает вами в его доме…» [10, с. 124–125].

Описательные элементы в книге теснейшим образом соприкасаются с оценочно-лирическими. Например, в рассказе «Бирюк» совершается почти незаметный, легкий переход от буквального описания к метафоре: «Изба лесника состояла из одной комнаты, закоптелой, низкой и пустой, без полатей и перегородок. Изорванный тулуп висел на стене. На лавке лежало одноствольное ружье, в углу валялась груда тряпок; два больших горшка стояли возле печки. Лучина горела на столе, *печально вспыхивая и погасая*…» [10, с. 156]. В последнем предложении отрывка находим один из многочисленных примеров поэтизации текста.

Исследуя то пространство, что окружает крестьян и помещиков, мы выделяем отдельную плоскость этих героев – деревню. Она представлена в произведении наиболее широко, абсолютное большинство рассказов сосредоточены на ней; жизнь деревни определяет основную тематику произведения.

Первый очерк книги «Хорь и Калиныч» содержит описание двух типов деревень, затем ав-

тор переходит к конкретным примерам. Условно эти два первоначальных типа можно назвать «худшим» и «лучшим» по внешним признакам жизни. Если в первой «изба лепится к избе, крыши закиданы гнилой соломой…», то во второй «избы стоят вольней и прямей, крыты лесом, ворота плотно запираются, плетень на задворке не разметан и не вывалился наружу…» [10, с. 7]. Прочное хозяйство, ощущение налаженного быта (так же, например, как в жилище Хоря) выходит в описании на первый план. Но, продолжая данную тему, автор подходит к ней с внутренней, сущностной стороны. В рассказе «Бурмистр» охотника не удивляют чистота и порядок в деревне Пеночкина, загадкой для него остается поведение крестьян: «Мы осмотрели гумно, ригу, овины, сараи, ветряную мельницу, скотный двор, зеленя, конопляники; все было действительно в отличном порядке, одни унылые лица мужиков приводили меня в некоторое недоумение» [10, с. 132]. В основе сюжета рассказа лежит значимое противоречие: внешнее благополучие не указывает на богатство крестьян, напротив, оно говорит о полном их порабощении управляющим Софроном.

Конкретные примеры представляют собой те крестьянские дома, в которых бывает рассказчик. Причем в данных описаниях первый план выступают ключевые детали быта: «Я отошел от него, присел на лавку… В углу, за столом под образами, прячется девочка лет пяти, хлеб ест… В сенях ходят, стучат, разговаривают…» («Смерть») [10, с. 200–201].

Стремление к выделению опорных деталей сохраняется и при характеристике помещичьих имений, однако акценты расставлены иным образом: прежде всего, рассказчик обращает внимание на образцы старого и нового в строениях домов. Тип традиционного патриархального быта обнаруживается в интерьере дома Мардария Апполоныча Стегунова: «И дом у него старинной постройки: в передней, как следует, пахнет квасом, сальными свечами и кожей, тут же направо буфет с трубками и утиральниками; в столовой фамильные портреты, мухи, большой горшок герани и кислые фортопьяны…» («Два помещика») [10, с. 167]. Модными нововведениями отличаются хозяйство Пеночкина («Бурмистр») и усадьба госпожи Лосняковой («Контора»), которая сделана «в новом вкусе» [10, с. 139].

Помимо пространства деревни, которое представлено в произведении наиболее широко, автор изображает две другие плоскости: усадьбу и провинциальный город. Характерными признаками усадебной жизни являются замкнутость пространства и статичность времени. Так, Татьяна Борисовна («Татьяна Борисовна и ее племянник») живет в своем поместье безвылазно, бедное семейство («Уездный лекарь») находится в далеком и глухом месте; о недвижимости времени говорит нам одна и та же картина в начале и в конце рассказа «Мой сосед Радилов» (мать главного героя сидит в кресле в гостиной); не случайно новый этап в жизни Радилова возможен только после отъезда из родового гнезда.

Контрастом тихой и неторопливой жизни усадьбы в книге выступают картины городка Лебедянь во время ярмарки («Лебедянь»). Известно, что центром любого провинциального городка XIX века являлась торговая площадь [5, с. 128]. Тургенев вводит в текст не столько описание самого города, сколько характеризует мир ярмарки. «На ярмарочной площади бесконечными рядами тянулись телеги, за телегами лошади всех возможных родов… В улицах, образованных телегами, толпились люди всякого звания, возраста и вида…» («Лебедянь») [10, с. 173]. Как отмечает Тургенев, в ярмарочные дни «окончившие сделку спешили в трактир или в кабак, смотря по состоянию» [10, с. 174], – наличие разного рода питейных заведений также отличало город от деревни. Суть провинциальной жизни показана автором именно через описание одного из них. Дважды в рассказе читатель видит биллиардную комнату в кофейной, при этом обстановка и состав ее посетителей остаются неизменными. Кольцевая композиция указывает на повторяемость ситуаций, неподвижность оказывается внутренним качеством внешней суеты.

Отдельно стоит выделить те пространства книги, которые связаны с постоянными перемещениями охотника: гостиница, почтовый дом являются для него временным приютом. Условно – это пространство между «домом» и «дорогой», являющее собой в произведении некую «промежуточную плоскость». Именно в дороге, на пересечении путей особую роль играет случай. Так, случайная встреча может стать основой сюжета рассказа («Уездный лекарь», «Петр Петрович Каратаев»). К промежуточному пространству относится и притынный кабачок в деревне Колотовка («Певцы»). Сама деревня представляет собой печальное зрелище, воссозданное рассказ-

чиком с подчеркнутой детальностью: «Бурые полуразметанные крыши домов, и этот глубокий овраг, и выжженный, запыленный выгон, по которому безнадежно скитаются худые, длинноногие куры, и серый осиновый сруб с дырами вместо окон, остаток прежнего барского дома, кругом заросший крапивой, бурьяном и полынью…» [10, с. 210]. Деревня имеет вид заброшенный, безжизненный и «безнадежный». Но именно здесь, на сломленном, разломленном пространстве, в притынном кабачке на краю деревни (ср.: «на краю земли») находит свое проявление могучая творческая энергия народа.

По словам Л.О. Зайонц, до крестьянской реформы 1861 г. «культурный ландшафт провинции традиционно складывался из трех взаимодействующих миров – деревни, усадьбы и уездного/губернского города» [3, с. 86], – все они полноценно представлены в книге. Помимо того, в произведении можно выделить и ряд «промежуточных плоскостей», связанных со странствиями рассказчика. Функцию соединения всех пространственных сфер несет на себе образ дороги. Именно он, находясь в прямой связи с образом рассказчика-охотника-странника, является основным связующим элементом книги, на нем строится ключевой для композиции прием монтажа. Причем, как правило, сама дорога в рассказах не явлена; толчком для сюжетов становятся «остановки в пути» – движение между ними остается скрытым в подтексте. Исключение составляет рассказ «Стучит!»: в нем дорога охотника в Тулу становится основой для сюжета. Особую «сюжетную роль дороги в истории романа» выделял М.М. Бахтин [2, с. 392], он прослеживал путь данного мотива начиная от античного бытового романа и заканчивая русским романом XIX. В этом плане в «Записках охотника» явно просматривается гоголевская линия. Образ дороги приобретает значение пути не личного, но общенационального. Тургенев, путешествуя вместе с охотником, изображая и сравнивая различные пространства, ставит проблему *выбора,* – так, объединенные в единое целое рассказы книги, получают новый содержательный план.

Библиографический список

1. *Allen E.C.* Beyond Realism. Turgenev's Poetics of Secular Salvation. – Stanford (Calif.): Stanford University Press, 1992. – 272 с.

2. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–408.

3. *Зайонц Л.О.* «Провинция» – опыт историографии // Отечественные записки. – 2006. – № 5. – С. 70–88.

4. *Ильинский О.П.* Двойственность эстетической позиции И.С. Тургенева // Записки русской академической группы в США. Т. XVI. – New York: [б.и.], 1983. – С. 31–47.

5. *Кириченко Е.И., Щеболева Е.Т.* Русская провинция. – М.: Наш дом – L`Aqe d`Homme, 1997. – 186 с.

6. *Лебедев Ю.В.* «Записки охотника» И.С. Тургенева. – М.: Просвещение, 1977. – 80 с.

7. *Роднянская И.Б.* Художественное время и художественное пространство // Литературный энциклопедический словарь / под. общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 487–489.

8. *Тамарченко Н.Д.* Теоретическая поэтика: понятия и определения. – М.: РГГУ, 1999. – 286 с.

9. *Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 334 с.

10. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: в 12 т. – Т. 3. – М.: Наука, 1979. – 526 с.

УДК 821.161.1.09

Нашатырева Светлана Сергеевна
Воронежский государственный университет
dyshenka@yandex.ru

ТИПОЛОГИЯ ЖЕСТОВ В РАННЕЙ ПРОЗЕ Л.Н. АНДРЕЕВА И ЕЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ В РАССКАЗЕ «МОЛЧАНИЕ»

Статья посвящена рассмотрению особенностей жеста в ранней прозе Л. Андреева 1890-х – 1900-х годов. Предложена классификация жестов по степени выраженности в них экспрессивного начала, суть которой раскрывается на примере анализа рассказа «Молчание».

Ключевые слова: *жест, психологизм, портрет, экспрессионизм.*

Теория жеста на сегодняшний день, казалось бы, достаточно развита в литературоведении. Однако до сих пор в среде ученых возникают споры о смысловых контекстах самого понятия «жест» в литературе, а также о том, какую роль он играет в художественном произведении. Обычно под жестом понимают «действие, поступок, имеющий не только и не столько практическую направленность, сколько отнесённость к некоторому значению. Жест всегда знак и символ. Поэтому всякое движение есть жест, значение его – замысел автора» [4, с. 34]. Чаще всего жест соотносят с портретной характеристикой героя (см., например, кандидатскую диссертацию М.Н. Жорниковой «Поэтика портрета в русской романтической повести 1830-х гг.»).

Цель нашей работы – рассмотреть особенности жеста в ранних произведениях Л. Андреева конца 1890-х – начала 1900-х годов, поэтому следует сразу оговорить объем этого понятия, для того чтобы в дальнейшем выявить его функции в творчестве писателя.

Конечно, жест в рассказах Андреева прежде всего является средством характеристики героя и одним из способов раскрытия его внутреннего мира. Однако, будучи ярким элементом экспрессионистической поэтики, жест часто соотносится с явлениями внешнего мира. Неодушевленные объекты (зачастую природные катаклизмы или атрибуты урбанистической действительности) становятся в художественном мире писателя полноправными действующими лицами со своими «поступками», «характером» и со своими жестами.

Следующий шаг, необходимый для изучения жеста в творчестве Л.Н. Андреева, – разработка классификации. В литературоведении существуют различные классификации жестов.

М.Н. Жорникова в вышеназванной диссертации указывает: «Классификация жестов осуществляется по тому, как участвуют в создании жестов те или иные части человеческого тела, то есть определенный вид жестов соотносится с определенными частями тела» [3, с. 20]. Соответственно жесты делятся ею на следующие типы: мимический; интонационный; внутренний; собственно жест.

Данная классификация до определенной степени носит универсальный характер, поэтому может быть применима и к раннему творчеству Л. Андреева.

О.Н. Масленникова, исследуя прозаическое творчество А. Белого, выделяет такие виды жестов: воспроизводимые (жест-реалия, жест-клише), производные (арельный, психологический, художественный).

Подобные жесты можно найти и в произведениях Л. Андреева. Однако необходимо выработать собственную классификацию жестов, которая отражала бы особенности андреевского творчества. Мы рассматриваем творчество писателя в экспрессионистическом ключе. Следовательно, и жесты целесообразно классифицировать по степени выраженности в них экспрессивного начала.

Думается, можно выделить следующие жесты в раннем творчестве Л. Андреева.

Нейтральный. По-видимому, говорить отдельно об этом виде жестов не имеет смысла. Тем не менее его необходимо выделить, так как он послужит своего рода той точкой, относительно которой остальные жесты будут рассматриваться как экспрессивно окрашенные в большей или меньшей степени.

Утрированный. Это подчеркнуто «**театральный**» жест. Герой словно «оглядывается» на окружающих людей, беспокоится о том, какое впечатление он на них производит. Для него внешнее оказывается важнее внутреннего.

Напряженно-эмоциональный. Жест, напрямую указывающий на чувства героя. Очень эмоциональный, но еще не чрезмерный.

© Нашатырева С.С., 2011

Чрезвычайный. Гораздо интенсивнее по степени экспрессивности по сравнению с напряженно-эмоциональным жестом. Отличает его еще и то, что он не всегда может быть понят сразу, с первого взгляда. Требуется анализ, чтобы правильно определить его значение, дать ему оценку. Часто такой жест бывает антиэстетичен (хотя это только одна из его отличительных черт), что достаточно редко для напряженно-эмоционального жеста. Почти всегда для описания сил природы, враждебных человеку, Андреев выбирает жесты этого типа: «Задыхалась черная ночь и тяжко стонала, и с каждым вздохом выплевывала из недр своих острый и жгучий песок» («Стена») [1, с. 322–323].

В данной работе мы попытаемся проверить верность разработанной нами классификации жестов на материале рассказа «Молчание» (1900 г.).

«Молчание» – одно из наиболее загадочных произведений Л. Андреева. Этот рассказ с его таинственностью и необъяснимостью по характеру образности вполне можно считать экспрессионистическим. В рассказе встречаются жесты всех указанных нами видов.

Для каждого из своих героев Андреев выбирает определенный тип жестов. Так, попадья характеризуется преимущественно при помощи напряженно-эмоциональных жестов: «Лицо ее исказилось гримасой боли и ожесточения» [1, с. 195]; «Начала мать, но всхлипнула и умолкла» [1, с. 196].

Ольга Степановна – мать, ребенок которой находится в опасности и которая не находит выхода из сложившейся ситуации. Ее растерянность, отчаяние, боль, гнев на мужа, не желающего, по мнению попадьи, помочь Вере, понятны всем. Поэтому и жесты героини мы относим к напряженно-эмоциональным.

Особое внимание писатель уделяет лицу попадьи, ее глазам. Это мимические жесты (пользуясь классификацией М.Н. Жорниковой): «Она заплакала, часто моргая глазами» [1, с. 197]; «Лицо ее выражало страдание» [1, с. 195].

Постепенно жесты становятся менее понятными, приобретают оттенок загадочности. Акцент переносится на глаза попадьи. Это уже даже сложно назвать жестами. В глазах жены пытается найти сострадание о. Игнатий. Однако они совершенно ничего не выражают: «…Они были немы и молчали тяжело, упорно» [1, с. 198]. Глаза попадьи – вечный укор для о. Игнатия. Становится совершенно неясно, о чем думает попадья, что чувствует, осуждает ли она мужа или о. Игнатию так только кажется. Здесь в полной мере проявляет себя экспрессионизм с его загадочностью, необъяснимостью рока, подчиняющего себе жизнь человека.

О. Игнатий – центральный персонаж рассказа. Это один из андреевских героев-бунтарей. Доведенные до отчаяния горем и страданиями, они бросают вызов року, чувствуя в себе силы, способные победить несправедливые законы бытия. Именно о. Игнатию Андреев уделил наибольшее внимание. В связи с этим и анализировать образ священника с точки зрения жестов сложнее всего.

Пользуясь характеристикой М.Н. Жорниковой, мы можем сказать, что для описания о. Игнатия используются преимущественно интонационные и двигательные жесты: «Лестница гнулась и стонала под тяжелыми шагами о. Игнатия» [1, с. 196]; «Сухой голос дрогнул, точно в нем что переломилось» [1, с. 196].

Особое внимание уделяется голосу, рукам, волосам и спине о. Игнатия. Спина его всегда прямая, несгибаемая, голос бодрый, требовательный, что не оставляет у окружающих людей сомнения в том, что их обладатель полностью доволен собой, исполнен чувства собственного достоинства и убежден в своей правоте. Но это в большей степени **театральные** жесты, или **утрированные**, так как рассчитаны они главным образом на публику. Для о. Игнатия общественное мнение важнее всего другого. Недаром односельчане и прихожане недолюбливают о. Игнатия, упрекая его в лицемерии и ханжестве: «Они не любили о. Игнатия за то, что он был в обхождении суров и горд, ненавидел грешников и не прощал их, а сам в то же время, завистливый и жадный, пользовался всяким случаем, чтобы взять с прихожанина лишнее» [1, с. 198].

Разговаривая с Верой, горячо любимой дочерью, о. Игнатий по-прежнему не может смягчиться, забыть о «приличиях», дать волю эмоциям, в чем постоянно упрекает его попадья.

Смерть дочери не смогла, казалось бы, сломить о. Игнатия. Он по-прежнему продолжает играть роль сильного человека, соблюсти внешние приличия, о чем свидетельствуют жесты: «…Он, чувствуя направленные на его спину взгляды, старался выпрямлять эту широкую и крепкую спину и думал не об умершей дочери, а о том, чтобы не уронить себя» [1, с. 198].

Этот жестовый тип идет изнутри: герой-бунтарь не может быть слабым и побежденным, даже в горе он должен показать себя сильным, способным противостоять невзгодам.

Однако смерть дочери и болезнь жены сломили о. Игнатия. Он не смог выдержать одиночества и пустоты, образовавшейся после потери близких. Даже спина героя теперь не такая прямая: «У дверей в комнату жены спина его согнулась немного»[1, с. 198].

Также о. Игнатия не перестает мучить чувство вины, хотя он и пытается внешне оправдать себя, все еще отдавая дань известным лишь ему приличиям. В зависимости от душевного состояния героя меняются и жесты: они становятся все менее театральными, хотя, конечно, и не исчезают полностью.

Особое внимание следует обратить на руки героя. Как известно, то или иное положение рук весьма красноречиво в любой культурной традиции. Протянутые руки или воздетые к небу – это мольба, просьба, сжатые в кулак – боль, обида, гнев, поднесенные к глазам – горе или же стыд, раскаяние. Толкование некоторых жестов, связанных с руками, дается в «Словаре языка русских жестов» С.А. Григорьевой и др. Таким образом, становится ясно, что простое включение писателем в свое произведение жестов, связанных с руками, значимо само по себе. Эти жесты включены в культурный контекст, и их можно назвать **традиционными, ритуальными**, то есть связанными с определенной ситуацией**.** Примерно тот же смысл вкладывает в термин «жест-реалия» О. Масленникова: «Жест-реалия является специфическим для определенной культурной среды и может быть понят преимущественно только ее носителями. Например, жест “простертые руки” истолковывается по-разному: просьба, мольба, передача благой вести, радость при встрече и т.д.» [5, с. 30].

В рассказе «Молчание» особенно частотен жест «протянутые руки», означающий, несомненно, мольбу, просьбу, что дает нам право говорить о наличии в рассказе **традиционных** жестов: «О. Игнатий вставал с постели, *протягивал вперед сложенные руки* и, потрясая ими, просил» [1, с. 201]; «О.Игнатий впился глазами в стену и *протянул руку*» [1, с. 203].

О. Игнатий словно вымаливает прощение у дочери, умоляет ее открыть тайну молчания, дать возможность помочь ей, спасти ее. Меняется и голос о. Игнатия. Из требовательного и сухого он превращается в просящий и мягкий: «Голос о. Игнатия зазвучал *тихо и хрипло*» [1, с. 202]; «О. Игнатий поднял голову и *зашептал, вкладывая в голос всю силу долго сдерживаемой и долго не сознаваемой любви*» [1, с. 202].

Это уже напряженно-эмоциональные жесты, выражающие любовь о. Игнатия и его неутешное горе, которое он пытается скрыть от чужих глаз, дабы не уронить себя.

Портретные характеристики и жесты свидетельствуют о том, насколько сильно горе о. Игнатия, хотя он и пытается продемонстрировать перед окружающими стойкость. Примечательной деталью является борода героя. В начале рассказа она красива и даже величественна: «Большая *черная* борода, перевитая серебряными нитями, красивым изгибом легла на его грудь и медленно подымалась при глубоком дыхании» [1, с. 195]. А далее встречаем следующее: «…Длинная борода его стала совсем белой, точно жестокий мороз ударил на нее» [1, с. 203].

Но даже теперь священник еще не оставляет внешних приличий. Оказавшись на могиле дочери, он беспокоится о том, что кто-то из односельчан мог увидеть его убитым горем. Его жесты театральны: «…По привычке о. Игнатий старательно выпрямлял спину, сурово смотрел по сторонам и думал, что он все такой же, как прежде» [1, с. 203]. О. Игнатий по-прежнему не оставляет роли строгого отца и моралиста, поступающего во всем правильно. Даже на могиле дочери он пытается приказать ей открыть тайну молчания: «Это был старый голос о. Игнатия, сухой и требовательный» [1, с. 205]. Здесь внутренние, искренние чувства героя борются с желанием соблюсти внешние приличия. Он продолжает совершать по привычке ритуальные жесты, снова беспокоясь о том, что кто-то может увидеть его и неправильно понять: «Ему стало неловко, что его *может услышать кто-нибудь посторонний*» [1, с. 204].

Кульминацией можно считать возвращение о. Игнатия домой с могилы Веры. Заблудившись, герой начинает искать дорогу. Театральные жесты сменяются **чрезвычайными**, занимающими верхнюю ступень нашей классификации по степени экспрессивности. О. Игнатий в ужасе мечется по кладбищу, спасаясь от молчания, которое окружает и давит его: «Молчание душит его; оно ледяными волнами перекатывается через его голову и шевелит волосы; оно разбивается о его

грудь, стонущую под ударами» [1, с. 205]. Андреев вводит нарочито антиэстетичные средства выразительности, которые должны усилить впечатление кошмара и хаоса: «…В ухо его вливается что-то *могильно-холодное и студит мозг*» [1, с. 205]; «Молчание гонит. …*тонкими, удушающими струями оно выходит* из всех пор земли» [1, с. 205].

О. Игнатий окончательно теряет самообладание. Его жесты становятся динамичны и чрезвычайны. Герой сам становится воплощением ужаса и беспорядка: «Сильнее, чем самого вставшего из гроба мертвеца, испугался бы всякий, встретив эту дикую фигуру *бегущего*, *прыгающего* и *размахивающего руками* человека, увидев его *перекосившееся* безумное лицо, услыхав *глухой хрип*, выходивший из его открытого рта» [1, с. 205].

Чрезвычайные жесты в рассказе выражают крайнюю степень духовного напряжения героя, когда чувства и нервы накалены до предела.

В некоторой степени, как это ни парадоксально, к чрезвычайным жестам можно отнести и молчание, поскольку именно оно пугает о. Игнатия и сводит его с ума. Он «слышит» молчание везде: «Молчание жены было упорно, тяжело, как свинец, и страшно» [1, с. 200]; «Долгим, холодным, как могила, и загадочным, как смерть, было молчание дочери» [1, с. 200].

Мотив молчания сопровождает героев рассказа на протяжении всего повествования. Сначала молчит Вера. Причина ее молчания остается невыясненной. Характеризовать Веру с точки зрения жестового поведения практически невозможно, так как главный ее жест – это молчание. Те немногие связанные с ее образом жесты, упоминающиеся в тексте рассказа, подчеркивают загадочность и свидетельствуют о том, что героиня действительно скрывает какую-то страшную тайну, даже говорить о которой с близкими людьми она не может.

Таким образом, можно выделить в рассказе **загадочный** жест – молчание, разгадать значение которого полностью невозможно.

После смерти Веры молчание занимает настолько много места в жизни героев, что становится самостоятельным образом: «Со дна похорон в маленьком домике наступило молчание. Это не была тишина, потому что тишина – лишь отсутствие звуков, а это было молчание, когда те, кто молчит, казалось, могли бы говорить, но не хотят» [1, с. 199]. Не случайно слово «молчание» вынесено в заглавие рассказа. Этим еще раз подчеркивается, что молчание не простое отсутствие звуков, а роковая загадка, отгадку которой, кажется, знают все, кроме о. Игнатия.

Молчание – это наказание для о. Игнатия, обрекающее его на вечные страдания. Желание найти ответы, разгадать мысли жены и дочери, кажущаяся близость к истине снова и снова оборачиваются для о. Игнатия молчанием…

Проанализировав особенности жеста в рассказе «Молчание», мы пришли к следующим заключениям.

Жесты, встречающиеся в рассказе, можно классифицировать по степени выраженности экспрессивности на следующие группы: утрированные (театральные), напряженно-эмоциональные и чрезвычайные.

Каждому герою свойствен определенный тип жестов. О. Игнатий характеризуется при помощи утрированных и чрезвычайных жестов, попадья – при помощи напряженно-эмоциональных.

При описании героя внимание обращается на определенные части тела: руки, спину, голос (о. Игнатий), лицо и глаза (попадья).

В рассказе можно обнаружить жесты, которые не относятся к нашей классификации, но о которых необходимо упомянуть: традиционные (ритуальные) и загадочные.

Библиографический список

1. *Андреев Л.Н.* Собрание сочинений в шести томах. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1990. – 639 с.

2. *Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е.* Словарь языка русских жестов. – М.; Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001. – 256 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

3. *Жорникова М.Н.* Поэтика портрета в русской романтической повести 1830-х гг.: Дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2004. – 163 с.

4. *Лотман Ю.М.* Декабрист в повседневной жизни: (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов / под ред. В.Г. Базанова, В.Э. Вацуро. – Л.: Наука, 1975. – С. 25–74.

5. *Масленникова О.Н.* Жест в поэтике Андрея Белого // Творчество писателя и литературный процесс. Слово в художественной литературе, стиль, дискурс: Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.П. Ракова. – Иваново, 1999. – С. 26–36.

УДК 929+82

Петрова Нина Ивановна
Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского (г. Владивосток)
petrova.nina.i@gmail.com

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РАННЕГО МАНДЕЛЬШТАМА

В статье выявляются закономерности формирования культурно-религиозных представлений Осипа Мандельштама. Доказывается, что религиозные категории в раннем творчестве Мандельштама становятся смыслопорождающими моделями авторских мифов. В частности, иудаизм выступает в качестве основы первичной мифопоэтической модели культуры и авторского мифа о «родовом хаосе», в котором отражено представление о национально-религиозной стихии.

Ключевые слова: *религиозная вера, хаос иудейства, хасидизм, родовое лоно, христианство, авторский миф, философская картина мира.*

Проблема религиозной веры Осипа Мандельштама не раз становилась предметом дискуссионного рассмотрения многих биографов и исследователей творчества поэта. С.С. Аверинцев справедливо утверждает, что «для Мандельштама это самая сокровенная, неизрекаемая тема» [Цит. по: 6, с. 129]. Но, по замечанию Н.Л. Лейдермана, С.С. Аверинцев «очень сузил возможности анализа этой темы у раннего Мандельштама, когда свел ее к рассмотрению конфессионального аспекта религиозных исканий поэта» [6, с. 129–130]. Мандельштам был, по мнению екатеринбургского ученого, «совершенно чужд конфессиональных пристрастий».

В этом суждении есть свой резон: Мандельштам воспринимал религиозные отправления нередко в эстетическом ключе, в их праздничнообрядовой ипостаси, для него был важен сам факт интимного переживания вечности, приобщения к некоему высшему началу. Об этом свидетельствует следующее признание самого поэта: «Разве вступая под своды Notre-Dame человек размышляет о правде католицизма и не становится католиком просто в силу своего нахождения под этими сводами?» [8, с. 206].

Практически все исследователи стремятся обосновать принадлежность Мандельштама к той или иной религиозной конфессии или культурной модели, игнорируя возможность их культурологической поливалентности и эстетического синтеза.

По мнению Н.А. Петровой, решение вопроса о национальной и религиозной самоидентификации Мандельштама в представлении современных литературоведов «склоняется в пользу христианства» [12, с. 219]. В этом плане особенно симптоматично суждение М.Ю. Лотмана: «Мандельштам колебался в выборе конфессий, но не в эстетическом выборе. Его эстетика строго православна» [Цит. по: 12, с. 219].

Между тем Л. Кацис считает, что «христианский слой в творчестве Осипа Мандельштама не только изучен достаточно хорошо, но и полностью заслонил собой все то нехристианское, что содержится в его стихах и прозе» [2, с. 13], сам ученый предлагает принципиально новый подход к анализу творчества поэта – методами иудаики.

В свете вышесказанного рассмотрение в рамках настоящей статьи культурно-религиозной концепции О. Мандельштама представляется актуальным. Поскольку Мандельштам осмыслял культуру в мифопоэтическом ключе, то мы должны реконструировать – хотя бы в самых общих чертах – мифологическую модель мира поэта.

В качестве двух основных категорий в структуре мифопоэтической модели мира Осипа Мандельштама выступают «хаос» и «космос». Их значение отчетливо выявляется в контексте проекции на мифологический и философский пласт античной традиции.

Хаос в раннем творчестве Мандельштама играет роль «родового лона» мира [3, с. 8]. «Родовое лоно» выступает в «разных смысловых ипостасях: как физическая («первооснова жизни»), национальная («хаос иудейский») и музыкальная стихия» [4, с. 93]. Нас в контексте темы в первую очередь интересует национальный (и связанный с ним религиозный) аспект проблематики.

В «Шуме времени» (1925) Мандельштам эксплицирует биографическую подоплеку этого начала: «Весь стройный мираж Петербурга был только сон, блистательный покров, накинутый над бездной, а кругом простирался хаос иудейства,

© Петрова Н.И., 2011

не родина, не дом, не очаг, а именно хаос, незнакомый утробный мир, откуда я вышел, которого я боялся, о котором смутно догадывался и бежал, всегда бежал» [9, с. 307]. Как пишет об этом Н. Струве, еврейское происхождение «ставило Мандельштама в особо напряженное положение: одновременно в истории и вне ее. <…> От этого утробного мира Мандельштам инстинктивно и решительно отвернулся, чувствуя в нем угрозу разрушения» [13, с. 111].

Хаос не случайно назывался у Мандельштама «иудейским» – «речь шла о родовом наследстве, которое ему как поэту предстояло преодолеть» [10, с. 13]. В ассоциативное поле «хаоса иудейского» в автобиографической прозе поэта включается представление об отсутствии строя (Ср. в описании книжной полки – «иудейские развалины» [9, с. 309]), немоте («У отца совсем не было языка, это было косноязычие и безъязычие» [9, с. 318]). Категория же немоты в линии восприятия хаоса как национальной стихии маркируется сугубо негативно.

М. Гаспаров пишет: «Семьи своей он стыдился еще в молодости, избегая что-нибудь о ней рассказывать. Из этого темного и бессловесного мира он искал выхода. Поиски имели три направления: революция, религия, словесность» [1, с. 193]. Проза Мандельштама свидетельствует о том, что «тяга к религии и революции была вызвана скорее жаждой душевного “строя”, чем поиском точки приложения сил. Для Мандельштама слово было единственно возможным способом освоения мира» [12, с. 123].

В юные годы Мандельштам сначала идет в первом направлении: «Первый берег, к которому приплыл четырнадцатилетний обеспочвенный подросток, назывался марксизмом» [13, с. 113]. В «Шуме времени» Мандельштам объясняет свое «модное увлечение» жаждой «единства и стройности», свойственной многим «в предысторические годы» [9, с. 339].

В письме к В.В. Гиппиусу, своему тенишевскому учителю, он так характеризует этот этап своей жизни: «Первые мои религиозные переживания относятся к периоду моего детского увлечения марксистской догмой и неотделимы от этого увлечения» [9, с. 204]. Симптоматично наделение политических воззрений религиозной коннотацией.

В 1910 году познакомившийся с Мандельштамом С.П. Каблуков, секретарь петербургского религиозно-философского общества, пишет о нем: «Теперь стыдится своей прежней революционной деятельности и призванием своим считает поприще лирического поэта» [цит. по: 1, с. 194].

Мандельштам всячески пытался уйти в этот период от национально-религиозной стихии иудаизма, он «бежал от обостренного национализма, от этнической религии, от местечковой культуры, поэтому ему было нелегко примкнуть непосредственно к народу, глубоко национальному, к религии, слишком часто понятой как атрибут народа» [13, с. 112].

Ему чужды были мессианские идеи своего народа: «Хотя иудаизм поставил своей целью признание Бога всем человечеством, он всегда осуждал и противостоял ассимиляции евреев, оставаясь мировоззрением тех, кто ассоциировал себя с народом Израиля»; он «не просто призывал евреев к монотеизму, но и выделял их из всех других народов, определял евреев как Богом избранный народ, как народ-мессию, призванный осуществить цивилизаторскую миссию на земле с целью установления царства мира и справедливости» [5, с. 108].

Как пишет в своей работе В.В. Мусатов, усматривающий изначальную коллизию творчества поэта в конфликте между хаосом и строем (биографией и культурой), «*строй* – вот в чем прежде всего нуждался юный Мандельштам, резко отталкивающийся от *хаоса* иудейского» [11, с. 224].

На мифопоэтическом уровне желание единства и стройности, свойственное Мандельштаму, есть не что иное, как стремление к гармонии космоса. В жизни и творчестве поэта разворачивается самая существенная для античной мифологии «антитеза Хаоса (зияния) и Космоса (лада, строя) <…> Безыменная бездна вдруг оборачивается роскошным, благоустроенным телом Космоса» [7, с. 867].

В качестве же категории космоса у Мандельштама выступает культура, чему также имеется соответствие в античности: хаос характеризует «предельная удаленность от сферы “культурного”, человеческого, от логоса, разума, слова» [15, с. 581].

В качестве космоса у Мандельштама мыслится и сам человек (космос – живой организм в античности). В «стихотворениях-близнецах» 1910 года «Из омута злого и вязкого…», «В огромном омуте прозрачно и темно…», содержащих «намеки на еврейское происхождение его семьи <…> центральным образом является злой и вязкий, прозрачный и темный, огромный омут, а их доминирую-

щей темой – существование на границе реальности и сна, бытия и небытия» [14, с. 80]:

Из омута злого и вязкого
Я вырос тростинкой, шурша,
И страстно, и томно, и ласково
Запретною жизнью дыша [9, с. 37].

«Тростинка» – персонификация лирического «я» Мандельштама – осознает свою обреченность на возвращение в «злой» и «вязкий» омут:

И никну, никем не замеченный,
В холодный и топкий приют… [9, с. 37]

Подобным же образом Мандельштам осмысляет и распятие Христа в стихотворении «Неумолимые слова…» (1910):

Окаменела Иудея
И, с каждым мигом тяжелея,
Его поникла голова. <…>
И царствовал, и никнул Он,
Как лилия в родимый омут,
И глубина, где стебли тонут,
Торжествовала свой закон [9, с. 254–255].

По наблюдению исследователя, образ «злого и вязкого омута» представляет «метафору “иудейского хаоса”, атмосферы еврейского образа жизни, который культивировали в Риге дед и бабушка Мандельштама и который в его доме поддерживал в первую очередь отец» [14, с. 81].

На наш взгляд, слова об отце Мандельштама не вполне верны. Ср.: «По существу, отец переносил меня в совершенно чужой век и отдаленную обстановку, но *никак не еврейскую*. Если хотите, это был чистейший восемнадцатый или даже семнадцатый век просвещенного гетто где-нибудь в Гамбурге. *Религиозные интересы вытравлены совершенно*» (курсив наш. – *И.П.*) [9, с. 319]. И далее еще об отце: «Четырнадцатилетний мальчик, которого натаскивали на раввина и запрещали читать светские книги, бежит в Берлин, попадает в высшую талмудическую школу <…> вместо Талмуда читает Шиллера» [9, с. 319].

По мнению Л. Кациса, для Мандельштама было важно «нееврейство» отца: в его мире «под еврейством понималось не ассимилированное немецкоориентированное (“берлинеры”, как его отец, и т.д.), а (по-видимому) местечковое хасидское еврейство, которому противостоял отец поэта» [2, с. 62]. М. Эпштейн же на основании географического критерия (дед и бабка поэта жили в Риге) относит и самого поэта, и его отца к талмудической ветви российского еврейства. В его интерпретации талмудисты в России обосновались в Прибалтике.

Мы считаем, что относить семью Мандельштама к ортодоксально настроенным верующим евреям оснований нет. В своей статье «Хасид и талмудист» М. Эпштейн противопоставляет хасида Пастернака и талмудиста Мандельштама [16]. При этом он пишет: «Талмудисты, по сложившейся тысячелетней традиции, полагали, что народ, рассеянный Богом за свои грехи, должен плакать и молиться, читать Талмуд и следовать букве и духу Закона, и в этом – единственный путь искупления грехов и возвращения Божьей милости» [16, с. 86].

Если мы вспомним, что в юности Мандельштам пытался всеми силами отмежеваться от иудаизма (что никак не допустимо с точки зрения ортодоксальных талмудистов), что еще его отец вместо Талмуда читал Шиллера и, самое главное, проповедь радостного приятия мира в «Скрябине и христианстве», то совершенно не согласимся с автором статьи.

Скорее, в мироощущении Мандельштама заметны черты хасидизма (возникшего, кстати сказать, в XVIII веке в Польше, на родине Мандельштама). С основным постулатом хасидизма о служении Всевышнему в *радости* перекликается мандельштамовское понимание христианства как «*радостного* богообщения» [9, с. 583] (курсив наш. – *Н.П.*).

Разительная перекличка с хасидскими установками наблюдается и в представлении Мандельштама о «игровом начале» Божественного промысла, что позволило ему в статье «Скрябин и христианство» провести аналогию художника и Творца, искусства и акта Божественного первотворения. Несомненно, Мандельштаму были известны такие, например, хасидские идеи: «Цадик, святой хасидизма, открыт малейшим случайностям мироздания как игре Божественного промысла, в которой человек призван быть блаженным соучастником» [16, с. 86]. Не отсюда ли знаменитое определение искусства, данное Мандельштамом: «Радостное богообщение, как бы игра Отца с детьми, жмурки и прятки духа!» [9, с. 583].

В целом же можно сделать вывод, что религиозные категории в творчестве О. Мандельштама выступают не только как синоним веры, а разворачиваются в культурологическом ракурсе, становясь смыслопорождающими моделями авторских мифов.

Библиографический список

1. *Гаспаров М.Л.* Осип Мандельштам: Три его поэтики // Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Ана-

лизы, интерпретации, характеристики. – СПб., 2001. – С. 193–259.

2. *Кацис Л.* Осип Мандельштам: Мускус иудейства. – М., 2002.

3. *Кихней Л.* Осип Мандельштам: Бытие слова. – М., 2000.

4. *Кихней Л.Г.* Акмеизм: Миропонимание и поэтика. – М., 2001.

5. *Крылов А.В.* Иудаизм // Основы религиоведения: учеб. / под ред. И.Н. Яблокова. – М., 1994. – С. 107–113.

6. *Лейдерман Н.Л.* Феномен Осипа Мандельштама // Лейдерман Н.Л. Русская литературная классика XX века: Монографические очерки. – Екатеринбург, 1996.

7. *Лосев А.Ф.* Мифология греков и римлян. – М., 1996.

8. *Мандельштам О.* Камень / сост. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Мец, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдин. – Л., 1990.

9. *Мандельштам О.Э.* Стихотворения. Проза / сост. Ю.Л. Фрейдин; предисл. и коммент. М.Л. Гаспаров. – М., 2001.

10. *Мусатов В.В.* Лирика Осипа Мандельштама. – К., 2000.

11. *Мусатов В.В.* История русской литературы первой половины XX века (советский период). – М., 2001.

12. *Петрова Н.А.* Литература в неантропоцентрическую эпоху. Опыт О. Мандельштама. – Пермь, 2001.

13. *Струве Н.* Осип Мандельштам. – London, 1988.

14. *Тарановский К.* Очерки о поэзии Мандельштама // Тарановский К. О поэзии и поэтике. – М., 2000. – С. 13–208.

15. *Топоров В.Н.* Хаос первобытный // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М., 1982. – Т. 2. – С. 581–582.

16. *Эпштейн М.* Хасид и талмудист: Сравнительный опыт о Пастернаке и Мандельштаме // Звезда. – 2000. – № 4. – С. 82–96.

УДК 821.161.1Бунин.11

Попова Юлия Сергеевна
Воронежский государственный университет
buka1621@rambler.ru

РОДОВОЕ И ЛИЧНОСТНОЕ НАЧАЛА В ГЕРОЕ И.А. БУНИНА (по произведениям 1910-х годов)

В статье исследуется соотношение личностного и родового начала в героях рассказов И.А. Бунина «Захар Воробьев», «Веселый двор», «Петлистые уши» на основании трех ключевых категорий: природное начало, кровнородственное и социально-родовое.

Ключевые слова: *Бунин, внутреннее «Я», внешнее «Я».*

Проблема соотношения в человеке личностного и родового начал – одна из наиболее актуальных в современном бунинoведении. Основные положения художественной антропологии И.А. Бунина были обозначены в работах Ф. Степуна [8, с. 216–260]. Он рассматривает личностное и родовое начала в художественном мире И.А.Бунина в двух аспектах: соотношение природного и сверхприродного начал, любви и пола. Полемично эту проблему заявил И. Ильин [4, с. 5–216], который решает ее однозначно: человек И.А. Бунина додуховен, это особь, а не личность. По-разному, но оба философа говорят о доминировании в человеке И.А. Бунина родового, безличностного начала.

Спустя четверть века эта проблема была снова актуализирована. В связи с этим сформировалось два подхода: одни разделяют точку зрения И. Ильина, другие пытаются углубиться собственно в проблемы художественной антропологии и выявить неоднозначность решения этого вопроса, уточнить, а в некоторых аспектах пересмотреть устоявшиеся взгляды.

Наше обращение к этой проблеме призвано как раз расширить и скорректировать понимание соотношения родового и личностного начал в герое И.А. Бунина на материале произведений 1910 годов с опорой на новые представления, появившиеся в психологических, исторических, культурологических, философских науках, что отвечает тенденции современной науки интегрировать достижения разных сфер гуманитарного знания.

Многогранность человеческого существа, наличие в нем различных, порою полярных на-

 © Попова Ю.С., 2011

чал: природного и социального, телесного и духовного, индивидуального и общеродового – является величайшей загадкой мироздания. Родовое и личностное начала являются ключевыми в понимании человека, его природной сущности. Для рассматриваемых нами рассказов И.А. Бунина 1910-х годов понятие родового начала в герое является наиболее важным и включает в себя три смысловые группы: 1) природное; 2) родственное; 3) социально-родовое [6].

Для первой смысловой группы (род как природное понятие) характерно понимание рода как отражение связи с природой, с окружающим миром. Природа здесь выражается не просто ландшафтом, но и включает в себя все естественное окружение человека, которое воспринимается им не только как часть чего-то внешнего, но и как часть его самого. Ф. Степун в книге «Портреты» отмечает, что человек в творчестве И.А. Бунина прежде всего «природный человек» [8, с. 249].

«Захар Воробьев» – пример такой тесной связи героя с природным началом. Эта связь подчеркивается внешним обликом персонажа: у Захара «длинные волосы, уцелевшие вокруг его темного черепа, белы и легки, как ковыль» [1], он мог «не мигая, как орел, смотреть на солнце» [IV, с. 38], он органично вписывается в окружающее его пространство. Но в то же самое время Захар чувствует свою отчужденность от людей: «…Он сам себя чувствовал принадлежащим к какой-то иной породе людей, чем прочие люди…» [IV, с. 40], «…не покидало его и другое чувство – смутное чувство одиночества: в старину, сказывают, было много таких, как он, да переводится эта порода…» [IV, с. 36]. Он наделен ярким личностным началом, которое выражается не только внешне: «…Он был рыжевато-рус, бородат и настолько выше, крупнее обыкновенных людей, что его можно было (возить) показывать…» [IV, с. 36], но и внутренне: «…человек он особенный, он твердо знал это…» [IV, с. 46].

Захар Воробьев, так же как и героиня рассказа «Аглая», является вырожденцем, то есть особой породой людей, которые исчезают. Об амбивалентности понятия «вырождения» писал Г.Ю. Карпенко: «…Характеристика “выродков” велась в научной литературе в двух направлениях: люди, уклонившиеся от нормы, или гениальны, или преступны. В преступном типе обнаруживается возврат к рефлексам, когда уже не действует высшая форма психической деятельности – воля, способная обуздать в нормальном человеке преступную страсть». С другой стороны, «сторонники теории вырождения показали, что вырождающийся бывает иногда одарен блестящими умственными способностями, что вырождение – непременное условие выдающейся оригинальности ума…» [5, с. 9]. Именно в таком научно-позитивистском значении употребляет это слово Бунин, называя людей с необычной психофизиологической и антропологической организацией «вырождающимися» людьми. Таким образом, с одной стороны, в Захаре ярко проявляется личностное начало, выделяющее его из рода, но с другой – «…не покидало его и другое чувство – смутное чувство одиночества в старину, сказывают, было много таких, как он, да переводится эта порода» [IV, с. 35], то есть включенность в род.

Пейзаж помогает раскрыть внутреннюю природу героя: «…У нас дуб велик вырос, – насмешливо и с удовольствием повторял он мысленно, чуя в этих словах какой-то чудесный намек на что-то…» [IV, с. 38]. Связь Захара с окружающим проявляется и в особой категории – памяти, которая является очень важной для понимания творческого мира И.А. Бунина. Именно через память происходит приобщение человека к окружающему миру, общение его с самим собой. Захар все время вспоминает свое прошлое, те события, которые связаны с его личной жизнью. Но он не может найти применение себе в настоящем мире: «…Что путного сделал он на своем веку, в чем проявил свои силы? Да ни в чем, ни в чем!..» [IV, с. 46]. «Память – по Бунину – …есть та невещественная, духовная, психологическая и одновременно вещественная, биологическая связь со столь же таинственнами духовно-вещественными основами бытия…» [7, с. 10]. Антропологические аспекты позволяют соотнести Захара с архитипом богатыря, который находится в поисках подвига. Но подвиг изображаеся в профанном виде: несение старухи да спор про водку.

Важным для понимания рассказа является мотив дома и дороги. Захар постоянно собирается домой: «Из города приехал по железной дороге в село Шипово и пошел в Осиновые Дворы через Жилое» [IV, с. 36]. Но домой он так и не попадает, остается в дороге, там же и умирает: «И твердо пошел на середину большой дороги. И, дойдя до середины, согнул колени – и тяжело, как бык, рухнул на спину, раскинув руки» [IV, с. 47]. Захар состоялся в социально-родовом ас-

пекте как крестьянин, но не смог состояться в личностном аспекте, так и не совершив подвига, которого требовала душа.

Другая смысловая группа предполагает обращение к кровнородственному началу, которое является важным не только в прямом значении (как связь между родственниками), но и как связь общечеловеческая. Анисья и Егор – герои рассказа «Веселый двор» – являются кровными родственниками (мать и сын). Но связь между ними утеряна. Они противоположности не только внешне: «…Егор был белес, лохмат, не велик, но широк, с высокой грудью…» [III, с. 278], «…она – суха, узка, темна, как мумия; ветхая понева болтается на тонких и длинных ногах…» [III, с. 279]; но и внутренне: он – «…пустоболт, сквернослов…» [III, с. 280], «…он не признавал ни семьи, ни собственности, ни родины…» [III, с. 279], она – покорна, «…любить Анисье в молодости некого было. Но и не любить не могла она…» [III, с. 279]. При этом у них были общие черты: «…мужик он вышел добрый…» [III, с. 280], «…но никогда не насмеливалась она напоминать людям, что в былое время помогала и она им…» [III, с. 279].

Очень важным в рассказе является образ двора, который вбирает в себя понятие дома – «…изба его, огромная, нескладная, с каждым годом все больше да больше сгнивала, разваливалась без призора…» [III, с. 279], «…необходимость стеречь, сохранять для Егора избу…» [III, с. 280]. Изба здесь является не только жилищем героев, она – символ их, на первый взгляд, невидимой, но все же ощутимой связи. Дом – это начало, передающееся из поколения в поколение, которое символизирует крепость традиции, памяти, демонстрируя благополучие крестьянина, является и началом духовным.

С мотивом дома тесно связан и мотив дороги, который расширяется до жизненного пути. Анисья отправляется в свой путь, ее путь мотивирован кровным началом. Она идет к сыну. В доме Егора Анисья умирает. Но умирает она как крестьянка (на лавке, перекрестясь на икону). Егор, уходя из родного дома, все время пытается найти себе место среди людей: «…Но Салтык не обратил внимания и на это замечание (Егора)…» [III, с. 293], «…ему (Егору) очень захотелось спора, в котором он вышел бы и умнее, и толковее, и бывалее Салтыка…» [III, с. 296]. Но он обладает такими внутренними качествами, которые мешают ему в этом. Несовпадение желаемого и настоящего рождает в его сознании двойственность, которую он боится, постоянно убегая от нее: «…Он уже давно освоился с тем, что часто шли в нем сразу два ряда чувств и мыслей: один обыденный, простой, а другой – тревожный, болезненный. Да что делать-то, если не сидеть, куда идти? В лес, в кустарник, в сумерки, где всюду мерещится этот серый черт?» [III, с. 295]. Порываются его связи с общностью на уровне крестьянского мира.

Герои рассказа существуют на грани сна и яви, на грани двух реальностей. С одной стороны, прекрасный мир вокруг, где цветут поля, ходят райские птицы, с другой – мир, где нет даже крошки хлеба, чтобы прокормить себя. «…Они (птицы) мучили, утомляли ее, но и трогали своей красотой, беззаботностью, нежной привязанностью друг к другу…» [III, с. 283], «…все сильнее клонило в сон, в бред, бежала под ноги дорога вместе с тройками и горлинками…» [III, с. 284], «…но, все понимая, она спала, спала – и умирала…» [III, с. 285].

После смерти Анисьи Егор перестал существовать в реальном мире: «…Он играл ту роль, что полагалась ему у гроба матери. Он моргал, будто готовый заплакать, но далеко были его мысли, и, как всегда, в два ряда шли они. Смутно думал он о том, что вот жизнь его переломилась – началась какая-то иная, теперь уже совсем свободная…» [III, с. 306]. Последняя связь с миром, то единственное, что держало его на земле, те корни, которые помогаю человеку жить, Егор окончательно утратил: «…Постарел он и поддался – в один месяц. И много помогло тому чувство какой-то странной свободы и одиночества, вошедшее в него после смерти матери. Пока жива была она, моложе казался он сам себе, чем-то еще связан был, кого-то имел за спиной. Умерла мать – он из сына Анисьи стал просто Егором. И земля – вся земля – как будто опустела. И без слов сказал ему кто-то: ну, так как же, а?» [III, с. 307]. И следствием этого стала не только утрата духовной связи с человеческим родом, но и распад физический – закономерное самоубийство. Самоубийство изображено как символическая утрата ног-корней: «В песке билось то, что было за мгновенье перед тем Егором, билось, поливая песок кровью, вскидывая кверху два толстых обрубка-две ноги, ужасающих своей короткостью. Две другие ноги, опутанные окровавленными онучами, в лаптях, лежали на шпалах» [III, с. 309].

Если Анисья состоялась как в семейно-родственном отношении, так и в личностном, то Егор оказался несостоятелен ни как сын Анисьи, ни как личность.

Третья смысловая группа – понимание родового как источника «мотиваций определенных состояний, присущих индивидуумам (как высоконравственных, так и состояний, причисляемых к грехопадению); которые диктуют определенные мотивы сознательных или бессознательных поступков, определенные эмоции, из которых слагаются стереотипы поведения. Неоднозначность поведенческих стереотипов позволяет человеку проводить проверку родового опыта в рамках своей судьбы, реализуя свободу нравственного самопознания и сознательного выбора между добром и злом» [9, с. 10]. Такую проверку проходит Адам Соколович – герой рассказа «Петлистые уши», который, с одной стороны, называет себя сыном человеческим («…я сын человеческий, – сказал Соколович с какой-то странной торжественностью…» [IV, с. 387]), но в то же самое время и выродком, то есть выпавшим из рода людей («…я так называемый выродок…»[IV, с. 389]). Но в отличие от Захара («Захар Воробьев») и Аглаи («Аглая») вырождение Соколовича носит резко негативные, преступные черты. Он идет на убийство сознательно, убивает согласно плану, в заранее определенный час (деталь – «большие серебряные часы» [IV, с. 394]), но при этом медлит, останавливаясь («…Соколович замедлил шаги, долго глядел вслед этой паре…»[IV, с. 390], «…Соколович остановился и довольно долго стоял, закуривая папиросу…» [IV, с. 392]).

На своей жизненной практике Соколович проводит проверку опытом один из самых древних запретов – убийство себе подобного. «…Уголовные хроники тоже сплошь состоят из записей о самом жестоком спокойствии, цинизме и резонерстве самых кровавых преступников. Но дело, однако, не в выродках, не в палачах и не в каторжниках. Все человеческие книги – все эти мифы, эпосы, былины, истории, драмы, романы, – все полны такими же записями, и кто же это содрогается от них. Каждый мальчишка зачитывается Купером, где только и делают, что скальпы дерут, каждый гимназист учит, что ассирийские цари обивали стены своих городов кожей пленных…» [IV, с. 386].

Дорога в случае с Адамом Соколовичем оборачивается петлей, а дома нет вообще. Действие происходит либо в трактире, либо в гостинице (чужое пространство). В тексте нет даже намека на дом. Бездомность героя приобретает метафизический смысл.

Ф.М. Достоевский в своих набросках к неосуществленной статье «Социализм и христианство» отмечал: «…Человек в этом состоянии …теряет источник живой жизни, не знает непосредственных ощущений и все осознает…» [9, с. 12]. Эта мысль точным образом воплощена в образе Соколовича. На протяжении всего рассказа автор не показывает читателю ни эмоций, ни ощущений героя, при этом герой полностью отдает отчет в своих действиях. Исследователь О.А. Бердникова отмечает: Адам Соколович лишен «живой жизни» [2, с. 16]. Таким образом, в нем отсутствует природное начало («выродок»), намек на семейственность (он – панский сын, но сам герой отказывается от этого). Соколович называет себя «сыном человеческим», но это звучит в его устах кощунственно. Герой находится вне всякой связи с людьми.

Эти рассказы объединяет общее понимание родового начала в герое, которое выражается в разрыве между внутренним и внешним «я», через которое проступает бессознательное начало. Внешнее «я» – человек в повседневной жизни, его социальные роли. Внутреннее «я» – то подлинная основа человека, в случае постоянного несовпадения с внешним «я», приводящая к трагическому финалу. Разрыв обыденного и глубинного «я» происходит у Егора Минаева («Веселый двор»): от утопической надежды «питаться одной редькой, попасть во святые» [III, с. 303] до играемой «роли у гроба матери» [III, с. 306], невозможность найти себя и свое место в жизни постоянно тревожит его. У Захара Воробьева (одноименный рассказ) этот разрыв проявляется в желании преодолеть будни и сделать что-то особенное. Но и у этого героя не получается преодолеть этот разлад. У Адама Соколовича («Петлистые уши») постоянное несовпадение выливается в проявлении особой телесной, психической и интеллектуальной организации. Так же объединяет героев и особенности внешности (родовые изъяны), полностью порванные связи с миром, с людьми.

Понятие родового очень важно для творчества И.А. Бунина. Выпадение из рода приводит к катастрофическим последствиям: герой нарушает все моральные запреты, не может найти себе

место в этом мире. Следствием этого является смерть самого героя или преступление, совершенное им. Личностное начало не противопоставляется родовому, а формируется им посредством памяти, включенности человека в природу, традицию, кровную связь. В.Г. Белинский отмечал, что человек – подвижное единство видового (особого) и родового (всеобщего), подчеркивал не механическое их сосуществование, а своего рода диалогическое взаимодействие, «ибо в том-то и состоит взаимное отношение общего к особному и особного к общему, что они в человеке не приклеиваются друг к другу внешним образом… но взаимно проникают друг в друга…» [9, с. 12].

Библиографический список

1. *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 9 т. – М.: Художественная литература, 1966. – Т. 4. – С.38. В статье произведения Бунина цитируются по этому изданию с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской цифрой).

2. *Бердникова О.А.* Мотивы искушения в творчестве И.А. Бунина в аспекте христианской антропологии // Воронежский гос. университет. Вестник: Научный журнал. – Серия: Филология. Журналистика. – 2009. – № 1.– С. 16.

3. *Жвирблинская Г.М.* Родовое и личностное самосознание человека // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – №4. – С. 268.

4. *Ильин И.А.* О тьме и просветлении: книга художественной критики. – М.: Скифы, 1991. – 216с.

5. *Карпенко Г.Ю.* Творчество И.А. Бунина и религиозно-философская культура рубежа веков. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 1998. – С. 9.

6. *Кириенко В.* Дохристианская, родовая культура восточных славян как фактор формирования менталитета белорусов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://npoles.narod.ru/gaz_arh/g_4_5.htm.

7. *Мальцев Ю.В.* Иван Бунин. – М.: Посев, 1994. – С. 10.

8. *Степун Ф.* Иван Бунин // Ф. Степун. Портреты. – СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 1999. – С. 216–260.

9. *Удодов Б.Т.* Пушкин: художественная антропология. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. – С. 10.

УДК 882.09

Савинская Ольга Анатольевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
olgasavinskaya83@mail.ru

СТОИЧЕСКИЕ И БУДДИСТСКИЕ МОТИВЫ В ЛИРИКЕ Б.Ю. ПОПЛАВСКОГО

В статье раскрываются особенности философских взглядов Б.Ю. Поплавского (на примере лирики 1920–1935 гг.).

Ключевые слова: *экзистенция, стоицизм, буддизм, страх, отчаяние, сомнение, заброшенность, отчуждение, одиночество, страдание.*

Наследие Б.Ю. Поплавского – поэта и прозаика начала XX века – стало доступно русскому читателю только в 90-е годы XX века. В современном литературоведении его творчество изучено мало. А между тем многие стихотворения Поплавского интересны не только как страницы его собственной творческой биографии, не раскрытой до сих пор в её подлинной многогранности, но и потому, что они вносят свой вклад в развитие русской и мировой философско-поэтической традиции, давая оригинальную и неповторимую трактовку ряду «вечных» тем и вопросов.

Поплавскому близки пронзительное метафизическое чувство одиночества человека в этом мире, ощущение чуждости, враждебности окружения, восприятие жизни как неудачи. Для него важна идея связи Эроса и Танатоса. Всё это претворилось в философии экзистенциализма, буддизма и стоицизма.

Проблема философских основ лирики Поплавского в современном литературоведении является недостаточно изученной. Частично она рассматривалась в работах С. Семёновой [7], Е. Менегальдо [4], В.М. Жердевой [1], Ю.В. Матвеевой [3], А. Мартынова [2].

 © Савинская О.А., 2011

А. Мартынов, рассматривая проблемы взаимовлияния философии и литературы в книгах писателей и мыслителей первой волны русской эмиграции, особое внимание уделяет творческим исканиям представителей молодого поколения, покинувших Россию почти детьми [2].

С.Г. Семёнова замечает, что писатели-эмигранты молодого поколения «органично для себя выразили одну из важнейших черт экзистенциального сознания: отталкивание от общих понятий и идей – всего общественного, гуртового, коллективного» [7, с. 102]. По словам исследовательницы, своё творчество они воспринимали как «нечто обратное духу и процессам в магистральной линии литературы метрополии» [7, с. 102].

Сознание Поплавского, по мнению Ю.В. Матвеевой, «мистическое, романтическое и экзистенциальное одновременно» [3, с. 30]. Она обнаруживает мистическое у Поплавского «в непосредственном осязании действительности; романтическое и экзистенциальное – в формах её освоения» [3, с. 31]. А далее Ю.В. Матвеева верно указывает: «Романтизм являлся подлинной, органической частью его (Поплавского. – *О.С.*) личности, доминантой его натуры и отличительным признаком его творчества» [3, с. 31]. Романтическое двоемирие можно считать главным структурообразующим принципом творческого сознания Поплавского, во многом определившим его стилевую манеру, систему образов, логику оценок. Конфликт «заурядного и духовного неизменно присутствует», как точно отмечает Матвеева, во всех произведениях Поплавского, обретая первостепенное и самостоятельное значение в сборнике «Флаги» [3, с. 31].

Мысль о близости поэзии Поплавского идеям философии экзистенциализма высказывалась также Е. Менегальдо и В.М. Жердевой. Так, по словам В.М. Жердевой, Поплавскому «была близка экзистенциалистская разновидность идеализма, так как именно экзистенциализм выражает экспрессивность субъекта, погружённого в тайну существования и стремившегося преодолеть одиночество и соприкоснуться с окружающим миром» [1, с. 102].

Однако в указанных статьях лишь намечен подступ к решению вопроса об особенностях философского взгляда на мир, характерного для Поплавского. Все исследователи указывают лишь на экзистенциальную природу философии творчества поэта, а другие философские влияния ими не рассматриваются. А между тем, понимание философских истоков творчества поэта – условие его верного истолкования.

На наш взгляд, наиболее близкими для Поплавского являются философские идеи стоицизма, буддизма и экзистенциализма. Основными модусами проявления этих философских течений являются состояния страха, отчаяния, сомнения, заброшенности, отчуждения и одиночества. Все они оказываются доминирующими на протяжении всего творчества поэта.

На основе генетико-типологического анализа можно выделить эстетико-философские связи лирики Поплавского с идеями буддизма и стоицизма.

Известно, что Поплавский досконально изучал труды Блаватской, Кришнамурти, Безант, Штайнера. А. Безант лично в Париже приняла поэта в члены Русского теософского общества. Именно здесь Поплавский начинает изучать сочинения стоиков, философия которых соответствует внутреннему состоянию поэта. Строки из дневника Б. Поплавского подчёркивают «стоическую» направленность творчества поэта: «Стоическое-милое – нет родины, нет своего языка, своих привычек, своей природы, своего характера, своего города – всё в становлении, всё от притяжения ценности...» [5, с. 114]. Это пафосное определение – «стоическое-милое» – значит единственно возможное и единственное человеческое перед страхом утраты.

Ключевые идеи стоицизма – телесность всего существующего, включая любые свойства души; бесстрастие; следование природе; любовь к собственной судьбе. Всё это захватывало Поплавского и находило воплощение в его поэзии. Так, в стихотворении «Римское утро» (1929) показан абсурд окружающего мира:

А в храме мраморном собаки лают
И статуи играют на рояле… [6, с. 64].

Нелепой реальности противопоставлено созерцательное отношение ко всему Эпиктета, знаменитого античного философа-стоика, в образе которого зашифровано настроение лирического героя:

Легионер грустит у входа в город
Раб Эпиктет молчит в своем углу…

Рука луны блестит на одеяле.
А Эпиктет поёт. Моя судьба
Стирает Рим, как утро облака [6, с. 64].

Единство христианского и античного миров показано в стихотворении «Стоицизм» (1930).

Здесь постоянно повторяется тема смерти. Поэт рисует последние дни Рима так размеренно и спокойно, как будто речь идёт не о гибели цивилизации, а об обычной воскресной молитве. В стихотворении передана бесстрастность стоицизма:

Шевеля медлительно губами
Мы в воде о сферах говорили.
И о том, как отшумев прекрасно
Мир сгорит, о том, что в Риме вечер [6, с. 97].

И всё это соотносится с острым ощущением приближающейся трагедии, с пронзительным пониманием того, что одна эпоха сменяет другую:

Но Христос склонившийся над Летой
В отдаленье страшном слушал нас.
Но уже проснувшись шли над бездной
В Вифлеем индусские цари [6, с. 11].

(В стихах Поплавского сохранена авторская пунктуация. – *О.С.*) Главная мысль данного стихотворения заключается в следующем: человек смертен, а время бесконечно.

Поплавский разделяет философские идеи буддизма. Буддийские мотивы в творчестве Поплавского являются глубоко прочувствованным способом преодоления кризиса личности посредством творчества. Говоря о буддизме, стоит оговориться, что речь идёт не о вероисповедании, а о тональностях, настроении, системе духовных ценностей, восходящих к этой мировой религии и освоенных в поэзии Поплавского.

В.С. Соловьёв в статье «Буддистские настроения в поэзии» противопоставляет «буддистское» и «христианское» настроения, подтверждая, что в буддизме происходит «жизнеотрицание», а в христианстве – «жизнеутверждение». Говоря о буддистском взгляде на мир, В.С. Соловьёв подчёркивает: «…Подобный взгляд на жизнь, с его решительным отрицанием заключает в себе относительную истину, ибо склонный субъективно к отрицательному буддийскому взгляду на мир и жизнь, поэт естественно и в предметах своего творчества находит и представляет только подтверждение этого взгляда. Всё существенное действует на него особенно своею отрицательной стороною» [9, с. 102].

Рассматривая творчество Ф. Тютчева, А.Н. Толстого и др., Соловьёв и в «жизнеотрицании» находит положительный момент, ибо он, по Соловьеву, есть шаг к работе сознания и, значит, есть движение к появлению «поэзии гармонической мысли» [8, с. 323].

Как известно, учение Будды стало ответом на страдания мира. «Основная мысль буддизма – увидеть причину страданий, положить им конец и помочь другим сделать то же самое» [10, с. 26]. Поплавский также в своей поэтической философии идёт, прежде всего, от боли человеческого существования, поэтому в его художественном мире так много экзистенциальных ситуаций и реакций. Ощущение трагичности и абсурдности жизни, тяга к небытию – эти состояния духа чётко фиксируют и буддизм, и экзистенциализм.

Бытие начинается с «есть». С «есть» во мне самом, с «Я есть», с предоставленности меня самому себе. «Я есть» – это и определитель потока моего сознания, и одновременно определитель моего существования. О чем говорит это «Я есть»? Прежде всего, о моей «заброшенности» в мир сущего, предметно выраженного, наличного.

Как одолеть зло страданий? «Будда отвечает: надо погасить все желания, надо не быть» [10, с. 38]. Точно таким же вопросом открывается и движение художественно-философской мысли Поплавского.

Действительно, буддизм в значительно большей степени, чем другие философии, подчёркивает связь жизни со страданием. Более того, как замечает Е.А. Торчинов, «в буддизме страдание есть фундаментальная характеристика бытия как такового» [10, с. 156]. Страдание – абсолютно, удовольствие – относительно. Подобными мыслями проникнута вся лирика Поплавского.

Буддизм призывает отрешиться от мира. Это отрешение символизирует одна из природных стихий – вода. В представлении буддистов, вода – это абсолютное «всеотсутствие». Предоставленная сама себе, она совершенно аморфна и безлика; её прозрачность достигает такой степени, что она становится незаметной для взгляда; вода растворяет в себе все телесное, вещественное. Ж. Эвола пишет: «Вода прежде всего символизирует жизнь на стадии индифференциации, жизнь, предшествующую всякой форме, не связанную ещё с формой; во-вторых, это символ всего движущегося, следовательно – неустойчивого и изменчивого, то есть это основа всего зарождающегося и подверженного становлению в мире, наконец она (вода) представляет собой основу всего плодоносного, т.к. вода дарит земле плодородие» [11, с. 356].

Весь мир в лирике Поплавского «устремлён на дно». Он описывается как огромная затонувшая Атлантида. В стихах поэта постоянно возникает образ утопленника. Порой таковым видит себя без всякого содрогания и лирический герой:

И ветер опускается в камин,
Как водолаз в затопленное судно,
В нём видя, что утопленник один
В пустую воду смотрит безрассудно [6, с. 31].

В данном стихотворении используется один из любимых приёмов Поплавского: описать мир надводный как подводный. Отсюда дом залегает на дне дождя, как подводная лодка; кафе выглядит «подводным бутафорским гротом»; окно оборачивается «иллюминатором»; люди медленно движутся, как бы в воде:

А я лежал, водою полон сна,
Как хладный труп: раздавлен я и болен
[6, с. 193].

«Вода сна» – философская метафора. Как и вода, сон размывает предметную действительность, дарует нам иллюзию невесомости.

Интересно, что конец мира в стихах Поплавского рисуется как глобальный потоп. В стихе «Жалость к Европе» нашему континенту предрекается судьба Атлантиды:

И все опускались грустя в голубую пучину
[6, с. 82].

Подобно кораблю, Европа идёт на дно. Оттого лирический герой считает этот мир абсурдом. И абсурдность мира становится условием его существования. Лирический герой живёт со следующим убеждением:

В чёрном мире, где души враждебны,
Где закаты погибнуть зовут [6, с. 81].

Всё это ведет к осознанию бессмысленности жизни.

Ощущение раздвоенности лирического героя – ещё одна черта поэзии Поплавского, заимствованная от философии буддизма. Например:

Кровью чёрной и кровью белой
Истекает ущербный сосуд
И на двух катафалках везут
Половины неравные тела.

Я на кладбищах двух погребён
Ухожу я и в землю, и в небо.
И свершают две разные требы
Две колдуньи, в кого я влюблён
(«Чёрный и белый») [6, с. 234].

Душевная раздвоенность лирического героя соответствует буддийским началам «янь» и «инь». Трагическое раздвоение героя свидетельствует о его глубоком духовном кризисе.

Схожее духовное состояние лирического героя передано и в стихотворении «Жизнь наполняется и тонет…». Здесь он оказывается в пограничной ситуации, на грани жизни и смерти. Причём смерть здесь мыслится как «преобразовательница жизни», как «трансформатор» одних ценностей в другие. Завершённая картина смерти обращается в картину новой жизни:

В саду проснётся хор цветов,
Ключ заблестит,
И соловей для тёмных слов
Ко рву слетит…<…>

Огонь спускается на льдину
Лица жены,
Добро и зло в звезде единой
Сопряжены [6, с. 187].

Так, противоположность добра и зла успешно нейтрализуется героем. Но его удел – проживание в мире скорби:

Как непорочная комета
Среди огня,
Цари, невеста Бафомета,
Забудь меня [6, с. 187].

Бафомет символизирует высшую степень развития разрозненности. Он изображён сидящим на троне, утверждённом на глобусе.

Буддисты считают, что человек находится во власти беспощадного рока; все люди будут одинаково поглощены небытием. В рок, судьбу верит и лирический герой Поплавского:

Так наша жизнь, на потешенье века,
Могуществом превыше человека,
Погружена в узилище судьбы [6, с. 32].

Поэтому лирический герой Поплавского и не хочет жить в этом мире. Страх становится доминирующим чувством в мироощущении лирического героя. Это страх перед Ничто, неуверенность в завтрашнем дне. Состоянию страха сопутствует и чувство отчаяния. Отчаяние означает безнадёжность, безвыходность из ситуаций. Оттого лирический герой Поплавского стремится исчезнуть как личность, раствориться, как волна на глубине океана. Он не находит ни в себе, ни вне себя никакой возможности присоединиться к чему-либо. Отрываясь от общества, он утрачивает чувство сопричастности к жизни других людей и потому не может не ощущать своей ущербности, даже пытаясь всеми силами отстоять себя как личность. Отвращение к современности становится движущим творческим стимулом. Именно из отвращения к подобной жизни писатель ищет спасения в античной тематике.

Очень часто в стихах поэта встречаются греческие и римские имена: Клио – муза истории; Орест – герой греческой мифологии, бог войны;

Парка – в древнеримской мифологии богиня судьбы; Гекуба – в греческой мифологии жена греческого царя Приама, мать Гектора, Париса, Кассандры и др.; Лета – река забвения в царстве мёртвых, испив воду которой души забывают свою былую жизнь; Эриннии – богини мести; Кентавр – дикое существо, получеловек-полуконь; Орфей – певец и музыкант. Поэт обращается к образам римской и древнегреческой мифологии в поисках гармонии, но и в глубинах времён её трудно отыскать. Данный тип реминисценций утверждает вечные ценности человеческого бытия, создаёт атмосферу таинственности, неожиданности.

Проблемы смысла бытия, поиска духовности, стремления к нравственному очищению и самосовершенствованию являются главными для Поплавского. Философские идеи буддизма и стоицизма заставляют поэта задуматься о кратковременности человеческого счастья, помогают заглушить глубокую душевную боль человека, потерявшего родину.

Пересозданные в авторском сознании, буддистские и стоические мотивы становятся основой художественной философии в лирике Поплавского. Всё это свидетельствует о том, что Поплавский органично вписывается в культурно-философский и литературный контекст европейского модернизма.

Итак, перед нами мировоззрение, которое сочетает в себе буддийские, стоические и экзистенциальные мотивы и крайне своеобразно переплетает их. Экзистенциальные мотивы в творчестве Поплавского, как и созвучное им «буддийское и стоическое настроение», являются органичным отражением жизненных реалий. При этом пессимизм, доминирующий в поэзии Поплавского, оказывается отголоском главенствующей тональности XX века.

Библиографический список

1. *Жердева В.М.* Экзистенциальные мотивы в творчестве писателей «незамеченного поколения» русской эмиграции (Б. Поплавский, Г. Газданов): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1999. – 17 с.

2. *Мартынов А.* Литературно-философские проблемы русской эмиграции: сб. ст. – М., 2005. – 264 с.

3. *Матвеева Ю. В.* Корабли и поезда «сыновей» эмиграции // Русское Зарубежье: приглашение к диалогу: сб. науч. тр. / отв. ред. Л.В. Сыроватко. – Калининград, 2004. – С. 28–36.

4. *Менегальдо Е.* Воображаемая вселенная Бориса Поплавского // Литературное обозрение. – 1996. – №2. – С. 16–34.

5. *Поплавский Б.* Из дневников // Звезда. – 1993. – №7. – С. 112–122.

6. *Поплавский Б.Ю.* Сочинения / общ. ред. и комм. С.А. Ивановой. – СПб., 1999. – 448 с.

7. *Семенова С.* Экзистенциальное сознание в прозе русского зарубежья (Гайто Газданов и Борис Поплавский) // Вопросы литературы. – 2000. – №3. – С. 67–106.

8. *Соловьёв В.С.* Искусство. Литература. Критика. – М., 1991. – 701 с.

9. *Соловьёв В.С.* О лирической поэзии // Соловьёв В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. – М., 1990. – 574 с.

10. *Торчинов Е.А.* Введение в буддологию. Курс лекций. – СПб., 2000 – 304 с.

11. *Эвола Ж.* Метафизика секса. – М., 1968. – 448 с.

Склизкова Алла Персиевна
кандидат филологических наук
Владимирский государственный гуманитарный университет
burelomy@list.ru

КОМЕДИЙНЫЕ ПРИНЦИПЫ XIX ВЕКА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИХ В НОВОЙ ДРАМЕ Г. ГАУПТМАНА «БОБРОВАЯ ШУБА»

В статье выявляются комедийные принципы XIX века в Германии, под пером Г. Гауптмана происходит их трансформация. Комедиографов интересовало действие, характеры были обрисованы слабо, обязательной считалась благоприятная концовка. Гауптман отказывается от нормативной поэтики, что влечёт за собой новую технику: в его комедиях важен характер, открытый финал, в действие вводится диалект и подтекст, драма приобретает новый скрытый смысл.

Ключевые слова: *фарс, патленирование, подтекст, диалект, народная драма.*

В творчестве Г. Гауптмана первого периода насчитывается несколько комедий: «Коллега Крамптон», «Девы из Бишофсберга», «Шлюк и Яу», «Бобровая шуба». Все они разные по мироощущению, но их объединяет желание автора возродить древние комедийные принципы и одновременно творчески переработать их.

Комедия в переходное время – одно из самых сложных явлений. Гёте и Шиллер поставили перед весёлой пьесой серьёзную драматическую задачу, но не нашлось никого, кто последовал бы за ними в её решении. Известно, что примерно до 1880 года на немецкой сцене господствовало три вида развлекательных пьес. Первый связан с написанием и постановкой фарсов. В Вене фарсовые традиции не прекращались, поскольку в ней всегда был велик удельный вес народного театра. В Германии его влияние было значительно слабее, поэтому фарс расцветает лишь в 1871 году в первую очередь под пером Д. Калиша. Благодаря Калишу и его последователям (А. Верауху, Г. Райдеру) фарс стал рассматриваться как моментальная сценка, инсценировка, своего рода экспромт [2, s. 31–32]. Однако он считался низкой комедией, как и народная драма, нередко ставящаяся в то время на театральной сцене.

В народной драме, как явствует из её определения, главными героями являются люди из народа. Авторы комедий ставят их в смешные и нелепые ситуации, их которых они далеко не всегда выходят победителями. Стремления персонажей связаны в основном с бюргерским достатком, уютом, комфортом [16, s. 51]. Подобными стремлениями проникнута, например, народная комедия актёра и директора театра Х. Мюллера «Ступенька за ступенькой», «Мой Леопольд» А. Аронге. Выделяется, правда, творчество Анценгрюбера. Он жил и творил в Вене, но оказал сильнейшее влияние на немецкую народную драму. Анценгрюбер поднял её на высокую ступень, утверждая, что надо не играть крестьян, а быть ими. Драматург всматривается в глубь народной души, создаёт образ думающего крестьянина, показывает характеры, а не ситуации. Именно Анценгрюбер заложил основы для новой драмы, в его творениях сквозит глубокая мысль в противовес общему пустословию [12, s. 56].

Наконец, следует отметить и так называемые лёгкие комедии. Целью их являлось доставить удовольствие публике, поэтому в финале происходило сглаживание всех противоречий. Подобные комедии достаточно долго держались на сцене, публику привлекало обилие света и воздуха, связанное с весельем и радостью, при внутренней пустоте содержания внешний комизм играл весьма существенную роль [4, s. 76]. Таковы, к примеру, произведения Р. Бенедира, Ж. Швайцера, Ю. Росена.

На общем фоне выделяются комедии П. Ернста и О. Фолкенберга. Первый их них в «Ночи во Флоренции» рисует сильнейшую карикатуру на «Декамерона» Боккаччо. Все герои обманывают друг друга ночью во Флоренции, они иначе жить не в состоянии, похожи на школьников, приходящих в восторг от того, что могут делать нечто недозволенное [3, s. 15]. Таков взгляд Ернста на человеческую природу в целом. Что касается О. Фолкенберга, то он занят поисками индивидуального характера. В комедии «Доктор Айзенбарт» герой – плут и обманщик – попадает в свои собственные сети: он за деньги делает некрасивых женщин прекрасными, но данные деяния заставляет его усомниться в верности той, кого он

© Склизкова А.П., 2011

действительно любит – своей жены. Жизнь представляется Фолкенбергу как великая комедия – человек вовлечён в её вихрь, является игрушкой в руках судьбы [3, s. 159]. Финал, как правило, благоприятный, в частности, Айзенберг в конце вновь обретает уверенность в верности супруги. Между тем задачи комедии в период рубежа веков достаточно долго остаются непонятыми, но значительно проясняются благодаря Г. Гауптману.

В первую очередь Гауптман отказывается от доминанты действия. Творческая мысль драматурга связана с характером героя, именно на нём держится структура пьесы. Преклоняясь перед великим творениям Лессинга «Гамбургская драматургия», немецкий писатель рубежной эпохи в то же время не считал, что задачей комедии является исправление людей смехом [11, s. 70]. Установка Гауптмана иная – с его точки зрения, надо не исправлять людей, а сочувствовать им [5, s. 402]. Недаром Гауптман говорил, что следует любить всех своих героев, они являются созданием драматурга, его плотью и кровью [9, s. 59]. Общая комедийная установка, согласно которой в финале порок наказывается, а добродетель торжествует, чужда Гауптману. Поэтому финал его творений, комедий в частности, как правило, открытый. Человеческая личность многогранна, её нельзя рассматривать с точки зрения определенных моральных сентенций [7, s. 56].

Важным является вопрос о характере юмора Гауптмана. Юмор его светлый, беззаботный, не преследует никакой дидактической цели, шутка вводится в текст ради наслаждения и удовольствия. В какой-то степени Гауптману близки задачи романтического юмора – подача ситуации с позиции игры, забавы. Но концепция романтической иронии, как насмешки над реальностью, над своим собственным творением, не принимается Гауптманом. Мысль романтиков о трансцендентной буффонаде как о наисвободнейшей из вольностей отвергается им.

Итак, в своём драматургическом творчестве Гауптман, подобно своим современникам, создающим новую драму (например, Ибсену, Стриндбергу, Ведекинду), отказывается от нормативной поэтики. Подобный отказ влечёт за собой новую технику. В первую очередь она связана с введением в драму диалекта и подтекста. Что касается диалекта, то до Гауптмана он фигурировал в народной драме, вводился иногда в фарс. Однако применялся диалект в основном для осмеяния персонажей, подчёркивал их невежество. У Гауптмана диалект имеет иное значение. Он является основой писательского языка, выявляет его драматургическое мастерство, показывает своеобразный прорыв к свободе персонажей. В диалекте, которым насыщены пьесы Гауптмана, прослеживается ритм, особая музыкальность слова [3, s. 49–53].

Подтекст, на котором, как правило, базировалась новая драма, должен раскрыть тайну действующих лиц, показать то, что они хотят скрыть от других. Подтекст – это не подлежащее огласке состояние, особое движение души [1, с. 83, 84]. Подтекст тесно связан с пантомимой, с особыми жестами, движениями, причём они не подтверждают речь, а говорят сами за себя [14, s. 78]. Недаром Гауптман писал, что в «Бобровой шубе», впрочем, как и в остальных комедиях, он следовал мимическому народному юмору, в котором велика роль пантомимы и подтекста, передающегося через определённые мимические действия [9, s. 65].

В «Бобровой шубе» прачка мамаша Вольф на протяжении четырёх действий всех обманывает: и рантье Крюгера (ворует у него дрова, затем шубу), начальника волости фон Вергана (он не подозревает её, считает честнейшей женщиной), своего мужа Юлиуса (не говорит ему правду о своих планах), отчасти дочерей (Леонтина и Адегельда лишь догадываются о действиях матери, но ничего не знают наверняка).

В данной комедии весьма ощутимы как средневековая фарсовая традиция, так и «фарсовый опыт» писателей XIX века. Гауптман заимствует из средневекового фарса изначальное состояние войны между персонажами, побеждает в ней более ловкий, хитрый и изворотливый человек [2, с. 27]. У своих недавних предшественников Гауптман берёт мысль о фарсе как об инсценировке, экспромте. В связи с этим можно говорить об особой поэтике «Бобровой шубы». Исследователь творчества Гауптмана Е. Лемке определяет её как нанизывание событий друг на друга [10, s. 205]. Но о событиях речь трудно вести, в комедии крайне мало внешнего действия, зато много различных фарсовых инсценировок. Они и выявляют новую ненормативную поэтику – патленизирование. Данный термин, как известно, истоком имеет средневековый фарс об адвокате Патлене, который умел ловко обманывать глупцов. Мамаша Вольф в «Бобровой шубе» патленизи-

рует виртуозно. Так, она делает вид, что предполагаемый покупатель туши козла лодочник Вульков приходит, чтобы обобрать её. Госпожа Вольф подчёркивает, используя такой простой, но чрезвычайно действенный приём патленезирования, как лесть, что она не в силах устоять против его делового напора. Оппонент Вольфихи начинает торг, от которого каждый получает огромное удовольствие. Первая цена – тринадцать марок, её определяет Вульков, подчёркивая, что больше дать не может. Довольно быстро он соглашается заплатить четырнадцать, утверждая, что отдаёт свои. Фрау Вольф просит восемнадцать марок, ссылаясь на якобы строгий наказ мужа, в итоге они остановились на семнадцати. Подобный фарсовый диалог свидетельствует о равном положении противников. Доказательством тому является и достаточно быстрая договорённость, и предполагаемая будущая деятельность, которая, они не сомневаются в этом, станет столь же успешной и плодотворной.

Иное дело беседа Вольфихи с начальником волости Верганом. Патленизирование происходит лишь со стороны прачки. Верган глуп, полон самовосхваления и самовозвеличивания. Он не может патленизировать, подобный процесс требует переключения на другого человека, способности видеть сильные и слабые стороны противника, а Верган зациклен исключительно на себе. Фарсовая изворотливость присуща лишь проницательному человеку, такому как Вольфиха. Не случайно она с легкостью обманывает Вергана. Разбор дела о краже дров становится апофеозом фарсовой ситуации. Начальника волости не интересует, кто украл дрова, ему важно выяснить, где господин Крюгер покупает дрова, возмущается, что тот не слушает его мудрых советов (на лесном складе дешевле, считает Верган). Вольфиха присутствует на суде в качестве свидетельницы. В этом и заключается особая каламбурность комедийно-фарсовой ситуации – та, что украла и дрова, и шубу, пытается вместе со всеми отыскать вора, говорит, что страшно стало жить, везде воруют. Не случайно немецкий литературовед П. Штонди называет госпожу Вольф творческой натурой [15, s. 38]. Подобное творчество налицо в тот момент, когда Вольфиха собралась топить печь украденными у Крюгера дровами, а он неожиданно приходит к ней. Теперь Крюгер считает, что напрасно обидел её, называет честной, порядочной женщиной. Фарсовый экспромт приобретает в этой сцене поистине раблезианский размах. Крюгер, пробуждая в Вольфихе благородное негодование, кричит, что не оставит этого дела – у него украли шубу через восемь дней после пропажи дров. Госпожа Вольф, бесспорно, соглашается с ним, говорит, что нужно произвести настоящую чистку. Крюгер, окрылённый, как он считает пониманием и поддержкой мудрой прачки, упоённый собственным красноречием, бешено размахивает поленом тех дров, которые у него украла Вольфиха. Он с пафосом утверждает, что нападёт на след вора, мамаша Вольф с радостью в очередной раз соглашается с ним, подчёркивает, что тогда наступила бы всеобщая благодать.

Практически все литературоведы отмечают непревзойдённое мастерство Гауптмана в обрисовке характеров, называя при этом «Бобровую шубу» комедией характеров и ситуаций [12, s. 98]. Это не совсем так. Характеры доминирует над ситуацией и определяют её: Вольфиха слишком умна – Верган слишком глуп, поэтому мудрой прачке удаётся создать о себе впечатление как о самой честной женщине в округе. На подобном несоответствии (главная зачинщица и организатор воровских действий называется достойнейшей) и строится смеховой эффект в «Бобровой шубе». Кроме того, именно это несоответствие взрывает филистерскую мораль изнутри, ту мораль, апофеоз которой определял благоприятную концовку немецких Lustsspiel до Гауптмана. Сам он считал, что главное в филистере – внутренняя остановка, внутренняя гибель [8, s. 2]. Таковы практически все герои в комедии Гауптмана, но госпожа Вольф – натура мыслящая, она постоянно обдумывает свои действия и поступки. Кажется, что её стремления (иметь больше денег) подобны окружающим её филистерам, однако в отличие от них у Вольфихи нет внутренней остановки. Она знает, что любой неверный шаг её погубит, поэтому «работящая прачка», как её все называют, постоянно находится в нервном напряжении. Внешне госпожа Вольф выглядит спокойной, однако благодаря подтексту становится понятно, что спокойствие это напускное.

Так, в тот момент, когда Адельгейда сообщает матери о приходе Крюгера, первое восклицание («Это невозможно!») выдаёт растерянность госпожи Вольф из-за неожиданной, катастрофической для неё ситуации: дрова Крюгера лежат на самом видном месте. Однако она немедленно

берёт себя в руки, начинает решительно убирать дрова. За несколько секунд Вольфика внутренне собралась, обдумала ситуацию, поэтому при входе в дом Крюгера способна вполне естественно изобразить, что она в выходной день начала уборку, просит его не смотреть, ей стыдно за беспорядок в комнате. По ходу беседы с ним госпожа Вольф всё время вытирает концом передника глаза, Гауптман в ремарках подчёркивает, что она растрогана. В данном случае можно вести речь о примере так называемого бессознательного подтекста, когда проявляются неясные порывы души, то, что для самого человека составляет тайну. Вольфиха действительно растрогана, удивлена своей реакцией на предложение Крюгера о примирении, потрясена тем, что тот, у кого она украла дрова, называет её порядочной женщиной. Однако данная пантомима и в высшей степени комична – слёз нет, хитрая прачка вытирает сухие глаза. Внутренне она торжествует: для неё много значит мнение окружающих, недаром Вольфиха говорит, что всегда ладит с людьми, не может позволить осуждение со стороны кого-либо, иначе многие её действия получат неблагоприятное толкование.

Иной характер подтекста, напрямую связанного с пантомимой, в первом действии: Вольфиха входит в дом с мешком за плечами, долго не снимает его, лишь спустя некоторое время позволяет Леонтине помочь ей. В мешке туша козла, об этом никто не должен знать, но Леонтине она доверяет, обе вешают тушу на дверной косяк. Ни дочь, ни мать не комментируют ситуацию, Леонтина говорит, что не вернётся к Крюгерам (она у них в услужении), её заставили поздно вечером перетаскивать дрова с улицы в дом, она отказалась. Так Вольфиха узнаёт, что прекрасные сухие дрова лежат прямо на улице, надо только пойти и «взять» их. Леонтина невольно становится её сообщницей, доверенным лицом, мать и дочь без слов заключают своеобразный союз, проявляющийся в особых пантонимических действиях – Вольфиха даёт Леонтине кастрюлю с мясом козла и велит поставить её на огонь.

Называя своё произведение комедией, Гауптман тем самым подчёркивает особую атмосферу – шутки, веселья, естественности и непосредственности. Диалект является важнейшим составляющим для восприятия подобной атмосферы, именно он придаёт речам действующих лиц, в первую очередь госпоже Вольф, неповторимое своеобразие. Так, в разговоре с мужем, считая, что он не должен вмешиваться в её отношения с дочерьми, она употребляет слово «конференция», вместо «компетенция» (в русском переводе, данного на литературном языке, подобного слова нет, смеховой эффект затемнён): «Das schlägt nich in deine Konferenz. In meine Konferenz geheert das». Подобная путаница дана не для того, чтобы посмеяться над невежеством Вольфики, а для создания стихии чистого смеха, не преследующего никаких назидательных целей. Кроме того, мамаша Вольф не столь неправа в выборе слова, как может показаться. Конференция – это в первую очередь союз, собрание единомышленников, обсуждающих вопросы, интересные им. Такой союз заключён у прачки с дочерьми, они её понимают, поддерживают. Но с мужем у Вольфики сложные отношения. Гауптман подчёркивает в ремарках, что он вялый, зачастую не говорит, а бормочет. Жена им руководит, сам он мало на что способен. Они оба говорят на диалекте, но это лишь внешний разговор, внутренний язык у них разный.

Напротив, с лодочником Вульковым, для кого крадётся бобровая шуба, Вольфиха говорит просто и непосредственно, хотя беседа их полна скрытых намёков, более понятных именно на диалекте, а не на литературном языке. Прямо ничего не говорится, но их диалектная беседа являет собой виртуозную «музыку созвучий». Диалектный «запев» начинает Вульков – хочет обзавестись бобровой шубой: «Wenn ick so wat mal hebben könnte». Предложение неправильно построено и лексически, и грамматически, но звучит, «тянется» музыкально. Вольфиха «подпевает» ему, она сама не возражает против такой шубы: «I ja, so' n Pelz mecht ich ooch mal haben». В отличие от собеседника она правильно употребляет личное местоимение «ich», а не «ick», но другие «ошибки» – обилие гласных – заставляют речь мелодично звучать («I, ja, ooch»). Завершает столь увлекательную беседу предложение Вулькова заплатить за шубу талеров шестьдесят-семьдесят, если Вольфиха услышит о шубе. Столь «конкретная» формулировка передана певуче-диалектно, через обилие тянущихся гласных и дифтонгов, через двойное употребление слова «например», в котором сочетание «ei» заставляет слово тянутся, как в песне: «ick meen all beispielsweise so'n Pelz zum Beispiel». Столь же ритмически-музыкальны слова госпожи Вольф, когда она получи-

ла деньги за шубу. О технике кражи шубы, в отличие от похищения дров, которые «берут» с улицы, не рассказано, дана лишь констатация факта. Вольфиха считает деньги и при этом так довольна, что начинает говорить почти в рифму: «Du soll mich in Ruh lassen. Las du doch den dämlichen Motes blasen».

Финала как такового нет. Суть дела не забыта, но поисками преступника так никто и не занимался. Плутовство торжествует, его апофеоз звучит в финальных репликах Вергана. У мамаши Вольф, считает он, поверхностный взгляд на людей, поскольку думает, что все такие же честные, как она сама. Гауптман выводит на авансцену героиню с сильным и мощным характером, как бы скрывающей свои гениально простые воровские действия под той бобровой шубой, которую она украла для лодочника Вулькова.

Библиографический список

1. *Берковский Н.Я.* Статьи и лекции по зарубежной литературе. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – С. 1–479.

2. *Михайлов А.Д.* Средневековый французский фарс. – М.: Искусство, 1981. – С. 1–444.

3. *Bab J.* Die Chronik des Deutschen Dramas. – Berlin, 1980. – S. 1–200.

4. *Hoefert S.G.* Hauptmann. – München, 1982. – S. 1–320.

5. *Hauptmann G.* Abenteuer meiner Jugend. – Berlin und Weimar, 1980. – S. 1–900.

6. *Hauptmann G.* Die Bieberpelz // G. Hauptmann Dramen. – Berlin und Weimar, 1976. – S. 1–516.

7. *Hauptmann G.* Tagebücher 1892–1894. – Frankfurt am Main, 1985. – S. 1–270.

8. *Hauptmann G.* Tagebücher 1897–1905. – Frankfurt am Main, 1986. – S. 1–790.

9. *Hauptmann G.* Die Kunst des Dramas. – Berlin, 1963. – S. 1–246.

10. *Lemke E.* G. Hauptmann. – Leipzig, 1923. – S. 1–411.

11. *Lessing G.* Hamburgische Dramaturgie. – Berlin und Weimar, 1978. – S. 1–529.

12. *Mayer S.* Hauptmann und die Mitte. – Berlin, 1962. – S. 1–238.

13. *Nobel M.* D. Kalisch und Berliner Posse. – Berlin, 1988. – S. 1–120.

14. *Reich H.* Der Mimus. – Berlin, 1903. – S. 1–138.

15. *Szondi P.* Theorie des modernen Dramas 1880–1950. – Berlin, 1963. – S. 1–450.

16. *Witkowski G.* Das deuchten Drama des neunzehnten Jahrhundert. – Leipzig, 1922. – S. 1–118.

УДК 82(91)(4/9)

Федотова Анна Александровна

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

gry_anna@mail.ru

ЛЕГЕНДА Н.С. ЛЕСКОВА «ПРЕКРАСНАЯ АЗА» В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ 1860-Х – 1880-Х ГОДОВ

В статье легенда Н.С. Лескова «Прекрасная Аза» (1888) рассматривается как сложное художественное единство, особенности семантики и стиля которого формируются на основе диалога нескольких литературных систем. Анализируются способы актуализации и принципы художественного истолкования Лесковым «чужого» текста, определяются функции включения автором легенды в широкий диалогический контекст.

Ключевые слова: *Лесков, Толстой, Полонский, диалог, контекст, интертекстуальность.*

Легенда Н.С. Лескова «Прекрасная Аза» была опубликована в 1888 г. в «Новом времени» А.С. Суворина (№4347 от 5 апреля). В сопровождавшем первую публикацию текста авторском примечании Лесков обратил внимание читателей на желательность ее прочтения в контексте нескольких литературных произведений. Писатель отметил, что легенда представляет собой произведение «в духе простонародных рассказов Л.Н. Толстого» [6, с. 399], а также подчеркнул взаимосвязь между текстом «Прекрасной Азы», стихотворением В. В. Крестовского «Гитана» (1862) и поэмой Я.П. Полонского «Келиот» (1874) [5, с. 596]. Включение Лесковым легенды в широкий диалогический контекст предполагает необходимость интертекстуального анализа произведения, раскрытия системы литературно-стилистических призм, через которые пропущены изображаемые писателем события. Рассмотрим легенду писателя, учитывая указанный

© Федотова А.А., 2011

литературный контекст, и определим специфику актуализации писателем «чужого» текста.

Стремление Лескова создать произведение «в духе, стиле и манере» [4, с. 362] народных рассказов Л.Н. Толстого, связанное с увлеченностью писателя философским и этическим учением последнего, привело его к необходимости эксперимента над собственной языковой системой. Следуя установке на «опрощение» авторского языка, Лесков отказывается от характерной для большинства проложных переложений ориентации на воссоздание стиля «старинных сказаний» [4, с. 347]. Воздерживаясь от использования разного рода повторов, архаичной лексики, специфических синтаксических конструкций, писатель добивается соответствия языка легенды выдвинутым Толстым по отношению к художественным произведениям критериям – ясности, краткости и точности.

Отказ от бытовой конкретики, сведение к минимуму предметной детализации, пейзажных и портретных описаний способствуют значительному усилению в легенде аллегорического начала. Предельный лаконизм повествования позволяет Лескову сосредоточиться на изображении напряженного духовного поиска героев.

Воспроизводя стилистику народных рассказов Толстого, Лесков, между тем, вступает текстом легенды в полемику с философско-этическим учением писателя. Предметом полемики в данном случае становится тема женщины и проблема соотношения в женщине духовного и телесного начала.

Размышления над антиномией духовного и телесного, продолжавшиеся на протяжении всего творческого пути Толстого, как известно, привели писателя в 1880-е гг. к решительному противопоставлению этих двух начал в человеке. Как отмечает Г. Ореханов, «в философии Толстого противопоставление плоти и духа достигает предельно возможное выражение» [8, с. 211], «для Толстого плоть, тело – носитель зла и источник заблуждения» [8, с. 256]. Женские образы у позднего Толстого становятся носителями идеи о животной, инстинктивной сущности человека, «запятнанной» чувственностью, которая одновременно осуждается как нечто противоестественное.

Толстовское решение «женского вопроса», его взгляд на отношение полов, брак и семью вызвали резкое возражение Лескова. Так, предваряя отправку рукописи статьи «Загробный свидетель за женщин» (1886) С.Н. Шубинскому, Лесков аттестовал ее следующим образом: «Это статья в высшей степени интересная в историческом и философском смысле, имеющая живое отношение к вопросам о женщинах <...> которые коверкает юродственно Толстой» [4, с. 317].

Как своеобразный «ответ» на решение Толстым проблемы соотношения в женщине духовного и телесного начала может быть рассмотрена и легенда «Прекрасная Аза». Включая в литературную полемику тексты В.В. Крестовского и Я.П. Полонского, Лесков эксплицирует присутствующий в них мотив женщины, семантизация которого в данных произведениях обусловлена рефлексией над интересующей писателя проблемой.

В стихотворении «Гитана» Крестовский демонстративно акцентирует в образе женщины телесное начало: «*Но взамен грошей да пищи / Есть лобзанья без ума, / Прелесть тела – хочешь, нищий, / Вместо хлеба – я сама!*» [3, с. 42]. Текст построен на эпатажном отождествлении физической любви, символом которой является гитана, и любви духовной, выраженной в христианском учении. Поэт уподобляет плотскую любовь любви духовной, вкладывая аллюзию на евангельский текст: «Прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много» (Евангелие от Луки 7:36-50) – в уста героини, предлагающей себя молодому нищему в ответ на просьбу о подаянии: «*Пусть позор – моя дорога / В замогильные края / Мне за то простится много, что / Любила много я*» [3, с. 42].

Посвящая «Прекрасную Азу» *«поэту, муза которого внимала душевной борьбе “Келиота”»* [5, с. 596], Лесков акцентирует основной конфликт поэмы Полонского – фанатичную борьбу келиота с плотскими соблазнами, олицетворением которых для героя является женщина. В структуре поэмы представление готовящегося к совершению пострига молодого человека о женщине как носительнице «*в соблазн одетой любви*» [10, с. 67], а женской красоты *как «греховной тьмы»* [10, с. 104] опровергается. В кульминации поэмы авторский идеал выражается словами героинь, лишенных телесного начала, – женщин-призраков. В их образах Полонский концентрирует идею о нравственной силе и благородстве женской красоты: *«Красота явилась мне не для того, / Чтоб соблазнить меня, она / Была строга и холодна… / Куда / Девались грешные*

мечта / При виде этой красоты! / И стало стыдно мне, когда / Очнулся я…» [10, с. 160] Не подвижническая жизнь, а воспоминание героя о погибшей девушке, ставшей жертвой его фанатизма, приводит в финале текста к духовному возрождению келиота.

Привлечение в качестве диалогизирующего фона для легенды «Прекрасная Аза» текстов Крестовского и Полонского позволяет Лескову подчеркнуть своеобразие своего решения проблемы соотношения духовного и телесного начала в женщине. В свойственной ему манере писатель привлекает и для выражения собственных идей «чужой» текст. В данном случае им является проложная легенда «Слово о девице, сотворившей милость надъ хотевшим удавитися должникъ ради», литературную переработку которой представляет собой «Прекрасная Аза». Полемизируя с Крестовским, Лесков отмечает: *«Поэт <…> смешивал "любовь многу" с частым или "многим" прегрешением. <…> Творческая фантазия и до сих пор остается бессильною, чтобы дать нам изображения такого женского лица, к "многим грехам" которого <…> можно приблизить евангельский текст <…> Аза египтянка из Пролога дает нечто такое»* [5, с. 596].

В основе проложной легенды «Слово о девице, сотворившей милость надъ хотевшим удавитися должникъ ради» лежит сопоставление эпизода спасения героиней *«етера»* [11, л. 204] (некого человека) от долгов, обусловившего ее превращение в *«блудницу»* [11, л. 204], и эпизода чудесного вознесения души девушки на небо после ее смерти. Создаваемый в тексте женский образ подчеркнуто телесен, но тело героини – это не «прелестное» тело гитаны, а тело оскверненное и униженное. Такое восприятие человеческой телесности характерно для поэтики ранней христианской литературы: «В Библии восприятие человека ничуть не менее телесно, чем античное, но только для нее тело – не осанка, а боль, не жест, а трепет, не объемная пластика мускулов, а уязвляемые потаенности недр» [1, с. 64]. Телесное и моральное унижение Азы необходимо для ее спасения от унижения «онтологического», что соответствует библейской заповеди: «Да хвалится брат униженный высотою своею, а богатый – унижением своим, потому что он прейдет, как цвет на траве» (Иак. 1, 9–10) [2].

Роль «тематического ключа» (по терминологии Р. Пиккио [9]) к тексту, проясняющему своеобразие решения в легенде проблемы духовного и телесного начала, выполняет появляющийся в завязке символ виноградника. Конкретная деталь, характеризующая место действия, *«во единъ же отъ днеи сквозе виноградъ свои проходящее, иже остависта еи родители ея»* [11, л. 204], отсылает в то же время к библейскому образу-архетипу, формирует символическое смысловое пространство текста.

Образ виноградника в Священном писании связан с реализацией идеи о том, что человек в течение жизни «возделывает» свою душу, трудится в «винограднике», чтобы впоследствии принести его плоды на суд Бога (притча о злых виноградарях, Мат. 21, 33–41). В основе «Слова о девице» лежит свойственный ранней средневековой литературе парадокс: видимая потеря египтянкой виноградника (в буквальном смысле вызванная продажей родительского сада за долги и в переносном – превращением честной девушки в блудницу) в свехреальном плане оказывается его подлинным возделыванием.

Перерабатывая легенду, Лесков сохраняет как структуру первоисточника, так и свойственную средневековому тексту символику. Так, Лесков использует в ключевых эпизодах текста, характеризующих состояние героини до и после падения, образ виноградника: *«Аза <…> тихо возвращалась к себе назад через свой виноградник <…> работники, окончив своё дело, ушли, и виноградник был пуст»* [5, с. 290]; *«Все, знавшие Азу, от неё отвратились – она погибала. Иногда она приходила в свой бывший виноградник <…> это давало ей силу терпеть её унижение»* [5, с. 296].

Выражению идеи о тесной взаимосвязи телесного и духовного в тексте «Прекрасной Азы» способствует сохранение Лесковым характерной для претекста символической организации пространственной структуры. Средневековый образ мира, как известно, членится в пространстве на две части, отношение которых иерархично, для средневекового человека «в пространстве <…> два яруса: "поднебесный мир" и превосходящий его "занебесный мир"» [1, с. 110].

Пространственная вертикаль формируется в «Прекрасной Азе» благодаря введению метафорических образов смерти как восхождения: *«оставь мне возможность вылезть по моей верёвке вон из этой житейской ямы»* [5, с. 291], *«лёгкая струйка с калёного угля сливается с све-*

том – <…> это восходит дочь утешенья» [5, с. 301]. В «двухъярусном» образе Лесков сближает дуальные противоположения: тесное и духовное, «земное» и «небесное», время и вечность.

Формируя пространственную структуру легенды «по горизонтали», Лесков использует символический образ реки. Основные события в тексте разворачиваются на берегу Нила: «*Аза упала в воду, и её, полуживую, без чувств, вытащили из Нила»* [5, с. 295], *«Она бросилась к реке, чтобы утонуть, и непременно бы исполнила это»* [5, с. 297], *«неожиданно пришёл тот чужестранец, который говорил с усопшею Азою у берега Нила»* [5, с. 301]. Река является традиционным символом границы, перехода, а в христианстве – и символом очищения. Его появление в тексте Лескова подчеркивает и перемены, произошедшие в душе Азы, и переход ее души из тела на небо. Женский персонаж в данном контексте выступает как «маркер перехода в новое качество» [7, с. 318–319], знак смены вех, системы координат.

Использование Лесковым символической библейской образности демонстрирует последовательное структурирование писателем текста легенды. Восходящие к тексту Священного писания образы, выполняя функцию лейтмотивов, объединяют фрагменты повествования в единое целое, рождают ощущение искусности и совершенства текста. Христианские символы, которыми насыщен текст Лескова, играют роль тематических маркеров, акцентирующих интересующие писателя темы. Символы бытия, которыми оборачиваются бытовые детали, создают образ человека, разомкнутого как вниз, в направлении разного рода соблазнов, так и вверх – в направлении божественно-сверхчеловеческих возможностей.

Обращаясь к тексту средневековой легенды, Лесков использует заложенную в первоисточнике идею о сложной взаимосвязи в человеке духовного и телесного начала, не сводящейся к простому противопоставлению. Образ «прибрежной» блудницы Азы, воплощающий как будто идею телесного соблазна и греха, в структуре текста выступает как носитель представления о высшей нравственности и подлинном христианстве. Утрата «прекрасной» Азой внешней красоты *(«Я уже больше не “прекрасная Аза” – я страшна даже самым потерянным людям!»* [5, с. 296]*)* позволяет Лескову рельефнее показать красоту ее души. Смиренное перенесение героиней телесного унижения оказывается непременным условием ее духовного возрождения. Символом изменений, произошедших в душе Азы, становится облачение ангелами ее «уязвленного тела» [11, л. 210] в «белые ризы» [5, с. 301].

Легенда Н.С. Лескова «Прекрасная Аза» представляет собой сложное художественное единство, особенности семантики и стиля которого формируются на основе диалога нескольких литературных систем. Использование писателем интертекстуальных приемов письма, явной и скрытой цитации, способствует созданию диалогического контекста легенды.

Встраивая «Прекрасную Азу» в парадигму текстов, связанных с широко обсуждаемым во второй половине XIX века в России «женским» вопросом, писатель вступает в полемику с идеями В.В. Крестовского, Я.П. Полонского и Л.Н. Толстого о сущности женщины. Лесков отрицает односторонний взгляд на женщину как носительницу преимущественно телесного или духовного начала. На основе средневековой легенды писатель создает амбивалентный образ главной героини, «праведной блудницы», телесность которой является не препятствием, но непременным условием духовного нравственного возрождения. Глубина образа главной героини легенды создается Лесковым не столько благодаря привнесению отсутствующих в проложном сказании психологических характеристик и реалистических мотивировок, но, прежде всего, путем включения повести в широкий диалогический контекст.

Рассмотрение легенды в литературном контексте 1860-х – 1880-х гг. показывает, что писатель создает такую интертекстуальную систему, в которой отдельные тексты сочетаются на разных уровнях смыслопорождения через мотивы событийного сюжета. «Центр тяжести» смещается в этом случае с события на слово, на ассоциативное сцепление возникающих смыслов. Параллелизм текстов выдвигает на передний план такие семантические пласты в цитирующем и цитируемых произведениях, которые вне интертекстуального кода едва уловимы из-за сравнительно невысокой степени их структурирования.

Являясь средством ведения литературной полемики, интертекстуальные отсылки позволяют Лескову привлечь для осмысления выбранной проблемы разного рода тексты, имеющие точки соприкосновения с авторским замыслом, что значительно расширяет семантический диапазон

произведения. Видимая простота легенды в этом случае становится во многом обманчивой, скрывая за собой многослойный текст, ориентированный на комбинирование разноплановых семантико-стилистических систем.

Библиографический список

1. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. – М.: Coda, 1997. – 352 с.

2. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское библейское общество, 2005. – 1 128 с.

3. *Крестовский В.В.* Собр. соч.: В 2 т. – Т. 2. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1886. – 357 с.

4. *Лесков Н.С.* Собр. соч.: В 11 т. – Т. 11. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 798 с.

5. *Лесков Н.С.* Собр. соч.: В 11 т. – Т. 8. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 603 с.

6. *Лесков Н.С.* Собр. соч.: В 12 т. – Т. 10. – М.: Правда, 1989. – 416 с.

7. *Михайлин В.* Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 540 с.

8. *Ореханов Г.* Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: конфликт глазами современников. – М.: ПСТГУ, 2010. – 696 с.

9. *Пиккио Р.* Древнерусская литература. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 352 с.

10. *Полонский Я.П.* Полн. собр. стих.: В 5 т. – Т. 4. – СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1896. – 432 с.

11. Пролог, вторая половина (март – август). – 6.XII.1643 (15.XII.7151 – 6.XII.7152). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://sobornik.ru/

УДК 882.-1.09

Чехунова Ольга Александровна
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Амосова
Olga_chehunova@mail.ru

ЦИКЛИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ МИРОВОСПРИЯТИЯ ПОЭТА: ЭМИГРАНТСКИЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

Статья повествует о значении и специфике феномена поэтического цикла и способах отражения картины мира в эмигрантских лирических циклах Г. Иванова. По гипотезе автора статьи, изучение эмигрантских циклов поэта, как сверхжанрового явления, позволяет понять целостную систему взглядов Иванова, воссоздать авторскую картину мира, воплотить сложную структуру мировосприятия и мироощущения поэта.

Ключевые слова: *цикл, циклообразующие скрепы, мировосприятие, картина мира, лейт-образ, лейтмотив, заголовок.*

Изучение теории лирического цикла, его признаков, принципов и приемов циклизации – одно из наиболее актуальных и перспективных направлений в современном литературоведении. В отличие от разрозненных поэтических произведений цикл дает не мозаику настроений и состояний автора, а воплощает единый художественный образ действительности, передает целостную картину миропонимания и мировосприятия художника. Изучение структурных связей внутри цикла, перекличек между отдельными произведениями, сквозных образов, лейтмотивов и других приемов циклизации позволяет исследователю выявить дополнительные значения и смыслы каждого отдельного стихотворения и в то же время играет важнейшую роль для воссоздания авторской картины мира.

Цикловедение стало одной из приоритетных областей истории и теории литературы и объектом пристального внимания исследователей только в последние десятилетия: «Одна из фундаментальных проблем, открытых литературоведением XX века, – это явление литературной циклизации, т.е. объединения групп самостоятельных произведений в новые многокомпонентные единства – циклы <…>. Очевиден рост интереса к вопросу. Если в 1960-е годы публикации и доклады, связанные с этой проблематикой, вызывали порой сомнения в продуктивности специальных ее изучений, то к настоящему времени совокупные результаты этих изучений заставляют говорить о сложившемся и успешно развивающемся научном направлении – “цикловедении”» [8, с. 170].

В России теория цикла получила наиболее полную разработку применительно к лиричес-

© Чехунова О.А., 2011

ким произведениям, и наибольший интерес в этом направлении до сих пор представляет творчество поэтов Серебряного века, в частности, символистов. Художники рубежа веков стремились переосмыслить поэтические возможности и жанровые традиции лирики, воплотить целостные художественные концепции, найти способы для решения качественно новых задач литературы. И такую возможность, по мнению Н.В. Сухоруковой, им во многом предоставила циклизация: «Лирический цикл <…> осмысляется символистами как особая художественная возможность, позволяющая решать специфические творческие задачи» [11, с. 6].

Цикл стихов, как законченное целое, смысловое и содержательное единство, стал характерной чертой поэтики русских модернистов – В. Брюсова, А. Блока, А. Белого, Н. Гумилёва, А. Ахматовой, О. Мандельштама, М. Цветаевой. В их творчестве феномен циклизации получил широкое распространение. «Отдельное стихотворение мыслилось не самостоятельно, но как часть целого. Художественный образ мира создавался поэтами рубежа веков не столько отдельными произведениями (текстами), сколько “ансамблями” произведений (контекстами), поэтому в ходу были не только малые, но и большие формы лирического творчества, такие как “лирический цикл”, “лирическая поэма”, “книга стихов”, именовавшаяся еще иногда жанром “лирического романа”» [5, с. 54].

Как известно, именно поэты первыми заговорили о значимости циклизации, осознав «это явление как новое качество словесно-художественного творчества» [6, с. 476]. Широко известна цитата В. Брюсова из предисловия к сборнику «Urbi et Orbi» о том, что «книга стихов должна быть не случайным сборником разнородных стихотворений, а именно книгой, замкнутым целым, объединенным единой мыслью. Как роман, как трактат, книга стихов раскрывает свое содержание последовательно от первой страницы до последней. Стихотворение, выхваченное из общей связи, теряет столько же, как отдельная страница из связного рассуждения. <…> Отделы в книге стихов — не более как главы, поясняющие одна другую, которые нельзя переставлять произвольно» [3, с. 604].

А. Блок подчеркивал единство творческого замысла и представлял свою поэзию как «роман в стихах»: «…Каждое стихотворение необходимо для образования главы; из нескольких глав составляется книга; каждая книга есть часть трилогии; всю трилогию я могу назвать романом в стихах» [2, с. 559].

О значимости авторской циклизации, как выражении целостности и единства всего лирического творчества поэта, в 1923 году пишет и А. Белый: «Кроме формальных достоинств каждого из стихотворений есть нечто не поддающееся оценке, каждое произведение имеет свое “зерно”, не прорастающее сразу в душу читателя <...> Только на основании цикла стихов одного и того же автора медленнее выкристаллизовывается в воспринимающем сознании то общее целое, что можно назвать индивидуальным стилем поэта; и из этого общего целого уже выясняется “зерно” каждого отдельного стихотворения; каждое стихотворение преломляемо всем рядом смежно-лежащих; и весь ряд слагается в целое, не открываемое в каждом стихотворении, взятом “порознь” [1, с. 550].

Рассуждения именитых поэтов оказали большое влияние на молодых художников, среди которых был и Георгий Иванов. В рецензии на книгу А. Блока 1915 года Иванов говорит о различиях между целостным циклом с единым замыслом и простым собранием стихотворений, о том, что подлинная книга стихов должна быть выстроена поэтом и восприниматься читателем если не как «роман», то, по крайне мере, как «стройная поэма»: «Когда читаешь “Стихи о России” [А. Блока. – *О. Ч.*], вспоминаются слова Валерия Брюсова (в авторском предисловии) о книгах, которые нельзя перелистывать, а надо читать, “как роман”. “Стихи о России” не сборник последних стихотворений поэта. Это *изборник* – где рядом с новыми, впервые появившимися стихами есть стихи, напечатанные уже несколько лет назад. И читаешь его не как роман, разумеется, но как стройную поэму, где каждое стихотворение – звено или глава. <…> более всего безукоризненное мастерство поэта сказалось именно в плане книги. Выбор стихов сделан так, что мы иначе и не решаемся определить его, как *“провидение вкуса”*» [7, с. 472–473].

Очевидно, что на протяжении всего творчества Иванов уделял составлению поэтических сборников особое внимание и понимал под ними именно цикл в том значении, которое в общем виде принято в современном литературоведении. Как отмечает Г. Мосешвили, поэту «был дорог принцип создания книги стихов как единого це-

лого, и все, что не удовлетворяло идее создания каждой конкретной книги, безжалостно отсекалось» [9, с. 622]. Собственные стихотворные книги Иванов рассматривал как более крупный литературный жанр, имеющий большую значимость, чем простая совокупность произведений, и наполняющийся дополнительными смыслами. В частности, в переписке с Р. Гулем поэт называет последний свой сборник «Дневник» чем-то «вроде поэмы». Сам Р. Гуль в статье «Георгий Иванов» также называет позднее творчество поэта «стихотворными дневниками», «законченными поэмами» [4, с. 120].

По мнению А. Белого, авторский (но не академический) цикл стихов обеспечивает «доступ читателя или слушателя к их ядру, к целому». Поскольку «лирическое творчество каждого поэта отпечатлевается не в ряде разрозненных и замкнутых в себе самом произведений, а в модуляциях немногих основных тем лирического волнения, запечатленных градацией в разное время написанных стихотворений; каждый лирик имеет за всеми лирическими отрывками свою ненаписанную поэму; и понимание или непонимание действительного поэта зависит от умения или неумения нашего сложить из мозаических, или рассыпанных кусочков целого картину, в которой каждый лирический отрывок связан с другими, как система арок рисует целое готического собора» [1, с. 551–552].

Таким образом, в начале XX вв. «понятия цикла и циклизации прочно входят в литературно-критическое сознание как категории художественного творчества. Под лирическим циклом стала подразумеваться такая совокупность взаимосвязанных между собой стихотворений, которая была способна воплотить целостный взгляд на мир (“поэму души”, “поэтическую идеологию”, “роман” или “трактат” в стихах), выразить художественную волю автора» [6, с. 470]. Как указывает И.В. Фоменко, именно в этот период формируется и входит в литературный обиход узкое (терминологическое) значение «цикла», понимаемого как «жанровое образование, главный структурный признак которого – особые отношения между стихотворением и контекстом, позволяющие воплотить в системе сознательно организованных стихотворений сложную систему взглядов, целостность личности и/или мира» [12, с. 3].

Хотя академическая наука не сразу увидела значимость явления циклизации и возможности, которые открывает его изучение (долгое время вопросы авторской циклизации рассматривались только в отдельно взятых исследованиях: З.Г. Минц, В.А. Сапогова, Л.В. Спроге; в 1980-е появляются монографии М.Н. Дарвина, Л.Я. Гинзбург, Л.Е. Ляпиной, И.В. Фоменко и др.), в настоящее время цикл признается самобытным поэтическим феноменом общелитературного масштаба. Существуют работы, посвященные специфике и формам циклообразования в творчестве А. Блока, А. Ахматовой, М. Кузьмина, М. Цветаевой, Ю. Левитанского, К. Случевского, В. Шаламова, Вяч. Иванова и других поэтов XX века.

Однако, безусловно, работа по изучению художественного феномена циклизации не завершена до сегодняшнего дня. И кроме целого ряда сугубо теоретических вопросов, учитывая то внимание, которое уделял составлению стихотворных циклов Георгий Иванов, и значение, придаваемое им этому явлению, мы считаем очень перспективным изучение творчества «первого поэта русской эмиграции» именно с точки зрения анализа его авторских сборников.

Максимально полное определение цикла, на наш взгляд, выдвинуто на сегодняшний день Л.Е. Ляпиной: «Цикл – тип эстетического целого, представляющий собой ряд самостоятельных произведений, принадлежащих одному виду искусства, созданных одним автором и скомпонованных им в определенную последовательность. Обладая всеми свойствами художественного произведения, цикл обнаруживает свою специфику как герменевтическая структура текстово-контекстной природы, включающая систему связей и отношений между составляющими его произведениями. Специфичность цикла определяется степенью участия этой системы в организации циклового единства, а эстетическая содержательность его структуры создается диалектическим совмещением двух планов целостности в ее пределах» [8, с. 17].

Чем же интересно явление циклизации для изучения творчества того или иного поэта? Большинство современных исследований циклического произведения строится на принципе нахождения в нем того или иного централизующего начала, связей и «скреп» между отдельными стихотворениями в составе цикла. И.В. Фоменко считает, что «в отличие от подборки/сборника цикл/книга – это функционирующая система, где взаимодействие относительно самостоятельных эле-

ментов формирует новое качество целого» [12, с. 18]. В.А. Сапогов писал, что в «цикле лирические стихотворения объединены в единую поэтическую структуру при помощи самых различных конструктивных приёмов, главным из которых является единая сквозная тема или, что ещё чаще, единая авторская эмоция» [10, с. 8]. Дарвин считает, что «циклическая форма – это форма, пересеченная смыслами, возникающими на границах отдельных произведений, пронизанных идеей целого и воссоздающих художественный динамический образ этого целого» [6, с. 480].

К циклообразующим связям исследователи относят: целостность мотивно-образного комплекса, ключевые метафоры, лексические символы (Л.Я. Гинзбург, И.В. Фоменко, М.И. Дарвин), сравнения, фонику и музыкальные способы организации, аллитерации, поэтику заглавий (А.С. Коган, Р.А. Щиглик), топосы и архетипы, пространственно-временные отношения (хронотоп) (С.Ф. Нарсулаева), полиритмию, символику цвета (В.А. Скрипкина), автобиографизм (Д.М. Магомедова, Н. Богомолов), композиционное решение цикла (И.В. Фоменко) и т.д.

Л.Е. Ляпина также сформулировала ряд необходимых признаков целостного лирического цикла. Среди них: авторская заданность композиции, самостоятельность входящих в лирический цикл стихотворений, «одноцентренность», центростремительность композиции лирического цикла, лирический характер сцепления стихотворений в лирическом цикле и, наконец, лирический принцип изображения [8, с. 165].

И.В. Фоменко относит к элементам, соединяющим стихотворения в одно художественное целое: образ автора и авторский замысел, композиционные принципы, заглавие, предисловие, «ключевые слова» (лейт-образы) и лексические скрепы между отдельными стихотворениями, тему, систему опорных стихотворений, лирический сюжет, форму лирического дневника, музыкальную форму, сложную временную структуру, близкую к принципам временной организации в эпосе. «Каждая из этих циклообразующих связей определяет характер того или иного цикла, некоторые (особенно тема и лирический сюжет) используются чаще и, следовательно, характеризуют циклизацию большего круга поэтов, другие – реже» [12, с. 6].

Исследователь приходит к выводу, что цикл передает целостную систему авторских взглядов и отношения между отдельными произведениями в цикле не менее значимы, чем сами стихотворения, поскольку «содержание подобных текстов рождается не «суммой содержаний» отдельных стихотворений, но их взаимодействием» [12, с. 33].

Для пояснения этой особенности цикла М.Н. Дарвин приводит формулу монтажной композиции С. Эйзенштейна: 1 + 1 > 2. «Значение цикла также превышает сумму значений составляющих его элементов, а множество отдельных лирических произведений в цикле имеет значение не складывания, но значение объединения». Согласно данной теории, разнородные компоненты цикла, объединяясь, «могут давать качественно новый художественный эффект» [6, с. 490].

Таким образом, на основании теоретических разработок феномена циклизации можно сделать вывод, что одним из основных свойств лирического цикла и одновременно его важнейшим отличием от отдельно взятого произведения является то, что цикл передает целостную систему авторских взглядов, воссоздает художественный динамический образ всего сущего, отражает сложные взаимоотношения художника с миром, воплощает всю сложную систему его мировосприятия и мироощущения.

В качестве конструктивных приемов, объединяющих произведения внутри цикла, даже в творчестве одного автора (в зависимости от замысла, общей идеи цикла, этапа творчества и прочих факторов), могут быть использованы различные циклические скрепы. Что же говорить о принципах объединения произведений в циклы у разных художников. Понятно, что некоторые приемы составления лирического цикла можно обнаружить в поэзии значительно чаще остальных и, возможно, они существуют в качестве обязательных, другие же встречаются реже и только в творчестве отдельных авторов. На наш взгляд, ключевыми и приоритетными циклообразующими принципами являются: авторский замысел, идея цикла; сквозная тематика; лирический сюжет; лексические скрепы (единство мотивно-образного комплекса, лейт-образы, лейтмотивы, слова-символы и т.д.); композиционные приемы; хронотоп; автобиографизм, образ автора; заглавие (заголовочные комплексы). Еще раз подчеркнем, что в творчестве разных авторов приоритет и значимость приобретают разные принципы циклообразования.

По нашему мнению, многие из вышеперечисленных циклообразующих принципов важны для понимания творчества Георгия Иванова и более серьезного изучения картины мира одного из выдающихся поэтов XX века. Причем конкретный анализ поэтического материала позволит внести существенные коррективы и дополнения и в саму теорию лирического цикла как формально-смыслового единства, своеобразной метажанровой формы.

Особенно актуальным и своевременным представляется выбор для анализа эмигрантских циклов Георгия Иванова (1930-х – 1950-х гг.), поскольку одной из наиболее важных и злободневных проблем изучения творчества Г. Иванова является проблема выявления констант, обеспечивающих внутреннюю целостность его лирической системы.

По нашей мысли, усиление интеграционных тенденций в позднем творчестве Г. Иванова связано с окончательным формированием единого «образа мира», единого принципа мироотношения, конституирующего появление внутренне связанных структурно-содержательных комплексов, то есть циклов.

Исходя из гипотезы о метажанровом статусе цикла, мы предполагаем, что структурообразующими элементами, конституирующими данный жанр в творчестве Г. Иванова, являются некоторые контекстуальные, интертекстуальные и внетекстовые связи, системы лейт-образов и лейтмотивов, заголовочные комплексы, сквозная тематика, хронотоп и автобиографические мотивы, различные типы субъектной организации лирического содержания и др.

В частности, исследователи неоднократно отмечали, что именно после эмиграции в стихах Иванова появляется подлинный трагизм мировосприятия, доходящий до всеобщего, вселенского отчаяния. В его поэзии возникает *экзистенциальная тематика*, размышления о смерти, пустоте, холоде, о сущности счастья, появляется тема беспомощности искусства.

В *систему лейт-образов* входят частотные для эмигрантского творчества Иванова образы роз, музыки, лодки, зеркала, тумана, наполненные специфическим семантическим содержанием. Данные образы несут, на наш взгляд, центральное, миромоделирующее значение в поэтике и наполняются метафизическим содержанием, передавая трагическое, экзистенциальное мировосприятие художника. Кроме того, анализ творчества Иванова показывает, что данные образы составляют именно систему, определенную структуру, что выражается не только в их повторяемости, многозначности и некоторой трансформации значений, но и в «поэтико-экзистенциальных ассоциациях» Иванова. Зачастую данные лейт-образы сопровождаются мотивами экзистенциального счастья, свободы, одиночества, скуки, непостоянства и др. Каждый из приведенных образов внутренне противоречив, поскольку существует одновременно в двух пространствах – жизни и смерти, однако все они воплощают экзистенциальную ситуацию прощания поэта с земной жизнью для постижения сущности бытия. Кроме того, необходимо отметить, что данные мотивы и образы неоднократно встречаются в контексте одного стихотворения и, переплетаясь, усугубляют трагичность экзистенциальной модели мира поэта.

О структурном отражении в эмигрантских циклах Иванова экзистенциального мировосприятия поэта говорит даже первичный анализ *заголовочных комплексов* эмигрантских сборников. Среди названий: все те же «Розы», уже в первом эмигрантском сборнике несущие измененный, трагический смысл, ставшие цветком, брошенным на гроб, символом гибели; «Отплытие на остров Цитеру» – соотносящаяся с образом ладьи Гермеса, доставляющей лирических героев по Лете в Царство мертвых, «плывущей по эфиру» в бесконечность ледяной Вечности. Само мифологическое понятие Цитера – остров идеальной жизни и недостижимой мечты, конечная точка путешествия, призрачная цель, как экзистенциальное счастье, к которому человек стремится всю жизнь, но при этом не достигнет никогда. «Портрет без сходства» – название прямо говорящее о трагической раздвоенности лирического героя; сугубо личный, автобиографический «Дневник», отражающий «пограничную ситуацию» смертельно больного поэта.

Кроме того, не исключено, что вся эмигрантская лирика Георгия Иванова в сущности складывается в единый лирико-экзистенциальный метасюжет и выявление данного метасюжета, определение его составных элементов, специфики и возможной эволюции является продуктивным способом прочтения и интерпретации художественного наследия автора.

Таким образом, мы предполагаем, что изучение эмигрантских циклов Георгия Иванова, как

сверхжанровых явлений, позволяет понять целостную систему его взглядов, воссоздать авторскую экзистенциальную картину мира, воплотить сложную структуру мировосприятия и мироощущения поэта. По нашей гипотезе, анализ воплощения и взаимодействия циклообразующих скреп (тематики, системы лейт-образов и лейтмотивов, заголовочных комплексов и др.), являющихся связующими элементами всей эмигрантской поэзии Георгия Иванова, основой его поэтической системы, позволяет точнее определить и понять специфику художественного своеобразия, характер лирической структуры циклов и составить целостную картину мира художника.

Библиографический список

1. *Белый А.* Стихотворения и поэмы. – М.; Л.: Сов. писатель, 1966. – «Библиотека поэта». – 586 с.

2. *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. – Т. 1. – М.: Худож. лит., 1960. – 716 с.

3. *Брюсов В.Я.* Собр. соч.: В 7 т. – Т. 1. – М.: Худож. лит., 1973. – 635 с.

4. *Гуль Р.* Георгий Иванов // Новый журнал. – 1955. – №42. – С. 110–120.

5. *Дарвин М.Н.* Художественная циклизация в постсимволистском сознании А. Белого // Постсимволизм как явление культуры: Материалы Междунар. конференции. – М.: Изд-во РГГУ, 2003. – С. 53–57.

6. *Дарвин М.Н.* Художественная циклизация лирики // Теория литературы. Т. 3. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – С. 476–515.

7. *Иванов Г.В.* «Стихи о России» Александра Блока // Иванов Г.В. Собр. соч.: В 3 т. – М.: Согласие, 1993. – Т. 3: Мемуары, Литературная критика. – С. 472–476.

8. *Ляпина Л.Е.* Циклизация в русской литературе XIX века. – СПб., 1999. – 279 с.

9. *Мосешвили Г.* Комментарии // Иванов Г.В. Собр. соч.: В 3 т. – М.: Согласие, 1993. – Т. 1: Стихотворения. – 656 с.

10. *Сапогов В.А.* О некоторых структурных особенностях лирического цикла А. Блока // Язык и стиль художественного произведения. – М., 1966. – С. 8.

11. *Сухорукова Н.В.* Поэтика циклических форм в книге М.А. Волошина «Годы странствий»: Дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2006. – С. 6.

12. *Фоменко И.В.* Лирический цикл: становление жанра, поэтика. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – 123 с.

УДК 821.161.1 (092)

Шарапенкова Наталья Геннадьевна
кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
natshar@mail.ru

«СОН, ИЗМЕНЯЮЩИЙ СУДЬБЫ»: ОНЕЙРОСФЕРА РОМАНА «МОСКВА» АНДРЕЯ БЕЛОГО

В статье выявлена онейросфера (сновидения, галлюцинации, видения героев) романа Андрея Белого «Москва» (1925–1930), намечены возможные пути для истолкования функций сновидений. Интерпретация онейросферы романа введена в контекст антропософского учения Р. Штайнера, оказавшего сильнейшее влияние на мировоззрение писателя, и аналитической психологии К.-Г. Юнга.

Ключевые слова: *Андрей Белый, онейропоэтика, онейросфера, сновидение, роман «Москва».*

Сновидения (в традициях психоанализа), по словам К.-Г. Юнга, «при всей своей призрачности, нелогичности и неопределенности» являются «сообщениями подсознания, пытающегося говорить на языке образов и символов» [13, с. 6]. Как известно, К.-Г. Юнг использовал ассоциации и исторические параллели из разных мифологий, истории религий, этнографии и искусства для истолкования причудливого языка образов сновидений. К.-Г. Юнг сделал вывод, повлиявший на всю теорию сновидений: «Многие сны являют образы и ассоциации, аналогичные первобытным идеям, мифам и ритуалам» [13, с. 42]. Известный австрийский славист А. Ханзен-Лёве подчеркивает: «Символисты стремились <…> к открытию мифических структур в их инвариантных присутствии и действенности как “мифологического базиса”» [11, с. 15].

Андрей Белый выявил через категорию символа общность разных форм сознания: «Корни

 © Шарапенкова Н.Г., 2011

мифологического и религиозного творчества таятся в символе: между религией, мифологией и искусством есть внутренняя реальная связь» [3, с. 257]. Шведский исследователь М. Юнггрен сближает позиции русского символиста и швейцарского психоаналитика: «И Белый, и Юнг подчеркивали основополагающее значение и общечеловеческие корни Мифа» [14, с. 6].

Обратимся к истолкованию сновидений и выявлению их сюжетообразующей и мифопоэтической (символической) функции в позднем романе писателя «Москва» в контексте антропософии и аналитической психологии. Сон в романе «Москва» в свернутом (зашифрованном) виде вбирает в себя и последующую судьбу героев, и их особую миссию. Две главные сюжетные линии (первая – открытие всемирно известным ученым Коробкиным «светового луча», охота за его изобретением, пытка, выжигание глаза «проходимцем истории» фон Мандро; вторая линия – трагедия Лизаши фон Мандро (инцест с отцом)) проигрываются и завязываются в сновидении. Оба героя видят в преддверии предстоящих испытаний символические сны-пророчества.

Ученому снится «весьма странный» [2, с. 20] сон. Его комната «составляла лишь яблоко глаза, в котором профессор Коробкин, выглядывающий через форточку, определялся зрачком Табачихинского переулка» [2, с. 20]. Желание «быть зрачком», символически выявленное во сне, обнажает мировоззренческие и духовные установки героя. Иван Коробкин, как сказано в романе, «углублялся в свои перспективы», «к которым карабкался с помощью лесенки Иакова, – до треугольника с вписанным оком», и «в мыслях занял незанятый трон Саваофа – как раз в центре “О к а”: зрачком!» [2, с. 39]. В дальнейшем повествовании образ оккультного глаза обретает новые коннотации, среди которых и религиозная – вписанное в треугольник око: «глаз Божий», «Всевидящее Око» – в христианстве, «Лучезарная Дельта» – в масонстве. Равносторонний треугольник этого иконографического знака воплощает Божественную троицу, сам глаз – всевидящее Провидение Господне, сияние вокруг глаза-треугольника – неприступная слава и величие Божие. Образ Иакова, Лесенка Иакова, представшая в видении Коробкина, – важный символ для понимания предстоящего духовного пути героя. В книге Бытия говорится о сне Иакова: «И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх её касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней» (Бытие, 28:12). Иван Коробкин как во сне, так и в ментальных построениях желает стать «зрачком» мира, метафизической точкой отчета смыслов, и, одновременно, их средоточием.

В открывающем роман сновидении обыденная бытовая реальность, которую герой видит каждое утро, наполняется пророческим (запредельным) смыслом. Весь Табачихинский переулок в сновидении был мощён «нет, не булыжником, – данным математических вычислений» [2, с. 20], но «за вычетом желтого домика <…> с этим самым окном» [2, с. 20], там живет соглядатай Грибиков, подручный насильника Мандро. Так в сновидение врывается сила, неподвластная разуму. Андрей Белый комментирует этот эпизод в письме к Иванову-Разумнику: «…В связи со “*случайным*” (не случайным) созерцанием своего грядущего связывается “случайный” (не случайный) сон. <…> Содержание паузы (случайного подоконного созерцания) – о том, об одном: о предстоящем разрыве всего, о том, как всё *“пырснет”*» [1, с. 380]. Реальный Грибиков наделяется во сне демоническими чертами. Он, «точно стенная кукушка, проснулся, фукая на переулок» [2, с. 20]. От его «ф у к а» разлетается мир, превращается в пыль мироздание. «…От “ф у к а” – булыжники, домики и тротуары как пырснут, распавшись на атомы пыли, секущие эти пространства» [2, с. 20].

Сон Коробкина обставлен вроде бы бытовыми деталями: проснувшись, он «вел войны с подобными мухами» [2, с. 19]. Это окружение сна имеет также символический и антропософский смысл. «…“*Муха*”, – комментирует Андрей Белый, – атрибут Аримана; *“Бельзебул”* (аспект Аримана) в духе точного перевода – царь “мух”; <… > первые строчки не каламбур, а зловещее извещение Аримана Коробкину, предназначенному добрыми силами быть воином Михаила: *“Иду на тебя”*» [1, с. 379]. Итак, сновидение и миги пробуждения (нешуточный бой с мухами) фиксирует «предстоящее» (бой Коробкина, «воина Михаила», с Ариманом-Мандро). В романе, по признанию самого автора, должна воплотиться «мистерия “*Страсти Коробкина*”» [1, с. 332].

Вторая сюжетная линия романа – трагедия Лизаши фон Мандро, пережитое ею насилие (инцест), крушение идеального образа отца. Лизаша испытывает к отцу «бешеное поклонение» [2, с. 70], именуя его «богушкой», «Сольнесом» (об-

раз из аллюзивного поля поздней драмы Г. Ибсена «Строитель Сольнес»). Автор романа подчеркивает отстраненность героини, склонность к медиумизму и галлюцинациям («тишала с блажными глазами» [2, с. 70]). Героиня видит образы, «слагавшие в жизни вторую какую-то жизнь» [2, с. 174]. Эта «вторая жизнь» – онейрический мир, мир прообразов (архетипов), подлинная жизнь астрального тела (согласно антропософскому учению). «Только из этого своего мира», по мысли Р. Штайнера, человек может получать «прообразы, необходимые ему для эфирного тела» [12, с. 47].

Второй (астральный) план бытия дает существованию человека высший провиденциальный смысл, позволяет обрести утраченную целостность сознания: «…“О т т у д а” блистало ей солнце, составленное из субстанции сплавленных “Я”, обретающих усмыслы в “Мы”, составляющих солнечный шар» [2, с. 174]. Открывшаяся в видении-галлюцинации «сфера» (солнце, шар, цельное «Я») способна при соприкосновении с реальностью «сжиматься до точки». Во время сновидения, согласно антропософскому учению, астральное тело человека возвращается в изначальную гармонию вселенной [12, с. 47]. Отсюда становится понятно, почему Лизаша «этот солнечный шар называла она своей родиной» [2, с. 174].

Солнце, солярные мифы составляют сердцевину многих мифологий (египетской, древнегреческой, древнеримской, скандинавской, славянской). Образ «Солнце» в психоаналитической традиции может быть прочитан и как древнейший символ отца [5, с. 65]. Лизаша «хотела тащить его к солнцу» («туда», о котором она грезит), а «он – нес, точно кот, ее – мышь – в невыдирные чащи свои» [2, с. 287]. «Невыдирные чащи» – это область подсознательного, запретного в человеке (применительно к Мандро шифрует инцестуальные его поползновения).

Крушение образа отца подано как вселенская катастрофа: «…Неба же, “б о г у ш к и” – не оказалося; а оказалась одна чернота» [2, с. 284]. Прозрение к Лизаше приходит во сне: «…“В с ё” – началося во сне: увидела во сне черномазового мальчика; он улыбнулся ей хмуро и криво; его синеватые пальчики, точно без крови, ей подали ножик; кровь капала с кончика…» [2, с. 285].

После совершенного насилия и разоблачения домашней прислугой Мандро проваливается в сон («…в сон бредовый и болезненный кануть хотел, где всё вспомнилось ярко» [2, с. 299]). В кульминационной сцене-сновидении Мандро вглядывается в лицо незнакомца, «неизвестного» (себя самого!) и вспоминает сон об «атланте», «не раз уже снившийся, но забывшийся в миг пробуждения» [2, с. 299]. Мандро видит в зеркале образы «заката Европы», гибели цивилизации, Великого потопа: «Видел: за зеркалом – нет отражения: дно океана, где – спруты, где – змеи, где – гиблые материки поднимаются: ввергнуть Европу в потопы, волной океанской залить города; там из зеркала вставший атлант угрожал…» [2, с. 300]. В письме к Иванову-Разумнику от 27 сентября 1925 г. А. Белый комментирует этот сон демонического героя: «В *“Москве”* на Петровке обнаруживаются – Полинезия, Мексика, Атлантида, а в Табачихинском переулке в дверь одной квартиры ломится доисторический мамонт» [1, с. 332].

Андрей Белый опирается на восточное учение о реинкарнации. Мандро (перевоплощение атланта, тлаватля) – карма Коробкина. После совершенного насилия над дочерью Мандро меняет личину, принимает облик старика («…Весьма прорисованный образ: и образ был – “с т а р е ц”: ацтек, мексиканец, атлант, – кто его разберет!» [2, с. 314–315]). В романе «Петербург» (1913) Н.А. Аблеухов во сне (сцена «Страшный суд») вспоминает свои прежние воплощения (туранец-атлант, китайский мандарин, тамерлановский всадник, русский дворянин) [8]. Г.В. Нефедьев делает вывод: «Инспирированные и реинкарнированные из далекого прошлого, “атланты” пытаются разрушить современный мир путем возврата его к состоянию хаоса» [8]. Но, вместе с тем, древние предки-атланты прокладывают путь «к последующему творению через циклическую катастрофу, к творению из хаоса – нового космоса, не имеющего ничего общего с “греховным” состоянием современного мира» [8].

Одна из особенностей сновидений, зафиксированная Андреем Белым в романе, – не только алогичность, внешняя бессвязность, но и ассоциативность, символичность онейрических образов, мотивов и сюжетов.

Коробкин видит сон (до ослепления), в котором он разговаривает с Гераклитом. «Встал Гераклит: поучал:

– Так текучая жидкость, ища себе выхода, одолевает все косности твердого тела: и так: рациональные ясности форм распадаются в пламенных верчах текущего» [2, с. 254].

В такой, свойственной Белому форме «поэтического косноязычия» (термин Ю.М. Лотмана), предстает учение Гераклита об огне как первоначале вселенной, в котором распадутся «рациональные ясности» Коробкина. В сновидение героя врываются воспоминания о прошедшем чествовании и подаренной ему звезде «Каппе»: «Сегодня – коробка, а завтра, – а завтра, – вскосматился он, – “к а п п а” какая-нибудь!» [2, с.253]. Метаморфозы имени (как следствие, изменения судьбы героя) будут «расшифрованы» в разговоре с онейрическим Гераклитом.

На сумбурно-гротесковом языке сна через ряд темных символов, связанных, между тем, с реальностью, Гераклит пророчествует: «шило, бухгалтер, кубарь и Верчонкин приятель – есть знак, что Коробкин отправится в Каппадокию» [2, с. 254]. Каппадокия ведет свою историю, начиная с V века до н.э. Именно здесь на причудливом ландшафте, сотворенным вулканами, во времена гонений могли укрыться первые христиане (I в.), ушедшие в выстроенные подземные города. Отсюда родом великие каппадокийцы: Василий Великий, Григорий Нисский и Григорий Богослов.

В первой рецензии на роман А.К. Воронский говорит об особой атмосфере романа как «огненно-хаотической» (Гераклитовой). Выявляя особенности сознания героя (автора), критик пишет: «“Нея” – огневое, красное; пламенные всплески вселенной (огонь Гераклита) во всякий момент готовы прорваться сквозь кору нашего сознания» [6, с. 769]. Г. Башляр замечает: «В космологии сновидений материальные стихии продолжают оставаться основными элементами» [4, с. 21].

Именно в текучести форм, в космическом вихре происходящего должно совершиться крещение огнем героя («воина Михаила»). Так, через метаморфозы имени героя в сновидении выстраивается его мифологическая функция – ему предстоит пройти через «мистерию Голгофы», лишиться глаза, пройти через страдание (пытку огнем), обрести новый мистический свет истины. После состоявшегося «символического распятия» герой переживает «новое рождение», идет на примирение к своему мучителю. Профессор видит сон, в котором открывает для себя христианские заповеди: «…И Авель, став Каином, Каина, ставшего Авелем, тою же мерой убивши, – убийству подвергнется; видел очами души, как два тела, себя догоняя по кругу, бежали друг к другу сюда, чтобы здесь, за порогом, – пройти: друг через друга!» [2, с. 624]. Иными словами, поменяться местами, мучающему и мучаемому, Мандро и ему, профессору Коробкину, которые при таком рассмотрении оказались «братьями» [2, с. 722]. Во второй части «Маски» Мандро (здесь он французский публицист Друа-Домардэн), понимая, что его ждет расплата за содеянное, видит сон, в котором «огромный профессор, железный, скрежещущий», заполнит собой всё пространство [2, с. 698]. Как и в видении Коробкина, в сновидении насильника возникает образ «железного близнеца» с «очень странным телесным составом» [2, с. 698], который «пройдет …сквозь сквозного Мандро» [2, с. 698].

Герои во сне поменялись своими ролями: теперь профессор «напялил цилиндр Домардэна» и сбросил «свое тело», отдал его Мандро как шубу. Андрей Белый тему двойничества переосмысляет в христианском (нравственно-очистительном) ключе. Герой осознает внутреннюю связь с насильником: «Как солнце, играющее на заре, глаз слезою разыгрывался:

– «Я и ты!» [2, с. 624].

М.Л. Спивак высказывает интересную гипотезу: и Коробкин, и Мандро – две ипостаси автора, пережившего интимную драму в антропософском Дорнахе. Коробкин – духовное «Я», alter ego [10, с. 117], Мандро – «проекция “низшего ‘я’”» [10, с. 111] писателя.

Итак, сновидения разных персонажей, по замыслу автора, могут подчиняться в романе одной сверхзадаче, понятой в высшем смысле, – *инициации героев*. Так, в повествовании связаны в единое целое сны профессора-математика Коробкина и сны-галлюцинации Лизаши (через насильника Мандро-Аримана, образы Солнца и Архангела Михаила). Герой (alter ego автора) переживает утрату себя (сумасшествие) и последующее обретение «Я» на новом витке развития. И путь этот пролегает – через *«Сон, изменяющий судьбы»*.

Библиографический список

1. Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка 1913–1932 гг. / сост. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада. – СПб: Atheneum. Феникс, 1998. – 736 с.

2. *Белый А.* Москва / сост. С.И. Тиминой. – М.: Сов. Россия, 1989. – 768 с.

3. *Белый А.* Символизм как миропонимание / сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Сугай. – М.: Республика, 1994. – 528 с.

4. *Башляр Г.* Грёзы и воздух. Опыт о воображении материи. – М.: Изд-во гумант. литературы, 1998. – 268 с.

5. *Виттелс Ф.* Фрейд. Его личность, учение и школа. – Л.: Гос. изд-во Ленинград, 1925. – 196 с.

6. *Воронский А.* Мраморный гром (Андрей Белый) // Андрей Белый: pro et contra / сост. А.В. Лаврова. – СПб: РХГИ, 2004. – С. 765–793.

7. *Зайцев П.Н.* Воспоминания / сост. М.Л. Спивак. – М.: НЛО, 2008. – 747 с.

8. *Нефедьев Г.В.* «Сон об атланте»: К подтексту мотива провокации в романах А. Белого «Петербург» и «Москва» // Russian Literatura. – 2005. – Vol. LVIII (I/II).

9. *Спивак М.Л.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. – М.: РГГУ, 2006. – 577 с.

10. *Спивак М.Л.* «Как сладко с тобою мне быть…» (автобиографический подтекст в романе А. Белого «Москва» // Блоковский сборник XVI. Александр Блок и русская литература первой половины XX века. – Тарту, 2003. – С. 102–125.

11. *Ханзен-Лёве А.* Русский символизм: Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. – СПб: Академический проект, 2003. – 816 с.

12. *Штайнер Р.* Очерк тайноведения. – Л.: «ЭГО», 1991. – 272 с.

13. *Юнг К.-Г.* Человек и его символы. – М.: Серебряные нити, 1997. – 368 с.

14. *Юнггрен М.* Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. – СПб: Академический проект, 2001. – 288 с.

УДК 882.09+888.09

Мураткина Екатерина Леонидовна
доктор филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
entelehia@ksu.edu.ru

ТОЛСТОЙ И ДИККЕНС ОБ УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Актуальность данной статьи обоснована теми реформами, которые происходят в современном образовательном процессе России. XIX век дал блестящие образцы образовательной системы, которые нашли свое воплощение в творчестве Толстого и Диккенса.

Ключевые слова: *Толстой, Диккенс, образование, университет.*

В статье «Воспитание и образование» Толстой писал: «Никак не могу я вместе с гг. профессорами признать невидимо совершающегося над студентами таинства образования независимо от формы и содержания лекций профессоров» (VIII, 226). Университетское образование, считал Толстой, так же несвободно, как и школьное, ибо оно столь же догматично и лишает студента возможности творчески мыслить: «В университетах существует догмат, который не высказывается профессорами – это догмат папской непогрешимости профессора» (VIII, 227). Так же как и школьное, университетское образование способствует разрушению нравственного мира добродетели, прививает чувство высокомерия: «В университете <…> ни одного не увидишь, который бы с уважением, хотя бы с неуважением, но спокойно смотрел на ту среду, из которой он вышел и в которой ему придется жить; он смотрит на нее с презрением, отвращением и высокомерным сожалением» (VIII, 225).

Школы и университеты нужны не обучающимся, а обучающим, считал Толстой. «Школы, устроенные свыше и насильственно – не пастырь для стада, а стадо для пастыря. Школа учреждается не так, чтобы детям было удобно учиться, но так, чтобы учителям было удобно учить» (VIII, 13). То же самое говорил Толстой и в отношении университетов, «Все люди – все человеки, даже профессора. Ни один работник не скажет, что нужно уничтожить ту фабрику, на которой он находит кусок хлеба, и не потому; чтоб он это рассчитывал, а бессознательно» (VIII, 231).

Истоки критики «насильственной» школы лежали *в* толстовском неприятии цивилизации, которую он считал антигуманной, в его «антитезе прогресса нравственного и прогресса исторического». В статье «Прогресс и определение образования, Толстой, полемизируя с книгой Г.Т. Бокля «История цивилизации Англии», говорил о порочности современной цивилизации; «Мы лично, например, считаем движение вперед цивилизации одним из величайших насильственных зол,

 © Мураткина Е.Л., 2011

которому подлежит известная часть человечества, и самое движение не считаем неизбежным» (VIII, 346). По мысли Толстого, народ не сможет пользоваться достижениями цивилизации для повышения своего благосостояния: «Прогресс же благосостояния, по нашим убеждениям, не только не вытекает из прогресса цивилизации, но большею частью противоположен ей» (VIII, 346–347).

Вывод этот был подсказан Толстому, в частности, опытом европейской цивилизации, в особенности английской, как наиболее высокоразвитой, в антигуманности которой он мог убедиться как по личному свидетельству, так и по литературным образцам, в частности – по романам Диккенса. Добродетель, считал Толстой, не есть результат цивилизации. «Несмотря на все теории, упадок и процветание добродетели не зависят от образования»,- писал он в статье «О народном образовании» (VIII, 9). Эти мысли, высказанные в начале 1860-х гг., во многом предваряли основные положения известного трактата «Так что же нам делать?», который будет написан двадцать лет спустя.

Толстовская концепция независимости нравственности от образования и цивилизации также оказывается близка воззрениям Диккенса. В «Докладе комиссии, обследовавшей положение и условия жизни лиц, занятых различными видами умственного труда в Оксфордском университете» (1843) Диккенс писал, «что лицам, находящимся в Оксфордском университете, были совершенно непонятны такие простые слова, как справедливость, милосердие, сострадание, доброта, любовь, терпимость, кротость и благие дела» [1]. ("That persons, studying at Oxford University, are absolute strangers to such simple words as justice, mercy, compassion, kindness, love, patience, mildness and good deeds.") Как и Толстой, Диккенс считал, что воспитать нравственность учебные заведения не могут. Он приводил ответ школьника на вопрос о том, что такое Бог. Ребенок говорил, что Бог – это Тот, Кого, по его мнению, «все проклинают» ("curse everything"). При всей нелепости этого ответа Диккенс считал, что если глагол *проклинают* перевести из страдательного в действительный залог, а имя Вседержителя поставить в именительном падеже вместо винительного, то, «хотя такое выражение куда более грубо и кощунственно, почти все лица, подвизающиеся в Оксфордском университете, представляют себе Творца вселенной только таким».

Неприемлемость для Диккенса этого постулата отражала его принципиальное неприятие пуританской ветхозаветной этики, основанной на страхе перед гневом Господним, а не на евангельском представлении о Боге как источнике милосердия. Отрицание Диккенсом «принудительной» школы, построенной на страхе перед наказанием, и противопоставление ей школы «свободной» было проявлением его общих христианских воззрений. В педагогических статьях Толстого 1860-х гг. уже прочитывались идеи, сформировавшие впоследствии его этическое учение. Уже здесь Толстой говорил о невозможности воспитания добродетели страхом. Поскольку воспитание, существовавшее в реальности, было основано на принуждении, то для Толстого воспитание добродетели не было целью образования. В статье «Воспитание и образование» он резко разграничивал понятия *образование* (как истинную цель школы) и *воспитание* (ее ложную цель). Эта антитеза строилась на противопоставлении метода принуждения и метода свободы. «Воспитание есть принудительное, насильственное воздействие одного лица на другое с целью образовать такого человека, который нам кажется хорошим; а образование есть свободное отношение людей, имеющее своим основанием потребность одного приобретать сведения, а другого – сообщать уже приобретенное им. Преподавание, Unterrlicht, есть средство как образования, так и воспитания. Различие воспитания от образования только в насилии, право на которое признает за собою воспитание. Воспитание есть образование насильственное. Образование свободно» (VIII, 215–216).

Школьное образование, считал Толстой, должно быть поставлено в зависимость не от теорий, а от потребности народа. Противодействие, оказываемое народом школе «принудительной», считал Толстой, должно не пугать образованные классы, а быть понято как стремление к «свободному» образованию, исходящему из потребностей народа. Эту же цель Толстой видел и в университетском образовании. Между тем, из опыта самой жизни он видел, что те ученики, которые по-настоящему тянулись к знаниям, выносили их не из школьного урока, а из книг, прочитанных самостоятельно. Тоже самое Толстой, наблюдал в европейских школах: «Тот самый мальчик, который отвечал мне, что Генрих IV убит Юлием Цезарем, знал очень хорошо историю "Четырех мушкетеров" и "Монте-Кристо". В Марселе я на-

шел 28 дешевых изданий, от пяти до десяти сантимов, иллюстрированных. <...> Кроме того, музей, публичные библиотеки, театры. <…> Хорошо или дурно это образование – это другое дело; но вот оно бессознательное образование, во столько раз сильнейшее принудительного – вот она бессознательная школа, подкопавшаяся под принудительную школу и сделавшая содержание ее почти ничем. Осталась только одна деспотическая форма почти без содержания» (VIII, 19–20).

Аналогично высказывался Толстой и по поводу университетского образования. Настоящим университетом он считал такой, который пробуждает жажду знаний в молодом человеке, где люди могут творчески обсуждать волнующие их проблемы науки. И такие университеты, по его мнению, уже существовали фактически, выполняя ту функцию, которую не могло выполнить официальное университетское образование. «Понятен университет, соответствующий своему названию и своей основной идее – собранию людей с целью взаимного образования. Такие университеты, неизвестные нам, возникают, и существуют в разных уголках России; в самых университетах, в кружках студентах собираются люди, читают, толкуют между собой, и, наконец, постановляется правило, как собираться и толковать между собой. Вот настоящий университет» (VIII, 229).

Главный вывод, вытекавший из толстовской статьи «Воспитание и образование» (1862) был очень многосмысленным: «Образование и воспитание суть два различные понятия; образование – свободно, и потому законно и справедливо; воспитание – насильственно, и потому незаконно и несправедливо, не может быть оправдываемо разумом и потому не может быть предметом педагогики» (VIII, 216). Право высших классов вмешиваться в народное воспитание обыкновенно оправдывается *прогрессом* – но что такое *прогресс?*

Еще в начале 1860-х гг., размышляя над успехами и недостатками своей яснополянской школы, Толстой пришел к очень существенному выводу, что «прогресс есть логарифм времени, т.е. ничего, констатизм факта, что мы живем во времени» (формулировка из письма к Н.Н. Страхову 1878 г. – LXII, 384). Этот вывод оказывается главным в его полемике с Е.Л. Марковым.

Толстой познакомился со статьей Маркова перед самым отъездом в Самарскую губернию, на кумыс, и вот что записал в дневнике под 20 мая 1862 г.: «На пароходе. Как будто опять возрождаюсь к жизни и к знанию ее. *Мысль о нелепости прогресса преследует*. С умным и глупым, со стариком и ребенком беседую об одном» (XLVIII, 152). Оправдание *прогрессом* права высших классов народа вмешиваться в народное образование резко оспаривается Толстым – и прежде всего, потому, что цели, выгоды, интересы народа и общества далеко не охватываются одним и тем же словом «прогресс». Это лишь «мнимый закон человечества». Толстой подчеркивает: «Яне держусь религии прогресса, а кроме веры, ничто не доказывает необходимости прогресса» (VIII, 333). Что такое, в сущности, «*прогресс*»*?* – спрашивает Толстой и доказывает, что фраза «человечество движется вперед» есть вовсе не закон, а просто констатация факта. Ибо движение вперед не равносильно «благу»: здесь отнюдь нельзя поставить знака равенства. Далее Толстой пишет, что надо различать *прогресс цивилизации* и *прогресс общего благосостояния:* первый касается только высших слоев общества, второй – всего народа; первый есть прогресс «движения», второй – прогресс «блага». И часто оба эти прогресса друг с другом не совпадают: прогресс благосостояния (это писатель доказывает на множестве примеров!) не только не вытекает из прогресса цивилизации, но по большей части противоположен ей. А если так, то нельзя оправдывать что-либо «прогрессом», ибо оправдывать можно только *благом,* а не *движением вперед*. «Сказано слово *прогресс* – и бессмыслица кажется ясным, и ясное кажется бессмыслицей. Благости прогресса я не признаю, пока мне не докажут ее» (VIII, 337).

Через тридцать лет Толстой продолжал тот же ряд мыслей, которые содержались в его высказываниях 1860-х гг. о «бессознательных» школах и университетах, противостоящих официальной системе образования. В идеях этих, как уже отмечалось, ощущалось влияние педагогических взглядов Диккенса. «Бессознательная» школа в дортуаре школы мистера Крикла, противостоящая официальной, отразила то же самое явление, о котором писал Толстой.

Близость к позиции Диккенса была также и в критике Толстым университетского образования. В упомянутой диккенсовской статье «Доклад комиссии...» английский писатель подвергал резкой критике университетское образование в Англии, считая, что высшие учебные заведения

не дают нужных знаний, не развивают у студента творческого мышления, а, напротив, притупляют его умственные способности, «что из-за отупляющего однообразия их занятий и вечного повторения одного и того же (для чего требуется не умение самостоятельно мыслить, но лишь присущая даже попугаю способность подражать) у них замечается полное и грустное сходство друг с другом в характере и мнениях, причем развитие их застыло на мертвой точке (весьма и весьма мертвой, по мнению комиссии) непоправимого скудоумия» [1]. ("That because of blunt similarity of their pastime and eternal repetition of one and the same thing (for which the skill of independent thinking is not needed, but inherent even in a parrot ability to imitate) they reveal a complete and sorrowful likeness in character and views, their development having stiffened at the dead stop (very and very dead, in the committee's opinion) of irretrievable sad thinking.")

Этот вывод был во многом близок толстовским мыслям о догматичности университетского образования, об отсутствии связи между образованием и насущными потребностями жизни. «Только когда опыт будет основанием школы, – писал Толстой, – только тогда, когда каждая школа будет, так сказать, педагогической лабораторией, только тогда школа не отстанет от всеобщего прогресса, и опыт будет в состоянии положить твердые основания для науки образования» (VIII, 16).

Но Диккенс, задававшийся, как и Толстой, вопросом, чему и как учить детей из простого народа, кажется, так и не дошел до толстовских выводов. Толстой, последовательно снимая слои глубочайших педагогических проблем, дошел, наконец, до основного, последнего слоя: что такое *прогресс,* во имя которого надо учить? Углубившись в решение этого вопроса, он потерял последнюю веру в ту «религию прогресса», которой жила современная цивилизация. «Прогресс цивилизации» вреден народу – это положение, обоснованное на религиозной почве, легло во главу угла грандиозной социально-этической системы, воздвигнутой Толстым в восьмидесятые годы.

Впрочем, сама эта система явилась тоже не без влияния Диккенса.

Библиографический список

1. *Диккенс Ч.* Собр.соч.: В 30 т. – Т. 29.

ИСТОРИЯ

УДК 94 (47+ 57) 1914/ 1918

Борщукова Е.Д.
кандидат исторических наук
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ РАНЕНЫМ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена роли православной церкви в тылу и на фронтах в годы Первой мировой войны; рассматривается деятельность различных церковных институтов и организаций в благотворительной деятельности, в организации госпитальной службы; показана деятельность различных епархий русской православной церкви по оказанию помощи в проведении обрядов и реабилитации пострадавших в военных действиях.

Ключевые слова: *государство и церковь, российская империя, православная церковь, Святейший Синод, благотворительность, Первая мировая война.*

В истории Отечества религия и церковь играли многообразную роль. На значимость православия и Православной церкви в исторической судьбе России указывали писатели и общественные деятели (Н.Ф. Бердяев. С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, В.О. Ключевский и другие).

Русская православная церковь в годы Первой мировой войны совместно с государственной военно-медицинской службой России, с различными общественными и частными организациями, принимала активное участие по оказанию медицинской помощи больным и раненым воинам. Сразу же после объявления Германией войны России, Святейший Синод, особым указом от 2 августа 1914 г. за № 6502, разосланным по всем епархиям, постановил:

– Призвать монастыри, церкви и православную паству к пожертвованиям на врачевание раненых и больных воинов.

– Во всех церквях установить особые кружки для сбора пожертвований в пользу Красного Креста.

– Призвать монастыри и общины к приготовлению свободных и могущих быть свободными помещений под госпитали.

– Призвать монастыри, общины, всех верующих лиц к заготовлению своими силами оборудования и принадлежностей для госпиталей.

– Призвать монастыри и общины к немедленному подысканию и подготовке лиц для ухода за больными и ранеными воинами как в самих обителях, так и в других местах по распоряжению Управления Российского Общества Красного Креста. Православное духовенство и монастыри незамедлительно отозвались на призыв Святейшего Синода выступить в защиту отечества путем организации помощи призванным на военную службу и их семьям. Первым пример к действию подал сам Святейший Синод, организовав лазарет для больных и раненых воинов, который находился в его непосредственном ведении. Лазарет на 50 мест разместили в обер-прокурорском доме на Литейном проспекте № 62. Определением № 6503 от 11.08 1914 г. Святейший Синод призвал « к организации во всех православных приходах помощи семьям лиц.находящихся войсках». В основном, все мероприятия по организации помощи проводились самими церквями и монастырями, на собственные средства местного духовенства [4, л. 19 об.].

В Петрограде Крестовоздвиженской общиной был сформирован лазарет на 100 мест, расходы по его содержанию приняла на себя Александро-Невская лавра. На оснащение лазарета было ассигновано 18000 тыс. рублей. В Новгороде, при Юрьевом монастыре, был учрежден лазарет на 50 мест, кроме того, все духовенство Новгородской епархии постановило отчислять ежемесячно 2% из своих доходов на помощь семьям солдат, находящихся в запасе. В Твери архиепископом Тверской и Кашинской епархии Серафимом был устроен съезд настоятелей монастырей епархии, где было решено, при Тверском архиерейском загородном доме устроить лазарет на 50 мест. Уже в августе лазарет был открыт и освящен. На его содержание было отчислено 40 тысяч рублей из казны монастыря. Тверской женский монастырь

© Борщукова Е.Д., 2011

командировал в него монахинь для ухода за больными. В Рязанской епархии преосвященный Дмитрий предоставил под госпиталь для больных и раненых воинов архиерейские настоятельные покои в Рязанском монастыре. Расходы за отопление, освещение и прислугу брал на себя монастырь, 20 рублей ежемесячно отчислялись из личных средств настоятеля.

В Курске, под председательством архиепископа Тихона, состоялось совещание городского духовенства и церковных старост о помощи больным и раненым воинам, где было решено организовать госпиталь-санаторий, который располагался на собственной Знаменской даче архиепископа Тихона. Расходы по оборудованию взял на себя Знаменский монастырь, а на содержание госпиталя было принято решение ассигновать 31000 тысяч рублей. В Киеве, под председательством митрополита Флавиана, состоялось собрание городского духовенства и церковных старост. На средства, отчисляемые ежемесячно с валового дохода церквей г. Киева постановили открыть лазарет на 50–100 мест. Для этой же цели обложили городское духовенство 2% сбором с жалования и доходов [5, л. 1–44].

В сложной ситуации приходилось действовать духовенству Кишиневской епархии, которой нужно было учитывать ряд серьезных моментов, связанных с тем, что Бессарабия имела общую границу с одной из воюющих держав – Австро-Венгрией, и через эту территорию на театр военных действий следовали русские войска, а оттуда прибывали раненые и больные. Здесь, помимо лазаретов и госпиталей организовывались питательные пункты, помещения для отдыха солдат и т.д. Наряду с мужскими монастырями, организацией лазаретов для раненых и больных воинов занимались и женские монастыри. Их нужно отметить особо, поскольку женские обители всегда были беднее мужских, а работу им приходилось выполнять не меньшую. В мирное время большая часть приютов для сирот и богаделен находилась при женских монастырях. С началом военных действий женские монастыри, по мере своих возможностей, начинают активно действовать по всей Российской Империи. В Петрограде Иоановским женским монастырем был организован лазарет на 50 мест.

Оказанием помощи государству путем подготовки помещений для расширения коечной сети занимались также различные учебные учреждения духовного ведомства. Святейший синод уделял особое внимание моральному состоянию русских войск Как пишет Фирсов С.Л. [6, с. 537 определением за №3761, 4631] от. 1915 г. «предложено ректорам семинарий и законоучителям гимназий и профессорам богословия в университетах взять на себя труд по удовлетворению религиозных нужд для воинских чинов, состоящих в запасных батальонах, так как военных священников недоставало».

В общей сложности, по данным, приведенным Вестником Красного Креста, к 1 ноября 1914 года количество открытых лазаретов увеличилось вдвое [1, с. 409–410]. Важно отметить, что духовные учреждения не всех губерний могли организовать больничные койки. Это было связано, в основном, с отсутствием нужных средств. Кроме специальных ассигнований, источником для получения средств на нужды раненых и больных воинов, согласно распоряжению Святейшего Синода от 2 августа 1914 г. № 6502 являлись особые пожертвования в пользу Красного Креста и семейств, пострадавших от войны. Сборы проводились после каждого богослужения, после которого среди богомольцев проносили блюдо или кружку для сбора пожертвований [1, с. 287–284]. Набранные суммы нужно было присылать не позднее десятого числа каждого месяца через Хозяйственное Управление Святейшего Синода, в Петроградскую контору Государственного Банка.

Несмотря на сильную непопулярность войны к тому времени, на сложное экономическое и нестабильное политическое для России время, церквям Российской Империи, удавалось почти исправно собирать и переводить средства на медицинские нужды армии. Как пишет Д.А. Пашенцев «благотворительная деятельность русской православной церкви осуществлялась на трех уровнях обще церковном епархиальном и местном. Крупные акции помощи нуждающимся проводимые под руководством Святейшего Синода имели место в периоды народных бедствий, таким образом церковь выступала как организатор социальной помощи и как непосредственный благотворитель» [3, с. 22]. Одним из пунктов указа Святейшего Синода был вопрос о немедленной подготовке кадров для ухода за больными и ранеными. РОКК организовало одногодичные курсы по подготовке запасных сестер милосердия военного времени, Главное Управление РОКК и духовное ведомство выработано согла-

шение о привлечении монахинь и послушниц православных монастырей к деятельности Красного Креста по уходу за больными и ранеными. С началом войны многие женские монастыри начинают самостоятельную подготовку сестер милосердия и сиделок. К октябрю 1914 г. Воскресенский монастырь в Петрограде, Покровская община в Москве, и другие обители подготовили около 140 послушниц и монахинь по уходу за ранеными и больными и откомандировали их для работы в Царскосельскую общину сестер милосердия Санкт-Петербурга, и в ряд земских и городских лечебных учреждений [1, с. 284]. Обеспечение медицинским персоналом со стороны Русской Православной Церкви явилось большим подспорьем на фоне общей нехватки сестер милосердия и квалифицированных рабочих рук в госпиталях и лазаретах. Изъявивших желание откомандировывали в распоряжение Главного Управления Красного Креста. так как финансовых средств у РОКК было недостаточно. Справедливо было бы отметить, что еще в самом начале войны, до обращения Святейшего Синода, в периодической печати появлялись сообщения о том, что на курсах братьев и сестер милосердия находится много священников, которым предстоит сопровождать отряды Красного Креста на театре военных действий [2, с. 13]. В начале сентября 1914 г. из Московской духовной академии, добровольцами на фронт с санитарными поездами Императрицы Александры Федоровны для оказания помощи раненым отправились иеромонахи Валериан (Рудич) и Вассиан (Пятницкий), а в феврале 1915 г. еще отправились два студента 3-го курса Петроградской духовной академии Антоний (Панков) и Феодосий (Белобабченко) [2, с. 14]. Перед вступлением в бой с врагами Отечества войны молились. Привожу текст молитвы. «Господи Боже, Спасителю мой! По неизреченной любви твоей Ты положил душу Свою за нас. И нам заповедал полагати души наша за друзей своих. Исполняя святую заповедь Твою и уповая на Тя, безбоязненно иду я положить живот свой за веру, Царя и Отечество и за единоверных братий наших. Сподоби меня, Господи, непостыдно совершить подвиг сей во славу Твою. Жизнь моя и смерть моя – в Твоей власти. Буди воля твоя. Аминь.» 1914 г. О роли священников в войсках ряд исследователей уже писали [2, с. 159–165]. Они несли ответственность за «моральное состояние» воюющей России. Триединая схема: «За Веру, Царя и Отечество!» основой которой считалось принадлежность к православию, мобилизовывала русский народ и его воинство на ратные подвиги во имя Российского государства [5, л. 1–44].

Деятельность православного духовенства не ограничивалась перечисленной работой. В женских монастырях занимались подготовкой белья для госпиталей и лазаретов, заготовкой бинтов, на собранные средства, по мере сил снаряжали не только стационарные, но и подвижные лечебные учреждения. 9 сентября 1914 г. на Западный фронт отбыл этапный лазарет духовных учебных заведений имени Преподобного Серафима Саровского на 50 кроватей. В состав персонала лазарета в качестве одного из врачей был иеромонах Николай (инок-хирург). Из шести санитаров, прослушавших специальный курс подготовки и прошедших стажировку в больнице, двое были студентами Петроградской Духовной Академии – Панасюк Владимир и Егоров Вячеслав. 24 марта 1915 г. Петроградской Духовной Академией на средства всех духовных учебных заведений был организован 2-й передвижной Серафимовский лазарет на 50 штатных мест, который был отправлен на Кавказский фронт, туда, где хуже всего обстояло дело с организацией медицинской помощи. К примеру, студенты Московской Духовной Академии организовали городской санитарный отряд из семидесяти человек. Ввиду постоянной нехватки перевозочного транспорта и удобных дорог они доставляли раненых с вокзала в лазареты собственными силами [1, с. 240]. Местные епархии русской православной церкви вносили весомый вклад в дело благотворительной поддержки армии. Для сбора средств создавались церковно-приходские комитеты. Священно служители активно участвовали в проведении массовых молебнов за победу в войне, освящали знамена сформированных воинских частей, отчисляли определенный процент из своего жалования.

Таким образом, можно констатировать, что Русская православная церковь являлась одним из центров организации медицинской помощи во время войны. Она заняла позиции полноправного участника в деле организации медицинской помощи и по мере своих возможностей помогала разрешать возникшие трудности медицинской службы русской армии, создавая новые лечебные заведения, принимая определенные расходы на свой счет, подготавливая кадры медицинс-

кого персонала, организуя население на благотворительность на нужды войны.

Важно отметить, что организацией медицинской помощи русской армии, деятельность русского православного духовенства не ограничивалась. Ею проводились сборы пожертвований для голодающих в Буковине и Галиции, собирались деньги в пользу беженцев с занятых неприятелем территорий, но самым примечательным является тот факт, что русским церквям удавалось собирать и отправлять значительные суммы на оказание помощи Сербии и в пользу раненых сербских воинов, несмотря на тяжелое положение самой России.

Русская Православная Церковь, не смотря на утвержденную схему организации благотворительности со стороны Святейшего Синода проявляла себя неформально в период войны: сбор пожертвований в храмах, личная помощь духовенства и церковно-общественных организаций; их душевная теплота, помощь в обустройстве быта, все это способствовало легче переживать этот непростой период в России. Можно предположить, что вся успешная деятельность русского духовенства в обеспечении медицинской помощью русской армии базировалась на высоком патриотическом подъеме населения Российской империи; национальном самосознании и вековых традициях христианской морали.

Библиографический список

1. Вестник Красного креста. – 1914. – №8. – С. 409–410; 284–287.

2. *Сенин А.С.* Армейское духовенство России в Первую мировую войну // Вопросы истории. – 1989. – №10. – С. 159–165.

3. *Пашенцев Д.А.* Благотворительная деятельность русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX века: Автореф. дис. … канд. истор. наук. – М., 1995.

4. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 796: хозяйственное управление Святейшего Синода. Оп. 31. Д. 306. Л. 19 об.

5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 14877. Оп. 1. Д. 2648. Л. 1–44.

6. *Фирсов С.Л.* Православная церковь и Российское государство в 1907–1917 г.: социальные и политические проблемы: Дис. … д-ра истор. наук. – М., 1996. – С. 537–555.

УДК 94(47).084.9

Голотин Илья Вадимович

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

ilya_golotin@mail.ru

ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУКОВОДСТВА СФЕРОЙ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В 1953–1964 ГОДАХ

Автор статьи анализирует влияние политики советского правительства на формирование отношения к памятникам истории и культуры. Кроме того, дается оценка действий руководителей государственных органов общегосударственного и местного значения, решавших судьбы конкретных объектов национального наследия.

Ключевые слова: *памятник архитектуры, культурное наследие, субъективизм, волюнтаризм, атеистическая пропаганда.*

Охрана памятников истории и культуры представляет собой историческое общественное явление, обусловленное многими объективными факторами. Немаловажную роль среди них занимает влияние действующего политического курса или режима на отношение к наследию, поддержку или запрет общественной инициативы, направленной на сохранение национального достояния.

Исторически сложилось, что в России государственное руководство являлось определяющим фактором в формировании культурной политики. Именно государство, несмотря общественное движение, поднявшееся с середины 1960-х гг. в защиту памятников, определяло векторы развития культурной жизни. Культурная политика просто не могла оставаться в стороне от влияния действующего политического курса, определяющего ее финансовую и юридическую основы [17, с. 3].

XX съезд КПСС, состоявшийся в 1956 году, сыграл решающую роль в пробуждении обще-

© Голотин И.В., 2011

ственного сознания. Начавшийся процесс демократизации стал мощным прорывом духовной культуры советского общества. Лозунги партийной печати тех лет призывали избавляться от «начетничества», развивать «свободные творческие дискуссии» [18]. Как отмечают исследователи, у ряда творческих работников начало складываться мнение о перенастройке идеологии и новом витке «НЭПа» [4, с. 15].

Кроме того, были несколько пересмотрены методы руководства сферой культуры. КПСС, в лице ее лидера – генерального секретаря Н.С. Хрущева – стала декларировать отказ от права безапелляционных вторжений в творческий процесс [4, с. 18]. Однако, именно в этот период усиливается роль номенклатурных работников, зачастую имевших решающий голос в тех или иных решениях в области культурного строительства. Такие противоречия были символом эпохи «оттепели», наделенной такими определениями, как «непоследовательность в действиях», колебания и шарахания» [21].

Некоторая либерализация политической системы в СССР способствовала активизации интереса общества к историко-культурному наследию. Исследователи отмечают, что в то время популярность получило движение за создание народных общественных музеев, особенно проявившее себя во время подготовки к проведению первого Всероссийского смотра музейной работы, посвященного 40-летию Октября [15, с. 161–162]. Лидерами движения становились местные краеведы, привлекавшие население к изучению родного края. Проанализировав эту деятельность, коллегия Министерства Культуры РСФСР (далее МК РСФСР), приняла специальное постановление, в котором местным управлениям культуры рекомендовалось взять под свой контроль формирование сети народных музеев и всячески способствовать ее развитию [5, с. 253].

В свою очередь усиление внимания к собственной истории активизировало участие общественности в туристическом движении. Начиная с 1953 г., поток советских, а несколько позже и зарубежных туристов, начал концентрироваться вокруг городов, богатых историко-культурным наследием – Новгород, Суздаль, Владимир, Ярославль, Псков и др. [4, с. 18–19]. Все это обязывало местные власти уделять особое внимания, прежде всего, памятникам архитектуры, увеличивая ассигнования на ремонтно-реставрационные работы, принимать более взвешенные решения в отношении реконструкции исторических центров.

В этот период памятники истории и культуры становятся важнейшим инструментом в воспитательной работе. Призывы к более широкому использованию наследия в культурно-воспитательной работе неоднократно звучало в докладах партийных руководителей. Это были своего рода программные документы, требующие неукоснительного исполнения на местах.

Как отмечают исследователи, процесс «оттепели» оказался не столь однозначным, а наоборот, противоречивым и половинчатым [5, с. 249]. Излишняя политизация культурной политики, выражавшаяся в запрете инакомыслия, бюрократической системе управления, культивировании упрощенных методов работы стали причинами «двойственности» в отношении к культуре. В этот период, решению многих вопросов, касающихся охраны национального достояния, был присущ волюнтаристский безаппеляционный характер. Среди причин исследователи выделяют присущие руководителям партии и правительства невежество и низкий культурный уровень. Зачастую решения носили декларативный, субъективистский характер [17, с. 88–89]. С одной стороны, власть выражала свою симпатию интеллигенции, к ее стремлению участвовать в изучении и сохранении памятников. С другой стороны, не считаясь с мнением общественности, расчищали, порой, целые исторические кварталы под массовую жилищную застройку, уничтожали памятники древнерусской и средневековой архитектуры для строительства дорожной сети.

Ярким примером массовой компании, отразившей субъективистское отношение к культурному наследию, стало возрождение атеистической пропаганды. Среди главных ее причин стал рост интереса населения к религии, вызванный «примиренческой» политикой партии, которую активно проводил И.В. Сталин с 1943 г. Эта мысль нашла свое отражение в постановлении ЦК КПСС от 07.22.1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» [1, с. 210]. Позже это постановление не раз пересматривалось в сторону ужесточения.

К компании против «наступления религии на умы советских граждан» подключилась и партийная печать. Вместе с тем, призывы общественности остановить варварскую компанию против разрушения церковной архитектуры всячески

пресекались. Статьи видных советских ученых (Н.Н. Воронина, Д.С. Лихачева и др.), боровшихся за спасение памятников, «то отказывались печатать, то печатали с опозданием, когда памятник оказывался уже взорванным» [12].

Безусловно, борьба с религией велась не только в плоскости идеологии. Для памятников древнерусской архитектуры это стало новым этапом испытаний, после массовых уничтожений культовых зданий 1930-х годов. Политика партии была направлена на более активное использование церквей в хозяйственной деятельности – под склады и хранилища – что приводило к разрушениям конструкций и гибели фресок. Подобная ситуация была характерна и для Ярославля. Так, церковь Иоанна Златоуста была сдана в пользование под склады ярославской базы «Росгалантерии». За время использования памятнику был причинен значительный ущерб: разбиты автотранспортом элементы декора фасада, разрушена цокольная часть. Все эти действия шли в разрез с действующим советским законодательством, согласно которому использование памятника архитектуры, имеющего росписи, в хозяйственных целях было категорически запрещено [10].

С начала 1960-х годов партийные органы стали активно изымать информацию о культовых объектах из ряда изданий. В частности, в Ярославле, резкой критике подвергся, выпущенный к 950-летию города, путеводитель по памятникам истории и культуры. Секретарь обкома по идеологии А.Д. Дробышев признал издание «вредным» и приказал изъять оставшийся тираж из продажи [13, с. 176]. Это был пример слепого, субъективного следования линии партии в продвижении атеистической пропаганды в городе, где более трети всех памятников были культовыми и функционировало множество приходов. Здесь можно согласиться с мнением о том, что, изымая из популярной и научной литературы целые пласты досоветской истории, были созданы условия для роста равнодушия к памятникам старины.

Для этого периода было характерно сокращения финансирования в сфере культуры. Среди причин ужесточения политики в отношении культуры и, памятников в частности, стала позиция Н.С. Хрущева, озвученная на январском пленуме ЦК КПСС 1961 г. Было принято решение о резком сокращении финансирования реставрационных и исследовательских работ памятников старины, поданных как излишества [7, с. 120]. В частности, в Ярославле была создана специальная комиссия по сокращению числа памятников, охраняемых государством. Как отмечали члены комиссии, «бороться приходилось практически за каждый памятник, среди которых церковь Петра и Павла, шпиль которой просто могли бы снести за ненадобностью» [13, с. 177].

Среди последствий сокращения расходов на сферу культуры исследователи отмечают политику «остаточного финансирования», снижения внимания к судьбам памятников на всех уровнях власти [4, с. 56–57]. Существенную трансформацию претерпели и местные специальные научно-производственные и реставрационные мастерские (далее СНРПМ), ставшие, по сути дела в то время, придатками строительных и ремонтных организаций.

Установка партии на значительное сокращение исторических исследований досоциалистической тематики, изъятие исторических сюжетов из различных направлений искусства, привели к своеобразному расколу общественного мнения в отношении памятников. С одной стороны, часть населения страны перестала воспринимать действия власти в отношении историко-культурного наследия как акты вандализма [10, с. 223]. С другой стороны, появляется прослойка людей, не желавшая мириться с пренебрежительным отношением власти к наследию. В качестве примера можно привести борьбу общественности за сохранение Борисоглебского кремля. В 1963 г. на имя министров культуры СССР и РСФСР Е.А. Фурцевой и А.И. Попова было направлено письмо от общественности Ярославской области. В нем отмечалось пренебрежительное отношение Управления культуры Яроблисполкома к сохранению и использованию этого древнейшего историко-культурного ансамбля, который был доведен до тяжелого аварийного состояния. Однако требования общественности в утверждении ансамбля государственным заповедником оставались без внимания вплоть до второй половины 1960х годов, когда была существенно изменена политика партии в области охраны памятников [19].

Начало нового курса политики советской власти в области охраны памятников, исследователи связывают с октябрьским пленумом ЦК КПСС 1964 г. На нем были подвергнуты серьезной критике проявления субъективизма и волюнтаризма, снижения внимании партии и общества к сфере культуры. В числе первоочередных задач было выдвинуто –

увеличение использования памятников в воспитании подрастающего поколения, более широкое вовлечение общественности в историко-краеведческую работу, увеличение финансирования мероприятий по пропаганде и охране историко-культурного наследия, привлечение внимания высших и местных партийных и государственных руководителей в решении судеб памятников.

В целом, подводя итог данному периоду, следует еще раз подчеркнуть двойственность государственной политики в деле охраны памятников истории и культуры. С одной стороны, это было время восстановления утраченной целостной системы органов охраны объектов историко-культурного наследия. Было восстановлено значительное количество памятников архитектуры, пострадавших, в том числе, в годы Великой Отечественной войны, многие из них были выведены из аварийного состояния и музеефицированы. В этот период были предприняты серьезные шаги по созданию системы учета памятников, разработке новых форм популяризации наследия, увеличения объемов реставрационных работ.

Вместе с тем, рассмотренный нами период невозможно представить без господства субъективизма и антиисторического отношения к охране историко-культурного наследия. Следствием нигилизма и невежества местных органов стала борьба за сокращение государственных списков памятников, уничтожение, путем доведения до аварийного состояния, памятников культового зодчества, снос памятников, стоявших на пути строительства новых социалистических городов, а также застройка охранных зон. Бесконтрольность чиновников вела к формированию позиции безнаказанности, в следствии слабого использования принятых норм уголовного и гражданского права. Таким образом этот период, при всех его противоречиях, отнюдь не оправдывал своего названия в сфере охраны памятников истории и культуры. Небольшие достижения, тем самым, меркли на фоне многочисленных разрушений памятников, пренебрежения мнениями специалистов и волюнтаристских решений.

Библиографический список

1. *Алексеев В.А.* «Штурм небес отменяется?»: Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. – М., 1992. – 304 с.

2. *Воронин Н.* Оберегать архитектурное наследие // Архитектура СССР. – 1956. – № 6. – С. 30–33.

3. ГАЯО. Ф. Р-817. Оп. 1. Д. 178. Л. 4.

4. *Гольдин М.М.* Опыт государственного управления искусством. Деятельность первого отечественного Министерства культуры. – М., 2006. – 141 с.

5. *Златоустова В.И.* Государственная политика в области музейного дела (1945–1985 гг.) // Музей и власть. – М., 1991. – Т. 1. – С. 226–299.

6. *Иванов В.* Изучение и реставрация памятников архитектуры // Архитектура СССР. – 1966. – № 1. – С. 44–47.

7. *Казка Е.А.* История охраны памятников историко-культурного наследия в Бурятии в 1918–1965 гг.: Дис. … канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2006. – 214 с.

8. *Кибовский А.* Памятникам угрожают при поддержке политической и финансовой элиты // Культура. – 2009. – 15–21 окт. (№ 40). – С. 1.

9. *Крашенинников А.Ф.* Приспособление памятников культуры для современного использования // Методические основы приспособления и использования памятников культуры: тезисы докладов и сообщений к пленуму Научно-методического совета (г. Калинин, 9–11 октября, 1973 г.). – М., 1973. – С. 1.

10. *Кулемзин А.М.* Охрана памятников в России как историко-культурное явление. – Кемерово, 2001. – 328 с.

11. *Лихачев Д.С.* Заметки о русском // Избранные работы: В 3 т. – Л., 1987. – Т. 2. – С. 490.

12. *Лихачев Д.С.* Воспоминания. – СПб., 2000. – С. 570.

13. *Мейерович, М.Г.* У меня появилась мечта… – Ярославль, 2004. – 284 с.

14. *Михайлов К.* Как мы храним свое наследие // Наше наследие. – 2000. – № 55.

15. Музейное дело в России / под ред. М.Е. Каулен, И.М. Коссовой, А.А. Сундиевой. – М., 2003. – 614 с.

16. Охрана памятников истории и культуры: сб-к документов / сост. Г.Г. Анисимов. – М., 1973. – С. 65–67.

17. *Полякова М.А.* Охрана культурного наследия России: учеб. пособие для вузов. – М., 2005. – 271 с.

18. Правда. – 1964. – 6 января.

19. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 4. Д. 1981. Л. 37–38.

20. *Формозов А.А.* Роль Н.Н. Воронина в защите памятников культуры России // Российская археология. – 2004. – № 2. – С. 178.

21. *Ярринг Г.* Хрущев и его падение // Международная жизнь. – 1991. – № 2. – С. 65.

УДК 947

Еремеева Вера Леонидовна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
gera_wolf@mail.ru

ГУБЕРНСКИЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ КОМИТЕТЫ 1860-Х – 1890-Х ГОДОВ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ (на материале Костромской и Ярославской губерний)

В статье раскрываются основные сферы работы уникальных для своего времени государственных учреждений – Губернских статистических комитетов. Занимаясь не только сбором статистических данных, комитеты организовали масштабную историко-краеведческую работу в провинции. Благодаря их активной деятельности, государство своевременно получало необходимые статистические данные, а провинциальная интеллигенция имела возможность выразить свой научный и творческий потенциал.

Ключевые слова: *губернский статистический комитет, краеведение, провинциальная интеллигенция, научные общества, труды и публикации.*

Период «Великих реформ», начавшийся в 60-е годы XIX века и ознаменовавший собой изменения государственного масштаба во всех сферах о жизни, совпал со временем бурного развития научных знаний. Существенные изменения произошли и общественном сознании. Описывая общественную атмосферу, историки указывают на появившиеся в обществе стремление к самодеятельности, социальной отзывчивости, потребности высказаться, главное стремление принести пользу родине, желание жить общими, а не только узкими личностными интересами [21, с. 127]. Это было время развития общественных интересов и инициатив, активизации личностной и организационной деятельности, в том числе краеведческой. Основоположниками изучения регионов, первоначально были столичные ученые и общественные деятели. В начале XIX века получали распространение такие жанры, как описание путевых впечатлений, путеводители, очерки о памятниках старины. Наряду с ними появляются и первые статистические описания губерний. Известный статистик Герман объяснял это так: «статистическое описание целого государства, или генеральная статистика может и должна быть выдаваема в свете не иначе, как уже после описания всех частей Государства. Уже за несколько лет начали у нас появляться специальные Статистики, частными людьми издаваемые, и принимаемые публикой очень благосклонно» [12, с. 5–12]. Нельзя не согласиться, что именно такие работы содержали в себе много ценных сведений, которые частному человеку собрать было очень трудно. Важным этапом было появление и распространение «институциональных» обществ, которые формировались в стенах высших учебных заведений, где университетские уставы предусматривали их создание. Общества, получившие признание (такие как Русское географическое, Московское археологическое и т.д.) в свою очередь стали способствовать дальнейшему развитию и популяризации занятий и исследований, так как проводили научные исследования и организовывали экспедиции в подведомственных учебных округах [20, с. 34]. Свой вклад в развитие краеведения внесли известные общественные деятели: от Герцена и декабристов пошла традиция участия политических ссыльных в изучении края своей ссылки. Положительное влияние оказывало смягчение цензуры, и как следствие: рост книгоизданий и периодической печати. В условиях таких масштабных, положительных тенденций провинциальная разночинная интеллигенция, состоявшая, в основном из мелких чиновников, земских служащих, выходцев из городских сословий, проникласъ идеями долга и служения народу. Благодаря тем, чья любознательность простиралась за рамки профессиональных знаний, и появились первые краеведческие труды, известные под такими названиями как «Описания» «Хроники», «Известия». Уважительное отношение и интерес к прошлому своего края стали к середине XIX века неотъемлемой чертой жизни образованных слоев общества. В целом в пореформенный период складывались научные и культурные традиции в области провинциальной историографии, но их развитию и популяризации способствовали именно губернские статистические комитеты (ГСК). Созданные как административно-статистические учреждения, основная цель которых состояла в поиске и обработке необходимой информации

© Еремеева В.Л., 2011

[3, с. 47–52], после реформирования 1852–1860 годов, они стали не только важнейшими государственными статистическими органами, но и в большинстве губерний русской провинции единственными научными и издательскими центрами, объединившими вокруг себя всех местных историков-любителей. Работа губернских статистических комитетов предполагала масштабное изучение губернии, отдельных городов, жителей. В обязанности комитета входили не только «обязательные труды» (составление таблиц для Всеподданнейших отчетов, содержащими различные данные о народонаселении, смертности, рождаемости, числе различных профессий и т.д.), но и «необязательные». Комитеты обязаны были заботиться о составлении подробных описаний губерний и областей и об издании своих трудов. Как верно отметил ученый В.А. Бердинских: «С реформами 1860-х годов пришло осознание культурной ценности народных традиций и форм общинной жизни, уходящих в прошлое, которые нужно было спешить зафиксировать» [2, с. 126]. Отсюда и определенный стиль краеведческой работы – внимание к деталям, точности фиксации исторических событий и фактов. Характерной чертой таких исследований является конкретное изучение явления или предмета, рассмотрение отдельного, а не целого (отсутствие параллелей с историей России, общеисторическим процессом). Это хорошо прослеживается в статьях и работах костромских исследователей, в основном посвященных отдельным отраслям ремесла и производства: так, секретарь Костромского губернского статистического комитета Пирогов, составляя «Очерки фабрик Костромской губернии», скрупулезно исследовал 17 известных фабрик. Его историко-экономическое описание основывалось на многолетних исследованиях, отчетах фабрикантов и личных наблюдениях [18, с. 1–187]. Редактор неофициальной части «Ярославских губернских ведомостей», Федор Никольский составил и издал в 1859 году подробный путеводитель по Ярославской губернии. В качестве примера нужно особо отметить ценные обзорные историко-этнографические очерки городов Ярославского края, выполненные Константином Головщиковым. Одна из его лучших книг – «История города Ярославля» (1880 г.) [13, с. 1–279].

С начала активной работы ГСК, развивалась и специализация их научной деятельности. Отчасти это было связано с географическим положением губернии: центральные в основном занимались исследованием фабричной и заводской сферы, но, кроме того, комитеты вели и собственные специальные исследования. Так, Костромской губернский статистический комитет, делал приоритетным исследования в области демографии. «Кострома отличается, как известно особенно большой смертностью, по отношению к прочим населенным местам губернии… и цель изучения состоит не только в том, чтобы указывать своевременно колебания условий санитарного состояния. Но и что бы подготовить материал для выводов, относительно постоянно-действующих на здоровье и жизненность местного населения причин» [15, с. 4–5]. Выбор тематики работ Ярославского комитета напротив, чрезвычайно широк. Хорошим примером является пятый выпуск «Трудов», который был целиком посвящен вопросам истории Ярославского края. В нем были опубликованы материалы по нумизматике, археологии, этнографии, истории различных районов Губернии. Можно уверенно утверждать, что до создания в 1889 Ярославской губернской ученой архивной комиссии Ярославский комитет, по сути, выполнял ее функции [1, с. 30]. Одним из самых важных стимулов продвижения исторической мысли были публикации. Эта мысль прекрасно раскрыта в отчетах Ярославского губернского комитета: «цель не в материальной выгоде, а дать исход трудам местных деятелей, статьи которых по исключительно местному интересу не могли быть напечатаны в столичных изданиях, а следовательно пропали бы даром, и тем отняли охоту у многих заниматься исследованием вопросов чрезвычайно важных для изучения края» [17, с. 2]. Кроме «Памятных книжек» и «Адрес-календарей», комитеты издавали «Записки», «Труды» и «Сборники», состоящие из работ членов комитета и исследователей на самые разные темы. Издавались карты Ярославской и Костромской губерний (так же составляемые членами комитета, или другими авторами за вознаграждение), «Описания» (описания церквей, уездов, различных местностей) [9, л. 96, 204]. Самым популярным, из изданий были «Губернские ведомости». Часто редакторами «неофициальной части» были члены комитетов. Так было и в Ярославской губернии, редактор Ф.Я. Никольский являлся одновременно действительным членом Ярославского статистического комитета [6, л. 19 об.]. Публиковались так же ежегодные отчеты, протоколы засе-

даний статистических комитетов, где кратко излагались основные достижения и опыт, итоги работы за год. Их рассылка и в другие комитеты России очень помогали обмену опытом и координации деятельности [10, л. 35]. Комитеты не ставили ограничений или условий в стиле и изложении материалов. Авторы были свободны в собственных повествовательных изысканиях что, несомненно, облегчало труд, и оставляло авторам простор для собственных размышлений. Если для помещения в «Памятные книжки» секретарь губернского статистического комитета отбирал краеведческие работы значительные по объему, уровню анализа фактического материала, научному уровню авторов, то в неофициальной части «Губернских ведомостей» комитетом помещались, практически, любые работы краеведческой направленности. Примером масштабного труда в этом плане может служить «Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год» [19, с. 241–247]. Авторство этого отдела приписывают не без оснований известному нерехтскому историку М.Я. Диеву [21, с. 123]. Во многих работах отсутствовали профессиональные приемы и методы исторического повествования. Отчасти это происходило по причинам отсутствия специальных знаний и навыков, но в восьмидесятые годы даже в научной среде был популярен «живой» метод изложения материала [2, с. 130]. О качестве изданий, красноречиво говорит тот факт, что труды Костромского статистического комитета, получали благоприятные отзывы от известных центральных изданий («Русская мысль», «Экономический журнал», «Русские Ведомости», «Правительственный вестник») [16, с. 2–3]. Достаточно широкий круг изданий комитетов формировал и своих постоянных авторов, что, несомненно, способствовало развитию профессионализма. Комитеты так же приглашали новых исследователей, указывая необходимость иметь членов в разных местностях, которые были бы сведущи в особенностях своего края и не оставляли своих авторов без вознаграждения: «Умственный труд нуждается в поощрении и странно в настоящее время рассчитывать на даровой труд… Этим только и можно обеспечить успех издания и оживить деятельность статистического комитета» [4, л. 24].

ГСК были важными опорными центрами для ведущих научных обществ России той эпохи: Императорского русского географического общества (РГО), Московского археологического общества (МАО), Московского общества любителей естествознания и ряда других. В своих научных изысканиях комитеты ориентировались на эти известные общества, как на неформальных и высокопрофессиональных лидеров. Они вовлекали комитеты в сферу своей деятельности, приобщая к выполнению собственных масштабных научных задач. Многие общества и научные учреждения поддерживали связь и рассылали с запросы напрямую в губернские статистические комитеты России, минуя Центральный. В таком случае выполнение их запросов было желательным, но не обязательным. Но комитеты старались выполнять такие запросы, не делая исключений [2, с. 66–69]. Часто секретари и члены комитетов входили в непосредственное сотрудничество с известными научными обществами. В частности, активный сотрудник Костромского статистического комитета В.Д. Беляев являлся членом Московского археологического общества [14, с. 455]. Нужно отметить, что это общество – было одним из самых популярных, особенно, в Ярославской губернии. Многие члены статистического комитета были не равнодушны к археологическим исследованиям. Так, членами МАО являлись: С.М. Шпилевский, А.А. Титов, В.И. Лествицын и т.д. Большое значение имели археологические съезды, где комитеты принимали непосредственное участие. На таких выставках и съездах каждый регион мог продемонстрировать воочию свою специфику и уникальность. Так, например, седьмой археологический съезд состоялся в 1887 году в Ярославле. Вообще, МАО, благодаря прочным двусторонним контактам с комитетами сумело подготовить из местных любителей ряд вполне профессиональных исследователей. Не стоит забывать, что и в самой губернии возникали свои общества, в частности, Ярославский статистический комитет сотрудничал с Обществом сельского хозяйства [4, л. 23 об.] и Обществом исследователей Ярославской губернии [9, л. 15 об.]. Знакомясь с принципами работы признанных научных обществ, комитеты использовали в дальнейшем полученный опыт. Так, среди комитетов разрабатывался проект проведения «Волжского статистического съезда», запланированного на 1863. Наиболее активно поддерживали эту идею Ярославль, Кострома и Самара. И несмотря на неудачу, статистические комитеты Ярославля, Костромы, Вологды, Владимира и Москвы продолжали активно развивать идею съезда, понимая необхо-

димость совместного обсуждения многих вопросов [7, л. 4]. ГСК самостоятельно, организовывали свои экспедиции, командировки, создавали собственные музеи, библиотеки, и принимали активное участие в подобных мероприятиях, проводимых научными обществами (например, в 1878 году Костромской комитет в числе других оказывал содействие Обществу любителей естествознания, антропологии этнографии в организации Антропологической выставки) [11, л. 32 об.]. Костромской губернский статистический комитет так же обращался к своим сотрудникам с просьбой сообщать данные по программам Императорского Русского Географического общества [16, с. 5–6]. Историческую ценность имело и выполнение работ по запросам даже не исторических и не гуманитарных обществ. Исторический аспект присутствовал в собирании комплексов местных материалов самого разного типа и направленности. Так в 1874 году для департамента торговли и мануфактур собирались сведения о кустарной промышленности в губерниях. В 1876 году для Вольного экономического общества – сведения о заведениях, изготавливающих земледельческие орудия труда, и для Московского общества сельского хозяйства – сведения о современных условиях сельского хозяйства. Огромная заслуга ГСК состояла и в том, что именно благодаря их деятельности, были сохранены многие архивные материалы. Комитеты оставались единственным административным органом в губернии, в обязанности которого входило сохранение ценных архивных дел. В этом отношении похвальна работа Ярославского комитета. Его члены разыскивали архивные материалы, как в мелких, так и в крупных ведомственных архивах [8, л. 3 об.]. До появления в провинции ГСК исследователям практически были недоступны документальные материалы и источники административного характера. ГСК имели копии всех материалов центральных, государственных учреждений, касающихся губернии, и способствовали доступности уникальных исторических документов для краеведов.

Подводя итоги, можно смело говорить, что в 1860–1890-е годы губернские статистические комитеты стали организационным центром научно-исторической деятельности в русской провинции. ГСК старались откликаться и на многие текущие события местной жизни для выполнения своих задач. Им был присущ своеобразный исторический подход к современности. Они вовлекала в историко-краеведческую деятельность широкие слои общества, развивая тем самым процесс формирования кадров для будущих губернских исторических и краеведческих учреждений и обществ. В то же время для Костромской губернии характерен был ряд особенностей. Историографическая школа, находясь в тесном взаимодействии с комитетом, все же развивалась самостоятельно, и в основном состояла из духовных лиц, хотя в работе комитета в целом принимали участие учителя, врачи мелкие чиновники. В дальнейшем это отразилось и на работах ГУАК и КНО. Но именно в период работы комитета определилась тематика и проблематика краеведческих работ и исследований.

Библиографический список

1. *Аграфонов П.Г., Праздников В.В., Спиридонова Е.В.* История Ярославской археологии. – М.: Квадрига, 2009.

2. *Бердинских В.А.* Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860–1890-х годов: Дис. … д-ра истор. наук. – М., 1994.

3. Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917 г.: В 4-х. Т. Высшие государственные учреждения. – СПб.: Наука, 1998.

4. ГАЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22572.

5. ГАЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22580.

6. ГАЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22584.

7. ГАЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22585.

8. ГАЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22604.

9. ГАЯО, ф. 642, оп. 1. д. 22663.

10. ГАЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22736.

11. ГАЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22936.

12. *Герман К.* Статистическое описание Ярославской губернии. – СПб.: Императорская академия наук, 1808.

13. *Головщиков К.Д.* История города Ярославля. – Ярославль: Изд-во Л.Н. Пастухова, 1889.

14. Императорское Московское Археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования. Биографический словарь членов общества. – М., 1915. – Т. 2. – Отдел. 1.

15. Отчет о деятельности Костромского губернского Статистического комитета за 1884 год. – Кострома, 1885.

16. Отчет о деятельности Костромского губернского Статистического комитета за 1885 год. – Кострома, 1886.

17. Отчет о деятельности Ярославского губернского статистического комитета за 1866–1867. – Ярославль, 1869.

18. Очерки фабрик Костромской губернии. Производства по обработке волокнистых веществ // Материалы для статистики Костромской губернии. – Кострома, 1884. – Вып. № 6.

19. Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год. – Кострома, 1862.

20. *Туманова А.С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века. – М.: Новый хронограф, 2008.

21. *Шипилов А.Д.* Русская провинциальная историография XIX – начала XX века. Костромская школа. – Кострома, 2007.

УДК 930: 332.21 “1863” (470)

Котов Петр Павлович
кандидат исторических наук
Сыктывкарский государственный университет
kotovpetr@mail.ru

ПРОБЛЕМА НАДЕЛЕНИЯ ЗЕМЛЕЙ УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН ПО РЕФОРМЕ 1863 ГОДА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье анализируется степень изученности реформы 1863 г.; показана ошибочная оценка проблемы наделения землей удельных крестьян в ряде регионов России и причины укрепления данной ошибки в советской историографии.

Ключевые слова: *удельные крестьяне, реформа 1863 г., земельные наделы, историография.*

Удельные крестьяне являлись неотчуждаемой собственностью членов императорской семьи и составляли одну из трех основных категорий сельского населения России с конца XVIII в. Отмена их крепостной зависимости началась по указу от 26 июня 1863 г.

Изучение реформы 1863 г. началось в конце XIX – начале XX вв. Был выделен и ключевой аспект проводимых преобразований – разрешение земельного вопроса. Одни исследователи[1] считали, что в ходе реформы удельные крестьяне сохранили и, даже, увеличили земельные наделы[2]. Другие авторы признавали сокращение крестьянских наделов – в целом по стране всего на 1,7%[3]. Однако, во всех дореволюционных работах особо подчеркивалось существенное увеличение пореформенных наделов удельных крестьян «лесной полосы», в которую включались Архангельская, Вологодская, Костромская, Олонецкая и Новгородская губернии.

После 1917 г. была изменена идеологическая окраска и политическая оценка буржуазных реформы в России. Главный интерес ученых-марксистов вызывали проблемы классовых и революционных выступлений. Ряд исследователей усматривали прямую связь между выступлениями крестьян и разрешением земельного вопроса в ходе реформ 60-х годов XIX в.[4] Вводились в научный оборот и некоторые новые источники. Правда, их подбор нередко сводился к показу только негативных сторон политики правительства по отношению к удельной деревне, а сама реформа не являлась предметом специального изучения. Она не была отражена даже в первых советских энциклопедиях[5] .

В 1920–1930-х годах советские ученые не смогли существенно дополнить основные выводы, высказанные предшественниками по истории реформы 1863 г. Характерным примером может служить работа Е.А. Мороховца 1937 г., в которой противопоставлялся «грабительский характер» реформы 1861 г. увеличению душевых наделов удельных крестьян с 4,2 до 4,9 дес.[6]

Традиционно признавая «некоторое увеличение» крестьянских наделов в ходе реформы 1863 г. в целом по России, В. Левашев показал их сокращение в Самарской и Симбирской губерниях, соответственно, на 12,3 и 5,3%. Впервые в марксистской литературе, пусть и на примере двух губерний, было доказано уменьшение наделов после реформы 1863 г. Еще более важно, что В. Левашов в качестве основных документов привлек не используемый ранее новый вид источников – уставные грамоты[7].

Своеобразный «всплеск» внимания к отмене крепостного права в удельной деревне России произошел в середине 1950–1960-х годах. По этой теме в 1956 г. Г.И. Богатикова защитила диссерта-

© Котов П.П., 2011

цию и через два года опубликовала ее результаты в объемной статье[8]. Работа базировалась на широком круге источников, многие из которых впервые вводились в научный оборот. Г.И. Богатикова стала первым исследователем, подробно проанализировавшим подготовительный этап реформы 1863 г. Она обратила внимание и на изменения, которые вносились в закон о реформе в ходе его реализации. Автор охарактеризовала особенности отмены крепостного права в удельной деревне по сравнению с помещичьей, затронула ряд других сюжетов.

Г.И. Богатикова стала первым советским историком, который показал сокращение землевладения удельных крестьян в ходе реформы уже в целом по стране. Это сокращение, по ее мнению, составляло 3,5%, т.е. было в 2 раза больше, чем отмечалось в «Истории уделов». Подобным же образом было уточнено уменьшение земельных наделов (на 1,8–33,7%) в удельной деревне нечерноземной и черноземной полосы России и их расширение (на 7,0–110,0%) в «лесной полосе». Некоторые положения, выдвинутые Г.И. Богатиковой, были затем уточнены и развиты в фундаментальных работах П.А. Зайончковского[9] и Н.М. Дружинина[10].

В 1950 – конце 1980-х годах выходит ряд работ о реформе удельной деревни в Среднем Поволжье, Мордовии, Нижегородской губернии, Башкирии[11]. Этой темы касались и другие исследователи аграрной истории[12]. В научный оборот вводились новые источники, показывались особенности проявления реформы 1863 г. в отдельных регионах и уточнялись цифровые показатели о наделах. Это позволяло сравнивать отмену крепостного права для разных категорий крестьян на более высоком научном уровне.

Однако авторы и обобщающих, и региональных исследований признавая отрезки крестьянских угодий в удельной деревне Черноземья и Центра России после 1863 г. подчеркивали расширение землевладения удельных крестьян «лесной полосы». В этой части они сохраняли и даже укрепляли идеи, изложенные в начале XX в. в «Истории уделов».

Но возникла необходимость объяснить почему именно в 5 губерниях «лесной полосы» последовал наиболее массовый отказ крестьян от подписания уставных грамот и завершение реформы здесь затянулось до конца 1869 г., тогда как в других регионах она закончилась на 2–3 года раньше. Кроме этого, именно удельные крестьяне «лесной полосы» заметно активнее других выражали протесты против разрешения земельного вопроса по реформе 1863 г. И даже после отмены выкупных платежей недовольство крестьян результатами реформы не утихало вплоть до 1917 г. Истоки названных явлений усматривались в том, что здесь удельные крестьяне получили «некачественные» угодья и им ограничили свободу лесопользования. Далее подобные объяснения перекочевали и в историографические работы[13]. Таким образом, советские историки лишь повторили выводы, сделанные революционными демократами еще в 70-х годах XIX в. На наш взгляд, эти выводы не могли объяснить того факта, что северным крестьянам, пусть и плохой земли, но прирезали (в Вологодской губернии более 110%), а в ответ они десятилетиями протестуют, жалуются в различные инстанции и твердят об «ограблении».

По иному попытались трактовать разрешение земельного вопроса по реформе 1863 г. авторы «Истории северного крестьянства». Они показали сокращение пореформенных земельных наделов удельных крестьян Севера сравнивая их с наделами 1800 г.[14] Конечно, сравнение показателей разновременных и разнохарактерных документов является не корректным. И все же важно, что была предпринята попытка (пусть и неудачная с источниковедческих позиций) выйти за рамки устоявшихся взглядов.

По нашему мнению, заблуждения советских историков относительно разрешения земельного вопроса в ходе реформы 1863 г. вызывались несколькими факторами, которые носили источниковедческий характер. Как было уже показано, изучение реформы 1863 г. началось с работ, авторы которых в качестве источников использовали материалы официальной статистики. Затем были выявлены первичные источники – уставные грамоты. Их широкое применение при разработке проблем крестьянских реформ началось с 1950-х годов.

В советской историографии всегда большое внимание уделялось реформе 1861 г. Именно при ее изучении была заложена основа методики обработки уставных грамот. Учитывая отсутствие в 1950–1960-х годах в исследовательском корпусе ЭВМ, Г.И. Богатикова физически не могла «вручную» обработать тысячи уставных грамот. Поэтому она (вслед за ней и П.А. Зайончковский)

использовала не сведения уставных грамот, а данные так называемой «сводной ведомости»[15]. Последняя была составлена удельными чиновниками и представляла из себя выписки из уставных грамот некоторых сведений. Привлекательность «сводной ведомости» для историков заключалась в том, что в ней уже была проведена большая черновая работа над первичными источниками и облегчалась их дальнейшая обработка. Но исследователи не учитывали, что эта выборка данных из уставных грамот не была научной и проводилась чиновниками для собственных нужд.

Опираясь на «сводную ведомость», Г.И. Богатикова, естественно, не смогла определить специфику уставных грамот по удельной деревне по сравнению с помещичьей деревней. Следующим логичным шагом автора было распространение методики обработки уставных грамот, разработанной к тому времени исследователями реформы 1861 г., на обработку данных «сводной ведомости». Так была заложена методика работы с уставными грамотами по удельной деревне до того, как собственно их стали обрабатывать (!) в исследованиях регионального характера. Мало того, применяя эту методику, последующие историки в своих исследованиях вынуждены были делать выборку данных первичных источников по образцу «сводной ведомости». Не случайно практически все ученые, которые изучали реформу 1863 г. на примере отдельных регионов, вносили поправки в показатели размеров крестьянских наделов, приводимых в обобщающих работах Г.И. Богатиковой и П.А. Зайончковского. Эти уточнения объясняются достаточно просто – в «сводной ведомости», по сравнению с уставными грамотами, имелись неточности и описки. В «поправочном» духе выдержана и глава в докторской диссертации Л.Р. Горланова, посвященная отмене крепостного права в удельной деревне России[16].

Ограничивая информационную базу уставных грамот и применяя соответствующую методику их обработки, исследователи реформы 1863 г. не вышли и не могли выйти на характеристику структуры пореформенного землевладения удельных крестьян. Между тем в хозяйственный оборот, например, удельных крестьян Севера до 1863 г. были вовлечены тягловые, лесные, «билетные» и другие земли. Из них только оброчные угодья являлись собственностью удела, остальные и по праву пользования, и по закону принадлежали крестьянам[17]. В уставных же грамотах чиновники в дореформенный надел крестьян включили лишь тягловые земли, а все остальные считали собственностью удела. В результате, за исключением тягловых угодий, частичное предоставление крестьянам их же земель оформлялось в уставных грамотах как прирезка. Объективно же в удельной деревне Севера в ходе реформы 1863 г. произошло не расширение, а сокращение крестьянского землевладения.

По уставным грамотам за удельными крестьянами Новгородской губернии до 1863 г. числилось свыше 116 тыс. дес. земли, после – более 162 тыс. дес, т.е. формально угодья крестьян расширились на 39,4%. Реально, по формулировке 1850-х годов самих удельных чиновников, «во владении удельных крестьян состояло земли» свыше 771 тыс. дес.,[18] т.е. наделы крестьян после 1863 г. сократились как минимум на 79%. Не менее впечатляющим было сокращение землевладения удельных крестьян и в других губерниях «лесной полосы»: в Архангельской губернии оно составило около 93%, в Вологодской – примерно 80%[19].

Следует пересмотреть результаты реформы 1863 г. не только по Северу, но и по другим губерниям России. Известен, например, указ от 26 июня 1801 г. о выделении удельным крестьянам Оренбургской, Саратовской и Симбирской губерний надела в 8 дес. на душу. В существующих работах не прояснено, считал ли удел выделенные казной земли крестьянскими или они были засчитаны в пореформенных наделах в качестве прирезки. При анализе реформы не учитывается, что в конце XVIII в. удел и удельные крестьяне имели 4,2 млн. дес. земли в «единственном» пользовании и около 3,5 млн. дес. – в «общем» (спорном) пользовании с другими ведомствами. К 1863 г. им принадлежало уже свыше 10 млн. дес. земли.

Необходимо обратить внимание, что некоторые советские историки доказывали несправедливость реформы 1863 г. по отношению к удельным крестьянам нерусских национальностей на основе сравнении средних данных о наделах по той или иной губернии. Однако в законе от 26 июня 1863 г. нет ни слова об особом (плохом или хорошем) отношении законодателя к каким-либо нациям или социальным слоям. Здесь действительно определялись разные размеры наделов, но по уездам. И так сложилось, что во многих национальных регионах жители удельной деревни коренной национальности проживали в ос-

новном в уездах, в которых размеры наделов по закону были определены ниже, чем для уездов с преимущественно русским населением. Естественно, у первых среднегубернские душевые наделы и были меньше. А в Чувашии, наоборот, жители удельной деревни коренной национальности получили наделы более высокие, чем русские крестьяне. Учитывая сказанное, во многих случаях следует скорректировать и устоявшийся в советской историографии вывод, что после отмены крепостного права помещичьи крестьяне получили земли меньше, чем удельные. Действительно, например, в среднем по Вологодской губернии после реформы удельные крестьяне имели 6,9 дес. на душу, помещичьи – 5,4 дес. Но данные по уездам, напротив, показывают существенно большие наделы помещичьих крестьян[20].

Таким образом, несмотря на достижения советской историографии в исследовании реформы 1863 г. остается еще ряд недостаточно изученных проблем. Среди них, стержневой сюжет любых аграрных реформ – разрешение земельного вопроса. Без объективного его освещения невозможно правильно оценить ни значение отмены крепостного права в удельной деревне России, ни эволюцию пореформенной жизни в ней. История реформы 1863 г. нуждается еще в специальных исследованиях, которые, к сожалению, почти прекратились с начала 1990-х годов.

Примечания

[1] *Вильсон И.* Выкупные за землю платежи бывших удельных крестьян. 1871–1876 // Записки императорского русского географического общества. – СПб., 1879. – Т. 5. – С. 318–380; *Боголюбов В.А.* Удельные крестьяне // Великая реформа. – М., 1911. – Т. 2. – С. 294–364 и др.

[2] *Ходский Л.В.* Земля и земледелец. – СПб., 1891. – Т. 2. – С. 12–125; *Готье Ю.В.* Очерк истории землевладения в России. – Сергиев Посад, 1915. – С. 171–172.

[3] История уделов за столетие их существования. 1797–1897 гг. – СПб., 1902. – Т. 2. – С. 550–573.

[4] *Мартынов М.* Казна, уделы и крестьяне на севере перед революцией 1917 г. // Труд в России. – Л., 1924. – Т. 2. – С. 117–132; *Потылицин А.И.* Крестьянское революционное движение на Севере 1905–1907 гг. – Архангельск: Архгиз, 1930. – 68 с. и др.

[5] Большая советская энциклопедия. 1-е изд. – М., 1926–1947. – Т. 1–66; Малая советская энциклопедия. 1-е изд. – М., 1928–1931. – Т. 1–10.

[6] *Мороховец Е.А.* Крестьянская реформа 1861 г. – М.: Соцэкгиз, 1937. – С. 148.

[7] *Левашов В.* Реформа 1861 г. в Самарской и Симбирской губерниях. – Куйбышев: Госполитиздат, 1940. – 72 с.

[8] *Богатикова Г.И.* Реформа 26 июня 1863 г. в удельной деревне // Исторические записки. – 1958. – Т. 63. – С. 81–123.

[9] *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. – М.: Просвещение, 1968. – 368 с.

[10] *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. – М.: Наука, 1978. – 282 с.

[11] *Гриценко Н.П.* Отмена крепостного права в удельной деревне Среднего Поволжья и волнения крестьян в связи с реформой 1863 года // Ученые записки Грозненского пединститута. – Грозный, 1957. – Вып. 2. – № 9. – С. 62–97; *Рябинский Л.С.* Реформа 1863 г. в удельной деревне Мордовии // Труды НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР. – 1963. – Сер. История. – Вып. 24. – С. 80–93; *Седов А.В.* Реформа 26 июня 1863 г. в удельной деревне Нижегородской губернии // Ученые записки Горьковского ун-та. – Горький, 1964. – Вып. 72. – Т. 1. – С. 479–499; *Давлетбаев Б.С.* Крестьянская реформа 1861 года в Башкирии. – М.: Наука, 1983. – 357 с. и др.

[12] *Кузнецов И.Д.* Крестьянство Чувашии в период капитализма // Ученые записки НИИ ЯЛИЭ Чувашской АССР. – Чебоксары, 1963. – Вып. 24. – С. 31–48; *Черныш М.И.* Эволюция землевладения в Пермской губернии в период с 1861 по 1905 годы // Ученые записки Пермского ун-та. – Пермь, 1964. – № 108. – С. 116–129 и др.

[13] *Ивашута Л.П.* Проблемы удельной деревни в советской исторической литературе // Вопросы истории Урала. – Свердловск, 1976. – Сб. 14. – С. 106–117 и др.

[14] История северного крестьянства. – Архангельск: Северо-западное книжное издательство, 1986. – Т. 2. – С. 31.

[15] РГИА, ф. 515, оп. 74, д. 85 (Сводная ведомость).

[16] *Горланов Л.Р.* Удельные крестьяне России (1797–1865 гг.): Дис. … д-ра истор. наук. – Владимир, 1988. – Глава V.

[17] *Котов П.П.* О земельном обеспечении бывших удельных крестьян по реформе 1863 г. // Буржуазные реформы в России второй половины XIX в. – Воронеж: Воронежский ун-т, 1988. – С. 54–63.

[18] ГАНО, ф. 138, оп. 1, д. 1028а, л. 5 об.

[19] *Котов П.П.* К вопросу о реформе 1863 г. на Севере // Изучение аграрной истории Европейского Севера СССР на современном этапе. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР, 1989. – С. 78–83.

[20] *Котов П.П.* Хозяйство удельных крестьян Севера середины XIX в. // Хозяйство северного крестьянства в XVIII – начале XX вв. – Сыктывкар: Пермский ун-т, 1987. – С. 21–29.

УДК 94

Кузьмичёв Иван Александрович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Vlastimil86@rambler.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДА ГАЛИЧА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКА

Галич в период Смутного времени неоднократно подвергался военному нападению и разорению, что серьёзно отразилось на социально-экономическом развитии города в период правления первых Романовых. Значительный рост оброчных платежей при отсутствии позитивных изменений в материальном положении галичского посадского тяглового населения красноречиво свидетельствует о государственных приоритетах новой династии.

Ключевые слова: *Смутное время, Галич, посадское население, Дозорная книга, оброк, ремесленники.*

11 июня 1613 года в Успенском соборе Московского Кремля состоялось венчание Михаила Фёдоровича Романова на царство. С этим событием принято связывать окончание Смутного времени. Однако представителям новой династии ещё долгие годы пришлось преодолевать тяжелейшие последствия Смуты. Многие города русского государства серьёзно пострадали во время военных действий. Не избежала этой участи и Галичская земля, древний центр которой – город Галич – был разорен войсками Лисовского в 1609 г., польскими и литовскими отрядами в 1613 г. и в 1619 г. соответственно.

На основе сохранившихся письменных источников (писцовые книги и царские грамоты) [см. подробнее: 1; 2; 3] постараемся оценить последствия Смутного времени в хозяйственной жизни города и на его примере показать особенности экономической политики новой династии.

В первой четверти XVII века город Галич представлял собой крепость с прилегающими к ней территориями: посадом, торгом, рыбной слободой. В кольце укреплений на площади около 18440 кв. сажен (28028,8 м^2) располагались дворы служилых, посадских людей, дворян и духовенства, всего 123 двора жилых, 57 дворов пустых и 25 мест, отведенных под строительство новых дворов. Внутри острога находился также соборный храм Преображения Спасова.

Основное население города проживало за пределами крепостных стен на посаде и в рыбной слободе. Уязвимые в силу своего расположения, посадские дворы в первую очередь подвергались нападению, а, следовательно, и больше других пострадали во время Смуты и первые годы царствования Михаила Федоровича от войск Лжедмитрия II и разбойничьих литовских отрядов.

Как уже отмечалось выше, период Смуты отмечен катастрофическим разорением большинства российских городов. В таких условиях правительство вынуждено было проводить так называемые «дозоры» по городам, главной задачей которых были: «фиксация состояния тягла городского населения, выяснение степени убыли и разорения города, выявление в городе реальных и потенциальных возможностей для восстановления выплаты «государевых платежей» в прежнем объеме» [6, с. 342–343].

Таблица 1

Социальная структура и количественное соотношение владельцев осадных дворов и мест по Дозорной книге 1620 года [3, с. 82–84]

В остроге	Дворы	Пустоты	Места
Знатных людей	108		20
Духовенства	4		4
Посадских людей	11	57	1

© Кузьмичёв И.А., 2011

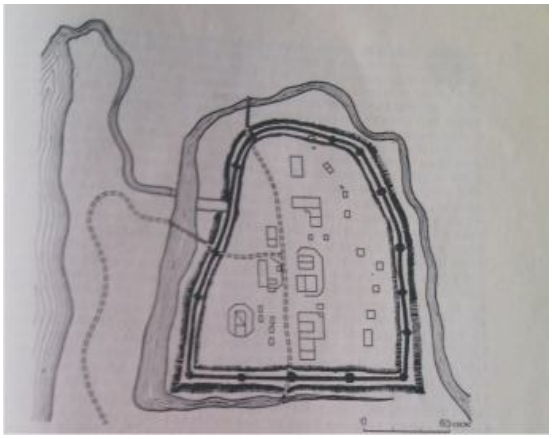


Рис. 1. Схема укреплений третьей галичской крепости [4, с. 453]

Сохранившаяся Дозорная книга по Галичу 1620 года подробно описывает состояние посадских дворов города, дифференцируя их по платёжеспособности. Наибольшее тягло несли чёрные посадские дворы, в которых проживали «молодшие люди», платившие с каждого двора по 10 алтын оброка в год. Бобыли несли половинный оброк в размере 5 алтын с каждого двора в год. С нищих и пустых дворов оброк вовсе не собирался по причине неплатежеспособности одних и отсутствия жителей в других. Особняком описывались белые дворы, которые не принадлежали тяглому посадскому населению и, соответственно, с них также не платился оброк.

Дозор 1620 года по Галичу прямо указывает на причину обнищания и запустения большинства посадских дворов «…в Галиче же на посаде на чёрной на тяглой земле, а живут в избах, которые посадские люди обнищали и вдовы нищие, а мужни их и дети посечены в приход литовских людей в прошлом во «127» году… а иные посадские люди разбрелись порознь безвестно по розным городом и в понизовые городы» [3, с. 87–89].

Особенно сильно пострадало ремесленное и торговое население посада. Полностью исчезли 12 ремесленных специальностей. Нищих и бобыльских ремесленных дворов было 11 и 51 соответственно (табл. 3). Из 34 торговых лавок, платящих оброк, 7 принадлежало не посадским людям.

Сильно сократилось посадское землевладение. Было заброшено 19 сенных покосов, которые давали 75% от общего количества заготавливаемого сена [3, с. 96].

Проведение комплексных мероприятий по восстановлению государственного контроля над посадским тяглым населением в городах, пострадавших в годы Смуты, в том числе и с целью улучшения его экономического положения связано с деятельностью отца Михаила Федоровича – патриарха Филарета, освобождённого из польского плена лишь в 1619 году. Именно к этому времени относится «Царская окружная грамота, в Галич, губному старосте Перелешину… о соборном постановлении касательно новой переписи городов…», в которой не только объясняются причины проведения дозора, но и обозначаются первоочередные меры по восстановлению городского хозяйства: «А которых украенных городов посадские люди живут на Москве и по городом, и тех сыскивая отсылать в те городы, где они преж сего жили, и льготы им дать смотря по разорению. А которые посадские и уездные люди заложились за Митрополитом и за весь священный собор, и за монастыри, и за всяких бояр, и за окольничех и за всяких чинов людей, и тем всем указати есмя по прежнему где были за передь сего; а на тех людех, за кем они жили, приговорили есмя со всеми людми, сыскать счетчи доправити наши всякия подати за прошлие годы» [2, с. 21].

Таким образом, государство стремилось к восстановлению численности посадского населения, которое было бы способно исправно пополнять государственную казну через оброчные и иные налоговые выплаты. Выполнить подобную задачу было довольно непросто. И если численность посадского населения можно было увеличить путём принудительного возвращения людей на прежние места жительства, то восстановление их материального положения, активной ремесленной и торговой деятельности затянулось на многие годы.

Данные Писцовой книги 1628 года позволяют нам судить об относительных успехах и неудачах в деле восстановления экономики города Галича.

Таблица 2

Посадское население Галича в 1620 году [3, с. 85–93]

На посаде	Белых	Чёрных	Бобыльских	Нищих	Пустых
Количество дворов и мест	98	35	62	42	258

Таблица 3

Ремесленники галичского посада (1620 год)[1]

№	Ремесло	Дворы	Пустуют	Бобыли	Нищие[2]	Итого
1.	Беляник			1		1
2.	Винокур	1		1		2
3.	Владелец пестерниною	1				1
4.	Горшечник		3	1	1	5
5.	Дудор		1			1
6.	Железец		1			1
7.	Жоровник		1			1
8.	Замошник		1			1
9.	Иконописец		1			1
10.	Кожевник		6	4		10
11.	Колесник			1		1
12.	Крашениник	2	2	4		8
13.	Кузнец	4	1	8	3	16
14.	Масленик		1			1
15.	Медник			1		1
16.	Мясник	1		3		4
17.	Огородник			1		1
18.	Оконник			1		1
19.	Оловянник				1	1
20.	Пастух				2	2
21.	Плотник		3	1		4
22.	Полстовал		3			3
23.	Портной кропач		2	2	1	5
24.	Портной швец		2			2
25.	Прасол	3		2		5
26.	Прянишник	1				1
27.	Пуговишник			1		1
28.	Руковишник		6			6
29.	Рыбник	7		16		23
30.	Рыбный просол			1		1
31.	Сапожник		3		1	4
32.	Сапожной кропач	2			2	4
33.	Свешник		1			1
34.	Седельник		1	1		2
35.	Соляной просол	1				1
36.	Судочник			1		1
37.	Сыромятник	1				1
38.	Шапошник		1			1
39.	Швец		1			1
40.	Щепетинник	9				9
	Всего ремесленных дворов[3]	**33**	**41**	**51**	**11**	**136**

Примечания:

[1] Отрывок из Дозорной книги Галича 1620 г. // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского филиала Российского фонда культуры. Вып. 4. – Кострома, 1999. – С. 85–95.

[2] В большинстве дворов проживают вдовы ремесленников, убитых в 1619 году «литовцами».

[3] Среди посадских ремесленников не встречаются дворы колчаника, зеленика и серебреника, упоминание о которых мы находим в описании лавок и лавочных мест на торговой площади.

Таблица 4

Посадское население Галича в 1628 году [5, с. 105–106]

На посаде	Белых	Чёрных	Бобыльских	Нищих	Пустых
Количество дворов и мест	89	38	192	131	258

За 8 лет, прошедших с ревизии города 1620 года, общая картина социально-экономического положения посадского населения не изменилась. Численность жителей посада пополнилась главным образом за счёт бобылей и нищих, что давало лишь экстенсивное увеличение собираемого оброка, который вырос по сравнению с 1620 годом на 20 рублей 13 алтын и 2 деньги. Количественный, но не качественный рост посадского населения объясняется во многом привлечением на государственную службу «лучших» людей – наиболее состоятельных представителей посадской общины. «А лучших и середних посадских людей в Галиче на посаде нет; а которые лутчие люди были, и те взяты к Москве в гостиную и в суконную сотню, а иные померли» [цит. по: 5, с. 105].

Таким образом, как мы можем видеть из сохранившихся описаний Галича начала XVII века, сильнейший урон был нанесен посадскому тяглому населению – основному налогоплательщику, от которого собственно и зависело общее хозяйственное благополучие города. Запустение значительной части посадских дворов, обнищание оставшегося населения привело к исчезновению многих ремесленных специальностей. Ситуация также осложнялась соперничеством посадского населения с крупными землевладельцами (монастырями, детьми боярскими, дворянами) и столичными купцами [см. подробнее: 3, с. 93]. Помещики и монастыри, используя бедственное положение посадских людей, скупали дворы, доходные промыслы и торги. Судя по документам первой четверти XVII века, представителями новой династии были предприняты некоторые шаги в поддержку посадского населения, однако добиться успеха им не удалось. Объясняется такая неудача отсутствием полного контроля над удалёнными землями Московского государства, которые были подвластны Михаилу Фёдоровичу лишь формально. Недавно избранный молодой царь не мог гарантировать защиту своим подданным от многочисленных разбойничьих польских и литовских отрядов, продолжавших совершать грабительские набеги. Кроме того, помощь посадскому населению носила противоречивый характер. С одной стороны, предписывалось возвращать в провинциальные города ушедшее население, а с другой – правительство само использовало людской потенциал малых городов для пополнения столичного чиновничьего корпуса новыми кадрами, нёсшими казенную службу в гостиной и суконной сотнях.

Библиографический список

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской академии наук. Т. III. – СПб., 1836. – 496 с.

2. Материалы для Костромской губернии. Сообщены членом Костромской губернской уч. архивной комиссии И.Д. Преображенским. – Кострома, 1907. – 38 с.

3. Отрывок из Дозорной книги Галича 1620 г. // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского филиала Российского фонда культуры. Вып. 4. – Кострома, 1999. – С. 79–97.

4. Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 1: Материальная культура. – М., 1969. – 480 с.

5. *Смирнов П.П.* Древний Галич и его важнейшие памятники // УЗ МГПИ им. В.П. Потёмкина. – Т. IX. – Вып. 1. – С. 81–112.

6. *Тимохина Е.А.* Дозорные книги городов первой трети XVII в. как источник по истории средневекового города Европейской России: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005. – 473 с.

УДК 94(47).082; 94 (47). 083

Мальцев Роман Юрьевич
Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
malt-rom@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОСТРОМСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: НАЛОГОВЫЙ ВОПРОС

Вопрос уплаты налогов для предпринимателей всегда был проблемным. Величина налогов в начале XX века зависела от органов местного самоуправления – городских дум. Система налогообложения была несовершенна и запутанна, что позволяло предпринимателям активно влиять на количество выплат в бюджет. Одним из способов уменьшения налогов было участие в деятельности местных городских дум.

Ключевые слова: *предприниматели, городская дума, налогообложение, недоимки.*

Предприниматели в нач. XX в. испытывали повышенный интерес к деятельности местных органов самоуправления. Это объяснялось не только бескорыстным служением городу, но и вполне прагматичными целями.

На основании Городового положения 1870 года выбирать местные думы и избираться в них имели право все горожане (всесословный принцип), которые уплачивали налоги и другие платежи в городскую кассу.

В Костроме был создан распорядительный орган – городская дума. Состояла она из 72 гласных [11]. Дума избирала из своего состава исполнительный орган – городскую управу. Городские органы самоуправления выбирались на четыре года налогоплательщиками городских налогов. Часть этих налогов поступало в кассу городских органов самоуправления.

С принятием Городового положения 1892 года усилился государственный контроль. Для избирателей был введен имущественный ценз и многие горожане потеряли свои избирательные права. В число избирателей включались владельцы торгово-промышленных заведений города, имеющие гильдейские свидетельства. Отстранение от участия в «самоуправлении» городов мелкой и части средней буржуазии означало усиление роли и места крупной буржуазии, в ведении которой находились городские думы и управы [5, с. 234–235].

Вся хозяйственная деятельность органов местного самоуправления находилась под контролем губернского по городским (затем и земским) делам присутствия под предводительством губернатора. Губернатор контролировал по Положению 1892 года «законность» и «правильность» действий думы. Кроме того, и сметы городского управления утверждались губернатором. Дума занималась сугубо муниципальными вопросами, была «политически благонадежна» [3, с. 51–52].

Попечительству городской думы подлежали вопросы городского благоустройства (городской транспорт, освещение, отопление, канализация, водопровод, уборка мусора, и т.п.), а также заведование образованием, врачебным и благотворительным делом, городской торговлей, городским кредитом [10, с. 92–93].

Руководил думой городской голова [14, с. 12]. Одним из первых эту должность в конце XVIII – начале XIX века в г. Костроме занимал купец первой гильдии, основатель и владелец полотняной мануфактуры, Василий Иванович Стригалев [4, с. 15]. Городской голова был наделен довольно широкими полномочиями. Он отдавал распоряжения о созыве думы и определял повестку дня заседаний. Под его личную ответственность печатались доклады по делам, назначенным к слушанию. Лица, избранные на указанную должность в губернских городах, утверждались министром внутренних дел.

Предприниматели активно старались участвовать в деятельности думы, еще в 70-х годах XIX в. из 72 гласных 56 человек были купеческого и мещанского сословия [3, с. 39].

До революции 1917 г. в Костроме из 29 городских голов лишь последние двое не принадлежали к купеческому сословию В.А. Шевалдышев и Н.И. Воробьев (1917). Но Шевалдышев был ко времени избрания директором фабрики, и соответственно принадлежал к числу крупных предпринимателей. А Воробьев занимал свой пост непродолжительное время в эпоху революции 1917 г. [4, с. 33]. Схожая ситуация наблюдалась и в не губернских городах – городскими головами и городскими старостами на 1901 г. являлись

© Мальцев Р.Ю., 2011

почти исключительно купцы или мещане и лишь 3 должности были заняты отставными чиновниками [13, л. 68 об.]. Среди 60 гласных Ярославской городской думы избранных на четырехлетие 1905–1908 гг. 20 были купцами, т.е. 30% [15]. В тот же период в уездных городах гласных купеческого сословия было около половины.

Наиболее важным для предпринимателей вопросом, которым ведала дума, несомненно, был вопрос налогообложения. Дело в том, что по городовому положению 1892 г. думе предоставлялось:

– определение размера местных сборов;

– переложение натуральных земских повинностей обывателей в денежные;

– сложение безнадежных к поступлению или неправильно числящихся недоимок по городским сборам.

В пользу городского поселения устанавливались следующие сборы:

1) оценочные с недвижимых имуществ;

2) с документов на право торговли и промыслов;

3) с трактирных заведений, постоялых дворов и съестных лавок…

Оценочному сбору подлежали все состоящие в пределах городского поселения имущества.

Размер оценочного с недвижимого имущества сбора определялся думой в процентах с чистого дохода с имуществ, определенного общественным управлением или по стоимости имуществ.

Оценочный сбор взимался на основании следующих правил: 1) дума назначала срок, к которому сбор должен быть внесен; 2) управа после производства надлежащих оценок, распределяла сбор на основании этих оценок и доводила их до всеобщего сведения [14, с. 14, 30].

Вот поэтому у предпринимателей был нешуточный интерес к заседаниям думы, поскольку от этого зависела сумма уплачиваемого налога. Время, которое тратилось на участие в заседаниях и «безвозмездность» [14, с. 13] исполнения должности гласного, с лихвой окупалось возможностью лоббирования постановлений выгодных им.

Гласные-предприниматели не редко вступали в ожесточенную полемику с другими гласными. Например, когда дело касалось повышения арендной платы за землю. Например, Александр Петрович Преображенский и Владимир Андреевич Зотов (крупный предприниматель), разругались в пух и прах прямо на заседании 27 октября 1900 г. «Причину инцидента происшедшего в думе я могу только объяснить желанием г. Преображенского порисоваться и похвалиться, он вообразил, что сумел извлечь из 40-летней пыли такие факты, о существовании которых в течении стольких лет никто и подозревать не мог» – писал В. Зотов [6, с. 254–259]. Тяжбы по неправильно уплаченным сборам могли тянуться годами. В частности, в ноябре 1907 года правление «Товарищества льнопрядильни Бр. Зотовых» после обращения в Правительствующий Сенат о неправильности наложения сбора на недвижимое имущество, добилось возврата взысканной недоимки 1903 года в сумме 1804 руб. 52 коп. [8, с. 266–267].

В июне 1901 г. министр внутренних дел Д.С. Сипягин совершил визит в Костромскую губернию. Он успел предпринять только одну такую поездку, во время которой посетил Ярославскую, Костромскую, Нижегородскую и Владимирские губернии, чтобы их осмотреть «во всех отношениях». После поездки Д.С. Сипягин составил план законодательных и административных работ осуществление, которого растянулось бы на несколько лет, и в своем докладе императору сделал вывод: «Мы сидим на вулкане» [12, с. 8].

Министр внутренних дел во время своей поездки не только инспектировал положение дел в губерниях, но и встречался с представителями различных слоев провинции.

В 20-х числах июня 1901 г. Сипягин принял предложение обедов от Крылова, Куломзина, Кокорева, Коновалова, Красильникова, Горбунова (владельцы крупных фабрик и заводов) [1, л. 2, 3]. Представители предпринимательского класса могли поведать министру о своих проблемах непосредственно. В среде костромских предпринимателей созрели определенные предложения по улучшению создавшегося положения. Председатель местного Комитета торговли и мануфактур Кашин ходатайствовал перед министром:

1) об освобождении от двойного обложения городских фабрик – городского и земского сборов, оставив лишь городской сбор;

2) освободить от городского обложения помещений школ, театров, больниц, казарм для рабочих принадлежащих фабрикам. Они, «не являясь для предпринимателей источником извлечения доходов, служат целям улучшения духовного и материального положения рабочих» (земства налогом их не облагали);

3) учитывать при оценке износ фабрик и оборудования, расходы на ремонт, возможный простой;

4) фабричные сооружения облагать «не по их стоимости, а по доходности, как основанию более уравнительному и справедливому»;

5) сосредоточить оценку фабричного оборудования и доходность фабрик в центральном органе. Изъять это дело от земств и городского управления, «как неприспособленных, в силу их организации и условий деятельности» [1, л. 91–92].

Эти требования, по мнению Сипягина, были справедливы и исходили от представителей промышленников всех губерний. Проблема была рассмотрена Сипягиным уже по приезду в столицу, выяснилось следующее.

В 1901 г. Костромское городское управление, переоценив расположенные в Костроме фабрики и заводы, повысило их оценку с 1328 тыс. рублей до 6760 тыс. руб., т.е. в 5 раз. На 1901 г. городской сбор совместно с городским налогом на недвижимое имущество возрос с 13284 руб. До 53730 руб. (т.е. на 32%), а «обложение прочих недвижимых имуществ, владельцы коих составляют большинство гласных в среде местной городской думы, наоборот значительно сократилось» [1, л. 93].

В журнале костромской городской думы заседание 1 ноября 1901 г. читаем: «произведена оценка вновь возведенных в 1900 г. фабрично-промышленных заведений в гор. Костроме, а именно: 1) при фабрике т-ва новой Костромской льняной мануфактуры; 2) при фабрике бр. Зотовых; 3) при фабрике анонимного общества Гратри, Жерар и Михиной; 4) при фабрике И.С. Сидорова; 5) при механическо-токарно-слесарном заведении Н.П. Прянишникова; 6) при мастерской серебряных и золотых вещей бр. Савельевых и 7) при винокуренном заводе И.П. Третьякова. Оценка выразилась в сумме 530139 р. 93 к.» [7, с. 237].

Губернатор приостановил это решение, направил его в сенат который видимо (как полагал Сипягин) отменил данное постановление.

Прения в Городской думе на протяжении 1907 г. велись по поводу изменения оценки для обложения недвижимых имуществ. В результате 31 декабря была принята новая оценка. С ней фабриканты были в корне несогласные. Костромской фабрикант И.М. Чумаков заявлял: «доход с частновладельческих имуществ уменьшится на 3146 руб. 37 коп., а доход от фабрик увеличиться на 18413 руб. 81 коп., т.е. не только весь дефицит по смете будет погашен за счет фабрик, но и часть прежнего налогового бремени... будет перенесено на фабрично-заводские предприятия». Тут же маленький шантаж: «Владельцы предприятий не могут не протестовать против такого ненормального положения вещей, а их протесты могут приостановить поступление в город оценочного сбора, что поставит Управу и Думу гор. Костромы в тяжелое положение» [8, с. 304–305].

Все постановления думы, касающиеся налогов, тем паче их увеличения сразу становились известными заинтересованным лицам. Механизмы задержки выплаты налогов, а также недоимок были разработаны виртуозно. В ход шли личные связи, продвижение нужных кандидатов и использование пробелов в законодательстве. В письме С.Н. Третьякову от 8 января 1908 года В.А. Шевалдышев (управляющий Товарищества Новой костромской льняной мануфактуры) писал: «Я узнал, что Городская дума в экстренном заседании от 31 дек. 07 г. постановила взыскать налог по новой оценке… налог с фабрики увеличится. Сегодня я был у Чумакова и Морганова... просят тебя обратиться к присяжному поверенному, что бы подать ряд и однообразных жалоб в Губернское Присутствие. Завтра повидаю Аристова, Зотова и Толстопятова, чтобы поговорить с ними, так как жалобы всех промышленников вместе [имеют] больше значения…» [2, л. 54].

В этой ситуации В.А. Шевалдышев, как присяжный поверенный (юрист), становится центром противодействия увеличению налога. «25 января 1908 года …жалобу в губернское присутствие я подал. Тут у меня собрались все фабриканты и все в один голос согласились с нашим планом, так что сегодня уже начали поступать… жалобы и от других» [2, л. 58].

Противодействие при этом велось на нескольких уровнях. Письмо В.А. Шевалдышева от 28 января 1908 года: «…вчера меня вызывал к себе губернатор поговорить о городском деле. Как я полагал, он очень заинтересован не столько делом, сколько желанием напакостить городу и земствам. …он обратился ко мне со следующей просьбой: не могу ли я позондировать всех фабрикантов Костромской губернии по поводу земских и городских налогов, и если все фабриканты считают поведение земств несправедливым, то не могут ли фабриканты собраться у губернатора… причем он заранее при такой постановке дела обе-

щает встать на сторону фабрикантов. Таким образом, как я это понимаю, ему желательно, чтобы о «съезде фабрикантов» у него в доме стало известно в Петербурге, т.к. он со всеми перессорился и ему необходимо будет на кого-нибудь опереться» [2, л. 60].

Письмо В.А. Шевалдышева 15 февраля 1908 года: «Сегодня я был в земской управе. На собрании мне удалось отстоять Василия Семеновича Соколова, этот вопрос решится в желательном для него смысле. Управа, списавшись с Соколовым, почти, наверное, откажется от взыскания недоимки. Во всяком случае, сразу платить 84 т. мы не будем, так как рассрочку дадут непременно» [2, л. 64]. Нужно заметить, что В.С. Соколов был членом Костромской губернской оценочной комиссии, которая устанавливала величину требуемого с предприятия налога.

В результате таких действий экстренное собрание Городской думы 30 декабря 1908 года было посвящено оценке вновь возведенных трех строений при фабрике Т-ва Новой Костромской льняной мануфактуры. Была сделана значительная скидка в оценке стоимости фабрики с 94833 руб. 96 коп. до 80095 руб. 72 коп. Нужно учесть, что на заседании думы, проходящем в канун нового года, в основном присутствовали гласные предприниматели, которые единогласно согласились на уменьшение налога [9, с. 320].

Общественный темперамент, авторитет и необходимость лоббировать интересы Товарищества БКЛМ привели к тому, что с 1907 г. В.А. Шевалдышев стал гласным костромского уездного земства, с 1909 г. – гласным городской думы, а в 1913 г. был избран городским головой. Это позволило ему еще больше влиять на городскую жизнь.

Основной целью работы предпринимателей в местных органах самоуправления была не забота о благе города, а удовлетворение личных коммерческих интересов. Предприниматели старались использовать все доступные им средства для уменьшения уплаты налоговых сборов, не гнушаясь сговором и подкупом должностных лиц.

Библиографический список

1. ГАКО, ф. 133 б/ш, д. 1154, л. 3, 12.

2. ГАКО, ф. 671, оп. 1, д. 6.

3. *Голубева И.В.* Из истории местного самоуправления в крае: Костромская городская дума (1870 – нач. 900-х гг. XX в.) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова: Волжский рубеж. – 2006. – №5. – С. 36–52.

4. Градоначальники Костромы. 1785–2003: От городского головы до главы самоуправления / авт.-сост.: Т.М. Карпова, П.П. Резепин. – Кострома: ООО «Костромаиздат-850», 2003. – 208 с.

5. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России: Учебник для студентов высших учебных заведении по специальности «Историко-архивоведение». – 3-е изд., перераб. и доп.– М.: Высш. шк., 1983. – 351 с.

6. Журнал Костромской городской думы за 1900 год. – Кострома: Губернская типография, 1900. – 494 с.

7. Журнал костромской городской думы за 1901 год. – Кострома, 1902. – 435 с.

8. Журнал Костромской городской думы за 1907 год. – Кострома, 1908. – 306 с.

9. Журнал Костромской городской думы за 1908 год. – Кострома, 1910. – 327 с.

10. История становления местного самоуправления в Костромском крае. – Кострома, 2002. – 130 с.

11. Костромские губернские ведомости. – 1871. – №8.

12. *Марасанова В.М.* Местное управление в Российской империи (на материалах Верхнего Поволжья). – М., 2004. – 216 с.

13. РГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 549.

14. Свод законов Российской империи. Городовое положение. Т. II. – СПб., 1892. – 567 с.

15. Ярославские губернские ведомости. – 1905. – 4 февр.

УДК 947

Матвиевский Илья Николаевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
matvievskayaoksana@mail.ru

КАДЕТЫ И МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1905–1914 ГОДЫ

Целью данной работы является исследование взаимоотношений между отделением конституционно-демократической партии и местной властью в Костромской губернии. Актуальность работы заключается в том, что в ней исследуется такая малоизученная тема, как деятельность либеральных дореволюционных партий на региональном уровне.

Ключевые слова: *кадеты, губернатор, Костромская губерния, местный комитет, выборы, Государственная Дума.*

Уже в ноябре 1905 года в Костроме появляется местное отделение конституционно-демократической партии, выросшее из организованного здесь ранее кружка «освобожденцев». В течение 1905–1906 годов ее отделы появляются во всех уездных городах – Галиче, Буе, Ветлуге, Макарьеве, Солигаличе, Кологриве, Кинешме, Нерехте, Плесе, Чухломе. А также в ряде сел – Пучеж, Вичуга, Парское, Майданово, Писковское [17, с. 301]. Численность партийной организации в Костроме насчитывала 170 человек, всего же, к весне 1906 года кадетские организации в Костромской губернии насчитывали около 600 человек [17, с. 301]. Возглавили губернский комитет партии земские деятели З.Г. Френкель (земский врач), И.В. Шулепников (председатель земской управы), а так же присяжный поверенный Н.А. Огородников и губернский предводитель дворянства П.В. Шулепников.

Позиции кадетов были сильны в органах местного управления, особенно в губернском земстве и губернском дворянском собрании. Но отношения с губернской властью изначально складывались очень непросто. В связи с этим, в ходе предвыборной кампании в первую государственную Думу кадеты в Костромской губернии, как и в других регионах страны, столкнулись со значительным противодействием со стороны местной администрации. Губернские власти были обеспокоены предвыборной активностью местных кадетов. В ответ на организованные ими предвыборные митинги для крестьян Пушкинской и Минской волостей в январе 1906 года туда последовала «экскурсия полицейских охранителей…, предпринятая с единственной целью запугать и отвратить крестьян от народных собеседований, устраиваемых местным отделом конституционно-демократической партии…» [7].

Уже в январе 1906 года, лидеры костромских кадетов Н.А. Огородников, З.Г. Френкель и В.А. Висконт получили повестки от исправника, в которой содержалось требование явиться для объяснений по делу об устройстве ими митингов в Минской и Пушкинской волостях [6].

Кадетские митинги и предвыборные собрания проходили под полицейским надзором, имели место случаи ареста собравшейся на эти мероприятия публики [10]. На предвыборное собрание кадетов, происходившее 26 февраля в помещении Губернской Земской Управы, не смогли попасть многие приглашенные «так как не удовлетворили полицейского контроля, хотя и предъявили пригласительные билеты» [8].

Намерение костромских кадетов устроить предвыборные собрания в ближайших к Костроме селах, организацию которых взял на себя костромской уездный предводитель дворянства А.В. Перелешин, натолкнулось на запрещения со стороны полиции угрожавшей разогнать эти собрания.

Опасность для кадетов исходила и от активизировавшихся в этот период черносотенцев, пользовавшихся негласной поддержкой властей.

В Больших Солях, местным земским врачом и по совместительству членом костромского комитета партии народной свободы А.С. Дурново организовал при чайной попечительства о народной трезвости собрания местных жителей, где обсуждались злободневные общественно-политические вопросы. Местные черносотенцы всячески старались препятствовать этим собраниям, угрожали А.С. Дурново физической расправой и даже убийством. Но их «дикие выходки… направленные против лично А.С. Дурново и «собраний» не увенчались успехом» [7].

В феврале 1906 года один из лидеров костромских кадетов, председатель Губернской земской

© Матвиевский И.Н., 2011

управы В.И. Шулепников получает анонимное письмо с угрозами лично ему и по адресу всей управы. Против его брата, костромского предводителя дворянства И.В. Шулепникова, костромской губернатор возбудил в сенате дело «за допущение на чрезвычайном дворянском собрании в сентябре 1905 года обсуждения вопросов общегосударственного значения» [9].

Впрочем, это не помешало костромским кадетам на выборах в первую Государственную думу одержать убедительную победу.

Но после роспуска Думы, взаимоотношения кадетов с губернскими властями, и без того натянутые, обострились. Еще в ходе предвыборной кампании в первую Государственную думу администрация всячески препятствовала деятельности их партии. После же Выборгского воззвания прессинг на кадетов еще более усиливается.

С осени 1906 года кадетские организации в Костромской губернии переживали значительные трудности. На расширенном заседании ЦК партии кадетов Френкель, докладывая о ситуации в Костромской губернии 28 декабря 1906 года, отмечал усиление репрессий против кадетов и активизацию черносотенцев. По его словам, репрессии растут невиданными темпами, хотя никакого положения об охране в Костроме нет, под запретом находятся собрания в частных квартирах [16, с. 163].

Вернувшиеся из столицы бывшие депутаты от Костромы, участвовавшие в подписании Выборгского воззвания – З.Г. Френкель, Н.А. Огородников, П.А. Сафонов, И.В. Замыслов в 1907 году были осуждены за подписание Выборгского воззвания и приговорены к трем месяцам тюрьмы. Наказание они отбывали в городской тюрьме с июня по сентябрь 1908 года.

В феврале 1907 года весьма значимым событием в Костроме стал процесс над А.С. Дурного и проходившими по одному с ним делу его супруги Н.А. Дурново учителя Денисова и крестьян Рудометова и Успенского. Они обвинялись в том, что проживая в посаде Большие Соли «занимались среди местного населения пропагандой идей и учений, клонящихся к ниспровержению существующего строя, …в произношении противоправительственных речей, с призывом к вооруженному восстанию и в распространении революционных прокламаций, подбивающих к сопротивлению властям и в подучении крестьян писать к родственникам – солдатам письма с советом не стрелять при усмирении в народ» [12]. В частности подсудимых обвиняли в распространении среди крестьян выборгского воззвания. Но в суде дело фактически развалилось, большинство свидетелей (всего их было 45 человек), характеризовали А.С. Дурново исключительно с положительной стороны, а свидетели обвинения признались, «что жандармы, угрожая тюрьмой, заставляли давать показания против подсудимых» [12].

Все же, тот факт, что А.С. Дурново его жена, и Рудометов знакомили крестьян с выборгским воззванием (правда, А.С. Дурново разъяснял им невозможность его выполнения), послужил основанием для обвинительного приговора. Их присудили к 6 месяцам заключения (большую часть этого срока они уже отбыли еще до вынесения приговора), а Денисова и Успенского оправдали.

Печатный орган костромских кадетов газета «Костромич», сменившая закрывшуюся ранее «Костромскую жизнь», так же прекращает свое существование в мае 1907 года, объясняя это результатом «усиленного воздействия попечительного начальства» [13].

В ходе избирательной кампании во вторую Государственную Думу кадетам пришлось столкнуться с еще более жестким противодействием местной администрации.

В газете костромских кадетов «Костромич» приводилось содержание беседы, якобы состоявшейся между костромским вице-губернатором Бантышем и неким гражданином (содержание разговора публиковалось со слов последнего):

«Помните, что сейчас происходит борьба между двумя врагами, – правительством и партией народной свободы. Нам нужно победить во что бы то ни стало. Поэтому мы всеми способами будем стараться чтобы кадеты были лишены возможности участвовать в избирательной кампании…» [9].

Разумеется, нет никаких документальных подтверждений подлинности этого разговора, и есть веские основания сомневаться в его достоверности. Во всяком случае, эта заметка в «Костромиче» показывает, как сами костромские кадеты оценивали свои взаимоотношения с властями.

Как отмечала местная либеральная печать, в преддверии выборов в Костроме полиция значительно усилила прессинг на оппозиционные круги:

«Избирательная кампания открыта в нашем городе… полицейскими в форме и без формы.

Первые агитируют больше путем «символического воздействия», в усиленной порции награждая и без того запуганного обывателя проявлениями… в виде чуть ли не массовых обысков, ежедневных арестов… Вторые (без формы) культивируют будущих выборщиков путем словесной пропаганды в пивных, трактирах и чайных. Подозрительные субъекты… неизменно начинают разговоры на политико-общественные темы, заводя речь о будущей думе и настойчиво предостерегают доверчивую публику от выбора определенных лиц из «либералов». При этом называют имена наиболее уважаемых костромских общественных деятелей, и рассказывают про последних всякого рода клеветнические басни» [4].

В этих сложных условиях костромским кадетам на выборах удается провести в Думу двух своих кандидатов. Последовавший вскоре роспуск второй Государственной Думы, изменение избирательного законодательства, и начало подготовки к выборам в третью Думу, сопровождались новыми репрессиями против кадетов.

Активное наступление на оппозиционеров повел новый костромской губернатор А.П. Веретенников.

Причины революции он видел в происках внешних врагов России, – иностранных держав, и внутренних, – евреев:

«Уже наводнены деревни скверными книжонками, прокламациями и ядовитыми газетами, в большинстве руководимыми и издаваемыми на средства тех же врагов лицемеров. По России во всех углах засели или бродят недоучки платные агитаторы в виде учителей, фельдшеров, врачей, агрономов, земцев и других благодетелей» [13].

Веретенников повел наступление на позиции кадетов в местном самоуправлении и в земствах. Как орудие против них активно использовался официальный запрет на членство в партиях для чиновников и работников самоуправления.

Со 2 марта 1907 года Высочайшим указом Костромская губерния переводилась на чрезвычайное положение.

З.Г. Френкель так охарактеризовал в письме деятельность губернатора в этом направлении:

«Веретенников с бешеной и неукротимой энергией принялся за тех, кто есть или кого он считает «к-д». В первую голову потребовал увольнения со службы меня… Мотивом требования служит ссылка на циркуляр совета министров от 16 сентября 1906 года о непринадлежности к партиям. За мной последовало увольнение секретаря губернской управы А.П. Преображенского, занимавшего должность 27 лет. Требование Веретенникова об его увольнении опирается на том же циркуляре 16 сентября 1906 года… Такие же требования получены о немедленном увольнении за принадлежность к кадетской партии только что утвержденных перед этим в должностях по земству… доктора Р.Л. Залкинда и страхового агента А.Г. Мягкова» [2, л. 49].

Из Пучежа глава местной кадетской организации И.П. Стайковский в своем письме в ЦК партии народной свободы от 29 мая 1907 года так описывал сложившуюся ситуацию:

«…на некоторое время, вследствие строжайших репрессий со стороны местной, уездной и губернской администрации, я лишен был возможности проявлять партийную деятельность даже конспиративным способом. Публичные собрания ни Исправником, ни Губернатором мне не разрешались при соблюдении всех требований правил о публичных собраниях – Намерение мое открыть торговлю газетами и повременными изданиями получило отпор со стороны тех же сатрапов. Дело дошло до того, что за мною учрежден был так называемый негласный, но для меня слишком очевидный полицейский надзор, а корреспонденция от меня и ко мне, как я узнал случайно, подвергалась осмотру, а может быть и конфискации, местного полицейского пристава. Наконец, Уездный исправник стал грозить мне через различных лиц обыском и арестом, так что я вынужден был всю имеющуюся у меня переписку и партийную литературу хранить вне своего дома. Все это связывало меня в партийной деятельности. Не улучшилась положение и в настоящее время, но сношений со своими единомышленниками я не прекращаю. Прошу и Вас осведомлять меня о всех вопросах, касающихся партийной деятельности. Для успеха дела намереваюсь организовать какой-нибудь союз или общество и с этой целью прошу выслать мне несколько образцов легализированных уставов, какие окажутся у Вас… В распространении партийных газет принимаю и теперь деятельное содействие» [3, л. 4].

В ходе репрессий были закрыты народный клуб и музыкально-драматический кружок в Кинешме, чайная в Плесе.

Кульминацией противостояния местных кадетов с властями стал конфликт, разгоревшийся из-

за принятого костромским дворянским депутатским собранием 27 ноября 1906 года решении включить в ряды костромского дворянства бывших членов первой Государственной Думы дворян, членов кадетской фракции подписавших выборгское воззвание. В их числе были такие видные лидеры конституционно-демократической партии как А.С. Муромцев, Н.А. Гредескул, а также Ф.И. Иваницкий, кн. П.Д. Долгоруков, А.Н. фон-Ратцен, Н.В. Ширков, В.Е. Якушкин, В.В. Ячковский, С.А. Котляровский [14]. Все они были лишены права голоса постановлениями дворянских собраний своих губерний за подписание выборгского воззвания.

Костромской губернский предводитель дворянства и один из лидеров местных кадетов П.В. Шулепников лично предложил 22 октября 1906 года Н.А. Гредескулу, а через него и всем остальным дворянам заявить ходатайство о внесении их в дворянскую родословную книгу Костромской губернии [14]. Есть сведения, что инициатором этого шага был З.Г. Френкель.

Это решение было воспринято местными властями, и в первую очередь губернатором А.П. Веретенниковым, как вызов и демарш против верховной власти. Им было инициировано расследование деятельности губернской земской управы, выявившее ряд нарушений в ее работе. Это послужило основанием для отстранения от службы всего состава губернской земской управы (председатель В.И. Шулепников, один из членов А.В. Перелешин) и отдачи ее членов под суд, за превышение власти. В результате, особым присутствием Московской судебной палаты все они были признаны виновными и уволены со службы. Им было запрещено поступать на службу в течение трех лет [14, с. 43].

Решение костромского депутатского собрания от 27 ноября 1906 года было отменено Сенатом, а губернскому предводителю дворянства П.В. Шулепникову оно стоило его должности.

В декабре 1907 года был оглашен приговор двум другим видным костромским кадетам А.И. Доброхотову и Кузнецову по делу о конфискации у них 14 июня 1906 года распечатанного выборгского воззвания. Доброхотова приговорили к 3 месяцам заключения в крепости, Кузнецов к 2 месяцам.

Главные конкуренты кадетов на правом фланге октябристы, напротив, пользовались покровительством властей.

Сам А.П. Веретенников сотрудничал с костромским отделением «Союза 17 октября». Изменение избирательного закона, произошедшее 3 июня 1907 года, очень помогло октябристам, неизменно терпевшим поражения в ходе двух предшествующих избирательных кампаний. Костромские кадеты на этот раз сумели провести в Думу только одного своего кандидата.

Вот как оценивали положение костромских кадетов после выборов в третью Государственную Думу в руководстве Партии Народной Свободы:

«Корреспонденция полученная в ЦК Народной Свободы рисует ужасное положение города при усиленной охране введенной губернатором Веретенниковым. Около 10 видных общественных деятелей города Костромы устранены от должностей и отданы под суд. Газета конституционных-демократов за 7 месяцев существования должна уплатить более 4 тысяч рублей и объявила о прекращении своего существования. Ряды членов партии поредели от действий администрации. Предвыборная работа должна была ограничиваться тем, что не бросалась в глаза администрации» [2, л. 1].

Но кадетам и в этой ситуации удавалось сохранять позиции среди населения губернии. Свою активность они переносят в различные общественные организации, научные и просветительские общества. Так, Костромское общество образования своим возникновением было обязано лидерам костромских кадетов В.И. Шулепникву и А.В. Перелешину. Другой видный костромской кадет, Н.А. Огородников, часто читал там свои лекции [1, с. 105]. В своих воспоминаниях за 1913 год, офицер охранного отделения пишет, что «К кадетской группе принадлежала полностью губернская земская управа и почти поголовно вся трудовая интеллигенция города Костромы, многие правительственные чиновники» [11, с. 93].

Библиографический список

1. *Баранов А.Н.* Интеллигенция и конституционно-демократическая партия накануне и в период первой российской революции: опыт взаимоотношений. – Кострома, 2000.
2. ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 222.
3. ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 231.
4. Костромич. – 1906. – 18 февр.
5. Костромич. – 1906. – 16 дек.
6. Костромская жизнь. – 1906. – 11 янв.

7. Костромская жизнь. – 1906. – 12 янв.
8. Костромская жизнь. – 1906. – 28 февр.
9. Костромская жизнь. – 1906. – 2 марта.
10. Костромская жизнь. – 1906. – 28 января.
11. *Миловидов В.Л., Голубева И.В.* Кадеты в костромском крае (1906–1916) // История монархических и буржуазных партий России.
12. Поволжский вестник. – 1907. – 7 февр.
13. Поволжский вестник. – 1906. – 20 мая.
14. Поволжский вестник. – 1907. – 27 июня.
14. *Белов А.М., Белова Т.В.* Губернатор в эпоху революций и реформ в России начала XX века // Предприниматели и рабочие в условиях трансформации общества и государства в XX столетии. Ч. 1. – Кострома, 2003.
16. Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 1. – М., 1994.
17. *Шелохаев В.В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. – М., 1983.

УДК 94(47).082; 94 (47). 083

Наградов Илья Сергеевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Nastavnik_Kim@rambler.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУБЕРНСКИХ СЕКРЕТНЫХ СОВЕЩАТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ О РАСКОЛЬНИКАХ: ОТ «МРАЧНОГО СЕМИЛЕТИЯ» ДО ВЕЛИКИХ РЕФОРМ (на материалах Костромского комитета)

Цель работы – определить состав, место в системе государственного управления, основные направления деятельности и особенности функционирования Секретных совещательных комитетов о раскольниках в 1850-х – начале 1860-х гг.

Ключевые слова: *конфессиональная политика, старообрядчество, секретные совещательные комитеты о раскольниках.*

Характеризуя систему управления Российской империи второй четверти XIX в. Н.П. Ерошкин отмечал, что «передвинувшиеся вследствие бюрократической централизации из низших государственных звеньев мелкие вопросы управления вытеснили из ведения высших и центральных учреждений часть общих вопросов разработки законопроектов и оперативного руководства. Для их разрешения пришлось создавать ещё один этаж государственного здания – высшие комитеты» [22, с. 206]. В полной мере это утверждение верно и для сферы религиозной политики. В марте 1825 г. В Санкт-Петербурге был создан Комитет по делам о раскольниках. В его состав вошли санкт-петербургский митрополит Серафим и киевский митрополит Евгений, управляющий министерством внутренних дел В.С. Ланской и министр народного просвещения адмирал Шишков. Через шесть лет был учреждён Московский совещательный комитет по делам раскола. На Санкт-Петербургский комитет возлагалась обязанность координировать деятельность различных ведомств, рассматривать и перенаправлять дела о расколе. Хотя предполагалось, что оба комитета не будут мешать деятельности министерства внутренних дел, но именно оттуда они получали сведения о «расколе», именно с Санкт-Петербургским комитетом должно было советоваться министерство при закрытии моленных, снятии колоколов с часовен. Принимаемые решения по отдельным делам часто становились нормой. Все распоряжения, исходившие от правительства по вопросам «раскола» обсуждались предварительно в Санкт-Петербургском комитете [2, с. 191, 332, 336, 404, 455].

Вскоре обозначился обратный процесс передачи полномочий комитетов на места, но в новой форме губернских секретных совещательных комитетов о раскольниках, объединяющих представителей губернской власти и высшего епархиального духовенства. Учреждение губернских комитетов было предписано императорским указом от 3 ноября 1838 г. [23, с. 175]. Всего за 18 лет был создан 21 комитет, причём последний в Вологде 9 июля 1856 г., то есть в царствовании Александра II. Причинами создания комитетов было большое количество старообрядцев в губернии, волнения среди старообрядцев, и «несогласия» между епархиальными и гражданскими властями. В Костромской губернии секретный комитет был

© Наградов И.С., 2011

создан 22 марта 1846 г. и просуществовал до 1864 г. [2, с. 454].

Распоряжением Министерства внутренних дел от 9 марта 1840 г. было определено передавать через губернаторов «все вообще следствия по расколу на предварительное рассмотрение этих комитетов». Далее следовало те дела, по которым обнаружено явное нарушение законов, передавать из комитетов в судебные органы, а «подходящие под правила терпимости» и доносы, ведущие к обременению делопроизводства, прекращать [2, с. 427, 248].

Комитетам не полагалось собственного делопроизводственного аппарата. Несложное делопроизводство в виде журналов велось одним из губернских чиновников. Сохранились журналы заседаний Костромского комитета за 1854–1864 гг.

Комитет рассматривал следующий спектр дел о «раскольниках»: о крещении, браке, погребении по старым обрядам; о воспитании в «расколе»; об уклонении в «раскол»; о постройке, возобновлении скитов и моленных; о беглых крестьянах и солдатах (в основном, старообрядцах-странниках); о произнесении «дерзких слов» против официальной церкви и её служителях.

Однако в процессе работы комитета им были присвоены некоторые полицейские и судебные функции. Дела, предназначенные для решения судом, разрешались указами должностных лиц. Указ императора 1849 г. запретил подобную деятельность [4, л. 2–3]. Тем не менее, к 1854 г. практика административных решений в Костромском комитете вновь существовала. Например, используя возможности гражданской и духовной власти, комитет мог обязать полицию установить наблюдение за старообрядцами, удалить их из места жительства [8, л. 120, 149–149 об.]. По решению комитета моленные могли быть запечатаны или сломаны [15, л. 285]. Если обнаруживалось воспитание детей в «расколе», то комитет мог передать ребёнка кому-либо из православных родственников или посторонним православным людям по выбору властей [9, л. 207–208].

Более того, обнаруживается стремление к расширению полномочий Комитета. 31 декабря 1852 г. после окончания деятельности специально организованной комиссии МВД по исследованию «раскола» в Костромской губернии, копия записки её членов надворного советника Брянчанинова и коллежского асессора Арнольди была препровождена костромскому губернатору с предложением наметить план мероприятий по «преграждению развития раскола». Среди общих мер по ограничению гражданских прав старообрядцев, мер полицейского характера выделяются два предложения, непосредственно затрагивающие деятельность Комитета. Во-первых, предлагалось рассматривать и сравнивать на заседаниях комитета списки «раскольников», поданные полицией и приходским духовенством, с целью выявить разночтения и срочного командирования чиновника для выяснения причин несоответствия и поиска старообрядцев. Во-вторых, предлагалось «подвергнуть православное и единоверческое духовенство некоторому наблюдению» со стороны гражданского начальства и дать право Комитету обсуждать их неблагонамеренные поступки, связанные с «раскольниками», а так же «по сношению» с Синодом удалять от должности и переводить в другие губернии провинившихся священнослужителей [3, л. 17 об.]. На заседаниях Комитета данный вопрос не обсуждался, и вероятно, предложения не были реализованы.

В соответствии с указом о создании комитетов в Костромской комитет вошли губернатор и вице-губернатор, епархиальный епископ, управляющий Удельной конторой, управляющий Палатой государственных имуществ. Управляющие конторами были введены в состав всех губернских комитетов кроме Московского распоряжением МВД от 28 апреля 1850 г. Силовое ведомство представлял жандармский штаб-офицер [2, с. 615].

В рассматриваемый период с августа 1853 г. по 1857 г. кафедру епископа Костромского и Галичского занимал епископ Филофей (Успенский). В феврале 1857 г. его сменил епископ Платон (Фивейский), служивший в епархии до своей смерти в 1877 г. [24].

Губернией руководил генерал-майор А.Ф. Войцех. В должность костромского губернатора он вступил 20 сентября 1853 г. Был уволен в 1857 г. по результатам расследования хищений и организационных нарушений при отправке костромского ополчения на Крымскую войну [25, с. 64–66]. На должности его сменил генерал-майор И.В. Романус, известный тем, что сумел заставить крайне консервативных костромских помещиков организовать Костромской дворянский комитет по улучшению быта помещичьих крестьян [21, с. 67–68].

Вице-губернаторы были введены в состав всех губернских комитетов распоряжением МВД

от 8 декабря 1850 г. В феврале 1854 г. на заседании комитета было заслушано предписание МВД об обязательном присутствии на заседаниях вице-губернаторов. До этого вице-губернатор в состав Комитета не входил, не смотря на предписание свыше. В это время должность занимал бывший чиновник особых поручений при МВД надворный советник Бранчанинов [26], исследовавший состояние «раскола» в Костромской губернии в 1852 г. Ему и было предписано сообщить «к сведению и надлежащему исполнению» предписание министра. Губернатор видел в назначении лица, «которому должно быть известно положение всех дел [о «расколе» – И.Н.] в губернии» одну из эффективных мер по борьбе со старообрядцами [3, л. 7 об., 13 об.]. Бранчанинов пробыл в составе Комитета и в должности вице-губернатора до 1855 или 1856 г. В 1856 г. На заседаниях комитета появляется другой вице-губернатор по фамилии [Винциадский] [15, л. 227].

Осенью 1857 г. в состав Костромского секретного совещательного комитета был введён управляющий Костромской удельной конторой статский советник Павел Егорович Ганенфельд [6; 20]. Через два месяца предыдущий управляющий Лутковский и ряд чиновников были переведены в уездную Старую Руссу Новгородской губернии [5]. Сам Павел Егорович пробыл на посту до мая 1861 г. [7]. П.Е. Ганенфельд придерживался явно либеральных взглядов. Уже 2 ноября 1857 г. на заседании Комитета он выступил с особым мнением по делу «об уклонении в раскол» крестьянской семьи: «из настоящего журнала не вижу, чтобы Егоров и его жена уклонилась от православия». Подобное событие было необычным в работе комитета. Разногласий между его членами ранее никогда не возникало. Кроме того, Павел Егорович заявил: «по безуспешности вообще принимаемых ныне против раскола мер, не искореняющих, а дающих только повод к бесконечным мытарствам под формою закона, испросить разрешения Г. Министра Внутренних Дел на составление новых правил к преграждению дальнейшего развития раскола, по указаниям опыта и согласно истинному положению дела». Ганенфельд называл причиной составления новых правил неэффективность государственной политики по ограничению старообрядчества. Это полностью совпадает с мнением Александра II, высказанным им Комитету о раскольниках. Костромской чиновник пытался найти поддержку в консервативных кругах руководства губернии. Эта попытка не увенчалась успехом. Во-первых, дело о крестьянине Егорове было передано в суд. Во-вторых, Ганенфельду было предложено («если ему будет угодно»), составить изменения к законодательству о «расколе» и предоставить на рассмотрение в комитет. После того, как комитет рассмотрит эти предложения и, если «сочтёт их нужными и полезными» отправит в МВД [15, л. 255–256, 259]. Неизвестно, были ли представлены Ганенфельдом подобные предложения.

В 1860 г. он вновь столкнулся с высшим руководством губернии по вопросу о наказании старообрядцев. Чиновник выступил против передачи в суд дела старообрядческой семьи, обвиняемой в воспитании своих детей по правилам старой веры. Защищая свою позицию, Павел Егорович заявлял: «подобные инквизиционные меры в делах религии, в настоящее время едва ли соответствуют либеральным видам нашего просвещенного правительства». В данном случае члены комитета постановили передать мнение Ганенфельда в МВД, но решение о передаче дела о старообрядцах в суд подтвердили [18, л. 229–230].

Возможно, Павел Егорович Ганенфельд являлся одним из сторонников либеральных бюрократов, действовавших в Секретном комитете в Петербурге под руководством великого князя Константина Николаевича [1]. Возможно, что П.Е. Ганенфельд прибыл в Кострому накануне реформ с целью подготовки некоего проекта по преобразованию религиозной политики государства, хотя прямого документального подтверждения этому мы не находим. Инициатива «снизу» могла бы быть использована великим князем и его сторонниками как аргумент в споре с консерваторами. В перспективе необходимо изучить так же деятельность Секретных совещательных комитетов в других губерниях, чтобы определить велась ли там подготовка проектов изменения государственной политики по отношению к староверам. В настоящее время предпочтительнее считать, что П.Е. Ганенфельд предложил составить изменения к законодательству по собственному желанию. Сильные консервативные настроения местных светских и религиозных чиновников помешали осуществлению его планов.

Определённо можно говорить о том, что соотношение дел, переданных из комитета в суд и оставленных без дальнейшего движения (см. табл. 1), ясно показывает, насколько медленно

Таблица 1

Количество уголовных дел в отношении старообрядцев, рассмотренных Костромским Секретным Совещательным Комитетом о раскольниках в 1854–1864 гг. [8–19]

Годы / Итог дела	1854	1855	1856	1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864
Отослано в суд	31	35	31	17	25	14	23	10	3	0	3
Принято административное решение	3	3	2	6	4	4	10	2	0	1	0
Оставлено при Комитете	1	1	0	4	4	9	8	11	5	7	1
Итого:	35	39	33	27	33	27	41	23	8	8	4

происходило изменение реализации государственной конфессиональной политики на местах. Количество уголовных дел о старообрядцах отправленных Костромскими секретным комитетом в суд ощутимо начинает уменьшаться только с 1861 г. С 1861 г. происходит сокращение общего количества уголовных дел о «раскольниках», рассматриваемых Комитетом. Вместе с тем, нарастает количество дел решённых в административном порядке. Чаще всего Комитет предавал право на окончательное решение дела другим инстанциям: губернатору, МВД, начальнику гарнизона, либо сам принимал административное решение (высылка старообрядцев, установление надзора и т.д.). Иногда дело отправлялось на доследование. Количество дел, оставленных при Комитете и не доведённых до суда заметно увеличивается с 1859 г.

Губернские секретные совещательные комитеты о раскольниках были созданы как совещательные органы, призванные упорядочить разросшееся делопроизводство о «расколе». Поскольку в состав комитетов входили высшие чиновники и духовенство губернии, комитеты фактически стали проводниками вероисповедной политики в регионах. Деятельность Костромского комитета показывает, что реальное изменение политики в отношении старообрядцев на местах произошло только на рубеже 1850-х – 1860-х гг. Консервативные идеи среди членов комитета оказались очень сильны. Либеральный чиновник П.Е. Ганенфельд не нашёл поддержки у остальных членов комитета. Однако, чувствуя общую тенденцию к либерализации центральной политики, Костромской комитет о раскольниках прекращал движение все большего числа уголовных дел. Вместе с тем, комитет постепенно свёртывал свою работу после 1861 г., а в 1864 г. и вовсе прекратил её.

Библиографический список

1. *Алексеева С.И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственный учреждений пореформенной России 1856–1904. – СПб., 2003.
2. *Варадинов Н.* История министерства внутренних дел. Восьмая дополнительная книга. История распоряжений по расколу. – СПб., 1863.
3. Государственный архив Костромской области. Ф. 133. Оп. 2. Д. 11037. (Далее – ГАКО)
4. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 11025.
5. ГАКО. Ф. 494. Оп. 1. Д. 496.
6. ГАКО. Ф. 494. Оп. 1. Д. 500.
7. ГАКО. Ф. 494. Оп. 1. Д. 532.
8. ГАКО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2 (ч. 1).
9. ГАКО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2 (ч. 2).
10. ГАКО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2 (ч. 3).
11. ГАКО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2 (ч. 4).
12. ГАКО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2 (ч. 5).
13. ГАКО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2 (ч. 6).
14. ГАКО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2 (ч. 7).
15. ГАКО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2 (ч.8).
16. ГАКО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2 (ч. 10).
17. ГАКО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 4.
18. ГАКО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 5.
19. ГАКО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 6.
20. Генеалогическая база знаний: персоны, фамилии, хроника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://baza.vgd.ru/post/1/16770/p218096.htm#pp218096. (дата обращения: 19.05.2011).
21. *Голубева И.В.* Иван Васильевич Романус // Служение отечеству: Руководители Костромской

губернии и области. 1778–2008 гг. – Кострома, 2009. – С. 67–68.

22. *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты // Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. – М.: РГГУ, 2006.

23. *Кельсиев В.* Сборник правительственных сведений о раскольниках. – Лондон., 1861. – Вып. 2.

24. Костромские архиереи XVIII–XIX веков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kostroma-eparhiy.narod.ru/history/history_1-2.htm. (дата обращения: 19.05.2011).

25. *Новиков А.В.* Андрей Фёдорович Войцех // Служение отечеству: Руководители Костромской губернии и области. 1778–2008 гг. – Кострома, 2009. – С. 64–66.

26. *Соколова Л.Д.* Родословие семьи Брянчаниновых // Городок на Московской дороге: Ист.-краеведч. альманах. – Вологда, 1994 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.booksite.ru/usadba_new/brenko/3_05.htm. (дата обращения: 19.05.2011).

УДК 947

Петровичева Е.М.
доктор исторических наук
Владимирский государственный гуманитарный университет

ЗЕМСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРИОД ДУМСКОЙ МОНАРХИИ (на материалах Костромской губернии)

В статье выясняется вклад земской либеральной общественности в формирование элементов гражданского общества и демократической культуры России в начале XX века. Особое внимание уделено инициативам Костромского земства, выдвинутым накануне Первой мировой войны, когда земские учреждения готовились встретить 50-летний юбилей своего существования. Затронуты причины срыва диалога между либеральной земской общественностью и властью.

Ключевые слова: *земское самоуправление, гражданские инициативы, демократическая культура, диалог земской общественности и власти.*

В последние годы значительное внимание в отечественной и зарубежной историографии уделяется изучению зарождения демократической культуры, складыванию элементов гражданского общества России в начале XX века, когда страна переживала не только бурные экономические, но и значительные общественно-политические перемены [1]. Научная проблема, решению которой посвящена представленная работа, состоит в выяснении роли органов земского самоуправления в становлении и развитии демократической культуры Российской провинции в этот период.

В конце XIX – начале XX вв. земские гласные использовали самые разнообразные формы для выражения своих гражданских инициатив: подачу адресов и ходатайств, проведение съездов и собраний земских деятелей и представителей интеллигенции, выступления в печати и даже участие в нелегальных земских организациях.

Либерально-настроенные земские гласные выдвигали целый ряд гражданских инициатив, направленных на расширение прав земских учреждений и демократизацию политической жизни страны. Они выступали за уравнение в избирательных правах всех групп населения на земских выборах, за создание волостного земства, распространение земского самоуправления на всю Россию, освобождение земских учреждений от правительственной регламентации, введение всеобщего начального обучения, передачу земствам права заведования не только хозяйственными, но и учебно-воспитательными вопросами в сфере образования, за свободу печати, расширение компетенции суда присяжных, принятия ряда мер, касающихся агарного вопроса (земцы оказывали поддержку общинного землевладения как средства против обезземеливания крестьян, но высказывались за отмену круговой поруки в общинах, замену подушной подати прогрессивным налогообложением, развитие поземельного кредита, организацию широкого переселения крестьян из внутренних губерний на «окраины» страны).

© Петровичева Е.М., 2011

Гражданские инициативы не оставались не замеченными властью. Часть из этих предложений нашла отражение в принятых в начале века указах и законах (это касалось, прежде всего, аграрной сферы и образования); другие проекты находились на рассмотрении в законодательных учреждениях.

Гражданская активность земских деятелей усилилась в 1912–1914 гг. – в период подготовки к 50-летнему юбилею учреждения земского самоуправления в России, когда в адрес правительства был подан целый ряд различных предложений. Так, Харьковской губернский губернатор представил «записку» члена уездной управы Ф.И. Полежаева о недостаточности представительства в земских собраниях гласных от крестьян [2]. В Псковской губернии Великолуцкая уездная управа приняла резолюцию об увеличении в губернских земских учреждениях представителей от уездов [3].

Обстоятельное ходатайство по поводу совершенствования земского законодательства подало Уфимскому губернатору Златоустовское уездное земское собрание. В нем говорилось о необходимости скорейшего учреждения волостного земства, о расширении избирательных прав «на всех земских плательщиков», об установлении административного надзора «лишь за законностью, а не за целесообразностью действий» земских учреждений, о предельности земского налогообложения, о расширении компетенции земства в целях удовлетворения не только хозяйственных, но и культурно-просветительских и других нужд населения [4].

По предложению гласного А.А. Преображенского Костромское губернское земство в 1913 г. рассматривало вопрос о возбуждении перед правительством ходатайства по поводу изменения Положения о земских учреждениях. С этой целью при Костромской губернской земской управе была создана специальная комиссия, результаты работы которой были отражены в специальном докладе управы земскому собранию.

В докладе управы справедливо отмечалось, что необходимость реформы Земского положения давно назрела: быстро прогрессировавший рост земской деятельности по всем ее направлениям более не укладывался в тесные рамки старого законодательства. Это стало очевидным не только для земской России, но и для правительства и местных органов власти. Так, костромская администрация обращалась к губернской управе с просьбами об издании обязательных постановлений, касающихся сплавки леса, что не предусматривалось законом. Само Министерство внутренних дел уведомило Государственную Думу о готовности принять на себя разработку законопроекта о земских союзах для координации деятельности местного самоуправления.

В то же время оставался целый ряд важных вопросов, требовавших скорейшего решения в условиях «неудержимого роста земской работы». Костромская управа отмечала среди них необходимость привлечения к этой разнообразной работе более широких слоев населения, которые не могли по действовавшему законодательству быть избраны гласными земств.

Доклад управы, посвященный реформе земского самоуправления, обсуждался на Костромском губернском земском собрании 3 февраля 1914 года. Собрание постановило возбудить ходатайство перед правительством о скорейшей выработке законопроекта об изменении Земского положения на следующих основаниях.

Во-первых, административный надзор должен ограничиваться только лишь наблюдением за законностью действий органов земского самоуправления, «причем разрешение вопросов этого рода должно принадлежать лишь власти Правительствующего Сената».

Во-вторых, в основе изменения земского избирательного закона должны были лежать основы всесословности, понижения имущественного ценза, увеличения числа гласных и «более равномерного представительства от разного рода имуществ».

В-третьих, новое законодательство, по мнению костромских земцев, должно было предусматривать расширение компетенции земских учреждений, «действительно обнимающей всю сферу местных польз и нужд в широком смысле этого слова». В этом вопросе костромские земцы поддержали мнение Уфимской губернской управы, что если при создании проекта нового положения «не будет выслушано мнение органов земского самоуправления, призванных ведать дела о местных пользах и нуждах, то предполагаемая реформа может оказаться весьма далекой от требований жизни и повлечь за собой условия, при которых земские учреждения будут лишены возможности продуктивно работать в интересах местного населения».

Гласные выразили готовность присоединиться к ходатайству Уфимского губернского земства о передаче разработанного Министерством внутренних дел проекта реформы Положения о земских учреждениях на предварительное рассмотрение губернских земских собраний, «ибо предварительное освещение на местах вопросов земской реформы может послужить залогом жизнедеятельности самой реформы».

Представив постановление земского собрания губернатору, губернская управа просила его ходатайствовать о скорейшей выработке законопроекта об изменении Земского положения «в смысле расширения как прав земства так и земского избирательного закона на основе всесословности», а также о передаче законопроекта на обсуждение земских собраний, поскольку, по мнению управы, «предварительное освещение на местах вопросов земской реформы может послужить залогом жизненности самой реформы» [5].

Известно, что 7 августа 1913 г. начальник Главного управления по делам местного хозяйства при МВД Н.Н.Анциферов сделал доклад министру внутренних дел П.А. Маклакову о разработке проекта реформы земства [6]. Первоначальный проект был уже закончен и в окончательном виде утвержден Советом министров. Но, поскольку этот проект был органически связан с предполагающейся реформой управления волостью, законопроект о которой «застрял» в Государственном Совете, то Министерство внутренних дел решило разработать новый законопроект, который мог бы пройти независимо от реформы волости.

МВД склонялось к устранению принципа сословности, лежавшего в основании Земского положения 1890 г., но вопрос о бессословном характере нового земства все еще нельзя было считать окончательно решенным. Тем не менее, предполагалось, что «съездовая система» земских выборов должна быть отменена.

Министерство также полагало, что требуемый Земским положением выборный ценз являлся слишком высоким, устраняя благодаря этому от выборов большие массы населения, которые необходимо было привлечь к участию в земской работе. Предполагалось провести понижение избирательного ценза.

Это еще раз подтверждает вывод, что многие гражданские инициативы земств находили поддержку правительства и постепенно претворялись в жизнь. Однако, к сожалению, правительству не удалось наладить полноценный конструктивный договор с либеральной общественностью, во многом, благодаря завышенным претензиям и неправомерным требованиям со стороны последней. Диалог был окончательно прерван в годы первой мировой войны, когда либеральная фронда выдвинула практически неприкрытые претензии на обладание всей полнотой власти в стране. Удовлетворение подобных амбиций, могло бы привести к ослаблению государственности. Компромисс между властью и общественностью был жизненно необходим, но противостояние между ними продолжалось и в конце концов привело к гибели российского государства.

Библиографический список

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1288. Год 1913. Оп. 3. Д. 11. Ч. 2. Л. 156.

2. РГИА. Ф. 1288. Год 1913. Оп. 3. Д. 11. Ч. 2. Л. 173.

3. РГИА. Ф. 1288. Год 1913. Оп. 3. Д. 11. Ч. 2. Л. 152–154, об.

4. РГИА. Ф. 1288. Год 1913. Оп. 3. Д. 11. Ч. 2. Л. 180–181.

5. РГИА. Ф. 1288. Год 1913. Оп. 3. Д. 11. Ч. 2. Л. 164.

6. *Селунская Н., Тоштендаль Р.* Зарождение демократической культуры. Россия в начале XX века. – М., 2005;

7. Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.). – М., 2007.

УДК 947.081.2

Тюкачёв Николай Алексеевич
кандидат исторических наук
Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского
olga.tyukacheva@mail.ru

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА

В статье рассматривается либеральная концепция народнического движения. Дан анализ работ Б.Н. Чичерина, А.А. Корнилова, Б.Б. Глинского, В.Я. Богучарского. Показаны как общие черты, так и некоторые различия в оценках народничества либеральными историками.

Ключевые слова: *народничество, терроризм, историография, либеральная концепция.*

Либеральная историография революционного народничества существовала и развивалась в дореволюционной России наряду с консервативно-охранительной, народнической и марксистской. Изучение с современных позиций сочинений таких крупных представителей либерального направления, как Б.Н. Чичерин, А.А. Корнилов, В.Я. Богучарский, Б.Б. Глинский, позволяет утверждать, что это направление было весьма плодотворным.

Одной из ярких фигур дореволюционной общественной мысли либерального направления был Б.Н. Чичерин. По его словам, источником и центром социалистической пропаганды была «петербургская журналистика», которая «отравила» российское юношество и препятствовала движению России по «правильному пути». Необходимым для русского общества было усвоение «гражданских начал», а также «бережное отношения к свободе и праву» [7, с. 19].

Правительственные органы Чичерин обвинял в том, что они не сумели найти эффективные средства борьбы с революционерами. Народовольцев Чичерин именовал «сплоченной шайкой», которая «поставила своей задачей терроризовать русское правительство». Убийство царя «безумными нигилистами» положило конец «всяким либеральным начинаниям». Убийство царя – реформатора Чичерин считал трагедией для России, а террористов – народовольцев «отребьем русского общества» [7, с. 27–28].

Либеральная концепция народнического движения отражена в трудах известного историка А.А. Корнилова. Корнилов считал, что Герцен в конце 1850-х – начале 1860-х гг. был либералом, а вовсе не революционером. «Колокол» с первого дня своего издания «до приезда в Лондон Михаила Бакунина в 1862 г. был органом либерального движения в России» [4, с. 94]. А «радикально-социалистическое» общественное направление «выражалось главным образом в «Современнике». Представители этого направления – это «защитники народных интересов», они «резко выдвигают экономические потребности народа и стараются добиться не только освобождения крестьян от крепостного права, но и обеспечить их от экономической эксплуатации высших классов» [4, с. 105–106].

Наиболее крупным по объему и обстоятельным по манере изложения фактического материала является двухтомный труд Б.Б. Глинского [3]. На наш взгляд, до сих пор ни одно из сочинений отечественных историков не может сравниться по этим показателям с работой Глинского. Общий объем двух томов составляет 1082 страницы текста, с приложением 97 портретов революционеров и государственных чиновников. Хронологически книга охватывает более чем двадцатилетний период: от подготовки крестьянской реформы 1861 г. до суда над «первомартовцами» и их казни. Характерной особенностью сочинения Б.Б. Глинского является подробнейшее изложение событий и в правительственном лагере, и в обществе, и в революционной среде. Глинский широко цитировал материалы следствия и суда, адреса земских губернских комитетов, документы революционных народнических организаций, воспоминания и письма революционеров. Значительная часть этих документов приведена в книге Глинского полностью, без купюр. Манера изложения материала повествовательная, выдержанная в объективистском ключе.

Сравним интерпретацию разными историками ключевых явлений народнического движения. А.А. Корнилов считал С. Нечаева «политическим авантюристом с приемами шарлатана и инстинктами настоящего злодея». Нечаев и его принципы «оказали плохую услугу делу русских рево-

 © Тюкачёв Н.А., 2011

люционеров», потому что «многие склонны были принять Нечаева за нормальное выражение революционных идей». Против нечаевщины «поднялось резкое движение в среде самой революционной и народнической молодежи» [4, с. 200].

В.Я. Богучарский положил начало очень распространенной точке зрения на «нечаевщину». Он полагал, что «нечаевщина» была в русском революционном движении «лишь эпизодом, совершенно исключительным, ни имевшем… никаких корней в движении прошлом», что революционная молодежь безусловно отрицала «нечаевщину». Развить свои природные свойства «безумный фанатик» Нечаев мог только «в определенной общественно-политической среде». Этой средой был «абсолютный, безграничный произвол» властей» [1, с. 148].

Б.Б. Глинский по-другому оценивал роль Нечаева, которого считал «первым практиком народничества». По мнению Глинского, в лице Нечаева «русская революция приобрела крупную фигуру, которая своей деятельностью предопределила многие ее этапы, наметила пути ее развития и вписала в ее историю пролог». Глинский отметил, что тактика Нечаева «нашла себе широкое применение в террористических актах» народовольцев. Именно Нечаев «первый поставил вопрос о терроре ребром и дал ему реальное обоснование» [3, ч. 1, с. 414].

Большое внимание историки либерального направления уделяли сущности, причинам и результатам массового «хождения в народ» 1874 г. Богучарский считал это движение сугубо стихийным, вызванным стремлением молодежи к личному нравственному очищению. И этим оно было схоже с религиозным движением. Идя в народ, пропагандисты ничего не хотели для себя. Для социалиста семидесятых годов «социализм был его верой, народ – его божеством» [1, с. 180]. Корнилов отметил различные цели участников «хождения»: одни «мечтали делать свою пропаганду при помощи бунтов», другие «просто проводить пропаганду социальных идей, которые, по их мнению, вполне соответствовали коренным взглядам и запросам самого народа». Несмотря на разницу первоначальных устремлений, большая часть двинувшихся в народ молодых людей довольствовалась мирной пропагандой, что обуславливалось «неподготовленностью народа к восприятию их идей». Отметил Корнилов и отсутствие у народнических пропагандистов «каких бы то ни было предохранительных мер против обнаружения их движения полицией». Поэтому многие пропагандисты «уже в мае месяце сидели по тюрьмам» [5, с. 187].

Размышляя о причинах неудачного «хождения в народ», Богучарский сделал общий вывод о том, что «все народническое движение семидесятых годов было обречено на гибель вследствие полного несоответствия идей народников с понятиями народа, полной невосприимчивости крестьянства к этим идеям». Но сами народники «субъективно были и после похода 1874 года бесконечно далеки от признания этой истины». По обоснованному мнению Богучарского, «жестокие преследования» пропагандистов властями вызвали решимость революционеров давать «отпор самим властям» [1, с. 203].

Анализируя итоги «хождения в народ», Глинский отметил определенное его положительное значение: сплочение революционных сил, практическое знакомство народников с повседневными нуждами крестьян. Но «методы борьбы с правительством» были непригодны. Фактов выдачи пропагандистов «самими мужиками» на самом деле не было, хотя об этом в свое время «любили говорить некоторые органы печати». Вовсе не это сгубило пропагандистов, а «их собственное легкомыслие, детская доверчивость, отсутствие необходимой конспиративности и осторожности и, наконец, что главное, фантастичность самой задачи хождения в народ и пропаганды здесь» [3, ч. 2, с. 62].

По мнению Корнилова, эволюция в сторону признания политической борьбы началась в землевольческой среде «после процесса 193-х и выстрела Веры Засулич». Перечислив в хронологическом порядке факты террористической деятельности «Земли и воли», Корнилов сделал вывод о неизбежности пересмотра народниками старых теоретических представлений. «Сделав террористическую борьбу с правительством главным и почти единственным делом, партия «Земли и воли» уже не могла удержаться на почве своих основных народнических доктрин; очевидно, изменение ее программы сделалось неизбежным», – утверждал он [4, с. 231–234].

Корнилов верно трактовал причину раскола «Земли и воли»: непримиримые противоречия между группой «деревенщиков» и сторонниками «революционной борьбы с правительством». По мнению Корнилова, деятельность «Народной воли» практически сводилась к террору, который и «исчерпал их силы». Народовольцы нанесли

1-го марта «смертельный удар императору Александру II, но отнюдь не самодержавной власти». Корнилов утверждал, что не революционеры, а правительство несет ответственность за «несчастный исход освободительного движения царствования Александра II». Зачинщиком «в двойном терроре» было именно правительство, которое своими террористическими способами борьбы с оппозицией способствовало «всего более быстрому превращению общественного движения в революционное» [4, с. 234, 258].

Одним из заметных явлений в либеральной историографии была книга В.Я. Богучарского о «Народной воле» [2]. Богучарский полагал, что все силы «Народной воли» были сосредоточены в ее Исполнительном Комитете. Основная деятельность ИК заключалась в организации террора. Выражая свое «вполне отрицательное отношение» к терроризму народовольцев, Богучарский тем не менее возлагал на правительство ответственность за «столь болезненное явление». Богучарский подробно описал все покушения на царя [2, с. 49–124]. Очень невысоко оценивал автор деятельность народовольцев среди рабочих и учащейся молодежи. Хотя деятельность «в войсках» была более успешной, но под влиянием народовольцев «были исключительно офицеры», и это не представляло опасности для правительства.

Основной идеей Богучарского было противопоставление революционных народников и либералов. Либералы понимали, что без политической свободы «невозможно вести речь о социализме», и в этом отношении они стояли «несравненно выше» революционеров. Но в практической деятельности либералы отличались «полной немощью». Революционеры-народники, в противоположность либералам, отличались огромной «действенностью, часто необыкновенной твердостью характеров и способностью к самоотверженной борьбе за свои идеи», но эти идеи были утопичны. Основную заслугу народовольцев автор видел в том, что они перешли к политической борьбе. Главной целью «Народной воли» Богучарский считал установления конституции в России, т.е. задачу либералов [2, с. 471].

Глинский отмечал, что в обществе многие поддерживали идеям народовольцев, но «на сторону террора большинство идейно сочувствующих не становилось», а цареубийство почти всеми было встречено «враждебно». Террористическая борьба поглощала «целиком все силы» народовольцев, «не оставляя места ни для чего другого». По мнению Глинского, «Народная воля» ставила лишь задачу разрушения существующего строя, а работу над созданием будущего строя представляла «иным категориям русской общественности, силам либерализма» [3, ч. 2, с. 371].

Таким образом, либеральные историки внесли существенный вклад в изучение истории народнического движения. Авторы либерального направления не были едины в оценке народничества. Б.Н. Чичерин был представителем правого течения, а В.Я. Богучарский – левого. А.А. Корнилов и Б.Б. Глинский представляли центристское течение. Работы Корнилова и Богучарского использовались в трудах советских историков, начиная с 1960-х гг., однако отношение к либеральным авторам было осторожным и критическим. В статье «Народничество», в 9 томе Советской исторической энциклопедии, Б.С. Итенберг уделил «буржуазно-либеральным историкам» всего несколько строк. Признав, что в их работах «собран большой материал по истории народничества», Итенберг далее отметил, что в них «нет его (народничества) социальной основы, идеалистически трактуется идеология народничества» [6, с. 932]. Понятно, что в 1966 г. невозможно было написать по-другому.

На наш взгляд, в настоящее время следует обратить внимание на те трактовки народничества, которые были предложены дореволюционными либеральными авторами, а затем активно использованы и развиты советскими историками-марксистами. Выделим такие тезисы дореволюционных либералов, которые не противоречат современным представлениям: 1) Радикально-социалистическое общественное направление сложилось с началом реформ Александра II вокруг журнала «Современник» (Корнилов, Чичерин); 2) Александр II сыграл решающую роль в подготовке и начале крестьянской реформы, но сразу после манифеста 19 февраля началась реакция (Корнилов); 3) «Земля и воля» 1860-х гг. «мало себя проявила», подробности ее деятельности нельзя восстановить достоверно. Чернышевский, скорее всего, участвовал в этой организации. Достаточных доказательств вины Чернышевского суд не имел, поэтому прибег к фальсификации. На самом деле осудили Чернышевского за его политические взгляды (Глинский); 4) Различны оценки С. Нечаева и «нечаевщины». Корнилов считал Нечаева «политическим авантюристом с инстин-

ктами настоящего злодея», а «нечаевщину» единичным явлением, которое нанесло огромный вред революционному движению. Многие стремились выдать Нечаева за типичного революционера. Против «нечаевщины» выступила народническая молодежь. В России были условия для возникновения «нечаевщины». Богучарский утверждал, что «нечаевщина» была лишь «совершенно исключительным эпизодом» в русском революционном движении. Последующие поколения революционной молодежи относились к «нечаевщине» отрицательно. Глинский считал Нечаева крупной фигурой в практическом революционном движении; 5) «Хождение в народ» Богучарский считал стихийным, вызванным стремлением молодежи «к нравственному очищению», сравнивал «хождение» с религиозными движениями прошлого. Корнилов указывал на разные цели участников «хождения»: одни хотели вести пропаганду социалистических идей, а другие – готовить крестьянское восстание. Но на практике все занимались только мирной пропагандой. Глинский отмечал положительные результаты «хождения» – сплочение революционных сил, знакомство молодежи с нуждами народа. Причиной разгрома он считал плохую подготовку молодежи к «хождению», отсутствие конспиративности и осторожности. Корнилов считал, что в результате «хождения в народ» народники убедились в неподготовленности крестьянских масс к социалистическим идеям. Бугучарский, анализируя итоги «хождения», сделал более общий вывод о том, что «все народническое движение 70-х гг. было обречено на гибель» вследствие полного несоответствия идей народников с понятиями народа; 6) Корнилов считал, что «Народная воля» занималась только террором, который и исчерпал ее силы. Богучарский утверждал, что вся сила «Народной воли» была сосредоточена в Исполнительном Комитете, члены которого и осуществили многочисленные террористические акты. Глинский и Корнилов отмечали растерянность правительства, которое не могло обеспечить защиту Императора от покушений террористов. Глинский очень высоко оценивал способности «Народной воли» к террористической борьбе. Корнилов отмечал убежденность народовольцев в том, что удачное покушение «вызовет народную революцию». Но 1 марта был нанесен «смертельный удар Александру II, но отнюдь не самодержавию»; 7) Богучарский сопоставлял либеральное и революционное движение. По его мнению, у либералов имеется правильная программа, но «полное бессилие» ее выполнить. У революционеров есть сила и решительность, но совершенно недопустимый метод – террор. Основной целью «Народной воли» Богучарский считал завоевание конституции. Революционеры, по его словам, сознательно взяли на себя задачу либералов, так как сами либералы не имели сил и решимости ее выполнить. По мнению Глинского, «Народная воля» ставила своей задачей только разрушение современного государства, а «созидание будущего» она оставляла либералам.

Следует отметить, что либералы во многом сходились с народниками в оценках самодержавного режима пореформенной России. Они подвергали этот режим обоснованной критике как основное препятствие на пути прогрессивного развития страны. Но, в отличие от народников, будущее России они видели не в социалистической, а в демократической, то есть буржуазной республике. Либералы категорически отрицали революционные методы борьбы с царизмом, решительно критиковали народовольческий террор. В целом, либеральные авторы сумели дать более адекватное изображение деятельности революционного народничества, чем их оппоненты – народники.

Библиографический список

1. *Богучарский В.Я.* Активное народничество семидесятых годов. – М., 1912.

2. *Богучарский В.Я.* Из истории политической борьбы 70-х и 80-х годов XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. – М., 1912.

3. *Глинский Б.Б.* Революционный период русской истории. (1861–1881 гг.) Исторические очерки. Часть первая. Часть вторая. – СПб., 1913.

4. *Корнилов А.А.* Общественное движение при Александре II (1855–1881). – М., 1909.

5. *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. Ч. 3. – М., 1918.

6. Советская историческая энциклопедия. Т. 9. – М., 1966.

7. *Чичерин Б.Н.* Россия накануне двадцатого столетия. – Берлин, 1901.

УДК 281.93(471.311)

Чибисов Андрей Владимирович (игумен Мануил)
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
andrvlad1@yandex.ru

УСЛОВИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ ДРЕВЛЕПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СССР (1950–1988 годы)

Показаны изменения в политике советского государства по отношению к древлеправославной церкви. Выявлены «застойные тенденции» ее развития.

Ключевые слова: *древлеправославная церковь, приемлющая белокриницкую иерархию, Московская архиепископия, миротворческая деятельность, учреждение митрополии.*

С началом «холодной войны» Русская древлеправославная (старообрядческая) церковь Христова, старообрядцев приемлющих белокриницкую иерархию (ДЦХ б.и.) активно включилась в борьбу за мир, что явилось логическим продолжением той активной патриотической деятельности, которую она вела в годы Великой Отечественной войны. Первым из ее первоиерархов, начавшего миротворческую деятельность, был архиепископ Московский и всея Руси Иринарх (Парфенов), участвовавший в октябре 1950 г. во «Всесоюзной конференции сторонников мира» [1].

В мае 1952 г. в «Конференции церквей и религиозных объединений в СССР за защиту мира» принял участие новый глава церкви – архиепископ Флавиан (Слесарев). Несмотря на то, что старообрядческая церковь вместе с другими конфессиями активно участвовала в борьбе за мир, на местах отношение к старообрядцам со стороны новообрядческого духовенства оставалось враждебным. В архиепископию с приходов поступали сообщения, в которых содержалась большая масса негатива в адрес старообрядческого духовенства. Это свидетельствовало о сохранении и даже попытках обострения застарелого конфликта по вопросу каноничности белокриницкой иерархии [2].

С 15 по 17 мая 1955 г. в Москве проходило совещание Совета при архиепископии, на котором обсуждались вопросы: о «Всесоюзной конференции сторонников мира»; об издании церковного календаря на 1956 г.; о создании старообрядческой митрополии Московской и всея Руси. Совет постановил через епископов и благочинных довести до сведения все старообрядческие общины о проходившей с 10 по 13 мая 1955 г. в Москве «Всесоюзной конференции сторонников мира», и выявить их мнение об участии их предстоятеля в миротворческой деятельности. Архиепископу было поручено подготовить текст приветственного послания к предстоящей «Всемирной Ассамблее сторонников мира» в г. Хельсинки (Финляндия). Кроме этого, было одобрено дальнейшее издание церковного календаря, и отмечено: «считать своевременным и необходимым учреждение Московской митрополии» [3].

В мае 1955 г. архиепископия известила Браильскую (Белокриницкую) митрополию в Румынии о том, что она, основываясь на канонических правилах, решила возвести для старообрядческой церкви в СССР митрополита. Основанием для учреждения митрополии архиепископия видела в том, что первенствующая Белокриницкая кафедра и ее территория были присоединены к СССР [4].

О таком решении стало известно РПЦ (МП). Ее глава – патриарх Московский и всея Руси Алексий I (Симанский) обратился к старообрядческому митрополиту Браильскому и Тульчинскому Тихону (Качалкину) с просьбой воздержаться от поездки в СССР и от возведения архиепископа Флавиана в сан митрополита [5]. После такого обращения между архиепископией и митрополией наблюдалось обострение во взаимоотношениях, проявившееся в вмешательстве митрополита во внутрицерковные дела старообрядческой церкви в СССР. В июле 1955 г. архиепископия обратилась в Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР (СРК), сообщая ему о действиях Тихона, на что им была дана рекомендация письменно обосновать автокефалию. При переписке с митрополитом архиепископия обращала его внимание на соборные постановления и определения от 23 августа 1861 г. и от 2 июля 1863 г., которые провозглашали полную самостоятельность и независимость от Белокриницкой митрополии ДЦХ б.и. в СССР [6].

© Чибисов А.В., 2011

Однако не все приходы старообрядческой церкви однозначно и радостно восприняли решение о преобразовании Московской архиепископии в митрополию. От некоторых в знак протеста были направлены заявления к председателю СРК А.А. Пузанову, с просьбой не разрешать возведение Московского архиепископа в сан митрополита [7]. Первоначально Совет все же дал такое разрешение, и архиепископия назначила день возведения архиепископа Флавиана в достоинство митрополита, но накануне этого мероприятия было получено приказание воздержаться от учреждения Московской митрополии [8].

В 1950-х гг. архиепископия пыталась урегулировать и наладить отношения с зарубежными старообрядческими приходами, которые до Октябрьской революции были у нее в подчинении, а в частности с приходами находящимися в Китае (Манчжурии) и Канаде. В дальнейшем некоторые старообрядцы вернулись в СССР, но большинство с началом создания коллективных хозяйств в Китае эмигрировали в Австралию, США и Канаду [9]. По вопросу о взаимоотношении с канадскими старообрядцами 11 ноября 1955 г. состоялось заседание Совета при архиепископии, которое решило: «ввиду того, что по точным сведениям СРК в Канаде насчитывается 1 приход, то …нецелесообразно посылать представителя архиепископии в командировку в Канаду» [10].

Годы служения архиепископ Флавиана совпали с новой компанией преследований верующих, которую возглавил первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев. Несмотря на «оттепель», в отношениях между государством и религиозными организациями наступило значительное охлаждение.

Активизация антирелигиозной борьбы началась после выхода целого ряда постановлений ЦК КПСС и Совет Министров СССР. Постановления «О монастырях в СССР» и «О повышении налогов на доходы епархиальных предприятий и монастырей», принятые 16 октября 1958 г., привели к тому, что были закрыты 3 действующих старообрядческих монастыря: 2 мужских – Архангельский и Петропавловский в Измаильской епархии, и 1 женский – Казанский в Кишиневско-Молдавской епархии [11].

В связи с объявленной в 1959 г. XXI съездом КПСС «полной и окончательной победой социализма», началось закрытие и разрушение храмов. XXII съезд КПСС в 1961 г. провозгласил построение в СССР к 1980 г. коммунизма, и поэтому для церкви как «единственного легально существующего врага марксизма» места в государстве не предусматривалось [12].

Секретное Постановление 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» отменяло все постановления 1940-х гг. и обязывало местные советские органы обеспечить строгий контроль за его выполнением [13]. В результате была проведена реформа приходского управления, по которой настоятели приходов, лишались всякой возможности вмешиваться в хозяйственные дела общин, и оказывались на положении наемных лиц у церковного совета, состоявшего из людей, нередко далеко не религиозных. Власть епархиального архиерея над приходами была минимизирована до такой степени, что после снятия с регистрации назначенного им настоятеля приход становился подведомственным только государственному регистрирующему органу. При этом прихожане не имели прав владения церковным имуществом, приобретенным на пожертвования верующих, – оно после закрытия храма конфисковывалось государством, включая богослужебные предметы [14].

После смерти архиепископа Флавиана старообрядческую церковь возглавил архиепископ Иосиф (Моржаков), который продолжил деятельность церкви в борьбе за мир. В 1961 г. он возглавил делегацию на «Всемирном общехристианском конгрессе в защиту мира» в г. Прага (Чехословакия) [15].

Вторая попытка учреждения митрополии была предпринята и при архиепископе Иосифе, но он сам по скромности не согласился. Рассуждения были такого рода: «сан митрополита по сравнению с архиепископом Московским и всея Руси ни власти, ни паствы не прибавит, а внешние могут упрекнуть в нескромности и в погоне за титулами». К тому же не было возможности посоветоваться с митрополитом Белокриницким. Однако у большинства священноначалия и верующего народа было живо сознание того, что, несмотря ни на какое политическое противодействие, решения дореволюционных Освященных соборов об учреждении митрополии в Москве должны быть выполнены [16].

После отставки Н.С. Хрущева новое руководство страны, возглавляемое Л.И. Брежневым, в отношении церкви заняло более умеренную позицию, нежели прежнее, что, по-видимому, объясняется большим, нежели ранее, равнодушием

к идеологии. Закрытие храмов, было прекращено. Из 147 приходов, насчитывавшихся у старообрядческой церкви в 1950 г., оставались действующими в 1970-х гг. 127 церквей. Имело место и самозакрытие одного прихода ввиду неимения прихожан. Церкви, закрытые в годы хрущевских гонений не были возвращены верующим [17].

В 1971 г. произошло решение проблемы клятв, наложенные Соборами 1656 и 1667 гг. на старообрядцев. На Поместном соборе РПЦ было принято постановление, в котором признавалась необоснованность суждений данных Соборов о старых обрядах. Упразднялись и все клятвы указанных Соборов, наложенные ими «на старые русские обряды и на придерживающихся их православноверующих христиан». Собор также счел «эти клятвы, яко не бывшие». Это стало возможно по причине того, что в 1970-е гг. полемика со старообрядцами уже не воспринималась как миссионерская задача, так как для всех христиан страны советов общими противниками были материализм и атеизм [18].

Приемником архиепископа Иосифа стал Никодим (Латышев), избранный 22 октября 1971 г. Освященным собором архиепископом Московским и всея Руси. На «Всемирной конференции религиозных деятелей за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы», состоявшейся с 10 по 14 мая 1982 г. в Москве, архиепископ в своем обращении к руководителям и последователям всех религий отметил, что над всем человечеством «нависла катастрофа… Народы всех стран обязаны направить все свои силы и стремления к одной, всеобщей и неотложной цели – к спасению рода человеческого, к сохранению жизни на земле». За участие в миротворческой деятельности и свои пожертвования в Фонд Мира архиепископ Никодим был награжден почетной медалью Советского Фонда Мира [19].

Очередная попытка учредить митрополию была предпринята и в 1980 г. По инициативе энергичного епископа Донского и Кавказского Анастасия (Кононова) вопрос вновь приобрел актуальность в связи с празднованием 40-летия служения в священном сане архиепископа Никодима. Он обратился к председателю Совета по делам религий при Совете Министров СССР (СДР) В.А. Куроедову, с просьбой разрешить возведение архиепископа Никодима в сан митрополита. В письме также отмечалось, что об этом ходатайствуют епархии и приходы старообрядческой церкви. Однако и эта попытка не увенчалась успехом, так как глава ведомства «по делам религий» не мог решать существенные вопросы государственной политики в отношении церкви вопреки указаниям КГБ [20].

В 1986 г. ДЦХ б.и. возглавил архиепископ Алимпий (Гусев). В этот период старообрядческая церковь имела 5 епархий: Московскую, Киевско-Винницкую, Донско-Кавказскую, Клинцовско-Новозыбковскую, Кишиневско-Молдавскую; 3 епископа, и 126 приходов, на которых исполняли свое служение 54 священника и 8 диаконов, причем многие из них были преклонного возраста. Единственным источником пополнения епископата кадрами были вдовствующие священнослужители. С 1960-х гг. основной проблемой для церкви являлось то, что отсутствие архиереев в епархиях не позволяло своевременно решать кадровые вопросы. Священнослужители, оставшиеся без руководства архиерея, совершали различные канонические нарушения, а иногда аморальные проступки, принижая свой пастырский авторитет в глазах верующего народа. Наличие большого количества вакантных приходов привело к тому, что священники были нагружены несколькими приходами, часто удаленными друг от друга на сотни и даже тысячи километров. В результате служение проводилось иногда небрежно, с отклонениями от требований церковного устава, а священники испытывали непосильные нагрузки. В большинстве приходов не хватало грамотных уставщиков, руководителей пения, певцов, знающих знаменную нотацию, помощников. Многие храмы нуждались в капитальном ремонте [21].

Сложившаяся обстановка в мире с непрекращающимся наращиванием ядерных вооружений, заставила вновь старообрядческую церковь в лице архиепископа Алимпия высказать свою позицию в защиту мира на международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества», проходивший с 14 по 16 февраля 1987 г. в Москве. Было отмечено, что мир находится на краю гибели, угроза ядерной катастрофы настолько возросла, что потребовались незамедлительные усилия со стороны руководителей государств, общественных, религиозных и иных организаций, чтобы направить свою активность в сферу миротворчества [22].

Во второй половине 1980-х гг. в жизни церкви стали происходить небольшие перемены, связан-

ные с демократизацией общества и изменением отношения государства к верующим. Поэтому в 1986 г. архиепископию впервые с официальным визитом смогла посетить делегация от Браильской митрополии во главе с епископом Киприаном, и группа духовенства из Америки. 14 ноября 1987 г. в Белой Кринице совместное богослужение совершили митрополит Браильский и Тульчинский Тимон и архиепископ Московский и всея Руси Алимпий. Во время этих встреч обсуждался и был решен положительно вопрос о преобразовании Московской архиепископии в митрополию [23].

В условиях нарастающей свободы совести и гласности в стране архиепископия обратилась в СДР с просьбой о разрешении учреждения митрополии в Москве, но Совет по-прежнему был категорически против. Позиция объяснялась возражениями президента СРР Н. Чаушеску. Ему льстило, что в Румынии находился главный старообрядческий центр, а учреждение Московской митрополии могло подорвать престиж Румынии [24].

Но все же Освященный собор посвященный юбилею 1000-летия Крещения Руси единодушно постановил: митрополитом Московским и всея Руси быть архиепископу Алимпию. Произошел конфликт, так как на Соборе присутствовал заместитель председателя СДР А.М. Иволгин. Он произнес речь, в которой оказал прямой нажим на участников Собора. Представители церкви известили руководство СДР о предстоящем преобразовании архиепископии в митрополию. Работники Совета – специалисты по старообрядчеству, знающие психологию духовенства и решительный настрой членов Собора, убеждали председателя СДР К.М. Харчева поддержать намерение Собора, что, несомненно, укрепило бы в глазах духовенства и верующих авторитет этого органа, а значит и государства. У руководителей этого ведомства возникли опасения, что повышение статуса церкви станет серьезным импульсом для ее возрождения, так как не исключали и возможности преобразования в перспективе старообрядческой митрополии в патриархию, что стало бы явным вызовом РПЦ (МП). Исходя из этих соображений руководство СДР под давлением отдела пропаганды ЦК КПСС и КГБ, пыталось отговорить делегатов Собора от «несвоевременного» шага [25]. Но, несмотря на давление высших государственных структур, центральным событием празднования юбилея явилось состоявшееся 24 июля 1988 г. возведение архиепископа Московского и всея Руси Алимпия в сан митрополита. Таким образом, был решен вопрос, периодически обсуждавшийся на Освященных соборах в 1906, 1907, 1915, 1956 и 1980 гг. Юбилейным Освященным собором также было уточнено и официальное именование церкви: Русская православная старообрядческая церковь [26].

Итак, в первой половине 1950-х гг. развернулась новая компания гонений на ДЦХ б.и. Их главное отличие от репрессивных мер в 1920–1930-х гг. заключалось в том, что они прошли без кровопролития и массовых арестов и выразились в участившихся нападках на религию и закрытии храмов. Это отличие обуславливалось «нуждой» в церкви, которой был отведен специфический участок фронта – «борьба за мир». Серия постановлений, принятая 1950–1960-х гг., на ужесточение экономических и политических условий существования религиозных организаций привела к закрытию в церкви всех ее монастырей. Внутрицерковная жизнь ДЦХ б.и. характеризуется следующими тенденциями: кадровая проблема, так как органы препятствовали посвящению в сан лиц молодого возраста, поэтому весь состав духовенства по своему возрастному уровню был выше 60 лет; пресечение всякой положительной инициативы, так как препятствовали этому консерватизм, характерный для преклонного возраста, и ограничение государством священнослужительской деятельности стенами храма. Изменилось в лучшую сторону отношение иерархов РПЦ (МП) к старообрядческим епископам, которые вместе принимали участие в миротворческой деятельности в условиях «холодной войны». Поместный собор 1971 г. снял клятвы Соборов 1665–1666 гг., наложенные на старые обряды, что еще больше усилило в сознании всех придерживающихся старых обрядов правоту своих убеждений. Все попытки учредить в Москве митрополию не дали положительных результатов, так как СРК, а потом СДР и органы КГБ видели в этом серьезный импульс для возрождения архиепископии, и не исключали в перспективе возможности ее преобразования в патриархию. Нормализация взаимоотношений двух старообрядческих поместных церквей (России и Румынии) произошла в канун празднования 1000-летия Крещения Руси, а юбилейные торжества знаменовалась преобразованием старообрядческой архиепископии в митрополию.

Библиографический список

1. АМ РПСЦ (Архив митрополии Русской православной старообрядческой церкви г. Москва). Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 683. Л. 1–2.

2. Во время оно… История старообрядчества в свидетельствах и документах. Приложение к журналу «Церковь». – Вып. 3. – М., 2006. – С. 47–48.

3. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации г. Москва). Ф. 6991. Оп. 4. Д. 53. Л. 51–54.

4. Там же. Д. 52. Л. 85.

5. Там же. Д. 83. Л. 7.

6. Там же. Д. 53. Л. 28–28 об.

7. Там же. Д. 107. Л. 3.

8. *Пименов Л.* Учреждение митрополии в Москве // Церковь. – Вып. 3. – М., 2000. – С. 50–51.

9. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 52. Л. 2 и 27.

10. Там же. Л. 198.

11. АМ РПСЦ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 249. Л. 1–48.

12. Цит.: *Цыпин В. (прот.)* История Русской церкви. 1917–1997 гг. – М., 1997. – С. 378–405.

13. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 1. Л. 45.

14. *Цыпин В. (прот.).* История Русской православной церкви. 1917–1990 гг. – М., 1997. – С. 159.

15. Высокопреосвященнейший Иосиф архиепископ Московский и всея Руси // Старообрядческий церковный календарь на 1969 г. – М., 1969. – С. 90–91.

16. *Пименов Л.* Учреждение митрополии в Москве // Церковь. – Вып. 3. – М., 2000. – С. 50–51.

17. АМ РПСЦ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 249. Л. 1–48.

18. Журнал Московской Патриархии. – 1971. – № 7. – С. 65.

19. Памяти Высокопреосвященнейшего Никодима архиепископа Московского и всея Руси // Старообрядческий церковный календарь на 1987 г. – М., 1987. – С. 52–53.

20. Письмо председателю Совета по делам религий при Совете Министров СССР В.А. Куроедову от епископа Донского и Кавказского Анастасия (Кононова), от 25 марта 1980 г. // Церковь. – Вып. 3. – М., 2000. – С. 53.

21. «О состоянии Русской старообрядческой церкви и ее насущных проблемах». Доклад преосвященного епископа Алимпия на Освященном соборе старообрядческой церкви 1986 г. во граде Москве // Старообрядческий церковный календарь на 1988 г. – М., 1988. Приложение. – С. 7–10.

22. Международный форум «За безъядерный мир, за выживание человечества» // Старообрядческий церковный календарь на 1988 г. – М., 1988. – С. 11.

23. *Пименов Л.* Учреждение митрополии в Москве // Церковь. – Вып. 3. – М., 2000. – С. 50–51.

24. Там же.

25. *Михайлов Г.А.* Старообрядчество: падчерица у Государства? // Религия и право. – 2000. – № 2. – С. 9.

26. *Пименов Л.* Празднование 1000-летия Крещения Руси в Русской православной старообрядческой церкви // Родина. – 1990. – № 9. – С. 6–13.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.33

Рудыхина Ольга Валерьевна
Новосибирский государственный технический университет
olga26_84@mail.ru
Шемелина Ольга Сергеевна
Новосибирский государственный технический университет
olga-shem@yandex.ru

СООТНОШЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТИПОВ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

В данной работе психологические типы, выделенные в теории К.Г. Юнга и получившие конкретизацию в подходе Д. Кейрси, рассматриваются во взаимосвязи с интеллектуальными стилями, представленными в подходе А. Харрисона и Р. Брэмсона. Получены значимые результаты, свидетельствующие о возможности и целесообразности рассмотрения психологических типов К.Г. Юнга в качестве эпистемологических стилей, отражающих особенности познавательной картины мира.

Ключевые слова: *интеллектуальные и эпистемологические стили, типология личности К.Г. Юнга.*

Современным этапом развития системы высшего образования в России является переход на Болонскую систему обучения. Закономерно, что данный процесс требует внесения изменений в систему преподавания учебных дисциплин. Наряду с этим в настоящее время обостряется проблема несогласованности требований обеспечения студентов профессиональными знаниями и необходимости учета их психологических особенностей в процессе преподавания учебных дисциплин. Поэтому в данных условиях является не только актуальным, но и востребованным практическое осуществление индивидуального подхода в процессе обучения.

Проблема организации оптимального способа образовательного процесса имеет длительную историю. В конце 80-х гг. XX столетия она получила новый поворот в связи с развитием когнитивно-стилевого подхода (H. Witkin, R. Gardner, D. Kolb, L. Curry, J. Kagan, P. Honey, A. Mumford, D. Wardell, J. Royce, R. Sternberg, Е.Л. Григоренко, Б. Лу Ливер, В.А. Колга, М.А. Холодная, И.П. Шкуратова). Особенное внимание современные ученые уделяют изучению познавательных стилей, которые, как отмечает М.А. Холодная [3, с. 281], отражают не только специфику склада индивидуального ума, но и форму проявления индивидуальных способностей.

Наряду с вышесказанным существуют следующие тенденции.

Во-первых, в контексте изучения стилей учения исследователи предпринимают попытку объединить разные подходы. В частности, Б. Лу Ливер выделяет стили учения учащихся с учетом доминирования левого / правого полушария головного мозга [1, с. 89], Д. Колб предлагает модель стилей учения с учетом четырех стадий учения (D. Kolb, 1984), Л. Карри предлагает «трехслойную модель» стиля (L. Curry, 1987), внутренним слоем которой являются личностные типы, представленные в подходе К. Бриггс и И. Бриггс-Майерс. *Во-вторых*, в контексте изучения познавательных стилей в последнее время исследователи уделяют внимание изучению эпистемологических стилей, являющихся стилями высокого порядка и отражающих особенности познавательной картины мира (J. Royce, D. Wardell, Ch. Nosal). Кроме того, возникают предположения, в частности, представленные в работе М.А. Холодной [3, с. 244], о том, что типологию личности К.Г. Юнга можно рассматривать в качестве эпистемологических стилей. *В-третьих*, в области дифференциальной психологии возрастает интерес к типологии К.Г. Юнга [5]. Так, с одной стороны, Briggs-Myers, McCaulley (1985), D. Keirsey (1998) предложены варианты конкретизации типологии личности К.Г. Юнга, а, с другой стороны, Б.В. Овчинниковым, И.М. Владимировой, К.В. Павловым (2003) проведено многоплановое исследование, направленное на изучение психологических особенностей у студентов российс-

© Рудыхина О.В., Шемелина О.С., 2011

ких вузов с различными фундаментальными типами, выделенными в подходе Д. Кейрси на основе теории К.Г. Юнга; С.А. Богомаз (1999) предлагает и обосновывает билатеральную модель психики, опираясь на типологию личности К.Г. Юнга; В.И. Окладников и Г.Г. Кухлова (2004) экспериментально подтверждают наличие тесной связи типологических характеристик, выделенных в подходе К.Г. Юнга, с особенностями адаптации личности; Е.Ф. Абельская (2006) обосновывает возможность использования типологического подхода, обоснованного К. Бриггс и И. Бриггс-Майерс, к исследованию психического склада личности.

С учетом вышесказанного, как для теории, так и для практики когнитивно-стилевого подхода возникает необходимость составления целостного описания личности с учетом предпочитаемых познавательных стилей. На наш взгляд, решению данной задачи может способствовать определение места типологии личности К.Г. Юнга в контексте иерархии познавательных стилей. Поэтому в данной работе рассмотрены *интеллектуальные стили* (по типологии А. Харрисона и Р. Брэмсона, 1984), отражающие индивидуально-своеобразные способы выявления и формулирования проблемной ситуации и способы ее разрешения, и психологические типы, выделенные в теории К.Г. Юнга и получившие конкретизацию в подходе Д. Кейрси (1998) в качестве *эпистемологических стилей*, характеризующих индивидуально-своеобразные формы познавательного отношения к окружающему миру.

Таким образом, **целью** данного исследования является определение взаимосвязи особенностей психологического типа, выделенных в теории К.Г. Юнга, с интеллектуальными стилями.

Предмет исследования – взаимосвязь интеллектуальных стилей и особенностей психологического типа личности.

Объект исследования – особенности интеллектуальных стилей у личности с определенным психологическим типом.

Методы исследования: психологическое тестирование, методы статистической обработки данных (r_p – коэффициент линейной корреляции Пирсона, U – критерий Манна-Уитни).

В исследовании использованы **методики: 1)** Опросник «Стиль мышления» (авторы: А. Харрисон и Р. Брэмсон; адаптирован А.А. Алексеевым и Л.А. Громовой) для определения преобладающих интеллектуальных стилей; **2)** Опросник Д. Кейрси для диагностики типологических характеристик личности [2, с. 266], основанный на оценке выделенных К.Г. Юнгом четырех дихотомических признаков: «экстраверсия» (E) – «интроверсия» (I), то есть предпочтительная установка; «ощущение» (S) – «интуиция» (N), то есть предпочтительный способ восприятия информации; «мышление» (T) – «чувство» (F), то есть предпочтительный способ принятия решений; «рациональность» (J) – «иррациональность» (P), то есть предпочитаемый способ ориентации в окружающем мире. Сочетание предпочтений одного из полюсов каждой из четырех шкал дает обозначение одного из 16 психологических типов. Д. Кейрси выделил и придал особое значение двухбуквенным сочетаниям, отражающим фундаментальные типы, отличающиеся ценностно-мотивационными особенностями: SP, SJ, NT, NF.

Описание выборки. В исследовании приняли участие студенты 1 курса технических, экономических, гуманитарных специальностей НГТУ. Об-

Таблица 1

Значимые корреляционные связи показателей интеллектуальных стилей с характеристиками психологического типа

Характеристика типа / Интеллектуальный стиль	S	N	T	F
Синтетический стиль	-	$r_p = 0,27$	-	-
Идеалистический стиль	-	$r_p = 0,27$	-	$r_p = 0,24$
Прагматический стиль	$r_p = 0,20$	-	-	-
Аналитический стиль	-	-	$r_p = 0,27$	-
Реалистический стиль	$r_p = 0,21$	-	-	-

Условные обозначения: r_p – коэффициент линейной корреляции Пирсона; корреляции при уровне значимости $p \leq 0,01$

щий объем выборки – 302 чел. Возраст от 16 до 20 лет.

Результаты исследования: описание и обсуждение. Анализ статистической представленности типов, сформированных по методике Д. Кейрси, свидетельствует об общих тенденциях распределения фундаментальных типов в России [2, с. 150]. Так, нами выявлены два типа личности, распространенные по численности: SJ (44%) и NF (37%), а также малочисленные типы: NT (11%) и SP (8%).

Нами были выявлены взаимосвязи характеристик психологического типа с показателями выраженности интеллектуальных стилей (см. табл. 1), а также средние значения показателей интеллектуальных стилей у представителей различных фундаментальных типов (см. рис. 1).

Обнаружено, что степень предпочтения психологической функции ***«ощущение»*** имеет положительную связь с показателями ***прагматического*** и ***реалистического стилей*** (см. табл. 1). Вероятно, этот факт обусловлен особенностями данных стилей: для них характерна опора на факты и ориентация на получение практически значимых результатов. Представители прагматического стиля опираются на *эклектический подход* [3, с. 238], который проявляется в опоре на личный опыт при решении проблемы, а представители реалистического стиля – на *индуктивный подход* [3, с. 239], проявляющийся в предпочтении объективной реальности. Указанные характеристики тесно связаны с ориентацией на объективные данные и вниманием к опыту и фактам при восприятии происходящего, что отражает сущность функции *«ощущение»* [2, с. 26].

Выявлено, что существует положительная связь между степенью предпочтения функции ***«интуиция»*** и показателями выраженности ***синтетического*** и ***идеалистического стилей***, что согласуется с описанием указанных стилей [3, с. 238]. Так, для реализации стратегий, как *синтетического стиля*, так и *идеалистического стиля* важна опора на интуицию, которая позволяет выйти за пределы наличной ситуации и составить целостное представление о происходящем.

Также показатели ***идеалистического стиля*** положительно коррелируют со степенью выраженности психологической функции ***«чувство»***, что, возможно, обусловлено особенностями данного стиля: направленностью на учет целей и ценностей людей при принятии решения в проблемной ситуации [3, с. 238]. Очевидно, что функция *«чувство»*, особенностью которой является ориентация на субъективные оценки и чувства, в сочетании с *интуицией* будет способствовать не только целостному видению жизненной ситуации, но и ориентации человека на учет ценностей и целей людей, вовлеченных в данную ситуацию. Отсюда можно предположить, что выраженность указанных функций в структуре типа личности на уровне интеллектуальных стилей про-

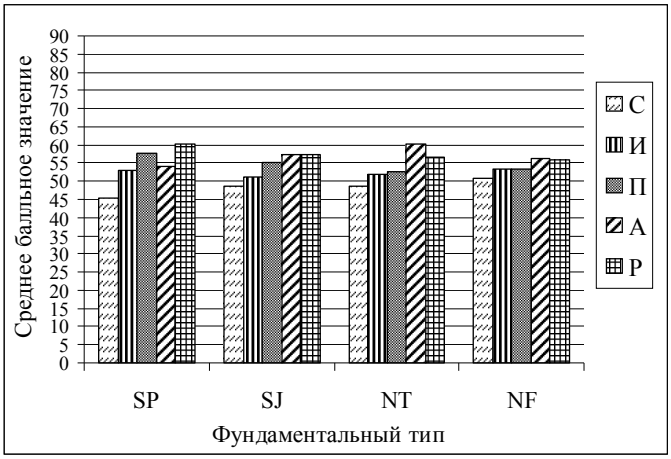


Рис. 1. Распределение средних балльных значений интеллектуальных стилей у представителей различных фундаментальных типов.

Фундаментальные типы, выявленные с помощью методики Д. Кейрси: SP – сенсорно-спонтанный тип; SJ – сенсорно-планирующий тип; NT – интуитивно-логический тип; NF – интуитивно-чувствующий тип; Интеллектуальные стили: С – синтетический, И – идеалистический, П – прагматический, А – аналитический, Р – реалистический.

явится в выраженности идеалистического стиля.

Установлено, что степень предпочтения функции ***«мышление»*** положительно коррелирует со степенью выраженности ***аналитического стиля***. Этот результат можно объяснить тем, что реализация стратегий аналитического стиля обусловлена *дедуктивным подходом* [3, с. 239], и, как следствие, проявляется в ориентации на построение ясной, упорядоченной картины происходящего. В свою очередь предпочтение функции *«мышление»* определяет направленность на анализ, учет принципов целесообразности, последовательности при принятии решений в жизненных ситуациях [2, с. 26].

Далее рассмотрим средние значения показателей интеллектуальных стилей у студентов с различными фундаментальными типами (см. рис. 1).

Поскольку, согласно нашим данным, типы SJ и NF являются преобладающими, в первую очередь были проанализированы особенности профиля интеллектуальных стилей у представителей каждого типа и обнаружено:

1. Представителей ***интуитивно-чувствующего типа (NF)*** в сравнении с субъектами SJ-типа отличают значимо высокие показатели *синтетического стиля* ($U_{эмп} = 6279{,}5$, $p \leq 0{,}05$) и *идеалистического стиля* ($U_{эмп} = 5831{,}5$, $p \leq 0{,}01$).

2. Представителей ***сенсорно-планирующего типа (SJ)*** в сравнении с субъектами NF-типа отличают значимо высокие показатели *прагматического стиля* ($U_{эмп} = 6105$, $p \leq 0{,}05$).

Среди малочисленных типов NT и SP были обнаружены особенности профиля интеллектуальных стилей у представителей каждого типа:

1. Представителей ***интуитивно-логического типа (NT)*** в сравнении с субъектами SP-типа отличают значимо высокие показатели *аналитического стиля* ($U_{эмп} = 221{,}5$, $p \leq 0{,}01$).

2. Представителей ***сенсорно-спонтанного типа*** (***SP)*** в сравнении с субъектами NT-типа отличают значимо высокие показатели *прагматического стиля* ($U_{эмп} = 247$, $p \leq 0{,}01$).

Поскольку представителей ***SJ-типа*** и ***SP-типа*** объединяет предпочтение психологической функции *«ощущение»* при восприятии жизненных событий, мы рассмотрели различия в степени выраженности интеллектуальных стилей между данными типами и обнаружили, что представителей ***SJ-типа*** в сравнении с субъектами SP-типа отличают значимо высокие показатели *аналитического стиля* ($U_{эмп} = 1377$, $p \leq 0{,}05$).

В связи с тем, что представителей ***NF-типа*** и ***NT-типа*** объединяет предпочтение психологической функции *«интуиция»* при восприятии жизненных событий, мы рассмотрели различия в степени выраженности интеллектуальных стилей между данными типами и выявили, что представителей ***NT-типа*** в сравнении с субъектами NF-типа отличают значимо высокие показатели *аналитического стиля* ($U_{эмп} = 1163$, $p \leq 0{,}05$).

Полученные результаты показывают, что профиль интеллектуальных стилей у студентов с различными типами имеет свою специфику. Так, у представителей ***NF-типа*** более выражены *идеалистический и синтетический стили* (по сравнению с типом SJ). Для субъектов ***SJ-типа*** характерна значимо большая степень выраженности *прагматического стиля* (по сравнению с типом NF) и *аналитического стиля* (по сравнению с типом SP). У студентов ***SP-типа*** более выражен *прагматический стиль* (по сравнению с типом NT). У субъектов ***NT-типа*** в большей степени выражен *аналитический стиль* (по сравнению с типом SP).

Наряду с наличием характерных для представителей каждого фундаментального типа интеллектуальных стилей был выявлен интересный факт. Так, в профиле интеллектуальных стилей у студентов NF-типа *идеалистический стиль*, отражающий характерные для данного типа особенности, не является доминирующим, тогда как ***аналитический*** и ***реалистический стили*** находятся в зоне явного предпочтения (см. рис. 1). На наш взгляд, это связано с тем, что традиционная система образования ориентирована на формально-логический подход при передаче знаний, что способствует развитию стратегий аналитического стиля у учащихся, и в силу ориентации на объективные знания – развитию реалистического стиля. Мы полагаем, что поскольку до сих пор в современном вузе отсутствует практическая реализация индивидуального подхода к процессу обучения, существует опасность для продуктивной самореализации студентов определенных типов личности. Данное предположение подтверждают результаты проведенного нами ранее исследования [3]: представители ***сенсорно-спонтанного типа (SP)*** в большей степени по сравнению с представителями других типов отличаются интолерантностью в межличностном взаимодействии. Учитывая характерные для представителей данного типа стремление к свободе и им-

пульсивность поведения, можно предположить наличие у них трудностей реализации своего потенциала в условиях традиционной системы образования.

Выводы. Полученные нами результаты свидетельствуют о наличии взаимосвязи особенностей психологического типа со степенью выраженности интеллектуальных стилей. Учитывая, что ранее нами была обнаружена специфика ценностно-мотивационной сферы у представителей различных фундаментальных типов, выделенных в подходе Д. Кейрси на основе теории К.Г. Юнга [3], мы приходим к пониманию о правомерности и целесообразности рассмотрения типологии личности К.Г. Юнга в качестве классификации эпистемологических стилей.

Проведенное исследование показывает необходимость организации индивидуального подхода в системе современного высшего образования, а также целесообразность использования в данном процессе классификации психологических типов, основанных на теории К.Г. Юнга, отражающих ценностно-мотивационные предпочтения и в целом особенности познавательного отношения к окружающему миру.

Библиографический список

1. *Ливер Б.Л.* Методика индивидуализированного обучения иностранному языку с учетом влияния когнитивных стилей на процесс его усвоения: Дис. … канд. пед. наук. – М., 2000. – 192 с.

2. *Овчинников Б.В., Владимирова И.М., Павлов К.В.* Типы темперамента в практической психологии. – СПб.: Речь, 2003. – 288 с.

3. *Рудыхина О.В.* Взаимосвязь феномена толерантности с типологическими особенностями студентов вуза // Философия образования. – Вып. 3. – 2010. – С. 253–258.

4. *Холодная М.А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума: учеб. пособие. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 304 с.

5. *Юнг К.Г.* Психологические типы. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 761 с.

УДК 159.923.3

Сордия Георгий Малхазиевич

Государственный академический университет гуманитарных наук (г. Москва)

geo2006-84@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ С ЕГО АКТИВНОСТЬЮ В ИНТЕРНЕТЕ

Личность Интернет-пользователя изучается многими специалистами. Однако результаты этих исследований демонстрируют только некоторые личностные характеристики пользователя Интернета. Нашей целью стало изучение обобщенных характеристик личности Интернет-пользователя и их влияние на его деятельность в сети Интернет.

Ключевые слова: *Интернет, личностные черты, личность пользователя, мотивация, погружение.*

Всемирная виртуальная сеть Интернет, уже начиная с конца 70-х гг. а в нашей стране с середины 90-х гг. XX в., активно изучается психологами. Накоплено достаточно много эмпирических результатов исследований. Основная проблематика этих исследований сводится к изучению того, как сеть Интернет влияет на самого пользователя [4; 9; 11], каким образом можно использовать виртуальное пространство для исследований [5; 7], что такое «Интернет зависимость», каковы механизмы ее формирования и развития [2; 6; 12], гендерные различия в мотивации использования Интернет [3; 8; 10], и т.д.

Однако исследований обобщающих такое понятие как «личность Интернет пользователя» на данный момент в России не проводилось. Весьма интересным и недостаточно изученным является то, как личностные характеристики пользователя влияют на его активность в виртуальной сети. Целью исследования стало комплексное изучение личностных и когнитивных характеристик Интернет пользователя влияющих на его активность в виртуальной сети. Гипотезы исследования:

1. Существуют личностные характеристики, влияющие на характер активности пользователя в Интернете.

2. Личностные характеристики пользователя, влияют на характер его активности в Интернете.

3. Личностные характеристики, влияющие на характер активности пользователя в Интернете, зависят от пола и социально-демографических характеристик.

4. Когнитивные характеристики пользователя влияют на характер его активности в Интернете.

© Сордия Г.М., 2011

Таблица 1

Корреляции анкеты пользователя Интернета со значениями опросника Клонинджера

	ИО Z	ЗП Z	К Z
Отговорки для продолжения пребывания в Интернете	0,16		
Восприятие времени пребывания в Интернете	0,17		
Страх при работе в Интернете		-0,16	
Жизнь без Интернета			-0,15
Навыки владения Интернетом			-0,14

В данной статье более подробно остановимся на личностных характеристиках пользователя определяющих характер активности в сети Интернет.

Испытуемые и методы исследования. В исследовании приняло участие 223 испытуемых. Из них 91 – мужчины (средний возраст 31 год) и 132 – женщины (средний возраст 27 лет) в возрасте от 18 до 60 лет. Группа испытуемых состояла из представителей различных профессий, с различным уровнем образования (не ниже полного среднего). Для отделения активных пользователей от не активных использовалась специально разработанная анкета. Для комплексного изучения личности использовался опросник структуры характера и темперамента Р. Клонинджера (TCI-140) адаптированный Н.А. Алмаевым и Л.Д. Островской (2005) [1]. Для изучения активности пользователей в Интернет нами была разработана оригинальная анкета. В нее входили вопросы по изучению особенностей использования Интернета, различных аспектов отношения пользователя Интернета к себе, к Интернету. Анкета содержала 26 вопросов. Сформулированы варианты ответов, а также предусмотрена возможность дать собственный открытый ответ.

Данная методика позволила в совокупности с опросной анкетой дать психологический портрет Интернет пользователя, оценить его мотивацию при использовании сети Интернет.

Полученные результаты обрабатывались в - соответствии с требованиями методических материалов конкретных психодиагностических методик (методики: методика «Включенные фигуры» Готшильда, опросник структуры характера и темперамента Р. Клонинжера: сокращенная версия TCI-140). Для вычисления корреляций использовался ранговый коэффициент корреляции r – Спирмена. Ранговый коэффициент корреляции r – Спирмена вычислялся при помощи компьютерной программы «Statistica (version 6.1)» Полученные результаты статистически достоверны ($p \leq 0,05$).

Результаты и их обсуждение. Данные, полученные в корреляционном исследовании, позволяют сопоставить данные анкеты пользователя, опросника Р. Клонинжера и оценить следующие

Таблица 2

Корреляции анкеты пользователя Интернета со значениями опросника Клонинджера

	(ИО1) тревога о будущем	(ИО2) страх неопределенности	(ИО3) застенчивость с чужими	(ИО4) соматопсихическая хрупкость
Состояние при работе Интернете (напряженность)	0,14	0,14		
Зависимость от Интернета (общая)			-0,15	
Зависимость от Интернета лично у пользователя				0,19
Отговорки для продолжения пребывания в Интернете		0,18		0,16
Восприятие времени пребывания в Интернете		0,17		0,17
Изменение уровня тревожности		0,14		

Таблица 3

Корреляции анкеты пользователя Интернета со значениями опросника Клонинджера

	(ЗП1) сентиментальность	(ЗП2) Привязчивость (друзья)
Состояние при работе в Интернете (напряженность)		0,16
Страх при работе в Интернете	-0,14	-0,14

Таблица 4

Корреляции анкеты пользователя Интернета со значениями опросника Клонинджера

	(К1) социальная конформность
Время использования Интернета в день	-0,15
Зависимость от Интернета лично у пользователя	-0,19
Жизнь без Интернета	-0,18
Состояние раздражительности	-0,17
Восприятие времени пребывания в Интернете	-0,20
Навыки владения Интернетом	-0,18

характеристики: структуру личностных характеристик пользователя и активности использования Интернета.

Результаты корреляционного анализа структуры личностных черт и активности использования Интернета представлены в таблицах 1–5.

Рассматривая результаты представленные в таблице 1 можно заметить, что Интернет зависимость (показатели: отговорки для продолжения пребывания в Интернете, восприятие времени пребывания в Интернете) положительно связана со значением интегральной шкалы «избегание опасности» (ИО) по опроснику Клонинджера. Страх при работе в Интернете отрицательно коррелирует со шкалой «зависимость поощрения» (ЗП). Жизнь без Интернета и навыки владения Интернетом отрицательно коррелируют с интегральной шкалой «Кооперативность» (К). В целом по группе можно сделать вывод о том, что Интернет зависимость может развиться у людей с высоким уровнем тревожности, не общительных и менее социально устроенных в реальной жизни [11].

В таблице 2 представлены значимые корреляции анкеты пользователя и субшкал по опроснику Клонинджера. Состояние при работе в Интернете положительно связано с субшкалой «Тревога о будущем» и «Страх неопределенности». Зависимость от Интернета отрицательно коррелирует со субшкалой «Застенчивость с чужими». Отговорки для продолжения пребывания в Интернете и восприятие времени пребывания в Интернете (зависимость от Интернета) положительно связаны с субшкалами «Страх неопределенности» и «Соматопсихическая хрупкость». В целом по группе изменение уровня тревожности положительно коррелирует с субшкалой «Страх неопределенности». Данные результаты можно проинтерпретировать следующим образом: тревожные люди склонны к формированию и развитию у них Интернет зависимости, при этом сама Интернет зависимость (общая) позволяет нивелировать их робость и застенчивость с другими.

Таблица 3 демонстрирует то, что состояние при работе в Интернете положительно связано с субшкалой «Привязчивость (друзья)». Страх при работе в Интернете отрицательно связан с субшкалами «Сентиментальность» и «Привязчивость (друзья)». Результаты представленные в таблице 3, позволяют сделать вывод о том, что тревожные люди очень сильно нуждаются в поддержке друзей, знакомых или же других пользователей. Чувство страха при работе с Интернетом изменяет самого пользователя. Другими словами, пользователи, испытывающие какую-то тревогу, начинают демонстрировать антиобщественные формы поведения, психологическую защиту в виде оскорбления других участников.

Из анализа результатов таблицы 4 видно, что в группе в целом, время использования Интернета, зависимость от Интернета (лично у пользователя, жизнь без Интернета, состояние раздражительности, восприятие времени пребывания в Интернете), навыки владения Интернетом отри-

Таблица 5

Корреляции анкеты пользователя Интернета со значениями опросника Клонинджера

	(С4) реалистичное отношение к себе
Замена реальности виртуальностью	-0,14

цательно связаны с субшкалой «Социальная конформность». Анализируя результаты, представленные в таблице 4, можно сказать, что в Интернете пользователи, подверженные формированию Интернет – зависимости имеют более независимое мнение. В Интернете они способны отстаивать свою позицию по тем или иным вопросам, например, общаясь на различных форумах, блогах, чатах и т.д. Также можно заметить, что с развитием навыков работы в Интернете, пользователи становятся более независимыми. Данный результат позволяет им повысить свою компетентность среди таких же пользователей того или иного Интернет ресурса, а это свою очередь, возможно, повышает их самооценку в реальной жизни. Возможно, именно из-за этой функции виртуальной сети, многие люди начинают активно осваивать Интернет.

В таблице 5 представлена отрицательная связь замены реальности виртуальностью со субшкалой «реалистичное отношение к себе». Данный результат показывает, что чем сильнее человек – пользователь Интернета – погружается в виртуальную реальность, тем менее критичным становится отношение к себе. Другими словами, Интернет-среда позволяет пользователю представлять себя другим, не таким, каков он есть на самом деле. Данное положение подтверждается рядом исследователей [8]. Мотивация использования Интернета в этом случае направлена на самоутверждение (по А.Е. Войскунскому) [3].

Выводы. Результаты, полученные в корреляционном исследовании, позволяют сделать следующие выводы.

1. Обнаружены личностные характеристики, которые влияют на характер использования сети Интернет. Пользователи с преобладанием таких личностных черт как «Тревога о будущем», «Страх неопределенности», «Застенчивость с чужими», «Соматопсихическая хрупкость», «Реалистичное отношение к себе» подвержены развитию Интернет зависимости (погружению в виртуальное общение).

2. Склонность к конформизму у пользователя в Интернет – взаимодействии снижается, при этом повышается риск формирования Интернет зависимости. Интернет способствует усилению у пользователя чувства независимости в суждениях, отстаивании своей позиции.

3. Менее социально устроенные в реальной жизни пользователи также подвержены погружению в виртуальную среду.

Библиографический список

1. *Алмаев Н.А., Островская Л.Д.* Адаптация опросника темперамента и характера Р. Клонинджера на русскоязычной выборке // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26. – № 6. – С. 77–86.

2. *Асмолов А.Г., Цветкова Н.А., Цветков А.В.* Психологическая модель Интернет – зависимости личности // Мир психологии. – 2004. – № 1. – С. 45–54.

3. *Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е.* Мотивация пользователей Интернета // 2-ая Российская конференция по экологической психологии (Москва, 12–14 апреля 2000 г.). Секция: «Психологические аспекты деятельности человека в Интернет-среде». – М., 2000. – С. 12–38.

4. *Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е., Смирнова О.В.* Интернет: воздействие на личность // Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А.Е. Войскунского. – М., 2000. – С. 32–61.

5. *Войскунский А.Е.* Исследования Интернета в психологии // Интернет и российское сообщество / под ред. И. Семенова. – М.: Гендальф, 2002. – С. 156–163.

6. *Войскунский А.Е.* Зависимость от Интернета: актуальная проблема // Материалы конференции «Социальные и психологические последствия применения информационных технологий» (01.02.2001–01.05.2001 г.). Секция 6: Интернет зависимость: домыслы и правда. – С. 12–17.

7. *Жичкина А.Е.* О возможностях психологических исследований в сети Интернет // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – № 2. – С. 75–78.

8. *Жичкина А.Е.* Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста: Дис. … канд. психол. наук. – М., 2001. – С. 199.

9. *Кожевникова Е.С.* Читатель и Интернет // Вопросы психологии. – 2006. – № 1. – С. 33–38.

10. *Мышенкова А.* Гендерные и возрастные аспекты использования Интернет: Курсовая работа. – БГУ, 2000. – С. 24.

11. *Сордия Г.М.* Влияние пользования Интернета на личность пользователя в зависимости от личностных особенностей (уровня тревожности): Дипломная работа / МИЭПП. – М., 2006. – С. 84.

12. *Холмс Л.* «Норма» и «патология» в использовании Интернета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru-cyberpsy.blogspot.com/2011/01/blog-post_25.html (Дата обращения: 14.03.2011).

УДК 159.923.33

Жданова Светлана Юрьевна
доктор психологических наук, доцент
Аликина Елена Львовна
Пермский государственный университет
alikinart@rambler.ru

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК МАТЕРИ НА ОСОБЕННОСТИ ПОЗНАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ РЕБЕНКА

Рассматривается проблема познания индивидуальности Значимого Другого. Представлены результаты исследования особенностей познания матерью индивидуальности ребенка в зависимости от возраста, образования респондентов, количества детей в семье и конфигурации семьи.

Ключевые слова: *познание индивидуальности значимого другого, метаиндивидуальность, дисперсионный анализ, взаимодействие факторов.*

Проблема изучения индивидуальности сегодня получила новый ракурс – это познание индивидуальности человека не только как объекта, но и как субъекта познания собственной психической реальности. Особую актуальность в контексте данной проблемы приобретают вопросы о том, как зависит познание индивидуальности от различных характеристик субъекта: его пола, возраста, социального статуса и т.д. Одним из аспектов современных исследований познания индивидуальности является познание индивидуальности с позиции субъекта, её познающего на основе социальных представлений [8]. Проблемой субъекта достаточно активно занимались: К.А. Абульханова-Славская, 1986, 1991; В.В.Семенова, 1998; Г.М. Андреева, 1999, 2000; В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев, 2000; А.В. Брушлинский, 2001, 2002; А.А. Волочков, 2002; А.М. Ким, 2002; В.В. Знаков, 2002, 2003; С.Ю. Жданова, 2005.

При рассмотрении проблемы познания индивидуальности с позиции субъекта, её познающего, особый интерес вызывает вопрос о том, как соотносятся особенности познания человеком индивидуальности других людей с его индивидуальными особенностями [4]. В контексте данной проблемы особый интерес представляет изучение познания детской индивидуальности с позиции матери, как субъекта познания. В связи с этим актуальность приобретает вопрос о том, как осуществляется процесс познания индивидуальности Значимого Другого, какие социальные характеристики влияют на познание индивидуальности близкого человека, в частности ребенка, какие факторы имеют первоочередное значение в процессе познания матери индивидуальности ребенка.

Характеризуя особенности социального познания и анализируя факторы, обусловливающие его развитие, Г. Крайг использует понятие «ниша развития ребенка» [6]. К числу основных компонентов ниши развития автор относит: повседневные физические и социальные условия; особенности воспитания и ухода за детьми; психологические особенности родителей или тех, кто заботится о детях. Данные компоненты, с точки зрения Г. Крайг, находятся в состоянии динамичного реципрокного взаимодействия (когда совпадает демонстрируемое и желаемое партнером поведение каждого участника), задавая уникальный мир, в котором живет каждый ребенок. Автор отмечает, что даже дети одной семьи живут в разных нишах развития, которые постоянно изменяются на всем протяжении детства. Каждый из названных компонентов своеобразно воздействует на ребенка и на формирование его индивидуальности. Родители вместе, или одна мать интегрируют индивидуальность ребенка в систему семьи. Однако диагностировать уровень влияния каждо-

© Жданова С.Ю., Аликина Е.Л., 2011

го компонента на формирование детской индивидуальности достаточно сложно или практически невозможно в силу отсутствия методического инструментария.

В рассматриваемой ситуации логично обратиться к теории интегральной индивидуальности В.С. Мерлина, многочисленные работы которого, посвящены изучению межуровневых взаимосвязей и специфике опосредующих звеньев в структуре индивидуальности. Одним из ключевых понятий для теории В.С. Мерлина является понятие метаиндивидуальности [7]. Введение данного понятия является необходимым для описания того, как индивидуальность человека взаимодействует с окружающим миром, и в частности с другими индивидуальностями.

Метаиндивидуальность – это психологическая характеристика отношения людей к данной конкретной индивидуальности [7]. Л.Я. Дорфман считает, что метаиндивидуальность создается приписыванием индивидуальности тех или иных свойств окружающими ее людьми. Под метаиндивидуальным миром автор видит «специфическую область взаимодействий индивидуальности с фрагментами социальной действительности, которые непосредственно влияют на индивидуальность и которые, в свою очередь, испытывают на себе влияние индивидуальности» [4]. К свойствам метаиндивидуальности относятся статусы, показатели социальной перцепции, стили лидерства-руководства, ценностно-ориентационное единство группы [7]. Метаиндивидуальность детерминирована, с одной стороны, специфическими особенностями контактной социальной группы и конкретной социальной ситуацией (в нашем случае – семья), в которую она включена, а с другой интраиндивидуальными свойствами. Тем самым метаиндивидуальные свойства приобретают двойной смысл: они принадлежат индивидуальности и в то же время окружающим её людям; они приписываются индивидуальности, но и идеально представлены не в её сознании, а в сознании других людей (в нашем случае – родителей и матери в частности). Кроме того, под метаиндивидуальностью следует понимать также те вклады, которые производит индивидуальность данного человека (в нашем случае – матери) в других людей (в нашем случае – своих детей), осуществляя реальные изменения в их личности, сознании и поведении [2].

С целью изучения влияния социальных характеристик матерей на особенности познания индивидуальности детей нами было проведено собственное эмпирическое исследование. Оно проводилось на выборке женщин, имеющих опыт материнства и проживающих в границах одного административного поселения. Выборка была представлена тремя группами респондентов. Первую составили женщины, имеющие одного ребенка (34 человека), вторую группу – женщины, имеющие двоих детей (38 человек), третья группа была представлена женщинами, имеющими троих и более детей. Общее количество обследованных составило 102 человека. В процессе исследования были использованы: метод свободного описания (М. Лалджи), метод ассоциаций, метод Q-сортировки (В. Стефонсона), метод рисунка (А.Л. Венгер). Респондентам была предложена анкета, с помощью которой были собраны данные о социальном статусе респондентов.

Для сравнительной оценки степени влияния факторов на формирование метаиндивидуальности респондентов в зависимости от их социальных характеристик был проведен двухфакторный дисперсионный анализ (Модель со случайными эффектами). В анализ в качестве независимых переменных (факторов) включался показатель «количество детей в семье» (с тремя уровнями: один ребенок, два ребенка и три ребенка), а также один из двух показателей социальных характеристик матери:

1) образование матери (с тремя уровнями: среднее, среднее специальное, высшее);

2) возраст матери (с тремя условными уровнями, полученными в ходе статистической обработки: молодой (18–30), средний (31–40) зрелый (41–55));

В ходе обработки описаний детей, полученных от респондентов, методом контент-анализа были выделены категории описания ребенка (всего семнадцать): количество слов; упоминание имени; упоминание пола; возраста; описание внешности; характеристика темперамента; описание черт характера; интересов; описание когнитивных навыков; особенностей мотивационной сферы; общения; социальных ролей; упоминание отца; родственников; упоминание сиблингов; описание здоровья ребенка; описание эмоций респондентов. Данные категории использовались в качестве зависимых переменных в двухфакторном дисперсионном анализе.

Результаты двухфакторного дисперсионного анализа, в рамках которого изучалось взаимодей-

ствие двух факторов: «количество детей в семье» и «образование матери», показывают, что: фактор «образование матери» оказывает непосредственное прямое влияние на включение респондентами в описание индивидуальности детей: их интересов и упоминание отца ребенка. Так, результаты свидетельствуют о том, что матери со средним образованием значимо реже описывают интересы ребенка, чем матери со средним специальным ($p < 0,018$) и с высшим ($p < 0,009$) образованием во всех трех подгруппах независимо от количества детей. Так же в результате анализа выявлено, что матери, имеющие высшее образование значимо чаще упоминают отца при описании ребенка, чем матери со средним ($p < 0,008$) и средним профессиональным ($p < 0,016$) образованием во всех трех подгруппах независимо от количества детей. Полученные данные позволяют говорить, что матери, имеющие высшее образование значительно больше внимания уделяют интересам ребенка и включенности отца в воспитательный процесс.

Дополнительно в ходе данного двухфакторного дисперсионного анализа, в рамках которого изучалось взаимодействие двух факторов: «количество детей в семье» и «образование матери», выявлено, что фактор «образование матери» опосредованно, через фактор «количество детей в семье» влияет на особенности познания респондентов при описании пола и темперамента ребенка. Данные анализа показали, что эффект фактора «количество детей в семье» обнаружен в подгруппах однодетных и многодетных матерей при упоминания пола ребенка: так однодетные матери со средним образованием чаще при описании индивидуальности детей упоминали пол, чем двухдетные ($p < 0,049$) и многодетные матери ($p < 0,001$), а многодетные матери с высшим образованием реже упоминали пол детей, чем однодетные матери ($p < 0,036$) и чем двухдетные матери ($p < 0,058$). Эффект фактора «образование матери» обнаружен в подгруппах матерей с высшим и средне специальным образованием при упоминания пола ребенка: так двухдетные матери, имеющие высшее образование, значимо чаще упоминали в описании пол ребенка, чем двухдетные матери, имеющие среднее специальное образование ($p < 0,022$), а однодетные матери, имеющие среднее специальное образование, значимо реже упоминали в описании пол ребенка, чем однодетные матери, имеющие среднее образование ($p < 0,005$) и однодетные матери, имеющие высшее образование ($p < 0,037$). Полученные в результате анализа данные позволяют зафиксировать общую тенденцию, что с увеличением количества детей у респондентов значимость пола ребенка при познании индивидуальности снижается. Значимость уровня образования при упоминании в описании пола ребенка прослеживается только в подгруппе двухдетных матерей.

Согласно результатам анализа эффект фактора «количество детей в семье» обнаружен в подгруппах однодетных и двухдетных матерей при описании темперамента ребенка: так однодетные матери с высшим образованием реже упоминали темперамент, описывая ребенка, чем двухдетные матери ($p < 0,083$) и многодетные матери ($p < 0,006$), а двухдетные матери со средним образованием реже упоминали темперамент детей при описании, чем многодетные матери ($p < 0,01$). Эффект фактора «образование матери» обнаружен в подгруппах матерей со средним и средне специальным образованием при описании темперамента ребенка: так двухдетные матери, имеющие среднее образование, значимо реже (никогда) упоминают в описании темперамент ребенка, чем двухдетные матери, имеющие высшее образование ($p < 0,083$), а многодетные матери, имеющие среднее специальное образование, значимо реже упоминали в описании темперамент ребенка, чем матери, имеющие высшее образование ($p < 0,040$), и матери, имеющие среднее образование ($p < 0,05$) в этой подгруппе. Полученные в результате анализа данные выявляют общую тенденцию, что актуальный опыт материнства в сочетании с высоким уровнем образования предопределяет более глубокое познание особенностей индивидуальности своих детей.

Результаты двухфакторного дисперсионного анализа, в рамках которого изучалось взаимодействие двух факторов: «количество детей в семье» и «возраст матери», показали, что фактор «возраст матери» не оказывает независимого от фактора «количество детей в семье» влияния на показатели описания ребенка и опосредует влияние фактора «количество детей в семье» на упоминание в описании респондентами детей их пола и мотивационной сферы. Данные анализа показали, что эффект фактора «количество детей в семье» обнаружен в подгруппах однодетных и двухдетных матерей при упоминания пола ребенка: так однодетные матери среднего возраста

значимо чаще упоминали пол при описании ребенка, чем двухдетные ($p < 0,018$) и многодетные ($p < 0,003$) матери, а двухдетные матери зрелого возраста чаще упоминали пол, при описании детей, чем однодетные матери ($p < 0,026$) зрелого возраста. Эффект фактора «возраст матери» обнаружен в подгруппах матерей среднего и зрелого возраста при упоминания пола ребенка: так однодетные матери среднего возраста значимо чаще упоминали в описании пол ребенка, чем однодетные матери зрелого возраста ($p < 0,015$), а двухдетные матери зрелого возраста чаще упоминали пол, описывая своих детей, чем матери среднего ($p < 0,048$) и молодого (в тенденции) возраста.

Так же в результате анализа обнаружен эффект фактора «количество детей в семье» в подгруппах однодетных и многодетных матерей при описании мотивационной сферы ребенка: так многодетные матери среднего возраста значимо чаще описывают мотивационную сферу детей, чем однодетные матери ($p < 0,002$) и двухдетные матери в этой подгруппе ($p < 0,006$), а однодетные матери зрелого возраста значимо чаще описывают мотивационную сферу ребенка, чем двухдетные матери ($p < 0,068$).). Эффект фактора «возраст матери» обнаружен в подгруппах матерей среднего и зрелого возраста при описании мотивационной сферы ребенка: так однодетные матери зрелого возраста значимо чаще описывают мотивационную сферу ребенка, чем однодетные матери среднего возраста ($p < 0,013$), а многодетные матери среднего возраста значимо чаще описывают мотивационную сферу ребенка, чем многодетные матери молодого возраста ($p < 0,024$). По-видимому, возраст матери – это наличие более богатого социального опыта, а в сочетании с материнским опытом, который складывается в процессе воспитания детей, мать имеет возможность более детально представлять особенности индивидуальности своих детей.

Для оценки взаимодействия факторов «количество детей в семье» и «конфигурация семьи» по переменным описания ребенка был проведен однофакторный дисперсионный анализ. В качестве независимой переменной был выбран показатель «конфигурация семьи» (полная, неполная, приемный отец), а в качестве зависимой переменной – показатели описания ребенка. Анализ проводился отдельно в группах однодетных, двухдетных и трехдетных матерей, поскольку все описываемые уровни конфигурации в каждой из этих групп не встречались. Так, в группе однодетных матерей присутствовали такие варианты конфигурации, как полная и неполная семья; в подгруппе трехдетных – полная семья и приемный отец, а в подгруппе двухдетных – только полная семья.

Результаты однофакторного дисперсионного анализа (независимый фактор – конфигурация семьи) по переменным описания ребенка показали, что: однодетные матери, воспитывающие ребенка в полных семьях, чаще, чем однодетные матери, воспитывающие ребенка в неполных семьях, в описании ребенка подчеркивают его пол ($F = 4,25$, $p < 0,05$) и упоминают его отца ($F = 3,63$, $p < 0,10$). Приведенные выше результаты анализа свидетельствуют что, для однодетных матерей из полных семей очень важна включённость отца в воспитательный процесс ребенка и очень значим пол ребенка, что можно трактовать как влияние отца ребенка на особенности познания матерью индивидуальности ребенка.

Многодетные матери, воспитывающие детей с приемным отцом, чаще, чем многодетные матери, воспитывающие ребенка в полных семьях с родным отцом, в описании ребенка упоминают родственников ($F = 4,42$, $p < 0,05$) и социальные роли ребенка (2,92, $p < 0,10$). Приведенные выше результаты анализа свидетельствуют, что для многодетных матерей из комбинированных семей более важна в процессе познания индивидуальности детей опора на родственников. Матери рассматриваемой группы, более детально оценивают социальные роли детей с точки зрения включённости их семейную жизнедеятельность.

Полученные результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Главным, определяющим фактором, оказывающим влияние на особенности представлений матерей об индивидуальности детей является фактор количество детей в семье.

2. Факторы возраста, образования матери и конфигурации семьи оказывают опосредующее и незначительное влияние, поскольку выявлены эффекты лишь по нескольким переменным для каждого фактора.

Библиографический список

1. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. – М., 2005.

2. *Вяткин Б.А.* Метаиндивидуальность и её проявления у учителей начальных классов // Вопросы психологии. – 2001. – № 3. – С. 71–78.

3. *Вяткин Б.А.* Интегральная индивидуальность человека и ее развитие. – М.: ИП РАН, 1999.

4. *Дорфман Л.Я.* Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы. – М., 1993. – С. 456.

5. *Жданова С.Ю.* Психология познания индивидуальности человека. – Пермь, 2005.

6. *Корниенко Д.С.* Родительское отношение как метаиндивидуальная характеристика в связи с конфигурацией семьи и возрастом ребенка // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2011. – № 1 (15) [Электронный ресурс]. – URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 15.06.2011).

7. *Крайг Г., Бокум Д.* Психология развития. – 9-е изд. – СПб.: Питер, 2006.

8. *Мерлин В.С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. – М.: Педагогика, 1986.

9. *Московичи С.* Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 1. – С. 3–18; № 2. – С. 3–14.

10. *Смирнова Е.О., Соколова М.В.* Структура и динамика родительского отношения в онтогенезе ребенка // Вопросы психологии. – 2007. – № 2. – С. 57–68.

УДК 159.9:61

Меньшикова Александра Алексеевна
Российский государственный социальный университет (г. Москва)
menalex2008@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К МАТЕРИНСТВУ У БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН С ОНКОЛОГИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Целью исследования было выявление особенностей психологической готовности к материнству у беременных женщин с онкологическими заболеваниями. Высокая частота встречаемости злокачественных новообразований во время беременности и отсутствие данных в отечественной науке относительно психологического состояния беременных женщин с онкопатологией обусловили выбор данной темы.

Ключевые слова: *психологическая готовность, материнство, беременность, онкологические заболевания.*

В настоящее время в России рост рождаемости сопровождается значительным снижением численности женщин репродуктивного возраста, что создает угрозу национальной безопасности для нашей страны в будущем. Распространенная среди женщин тенденция планирования материнства в позднем репродуктивном возрасте привела к увеличению частоты случаев выявления злокачественных новообразований в период беременности.

Период беременности для женщины является начальным этапом становления ее материнства, при этом плод в утробе будущей матери выступает уже как субъект воспитательных воздействий [2]. Исследования перинатальной психологии доказали, что негативные переживания в период беременности оказывают неблагоприятное влияние на качество привязанности к ребенку и приводят к дисфункциональным отношениям в системе «мать-дитя» [1; 5; 12]. Наличие тяжелой соматической патологии в период беременности является условием хронического психоэмоционального стресса, что выступает главным фактором риска нарушений детско-родительских взаимодействий [4; 7]. Успешность адаптации женщины к беременности в условиях тяжелого заболевания, ее способность осознавать значимость ребенка и регулировать свое психологическое состояние с учетом требований внешней ситуации – зависит от особенностей ее психологической готовности к материнству [3]. В качестве центральных компонентов психологической готовности к материнству у беременных женщин выступают особенности коммуникативного опыта в раннем детстве, эмоциональное отношение к материнству и родительские установки [6]. Данные исследований совладающего поведения беременных женщин показывают, что негативные родительские установки значимо влияют на выбор неконструктивных копинг-стратегий в период беременности [8], однако также имеются данные о взаимосвязи психологической готовности к материнству и выборами пассивных копинг-стратегий [9]. В условиях болезни выбор пассивных копинг-стратегий признается неконструктивным и зачастую указывает на состояние дезадаптации личности [10].

В контексте изучения особенностей психологической готовности к материнству беременных женщин с онкологическими заболеваниями пред-

© Меньшикова А.А., 2011

ставляется возможным понять не только характер ее эмоционального отношения женщины к материнству, родительских установок, но и их взаимосвязь со способами совладающего поведения в условиях тяжелой болезни.

Цель исследования: эмпирическим путем выявить особенности психологической готовности к материнству у женщин с онкологическими заболеваниями во время беременности.

Гипотеза исследования: 1) Существуют определенные различия в особенностях психологической готовности к материнству у беременных женщин с онкологическими заболеваниями и условно здоровых беременных женщин. 2) Особенности психологической готовности к материнству у беременных женщин с онкопатологией взаимосвязаны с выбором стратегий совладающего поведения.

Методы исследования: 1) цветовой тест отношений Е.Ф. Бажина, А.М. Эткинда использовался для изучения неосознаваемого эмоционального отношения к беременности, материнству и ребенку; 2) методика родительских установок и реакций – PARI (Е. Шефер, Р. Белл) в адаптации Т.В. Нещерет; 3) опросник «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (N. Endler, J.A. Parker), адаптированный Т.Л. Крюковой; 4) тест «Способы копинга» (адаптация Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк), предназначенный для изучения особенностей совладающего со стрессом поведения. Полученные данные были обработаны с помощью пакета прикладных программ обработки данных SPSS 19.0 путем использования непараметрических критериев углового преобразования Фишера и корреляционного анализа Спирмена.

Выборка исследования. Исследование было проведено на базе ФГУ «Научный центр акушерства, гинекологии и перинатологии им. Академика В.И. Кулакова» и Родильного дома №26 г. Москвы. Всего в исследовании приняло участие 120 женщин: основная группа – 60 беременных женщин с онкологическими заболеваниями во время беременности и контрольная группа – 60 условно здоровых беременных женщин. Возраст пациенток составил 19–35 (25±7,5) лет.

Результаты и их обсуждение. Изучение содержания психологической готовности к материнству с позиции эмоционального отношения к материнству позволило выявить несколько его типов: позитивное, амбивалентное, общее амбивалентное. Позитивное отношение к материнству отмечалось в 38,3% случаев у женщин с онкологическими заболеваниями во время беременности и у 61,7% условно здоровых беременных женщин с нормально протекающей беременностью ($\varphi = 2{,}58$; $p<0{,}01$). Данный тип отношения характеризовался тем, что на первых позициях по отношению к понятиям, связанными с беременностью, материнством, ребенком, представлением о себе как матери, стояли основные цвета в сочетании с фиолетовым цветом. Амбивалентное отношение к материнству достоверно преобладало среди женщин с онкологическими заболеваниями во время беременности (45%; $p<0{,}01$) и проявлялось в нескольких вариациях: в выборах на первых четырех позициях цветового ряда, ассоциирующихся с понятиями «материнство», присутствовали основные цвета в сочетании с фиолетовым, а на первых позициях, ассоциирующихся с объектом «Ребенок», имелись серый, коричневый, черный цвета или их сочетания; в выборах на первых четырех позициях цветового ряда, ассоциирующихся с понятиями «ребенок», присутствовали основные цвета в сочетании с фиолетовым, а на первых позициях, ассоциирующихся с объектом «материнство», имелись серый, коричневый, черный цвета или их сочетания. Общее амбивалентное отношение к материнству достоверно преобладало в группе женщин с онкологическими заболеваниями во время беременности (16,7%; $\varphi = 2{,}613$; $p<0{,}01$), чем среди условно здоровых беременных женщин (3,3%; $\varphi = 2{,}613$; $p<0{,}01$). В данном варианте на первых четырех позициях цветовых рядов, ассоциирующихся с большинством объектов, в частности, с понятиями «Материнство», «Беременность», «Мой ребенок сейчас», «Мой ребенок в будущем» присутствовали серый, коричневый, черный цвета и их сочетания.

Исследование содержания психологической готовности к материнству с позиции родительских установок показало, что женщины с онкологическими заболеваниями во время беременности характеризуются излишней концентрацией на ребенке (40%; $p<0{,}01$) и эмоциональной дистанцией с ребенком (15%; $p<0{,}05$). Женщины основной группы склонны характеризовать себя как зависимую и несамостоятельную мать (54,8%; $\varphi = 2{,}15$; $p<0{,}05$), для них свойственны неудовлетворенность ролью хозяйки дома (46%; $\varphi = 1{,}57$; $p<0{,}05$) и ощущение самопожертвования в роли

матери (55,7%; φ = 2,7; p<0,05). Среди условно здоровых беременных женщин достоверно преобладают оптимальный эмоциональный контакт с ребенком (63%; φ = 2,021; p<0,01), заботы исключительно о семье (58,3%; φ = 4,004; p<0,001) и доминирование матери в семье (68,3%; φ = 6,682; p<0,001).

Проведение корреляционного анализа показало наличие взаимосвязей в основной группе женщин между позитивным отношением к материнству и родительской установкой по типу оптимального эмоционального контакта (r=0,33; p<0,01), амбивалентным отношением к материнству на фоне позитивного принятия ребенка и родительской установкой по типу излишней концентрации на ребенке (r=0,21; p<0,1), а также общим амбивалентным отношением к себе, материнству и ребенку и родительской установкой по типу эмоциональной дистанции с ребенком (r=0,25; p<0,05). Среди условно здоровых беременных женщин преобладали взаимосвязи между позитивным отношением к материнству и родительской установкой по типу оптимального эмоционального контакта (r=0,27; p<0,01). Соответственно с выявленными корреляционными взаимосвязями с учетом особенностей эмоционального отношения к материнству и родительских установок в основной группе женщин высокий уровень психологической готовности к материнству отмечался в 41,6% случаев, средний уровень – в 46,7%, низкий уровень – в 11,7%. Среди женщин с нормально протекающей беременностью высокий уровень психологической готовности к материнству отмечался в 63,3% случаев, средний уровень – в 30 %, низкий уровень – в 6,7%. При этом высокий уровень психологической готовности достоверно преобладал в группе условно здоровых беременных женщин, чем среди женщин с нормально протекающей беременностью (φ = 2,388; p<0,01), что указывает на негативное влияние ситуации онкологического заболевания на особенности психологической готовности к материнству. В связи с этим выбор способов совладающего поведения у беременных женщин с онкологическими заболеваниями выступает показателем их психологической адаптации к болезни.

Рассмотрим особенности психологической готовности к материнству у беременных женщин в связи со спецификой совладающего поведения. Совладающее поведение женщин с онкологическими заболеваниями во время беременности характеризовалось доминированием эмоционально-ориентированного копинга (64,5%; φ = 2,766; p<0,01), а также копинга, ориентированного на избегание (53,3%; φ = 2,618; p<0,01). У пациенток основной группы достоверно также преобладали копинг-стратегии дистанцирования (45%; φ = 1,95; p<0,05) и бегства-избегания (60%; φ = 3,351; p<0,01). Осознание невозможности разрешения ситуации болезни и понимание собственной беспомощности в отношении витальной угрозы у беременных женщин с онкологическими заболеваниями обусловливают их склонность к мысленным и поведенческим усилиям, направленными на избегание или бегство от решения проблем, а также стремление к когнитивным усилиям по отделению от конфликтной ситуации патологии во время беременности и уменьшению ее значимости.

В свою очередь для женщин контрольной группы было свойственно использование копинг-стратегии поиска социальной поддержки (70%; φ = 1,703; p<0,05), планирования решения проблемы (63,3%; φ = 2,388; p<0,01), проблемно-ориентированного копинга (63%; φ = 2,766; p<0,05) и самоконтроля (40%; φ = 2,131; p<0,05). Женщины с нормально протекающей беременностью склонны обращаться за помощью и поддержкой к другим людям с целью сохранения эмоционального равновесия, а также применять проблемно-фокусированные усилия по изменению ситуации, включающие аналитический подход к решению проблемы и самоконтроль. Стратегия планирования и решения проблемы у беременных женщин связана с их активной деятельностью по подготовке к родам и предстоящему материнству, а также принятием на себя ответственности, обусловленной ролью матери.

Были выявлены достоверные корреляционные взаимосвязи между особенностями психологической готовности к материнству и способами совладающего поведения. В основной группе женщин выбор способов совладания со стрессом по типу бегства-избегания и отвлечения взаимосвязаны с ощущением самопожертвования в роли матери (r=0,41; p<0,001), неудовлетворенностью ролью хозяйки дома (r=0,33; p<0,01), сверхавторитетом родителей (r=0,254; p<0,05). В группе женщин с онкологическими заболеваниями во время беременности отмечается положительная корреляционная связь между дистанцированием и излишней концентрацией на ре-

бенке (r=0,33; p<0,01), а также между эмоционально-ориентированным копингом и родительской установкой по типу излишней эмоциональной дистанции к ребенку (r=0,33; p<0,01), между эмоционально-ориентированным копингом и ощущением самопожертвования в роли матери (r=0,214; p<0,01). Среди женщин с онкологическими заболеваниями во время беременности были выявлены положительные взаимосвязи между позитивным эмоциональным отношением к материнству и использованием стратегии совладания поиска социальной поддержки (r=0,414; p<0,001) и проблемно-ориентированного копинга (r=0,33; p<0,01). В основной группе женщин амбивалентное отношение к материнству на фоне позитивного отношения к ребенку положительно коррелировало с использованием копинг-стратегии бегство-избегание (r=0,33; p<0,01) и эмоционально-ориентированного копинга (r=0,33; p<0,01), а общее амбивалентное отношение к материнству взаимосвязано с использованием способа совладания со стрессом по типу дистанцирования (r=0,254; p<0,05).

Высокий уровень психологической готовности как у женщин с онкологическими заболеваниями, так и у женщин с нормально протекающей беременностью достоверно взаимосвязан с использованием способов совладающего поведения по типу проблемно-ориентированного копинга (r=0,254; p<0,05) и поиска социальной поддержки (r=0,254; p<0,05). Низкий уровень психологической готовности у женщин с онкологическими заболеваниями достоверно взаимосвязан с использованием дезадаптивной копинг-стратегии в виде дистанцирования (r=0,254; p<0,05). Средний уровень психологической готовности к материнству у женщин с онкологическими заболеваниями во время беременности достоверно взаимосвязан с использованием эмоционально-ориентированного копинга (r=0,254; p<0,05) и стратегией бегство-избегание (r=0,33; p<0,01). Достоверных взаимосвязей между средним и низким уровнем психологической готовности к материнству и способами совладающего поведения среди условно здоровых беременных женщин выявлено не было. Полученные результаты позволили сделать ряд следующих выводов: 1) Беременные женщины с онкологическими заболеваниями характеризуются средним и низким уровнем психологической готовности к материнству, по сравнению с условно здоровыми женщинами, которые достоверно отличаются высоким уровнем психологической готовности к материнству. 2) Содержание психологической готовности к материнству беременных женщин с онкологическими заболеваниями характеризуется амбивалентными типами эмоционального отношения к материнству и дисфункциональными родительскими установками. В содержании психологической готовности к материнству условно здоровых беременных женщин преобладают позитивное эмоциональное отношение к материнству и оптимальные родительские установки. 3) Специфика совладающего поведения у беременных женщин с онкологическими заболеваниями определяет особенности их психологической готовности к материнству. В частности, высокий уровень психологической готовности к материнству в основной и контрольной группах взаимосвязан с преобладанием проблемно-ориентированных копинг-стратегий, средний и низкий уровень психологической готовности к материнству обусловлен выбором пассивных копинг-стратегий у беременных женщин с онкопатологией. 4) Необходимым условием достижения высокого уровня психологической готовности к материнству у беременных женщин с онкологическими заболеваниями является формирование активных способов совладающего поведения со стрессом болезни.

Библиографический список

1. *Брутман В.И., Радионова М.С.* Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности // Вопросы психологии. – 1997. – № 7. – С. 38–47.

2. *Васильева О.С., Могилевская Е.В.* Групповая работа с беременными женщинами: социально-психологический аспект // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – № 1. – С. 82–89.

3. *Завялова Ж.В.* Психологическая готовность к родам и метод ее формирования: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – М., 2000. – 18 с.

4. *Каплун И.Б.* Психологические состояния при нормальном и осложненном течении беременности: Автореф. дис. … канд. мед наук. – СПб., 1995. – 22 с.

5. *Колпакова М.Ю.* Роль диалога в выявлении и разрешении нравственного конфликта у матерей, отказывающихся от новорожденного // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 6. – С. 81–88.

6. *Мещерякова С.Ю.* Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии. – 2000. – № 5. – С. 18–27.

7. *Мухамедрахимов Р.Ж.* Мать и младенец: психологическое взаимодействие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – 288 с.

8. *Подобина О.Б.* Совладающее поведение женщины на этапе принятия роли матери: Дис. … канд. психол. наук. – СПб., 2005. – 114 с.

9. *Скоромная Ю.Е.* Субъективная готовность к материнству как психологический феномен: Дис. … канд. психол. наук. – М., 2006. – 185 с.

10. *Ташлыков В.А.* Личностные механизмы совладания и защиты у больных неврозами в процессе психотерапии // Медико-психологические аспекты охраны психического здоровья. – Томск, 1990. – С. 60–61.

11. *Филиппова Г.Г.* Психология материнства. – М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. – 240 с.

12. *Grace J.T.* Development of maternal-fetal attachment during pregnancy // Nursing Research. – 1989. – № 38. – P. 228–232.

УДК 159.9:316.6

Сапоровская Мария Вячеславовна
кандидат психологических наук, доцент
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
saporov35@mail.ru

МЕЖПОКОЛЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СЕМЬЯХ С РАЗНОЙ СТРУКТУРОЙ

В статье представлены результаты серии исследований, в которых проанализированы связи между представлениями родителей и детей-подростков об их межличностных отношениях и взаимодействии как фактор актуального и потенциального межпоколенного конфликта в семьях с разной структурной организацией

Ключевые слова: *поколения в семье, межпоколенное взаимодействие в семье, межпоколенный конфликт, представления поколений друг о друге как фактор деструктивности внутрисемейного конфликта.*

Конфликт между поколениями «отцов» и «детей», его причины и следствия, возможность его трансформации в сторону конструктивности – одна из актуальных проблем современной социальной психологии.

Причинами деструктивности межпоколенного конфликта, с точки зрения исследователей, являются рассогласование ценностных ориентаций представителей разных возрастных когорт; изменение темпов научно-технического и социального развития, вследствие чего опыт предыдущих поколений оказывается бесполезным [2]; изменение структуры семьи, превращение ее из расширенной в нуклеарную [1], что влияет на утрату преемственности между поколениями. Отношения родителей и детей в семье являются наиболее ярким примером межпоколенных отношений в обществе. Здесь отражаются и объективные, и субъективные, и процессуальные аспекты социального наследования (трансгенерации) [3]. Нередко в системе детско-родительских отношений возникает деструктивные конфликт, что влечет за собой непонимание, обиды, разочарование, отчуждение, а в некоторых случаях полный разрыв этих отношений. Возникновение конфликта в системе «родитель – ребенок» зависит не только от объективных причин (например, от специфики условий протекания конфликта и характеристик его участников), но и от субъективных факторов – от представления участников конфликта о себе и другом, восприятия и понимания особенностей детско-родительского взаимодействия. К сожалению, данному аспекту проблемы в социальной психологии семьи внимания уделяется явно недостаточно. В большинстве случаев детско-родительские отношения изучаются с позиции родителя, с помощью стандартизированных самоотчетов. Результатом в данном исследовательском подходе являются субъективные представления родителя о своем отношении и воспитании ребенка. Восприятие и понимание ребенком родительского отношения и стиля семейного воспитания в данных исследованиях учитывается редко. Очевидно, что расхождения представлений родителей и детей друг о друге и об их взаимодействии являются значимым, но мало изученным фактором детско-родительского конфликта. Еще острее ситуация межпоколенного конфликта представлена в расширенной семье, для членов которой нередко характерен внутриличност-

© Сапоровская М.В., 2011

ный конфликт, возникающий вследствие пересекающейся идентичности и амбивалентности семейных ролей. Таким образом, ***целью*** исследования является анализ связи представлений прародителей, родителей и детей-подростков об их межличностных отношениях и взаимодействии как потенциального фактора межпоколенного конфликта в семьях с разной структурной организацией.

Методика проведения

В качестве возрастного критерия отбора при формировании выборки испытуемых был выбран пубертатный период в развитии ребенка, так как именно в отрочестве процесс сепарация ребенка от родителей за счет психологического механизма обособления протекает наиболее остро, что ставит новые задачи развития перед семейной группой. Вместе с тем, подросток остро нуждается в поддержке со стороны взрослых. Таким образом, противоречивость потребностей подростка влечет за собой с его стороны максимальную критичность в понимании и оценке детско-родительских отношений и взаимодействия. Мы так же выдвинули *гипотезу* о том, что расхождения в представлениях родителей и подростков о детско-родительских отношениях и взаимодействии различны в содержательном аспекте и степени выраженности в семьях разного типа. Для верификации данной гипотезы в соответствии с критерием структурной организации семьи были сконструированы 5 эмпирических групп, а именно:

– нуклеарные полные семьи, имеющие кровно-родственные связи, состоящие из родительской диады и ребенка-подростка (всего 75 чел.);

– нуклеарные неполные семьи, основанные на кровно-родственной связи «Материнские семьи» (всего 40 чел.);

– нуклеарные приемные семьи, состоящие из родительской диады и ребенка-подростка, усыновленного в возрасте 6–8 лет, т.е. более 6 лет назад (всего 45 чел.);

– расширенные полные семьи, состоящие из диады прародителей, диады родителей и ребенка-подростка (всего150 чел);

– расширенные неполные семьи, состоящие из бабушки, матери и ребенка-подростка (всего 45 чел.).

Таким образом, общая выборка исследования составила 355 человек.

Методический аппарат исследования составили следующие методики: опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) В.В. Юстицкиса, Э.Г. Эйдемиллера; опросник «Родителей оценивают дети» - модификация опросника «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ), выполненная И.А. Фурмановым, А.А. Аладьиным (1999); методика «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Е. Шеффера, Р. Белла (адаптация Т.В. Архиреевой, 2000), методика «Взаимодействие родитель-ребенок» (ВРР) (И.М. Марковская), формы для родителей и подростков.

Проведение сопоставлений было обеспечено использованием математической статистики (программы Statistica 6.0).

Результаты и обсуждение

Приемная семья с ребенком-подростком. Низкий уровень родительской протекции в процессе воспитания (шкала *Гипопротекция,* АСВ) воспринимается подростком как устойчивая воспитательная позиция родителя, ориентированная на принятие и признание взросления ребенка, стимуляцию его самостоятельности и автономности. Минимальное количество обязанностей ребенка, его отстраненность от семейных дел (шкала *Недостаток требований-обязанностей* АСВ) воспринимается подростком как стремление родителей сохранить с ним чрезмерную исключительную привязанность (шкала *Расширение сферы родительских чувств* РОД). Однако это оценивается подростком как слабость, неразвитость родительских чувств, неспособность родителей выполнять свои обязанности по отношению к нему (шкала *Неразвитость родительских чувств* РОД). Минимальность или отсутствие наказаний за невыполнение требований и нарушение запретов, ориентация родителей главным образом на поощрение (шкала *Минимальность санкций* АСВ) воспринимается подростком как вседозволенность, возможность выполнять любые свои желания, нередко нарушая при этом правила и запреты (шкала *Недостаток запретов* РОД). Игнорирование, страх и нежелание родителей признать взросление ребенка, сохранение детских форм взаимодействия с ним, снижение уровня требований к подростку (шкала *Предпочтение в ребенке детских качеств* АСВ) воспринимается им как чрезмерно высокий уровень родительского внимания и контроля. Это лишает подростка самостоятельности и автономности,

препятствует удовлетворению его потребности во взрослости (шкала *Гиперпротекция* РОД). Страх утраты ребенка, повышенная неуверенность родителей в своей компетентности, мелочная опека (шкала *Фобия утраты ребенка* АСВ) формируют, с точки зрения подростка, чрезмерно жесткий стиль воспитания, для которого характерны неадекватно строгие наказания (шкала *Чрезмерность санкций* РОД). Наиболее ярко данная закономерность проявляется в отношениях подростка с матерью. Однако следует подчеркнуть, что чрезмерная тревога матери за ребенка оценивается им как недоверие, отвержение, слабость и неразвитость материнских чувств к нему. Минимальность требований к подростку со стороны матери понимается ребенком как способ удержания чрезмерно сильной эмоциональной связи с ним (шкала *Расширение сферы родительских чувств* РОД), в чем, с его точки зрения, так же проявляется слабость и незрелость матери (шкала *Неразвитость родительских чувств* РОД). В отношениях с отцом зафиксированы другие закономерности. Игнорирование отцом психологических потребностей подростка (главным образом, потребностей во взрослости, близком эмоциональном контакте и поддержке) воспринимается подростком только как неустойчивость воспитательных воздействий, их колебание и противоречивость (шкала *Неустойчивость стиля воспитания* РОД), то есть психологическая причина этой особенности процесса воспитания ребенком не осознается. В целом можно сказать, что подростки в приемных семьях более критично воспринимают и оценивают мать и ее отношение к нему, чем отца и его отношение. В семьях данного типа отношения с матерью вызывают у подростков более сильные переживания, которые, вероятно, обусловлены прошлым травматичным опытом отношений с родной матерью.

Кровно-родственная полная семья с ребенком-подростком. Потворствование желаниям подростка, некритичное удовлетворение всех его потребностей (особенно со стороны матери) воспринимается подростком как возможность безнаказанного нарушения любых запретов, невыполнения требований, которых у него в семье неадекватно мало (шкалы *Недостаточность требований и Минимальность санкций* РОД). Данная ситуация понимается подростком как минимальность родительского контроля, перераспределение власти в его пользу, возможность манипуляции родителями. А вот игнорирование потребностей ребенка в сочетании с максимальным ограничением его свободы и самостоятельности (шкала *Чрезмерность запретов* АСВ), обусловленная предпочтением в подростке детских качеств, воспринимается и понимается им как эмоциональное отвержение, незаинтересованность и нежелание родителей поддерживать с ним теплую привязанность и близкую связь. Интересно, что стремление родителей сохранить с подростком чрезмерную исключительную привязанность (шкала *Расширение сферы родительских чувств* АСВ), потворствование его потребностям (главным образом материальным) со стороны матери воспринимается ребенком как игнорирование его духовных потребностей (в общении, в ее любви и понимании), а со стороны отца – как его воспитательная неуверенность и возможность манипулирования им.

Кровно-родственная неполная семья с ребенком-подростком. «Материнская семья» (данную исследовательскую группу составили диады «мать-ребенок», ребенок был рожден в результате ранней беременности матери (17–19 лет), мать в браке не состояла). Чрезмерная забота матери, оберегание ребенка от малейших трудностей, разочарований, любой работы (в том числе и домашней) (шкала *Чрезмерная забота* PARI) воспринимается подростком как потворствование его потребностям в сочетании с чрезмерно высокими требованиями (главным образом дисциплинарными), уже неадекватными подростковому возрасту (шкала *Чрезмерность требований-обязанностей* РОД). Излишняя эмоциональная дистанция, проявляющаяся в раздражительности матери по отношению к ребенку (шкала *Раздражительность родителей* PARI), воспринимается им наоборот, как сохранение слишком сильной связи, отношение матери к ребенку как своей собственности, с которой можно не считаться (шкала *Расширение сферы родительских чувств* РОД). Предоставление ребенку возможности свободно высказывать свое мнение, в том числе критические замечания в адрес членов семьи (шкала *Вербализация* PARI) воспринимается подростком не как проявление оптимального эмоционального контакта, а как отсутствие каких-либо запретов и вседозволенность (шкала *Недостаточность требований-запретов* РОД). Такая позиция матери вызывает у подростка противоречивые чувства: с одной стороны,

у него возникает ощущение, что мать признает его права на взрослость, а с другой – ощущение, что вследствие его взросления потребности в поддержке и помощи ей игнорируются.

Расширенная неполная семья. Чем сильнее проявляется в семье конфронтация (шкала *Воспитательная конфронтация в семье*, ВВР) бабушки с матерью по вопросам воспитания внука, тем, с его точки зрения (форма опросника для подростков), более выражено отвержение матерью личностных качеств и поведенческих особенностей подростка (шкала *Принятие* (ВВР) r= -0,6 при p=0,02) при низкой тревожности матери за него (шкала *Тревожность за ребенка* ВВР, r= -0,5 при p=0,05).

Эта позиция частично подтверждается и восприятием матери – чем сильнее ее конфронтация с бабушкой, тем менее выражена у нее тревожность за ребенка (шкала *Тревожность за ребенка* ВВР, r= -0,56 при p=0,03). Кроме того тревожность матери за подростка снижается в том случае, если требовательность бабушки и ее ожидания высокого уровня ответственности от внука заметно возрастают (шкала *Требовательность* ВВР; r= -0,51 при p=0,05). В целом, в таком ситуационном контексте можно говорить о том, что мать склонна контролирующие функции и воспитательную ответственность «перекладывать» на собственную мать и взрослеющего ребенка. Логично предположить, что в условиях конфронтации матери и бабушки подросток переживает отверженность, отчужденность от семьи, а главным образом от матери.

В этой эмпирической группе получены и другие, заслуживающие внимания результаты. Так, оказалось, что существует прямая корреляционная связь между представлениями бабушки о близости к ней внука (шкала *Эмоциональная близость ребенка*, ВВР, r= 0,5 при p=0,05), ее принятием его личностных и поведенческих характеристик (шкала *Принятие ребенка*, ВВР; r= 0,6 при p=0,03) и высокими требованиями матери по отношению к ребенку-подростку (шкала *Требовательность,* ВВР). Полученные результаты позволяют говорить о том, что ядерным компонентом в структурной организации расширенной неполной семьи является диада «бабушка-мать» (а не «мать-ребенок»), взаимодействие в которой характеризуется высоким уровнем конкурентности и конфликтности, вероятно, вследствие борьбы за власть в семье.

Относительно взаимодействия в диаде «мать-подросток» так же выявлены интересные факты. Так, сотрудничество матери с подростком (шкала *Сотрудничество* ВВР), которое является следствием включенности ребенка во взаимодействие, признания его прав, достоинств и отражает равенство и партнерство в этих диадических отношениях, воспринимается подростками неоднозначно и амбивалентно. С одной стороны, включенность во взаимодействие с матерью на основе равенства и партнерства, воспринимается подростком как устойчивая и последовательная тенденция (шкала *Последовательность родителя* ВВР, r= 0,5 при p=0,02), способствующая взаимной удовлетворенности отношениями (шкала *Удовлетворенность,* r= 0,54 при p=0,03), но, с другой стороны – означает для него снижение материнского контроля (шкала *Контроль по отношению к ребенку*, ВВР r= -0,57 при p=0,02); ее требований и строгости (шкала, *Требовательность,* ВВР r= -0,7 при p=0,00), что способствует полной автономии ребенка и вседозволенности, которая может быть следствием либо безразличного отношения к ребенку, либо любования и восхищения им (воспитание по типу «Кумир семьи»).

Расширенная полная семья. Потворствование со стороны матери, некритичное удовлетворение потребностей ребенка (шкала *Потворствование потребностям ребенка* АСВ) воспринимается подростками как следствие супружеского конфликта, разногласий в воспитательных позициях с супругом (шкала *Вынесения конфликта между супругами в сферу воспитания,* РОД; r=0,4 при p<0,01). Вероятно, подросток рассматривает такую воспитательную позицию матери как ее попытку создания с ним коалицию против отца.

Недостаточность запретов со стороны матери (шкала *Недостаток запретов*, АСВ; r= 0,54 при p=0,00), отсутствие или недостаток адекватных санкций со стороны отца (шкала *Минимальных санкций*, АСВ; r= 0,4 при p=0,01), чрезмерность удовлетворения материальных потребностей подростка обоими родителями (шкала *Потворствование,* АСВ; r= 0,38 при p=0,02), воспринимается подростком как вседозволенность и отстраненность от семейной жизнедеятельности (шкала *Недостаточность требований-обязанностей* РОД; r=0,4 при p=0,01). Интересно, что минимальность санкций (АСВ, r= 0,36 при p=0,02) со стороны отца в сочетании с чрезмерностью

отцовского внимания (шкала *Гиперпротекция,* АСВ; r= 0,41 при p=0,01) и потворствованием желаниям подростка (шкала *Потворствование,* АСВ; r= 0,5 при p=0,00), воспринимаются подростком как результат неустойчивости стиля воспитания (РОД) и неразвитости родительских чувств (РОД).

Таким образом, очевидно, что воспитательные позиции отца воспринимаются подростком противоречиво: минимальность отцовского контроля воспринимается как его отстраненность, а чрезмерность отцовского внимания – как показатель его непоследовательности, неуверенности и неразвитости отцовских чувств.

Выводы

1. В семьях разного типа бо́льшее количество корреляционных связей обнаруживается между восприятием подростками детско-родительского взаимодействия и воспитательными позициями *матери*. Это указывает на то, что мать является центральной фигурой воспитательного процесса, а взаимодействие с ней – преобладающим предметом отражения и переживаний со стороны подростков.

2. Конфронтация между партнерами (мать – отец; мать – бабушка) более четко прослеживается в расширенных семьях, что негативно отражается на межпоколенном взаимодействии. Вариантами этих негативных последствий являются:

– отстраненность подростка от жизни семьи;

– нечувствительность или отвержение личностных и поведенческих изменений, которые происходят с ребенком-подростком;

– вовлеченность подростка во внутрисемейные коалиции (с матерью против отца или с бабушкой против матери), что обостряет его конфликтные отношения с другими членами семьи и способствует формированию чувства вины перед ними.

3. Борьба за власть в сфере воспитания наиболее характерна для расширенных неполных семей. Это является следствием того, что в отсутствии отца в семье бабушка включена в воспитательный процесс в роли замещающего родителя и конкурирует со своей дочерью, которой одновременно принадлежат амбивалентные роли, приводящие к внутриличностному конфликту – дочери по отношению к матери; матери по отношению к собственному ребенку. Борьба за власть в сфере воспитания между матерью и отцом не типична для современной семьи, вследствие того, что отцы занимают более отстраненную позицию, а ответственность за выполнение воспитательной функции семьи принадлежит матери.

4. Возможным следствием недостаточной включенности отца в воспитательный процесс является противоречивость восприятия подростками воспитательных позиций отца, что только усиливает напряженность и конфликтность отношений между отцами и детьми.

В целом, результаты данного исследования демонстрируют различия, а порой и противоречивость представлений родителей и детей о детско-родительских отношениях и взаимодействии, что во многом объясняет потенциальную и актуальную деструктивность межпоколенного конфликта в семьях разного типа.

Библиографический список

1. *Боуэн М.* Духовность и личностно-центрированный подход // Вопросы психологии. – 1992. – № 3. – С. 24–33.

2. *Мид М.* Культура и мир детства. - М.: Наука, 1988. – 429 с.

3. *Сапоровская М.В., Крюкова Т.Л., Гущина Т.В., Петрова Е.А.* Психология межпоколенных отношений: конфликты и ресурсы. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; Duisburg: Verlag des PIB, 2009. – 361 с.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378

Артюшина Лариса Андреевна
кандидат педагогических наук
Монахов Михаил Юрьевич
доктор технических наук
Владимирский государственный университет
larisa-artusina@yandex.ru

РЕФЛЕКСИВНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ В СТАНДАРТАХ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ

В статье обсуждается вопрос включения в содержание федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования рефлексивных компетенций как необходимого условия подготовки высококвалифицированных специалистов на уровне мировых стандартов.

Ключевые слова: *рефлексия, рефлексивные умения, компетенции, рефлексивные компетенции.*

В Российском высшем образовании происходит смена парадигм. Кратко это можно сформулировать следующим образом – переход от подготовки специалиста к образованию человека и формированию его личности, что предполагает способность к рефлексии и, в свою очередь, требует разработки и реального воплощения на практике новой образовательной парадигмы рефлексивного воспитания и обучения (И.А. Бочкарева, Е.Н. Соловова [3], В.А. Ситаров [5, с. 332–350], И.А. Стеценко [6, с. 3–10], В.А. Попков, А.В. Коржуев [4, с. 275–294], Л.А. Артюшина [1] и др.).

Основные положения новой парадигмы находят отражение в государственных документах. В частности, федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования по направлениям подготовки бакалавриата [7] ориентируют на формирование у обучающихся ряда общекультурных и профессиональных компетенций, предполагающих способность к рефлексии.

Речь идёт о следующих способностях: выстраивать и реализовывать траектории интеллектуального, культурного, нравственного и профессионального саморазвития и самосовершенствования; анализировать свои возможности; приобретать новые знания; критически переосмысливать накопленный опыт, изменять при необходимости вид и характер профессиональной деятельности; выделять главные смысловые аспекты в доказательствах; ясно и аргументированно строить устную и письменную речь. А также таких умениях, как понять поставленную задачу; на основе анализа увидеть и корректно сформулировать результат; оценивать результаты своей работы и их последствия; работать в коллективе, готовность к сотрудничеству с коллегами, способность к разрешению конфликтов и социальной адаптации.

Очевидно, что приведённые аргументы свидетельствуют о наличии в федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования по направлениям подготовки бакалавриата базовых установок на формирование у студентов рефлексии.

Однако, на наш взгляд, в обозначенных нормативных документах отсутствует перечень базовых компетенций, собственно составляющих рефлексию. Очевидно, такое положение дел затрудняет выработку научно обоснованного подхода к построению и реализации рефлексивной парадигмы воспитания и обучения в системе высшей школы, а потому и создаёт серьёзные препятствия для целенаправленного формирования рефлексии у студентов.

Аргументируем сделанный вывод. Анализ философских, педагогических и психологических исследований, раскрывающих проблему рефлексии, позволил нам выявить общий подход в понимании рефлексии, заключающийся в том, что это один из видов деятельности, протекающий по механизму осмысления индивидом совершённых им действий, выделения оснований этих действий и соотнесение их с полученным результатом [2, с. 40]. Следовательно, для того чтобы осуществлять рефлексию, студент должен обладать знаниями

© Артюшина Л.А., Монахов М.Ю., 2011

(знаниевая сторона) и умениями (операциональная сторона), обеспечивающими возможность выполнения им рефлексивной деятельности.

Знаниевая сторона рефлексивной деятельности представляется нам в виде совокупности знаний и представлений, которые в своём функциональном аспекте выступают как основа для осознанного действия. Данную сторону мы представляем через следующие компоненты [2]:

– понятия и термины, в которых фиксируется знание о сущности рефлексивной деятельности: рефлексия, рефлексивное умение;

– знания и представления о роли рефлексивных умений в познании, в собственной жизни и жизни человека в целом;

– знания о средствах осуществления рефлексии;

– знания о способах осуществления рефлексии.

Операциональная сторона рефлексивной деятельности характеризуется совокупностью базовых рефлексивных умений и составляющих их действий, необходимых для осуществления рефлексии. Мы предлагаем следующий перечень этих умений и составляющих их действий [2, с. 43–44]:

1) остановка познавательного действия в условиях неуспешности движения к достижению цели:

– фиксация несоответствия результата действия поставленной цели;

– поиск причин неуспешности действия;

2) осознавание средств собственного мышления:

– выделение операций, составляющих действие;

– определение назначения операции;

– оценка назначений выделенных операций на предмет соответствия цели и реально достигнутого результата действия;

3) фиксация совершённых действий посредством схемы любого рода:

– оформление в виде элементов схемы совершённых действий;

– сведение элементов схемы в единый объект посредством установления связей между действиями;

4) фиксация знания о незнании:

– выделение в ситуации принципиально новых условий;

– анализ имеющихся знаний и умений на предмет несоответствия новым условиям;

– формирование запроса на необходимые элементы новых знаний и умений для решения задачи;

5) выработка обновленного взгляда на проблему с другой смысловой позиции:

– выделение возможных смысловых позиций, способствующих раскрытию многоаспектности проблемы, позволяющей лучше её осознать;

– отбор вариативных средств, отражающих специфику каждой смысловой позиции;

– сравнительный анализ средств, отражающих различные смысловые позиции;

6) анализ оснований собственных действий:

– выделение существенных данных и их отношений, характерных для определённого типа задач;

– соотнесение определенного типа задач с соответствующим ему способом решения.

Отражение в содержании федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования рефлексивной деятельности в целостности её знаниевой и операциональной сторон представляется нам необходимым условием целенаправленного формирования рефлексии у студентов.

Поэтому существующий перечень общекультурных компетенций может быть дополнен, на наш взгляд, такими компетенциями, как:

– знания о сущности и роли рефлексии в познании, в собственной жизни и жизни человека в целом;

– знания о средствах и способах осуществления рефлексии и использование их в профессиональной деятельности.

Профессиональные компетенции мы предлагаем дополнить следующими умениями:

– умение останавливать познавательное действие в условиях неуспешности движения к достижению цели;

– умение осознавать средства собственного мышления;

– умение фиксировать совершённые действия посредством схемы любого рода;

– умение фиксировать знания о незнании;

– умение вырабатывать обновленный взгляд на проблему с другой смысловой позиции;

– умение анализировать основания собственных действий.

Включение в содержание федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования указанных компетенций мы рассматриваем в качестве необходимого условия разработки и реального воплощения на практике инновационных образова-

тельных подходов к проектированию современных образовательных систем высшей школы, способных обеспечить подготовку высококвалифицированных специалистов на уровне мировых стандартов.

Библиографический список

1. *Артюшина Л.А.* Рефлексивное образование как основа современной образовательной системы высшей школы // Письма в «Эмиссия. Оффлайн» (The Emissia.Offline Letters): электронный научный журнал. – 2010. – Июнь, ART 1427. – СПб., 2010 г. – Режим доступа: http:// www. emissia. Org / offline / 2010 / 1427.htm. (Дата обращения 05.07.2010.)

2. *Артюшина Л.А.* Дидактические средства включения рефлексивных умений школьников в содержание образования: Дис. ... канд. пед. наук. – Н.Новгород, 2008. – 173 с.

3. *Бочкарева И.А.* Пути создания рефлексивно-инновационной среды в процессе профессиональной практической подготовки студентов // Инновации в подготовке учителя / под общей ред. И.А. Бочкарёвой, Е.Н. Соловововой. – М., 2002. – С. 54–65.

4. *Попков В.А., Коржуев А.В.* Теория и практика высшего профессионального образования. – М.: Изд-во «Академический проект», 2010. – 452 с.

5. *Ситаров В.А.* Дидактика: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. В.А. Сластенина. – М.: Академия, 2002. – 576 с.

6. *Стеценко И.А.* Теория и практика развития педагогической рефлексии студентов. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2006. – С. 5–11.

7. Федеральные государственные образовательные стандарты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mon.gov.ru/dok/fgos/.

Воронцова Ольга Романовна
кандидат технических наук
Костромской государственный технологический университет
olga_voroncova_p@mail.ru
Катержина Светлана Федоровна
кандидат педагогических наук
Костромской государственный технологический университет
svetakaterzhina@mail.ru

ШАГИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ КОНТРОЛЬНО-ИЗМЕРИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ В РАМКАХ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ

В данной статье авторы рассматривают алгоритм проектирования контрольно-измерительных материалов и оценочного фонда, реализацию его на примере общекультурной компетенции учебной дисциплины «Высшая математика».

Ключевые слова: *компетентность, КИМ, познавательная деятельность.*

Присоединение России к Болонскому процессу, разработка и внедрение новых ФГОС ВПО внесли существенные изменения в парадигму образования. Это, в свою очередь, актуализировало пересмотр действующих принципов и механизмов организации учебного процесса, в частности, разработки контрольно-измерительных материалов (КИМ), позволяющих осуществлять оценку уровня сформированности компетенций.

Контрольно-измерительные материалы – это специально разработанные материалы контроля уровня сформированности общекультурных и профессиональных компетенций студентов, выраженные в количественных и качественных показателях, способные наглядно продемонстрировать степень знаний, умений и владений студента.

В разработке КИМов участвуют:

– разработчики учебной дисциплины для возможности осуществления контроля уровня знаний, умений, владений по учебной дисциплине;

– руководители образовательной программы для оценки уровня сформированности комплекса общекультурных и профессиональных компетенций студентов, отраженных в ФГОС ВПО в рамках итоговой государственной аттестации.

Основными принципами разработки КИМов учебной программы являются:

– направленность на идентификацию знаний, умений, владений как результат формирования конкретной компетенции;

– соответствие содержания КИМа и вида деятельности студента, подлежащего оценке;

– количественные и качественные показатели

 © Воронцова О.Р., Катержина С.Ф., 2011

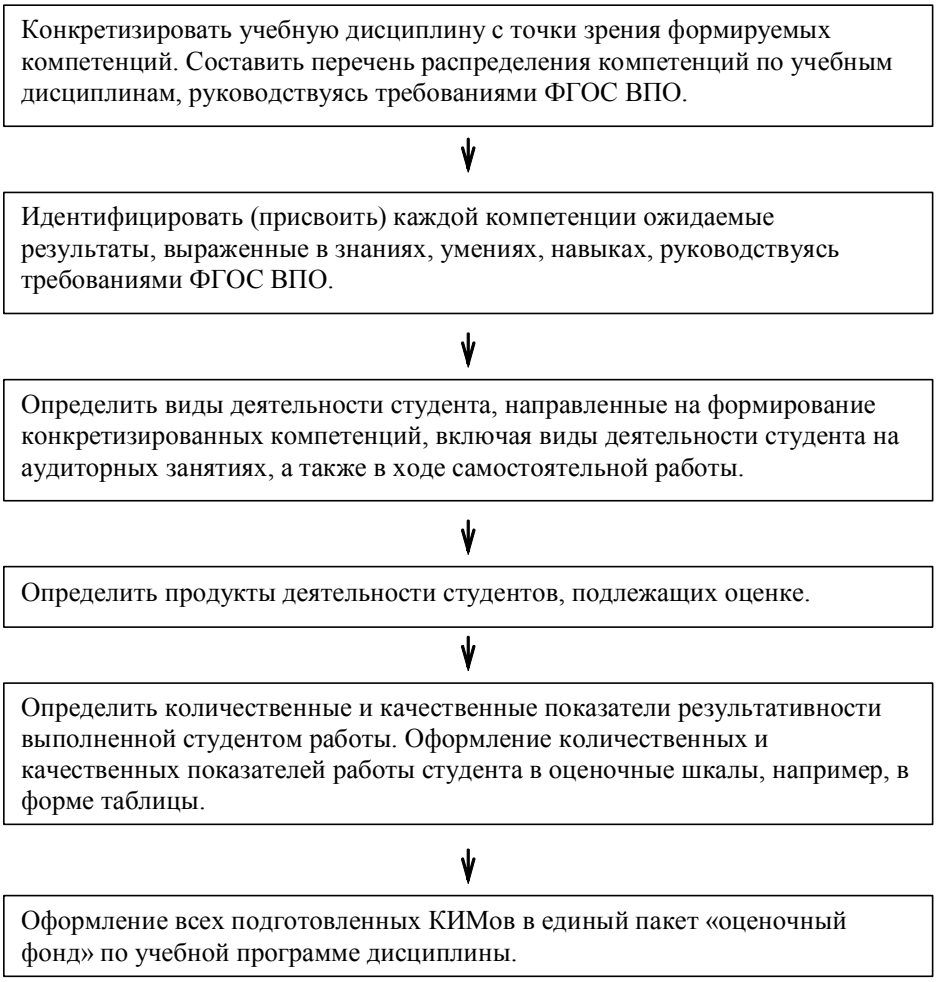


Рис. 1.

результата измеряемой деятельности (метрические);

– ранжирование показателей и проектирование оценочных шкал, позволяющих дифференцировать уровень сформированности компетенций.

Алгоритм разработки КИМов и формирования оценочного фонда по учебной дисциплине см. на рисунке1.

Данный алгоритм авторы реализовали для учебной дисциплины «Высшая математика» по направлению подготовки 280700 Техносферная безопасность (квалификация «Бакалавр»).

В дальнейшем будем рассматривать реализация шагов 2–6 на примере ОК-10.

Шаг 1.

Учебная дисциплина	Компетенции
Высшая математика	ОК-4 – Самосовершенствование (сознание необходимости, потребность и способность учиться). ОК-6 – Способность организовать свою работу ради достижения поставленных целей; готовность к использованию инновационных идей. ОК-8 – Способность работать самостоятельно. ОК-10 – Способность к познавательной деятельности. ОК-11. – Способность использовать законы и методы математики, естественных, гуманитарных и экономических наук при решении профессиональных задач.

Шаг 2.

Компетенции ФГОС ВПО	Результат формирования (в знаниях, умениях, владениях)
ОК-10 Способность к познавательной деятельности	*Должен знать:* - основные теоретические положения по теме; *Должен уметь:* - ставить цели и формулировать задачи, связанные с реализацией поставленной проблемы; - проводить анализ содержания учебного материала; - проводить процесс обобщения, систематизации знаний; - выделять главное; - проводить оценку полученных результатов и вносить коррективы. *Должен владеть:* - методами планирования своей деятельности; -методами поиска информации.

Шаг 3.

Компетенция ОК-10		
Лекции	Семинарские занятия	Самостоятельная работа
Виды деятельности студента		
- Конспект - Рабочая тетрадь - Подготовка вопросов по теме	- Решение задач «по образцу»; - Решение задач «в новой ситуации»; - Решение творческих задач; - Разработка групповых кроссвордов по теме; - Прохождение тестирования по теме; - Работа со «слепым» конспектом; - Работа с пустыми окнами структурно-тематических карт	- Выполнение индивидуальных домашних заданий; - Разработка глоссария по теме; - Подготовка презентации по учебному материалу; - Разработка групповых кроссвордов по теме; - Разработка тестовых заданий и демо-версий контрольных и самостоятельных работ; - Работа с информационно-образовательным ресурсом; - Создание портфолио – «портфеля достижений» (серия работ, отражающих и подтверждающих путь овладения компетенциями в дисциплине); - изучение литературы

Как правило, определение продуктов деятельности студентов и определение вида деятельности студента осуществляются параллельно. Мы рассмотрим четвертый шаг на примере самостоятельной работы.

Шаг 4.

Виды деятельности студента	Ожидаемый результат	Продукт, подлежащий оценке
Разработка глоссария по теме	Должен знать: - основы теории по теме. Должен уметь: - проводить процесс обобщения, систематизации знаний; - выделять главное.	Глоссарий
Подготовка презентации по учебному материалу	Должен знать: - основы теории по теме. Должен уметь: - проводить процесс обобщения, систематизации знаний; - выделять главное. Должен владеть: - навыками работы в Power Point.	Презентация и публичное выступление
Разработка тестовых заданий	Должен знать: - основы теории по теме; - основы по составлению тестов. Должен уметь: - проводить процесс обобщения, систематизации знаний; - выделять главное; - проводить анализ содержания учебного материала; - осуществлять самоконтроль.	Тест

Шаг 5.

В этом шаге следует придерживаться ответа на вопрос: какие показатели будут свидетельствовать о том, что студент выполнил задание на «отлично», «хорошо», «удовлетворительно», «неудовлетворительно»? Рассмотрим реализацию шага на примере разработки КИМа глоссария, подготовки презентации и портфолио.

КИМ глоссария

Параметр	Оценка (по 5-балльной шкале)
- количество терминов – более 20; - все определения соответствуют теме; - все определения составлены математически грамотно; - работа выполнена в указанный срок	5
- количество терминов от 15 до 20; - все определения соответствуют теме; - 75–90 % определений составлены математически грамотно; - работа выполнена в указанный срок	4
- количество терминов от 10 до 15; - 50 % определений соответствуют теме; - 60–75 % определений составлены математически грамотно; - работа сдана не в срок	3
- количество терминов – менее 10; - 50 % определений соответствуют теме; - менее 60 % определений составлены математически грамотно; - работа сдана не в срок	2

КИМ презентации

Параметр	Оценка (по 5-балльной шкале)
- количество слайдов – более 20; - все определения, теоремы, формулы представлены верно; -1/2 от общего количества слайдов – задачи и примеры; - работа выполнена в указанный срок	5
- количество слайдов от 15 до 20; - 75–90 % определений, теорем, формул представлены верно; - 1/3 от общего количества слайдов – задачи и примеры; - работа выполнена в указанный срок	4
- количество слайдов от 10 до 15; - 60-75 % определений, теорем, формул представлены верно; - 1/4 от общего количества слайдов – задачи и примеры; - работа сдана не в срок.	3
- количество слайдов – менее 10; - менее 60 % определений, теорем, формул представлены верно; -менее 1/4 от общего количества слайдов – задачи и примеры; - работа сдана не в срок.	2

КИМ портфолио

Параметр	Оценка (по 5-балльной шкале)
- отражает все виды деятельности студента; - материалы логично структурированы; - материалы свидетельствуют об активном участии с тудента в процессе изучения всех (10) тем учебной дисциплины; - использован творческий подход, предлагается иллюстрированный материал	5
- отражает все виды деятельности студента; - материалы логично структурированы; - материалы свидетельствуют об участии студента в процессе изучения не всех (не менее 8) тем учебной дисциплины	4
- не отражает все виды деятельности студента; - материалы логично не структурированы; - отражена низкая активность студента в процессе изучения дисциплины	3
- не отражает все виды деятельности студента; - материалы выстроены не логично; - материалы не отражают темы учебной дисциплины и вклад в формирование знаний и умений студента	2

Шаг 6.

Оформление всех подготовленных КИМов в единый пакет «Оценочный фонд» по учебной программе дисциплины, где должны быть отражены все КИМы по изучаемой дисциплине.

На рисунке 2 представлены 6 шагов проектирования КИМа.

Разработанные КИМы позволяют оценить уровень сформированности компетенций, отраженных в ФГОС ВПО, наглядно демонстрируют степень знаний, умений и владений студента по учебной дисциплине.

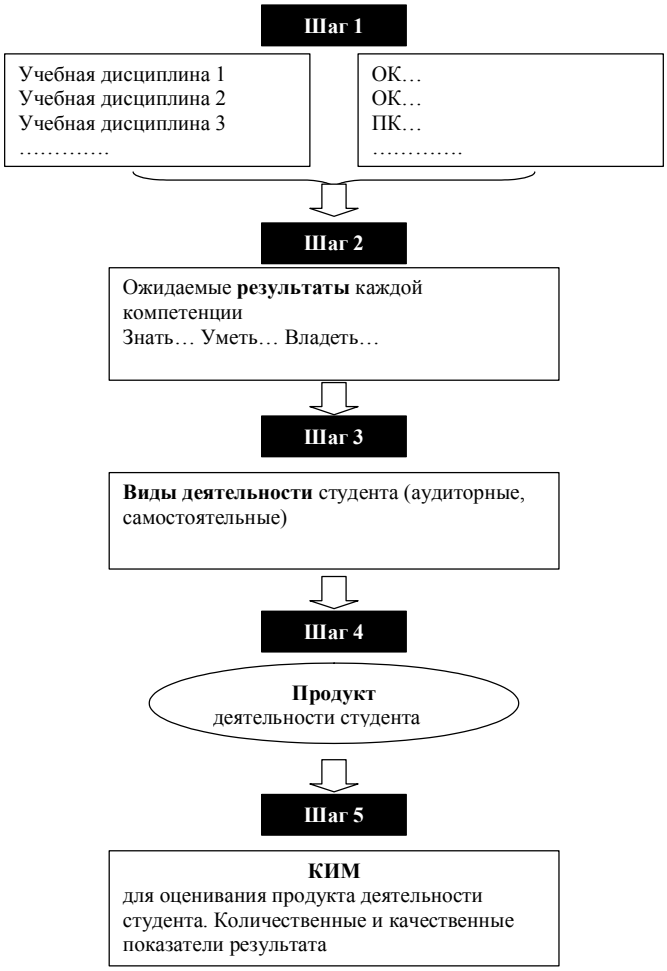


Рис. 2. Шаги проектирования КИМа

Библиографический список

1. *Байденко В.И.* Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы): методическое пособие. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. – 114 с.

2. *Громова Л.А., Бавина П.А., Кондрашин А.В.* Управление проектированием образовательных программ в рамках требований федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования третьего поколения: методическое пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. – 104 с.

УДК 796.92.093.642

Дорогова Юлия Александровна
julya_dorogova@rambler.ru,
Деминцева Ольга Александровна
operaaa@rambler.ru,
Белкина Татьяна Николаевна
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРЕНИРОВОЧНЫХ НАГРУЗОК БИАТЛОНИСТОК В УСЛОВИЯХ СРЕДНЕГОРЬЯ С УЧЕТОМ БИОХИМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

В данной статье рассматриваются особенности проведения тренировочных сборов высшего спортивного мастерства в условиях среднегорья для биатлонисток. Показана значимость тренировочных нагрузок в условиях среднегорья с учетом биохимических показателей спортсменок.

Ключевые слова: *биатлон, тренировочные нагрузки, условия среднегорья, адаптация, жизненная емкость легких, гемоглобин, молочная кислота (лактат).*

Биатлон в России относится к одному из наиболее популярных видов спорта. Для успешной подготовки спортсменов требуются качественно организованные тренировки с применением новых подходов и методов [1; 2]. Практика тренировок биатлонистов в условиях среднегорья существует уже давно, и методика их проведения разрабатывалась в разных странах на протяжении более 50 лет [3]. На сегодняшний день сформированы основные правила и подходы к тренировке в среднегорье, однако они постоянно меняются и совершенствуются. В процессе стремления к улучшению показателей в биатлоне перед тренерами возникает много проблем качественной подготовки своих воспитанников, включая изучение и применение современных методик, в том числе и проведение тренировок в условиях среднегорья [4–8].

С подготовкой в горах связано много выдающихся достижений, особенно в циклических видах спорта. При этом тренировка в большей мере проводится с целью повышения спортивных достижений в соревнованиях после возвращения в привычные равнинные условия. В спортивной практике много примеров, когда отдельные выдающиеся спортсмены или целые команды, проводившие тренировочные сборы в среднегорье, как в подготовительном периоде, так и непосредственно перед ответственными стартами, добивались значительных спортивных результатов [3]. В настоящее время проведены глубокие исследования различных сторон подготовленности высококвалифицированных спортсменов. Однако при проведении занятий нельзя опираться только на литературные данные, необходимо проводить индивидуальную оценку уровня двигательной подготовленности занимающихся спортом.

Для успешного и эффективного использования методики подготовки спортсменов в системе тренировочных занятий необходимо знать и учитывать общеметодические аспекты организации их проведения. Был выделен ряд факторов, которые необходимо учитывать в процессе планирования тренировочных занятий. Как правило, подбор упражнений проводится по системе их трудности для занимающихся с систематическим повторением для прочного усвоения приобретаемых навыков и умений, функциональных, физических качеств.

При подборе упражнений необходимо учитывать:

– педагогические задачи, поставленные на данном занятии;

– учет положительного переноса двигательного навыка;

– физиологические особенности занимающихся;

– психологические особенности;

– подготовленность группы;

– количественный состав занимающихся;

– место проведения занятия (зал, естественные условия среды) [9].

Цель данного исследования – организовать тренировочный процесс биатлонисток высшего спортивного мастерства в условиях среднегорья и выявить влияние тренировочных нагрузок с учетом биохимических показателей.

Исследование проводилось во время тренировочных сборов в августе – сентябре 2010 г. В нем приняла участие группа из 20 биатлонисток в возрасте 16–18 лет с подготовкой на уровне

 © Дорогова Ю.А., Деминцева О.А., Белкина Т.Н., 2011

первого разряда и кандидата в мастера спорта (КМС). Спортсменки были разделены на две группы: контрольную и опытную (по 10 человек в каждой). Опытная группа проводила тренировочный сбор в среднегорье – в учебно-тренировочном центре «Семинский перевал» (условия среднегорья). Контрольная группа тренировалась в Ульяновской области, то есть в условиях равнины.

Работа проводилась в три этапа.

1 этап – проведение контрольного тестирования: бег на лыжероллерах коньковым стилем (5 км) в конце июля 2010 года; эти данные взяли как исходные; также измерили показатели жизненной емкости легких (ЖЕЛ), гемоглобина, молочной кислоты (лактата);

2 этап – тренировочный процесс;

3 этап – в сентябре 2010 года вновь проводили контрольную тренировку спортсменов после тренировочных сборов и фиксировали результаты бега на 5 км на лыжероллерах, а также показатели ЖЕЛ, гемоглобина, лактата;

4 этап – подведение итогов экспериментального исследования; обобщение всех полученных данных; оформление результатов исследования.

У обеих групп биатлонисток имелся общий план тренировок: учебно-тренировочный сбор 21 день (табл. 1), состоящий из трёх микроциклов. Каждый включал в себя 6 дней тренировок и один день отдыха.

При обработке показателей тестирования, функционального состояния спортсменок использовали непараметрические статистические

Таблица 1

План тренировок биатлонисток

Дни тренировок	Содержание
1	зарядка: кросс (2 км), общие развивающие упражнения (ОРУ), общая физическая подготовка (ОФП); I тренировка: бег на лыжероллерах коньковым ходом (18 км), кросс (1 км), ОРУ, ОФП; II тренировка – поход (13 км), ОРУ
2	зарядка: кросс (2 км), ОРУ, ОФП; I тренировка: поход с шаговой имитацией в гору (15 км), ОРУ; II тренировка: бег на лыжероллерах коньковым ходом со стрельбой (10 км), кросс (1 км), ОРУ; вечерний тренаж с винтовкой
3	зарядка: кросс (2 км), ОРУ, ОФП; I тренировка: поход с шаговой имитацией в гору (15 км), ОРУ; II тренировка: бег на лыжероллерах без палок коньковым ходом (6 км), классическим ходом (6 км); кросс (1 км), ОРУ; Баня
4	зарядка: кросс (2 км), ОРУ, ОФП; I тренировка: бег на лыжероллерах коньковым ходом с винтовкой (20 км), ОРУ; II тренировка: кросс (5 км), ОФП 5 серий, ОРУ; вечерний тренаж с винтовкой
5	зарядка: кросс (2 км), ОРУ, ОФП; I тренировка: поход в горы (20 км), ОРУ; II тренировка: бег на лыжероллерах коньковым ходом (6 км), кросс (1 км), ОРУ, ОФП; вечерний тренаж с винтовкой
6	зарядка: кросс (2 км), ОРУ, ОФП; I тренировка: бег на лыжероллерах коньковым ходом с винтовкой (25 км), кросс (1 км), ОРУ, ОФП; II тренировка: кросс (5 км), ОФП 5 серий, ОРУ; Баня
7	Отдых
8	зарядка: кросс (2 км), ОРУ, ОФП; I тренировка: бег на лыжероллерах с шаговой имитацией (18 км), ОРУ; II тренировка: бег на лыжероллерах без палок коньковым ходом (15 км), кросс (1 км), ОРУ; вечерний тренаж с винтовкой

Окончание таблицы 1

9	зарядка: кросс (2 км), ОРУ, ОФП; I тренировка: бег на лыжероллерах с шаговой имитацией в горы (23 км), ОРУ; II тренировка: бег на лыжероллерах без палок коньковым ходом (12 км), кросс (1 км), ОРУ; вечерний тренаж с винтовкой
10	зарядка: кросс (2 км), ОРУ, ОФП; I тренировка: бег на лыжероллерах с шаговой имитацией в горы (18 км), ОРУ; II тренировка: бег на лыжероллерах без палок коньковым ходом (15 км), кросс (1 км), ОРУ; Баня
11	зарядка: кросс (2 км), ОРУ, ОФП; I тренировка: бег на лыжероллерах коньковым ходом с винтовкой (24 км), ОРУ; II тренировка: кросс (5 км), ОФП 5 серий, ОРУ; вечерний тренаж с винтовкой
12	зарядка: кросс (2 км), ОРУ, ОФП; поход в горы (7 часов)
13	зарядка: кросс (2 км), ОРУ, ОФП; I тренировка: бег на лыжероллерах коньковым ходом (24 км), кросс (1 км), ОРУ; II тренировка: кросс (5 км), ОРУ; Баня
14	Отдых
15	зарядка: кросс (2 км), ОРУ, ОФП; I тренировка: бег на лыжероллерах с прыжковой имитацией (16 км), ОРУ; II тренировка: бег на лыжероллерах без палок коньковым ходом (16 км), кросс (1 км), ОФП 5 серий, ОРУ; вечерний тренаж с винтовкой
16	зарядка: кросс (2 км), ОРУ, ОФП; I тренировка: бег на лыжероллерах коньковым ходом (30 км), кросс (1 км), ОРУ; II тренировка: кросс (8 км), ОРУ; вечерний тренаж с винтовкой
17	зарядка: кросс (2 км), ОРУ, ОФП; I тренировка: бег на лыжероллерах с прыжковой имитацией (16 км), ОРУ; II тренировка: бег на лыжероллерах без палок коньковым ходом (6 км), классическим ходом (6 км); кросс (1 км), ОРУ; Баня
18	зарядка: кросс (2 км), ОРУ, ОФП; I тренировка: бег на лыжероллерах коньковым ходом (16 км), кросс (1 км), ОРУ; II тренировка: кросс (5 км), ОФП 5 серий, ОРУ; вечерний тренаж с винтовкой
19	зарядка: кросс (2 км), ОРУ, ОФП; I тренировка: бег на лыжероллерах с шаговой имитацией (18 км), ОРУ; II тренировка: бег на лыжероллерах коньковым ходом (16 км), кросс (1 км), ОРУ; вечерний тренаж с винтовкой
20	зарядка: кросс (2 км), ОРУ, ОФП; I тренировка: бег на лыжероллерах (контрольная тренировка) коньковым ходом (5 км), определение уровня лактата в крови, кросс (3 км), ОРУ; II тренировка: кросс (5 км), ОФП 5 серий, ОРУ; Баня
21	отдых; измерение ЖЕЛ, определение уровня гемоглобина в крови

Таблица 2

Средние результаты биатлонисток в беге на лыжероллерах коньковым стилем (5 км)

Группы	Исходные данные (мин, с)	Конечные данные (мин, с)	Прирост (с)
контрольная	14,87 ± 0,106	14,61 ± 0,095	26,0 ± 0,816
опытная	15,70 ± 0,126	14,41 ± 0,099	76,2 ± 1,632

Таблица 3

Средние данные ЖЕЛ биатлонисток

Группы	Исходные данные ($м^3$)	Конечные данные ($м^3$)	Прирост ($м^3$)
контрольная	3,18 ± 0,006	3,24 ± 0,010	0,10 ± 0,044
опытная	3,10 ± 0,018	3,77 ± 0,008	0,67 ± 0,022

Таблица 4

Средние данные содержания гемоглобина в крови биатлонисток

Группы	Исходные данные (г/л)	Конечные данные (г/л)	Прирост (г/л)
контрольная	125,5 ± 1,28	128,7 ± 0,79	3,2 ± 0,85
опытная	123,1 ± 1,42	142,3 ± 1,81	19,2 ± 1,23

Таблица 5

Средние показатели молочной кислоты в крови биатлонисток

Группы	Исходные данные (ммоль/л)	Конечные данные (ммоль/л)	Прирост (ммоль/л)
контрольная	21,5 ± 0,83	24,1 ± 0,75	2,5 ± 0,50
опытная	21,1 ± 0,43	26,9 ± 0,53	5,8 ± 0,25

методы: критерии Вилкоксона и Манна-Уитни [10]. Статистический анализ данных производили в программе Statistica 6.0. В процессе исследования учитывались следующие признаки: время бега на лыжероллерах, данные ЖЕЛ, уровни гемоглобина и молочной кислоты (лактата) в крови.

В таблицах 2–5 приведены средние показатели тестирования спортсменок контрольной и опытной групп.

Анализ результатов повторного тестирования (в таблицах – конечные данные) биатлонисток свидетельствует о значительном повышении показателей функциональной подготовленности. Выявлен прирост результатов в беге на лыжероллерах: контрольной группы – на 1,78%, опытной группы – на 8,95% ($P < 0,05$). Результаты ЖЕЛ также увеличились в контрольной группе на 1,89%, в опытной группе – на 21,6% ($P < 0,05$), уровень гемоглобина в крови контрольной группы поднялся на 2,3%, в опытной – на 15,6% ($P < 0,05$). Показатели содержания лактата повысились в контрольной группе на 12%, в опытной – на 27,5% ($P < 0,05$). Значительное увеличение лактата в опытной группе свидетельствует об адаптации спортсменок к тренировочным нагрузкам в условиях среднегорья. Таким образом, отмечены более высокие приросты всех результатов спортсменок опытной группы. Полученные характеристики подтверждают эффективность организации тренировочного процесса биатлонисток в условиях среднегорья.

Итак, при подъёме в горы человеческий организм под воздействием климатических факторов изменяет многие свои функции. Явление умеренной гипоксии оказывает благотворное влияние на организм человека и его физические возможности. После пребывания в горах в течение 2–3 недель по возвращении на равнину повышается работоспособность, улучшается самочувствие, ощущаются прилив сил, бодрость, энергия. В результате высотных тренировок у спортсменов заметно улучшаются показатели. После окончания тренировки в горных условиях организм спортсмена оказывается в состоянии более высокой работоспособности, чем до подъема в горы. Кроме того, в процессе тренировки в среднегорье и адаптации к гипоксии организм совершенствует способность более экономно расходовать кислород.

Библиографический список

1. *Гибадуллин И.Г.* Управление тренировочным процессом в системе многолетней подготовки биатлонистов. – Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2005. – 208 с.

2. *Гибадуллин И.Г., Миронов А.Ю., Зверева С.Н.* Индивидуализация тренировочного процесса биатлонистов на основе биоэнергетических типов // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2010. – № 1. – С. 1–7.

3. *Маджуга В.И.* Исследование влияния многократного пребывания в среднегорье на работоспособность спортсменов (на примере биатлонистов). – М., 1972. – С. 17.

4. *Кинль В.А.* Биатлон. – Киев: Здоровье, 1987. – 123 с.

5. *Фокин В.В.* Оптимизация структуры и содержания тренировочного процесса в служебном биатлоне: Дис. … канд. пед. наук. – М., 2005. – 264 с.

6. *Гибадуллин И.Г.* Управление тренировочным процессом биатлонистов в системе многолетней подготовки: Автореф. дис. … д-ра пед. наук. – Волгоград, 2006. – 42 с.

7. *Дунаев К.С.* Технология целевой физической подготовки высококвалифицированных биатлонистов в годичном цикле тренировки: Дис. … д-ра пед. наук. – СПб., 2007. – 453 с.

8. Биатлон: книга о спорте номер один в мире: [истоки, звезды, олимпиады, чемпионаты, Кубок Мира / рук. проекта А. Ефимов; сост. Е. Расторгуев]. – Уфа: Белая Река, 2009. – 155 с.

9. Теория и методика физического воспитания: учеб. для институтов физ. культуры / Л.П. Матвеева, А.Д. Новикова. – Т. 1. Общие основы теории и методики физического воспитания. – М.: Физкультура и спорт, 1996. – С. 116.

10. *Реброва О.Ю.* Статистический анализ медицинских данных. Применение пакета прикладных программ STATISTICA. – М.: МедиаСфера, 2002. – 312 с.

УДК 37.013.43

Максимова Елена Александровна
кандидат педагогических наук
Саратовский государственный социально-экономический университет
maksimolena@yandex.ru

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТИНУУМ КАК КОНТЕКСТ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье анализируется значение контекста для педагогических исследований, приводятся типы контекстов. Социокультурная ситуация рассматривается в качестве точки бифуркации историко-культурного континуума. Система профессионального образования характеризуется как социальный институт. Делается вывод о целесообразности проведения педагогических исследований с учетом историко-культурного континуума.

Ключевые слова: *контекст развития образования, типы контекстов, континуум как контекст, профессиональное образование как социальный институт.*

В педагогических исследованиях при построении моделей различных аспектов системы образования, с целью более глубокого анализа изучаемых процессов и феноменов, требуется учитывать культурно-исторические особенности среды, в которой данные процессы и феномены развиваются. Б.Г. Ананьев заметил по этому поводу, что историческое время, как и все общественное развитие, есть фактор первостепенного значения для индивидуального развития человека. А поскольку педагогика связана непосредственно с развитием и формированием личности, есть основания в педагогических работах учитывать как исторические, так и культурные характеристики периода, в котором это развитие осуществляется.

Предметом нашего научного интереса является система профессионального образования, и данная статья представляет собой попытку обосновать необходимость учета историко-культурного континуума при анализе процессов профессионального образования.

За последние десятилетия в отечественной педагогической науке накоплены значительные результаты, дающие возможность анализировать профессиональное образование как сложноорганизованную систему. Целостность данной системы в проведенных исследованиях устанавлива-

 © Максимова Е.А., 2011

лась либо в синхронном измерении, когда одновременно сопоставлялись ее компоненты, либо в диахронном – когда отдельные ее компоненты сопоставлялись во времени. Однако сущность профессионального образования как института, комбинирующего задачи социализации личности, трансляции культуры, развития промышленности и экономики и пр., предполагает включение в исследование отдельным равноправным элементом контекста развития и функционирования исследуемой системы.

Так, например, В.Г. Виноградский в своем исследовании контекстом видит пространство как форму общественного бытия и обращает внимание, что его принципиальное отличие от всех иных разновидностей пространства «заключается в том, что его возникновение и развитие всецело связано с деятельностью общественного субъекта (общества в целом, социальной группы, индивида). Социальное пространство является специфической формой этой деятельности. Его свойства определяются исторически развивающимся способом жизнедеятельности того или иного субъекта» [2, с. 17].

Идея использования контекста для объяснения закономерностей развития той или иной системы разделяется многими российскими и зарубежными исследователями. Учет контекста – социального, культурного, исторического – признается существенным для адекватного понимания происходящих изменений в той или иной сфере. Ж. Карпей называет возникновение понятие контекста «наиболее важным во всех гуманитарных науках двадцатого века», а Э. Браун прямо указывает, что использование контекстного подхода обеспечило переход от бихейвиористской к социально-культурной педагогике.

Н.Б. Крылова определяет контекст как широкий уровень объяснения и осмысления происходящего. Он организует новые рамки понимания реальности, поскольку помогает интерпретировать связи реальных фактов, ситуаций, условий (с одной стороны) и идей, значений, смыслов, символов (с другой стороны) [5].

При рассмотрении контекста развития образования А.М. Цирульников выделяет социально-исторический контекст. Анализ данного контекста предполагает конкретно-исторический, с учетом времени и места, подход к содержанию и организации образования и воспитания, рассмотрение понятия социального заказа и источников и механизмов его формирования, тенденций развития разных сфер государственной и общественной деятельности [8].

Он также учитывает социокультурный контекст, который называет средовым, в соотношении социума и культуры, их динамике, историческом развитии: «…Социокультурное выступает для нас не просто как смысловой контекст, но как реальная жизненная ткань, в которой проявляются и протекают образовательные явления и процессы» [8].

В отношении системы профессионального образования следует отметить, что она имеет постоянную социальную направленность, ее развитие осуществляется на основе социальных процессов. Поэтому при анализе системы профессионального образования следует учитывать экономическую политику, научно-технологические изменения, рынок труда и пр. Эти подсистемы, реализуя собственные цели, создают баланс развития социальной и экономической сфер общества, способствуют формированию профессионального образования и позволяют изучать систему профессионального образования в синхронном измерении.

С другой стороны, система профессионального образования обеспечивает преемственность поколений, воспроизводство культуры и зарождение ее новых проявлений. Считаем аксиомой, что система профессионального образования, являясь одним из социальных институтов, развивается вместе с социумом. Поэтому наряду с учетом социальных процессов и закономерностей для анализа системы профессионального образования требуется учитывать временные характеристики (исторический аспект) и особенности культуры той социальной среды, в которой данная система развивается и функционирует (культурный аспект).

Культурно-исторический контекст, таким образом, является ключевым и интегративным в области профессионального образования, поскольку соединяет социальные преобразования и культурные практики, исторические предпосылки и современные результаты в работе профессиональной школы.

А.М. Цирульников дополняет, что в России актуальным является еще и социально-политический контекст образования, под которым он понимает «явное и неявное влияние общества, его политических институтов, власти на школу»

и который проявляется «в череде образовательных реформ и контрреформ и ведет, как показывают исследования, к ряду парадоксов отечественной истории образования и одному из ее политизированных портретов» [8, с. 17].

В качестве контекста развития системы профессионального образования мы будем рассматривать историко-культурный континуум.

Э.В. Баркова определяет континуум в отношении культуры как такую форму ее бытия, «в которой на основе единства пространства и времени обеспечивается специфика содержания, относительная автономность и самодостаточность культуры. Эта форма содержательна, поскольку в ней происходят постоянные взаимопереходы не только пространства и времени, но и содержания культуры в свойства пространства-времени и обратно» [1]. Иными словами, континуум – это целостность, которая позволяет, не вдаваясь в глубокий анализ ее проявлений, раскрыть единство ее становления и устойчивости. Метафорично континуум может быть представлен как «подвижный контур, который обеспечивает связь целого и частей, внутреннего и внешнего, общего и единичного, выделяя зависимость свойств тех или иных культур от некоторых константных состояний ее бытия» [1].

Напомним, что идея континуума зародилась в исследованиях естественных и точных наук, однако доказала свою продуктивность в проекциях на социально-гуманитарную область. Проведение междисциплинарных социально-гуманитарных исследований, широкое применение синергетического подхода возводят континуальность в число приоритетных методологических принципов. Он позволяет изучать объекты, не имеющие четко очерченных границ, поскольку эти объекты постоянно находятся в становлении.

Однако, несмотря на методологический потенциал, континуум не встретил пока однозначного принятия научной общественностью социально-гуманитарной области знания. В большинстве справочных изданий данный термин либо отсутствует вовсе, либо приведен в его традиционном, естественнонаучном толковании. Так, например, в философской энциклопедии континуум определяется как понятие, «которым в математике, математическом естествознании, философии обозначают несколько различных, но тесно связанных друг с другом понятий, употребляемых при анализе математической бесконечности, при изучении абстрактных пространств в математике и ее приложениях, при характеристике взаимосвязей между пространством и временем…» [3, с. 53]. В более современных изданиях уточняется, что в «социальных системах … обнаруживаем специфику этих отношений» [7, с. 109]. Однако тут же объясняется, что «современная наука еще не сформулировала общих законов пространственно-временных отношений для биологических и социальных систем, хотя некоторые частные случаи изучены» [7, с. 109].

М.С. Каган обосновал необходимость принятия данной категории как одной из основополагающих в философии культуры. Он писал, что «мир, в котором существует и действует человек, является пространственно-временным континуумом, и потому полнота информации о бытии предполагает знание того, что происходит во всех фрагментах обоих его измерений» [4]. То есть историко-культурный континуум – это все население земли, проходящее определенные этапы своего развития под влиянием множества факторов; это среда, качества которой меняются в зависимости от социальных, политических, экономических преобразований. Определить положение исследуемого явления в историко-культурном континууме – значит установить отношение данного явления по отношению к другим явлениям и процессам, условно принимаемым за «точки отсчета».

Отметим, однако, что в историко-культурном континууме выделяются отдельные ситуации, точки, периоды, определяющие направления дальнейшего развития социокультурных систем, в том числе и системы профессионального образования. Для анализа процессов, происходящих как с отдельным человеком, так и с обществом в целом, К. Ясперс, например, использует понятие «ситуация», под которым он понимает неповторимое сочетание событий, открывающих возможности или, напротив, устанавливающих границы. То есть ситуация – это некая точка историко-культурного континуума, в которой пространственные и временные характеристики находят свое особое преломление. Е.В. Листвина определяет социокультурную ситуацию как совокупность условий и обстоятельств, структурирующих социальное пространство с точки зрения культурного приоритета и развивающих во времени культурную доминанту процесса общественного развития на личностном, групповом уровне и уровне социума [6, с. 21].

Возвращаясь к определению континуума, мы можем отметить, что социокультурная ситуация обладает признаками пространственно-временного континуума: она имеет ограниченные временные рамки, складывается в определенной среде и связывает предшествующий ей и следующий за ней периоды развития. Очевидно, что границы связаны с периодически случающимися, более или менее серьезными кризисами культуры: начальной границей являются первичные процессы рассогласования культурных связей, смещения культурных приоритетов, а завершением – появление новой системы ценностей и культурных ориентиров. Однако, несмотря на границы, устанавливаемые в большей степени искусственно, она служит своеобразным мостом, соединяющим этапы нашей истории, и содержит в себе идею развития, движения культуры.

Суммируя изложенное выше, присоединяемся к выводу Е.В. Листвиной и о том, что социокультурная ситуация – это точка бифуркации в историко-культурном континууме.

Таким образом, мы определили, что контекстом педагогических исследований целесообразно рассматривать историко-культурный континуум, под которым понимаем непрерывный процесс циркуляции культуры, обусловленность содержания ее подсистем пространственно-временными характеристиками. А анализ процессов историко-культурного континуума, в его переломных точках – социокультурных ситуациях, позволяет ответить на вопросы о том, как, почему и когда происходят те или иные изменения социокультурных систем, в том числе и системы профессионального образования.

Библиографический список

1. *Баркова Э.В.* Пространственно-временной континуум как форма целостности культуры: к постановке проблемы // В диапазоне гуманитарного знания: сб. к 80-летию профессора М.С. Кагана. Серия «Мыслители». Вып. 4. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.

2. *Виноградский В.Г.* Социальная организация пространства. – М.: Наука, 1988. – 187 с.

3. *Гастев Ю.* Континуум // Философская энциклопедия. – Т. 3. – М., 1964.

4. *Каган М.С.* Философия культуры. – СПб.: Изд-во ТОО ТК «Петрополь», 1996. – 416 с.

5. *Крылова Н.Б.* Контексты как отражения условий и смыслов // Новые Ценности образования: Контексты и подтексты образования. – 2006. – Вып. 5–6. – С. 70–84.

6. *Листвина Е.В.* Современная социокультурная ситуация: сущность и тенденции развития / под ред. В.Б. Устьянцева. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – 168 с.

7. Основы современной философии. – СПб.: Изд-во «Лань», 1997. – 352 с.

8. *Цирульников А.М.* Система образования в этнорегиональном и социокультурном измерениях. – СПб.: Агентство образовательного сотрудничества, 2007. – 288 с.

Смолонская Анна Николаевна
кандидат педагогических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ipp@ksu.edu.ru

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Статья посвящена проблеме социального развития детей старшего дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья. Показано, что развитие детей с ограниченными возможностями осуществляется как процесс постоянного взаимодействия и взаимовлияния такого ребенка и окружающей социальной среды. Описаны особенности социального развития различных категорий особых детей старшего дошкольного возраста.

Ключевые слова: *социальное развитие, дети с ограниченными возможностями здоровья, социальное пространство, социальные умения, коммуникативное взаимодействие, вербальное и невербальное общение.*

На современном этапе развития отечественной системы специального образования реализация личностно-ориентированного подхода к воспитанию и обучению детей с ограниченными возможностями здоровья осуществляется через изменение содержания обучения и совершенствование методов и приемов работы. На протяжении ряда лет многочисленные исследования в области специальной дошкольной педагогики были посвящены развитию и коррекции познавательной деятельности, формированию общеобразовательных знаний, умений и навыков у таких детей. При этом задачи исследования в области содержания социального воспитания и развития детей дошкольного возраста с ограниченными возможностями длительное время не рассматривались.

Под влиянием новых ценностных ориентации общества и государства, а также в связи с переходом отечественной системы специального образования на качественно новый этап развития, возникла необходимость переосмыслить роль личностного, социального развития ребенка с ограниченными возможностями здоровья (Л.И. Акатов, Е.Л. Гончарова, О.И. Кукушкина, Т.К. Королевская, Н.Н. Малофеев, О.В. Скворцова и др.).

Исследования ученых (Л.С. Выготский, М.Ф. Гнездилов, А.Н. Граборов, Г.М. Дульнев, Л.В. Занков, Ф.М. Новик, В.Г. Петрова, И.М. Соловьев, Ж.И. Шиф и др.) свидетельствуют о значительном потенциале детей с ограниченными возможностями здоровья, резерве здоровых качеств, которые могут проявиться в благоприятных условиях системы образования и являться основой их социализации.

О.В. Скворцова полагает, что социальное пространство ребенка с ограниченными возможностями характеризуется пересечением биологического и социального пространств. При всей уникальности генетической программы, заложенной в виде наследственных биологических особенностей, развитие личности ребенка определяют социальные факторы – общественная среда и деятельность (игра, учение, труд), в процессе которой он постепенно усваивает социокультурный опыт. Развитие ребенка с ограниченными возможностями осуществляется как процесс постоянного взаимодействия и взаимовлияния такого ребенка и окружающей социальной среды.

Отношение общества к ребенку во многом определяется тем, насколько его поведение соответствует социальным ожиданиям. Поведение ребенка в значительной степени обусловлено позицией, которую он занимает в обществе, его социальным статусом и социальными ролями. Сам процесс выделения различных проблем или характера ограничений в возможностях детей предполагает, что внешние обстоятельства, в которых они находятся, или состояние здоровья не соответствуют определенным, принятым в данном обществе нормам. Сфера нормального всегда имеет в сознании людей свои границы, а все, что находится за их пределами, определяется как «ненормальное». На практике осознанно или неосознанно происходит оценивание индивидов по признаку соответствия или несоответствие норме, которая и определяет данные границы. Отклонения от нормы автор условно разделяет на четыре группы: физические, психические, педагогические и социальные [7].

В ходе социального развития ребенка дошкольного возраста закладываются основы личностной культуры, ее базис, в состав которого включается ориентировка ребенка в реалиях предмет-

 © Смолонская А.Н., 2011

ного мира, созданных руками человека, явлениях собственной жизни и деятельности, в самом себе и явлениях общественной жизни. Приобщение ребенка к социальному миру, построение отношений с другими людьми, по мнению большинства исследователей, начинается с формирования представлений о себе. Исследователи отмечают, что уже в раннем возрасте дети проявляют интерес к себе, окружающим людям и их взаимоотношениям. Сформированные представления о себе влияют на становление отношений ребенка со взрослыми, сверстниками, а также на развитие всех видов детской деятельности (Б.Г. Ананьев, Л.И. Божович, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн и др.).

К старшему дошкольному возрасту у нормально развивающихся детей складываются первичные формы самосознания – оценка ребенком своих качеств и возможностей, открытие для себя своих переживаний, что составляет основное новообразование данного возраста (А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин). Ребенок в дошкольном возрасте проходит путь от выделения себя среди других к самосознанию, открытию своей внутренней жизни.

В дошкольной педагогике существуют программы, научно-методические разработки по формированию познавательного отношения к явлениям окружающей жизни у нормально развивающихся детей (О.Л. Князева, 2000; С.А. Козлова, 1996; Е.В. Рылеева, 1999 и др.). В данных программах, методических пособиях определены задачи и содержание работы по формированию представлений о себе, других людях, социальных явлениях с учетом возрастных особенностей, характерных для нормативно развивающегося ребенка.

В то время как большинство людей могут научиться социальным умениям при минимальном обучении, дети с ограниченными возможностями нуждаются в систематическом обучении этим навыкам. Одним из главных факторов, определяющих характер интеграции таких детей в общество, является не уровень развития, а личностные качества ребенка с ограниченными возможностями.

В отличие от нормально развивающихся детей дошкольники с нарушением интеллекта с самого раннего возраста испытывают трудности в установлении форм взаимодействия с окружающими людьми, что, в свою очередь, препятствует своевременному появлению осознанного отношения к окружающему миру и становлению личностных качеств. У этих детей первое проявление самосознания, выделение своего «Я», которое обычно находит выражение в негативных реакциях на замечания, порицания, на неудачу, возникает лишь после 4 лет (А.А. Катаева, Е.А. Стребелева). Такие дети испытывают трудности в понимании и осмыслении своего каждодневного опыта, а также жизни людей и событий, окружающих их. Для них характерны недифференцированность эмоциональных реакций, несформированность способов выражения адекватных эмоций в повседневной жизни. В поведении дошкольников с нарушением интеллекта преобладают импульсивные действия и сиюминутные желания. Все эти особенности отрицательно сказываются на формировании поведения и становлении личности такого ребенка (Т.А. Власова, О.П. Гаврилушкина, Е.А. Екжанова, С.Д. Забрамная, А.А. Катаева, Н.Г. Морозова, М.С. Певзнер, Н.Д. Соколова, Е.А. Стребелева и др.).

У детей с задержками психического развития, в отличие от детей с нарушением интеллекта, потребностная сфера выражена в целом более наглядно, но она не соответствует физическому возрасту детей. При целенаправленной развивающей и коррекционной работе ребенок постепенно начинает осознавать свою несостоятельность, что проявляется в неуспеваемости. Осознание своего отличия от других детей, с одной стороны, ведет к осознанию своей неполноценности, а с другой – к попыткам личностной компенсации (в какой-либо другой сфере).

У слепых детей, в связи с отсутствием информации, поступающей через органы зрения, и в связи с задержкой по этой причине общего психического развития, происходит задержка многих социальных потребностей по типу «детского инфантилизма» (Л.И. Акатов). Все эти и другие негативные моменты в развитии потребностной сферы детей, имеющих жизненные ограничения, безусловно, отрицательно сказываются и на общем развитии. Однако учет общих закономерностей их развития, а также индивидуальных особенностей ребенка помогает более полно реализовать имеющийся внутренний потенциал и сформировать потребности, повышающие социально значимую личностную активность [1].

Значимость социального воспитания и развития детей дошкольного возраста с ограниченны-

ми возможностями здоровья, а также недостаточная разработанность теоретических и практических вопросов дают основание считать данное исследование актуальным.

Исследование проводилось на базе муниципальных дошкольных образовательных учреждений – детских садов №18, 41 комбинированного вида (группы для детей с нарушением зрения), №53 компенсирующего вида для детей с нарушением интеллекта Центра развития ребенка – детского сада №35, детского сада №36 г. Костромы; НДОУ – детского сада №82 г. Буй Костромской области.

В состав экспериментальной группы вошли 90 детей с ограниченными возможностями здоровья (6–7 лет) с легкой степенью интеллектуальной недостаточности, задержками психического развития, нарушением зрения. В состав контрольной группы вошли 120 детей (6–7 лет) старшего дошкольного возраста, не имеющих проблем в развитии.

В исследовании приняли участие 90 родителей, воспитывающих детей старшего дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья и 120 родителей, воспитывающих детей старшего дошкольного возраста, не имеющих проблем в развитии; педагоги экспериментальной и контрольной групп.

Для исследования были использованы следующие методики:

– педагогическая диагностика сюжетно-ролевой игры детей старшего дошкольного возраста (О.В. Солнцева);

– изучение избирательного отношения детей к «социальным» и «несоциальным» воздействиям» (Ю.А. Афонькина, Г.А. Урунтаева);

– методика исследования социального развития дошкольников для педагогов детского сада «Наблюдение и оценка социального развития ребенка в группе детского сада» (Г.Б. Степанова);

– социометрическая проба «День рождения» (М.А. Панфилова);

– анкета «Каким вы видите своего ребенка» (А. Варга, В. Столин).

Результаты, полученные в ходе исследования, позволяют сделать следующие выводы об особенностях социального развития детей старшего дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья.

Развитие коммуникативных умений у детей с нарушением интеллекта протекает медленнее, чем у старших дошкольников, не имеющих проблем в развитии. Нарушен мотивационный компонент коммуникативной деятельности, что проявляется в снижении потребности во взаимодействии и общении с окружающими, ограничении круга общения.

Наблюдаются агрессивные проявления в поведении, конфликтность в общении, несправедливость во взаимоотношениях со сверстниками.

Ведущей для большинства детей экспериментальной группы является ситуативно-деловая форма общения, в то время как для детей контрольной группы ведущей является внеситуативно-познавательная форма общения.

Недостаточно развиты навыки общения со взрослыми и сверстниками у детей экспериментальной группы, в то время как желание общаться со взрослыми и детьми присуще обеим группам.

В игре 50% детей чаще подчиняются другим детям и выполняют второстепенные роли, руководить игрой не берутся, у 50% конфликты в игре возникают, но это бывает редко, также 50% детей не очень охотно делятся игрушками с другими сверстниками. По собственной инициативе дети не включаются в игру со сверстниками.

Дети испытывают трудности в построении ролевого поведения, требующего определенного уровня социальной и коммуникативной компетентности.

Около 50% детей внешне не выражают своего сочувствия по отношению к сверстникам, когда те чем-нибудь огорчены, не пытаются помочь ему, утешить, пожалеть.

У 60% детей слабо развиты функции самоконтроля, в связи с чем большое значение имеют средства и методы, используемые взрослыми для контроля за поведением детей.

Наиболее значимой средой общения для детей экспериментальной группы является семья, в то время как для детей контрольной группы – дети из группы. Привязанность детей к кому-либо из членов семьи выражается в равной степени у 40% детей, как к маме, так и к папе.

Основные направления социального развития детей старшего дошкольного возраста с нарушением интеллекта заключаются в следующем:

– формирование адекватных представлений о себе (о своем теле, своих чувствах и переживаниях);

– формирование адекватного взаимодействия и продуктивного общения ребенка со взрослым и сверстниками;

– формирование потребности и навыков общения со сверстниками, формирование и развитие межличностных отношений.

Несмотря на потенциально сохранные возможности интеллектуального развития, дети с задержкой психического развития испытывают трудности в установлении контакта со взрослыми, дружеских отношений со сверстниками, самоконтроле своего поведения.

Недостаточный уровень развития игровой деятельности выявлен у 66% детей экспериментальной группы и у 20% детей контрольной группы. Такие дети преимущественно играют в сюжетно-ролевые игры, отражая в них традиционные бытовые и профессиональные сюжеты. Наряду с предметно-игровыми, используются замещающие и изобразительные действия. Вербальное пояснение изобразительных и игровых действий отсутствует, что ведет к непониманию действий партнера и рассогласованию замыслов детей в игре. Игра превращается в параллельную, где дети исполняют одинаковые роли и копируют действия друг друга.

Ролевые диалоги коротки и слиты с обозначением игровых событий. Они не связаны по содержанию, и дети не всегда понимают друг друга. Как следствие – негативная оценка детьми друг друга, создающая отрицательный эмоциональный фон игрового общения и определяющая переход от совместной игры к индивидуальной. Игровые объединения неустойчивы.

Обнаруживая стремление к организационному общению в игровой деятельности, дошкольники с задержкой психического развития не удерживают его цели, не умеют согласовывать замыслы со сверстниками, что приводит к прекращению совместной деятельности или возникновению конфликтов. Эти особенности обусловлены тем, что дети старшего дошкольного возраста данной категории зачастую не могут самостоятельно организовать совместную деятельность в рамках сюжетно-ролевой игры. Необходимо целенаправленное педагогическое руководство.

Такие дети в большей степени, чем их нормально развивающиеся сверстники, подвластны авторитету взрослых. Большинство родителей, воспитывающих дошкольников с задержкой психического развития, не ориентированы на ребенка как на развивающуюся личность, не всегда адекватно оценивают поступки ребенка, не объясняют ему причинно-следственные связи того или иного поведения, что создает трудности в социальном развитии ребенка.

Социальное развитие детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития предполагает:

– формирование навыков адекватного социального поведения;

– развитие потребности в общении в процессе совместной деятельности;

– развитие познавательных интересов, воображения и творческой активности;

– формирование умений проявлять эмоциональную отзывчивость;

– развитие умений соотносить свои действия, установки с потребностями партнеров по общению.

У детей старшего дошкольного возраста с нарушением зрения слабо сформирована потребность в общении, особенно со сверстниками.

Дошкольники данной категории могут объединяться для игры самостоятельно, но при этом каждый ребенок развивает свой сюжет, содержанием индивидуальной деятельности является моделирование предметных действий взрослых. Ролевое общение происходит в виде отдельных реплик.

У 60% детей с нарушением зрения можно отметить стремление к объединению, когда один ребенок приглашает в игру другого. Но, в силу недостаточно развитых навыков коммуникативного взаимодействия, ребенок-инициатор не может поставить игровую задачу, четко сформулировать ее, что не способствует полноценному развитию сюжета игры.

60% детей экспериментальной группы, после обозначения своей роли словом, затрудняется в ее исполнении. У 70% детей с нарушением зрения роль реализуется при помощи предметных действий. Лишь у 30% дошкольников можно наблюдать ролевой диалог и игровые действия, приводящие к полноценной реализации своей роли. Однако, как правило, эти роли реализуются в рамках двух-трех знакомых бытовых сюжетов, они традиционны, постоянны, устойчивы, дети очень редко привносят в них что-то новое.

Попытки совместных действий в процессе игры у детей с нарушением зрения чаще всего вызывают конфликты, основными причинами которых являются неподчинение своих интересов интересам других детей по поводу выбора игрушек, сюжета и распределения ролей. Возникно-

вение конфликтных ситуаций в значительной степени объясняется трудностями организации совместной игры, контроля за действиями своих партнеров, понимания функциональных отношений при реализации взятой на себя роли. Разногласия самостоятельно дошкольники не улаживают, но действуют под руководством и принимают помощь со стороны воспитателя.

80% детей с нарушением зрения затрудняются подчиняться правилам, которые организуют их поведение. Это объясняется слабым владением навыками предметной деятельности, навыками совместного общения со взрослыми и сверстниками, низкими возможностями вербализации и опыта социальных отношений.

Эмоциональные предпочтения в процессе коммуникативного взаимодействия характеризуются тем, что дети в большей мере предпочитают общаться с родителями, игнорируя при этом общение со сверстниками.

Для детей данной категории значимым социальным окружением является семья, наличие опыта общения со сверстниками находится на низком уровне развития.

Результаты опроса педагогов, воспитывающих детей с нарушением зрения и нормально развивающихся сверстников, показали, что характер отношения к ребенку в процессе общения находится на высоком уровне. Воспитатели понимают необходимость формирования умений межличностного общения у детей; систематично и последовательно используют методы и приемы, способствующие формированию у детей коммуникативных умений; соблюдают этику общения с детьми.

Данные опроса родителей, воспитывающих детей с нарушением зрения, показали, они понимают необходимость формирования умений межличностного общения, но при этом не всегда соблюдают этику общения с детьми, а также нормы межличностного общения между собой в присутствии ребенка.

Результаты, полученные в ходе исследования, позволили сделать следующие выводы об особенностях социального развития детей старшего дошкольного возраста с нарушением зрения: коммуникативное взаимодействие находится на более низком уровне развития, в сравнении с развитием общения нормально развивающихся сверстников; не сформирован мотивационный компонент коммуникативной деятельности, что проявляется в отсутствии потребности во взаимодействии и общении с окружающими; дошкольники недостаточно владеют средствами вербального и невербального общения.

Социальное развитие детей старшего дошкольного возраста с нарушением зрения предполагает:

– формирование навыков социального поведения;

– развитие потребности в общении в процессе совместной деятельности;

– формирование умений проявлять эмоциональную отзывчивость;

– развитие средств вербального и невербального общения.

Таким образом, необходимо выделить следующие направления социального развития детей старшего дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья:

1) формирование осознания собственных эмоций, а также чувств других людей, развитие эмпатии;

2) формирование умения адекватно выражать свои чувства в социально приемлемой форме;

3) развитие умения конструктивно решать различные проблемные ситуации взаимодействия;

4) развитие самоконтроля, предпосылок произвольного поведения.

Полагаем, что комплексный подход и проявление активности всех участников воспитательного процесса будут способствовать социальному развитию детей старшего дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья.

Библиографический список

1. *Акатов Л.И.* Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. Психологические основы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – 368 с.

2. *Екжанова Е.А.*, *Резникова Е.А*. Основы интегрированного обучения. – М.: Дрофа, 2008. – 288 с.

3. *Малофеев Н.Н., Никольская О.С*. Единая концепция специального федерального государственного стандарта для детей с ограниченными возможностями здоровья: основные положения // Дефектология. – 2010. – №1. – С. 6–22.

4. Обучение сюжетно-ролевой игре дошкольников с проблемами в интеллектуальном разви-

тии: учеб.-метод. пособие / под ред. Л.Б. Баряевой, А.П. Зарина, Н.Д. Соколовой. – СПб.: ЛОИУУ, 1996. – 95 с.

5. *Панфилова М.А.* Игротерапия общения: Тесты и коррекционные игры. Практическое пособие для психологов, педагогов и родителей. – М.: Гном и Д, 2008. – 156 с.

6. *Плаксина Л.И.* Теоретические основы коррекционной работы в детском саду для детей с нарушениями зрения. – М.: Город, 1998. – 262 с.

7. *Скворцова В.О.* Социальное воспитание детей с отклонениями в развитии. – М.: Владос-Пресс, 2006. – 160 с.

8. *Слепович Е.С.* Игровая деятельность дошкольников с задержкой психического развития. – М.: Педагогика, 1990. – 96 с.

УДК 378.013:316.647.5

Фадеева Татьяна Юрьевна
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
Fadej_TU@rambler.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

В статье уточняется содержание понятия «педагогическая толерантность», определяется его структура, выделяются критерии и показатели. Автором поэтапно описывается и теоретически обосновывается модель формирования педагогической толерантности у студентов в процессе их профессиональной подготовки.

Ключевые слова: *педагогическая толерантность, личность, формирование, развивающаяся модель, компоненты, условия, критерии, структура.*

В национальной образовательной инициативе «Наша новая школа», утвержденной в 2010 году, говорится, что учителя в школе будущего должны быть открытыми ко всему новому, понимающими детскую психологию и особенности развития школьников, хорошо знающими свой предмет, чуткими, внимательными и восприимчивыми к интересам школьников. Следовательно, одной из составляющих профессиональной компетентности педагога будущего должна стать сформированная педагогическая толерантность, так как она проявляется через «уважение, принятие и правильное понимание всего многообразия культур, форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности» [1]. Толерантный учитель открыт для иных точек зрения, отвергает догматическое мышление, помогает ученикам стать творческими и уверенными в себе людьми.

Следует также отметить, что профессия педагога связана с большой эмоциональной напряженностью; нестандартность педагогических ситуаций, большая моральная ответственность и сложность профессионального труда увеличивают риск нервных срывов и эмоционального выгорания, снижающих психическое здоровье и приводящих к кризису профессиональной деятельности в целом. Уверенность в себе, сознание своих собственных возможностей, являясь одним из признаков толерантности, способствуют повышению устойчивости педагога к стрессу, повышению его адаптивного потенциала и, в итоге, саморазвитию в области профессиональной культуры.

Существующие в науке подходы к пониманию дефиниции «педагогическая толерантность» пока расплывчаты и трактуются по-разному в зависимости от контекста. Педагогическая толерантность в основном определяется исследователями данной проблемы как отдельно взятое профессионально-значимое качество, которое занимает одно из главных мест в структуре личности педагога. Вместе с тем данная категория рассматривается как установка, отношение, устойчивость личности, способность, поведение.

Под педагогической толерантностью мы понимаем интегративную характеристику личности, основой которой является система ценностных ориентаций, проявляющихся в виде внутренней установки на терпимые отношения к человеку вообще и всем участникам образовательного процесса, что предполагает оптимальный уровень развития всех ее психических составляющих: фрустрационной толерантности, удовлетворенности осуществлением смысла жизни, толерантности к неопределенности, внутреннего локус контроля, самооценки, рефлексии, эмпатии, аль-

© Фадеева Т.Ю., 2011

труизма, коммуникативной толерантности, конфликтоустойчивости, креативности, – и их проявление в профессиональной деятельности.

В структуре педагогической толерантности мы выделяем следующие компоненты:

– ценностно-мотивационный, который включает факторы, побуждающие, направляющие и поддерживающие на определенном уровне толерантности поведение человека;

– когнитивный, составляющий представления о себе и окружающем мире, которые помогают человеку лучше осознать себя и других для решения проблем, адекватной оценки поведения других, с целью понимания и принятия;

– эмоционально-волевой, который характеризует позитивное отношение личности к Другому, волевое напряжение в решении проблем, достижении оптимизации отношений между людьми, повышение уровня сознательного, волевого управления и контроля своих чувств;

– поведенческий, включающий конкретные умения, навыки и способности управлять, регулировать свое поведение в соответствии с возникающими ситуациями, проявление толерантной культуры, сдержанности по отношению к иной точке зрения, конструктивную реакцию на конфликтные ситуации.

Рассматривая педагогическую толерантность как интегративную характеристику личности, а личность формируется, развивается и проявляется только в ходе своей деятельности, можно заключить, что только в активной деятельности следует формировать толерантность у будущих педагогов – в процессе познания себя и окружающего мира, через личностное становление, самовоспитание и саморазвитие.

Эффективное формирование педагогической толерантности требует теоретического осмысления и систематической, целенаправленной работы. В связи с этим нами была разработана концептуальная модель, цель которой – формирование педагогической толерантности у студентов в процессе профессиональной подготовки.

Реализация модели формирования педагогической толерантности предполагает учет следующих принципов: гуманизма, активности субъектов образовательного процесса, учета психологических и индивидуальных особенностей студентов, системности, сотрудничества, последовательности и систематичности, приоритета ценностей толерантности.

Предлагаемая модель направлена на:

– рефлексивное осмысление ценностно-смысловых оснований педагогической толерантности, изменение интолерантных установок, препятствующих развитию толерантности у будущих педагогов;

– самопознание и самопринятие личности самой себя, а через это и познание, и принятие других;

– овладение педагогами приемами саморегуляции и эффективными совладающими стратегиями с целью повышения устойчивости к стрессу;

– повышение коммуникативной компетентности и улучшение взаимоотношений с другими людьми.

Процесс формирования педагогической толерантности не может быть самопроизвольным – он требует создания благоприятных психолого-педагогических условий, способных обеспечить его эффективность, среди которых мы выделили: организационные, психологические и педагогические.

Организационные условия реализации развивающейся модели формирования педагогической толерантности связаны с конструированием интегративной образовательной среды, включающей толерантную образовательную среду (И.Г. Пчелинцева, 2006), способствующую развитию интерсубъектного процесса образования с основой на гуманистических, нравственных ценностях и личностно-развивающую (Е.В. Бондаревская, 1995), способствующую раскрытию заложенного в личности потенциала.

В психологических условиях мы выделили внешние и внутренние. К внутренним условиям отнесли: личностное саморазвитие студента; к внешним – педагогическую поддержку личностного развития студента, реализующуюся через диалогическое общение, организацию социально-психологических тренингов, групп встреч и т.п.

Педагогические условия формирования представляют собой: взаимодействие и координирование усилий педагогов по дисциплинам, позволяющим интегрировать изучаемый материал с конкретными задачами формирования педагогической толерантности; отход от традиционной системы обучения и введение активных методов; применение комплекса педагогических средств, носящих личностно-ориентированный, диалогический и рефлексивный характер. Следует отметить специфическое содержание формирования

толерантности: оно может быть задано только через соответствующую подготовку педагога и только толерантной личностью.

Реализация модели формирования требует определенной организации учебного процесса: создание ее технологической основы, представляющей собой совокупность методов и средств педагогического взаимодействия студента и преподавателя, на основе организации их совместной деятельности в ракурсе паритетности, демократичности и диалогичности; способствующей проявлению активной жизненной позиции; обеспечивающей саморазвитие и самосовершенствование каждого студента.

Задачи предлагаемой модели формирования педагогической толерантности:

1. Познакомить студентов с понятием «педагогическая толерантность», с ее проявлением и структурными компонентами; с отрицательным влиянием интолерантности на личностное и профессиональное становление будущего специалиста.

2. Сформировать ценностные установки, направленные на развитие педагогической толерантности.

3. Содействовать позитивным изменениям в структуре Я-концепции студентов.

4. Научить эффективным методам и приемом межличностного взаимодействия.

5. Повысить аутопсихологическую компетентность будущих педагогов через овладение личностью комплексом знаний, умений и навыков в области самопознания, саморегуляции, саморазвития и самореализации.

6. Развитие адаптивных способностей будущих педагогов в профессиональной деятельности через освоение ими эффективных способов совладающего поведения в сложных профессионально значимых ситуациях.

При создании модели формирования педагогической толерантности особенно важно разработать критерии и показатели, позволяющие диагностировать исследуемое явление.

Критерии педагогической толерантности в общем виде можно представить в виде взаимосвязанных сформированных компетенций:

– перцептивной (восприятие, понимание и оценка других людей и самих себя);

– коммуникативной (знание и владение различными техниками и методами эффективного бесконфликтного общения);

– аутокомпетентности (готовность и способность личности к целенаправленной психической работе по изменению личностных черт через самопознание, самоконтроль, умение управлять своим состоянием);

– психолого-педагогической (знание и владение методами и стратегиях осуществления эффективного влияния и взаимодействия).

Мы считаем, что высокие показатели сформированности педагогической толерантности дает оптимальный уровень развития всех выше перечисленных качеств, входящих в структуру толерантной личности; низкие показатели, соответственно, – низкий уровень толерантности, а средние показатели указывают на то, что личность педагога характеризуется в равной степени толерантным и интолерантным поведением и отношением к окружающей действительности, к другим и себе как в межличностном, так и в профессиональном взаимодействии. Положительная динамика в изменении личностных характеристик от более низкого к более высокому уровню позволяет говорить об эффективности процесса формирования педагогической толерантности будущих специалистов.

В структуре данной модели мы выделили три последовательных и взаимосвязанных этапа: ориентирующий, когнитивно-практический и профессионально-личностный. Параллельно с ними реализуется сквозное направление работы, цель которой – содействие более глубокому пониманию феномена толерантности при выполнении психологических функций, обеспечивающих развитие мышления, и воспитательных функций, реализующих формирование толерантности будущего педагога.

Сквозное направление предполагает работу по формированию педагогической толерантности у студентов в единой системе, на основе содержательного взаимодействия педагогов по дисциплинам, которые способствуют данному процессу, и по созданию благоприятных психолого-педагогических условий в образовательном процессе.

Большое значение в процессе формирования педагогической толерантности имеет ряд учебных предметов.

Предмет «Введение в психолого-педагогическую деятельность» ориентирует студента на будущую профессиональную деятельность, раскрывает требования Государственного образовательного стандарта высшего профессионально-

го образования к личности и профессиональной компетентности педагога. В процессе изучения данного предмета студенты получают информацию о толерантности как одной из главных компетентностных характеристик профессий сферы «человек-человек», ее значении и важности в психолого-педагогической деятельности, а также структуре и способах формирования.

Одной из основных целей курсов психологических дисциплин, помимо усвоения основ научной психологии, понимания природы, развития и функционирования психики и сознания, основных психических процессов, свойств и состояний, является формирование психологической культуры будущих специалистов. Психологическая культура педагога и психолога включает в себя глубокое и адекватное понимание и осознание человеком своих внутренних процессов, состояний и свойств; понимание других людей, их психологических особенностей и состояний, а также умение налаживать и поддерживать доброжелательные, гуманные отношения с людьми, что, безусловно, способствует формированию педагогической толерантности.

На практических занятиях курса педагогики студенты обучаются приемам благожелательного и бесконфликтного общения, творческому решению педагогических задач. Знакомство с активными методами обучения, такими как дискуссии, дебаты, круглые столы и т.д., и применение их на практике развивают корректность поведения, умение понимать и принимать мнение других людей.

Большие возможности становления личностной позиции будущего педагога, его ценностного отношения к людям в духе толерантности заложены в курсе «Основы педагогического мастерства». На практических занятиях данного предмета студенты могут осваивать техники толерантного взаимодействия, техники саморегуляции, техники саморазвития и самосовершенствования.

Сквозное направление работы предлагаемой модели, осуществляющей межпредметный подход, позволяет реализовать один из ведущих принципов дидактики – принцип целостного развития личности.

Рассмотрим ориентирующий, когнитивно-практический и профессионально-личностный этапы, входящие в структуру модели формирования педагогической толерантности. Ориентирующий этап включает проведение социально-психологического тренинга (на первом году обучения), цель которого положительным образом повлиять на мировоззрение, систему ценностей и смысложизненных ориентаций студентов, выработать убеждение в необходимости развития педагогической толерантности в процессе профессиональной подготовки.

Второй этап – организация раз в неделю в течение всего обучения студентов в вузе групп встреч, с целью лучше познать себя, найти и устранить препятствия, мешающие полнее реализовывать свои возможности толерантного поведения в жизни и педагогической деятельности, развить качества, входящие в структуру толерантной личности.

На третьем этапе проводится «Тренинг педагогической толерантности» (на пятом году обучения), который призван продолжать развивать качества, входящие в структуру толерантной личности, скорректировать установки, тем самым способствовать повышению эффективности в межличностном и профессиональном взаимодействии.

На наш взгляд, содержание педагогической толерантности не сумма отдельных компонентов, а развивающаяся интегрированная модель, поэтому предлагаемая система работы охватывает все годы обучения в вузе, с учетом кризисов профессионального становления, которые сопровождаются ростом тревожности, неудовлетворенности собой и учебой, общим нарушением душевного равновесия.

В процессе формирования педагогической толерантности использовались различные методы и формы работы. Для реализации когнитивного компонента должны применяться такие методы, как лекция, беседа, дискуссия, дебаты, круглый стол, что способствует развитию корректности поведения, умению понимать и принимать мнение других людей.

Реализация ценностно-мотивационного, эмоционально-волевого и поведенческого компонентов должна осуществляться с помощью социально-психологического тренинга, групп встреч, а также методов контекстного обучения (А.А. Вербицкий, 1991), представляющего собой форму активного обучения.

При проведении тренингов используются методы, опирающиеся на теорию деятельности, в соответствии с которой усвоение социального опыта осуществляется в результате активной дея-

тельности студента в процессе обучения. К ним относятся: социально-перцептивные, ситуационные, импровизационные, моделирующие и ролевые игры, психогимнастические упражнения, упражнения, предполагающие обратную связь, обмен чувствами, техники присоединения.

Итак, наш опыт позволяет заключить, что достоинством модели является учет многокомпонентности педагогической толерантности, комплексное воздействие на эмоционально-волевую, ценностно-мотивационную, когнитивную и поведенческую сферы личности студентов. Данная модель не только повышает уровень педагогической толерантности, она, оказывая влияние на многие детерминирующие качества личности, способствует личностному росту, эффективности межличностного общения, формированию здоровьесберегающего отношения к себе и субъектам образовательного процесса.

Библиографический список

1. Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года.

УДК 371.3

Кукушкина Любовь Анатольевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Lub-kuku@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧАЩИХСЯ ПРОФИЛЬНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛАССОВ

В статье рассматривается сущность формирования правовой компетентности учащихся профильных юридических классов. Определяются и характеризуются условия процесса формирования правовой компетентности учащихся профильных юридических классов.

Ключевые слова: *компетенция, компетентность, правовая компетентность, учащиеся.*

Складывающаяся социально-экономическая ситуация развития российского общества и происходящее реформирование системы образования, увеличение роли права в жизни людей поставили ряд педагогических задач по повышению уровня правового обучения и воспитания учащихся.

Потребность в высокой степени подготовленности подрастающего поколения занимает особое место в Российском государстве. Стране все больше требуются грамотные, инициативные, предприимчивые, компетентные, способные результативно и законно действовать во благо общества граждане.

По мнению В.М. Басовойв соответствии с нормами определенного языка или этапом развития отдельной отрасли знания встречается, во-первых, отождествление понятий «компетенция» и «компетентность», при этом они определяются как способность, состоятельность, правомочность, предназначенность для выполнения конкретных функций или решения задач, иными словами, они означают наличие полномочий и фиксируют их объем, достаточныйдля принятия решений;во-вторых, когда эти термины разделяются, то под компетенцией понимается право органа власти, организации, специалиста принимать решения и мера их ответственности за предпринятые шаги. Компетентность же определяется как способность и готовность личности к действиям, обладание ею в необходимом объеме специальными знаниями, умение ими пользоваться в типичных и нестандартных ситуациях, освоенность видов и способов деятельности, которые обеспечивают успешность решения соответствующих задач.

В.А. Болотов и В.В. Сериков считают что, компетентность – это способ существования знаний, умений, образованности, способствующий личностной самореализации, нахождении обучающимся своего места в мире.

Под компетенцией мы понимаем знания, умения и навыки выполнения определенной деятельности, при решении конкретных социальных задач, нацеленных на достижение результата, а компетентность – это результат учения, характеристика человека, отражающая диапазон его осведомленности в определенной сфере жизнедеятельности.

Правовая компетентность учащихся профильных юридических классов, нами рассматривается как осознание личностью юридических норм,

© Кукушкина Л.А., 2011

восприятие социально-правового опыта, способность выбирать средства и способы правомерного поведения.

Профильные юридические классы осуществляют образовательный процесс в соответствии с целями и задачами, определяющими деятельность образовательных учреждений, реализуют идею общего интеллектуального, нравственного развития личности, направлены на формирование гражданской, социальной компетентности, информационной культуры, социальной мобильности и гибкости. Профильная направленность классов ориентирована на обучение старшеклассников, желающих продолжить образование в средних специальных и высших учебных заведениях по специальности «Юриспруденция».

Формирование правовой компетентностиучащихся профильных юридических классов на этапе профильной подготовки будет эффективным, еслибудут решены следующие проблемы:

1. Организована совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных курсов, дисциплин, уроков, внеклассных воспитательных мероприятий, содержания социальной практики и профессиональных проб в образовательном пространстве школы и на базе юридического факультета, базирующихся на принципах дифференциации, индивидуализации, комплексной диагностики профессиональных интересов и социальных ценностей учащихся;

2. Реализована программа повышения профессионального мастерства педагогов, классных руководителей, построенная на практико-ориентированном подходе;

3. Осуществлена система работы с родителями и система социального партнерства в рамках юридического факультета КГУ им. Н.А. Некрасова.

Эффективное формирование правовой компетентности учащихся в профильных юридических классах возможно на основе специально подобранной системы методов, форм и средств воспитания и обучения.

Существуют несколько классификаций методов обучения:

1. По источникам передачи и характеру восприятия информации – система традиционных методов (Е.Я. Голант, И.Т. Огородников, С.И. Перовский): словесные методы, наглядные, практические.

2. По характеру учебно-познавательной деятельности учащихся, взаимной деятельности учителя и учащихся – система инновационныхметодов обучения И.Я. Лернера – М.Н. Скаткина: объяснительно-иллюстративный метод, репродуктивный метод,метод проблемного изложения, частично-поисковый, эвристический, метод, исследовательский метод.

3. Ю.К. Бабанский все многообразие методов обучения подразделил на три основные группы: а) методы организации и осуществления учебно-познавательной деятельности; б) методы стимулирования и мотивации учебно-познавательной деятельности; в) методы контроля и самоконтроля за эффективностью учебно-познавательной деятельности.

Каждая из этих классификаций имеет определенное основание и позволяет с различных сторон реализовывать процесс формирования правовой компетентности учащихся профильных юридических классов.

Мы в процессе учебной и внеучебной деятельности по формированию правовой компетентности учащихся используем следующие методы: словесные (беседа, дискуссия, диспут); наглядные (плакаты, рисунки, наблюдения); практические (решение социально-правовых задач, анализ документов, рассмотрение вариантов судебной практики);

Для того, что бы у учащихся накопился определенный опыт по юридическим знаниям, в преподавании используются объяснительно-иллюстративные методы: рассказ, показ, объяснение. Это метод предполагает последующую репродукцию изложенного педагогом материала процессом демонстрации, упражнений, специальных заданий и т.п.

Когда у учащихся накоплен определенный материал по учебной дисциплине, усвоены ведущие понятия, используются методы проблемного изложения (решение проблемных ситуаций, деловая игра и др.); метод рассчитанный на продуктивную деятельность учащихся (диспут, самостоятельная работа, социальный практикум), а также используются исследовательский метод (работа в научном кружке «Правовед», подготовка докладов на школьные и студенческие научно-практические конференции, анализ проблемной ситуации, творческая работа учащихся); анализ конкретных юридических ситуаций, игровые методы (сюжетно-ролевые игры «Детектив шоу», интеллектуальные игры).

Проблемное обучение выступает одним из направлений усовершенствования учебного про-

цесса. Активизируя момент познания, проблемное обучение развивает интеллектуальную активность и творческое мышление будущего юриста, в то время как педагог, ведущий занятие по курсу, получает возможность в определенной степени управлять процессом познания учащихся.

Практика нашей профессиональной деятельности показывает, что наиболее эффективным является использование лекции проблемного характера. Именно данный вид лекций дает возможность представить предметный и социальный контексты профессионального будущего, наряду с постижением теоретических особенностей юридической профессии. Использования этого типа лекций на стадии профильногообучения дает учащимсявозможность организации совместной с преподавателем познавательнойдеятельности, а такжесамостоятельно получать знания, осознавать и самостоятельно решать поставленные задачи.

С точки зрения практики использование лекций – визуализации, всочетание с метод устного изложения, а также способность преобразовывать словесную и письменную информацию в визуальную форму является важным профессиональным качеством. Вследствие того, что практически любая форма визуализации содержит те или иные элементы проблемности, процесс наглядности способствует созданию сложной ситуации, разрешение которой осуществляется на основе анализа, синтеза, обобщения, т.е. способствует развитию активной мыслительной деятельности учащихся. Данный метод может быть использован на этапе введения учащихся в новый раздел или новые темы курса, такие как: «Межкультурная коммуникация юристов», «Проблемы криминализации Российского общества».

Использование разнообразных методов обучения происходит в процессе применения разнообразных форм обучения в их преемственности и взаимосвязи. Основной для учащихся в профильных юридических классах является урок. Применяются различные виды уроков: дискуссия, урок с элементами психологического тренинга, занятие с элементами игрового обучения, экскурсия, конференция.

Наравне с учебной деятельностью большое значение имеет самостоятельная работа учащихся.

Внеаудиторная самостоятельная работа – это деятельность учащихся по усвоению знаний и умений, протекающая без непосредственного участия преподавателя, хотя и направляемая им.

Цель самостоятельной работы – содействие оптимальному усвоению учащимися учебного материала, развитие их познавательной активности, готовности и потребности в самообразовании.

Задачи самостоятельной работы:

– углубление и систематизация знаний;

– постановка и решение познавательных задач;

– развитие аналитико-синтетических способностей умственной деятельности, умений работы с различной по объему и виду информацией, учебной и научной литературой;

– практическое применение знаний, умений;

– развитие навыков организации самостоятельного учебного труда и контроля за его эффективностью.

Для более эффективной самостоятельной внеаудиторной деятельности по усвоению учебного материала учащимся профильных юридических классов были предложены следующие виды самостоятельной работы: подготовка информационного сообщения; написание реферата; написание конспекта первоисточника; написание эссе; написание рецензии; написание аннотации; составление опорного конспекта; составление глоссария; составление тестов и эталонов ответов к ним; составление и решение ситуационных задач; составление кроссвордов по теме и ответов к ним; создание материалов-презентаций

Для наиболее эффективной работы в рамках профильной подготовкии формированию правовой компетентности учащихся юридических классов предложены как традиционные, так и инновационныевиды самостоятельной работы которые курируются как преподавателями, ведущими профильную подготовку, так и специалистами практиками занимающимися проблемами в различных отраслях права.

Процесс формирования правовой компетентности учащихся профильных юридических классов реализуется при следующих условиях:

– формирование субъективной позиции учащихся в социально-профессиональном выборе;

– реализации комплексной программы работы в рамках учебной и внеучебной деятельности;

– организация педагогический поддержки в процессе освоения старшеклассниками профессиональной роли.

При реализации первого условия, мы опирались на понимание роли учащегося с позиции его как субъекта деятельности. Субъектную позицию подростка, мы будем определятькак кри-

терий его личностного развития, проявляющийся в стремлении к активному познанию самого себя, к социальному самоопределению, к выстраиванию профессиональной стратегии, к принятию норм и ценностей России как правового государства.

Рассматривая воспитывающую среду профильного класса как условие формирования субъектной позиции подростка, мы выделяем следующие ее функции:

1. Социальную, обеспечивающую освоение подростком социального опыта.

2. Защитную, организующую защищенность подростка от возможного негативного влияния социальной среды, потенциальных и возможных угроз существующих в обществе.

3. Педагогической поддержки, направленной на личностное развитие подростков, формирование их субъектной позиции в воспитывающей среде класса.

Реализация второго условия – реализация комплексной работы в рамках учебной и неученой деятельности, основанной на социально-профессиональной направленности, позволяетсоздать условия для продуктивного решения включенности школьников в социальные отношения, выбором ими своей роли, позиции в контексте самореализации.

Сопровождение процессов, связанных с включением школьников в социальные отношения, выбором ими своей роли, позиции в контексте самореализации, самоутверждения и рефлексии, способствует приобретению практико-ориентированного опыта в социально значимой деятельности, выработке собственных средств решения проблем, развитию навыков социального партнерства, социальной активности и функциональной грамотности.

Реализация третьего условия – организация педагогической поддержки в процессе освоения учащимися профессиональной роли – направлена на самопознание учащихся, выявление истинных мотивов их выбора, реальных возможностей и образовательных потребностей. Результатом является готовность учащегося к выбору профессии, осмыслению, проектированию вариантов профессиональных жизненных путей.

Таким образом, формирование правовой компетентности учащихся профильных юридических классов заключается в том, что каждому учащемуся, благодаря специально сконструированному образовательному пространству предоставляется возможность через полученные знания, умения, навыки эффективно использовать полученную информацию при дальнейшем профессиональном выборе. Формирование правовой компетентности является значимым условие при включенности старшеклассников в социальную деятельность, дает им возможность делать осознанный, юридически грамотный выбор, быть законопослушными членами общества.

Библиографический список

1. *Аграновская Е.В.* Правовая культура и обеспечение прав личности. – М.: Наука, 2008. – 142 с.

2. *Бабанский Ю.К.* Комплексный подход в воспитательной работе с подростком. – М., 2009. – 201 с.

3. *Басова В.М.* Формирование социальной компетентности сельских школьников: Автореф. дис. … д-ра пед. наук. – Ярославль, 2004. – 45 с.

4. *Болотов В.А., Ефремова Н.Ф.* Система оценки качества российского образования // Школа: день за днем. Педагогический альманах. Официальный сайт Центрального филиала городского центра развития образования г. Новосибирска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.den-za-dnem.ru

5. *Борытко Н.М.* Профессионально-педагогическая компетентность педагога // Интернет-журнал «Эйдос». – 2007. – 30 сентября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eidos.ru

6. *Лобанова Н.Н., Косарев В.В., Крючатов А.П.* Профессиональная компетентность педагога. – Самара; СПб., 2010. – 107 с.

7. *Сериков В.В.* Личностно-ориентированное образование // Педагогика. – 1994. – №5. – С. 16–21.

8. *Юрасюк Н.В.* К вопросу о формировании правовой компетентности современного специалиста // Современные технологии в российской системе образования: Мат-лы VI Всерос. науч.-практ. конф. – Пенза, 2008.

СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 1:159.923.2

Зайцев Александр Владимирович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
aleksandr-kostroma@mail.ru

ДИАЛОГ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассказывается об институциональном диалоговом взаимодействии государства и гражданского общества в России. Рассматривается сходство и отличие институционального политического дискурса и институционального диалога государства и гражданского общества. Дается авторское определение понятия «диалог государства и гражданского общества».

Ключевые слова: *институт, гражданское общество, диалог, коммуникация, взаимодействие, государство.*

Концепт «диалог государства и гражданского общества» имеет достаточно широкое распространение не только в лингвистике, философии, психологии, педагогике, культурологии, социологии, но также в политической практике и политологической теории. Однако вплоть до настоящего времени этот термин, несмотря на его весьма интенсивную эксплуатацию, так и не получил сколько-нибудь обоснованного и адекватного теоретического осмысления в современной политической науке.

Это обстоятельство нередко создает двусмысленное, неверное, искаженное использование данного концепта, который уже давно нуждается в специальном категориальном истолковании с точки зрения социально-гуманитарного знания в целом и, в данном случае, с позиции политической науки. Тем более что сегодня в целом крайне необходима «специальная *теория политического диалога*, которая могла бы критически проанализировать и синтезировать уже имеющиеся концепты и теории, отражающие диалогические взаимодействия в политической практике современного общества», считает С.П. Поцелуев, автор, по сути дела, единственной и в своем роде уникальной докторской диссертации по проблемам политического диалога и парадиалога. Однако «такой теории пока что нет даже в первом приближении» [8, с. 5].

Диалог, как двухстороннюю и/или многостороннюю субъект-субъектную коммуникацию, обычно противопоставляют монологу – как односторонней субъект-объектной коммуникации. Диалог возник очень давно – в Древней Индии и в Древней Греции. Но этот диалог носил межперсональный, межличностный характер, был формой общения и был направлен на передачу информации или, как в античной философии, на совместное отыскание философской истины.

Диалогической проблематике большое внимание уделяли такие мыслители XX столетия, как М. Бубер, М. Бахтин, М. Фуко, и другие. Юрген Хабермас пришел к пониманию гражданского общества как особой сферы публичного дискурса, где проистекает диалог государства, бизнеса и гражданского общества. Но этот диалог носит не межперсональный, как «обычный» человеческий дискурс, а интерсубъективный характер. Это не общение между личностями, а взаимодействие институтов, общественных организаций, коммерческих структур и органов государственной власти. Такое понимание «диалога» носит опосредованный, метафорический, переносный характер. Это коммуникация, которая осуществляется иными способами и средствами, чем языковая диалоговая коммуникация в традиционном понимании концепта «диалог». Особой разновидностью интерсубъективного диалога является институциональный социально-политический диалог государства и гражданского общества.

В последние десять-пятнадцать лет российская власть активно занимается созданием институтов гражданского общества. Этот процесс находится пока что на начальной стадии своего существования, однако уже сегодня происходят весьма существенные и важные изменения в институциональном дизайне гражданского общества современной России.

Данная тенденция выражается в появлении и институционализации ряда новых практик ин-

© Зайцев А.В., 2011

теракции общества и власти. В соответствии с концепцией автора данной работы, многие из этих форм взаимодействия являются различными жанрами понимаемого в широком смысле диалога государства и гражданского общества. О процессе институционализации пишут многие исследователи в сфере права, социологии, политологии и других наук. Так, ряд современных исследователей в своих работах фиксируют институционализацию процесса взаимодействия государства и гражданского общества в целом[1], а также институционализацию таких более конкретных форм и жанров диалоговой интеракции, как социальное партнерство[2], согласование интересов[3], общественный (гражданский) контроль[4], обращения граждан[5], общественные слушания[6]. Так, М.А. Очеретина вполне справедливо отмечает, что «публичные слушания являются одним из институтов демократии участия и обсуждения, обеспечивающим активное взаимодействие власти и общества, их конструктивный диалог» [7, с. 433].

В этом же ряду можно назвать институционализацию таких интеракций, как переговорные процедуры, дискуссии, дебаты, а также толерантности[7], механизма обратной связи[8], связей с общественностью[9] и даже «черного PR»[10]. «В постсоветской России политический диалог осложняется ситуацией, когда демократические по названию институты зачастую наделены перевернутым или вывернутым наизнанку смыслом, и когда имеет дело не просто дефицит гражданского общества, но и “черный PR” как институт гражданского общества, – утверждает С.П. Поцелуев. – Именно этот парадоксально-пародийный социальный фон способствует пышному расцвету парадиалогического дискурса в российской публичной политике» [8. с. 4–5].

Важная проблема, требующая своего разрешения, заключается в изучении соотношения институционального социально-политического диалога и институционального (политического) дискурса[11]. Истоки теории дискурса и методов его анализа можно найти в исследованиях языкового употребления (немецкая школа П. Хармана, П. Вундерллиха и др.), в социолингвистическом анализе коммуникации (американская школа Э. Щеглова, Г. Загса и др.), в логико-семиотическом описании разных видов текста – политического, дидактического, повествовательного – французским постструктурализмом (семиотические исследования в лингвистике – А. Греймас, Е. Ландовский и др.), в моделировании порождения речи в когнитивной психологии, в описании этнографии коммуникации и антропологических исследованиях. Более отдаленные корни теории дискурса можно видеть в работах М. М. Бахтина.

В современной науке существует целый ряд определений термина «дискурс». Признаками дискурса большинство лингвистов считает его текстовую сущность в сочетании с экстралингвистическими моментами, существенными для его адекватного понимания. Для специалистов в области риторики значимыми оказываются иные признаки дискурса: его звучащий характер и отчетливо выраженная процессуальность. Так, в «Основах риторики» А.К. Михальской находим: «Звучащее слово – живую речь, произносимую в процессе развертывания речевого события, – в современной лингвистике называют дискурсом (от лат. discurro, discursum – рассказывать, излагать, но также бегать туда и сюда); второе значение латинского слова тоже входит в значение современного лингвистического термина “дискурс”, который обозначает не только повествовательную, но и диалогическую речь» [6, с. 416]. Семантическая многогранность термина «дискурс» привела к необходимости использования при нем атрибутивных уточнителей (монологический дискурс, диалогический дискурс, разговорный дискурс, институциональный дискурс).

С позиций участников общения (социолингвистический подход) все виды дискурса распадаются на личностно-ориентированный и статусно-ориентированный дискурс. Личностно-ориентированный дискурс проявляется в бытовой сфере. Статусно-ориентированный дискурс может носить институциональный и неинституциональный характер, в зависимости от того, какие общественные институты функционируют в социуме в конкретный исторический промежуток времени [4, с. 477]. С точки зрения лингвистики, всякий институциональный дискурс использует определенную систему профессионально-ориентированных знаков или, другими словами, обладает собственным подъязыком (специальной лексикой и фразеологией) [5, с. 368]. Человек вступает в то или иное дискурсное пространство не только в определенной социальной роли (включающей или подразумевающей и фактор сферы общения или тип социального института), но и с определенными целями. Таким образом, институциональный дискурс оказывается предельно широким поня-

тием. Выделяют политический, административный, судебный, военный, педагогический, религиозный, медицинский, деловой, рекламный, научный и другие виды дискурса. Ядром институционального дискурса является общение базовой пары участников коммуникации – учителя и ученика, ученого и коллеги, журналиста и читателя, государства и гражданского общества, и т.д.

Исследуя институциональный политический дискурс, Е.И. Шейгал рассматривает степень его институциональности, субъектно-адресатные отношения, социокультурную вариативность, событийную локализацию. В работе автор исходит из широкого подхода к политическому дискурсу, так как политический дискурс представляет собой сложное многомерное образование, речевые жанры которого образуют сеть множественных пересечений [13]. Целый ряд социолингвистов и специалистов, работающих в сфере политической лингвистики, рассматривает различные жанры институционального дискурса, которые, в свою очередь, распадаются на различные виды.

Однако, при всей значимости такого подхода к институциональному политическому дискурсу, ни политической лингвистике, ни самой политологии пока так и не удалось разграничить трактовку политического дискурса и политического (общественного, социально-политического) диалога. Более того, целый ряд исследователей политической коммуникации нередко даже отождествляют эти феномены друг с другом.

В такой позиции есть своя логика. К примеру, как и многие его современники, Ю. Хабермас в своей политической философии использует весьма многозначный и расплывчатый термин «дискурс», который в ряде случаев в его политической философии полностью совпадает с диалогом. На это обстоятельство указывает целый ряд современных исследователей. «По Хабермасу, дискурс представляет собой диалог, – согласование спорных притязаний на значимость с целью достижения согласия» [9, с. 64]. А.В. Дука и вовсе полагает: «Значение термина “дискурс” в социологии и политологии в значительной степени метафорично; он определяет не межперсональный диалог, как речевое событие, а социальный диалог, происходящий посредством и через общественные институты между индивидами, группами и организациями, а также между самими социальными институтами, задействованными в этом диалоге»[3].

«Диалог и дискурс в онтологическом отношении – как “близнецы-братья”, – пишет Т.И. Бирина, – диалог – это дискурсивная форма речевого взаимодействия, а дискурс – это речь, помещенная в ситуацию диалога…» [1, с. 96]. Еще более категорична Л.Н. Тимофеева, фактически отождествившая политический дискурс и институциональный политический диалог в условиях делиберативной демократии, существующей пока лишь как нормативная модель дискурсивного принятия политических решений (по Ю. Хабермасу). «Термином “дискурс” в политологии называют не межперсональный, имеющий только личное значение, диалог как “речевое событие”, а социальный диалог, происходящий через общественные институты между общественными и политическими акторами, – пишет Л.Н. Тимофеева. – Политический дискурс – это обмен обоснованными позициями, взглядами в соответствии с определенными правилами, в результате чего предпринимаются действия для решения социально значимых проблем. При этом по возможности все граждане должны быть вовлечены в процесс обсуждения… Проще говоря, в условиях демократии политический дискурс – это метод публичного принятия решения» [10, с. 3].

Вместе с тем существует диаметрально противоположная точка зрения на соотношение политического дискурса и диалога. К примеру, политический лингвист В.З. Демьянков утверждает, что «политический дискурс не нацелен на диалог» [11, с. 43], потому что он, «чтобы быть эффективным, должен строиться в соответствии с определенными требованиями военных действий» [2, с. 41].

Д.В. Шапочкин утверждает, что политический дискурс граничит и со спортивно-игровым дискурсом, где ожесточенная борьба за власть разыгрывается как спортивное состязание, как большие национальные игры, для которых важны зрелищность, определённые имиджи, формы проявления речевой агрессии. По его мнению, как и всякий другой дискурс, политический дискурс имеет полевое строение, в центре которого находятся те жанры, которые в максимальной степени соответствуют основному назначению политической коммуникации – борьбе за власть. Это парламентские дебаты, речи политических деятелей, голосование. «Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушать адресатам – гражданам сообщества – необходимость “политически правильных” дей-

ствий и/или оценок, – пишет этот же исследователь. – Иначе говоря, цель политического дискурса – не описать (то есть не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию. Поэтому эффективность политического дискурса можно определить относительно этой цели» [11]. Агональность, то есть состязательность политического дискурса, подчеркивает и О.В. Эпштейн: «Основу политического дискурса составляет непрекращающийся диалог-поединок между партией власти и оппозицией, в котором противники время от времени нападают друг на друга, держат оборону, отражают удары и переходят в наступление». В соответствии с этим политическому дискурсу присуща «этика поединка», стратегия и тактика борьбы, победы, поражения, выигрыша и триумфа. В целом же «специфическими характеристиками агональности дискурса являются 4 признака:1) агональность; 2) агрессивность; 3) идеологичность; 4) театральность» [14, с. 154].

С точки зрения Е.И. Шейгал, «театральность политического дискурса связана с тем, что одна из сторон коммуникации – народ – выполняет в ней преимущественно роль не прямого адресата, а адресата-наблюдателя, который воспринимает политические события как некое разыгрываемое для него действо». При этом политики, общаясь друг с другом и журналистами, постоянно помнят о «зрительской аудитории» и намеренно или непроизвольно лицедействуют, «работают на публику», стараются произвести впечатление и «сорвать аплодисменты» [12]. Такой дискурс вполне можно сопоставить с парадиалогическим (псевдодиалогическим) дискурсом или даже с так называемым «монологическим диалогом». В такой интеракции «центральный субъект ведет диалог с отсутствующим партнером». Кажущаяся диалогичность достигается с помощью использования таких по сути дела манипулятивных приемов, как риторические вопросы, обращения и так далее [15, s. 37]. Гражданскому обществу в таком политическом дискурсе отводится роль демократической декорации или молчаливого статиста, покорно одобряющего любые действия власти.

Совсем другое дело – реальный диалог, который хотя и предполагает состязательность, но в то же время подразумевает и определенное дискурсивное равенство, симметричность его субъектов, их коммуникативное взаимодействие друг с другом, которое заключается во взаимном воздействии друг на друга, партнерстве и нахождении в процессе этого дискурсивного взаимодействия взаимопонимания, консенсуса или даже компромисса. В современных условиях еще «в большей мере это относится к институциональному диалогу в условиях становления и формирования гражданского общества, управленческие технологии были не только инструментом государства, но и инструментом воздействия общества на государство, превратились из инструмента воздействия в инструмент взаимодействия» [5, с. 22]. Этим обстоятельством институциональный диалог государства и гражданского общества в современной России должен отличаться от институционального политического дискурса, являющегося более широким понятием, чем диалогическая интеракция, и включающего в себя не только равноправную диалогическую интеракцию, но и политический монолог, пропагандистский дискурс, «черный PR», парадиалог, информационные симулякры и другие атрибуты и технологии информационной войны и манипулятивных коммуникативных политтехнологий.

Институциональный диалог государства и гражданского общества следует понимать как предельно широкую гражданскую коммуникацию в ее конкретных институциональных проявлениях. Таких, к примеру, как общественные слушания, публичные дебаты, дискуссии, переговоры, социальное партнерство, общественный (гражданский) контроль за властью, общественные экспертизы социально значимых проектов, защита прав граждан и т.д. В целом же институциональный диалог между государством и гражданским обществом можно определить как интерсубъективное взаимодействие с целью нахождения общественного консенсуса и взаимопонимания, поиска и выявления общих интересов, транспарентного определения в процессе переговоров социальных приоритетов, позиций, согласования мнений, намерений, методов, форм и способов разрешения конфликтных ситуаций, координации обоюдных действий, корректировки сложившейся ситуации и выработки взаимоприемлемых правовых, политических и управленческих решений и мер.

Примечания

[1] *Гриб В.В.* Правовые вопросы институционализации взаимодействия гражданского обще-

ства и органов государственной власти // Российская юстиция. – 2011. – №3. – С. 10–11; *Гриб В.В.* Общественные советы (палаты) как ключевой институт взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества // Юрист. – 2010. – №10. – С. 57–59; *Новикова О.В.* Проблемы институционального взаимодействия государства и гражданского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – Т. 3. – С. 69–78.

[2] *Грекова Г.И., Киварина М.В.* Институционализация социального партнерства в России // Вестник Волгоградского института бизнеса. Бизнес. Образование. Право. – 2010. – №2. – С. 57–61; *Остапенко А.С.* Социальное партнерство как способ формирования институтов гражданского общества // Татищевские чтения: актуальные проблемы юридической науки. Материалы 5 юбилейной научно-практической конференции. Ч. 1. – Тольятти: Изд-во ВУиТ, 2008. – С. 181–192; *Осипов Е.М.* Методология социологического анализа социального партнерства как социального института [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:/www.teoria-practica.ru/-1-2011/sociologiya/osipov.pdf; *Сухарь А.А.* Политическое партнерство: институциональный анализ // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2007. – №1. – С. 68–71.

[3] *Какабадзе Ш.Ш.* Институты согласования интересов федерального государства и структур гражданского общества // Право и политика. – 2008. – №10. – С. 2430–2437.

[4] *Баранов А.Ф., Сериков А.В.* Трансформация социальных практик самоорганизации населения в институты контроля качества публичных услуг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist-edy.ru/hist/boock5/5_ru.php

[5] *Гудкова Е.Г.* Развитие института обращения граждан как формы непосредственной демократии // Вестник Воронежского гос. университета. Гуманитарные науки. – 2006. – № 2. – Ч. 2. – С. 131–140; *Нудельман В.Я.* Обращения граждан в органы публичной власти как институт гражданского общества: понятие, сущность, содержание // Юридическая мысль. – 2010. – №3. – С. 48–52; *Румянцева В.Г.* Институт обращений граждан в органы государственной и местной власти // История государства и права. – 2008. – №14. – С. 2–4.

[6] *Зенин С.С.* Публичные слушания как конституционно-правовой институт // Lex Russia. – 2010. – №5. – С. 1132–1134; *Комарова В.В.* Институт публичных слушаний – форма народовластия (понятие, виды, правовые основы) // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – №9. – С. 18–21; *Очеретина М.А.* Понятие и структурный анализ института публичных слушаний как формы участия населения в осуществлении публичной власти // Российская юстиция. – 2008. – №6. – С. 31–33; *Очеретина М.А.* Становление и развитие института публичных слушаний // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук. Вып. 9. – Екатеринбург: Изд-во УрОНА, 2009. – С. 433–443; *Семенова Е.А.* Некоторые проблемы института публичных слушаний как формы общественного контроля // Труды филиала МПОА им. О.Е. Кутафина в г. Вологде. Вып. 9. – Вологда, 2010. – С. 135–140.

[7] *Ключник И.В.* Институционализация толерантности в Конституции Российской Федерации // Обеспечение прав личности и интересов государства в современном обществе. Сб. тезисов всероссийской научно-практической конференции, Муром, 17–18 декабря 2004 г. – Муром: Изд-во МИ ВлГу, 2004. – С. 27–28; *Мясников М.А.* Правовая политика и религиозная толерантность в контексте межконфессионального диалога // Правовая политика и правовая жизнь. – 2005. – №2. – С. 202–211.

[8] *Старцев Я.* Артикулирование требований и проблема иституционализации обратной связи в российской политической системе // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. – №3. – С. 143–149.

[9] *Сидельник Э.А.* Институционализация паблик рилейшенз в современном российском обществе. Автореф. дис. … канд. социол. наук. – Таганрог, 2007. – 24 с.; *Рева Ю.В.* Институционализация связей с общественностью в современном российском бизнесе // Регионология. – 2007. – №1. – С. 264–270.

[10] *Лукашев А.В., Пониделко А.В.* Анатомия демократии, или Черный PR как институт гражданского общества. – СПб.: Бизнес-пресса, 2001.

[11] *Пескова Е.Н.* Политический дискурс: проблема институционализации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Социально-гуманитарные науки. – 2005. – №7. – С. 186–187; *Карасик В.И.* Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. – С. 25–33; *Пескова Е.Н.*

Политический дискурс: проблема институционализации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Социально-гуманитарные науки. – 2005. – №7. – С. 186–187; *Бейлинсон Л.С.* Функции институционального дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2009. – №3. – С. 142–147.

Библиографический список

1. *Бирина Т.И.* Диалог vs дискурс // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Сер. Социальные науки. – 2008. – №3. – С. 94–98 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unn.ru/pages/issues/vestniksoc/99990201_West_soc_2008_3(11)/16.pdf

2. *Демьянков В.З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – №3. – С. 32–43 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.infolex.ru/PolDis.html

3. *Дука А.В.* Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – Вып. 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hq.soc.pu.ru/publications/jssa/1998/1/a9.html

4. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 1997. – 477 с.

5. *Марущак Е.М.* Социально-политические технологии государственного управления как инструмент взаимодействия государства и общества // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2009. – №3. – С. 21–25.

6. *Михальская А.К.* Основы риторики. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.

7. *Очеретина М.А.* Становление и развитие института публичных слушаний // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – Екатеринбург, 2009. – Вып. 9. – С. 433–443.

8. *Поцелуев С.П.* Диалог и парадиалог как формы дискурсивного взаимодействия в политической практике коммуникативного общества: Автореф. дис. … д-ра полит. наук. – Ростов-на-Дону, 2010. – 45 с.

9. *Русакова О.Ф., Русаков В.М.* PR и дискурс: теоретико-методологический анализ. – Екатеринбург: УрО РАН Институт международных связей. – 365 с.

10. *Тимофеева Л.Н.* Власть и оппозиция в России: проблемы политического дискурса (К «совершеннолетию» российской оппозиции) // Власть. – 2007. – №4. – С. 3–9.

11. *Шапочкин Д.В.* Когнитивные аспекты в дискурсе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russian.slavica.org/printout1668.html

12. *Шейгал Е.И.* Театральность политического дискурса // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. трудов. Вып. 6. – Саратов: Изд-во СГАП, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics1/sheygal-00.htm

13. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. – Волгоград, 2000. – 368 с.

14. *Эпштейн О.В.* Семантико-прагматические и коммуникативно-функциональные категории политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2008. – №2. – С. 150–156. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: gramota.net>articles/issn_1997-2911_2008_2_55.pdf

15. *Hoffmanova J.* Zwischen Dialog und Monolog // Dialoganalyse: Referate der Arbeitstagung. – Tűbingen: Niemeyer, 1993. – Bd. 5. – S. 35–40.

УДК 316.334

Ильченко Елена Валентиновна
Северо-Кавказский государственный технический университет (г. Ставрополь)
Elena1chirk@Yandex.ru

КРИТЕРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

В статье представлена разработка критериев и индикаторов институционального анализа социального обслуживания людей с инвалидностью.

Ключевые слова: *социальный институт, социальное обслуживание, критерии, индикаторы социального обслуживания.*

Проблема инвалидности является одной из важнейших социальных проблем современного общества. В связи с тем, что число инвалидов возрастает, увеличивается и значимость социального обслуживания данной категории населения.

Элементами социальной структуры, функционирование которых направлено на удовлетворение важных потребностей общества, являются социальные институты. Социальные институты обеспечивают реализацию основополагающих потребностей общества, связанных с его материальным обеспечением, интеграцией социальных групп, воспроизводством и сохранением духовных ценностей и т.д. Благодаря их наличию обеспечивается воспроизводство населения, материальных и духовных благ, социализация человеческих индивидов, преемственность поколений и многое другое.

Теоретические основы взаимодействия социальных институтов разработаны в работах классиков социологической науки: Т. Парсонса, Р. Мертона, З. Баумана, Н. Лумана, П. Бурдье, Р. Будона, Г. Спенсера и др.

Институт социального обслуживания характеризуется наличием инфраструктуры служб и учреждений, осуществляющих деятельность по предоставлению социальных услуг нуждающимся категориям населения, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Структурная сложность института социального обслуживания, его функциональная специфика затрудняют отнесение данного института к одной сфере общественной жизни. Институт социального обслуживания взаимодействует с другими социальными институтами, которые помогают решать проблемы людей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

В решении проблем инвалидности институт социального обслуживания наиболее тесно взаимодействует с институтом семьи, который выполняет свои специфические функции. Помимо общих функций (воспитательная, репродуктивная, хозяйственно-бытовая, экономическая), семьи с инвалидами выполняют реабилитационную и адаптационную функции. Реабилитация инвалидов представляет собой комплекс мер, направленных на обеспечение необходимых условий и возвращение этих групп населения к полноценной жизни в обществе. В решении этой задачи семьям оказывается помощь и поддержка соответствующих учреждений социальной защиты.

Другим институтом, взаимодействующим с институтом социального обслуживания инвалидов, является институт образования. Он выполняет такие функции, как передача знаний, воспитание подрастающих поколений с учетом культурно-исторических традиций, а также принятых в обществе правил и норм поведения. Наряду с общими функциями образование одновременно выполняет и реабилитационные функции: навыки самообслуживания, коррекция поведения и др. Результатом усилий в этом направлении является достижение такого положения, когда инвалид способен к выполнению социальных функций, свойственных здоровым людям. Это трудовая деятельность, обучение, способность к чтению, письму, самостоятельному передвижению. Но не следует забывать о том, что психолого-педагогическая реабилитация не может полностью интегрировать инвалида в общество. Необходимым условием этого является проведение медицинской реабилитации.

Медицинская реабилитация – комплекс лечебных мер, направленных на восстановление нарушенных или утраченных функций организма. Цель медицинской реабилитации заключается в устранении или ослаблении последствий заболевания, анатомического дефекта, травмы или увечья. Она может осуществляться в учреждени-

© Ильченко Е.В., 2011

ях института здравоохранения (стационарах, поликлинике, санатории, центрах медицинской реабилитации). В рамках системы здравоохранения выявляются медицинские показания к оформлению статуса инвалида, что закрепляется решением медико-социальной экспертной комиссии. Далее инвалид обращается в органы социальной защиты населения, где реализуется его право на различные виды социального обслуживания.

Социальное обслуживание осуществляется на основе государственных стандартов, которые устанавливают минимально необходимые требования к объемам и качеству социальных услуг, порядку и условиям их оказания. Стандарты разработаны с целью их использования в качестве базовой нормативной основы при разработке систем качества конкретных учреждений применительно к специфике их деятельности. Целями установления государственных стандартов социального обслуживания являются наиболее полное удовлетворение потребностей населения в социальном обслуживании и формирование принципов развития системы социального обслуживания. Стандарт распространяется на социальное обслуживание населения и устанавливает требования к системе качества учреждений социального обслуживания, предоставляющих социальные услуги различным категориям населения, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

В отечественных исследованиях в рамках структурно-функционального анализа проблему инвалидизации исследовали Т.А. Добровольская, И.П. Каткова, Н.Б. Шебалина и др. Проблема инвалидности рассматривается с различных точек зрения такими учеными как: Н.А. Агеева, Л.А. Алейник, Н.Ф. Дементьева, Н.П. Клушина, Т.Ф. Маслова, В.С. Ткаченко, Е.И. Холостова, В.К. Шаповалов, Е.Р. Ярская-Смирнова.

Но в то же время в научной литературе мало работ, посвященных институциональному анализу социального обслуживания людей с инвалидностью.

В современной литературе по проблемам социального обслуживания представлены преимущественно методы анализа, которые ориентированы на изучение количественных данных, таких как число обратившихся в социальную службу за социальной помощью, количество предоставленных социальных услуг и т.п. В то же время институциональный подход требует при оценке социального обслуживания не ограничиваться только количественным анализом эффективности, а проводить качественный анализ социального обслуживания. Это будет в полной мере отвечать требованиям институционального анализа, так как он предполагает, прежде всего, изучение проблем, связанных с удовлетворением интересов и потребностей клиентов института социального обслуживания.

Для того чтобы осуществить институциональный анализ социального обслуживания людей с инвалидностью, необходимо разработать критерии и индикаторы данного анализа.

Институт социального обслуживания характеризуется наличием инфраструктуры служб и учреждений, осуществляющих деятельность по предоставлению социальных услуг нуждающимся категориям населения (в нашем случае – людям с инвалидностью). Целью функционирования данных учреждений является социальная поддержка граждан. Институт социального обслуживания выполняет разнообразные функции, важнейшими из которых являются интеграционная, регулятивная, коммуникативная, транслирующая, функция закрепления и воспроизводства общественных отношений и многие другие.

С учетом функций, выполняемых учреждениями социального обслуживания, структуры данных учреждений и потребностей клиентов (получателей социальных услуг) мы определили четыре основных критерия институционального анализа социального обслуживания людей с инвалидностью:

– *критерий функциональности* (*функциональный критерий*) позволяет дать количественную характеристику основных показателей реализации институциональных функций социального обслуживания и, прежде всего, определить степень выполнения функций института социального обслуживания.

Исходя из содержания универсальных и специфических функций института социального обслуживания людей с инвалидностью, мы определили показатели и индикаторы функционального критерия:

* осведомленность инвалидов о праве получения социального обслуживания;

* осведомленность системы (учреждения), предоставляющей социальные услуги, о реальных потребностях их получателей;

* своевременность предоставления клиентам информации о предоставляемых социальных услугах;

* соответствие функций системы (учреждения) социального обслуживания перечню актуальных потребностей клиентов;

* деятельность системы (учреждения) социального обслуживания по выявлению потребностей клиентов;

* влияние социального обслуживания на поведение индивидов;

– *структурный критерий*, – по которому определяется соответствие структуры социального обслуживания как в системах различного уровня (федеральные, региональные, муниципальные), так и в учреждениях социального обслуживания.

Показателями и индикаторами структурного критерия являются следующие:

* достаточность учреждений социального обслуживания и структурных подразделений (профильных, специализированных) для удовлетворения соответствующих потребностей инвалидов;

* соответствие «мощности» учреждений социального обслуживания нормам предоставления услуг социального обслуживания;

* доступность предоставляемых услуг социального обслуживания для инвалидов (оптимальность их размещения на муниципальном и региональном уровнях);

– *процессуальный критерий* (критерий качества процесса социального обслуживания инвалидов) является основанием оценки совокупности характеристик процесса и условий обслуживания, обеспечивающих удовлетворение установленных или вновь возникающих потребностей потребителей услуг.

Критерий качества процесса социального обслуживания инвалидов включает в себя следующие показатели и индикаторы:

* регулярность предоставления социальных услуг;

* оперативность предоставления социального обслуживания;

* соответствие услуги имеющейся потребности;

* полнота предоставления услуги;

* время ожидания предоставления услуги;

* удовлетворенность набором социальных услуг;

* квалификация специалистов;

* вежливость, чуткость персонала (отношение специалистов к клиентам);

* внутренняя обстановка учреждения, комфортность условий обслуживания;

– *критерий межинституционального взаимодействия*, который даст возможность оценить интенсивность и качество сотрудничества института социального обслуживания с другими социальными институтами в обслуживании инвалидов.

Показатели межинституционального критерия:

* отражение межинституционального взаимодействия в законодательных и нормативных актах, регулирующих функционирование института социального обслуживания;

* интенсивность межинституционального взаимодействия (доля числа услуг, оказываемых в сотрудничестве с другими институтами (ЖКХ, образование…)).

На основе разработанных нами критериев и индикаторов создан инструментарий сбора эмпирических данных о функционировании института социального обслуживания людей с инвалидностью.

Библиографический список

1. *Ткаченко В.С.* Общество и проблемы инвалидности: монография. – Ставрополь: Сервисшкола, 2006. – 296 с.

2. *Хомуха В.И.* Институциональные детерминанты трансформации социальной структуры регионального сообщества: Дис. … канд. социол. наук. – Ставрополь, 2006. – 157 с.

3. *Холостова Е.И., Дементьева Н.Ф.* Социальная реабилитация: учебное пособие. – М.: ИТК «Дашков и Ко», 2003. – 340 с.

УДК 316.354

Максименко Александр Александрович
кандидат психологических наук
alex-maximenko@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «РАЦИОНАЛЬНОСТЬ»

В настоящей статье автор рассматривает становление понятия «рациональность» в теориях социологии, а также значение этого понятия в социологии управления.

Ключевые слова: *интерпретация понятия «рациональность», аксиологический подход, теории социологии, социология управления.*

Специфика функций, целей и управления в социальных организациях так или иначе предполагает использование в системной аксиологии утилитаристских категорий «полезности» и «эффективности». Однако это вовсе не предполагает отказ от возможности и необходимости ценностнорационального поведения в пользу целерационального. Разработка телеологии и ценностно-нормативной системы в социальных организациях предполагает принятие того или иного понимания рациональности.

Концепция рациональности является одним из основополагающих оснований социологической теории М. Вебера. Признавая в целом рациональный характер человеческого поведения, он рассматривает его через дифференцированные «социальные действия», являющиеся единичными актами поведения индивида и анализируемые с позиции его учения об «идеальных типах». Безусловно, рациональность действия, соотносимого с рациональной целью, то есть целерациональность, понимается М. Вебером не как тип наблюдаемого поведения как такового, а лишь как средство его анализа, основанного на мыслительной идеально-типической конструкции. Целерациональное действие (обозначаемое М. Вебером как «техника») интерпретируется как действие, в котором осознание цели актором сочетается с рациональными, осмысленными средствами ее достижения. Рациональность цели признается как с точки зрения рациональности ее содержания, так и целесообразности избираемых средств ее достижения. Целерациональное действие ориентированно на понятный или доступный пониманию «смысл», что является прерогативой исключительно человеческого действия, так как деперсонифицированные коллективные социальные субъекты или идеальные конструкции (общество, государство, капитализм) этим имманентным качеством не обладают. Также данное действие носит осознанный характер и не может рассматриваться с объективистских органицистских позиций как определяемое исключительно механикой социального организма. Даже объективные причины, по мнению М. Вебера, неизбежно отражаются и преломляются в сознании индивида и не являются некими регуляторами и мотиваторами действий индивида, лежащими за пределами его сознания.

Целерациональность отличается от «ценностной рациональности», с позиции которой ценность самих целей не зависит от возможных издержек и последствий социального действия. Однако здесь возникает определенное противоречие и парадокс, отмечаемый самим М. Вебером: ценность целей, «с целерациональной точки зрения… всегда иррациональна. И тем иррациональнее, чем больше она абсолютизирует ценность, на которое ориентируется поведение, ибо она в тем меньшей степени принимает во внимание последствия совершаемых действий, чем безусловнее для нее *самодовлеющая ценность* поведения как такового (чистота убеждения, красота, абсолютное добро, абсолютное выполнение своего долга)» [1, с. 630].

Концепт целерационального действия связывается в теории М. Вебера с учением о формальной рациональности. Формальная рациональность (нем. Formalrationalitat) – «рациональность сама по себе», являющаяся самоцелью. С позиции формальной рациональности, рациональным является любое явление, поддающееся калькуляции, то есть количественному счету, учету и измерению. Ее своеобразным антагонистом выступает «материальная рациональность» (нем. Materialrationalitat) – рациональность «для чего-то», направленная на достижение определенной цели в соответствии с существующими в обществе потребностями и ценностями. По мнению М. Вебера, материальная рациональность, доми-

 © Максименко А.А., 2011

нирующая в традиционном обществе в современном ему западном обществе, вытесняется формальной. Этот процесс выражается в возрастающей регуляции социального поведения, калькуляции социальных явлений, расширении применения научных методов в сфере управления.

М. Вебер акцентировал субъективность критериев рациональности в оценке адекватности «техник» целерационального действия, то есть выдвигаемых целей, их интенций и используемых при этом средств. С другой стороны, он выдвинул идею «объективной рациональности» (нем. Richtigkeitsrationalitat), рациональности, основанной на научном, экспертном, «правильном» и «объективном» знании [1, с. 497]. Объективная рациональность относится им к сфере приложения «догматических наук» – логики, юриспруденции, этики. Целерациональное действие может быть осмыслено и оценено на основании нормативного критерия объективной рациональности, если подчиняется сходной «технике».

Формальная рациональность у М. Вебера выступает в качестве основополагающей характеристики западной культуры и современного капитализма. Их рационализм, стремление к предельной утилитаристкой и, в частности, экономической эффективности проникают во все социальные институты и сферу межличностных отношений. Дальнейшее развитие концепции рациональности у М. Вебера приобретает в его теории рациональной бюрократии и рационально-легального лидерства.

Однако рационализация общества, генетически основанная, по мнению М. Вебера, на рационализации религиозной картины мира, несет в себе определенную тенденцию к самоотрицанию. «Расколдовывание» мира, как следствие рационализации, ведет к разрушению самой религиозной картины мира в пользу формирующегося и усиливающегося научного мировоззрения и научной картины мира. Как отмечает Ю.Н. Давыдов, «идея прогрессирующей рационализации как неизбежной “судьбы” Запада, социальным носителем и воплощением которой является рациональная бюрократия, выступает в противоречие с веберовским представлением о социально-экономических категориях как идеально-типических конструкциях, играющих исключительно эвристическую роль в социальном познании и не претендующих на роль категориального выражения объективных общественных тенденций» и закономерностей. Рациональность, в конечном счете, оказывается именно такой закономерностью, пробивающей себе дорогу вопреки воле и желанию людей, которых она грозит полностью лишить индивидуальной свободы» [2, с. 361].

Т. Парсонс, анализируя наследие М. Вебера, акцентирует объективный надличностный характер рациональности. Именно культурные стандарты, нормы и ценности являются регуляторами целерационального и ценностнорационального действий, соотнося поведение актора с существующей социоструктурной обусловленностью. Действие индивида становится понятным и признается адекватным только благодаря наличию культуры. По его мнению, «если нет “общей культуры”, то нет и способа “проинтерпретировать” то, что же обозначали наблюдаемые действия для действующего лица внутри его системы» [3, с. 177]. Рациональным является действие, обладающее нормативной структурой и выступающее в качестве средства легитимации этой структуры и в качестве механизма социального контроля. Таким образом, рациональность проявляется в поведении акторов в процессе его соотнесения с культурными норами, образцами и эталонами и имеет по отношению к ним автономный объективный статус. Рациональность у Т. Парсонса – это скорее нормативная рациональность в системной иерархии культурных явлений.

Т. Парсонс утверждает, что веберовское понятие «целерациональности» не является прямой абстракцией от элемента конечных целей. Чтобы понять действие актора, необходимо соотнести его с конкретным «типом системы конечных целей», а не пользоваться для анализа лишь цепочкой «средства – цели». Обращая внимание на склонность современников не различать целерациональность и ценностную рациональность в работах М. Вебера как идеально-типические конструкции и реальные действия, Т. Парсонс проводит следующую линию демаркации: «Ключ к пониманию Вебера содержится в различении, которое обсуждает доктор фон Шелтинг, двух возможных “формальных” типов этической установки, которые Вебер называет “этикой ответственности” (Verantwortungethik) и “этикой принципа” (Gesinnungethik). Целерациональность – нормативный тип действия, логически подразумеваемый первой из вышеупомянутых точек зрения, а ценностная рациональность – второй» [4, с. 158].

В ситуации ценностнорационального действия, проявления ценностной рациональности, актор обязан реализовывать, в конечном итоге, некую абсолютную ценность, игнорируя, таким образом, все остальные конкурирующие ценности и утверждая примат собственной как единственно правильной. Эта дифференциация наиболее полно проявляется в религиозном сознании и поведении. Поэтому «различение двух типов рационального действия можно рассматривать как основное различение двух полярно противоположных типов систем конечных целей» [4, с. 160]. Под различающимися «типами систем конечных целей» в концепции структуры социального действия Т. Парсонса понимаются различные культуры, характеризующиеся спецификой ценностно-нормативных систем.

Если для М. Вебера рациональность связана с осмысленностью и целеустремленностью в действиях индивида, то для Т. Парсонса рациональность есть результат соотнесения этих действий с социокультурными нормами, стандартами, правилами и ценностями. Интерпретация данного понятия у Т. Парсонса статическая, рациональность вторична по отношению к диктату априорных социальных структур и регуляторов социального поведения. Также она носит менее волюнтаристский характер, чем в социологии М. Вебера.

Т. Парсонс не проводит четкую демаркацию между индивидуальной субъективной и объективной рациональностью, делая акцент на анализе второй. Согласие с парсонианским концептом рациональности можно обнаружить и в трудах отечественных социологов. Например, по мнению Б.С. Сивиринова, субъективная рациональность должна подвергаться анализу с позиции ценностного подхода к любому действию. Следовательно, процесс рационализации социальных структур «неизбежно попадает под принцип ценностной иерархичности и распространяет его на организационные и политические структуры. Руководствуясь иерархией ценностей, люди склонны организовываться в борьбе за “высшие”, по их мнению, ценности. Эта борьба создает социальные, политические образования, где представители этих ценностей ведут себя как иерархи» [5, с. 5]. Социальная структура в обобщенном виде выражает ценностно-потребностные системы индивидов и, с другой стороны, детерминирует их поведение.

Как во многом антитеза концепции объективной нормативной рациональности в работах Т. Парсонса, в рамках феноменологической социологии выдвигается идея субъективной рациональности. В анализе социального действия у Т. Парсонса объективная нормативная рациональность предшествует пониманию социального действия, а, по мнению феноменологов, именно понимание выступает предпосылкой субъективно интерпретируемой рациональности. Рациональность присуща самой повседневности, где действия индивида опираются во многом на опыт и здравый смысл, а не только на интернализованные культурные регуляторы. Научная рациональность, каковую феноменологи обнаруживают у Т. Парсонса, абстрагируется от реальных социальных отношений, многообразия и сложности их интерпретации на уровне человеческого сознания и интерактивного взаимодействия. Рациональность конструируется на уровне повседневности посредством интерсубъективности, Г. Гарфинкель назвал ее субстанциональной рациональностью. «Эта рациональность заключается в том, что обыденное описание индивидами обыденных действий (“индексичные выражения”) создает возможность представлять себе социальный мир как упорядоченный. Рациональность выступает как рациональная “описуемость”, объяснимость наличной ситуации» [3, с. 178]. Рациональность с позиции феноменологического знания интерпретируется как «возможность конструирования социальной реальности людьми, которые вырабатывают типические представления о ней интерсубъективным образом» [6, с. 178].

В марксизме и неомарксизме концепция рациональности традиционно связывается с понятиями «отчуждения» и «овеществления», примером чему может служить теория овеществления Г. Лукача. Проблему «овеществления» Г. Лукач основывает на концепте «товарного фетишизма» в работах К. Маркса. «…Сущность товарной структуры, – пишет Г. Лукач, – состоит в том, что отношение, связь между лицами приобретает вещественный характер и тем самым – “призрачную предметность”, которая своей жесткой, с виду совершенно замкнутой и рациональной, автономной закономерностью стирает всякий след своей фундаментальной сущности, отношений между людьми» [7, с. 240]. Механизмами рационализации выступают взаимосвязанные между собой дифференциация, специализация и каль-

куляция. Дифференциация означает деление целого на отдельные компоненты, функционально специализированные и, вследствие этого, удобные для калькуляции.

С позиции системной методологии рациональность предстает как системное свойство и системообразующий признак. Например, Ю.М. Резник относит рациональность к общесистемным понятиям, определяющим динамические характеристики системы. «Рациональность – степень обоснованности изменений (или принимаемых решений) в системе с точки зрения субъектов действия (или управления)» [6, с. 387]. В данном случае рациональность выступает как внутреннее свойство системы, связанное с упорядочиванием и телеологией внутрисистемных процессов.

В кибернетике второго порядка, развивающейся в социологии благодаря Билефельдской школе и работам ее основателя Н. Лумана, рациональность социальных систем состоит в соотношении (самореферентности) их между собой и отделения их от внешней среды. По мнению Н. Лумана, «система должна контролировать свои воздействия на среду по обратным воздействиям на себя самое, если она желает вести себя рационально. Система, которая распоряжается своей средой, распоряжается в конечном счете сама собой» [8, с. 51]. В отличие от определения Ю.М. Резника, данная интерпретация акцентируется на соотнесении внутрисистемных процессов с изменениями внешней среды. Рациональность – это способность социальной системы находить удовлетворительный баланс между внутрисистемными и внешними процессами, учитывая при этом каузальную сложность аверсивных и реверсивных связей и вызванных ими процессов и явлений.

Ю. Хабермас делает попытку соединения системного и интерпретативного («субстанционального», по Г. Гарфинкелю) понимания рациональности, выделяя два типа рациональности – «инструментальную» и «коммуникативную». Каждый из типов рациональности является атрибутивным признаком и свойством отдельной области социальной реальности – инструментальная рациональность обнаруживается в «системном мире», а коммуникативная – в «жизненном мире». Данную связь Ю. Хабермас раскрывает следующим образом: «…Коммуникативная сопряжена с “жизненным миром”, то есть символическим миром смыслов, в который человек включается посредством коммуникативного действия или процессов соглашения, инструментальная рациональность – с миром систем, включение в который происходит при помощи инструментальных действий, связанных с реализацией определенных целей в отношении конкретных объектов. Следовательно, благодаря этим типам рациональности социальный мир постигается как двухступенчатый: вначале как системный мир, а затем, как “жизненный мир”» [9].

Коммуникативная рациональность обозначается Ю. Хабермасом как дескриптивная, а инструментальная – как прескриптивная. Первая основана на опытном достоверном знании, а вторая связана с механизмом системной регуляции и регламентации социальной реальности. Помимо этого, Ю. Хабермас выделяет морально-практическую и когнитивно-инструментальную рациональность: «В морально-практической сфере мы называем рациональным того человека, который может оправдать свои действия посредством соотнесения с наличными нормативными контекстами. В когнитивно-инструментальной сфере мы называем рациональным того человека, который высказывает обоснованные мнения и действует эффективно» [9, с. 62].

Ю. Хабермас постулирует отличный от М. Вебера по своей направленности процесс рационализации капиталистической экономики и общества. М. Вебер утверждал прогрессирующий рост инструментальной рациональности, а Ю. Хабермас акцентируется на рационализации «жизненного мира», происходящей посредством двух механизмов: 1) «колонизации жизненного мира»; 2) рационализации в традиционных социальных институтах; и трех типов рационализации: 1) рационализации общества; 2) рационализации культуры; 3) рационализации личности. Как отмечает Ю. Хабермас, «повседневное сознание, отосланное к традициям, претензии которых на значимость уже отвергнуты, оказывается вне сферы влияния традиционализма и пребывает в состоянии безнадежного распада. Место “ложного” занимает “фрагментированное” сознание, которое препятствует просвещению с помощью механизма овеществления. Только таким образом выполняются условия колонизации жизненного мира: императивы автономных подсистем, сбросив идеологические покровы, завоевывают, подобно колонизаторам, пришедшим в первобытное общество,

жизненный мир извне и навязывают ему процесс ассимиляции» [10, с. 303].

Концепция рациональности Ю. Хабермаса обнаруживает генетическую связь с идеями К. Маркса и неомарксизма, так как включает традиционную проблематику «овеществления» и «отчуждения». Также следует отметить, что механизмы рационализации в учении Ю. Хабермаса о рациональности аналогичны тем, которые выделил в своих работах Г. Лукач.

Таким образом, можно выделить четыре наиболее распространенных значения понятия рациональности, встречающихся в научной литературе.

1. Рациональное как логически обоснованное действие.

2. Рациональное как соотносимые с надындивидуальными регуляторами – нормами, ценностями и стандартами «предмет, явление, действие, в основании которых лежит закон, формообразование, правило, порядок, целесообразность» [11, с. 5].

3. Рациональное как эффективное (инструментальное), основанное на механизме логической связи, соответствие целей, средств их достижения и результатов деятельности. Критерием рациональности выступает достижение определенной цели: «если цель достигнута, действия и средства были рациональны; если же цель не достигнута, действия не были рациональны» [12, с. 298].

4. Рациональность как конструируемое интерсубъективным образом рациональное объяснение и описание наличной ситуации (субстанциональная рациональность в этнометодологии).

Библиографический список

1. *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.

2. История теоретической социологии: В 4 т. – Т. 2 / отв. ред. и составитель Ю.Н. Давыдов. – М.: Канон, 1997.

3. *Наумова Н.Ф.* Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. – М., 1988.

4. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2002.

5. *Сивиринов Б.С.* Социальная рациональность как компонент социальной перспективы // Социологические исследования. – 2003. – № 4. – С. 3–12.

6. *Резник Ю.М.* Введение в социальную теорию. Социальная эпистемология. – М.: Институт востоковедения РАН, 1999.

7. *Лукач Г.* Овеществление и сознание пролетариата // Ленин и классовая борьба. – М.: Алгоритм, 2008.

8. Западная теоретическая социология 80-х годов. – М.: ИНИОН, 1989.

9. Современная западная теоретическая социология. Выпуск 1. Юрген Хабермас. Реф. сбор. – М., 1992.

10. *Хабермас Ю.* Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Современная западная социология: хрестоматия. – Минск.: Тесей, 2008.

11. *Мудрагей Н.С.* Очерки истории западноевропейского иррационализма. – М., 2002.

12. *Никифоров А.Л.* Соотношение рациональности и свободы в человеческой деятельности // Рациональность на перепутье: В 2 кн. Кн. 1. – М., 1999.

УДК 314

Осипова Валентина Николаевна
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
valenssya@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ КОНСТРУКТИВНОГО ДИАЛОГА МЕЖДУ МИГРАНТАМИ И ПРИНИМАЮЩЕЙ СТОРОНОЙ В КОСТРОМСКОМ РЕГИОНЕ

В Костромской области большое внимание уделяется проблеме взаимодействия мигрантов и жителей принимающей территории. В данной статье рассмотрены некоторые формы организации конструктивного диалога между мигрантами и местными жителями.

Ключевые слова: *мигранты, принимающая сторона, конструктивный диалог, национальная политика, национальные общественные объединения, межнациональные отношения.*

Российская Федерация – одно из крупнейших в мире многонациональных государств, где проживает более 160 народов, каждый из которых обладает уникальными особенностями материальной и духовной культуры. Костромская область как субъект Российской Федерации в этом вопросе не исключение.

Наиболее многочисленные и организованные народы объединились в общественные организации с целью решения широкого круга вопросов. Это реализация социально значимых, образовательных проектов, оказание благотворительной помощи, а также возрождение и сохранение языка, развитие национальной культуры, традиций и обычаев народа, укрепление межнациональных связей, дружбы между народами.

В настоящее время на территории Костромской области зарегистрировано более 10 национальных общественных объединений, защищающих интересы представителей разных национальностей, в том числе: армянской, азербайджанской, узбекской, татарской, сербской, немецкой, еврейской, а также народов Дагестана.

В Костромской области субъектами реализации государственной политики в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений являются органы государственной власти области, органы местного самоуправления и национальные общественные объединения.

Основной формой работы по реализации национальной политики является Совет по делам национальностей, религий и казачества при администрации Костромской области.

В состав Совета входят представители территориальных органов федеральных органов государственной власти, исполнительных и законодательных органов государственной власти Костромской области, органов местного самоуправления, Общественной палаты Костромской области, национальных общественных объединений, религиозных организаций и казачьих обществ. Организационное обеспечение совета осуществляет отдел общественных связей администрации Костромской области.

На заседаниях Совета рассматриваются вопросы по предупреждению проявления экстремизма и ксенофобии, социальной адаптации мигрантов, правовые основы реализации национальной политики, сохранения и развития национальной самобытной культуры народов [1, с. 57].

Деятельность Управления Федеральной миграционной службы по Костромской области осуществляется с учетом особенностей региона и направлена на сохранение межнационального и межконфессионального согласия в Костромской области, профилактику и противодействие любым формам проявления нетерпимости к представителям различных национальностей и вероисповеданий, поддержание стабильности миграционной обстановки в регионе.

К числу сложных задач, связанных с миграцией, относятся вопросы интеграции и адаптации мигрантов, формирования отношений взаимопонимания между ними и местными жителями, а также предупреждение протестных и противоправных действий как со стороны иностранных работников, так и в отношении них.

Социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов в регионе способствует деятельность Общественно-консультативного Совета при УФМС России по Костромской области. Совет создан в 2007 году в целях повышения эффективности взаимодействия с общественными, научными и коммерческими организациями при реализации миграционной политики.

Совет рассматривает вопросы защиты прав и законных интересов иностранных граждан и лиц

© Осипова В.Н., 2011

без гражданства, соблюдения ими иммиграционных правил. Заседания Совета проводятся ежеквартально.

УФМС России по Костромской области ведется профилактическая работа с лидерами и активными членами общественных организаций, национальных культурных объединений. Во взаимодействии с членами национальных общественных объединений разработана и переводится на национальные языки памятка, разъясняющая права и обязанности мигрантов в соответствии с законодательством Российской Федерации.

При проведении оперативно-профилактических мероприятий используются возможности переводчиков, решаются возникающие вопросы при осуществлении депортации и административного выдворения иностранных граждан.

Проводится активная информационно-разъяснительная работа среди коренного населения области в местах возможного прибытия и расселения иностранных граждан в рамках региональной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Костромскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2010–2012 годы.

В целях предупреждения конфликтов на национальной почве, укрепления взаимного уважения традиций, обеспечения баланса прав постоянного населения и мигрантов, недопущения недружелюбного и враждебного отношения к переселенцам и законным мигрантам используются возможности средств массовой информации и официального интернет-сайта УФМС России по Костромской области.

С целью обеспечения миграционной безопасности, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, межнационального и межконфессионального согласия создана Комиссия при УФМС России по Костромской области по рассмотрению обращений иностранных граждан для выдачи разрешений на временное проживание в Российской Федерации. В состав Комиссии вошли руководители УФМС, УФСБ, УФНС России по Костромской области, департамента экономического развития, промышленности и торговли и департамента социальной защиты населения Костромской области.

В результате тесного взаимодействия администрации Костромской области и национальных общественных объединений появилась еще одна форма работы. В феврале 2003 года по инициативе руководителей национальных общественных организаций при поддержке администрации Костромской области был проведен фестиваль национальных культур «Наш дом – Кострома», в котором активно участвовали все общественные объединения.

В рамках фестиваля была организована выставка предметов быта, национальной литературы, блюд национальной кухни. В концертной программе представлены национальные песни, танцы, стихи, музыкальные композиции. Мероприятие имело огромный общественный резонанс, и с тех пор каждый год проводится фестиваль, приуроченный к памятным датам и праздникам [1, с. 57–58].

В апреле 2009 года была проведена первая Ассамблея народов Костромской области. Это своеобразный форум, на котором обсуждались особенности современной миграционной политики в регионе, деятельность молодежи в укреплении межнациональных отношений, современные тенденции в межнациональной жизни российского общества и др.

Итогом Ассамблеи стало одобрение проекта основных направлений реализации политики в сфере межнациональных отношений на территории Костромской области до 2013 года. Основными его целями станут обеспечение условий полноправного социально-экономического и этнокультурного развития национальностей, проживающих на территории области, укрепление межнационального мира и согласия, профилактика экстремизма, ксенофобии и др.

Таким образом, в Костромской области создаются условия для организации конструктивного диалога мигрантов и местных жителей. Несмотря на то что данные мероприятия не носят систематический характер и проходят, главным образом, в форме совещаний, наблюдается тенденция к улучшению взаимопонимания и взаимодействия мигрантов и жителей Костромского региона.

Библиографический список

1. *Виноградова Л.А.* О реализации государственной национальной политики на территории Костромской области // Костромская область: власть и общество. – Кострома, 2010. – С. 82.

2. Информационно-справочные материалы, предоставленные Управлением Федеральной миграционной службы по Костромской области.

УДК 314.7

Петрова Ольга Сергеевна
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Petrova310585@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

В настоящее время в городах-мегаполисах, таких как Санкт-Петербург, трудовая миграция стала выходить далеко за регулируемые пределы. Проблема не ограничивается только ростом количественных показателей: со всей остротой встает вопрос о социальной адаптации мигрантов в принимающее сообщество. В результате исследования автор предлагает возможные направления управленческого регулирования названных процессов, которые могут способствовать эффективной социальной адаптации трудовых мигрантов.

Ключевые слова: *миграция, трудовой мигрант, социальная адаптация, интеграция, принимающее сообщество.*

Миграционные процессы обрели со второй половины двадцатого века поистине глобальные масштабы, охватив все континенты, социальные слои и группы, различные сферы общественной жизнедеятельности. Миграция стала одним из основных факторов социального преобразования и развития во всех регионах мира. Динамика миграции становится мощным фактором межгосударственных отношений, внутренней экономической, культурной и национальной политики России. В России в целом и в Санкт-Петербурге в частности трудовая миграция стала развиваться сравнительно недавно. С распадом Советского Союза основную группу трудовых мигрантов составили выходцы из стран СНГ. По данным переписи населения 2010 года и данным УФМС по Санкт-Петербургу и Ленинградской области в Санкт-Петербурге зарегистрировано 67 тыс. 127 трудовых мигрантов, из которых 53 тыс. трудовых мигрантов из стран центральноазиатского региона, среди которых 72% – мужчины трудоспособного возраста от 20–45 лет [4].

Начиная с девяностых годов прошлого века, миграция в развитые европейские страны стала выходить далеко за регулируемые пределы. Нередко ее масштабы существенно превышали реально существующие возможности принимающих стран. Проблема, однако, не ограничивается только ростом количественных показателей: со всей остротой встает вопрос о социальной адаптации мигрантов в странах, где они намерены обосноваться. Ведь они являются носителями той системы ценностей и того образа жизни, которые с большим трудом соотносятся с менталитетом большинства коренного населения развитых стран.

Данный факт подтверждает существующая статистика: в экономике Санкт-Петербурга трудовые мигранты из стран центральноазиатского региона, занимающиеся низкоквалифицированным трудом (подсобные рабочие в строительстве, уборщики улиц, водители городского транспорта, ремонтные рабочие, торговцы на рынках), негативно воспринимаются принимающим сообществом, что приводит к сложностям в социальной адаптации и обусловливает риск возникновения социальной напряженности из-за конкуренции на рынке труда. Решать данную проблему только путем создания ограничительных мер на въезд и работу в Санкт-Петербурге недостаточно, необходим анализ механизма социальной адаптации трудовых мигрантов для разработки основных направлений их включения в социально-трудовые отношения на территории современной России и Санкт-Петербурга, а также для эффективного управления региональным рынком труда.

Социальная адаптация является «деятельностью, основанной на субъективной интерпретации адаптивной ситуации, направленной на оптимизацию включения (вхождения) мигрантов в новую социокультурную среду и осуществляемую посредством принятия (частичного или полного) норм и ценностей данной среды, сложившихся здесь форм социального взаимодействия, с одной стороны, и изменения составляющих социокультурной среды в целях приспособления ее к себе, с другой, оптимальность которой (деятельности) проверяется в процессе информационного взаимодействия с помощью информационной обратной связи» [2, с. 43]. Данное Н.Н. Подпориновой определение процесса социальной адаптации основывается на опыте нормативного подхода и интерпретационной парадигмы, а также предлагает различные стратегии социальной адаптации трудовых мигрантов.

© Петрова О.С., 2011

Для анализа процессов социальной адаптации необходимо определить проблемы самих трудовых мигрантов, их жизненные стратегии, миграционное поведение, мотивы и способы адаптации к новым условиям.

С этой целью в 2011 году были проведены глубинные интервью с трудовыми мигрантами, прибывшими из средней Азии и проживающими в Санкт-Петербурге. Выборка респондентов осуществлялась в два этапа: 1) отбор респондентов по месту жительства; 2) отбор респондентов по полу, возрасту, национальной принадлежности, сфере трудовой деятельности и длительности проживания на территории региона. Были выбраны трудовые мигранты мужского пола в возрасте от 20 до 45 лет, занятые в сфере строительства, ЖКХ, торговли, транспортной отрасли, проживающие на территории Санкт-Петербурга более одного года (респонденты, имеющие опыт социальной адаптации).

В качестве дополнительных источников использовались результаты исследований, проведенных Всероссийским Центром изучения общественного мнения, Международной Организацией труда, кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ, лабораторией проблем социальной демографии ИСЭПН РАН и других научно-исследовательских организаций.

Для получения более всесторонней информации о способах управления и регулирования социальной адаптации трудовых мигрантов в Санкт-Петербурге было проведено экспертное интервью с заместителем начальника Федеральной миграционной службы по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, как с представителем органа, оказывающего непосредственное влияние на процессы управления социальной адаптацией трудовых мигрантов.

По результатам исследования было выявлено, что стратегии миграционного поведения разнообразны и зачастую зависят от жизненной ситуации, семейного положения, уровня образования трудовых мигрантов, от их ожиданий и миграционных перспектив, профессиональной удачи. Исследование позволило составить наиболее полное представление об основных факторах, определяющих миграционные перспективы, о потребностях, интеграционном поведении и способах социальной адаптации, об условиях жизни мигрантов, о моделях жизненной стратегии трудовых мигрантов из Средней Азии, о проблемах, связанных с переездом в новую страну.

Было определено, что основная причина выезда из стран среднеазиатского региона в Санкт-Петербург – экономическая.

Большая часть трудовых мигрантов приезжает в Санкт-Петербург на временнее место жительства с основной целью накопления денег для своей семьи. Главной их задачей является получение материальной возможности для развития собственного хозяйства у себя на родине. Небольшой процент трудовых мигрантов из Средней Азии имеет желание остаться в Санкт-Петербурге на постоянное место жительства, адаптироваться к местным традициям и законам. Стратегии миграционного поведения временных и постоянных трудовых мигрантов принципиально различаются, предопределяя различную потребность в социальной адаптации. Но, что принципиально важно, в социальной адаптации нуждаются и те, и другие.

Проведенное исследование позволило выявить причины низкого адаптивного потенциала временных трудовых мигрантов. Определяющим является задуманная цель приезда – временное пребывание для заработка, кроме того, это наличие у подавляющего большинства семей, оставшихся на родине, и, что также немаловажно, это ограниченный круг общения в Санкт-Петербурге. Чаще всего трудовые мигранты общаются в узких группах «своих» и полностью избегают общения с местным населением. После возвращения на родину многие планируют вложить заработанные в Санкт-Петербурге деньги в собственное хозяйство, приобрести недвижимость. Такие жизненные стратегии являются показателем того, что мигрант не планирует адаптироваться к принимающему сообществу и связывает свою дальнейшую судьбу с возвращением на родину.

Помимо этого от стремления закрепиться в Санкт-Петербурге многих мигрантов удерживает негативное отношение к ним местных жителей, агрессия, неприязнь и нежелание принимать их в свое сообщество.

Большую долю временных трудовых мигрантов составляют выходцы из сельской местности, с низким уровнем образования и правового сознания. Административные барьеры, трудности, а порой и искусственные препятствия в получении официальных документов, разрешающих пребывание и работу, являются важными факторами, ограничивающим число людей, желающих адаптироваться в российском обществе. Серьезные проблемы у мигрантов возникают по при-

чине трудовой неграмотности, заключающейся в том, что большинство из них не знают требований миграционного законодательства ни Российской Федерации, ни родной страны, что непосредственно отражается на правовом статусе и возможностях трудоустройства в соответствии с законом, а также на условиях социальной адаптации. В довершение к этому – сложности при оформлении документов, возникающие вследствие слабого владения русским языком. Согласные на любую тяжелую, «грязную» работу, они чаще всего абсолютно не знают своих прав и жестоко эксплуатируются работодателями.

Анализ эмпирических данных показал, что постоянные трудовые мигранты из Средней Азии – это, в основном, одинокие молодые люди, которые не имеют обязательств по содержанию родственников, либо это семьи, которые по причине материальных трудностей или из-за угрозы их безопасности вынуждены навсегда покинуть родину.

На постоянное место жительства в Санкт-Петербург, прежде всего, приезжают выходцы из городской среды, часто с высшим или средним специальным образованием, свободно владеющие русским языком. Эта категория трудовых мигрантов обладает правовыми знаниями, им легче собрать и подготовить необходимые документы, легализовать свое пребывание на территории Санкт-Петербурга. Как правило, они устраиваются на работу с резким понижением своего социального статуса, но, несмотря на это, определяют свое пребывание в Санкт-Петербурге как более комфортное, чем на родине. Они имеют желание создать семью с представителями принимающего сообщества, активно общаются с местным населением, посещают различные досуговые заведения, не замыкаются на общении с земляками, стремятся получить российское образование. Постоянные трудовые мигранты, как показали результаты исследования, основными мотивами своей жизнедеятельности определяют: потребность в дружбе, сопричастности, принадлежности к какой-то группе, уважении, реализации и развитии способностей и талантов [1, с. 77]. Без определенного удовлетворения этих потребностей трудовые мигранты, приезжающие на постоянное место жительства, не смогут окончательно адаптироваться в новой социальной среде.

Всех трудовых мигрантов из Средней Азии нельзя рассматривать как единое целое. Проведенное исследование позволило условно выделить две основные категории трудовых мигрантов из Среднеазиатского региона – это временные трудовые мигранты и мигранты, приезжающие на постоянное место жительства в Санкт-Петербург. Эти категории имеют разные жизненные стратегии и ценностные ориентиры, что предопределяет дифференцированный подход к процессу их социальной адаптации.

В соответствии с выделенными категориями трудовых мигрантов необходимо разработать городскую комплексную программу социальной адаптации, которая будет обеспечивать всесторонний подход к решению данной проблемы и учитывать интересы всех сторон: трудового мигранта, государства и общества, в данном случае жителей Санкт-Петербурга.

Реализация поставленной цели должна идти в следующих направлениях:

1. Конкретное определение потребности Санкт-Петербурга в иностранной рабочей силе (количественный и качественный состав) с учетом оптимального соотношения между высококвалифицированным и низкоквалифицированным трудом. Государство не должно выдавать квоты на рабочие места, где потенциально могут работать российские граждане, тем самым создавая лишнюю конкуренцию. Следствием таких действий со стороны государства может стать негативное отношение населения к трудовым мигрантам, что значительно усложняет процесс их социальной адаптации. Также необходимо обратить внимание на то, что при разработке любого нормативно-правового акта в сфере миграции необходимо учитывать различные факторы – демографический, экономический, политический, социальный и т.д.

2. Оптимальное распределение рабочей силы. Важно создавать такие условия, при которых российская экономика, общество и трудовые мигранты получат взаимную выгоду. Пути решения данной задачи стоит искать в плоскости способов стимулирования трудовых мигрантов для работ и освоения сельских территорий Ленинградской области (особенно учитывая тот факт, что большая часть трудовых мигрантов является сельскими жителями). В качестве стимулирующих мер стоит выделить обеспечение временным жильем, предоставление социальных гарантий, медицинское страхования. Данная форма распределения рабочей силы будет способствовать развитию сельского хозяйства, формировать положительный облик трудового мигранта в глазах местного населения – как гражданина, приносящего пользу Российско-

му государству, и, как результат, – ускорять процесс социальной адаптации трудовых мигрантов.

3. Стимулирование легальной миграции. Для повышения уровня социальной адаптации временных иностранных трудовых мигрантов важен рост легальных мигрантов. Для этого необходимо создавать такие условия, при которых иностранному мигранту будет выгоднее находиться в Санкт-Петербурге на легальном положении. К примеру, важно продолжать практику открытия доходных домов для мигрантов. Необходимо отметить, что проживать в таких домах, где созданы достойные условия для жизни (медицинские пункты, пункты питания, охрана, душевые помещения), могут только легальные мигранты, которые вошли в квоту.

4. Развитие информационной базы для иностранных граждан. Речь идет о необходимости создавать такие рабочие группы, которые будут взаимодействовать с иностранными гражданами и осведомлять их о прядке действий по приезде. Примером такой информатизации может служить создание информационных стоек в аэропортах, метрополитенах и на железнодорожных вокзалах, где будет выдаваться памятка мигранта, переведенная на основные языки стран СНГ, информация с основными контактами УФМС СПб и пошаговая инструкция по оформлению, постановке на миграционный учет, прохождению необходимых регистрационных процедур. К деятельности по информационному обеспечению необходимо привлекать лидеров диаспор и национальных объединений с целью содействия приобретению знаний языка, истории, законов, обычаев и традиций РФ, получению медицинских справок. Последнее является существенным, так как трудовой мигрант может представить медицинскую справку в течение месяца, что является неоправданно долгим сроком. В этой связи целесообразно существенно сократить сроки пребывания иностранных граждан без медицинских справок и ввести строгий контроль за их выдачей. Отдельные задачи, связанные с социальной адаптацией мигрантов, могут быть переданы специально созданным квалифицированным кадровым агентствам. Для реализации потребностей в общении, самореализации, сопричастности необходимо предоставление возможности трудовым мигрантам на льготных условиях посещения различных курсов (не только по истории, культуре России, но и повышающие квалификацию в различных областях).

Важно создавать такие условия, при которых российская экономика, общество и трудовые мигранты смогут получать взаимную выгоду от своего взаимодействия.

Таким образом, анализируя названную проблему, в данной статье мы показали, что регионы должны иметь четкое представление о том, кто и в каких количествах им нужен, а будущие мигранты – знать, что им смогут предложить и на каких условиях.

Важно помнить, что существуют различные категории мигрантов и соответственно – стратегии адаптации для различных категорий.

Решение задачи эффективной социальной адаптации должно лежать в плоскости конструктивного информационного взаимодействия и обмена опытом между Министерством социального развития, Министерством экономического развития, Министерством внутренних дел, Пограничной службой, Комитетом по труду и занятости, Санкт-Петербургским Домом национальностей, диаспорами и др. Не исключено, что именно обмен информацией будет являться одним из основных методов, позволяющим эффективно регулировать социальную адаптацию на региональном уровне.

Трудности социальной адаптации иностранного гражданина в принимающее сообщество связаны также с проблемой толерантного отношения человека к субъектам другой культуры. Они основаны на проблемах взаимопонимания субъектов различных этносов, предполагающих согласование не одинаковых норм, запретов, ориентацию различных общающихся субъектов, умение найти общую систему моральных ценностей, через которую, как через однопорядковую систему координат, их можно согласовать [3, с. 159].

Процесс социальной адаптации не может быть односторонним, недостаточно только одного желания трудового мигранта интегрироваться в принимающую среду или только создания условий для адаптации, это всегда обоюдный процесс.

Библиографический список

1. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. – СПб.: Питер, 2007. – 352 с.

2. Подпоринова Н.Н. Социальная адаптация мигрантов к социокультурной среде региона: Дис. … канд. социол. наук. – М.: РГБ, 2005. – 159 с.

3. Титаренко А.И. Антиидеи. Опыт социально-этического анализа. – М.: Политиздат, 1976. – 400 с.

4. http://www.fms.gov.ru/about/migrate/condition/

УДК 316.32

Хлеханова Анна Андреевна
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
annakhle@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье освещены особенности становления и функционирования институтов гражданского общества, правовое регулирование их деятельности, специфика отдельных, особо активных, институтов. Прослеживается динамика взаимодействия последних с органами государственной власти и местного самоуправления, а также основные проблемы, препятствующие их нормальному функционированию в российских регионах.

Ключевые слова: *гражданское общество, общественные объединения, некоммерческие организации.*

В современной России начинают постепенно складываться новые отношения между государством и гражданским обществом. Возрастающая роль гражданского общества и необходимость его дальнейшего укрепления требуют особого политологического анализа.

Характер, направления и формы взаимодействия органов власти с общественными объединениями неоднозначны. Они зависят от целого ряда обстоятельств: готовности, осознания необходимости такого взаимодействия со стороны органов власти, авторитета и влиятельности общественных объединений, их способности агрегировать и артикулировать интересы различных социальных групп и слоев, умения подчинить личные амбиции интересам общества.

Определенные Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым в статье «Россия, вперед!» (2009) стратегические задачи развития нашей страны могут быть решены только в условиях эффективного взаимодействия общества, власти и бизнеса. В России одновременно идут процессы: развития российской государственности, становления гражданского общества и модернизации бизнеса. В этой связи особую значимость представляет анализ процесса их взаимодействия.

Возрастающая роль гражданского общества и необходимость его дальнейшего укрепления была особо подчеркнута еще раньше – в Послании Президента России Федеральному Собранию (2006). В.В. Путин заявил: «Чтобы стимулировать дальнейший рост институтов гражданского общества, не нужно ничего изобретать. Необходимо постепенно передавать негосударственному сектору функции, которые государство не должно или неспособно эффективно выполнять».

Основными условиями активной жизни гражданского общества являются: правовое государство, демократическое государственное управление, существование общественной сферы политической деятельности и политических дискуссий, публичность и высокая информированность граждан.

На сегодняшний день существует ряд проблем и трудностей, препятствующих формированию гражданского общества в России. Они, прежде всего, обусловлены историческими условиями и характером проводимых в стране реформ. В отличие от западных демократий, выраставших «снизу» на основе исторически вызревавших объективных и субъективных предпосылок, в России гражданское общество инициировалось «сверху».

Ярким примером тому служит создание Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (недавно Д.А. Медведев подкорректировал его название, и теперь совет, если верить названию, не только содействует развитию, но и должен развивать соответствующие институты). Основной проблемой функционирования данной организации является то, что в умах россиян не сложилось еще понимания особой необходимости «гражданского общества» и представления о том, как его институты могут повлиять на их жизнь.

Гражданское общество сначала выступало скорее мобилизационной моделью, которую по образу и подобию западной модели, во-первых, предстояло создать и, во-вторых, «наполнить» демократическим содержанием. Все это в эпоху развернувшихся российских реформ представлялось в дико упрощенном, схематичном, «динамичном» варианте. Крах либеральных реформ в России еще раз подтвердил опасность слепого подражательства Западу и одновременно высветил особую, если не исключительную, роль государства в создании в стране предпосылок фор-

© Хлеханова А.А., 2011

мирования гражданского общества и вообще условий развития новой социально-политической системы.

Три элемента формируют гражданское общество: человек, объединение (группа людей, коллектив, движение) и власть. К числу основных институтов гражданского общества относятся неправительственные организации, политические партии, профсоюзы, национально-культурные центры, средства массовой информации и т.д. С этой точки зрения, имеются все предпосылки для формирования гражданского общества. Однако существующие институты еще не оказывают реального влияния на общую социально-экономическую, политическую ситуацию в стране.

С.Н. Федоркин в своей работе «Гражданское общество в России: проблемы и трудности формирования» [11] выделяет несколько факторов становления гражданского общества в России. К ним относятся: зарождение среднего класса, наличие в обществе высокого уровня социального оптимизма, осознание обществом необходимости опоры на собственные силы, меняющаяся ментальность молодежи и др.

Процесс становления гражданского общества весьма сложен, особенно если внутри общества не сложились необходимые условия. Исторический опыт убеждает в том, что до тех пор, пока коренным образом не будет изменен сам тип мышления, пока толерантность во всех сферах общественной жизни не станет нормой, Россия будет переменно отторгать ценности гражданского общества, переживать состояния кризиса, который всегда чреват непредсказуемыми последствиями [5].

Ярким примером такого «неучастия» общества служит ситуация, которая сложилась со многими общественными организациями в нашей стране.

Низкая культура самоорганизации привела к тому, что в России плохо функционируют важнейшие для обеспечения нормальной жизни страны общественные структуры. Прежде всего, нет реально действующих массовых профсоюзов. Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР), которая является преемницей советских профсоюзов не только по истории возникновения, но и по духу, по многим вопросам занимает сторону власти. По-настоящему независимые от власти профсоюзы, активно отстаивающие интересы шахтеров, докеров, авиадиспетчеров, летного состава гражданской авиации, возникли в начале 90-х годов. Однако им так и не удалось превратиться в реальную правозащитную организацию. Современные их последователи малочисленны и не способны защищать права наемных работников в различных отраслях – их влияние распространяется на одно или несколько предприятий.

Ощущается нехватка корпоративных организаций. Многие отрасли экономики создали свои общественные структуры: действуют Ассоциация банков России, Российский союз строителей, Союз нефтегазопромышленников России, Союз машиностроителей России, Объединение автопроизводителей России и так далее. Но это специфические образования – их членами являются предприятия, фирмы. А вот организации с индивидуальным членством, защищающие интересы массовых профессий, например, Союз учителей, Союз врачей или Союз инженеров, не играют заметной роли в масштабах страны.

К немногим видам успешно действующих общественных объединений следует отнести правозащитные, экологические и благотворительные организации. Среди правозащитных организаций: движение «За права человека», общество «Мемориал», Московская Хельсинкская группа, Союз комитетов солдатских матерей России, комитет «Гражданское содействие», Информационно-аналитический центр «СОВА». Среди экологических – отделения международных организаций «Гринпис», Всемирный фонд охраны дикой природы, Международный фонд защиты животных. Благотворительные организации стараются помогать бездомным, малообеспеченным семьям. Деятельность всех этих организаций крайне необходима современному обществу. Вместе с тем число граждан, входящих в правозащитные, экологические и благотворительные организации, не столь уж и велико в масштабах России.

Проблема состоит в том, что наши граждане объединяются, когда возникает непосредственная угроза их интересам [12]. Ярким примером такого поведения является рост общественного недовольства по поводу точечной застройки Москвы и уничтожения Химкинского леса или загрязнения Байкала. Высокую активность в свое время проявляли обманутые дольщики. Но за рамками открыто попираемых прав граждан самоорганизации фактически нет. Угрозы более опосредованные, связанные с несовершенством политической и социальной системы, большей частью гражданами не воспринимаются. В обществен-

ных организациях участвует незначительная часть населения. Даже массовые выступления начала 2005 года, связанные с монетизацией льгот, не привели к самоорганизации, к возникновению устойчивых общественных структур. Основная часть общества атомизирована. Согласно результатам исследования ВЦИОМа, проведенного в 2009 году, наименее важной из свобод для россиян является свобода объединений и союзов – она значима только для 5% опрошенных. Эту ситуацию нельзя считать нормальной.

Проблемы есть и у современных политических партий. В середине 90-х число политических организаций превышало две сотни, из них около пятидесяти были партиями, хотя политические движения и партии мало чем отличались друг от друга. Серьезные изменения в политической системе России начались после принятия летом 2001 года закона «О политических партиях», который запретил непосредственное участие в выборах любым общественным объединениям, кроме политических партий. За короткий срок стараниями властей число официально зарегистрированных политических партий снизилось с 38 до 14, а потом до семи. Из зарегистрированных ныне организаций наиболее подходит под определение партии КПРФ, которая соединяет массовость с четкой идеологической основой. Наиболее массовая партия «Единая Россия» выстроена исключительно вокруг властной вертикали, что не дает ей в полной мере артикулировать интересы общества. Запасной партией власти воспринимается «Справедливая Россия». В то же время умеренно либеральное «Правое дело» и тяготеющее к социал-демократии «Яблоко» не пользуются заметной поддержкой в обществе и, как следствие, не представлены в Государственной думе и в большинстве представительных органов субъектов Федерации.

Если говорить о СМИ как институте гражданского общества, то стоит начать с самого массового СМИ – с телевидения. В настоящее время в России практически нет независимых от власти телевизионных каналов как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях. Существует некоторое число независимых радиостанций. Есть независимые периодические печатные издания, но число их невелико. Относительно свободным остается пространство интернета, однако правоохранительные органы постоянно вмешивается в деятельность интернет-сообщества, если чиновники чувствуют для себя угрозу. То есть в целом положение с институтами гражданского общества в России неблагополучно. Можно говорить лишь об отдельных ростках гражданского общества [12].

Переходя к специфике данной работы, необходимо сказать несколько слов об особенностях изучения регионального политического процесса в современной России. Региональный аспект исследования в последние годы стал одним из самых изучаемых вследствие процессов глобализации и модернизации, в которые Россия была вовлечена с начала 1990-х годов. Внешнее влияние мировых тенденций и внутренние системные трансформации страны обусловили изменения во всех сферах общественной жизни, в том числе актуализировали проблему различий между регионами и вытекающую из нее проблему неоднородности России. Среди наиболее обсуждаемых вопросов, связанных с политическим развитием страны, – проблемы регионализации, взаимоотношений в разрезе «центр – регионы», регионального развития в целом и по каждому российскому региону.

При большом количестве работ в области активно развивающегося регионоведения продолжает наблюдаться недостаток исследований, содержащих анализ особенностей регионального развития, а также факторов, которые на него влияют. С одной стороны, слабая осведомленность относительно конкретных процессов в регионах (особенно географически значительно удаленных) не позволяет специалистам «центра» в достаточной мере отражать и анализировать в своих исследованиях всю палитру региональных вопросов. С другой, исследователи регионов замкнуты в кругу знаний о «своей» территории и нередко ограничиваются попыткой исследовать проблемы развития одного региона (группы регионов), лишь применяя устоявшиеся теоретические подходы. Данную двусторонность можно объяснить не только познавательными, чисто научными, коммуникативными, информационными причинами. Отмечаются и моменты опасений, что всплеск интереса к региональной проблематике, вопросам путей и средств регионального выживания обусловлены «децентрализацией государственной власти, развитием центробежных тенденций и опасностью фрагментации единого экономического пространства наряду с усилением амбиций региональных элит» [2].

Особенностям современной регионализации России посвящено большое число работ, в которых уделяется много внимания социально-экономической или политико-идеологической стороне жизни регионов [1; 9]. И в условиях постепенно происходящих демократических процессов в нашей стране необходимо отвести особое место исследованию региональной составляющей взаимодействия государства с нарождающимися институтами гражданского общества.

Становление и развитие институтов гражданского общества в субъектах Российской Федерации происходит с разной динамикой. С одной стороны, политика содействия созданию институтов гражданского общества в ряде российских регионов не является приоритетной, с другой стороны – социальный и человеческий капитал каждого из регионов отличается неоднородностью своего состава. Исследование функционирования гражданского общества в регионах России является непростой задачей. Далее попытаемся рассмотреть особенности становления и функционирования гражданского общества, правовое регулирование их деятельности, специфику отдельных, особо активных, институтов гражданского общества, проследить динамику их взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления, а также основные проблемы, препятствующие нормальному функционированию институтов гражданского общества в российских регионах.

Важным моментом является то, что любая деятельность институтов гражданского общества носит формально-юридический характер и регулируется законами. Свобода деятельности общественных объединений и право на объединение гарантированы Конституцией Российской Федерации, а Гражданским Кодексом и рядом Федеральных законов узаконены основные характеристики организационно-правового статуса разных типов некоммерческих организаций, порядок получения и использования ими имущества и прочие нормы.

Важнейшую роль в определении статуса институтов гражданского общества сыграли Федеральный закон от 19 мая 1995 года «Об общественных объединениях» и Федеральный закон от 12 января 1996 года «О некоммерческих организациях», являющиеся рамочными законодательными актами.

Отдельные регионы подходят более широко к законодательной регламентации взаимодействия, поддержки организаций некоммерческого сектора и принимают законы, адресованные всем негосударственным некоммерческим организациям. Первым таким законом стал Закон города Москвы от 12 апреля 2000 г. №8 «О взаимодействии органов власти города Москвы с негосударственными некоммерческими организациями». Впоследствии подобные законодательные акты были приняты и в других субъектах Российской Федерации. В ряде субъектов Российской Федерации приняты законы о взаимодействии органов государственной власти субъектов Российской Федерации и общественных объединений, некоммерческих организаций, о государственной поддержке общественных объединений. В нескольких регионах приняты законы о грантах в области науки, техники, на производство социальной рекламы, в социальной сфере, в том числе непосредственно о грантах для общественных объединений. Были приняты законы о социальном заказе (Республика Карелия, Чувашская Республика, Иркутская, Калужская, Пермская, Тамбовская, Тульская и Тюменская области). К настоящему моменту указанные законы остались действующими лишь в трех регионах: в Калужской, Тамбовской и Тульской областях. Отчасти это объясняется историко-культурными особенностями данных регионов. Но, в некоторых случаях, законы, регулирующие деятельность институтов гражданского общества, не прижились из-за слабого финансирования. Были приняты законы о благотворительной деятельности, но, к сожалению, в большинстве своем они утратили силу [4].

Наряду с общественными объединениями, которые продолжают сохранять особый статус, действует значительное число и других негосударственных некоммерческих организаций, и они играют весьма заметную роль в «третьем секторе» экономики (негосударственный сектор).

Реформирование федеративных отношений, усиливающееся влияние федерального центра на регионы, несомненно, способствуют и будут способствовать унификации законодательства субъектов Российской Федерации, приданию ему единообразия. В данном случае имеется в виду издание в регионах законов об Общественных палатах – что произошло благодаря принятию Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации» [4].

Анализ региональных нормативных актов, которые регулируют деятельность институтов

гражданского общества, позволяет охарактеризовать имеющуюся правовую базу как *фрагментарную*. В большинстве регионов нормативная база для функционирования институтов гражданского общества развивается: появляются новые регулирующие акты, расширяется практика использования имеющихся документов. Последние два года характеризуются расширением числа регионов и региональных центров, принявших региональные программы развития гражданского общества, а также значительным увеличением нормативных актов.

В результате после принятия Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации» (2005) [10] во всех регионах начали работать свои Общественные платы. Общественные палаты в регионах, впервые созданные в 1990-х годах и действовавшие в основном на основании подзаконных актов органов государственной власти, получили широкое распространение и прошли сложный и неоднозначный путь становления и развития. В ряде субъектов Российской Федерации были приняты законы об Общественных палатах. Тем не менее в ряде регионов в состав региональных палат входят представители политических партий, а возглавляют их руководители органов исполнительной власти региона. Региональные общественные палаты, действующие на основании специального закона, и Общественная палата Российской Федерации являются самостоятельными органами. Самостоятельность в данном случае проявляется, прежде всего, в том, что они создаются не при органе государственной власти субъекта Федерации, а действуют в соответствии с целями и задачами, провозглашенными в законе. По закону Общественные палаты выступают не просто как органы, объединяющие и координирующие деятельность общественности, но и как контрольные органы за деятельностью власти [4].

Значительным скачком к укреплению статуса региональных Общественных палат было бы наделение их собственной законодательной инициативой. Это право региональная Общественная палата может реализовать посредством внесения в законодательный орган субъекта Российской Федерации проекта того или иного закона. Наделение региональной Общественной палаты правом законодательной инициативы не будет превращать палату в орган, подменяющий собой законодательный орган власти региона или посягающий на право этого органа, поскольку исключительное право принятия региональных законов по-прежнему принадлежит региональному парламенту.

Так или иначе, приведенные выше нормативно-правовые акты контролируют различные направления деятельности общественных объединений. По направлению деятельности спектр общественных объединений в регионах довольно широк. В большинстве регионов преобладают направления деятельности, связанные с удовлетворением социальных потребностей людей. Достаточно велика роль правозащитных организаций и организаций, осуществляющих свою деятельность в области молодежной политики. Значительно реже направлениями деятельности региональных общественных объединений являются общественная и международная дипломатия, литературное творчество, поддержка малого бизнеса, информационная поддержка гражданских инициатив, поддержка сельского хозяйства, борьба за мир и т. д.

Нужно заметить, что общественные структуры могут иметь как строго специализированный характер деятельности, так и достаточно широкий. Кроме того, направления деятельности весьма близко соприкасаются (например, благотворительные объединения и объединения, оказывающие социальную помощь).

Большая часть региональных общественных организаций ориентирована не на «самообслуживание», то есть не на реализацию корпоративных и личных целей членов этих организаций, а на работу с нуждающимися в помощи людьми. Необходимо заметить, что есть существенные различия в мотивах общественной деятельности членов досуговых организаций и организаций правозащитных. Первые – ориентированы на «самообслуживание», вторые – на защиту и укрепление правопорядка и прав широкого круга лиц.

Опираясь на данные Росстата, можно выявить, что большой проблемой региональных общественных объединений является отсутствие притока в них новых специалистов, что значительно снижает динамику их функционирования. Зачастую создаваемые новые общественные объединения являются теми же «старыми» по своему составу, но с новым названием. Если выявить направление деятельности так называемых «молодых» общественных объединений, то есть созданных за последние пять лет, то мы увидим, что

в регионах создаются в основном организации, планирующие работать в области образования, культуры, здравоохранения, молодежной политики. Вероятно, это связано с активным включением институтов гражданского общества в реализацию национальных проектов России.

Официальная статистика свидетельствует, что доходы «третьего сектора» в России за последние годы выросли в несколько раз. Судя по данным Росстата, основным источником доходов российских некоммерческих организаций (далее – НКО) являются различные взносы, пожертвования, безвозмездные поступления.

По данным аналитического обзора «Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России», проведенного исследовательской группой ЦИРКОН в 2009 году [3], можно выделить следующие источники доходов НКО: зарубежные организации, членские взносы, коммерческие организации, собственная хозяйственная деятельность, государственные, муниципальные организации и другие источники.

Тем не менее «некоммерческий сектор» старается уйти от поиска средств зарубежных фондов и активно осваивает российские источники финансирования. Вместе с этим общественные объединения становятся более конкурентоспособными в борьбе за средства, предоставляемые различными спонсорами. Это позволяет говорить об устойчивости и большей независимости «третьего сектора» от источников финансирования. Доли бюджета НКО, получаемые от собственной предпринимательской деятельности, спонсорских, бюджетных средств и грантов различных фондов, делают невозможным давление со стороны какого-либо одного донора, что повышает роль «некоммерческого сектора» именно как сектора, отстаивающего интересы общества и каждого конкретного гражданина.

Подавляющее большинство общественных объединений постоянного источника доходов не имеет. С одной стороны, это вносит финансовую нестабильность в работу общественных объединений, с другой стороны – заставляет объединения быть более гибкими и мобильными в поиске ресурсов для реализации проектов.

Вместе с тем наблюдается профессионализация части организаций, которые способны реализовать масштабные проекты. В большинстве случаев толчком к профессиональному и организационному развитию таких НКО служат гранты. Такие объединения имеют профессиональную команду по подготовке, реализации крупных грантов и отчету по ним.

Эти НКО существуют совместно с большим количеством малых неразвитых организаций, которые зачастую оказываются неконкурентоспособными в сфере поиска источников финансирования по сравнению с крупными организациями.

Одним из важнейших событий последних двух лет в области развития гражданского общества в России стало выделение значительных средств из федерального бюджета на реализацию проектов общественных объединений и на укрепление их материально-технической базы.

Нужно признать, что достаточно часто имеет место прямое финансирование отдельных «особо приближенных» НКО (то есть без конкурса). Как следствие – недовольство «отстраненных».

Общественные объединения готовы к конструктивному сотрудничеству с органами власти. Лидеры НКО ждут от власти (преимущественно региональной) приглашения к совместной разработке и реализации общественно-значимых программ. В свою очередь в обмен на такое сотрудничество НКО готовы демонстрировать эффективность и прозрачность своей деятельности.

Для того чтобы деятельность институтов гражданского общества была прозрачной и открытой для всех, необходимо ее освещение в средствах массовой информации. СМИ призваны быть одним из самых мощных инструментов влияния для общественных объединений. Но, как мы можем наблюдать, НКО редко обращаются к СМИ, а если обращаются, то в основном для того, чтобы иметь возможность отчитаться затем перед грантодателями по количеству публикаций. Сами журналисты не проявляют большого интереса к их деятельности, так как события общественной жизни редко привлекают внимание значительной аудитории.

Нельзя не отметить, что важнейшим фактором развития институтов гражданского общества является распространение сети Интернет. Но, к сожалению, далеко не все общественные объединения регионов имеют свободный доступ к сети и, соответственно, не получают необходимой информации о возможных источниках финансирования, о деятельности коллег из других городов, регионов России, стран мира.

Показателен пример работы с НКО администрации Калужской области, которая разместила на своем официальном сайте информацию из

реестра зарегистрированных НКО. Продолжение такого опыта будет способствовать обмену опытом различных НКО.

Другой частью ожиданий НКО от сотрудничества с органами власти является возможность решения своих проблем. Основной проблемой для общественных объединений является материально-техническая база для их деятельности.

В заключение хотелось бы отметить, что значительно осложняет задачу исследования гражданского общества в регионах неравномерное географическое покрытие территории страны деятельностью институтов гражданского общества, то есть существенный дисбаланс между центром (г. Москва) и регионами в развитии «третьего сектора». Это, прежде всего, связано с укреплением «вертикали власти», в результате чего произошло усиление «центра» и снижение значимости периферии. Регионы стали в значительной степени терять свои специфические характеристики и начали заимствовать черты «центра». Поэтому законы о региональных Общественных палатах, по сути, копируют Федеральный закон «Об Общественной палате РФ».

На данном этапе развития гражданского общества в регионах органы государственной власти привлекают общественные объединения к участию в реализации региональных социальных программ. Государством создано специальное правовое пространство для развития «третьего сектора» во многих регионах страны. Следует констатировать, что процесс появления новых общественных объединений в регионах проходит достаточно вяло и трудно. Возникновению новых организаций препятствуют сложности начального этапа (регистрация, создание минимальной материально-технической базы, вопросы менеджмента, государственной отчетности и многое другое).

Тем не менее институты гражданского общества создаются, постепенно развиваются и имеют широкий спектр своей направленности. На сегодняшний день основными направлениями деятельности общественных объединений являются социальная защита, молодежная политика и правовая защита граждан. Основными причинами, препятствующими развитию институтов гражданского общества, являются: недостаточный уровень представленности НКО в средствах массовой информации, отсутствие единого информационного пространства. Одной из главных преград на пути взаимодействия институтов гражданского общества и власти является также отсутствие долгосрочной стратегии взаимодействия.

Библиографический список

1. *Бусыгина И.М.* Политическая регионалистика: учебное пособие / МГИМО(У), МИД РФ. – М.: РОССПЭН, 2006. – 279 с.

2. *Гладкий Ю.Н.* Территориальное укрупнение регионов России и экономический федерализм // Известия Русск. геогр. об-ва. – 2007. – Т. 139. – Вып. 5. – С. 15–21.

3. Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России: Аналитический обзор // Исследовательская группа ЦИРКОН. – 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zircon.ru.

4. Законодательное обеспечение деятельности общественных палат, взаимодействия институтов гражданского общества и органов государственной власти: Информационный сборник / авт.-сост. С.А. Попов. – М., 2006. – 150 с.

5. *Кудряшова М.С.* Политика и мораль в современной России: гуманистическая альтернатива // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2010. – № 2. – С. 14–21.

6. *Медведев Д.А.* «Россия, вперед!» // Сайт Президента Российской Федерации. – 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/news/5413.

7. *Мерсиянова И.В.* Дифференциация российских регионов в контексте предпосылок формирования гражданского общества // Власть. – 2008. – № 8.

8. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. – 2006. – 11 мая.

9. *Туровский Р.Ф.* Политическая регионалистика. – М.: ГУ ВШЭ, 2006.

10. Федеральный закон от 4 апреля 2005 года «Об Общественной палате Российской Федерации».

11. *Федоркин Н.С.* Гражданское общество в России: проблемы и трудности формирования // Гражданское общество: проблемы или реальность для современной России? Материалы научного семинара / под. ред. Н.С. Федоркина, В.Н. Амелина. – М.: Альфа-М, 2008.

13. *Харичев И.А.* Есть ли в России гражданское общество? // «Ежедневный журнал». – 3.03.2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ej.ru/?a=note&id=10849.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 374.963

Кудряшова Алла Владимировна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
alla880@mail.ru

О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ПРОКУРАТУРЫ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена исследованию места прокуратуры субъекта Федерации в системе прокуратуры, особенностей ее правового статуса, на основе которого автором предлагается ее определение. Также предлагаются дополнить закон о прокуратуре нормой о принципах распределения компетенции в системе прокуратуры и об объеме компетенции прокуратуры субъекта Федерации.

Ключевые слова: *прокуратура субъекта Федерации, организационная структура, правовой статус, полномочия, компетенция.*

Правовой статус является основной характеристикой того или иного субъекта права. Термин «статус» происходит от латинского слова «status», которое означает состояние, правовое положение того или иного субъекта [1]. Правовой статус устанавливается только на основе норм права. Применительно к органу государственной власти «правовой статус» характеризует его место в системе государственных органов, порядок его формирования, структуру, функции и компетенцию. Правовой статус прокуратуры субъекта Федерации неразрывно связан со статусом прокуратуры Российской Федерации, однако является более узким понятием, поскольку органы прокуратуры представлены различными структурными подразделениями, правовой статус каждого из которых имеет определенную специфику, обусловленную местом и ролью данного органа в единой системе прокуратуры. Таким образом, правовой статус прокуратуры субъекта Федерации есть элемент правового статуса прокуратуры в целом. Статья 129 Конституции Российской Федерации определяет прокуратуру как единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации и указывает на особый порядок назначения прокуроров субъектов Федерации, состоящий в назначении их Генеральным прокурором Российской Федерации по согласованию с её субъектами. В этой же норме указано, что полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации определяются федеральным законом. Однако если обратиться к Федеральному закону от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре), то очевидно, что он не дает целостного представления об особенностях правового статуса прокуратуры субъекта РФ и ее компетенции. Не имеется и современных научных исследований по данной проблеме, в то время как проблемы правового статуса Генерального прокурора РФ, прокуратуры района затрагивались в диссертационных работах последних лет. Необходимость дальнейшего совершенствования законодательства о прокуратуре была обоснована в концепциях развития правового статуса российской прокуратуры еще в девяностые годы прошедшего столетия. При этом указывалось на потребность надлежащего правового оформления «всей совокупности функций прокуратуры, организации и деятельности органов прокуратуры всех уровней и всех сфер ведения…» [2]. С тех пор законодательство о прокуратуре менялось в основном лишь в связи с образованием внутри системы прокуратуры Следственного комитета при прокуратуре РФ, в остальном же, в отличие от социально-экономической и политической обстановки в стране, законодательство о прокуратуре, к сожалению, остается неизменным. В настоящей статье мы попытаемся изложить основные элементы правового статуса прокуратуры субъекта Федерации, внести некоторые предложения по его совершенствованию, дать определение, раскрывающее сущность и назначение прокуратуры среднего звена.

Согласно статье 11 Закона о прокуратуре, систему прокуратуры Российской Федерации составляют Генеральная прокуратура Российской

 © Кудряшова А.В., 2011

Федерации, прокуратуры субъектов Российской Федерации, приравненные к ним военные и другие специализированные прокуратуры, научные и образовательные учреждения, редакции печатных изданий, являющиеся юридическими лицами, а также прокуратуры городов и районов, другие территориальные, военные и иные специализированные прокуратуры. Исходя из этой и других норм закона, прокуратуры субъектов Федерации являются одним из структурных элементов централизованной системы прокуратуры. Централизация органов прокуратуры означает подчинение нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору РФ. Иными словами, полномочия всех прокуроров и аппаратов возглавляемых ими прокуратур, в том числе прокуратуры субъекта Федерации, производны от полномочий Генерального прокурора РФ. Территориальные прокуратуры – основной элемент системы прокуратуры. Высшим руководящим звеном органов прокуратуры является Генеральная прокуратура РФ, низшим звеном являются прокуратуры городов и районов. Прокуратура субъекта Федерации – среднее звено трехзвенной системы прокуратуры. В отличие от городских, районных прокуратур, прокуратуры субъектов Федерации, наряду с Генеральной прокуратурой РФ, являются самостоятельными юридическими лицами, то есть совершают от своего имени сделки с имуществом, в пределах своих полномочий распоряжаются денежными средствами федерального бюджета и имеют в оперативном управлении объекты социально-бытового и хозяйственного назначения (статья 11 Закона о прокуратуре).

В статье 13 Закона о прокуратуре указано, что прокуроры субъектов Федерации подчинены и подотчетны Генеральному прокурору РФ, а прокуроры городов и районов подчинены и подотчетны «вышестоящим прокурорам и Генеральному прокурору РФ». Из этой нормы следует, что прокуратура субъекта РФ (в лице ее должностных лиц) по отношению к другим территориальным органам прокуратуры выступает одновременно и объектом и субъектом управления, что отличает ее от Генеральной прокуратуры РФ и прокуратур районного звена, их руководителей, которые могут выступать лишь в качестве субъекта и объекта управления соответственно. Система прокуратуры выстроена таким образом, что внутри нее фактически исключено непосредственное управляющее воздействие аппарата Генеральной прокуратуры РФ на работников городских, районных прокуратур. Генеральная прокуратура РФ воздействует на эти прокуратуры, в первую очередь, путем издания обязательных для исполнения организационно-распорядительных и иных управленческих актов, которые сначала доводятся до сведения прокуроров субъектов Федерации, а затем, по решению руководства прокуратуры субъекта Федерации, зачастую с отдельными коррективами (дополнительными указаниями о сроках исполнения, конкретизацией основных положений и др.), направляются для исполнения в нижестоящие прокуратуры. На основе субординации распределяется и ответственность прокуратур за несвоевременное или ненадлежащее выполнение приказов, указаний, заданий Генерального прокурора РФ. Городские, районные прокуроры несут ответственность перед прокурором субъекта Федерации, а прокуроры субъектов Федерации – перед Генеральным прокурором РФ (статья 41.7 Закона о прокуратуре). То есть взаимосвязь элементов структуры органов территориальных прокуратур строится по линейному типу, при котором каждый прокурор «непосредственно (линейно) подчинен только одному руководителю и с вышестоящими органами и руководителями связан только через него» [3]. Таким образом, прокуратуры субъектов Федерации являются связующим звеном между прокуратурами районного звена, которые выполняют основную массу возложенных на прокуратуру функций и Генеральной прокуратурой РФ, как высшим руководящим органом в системе прокуратуры. Причем прокуратура субъекта Федерации не только обеспечивает исполнение подчиненными прокуратурами управленческих решений Генерального прокурора РФ, но и в пределах своей компетенции осуществляет руководство деятельностью подчиненных прокуратур. Прокуроры субъектов Федерации вправе издавать обязательные для исполнения всеми подчиненными работниками приказы, указания, распоряжения (статья 18 Закона о прокуратуре). Таким образом, результаты деятельности органов прокуратуры в целом во многом зависят от уровня организации работы и управления в прокуратурах среднего звена. Особенностью деятельности руководящих органов прокуратуры в целом и прокуратуры субъекта Федерации в частности является то, что реализация ими управлен-

ческих функций, в том числе руководства, осуществляется в целях обеспечения эффективной реализации внешних функций прокуратуры, предусмотренных Законом о прокуратуре и выражающих основное предназначение этого органа в государстве и обществе.

Внешне функциональная деятельность прокуратуры характеризуется такими основными понятиями, как полномочия и компетенции. Под полномочиями прокуратуры понимаются правовые средства, которые используются прокурорами для обеспечения реализации целей прокуратуры, содержание полномочий составляют права и обязанности. Учитывая специфику органов прокуратуры, следует согласиться с суждением Е.Р. Ергашева о том, что «в правовом статусе прокуратуры нет дифференциации прав и обязанностей. Они находятся в сочетании»[4] . В Законе о прокуратуре в основном содержатся полномочия, общие для всех прокуроров, выполняющих внешние функции. Они указаны в статьях 7–10, 27, 30 этого закона. Полномочия прокуроров различных структурных подразделений органов прокуратуры разграничиваются с помощью понятия «компетенция». Согласно толковому словарю русского языка, термин «компетенция» означает круг чьих-либо полномочий, прав [5]. Иначе говоря, компетенция толкуется как совокупность, набор полномочий, которые действуют в определенной сфере. То есть компетенция – это полномочия прокурора, взятые в совокупности со сферой их действия. Компетенция прокуроров разграничивается многочисленными приказами и иными актами Генерального прокурора Российской Федерации, и, чтобы составить представление о компетенции прокурора того или иного звена, необходимо изучить немало источников. Однако, учитывая многофункциональный характер деятельности органов прокуратуры, перечислить в законе или приказах Генерального прокурора РФ полный объем компетенции каждого из структурных подразделений системы прокуратуры невозможно, да и не нужно. На наш взгляд, в целях более четкого определения компетенции структурных подразделений прокуратуры Российской Федерации достаточно лишь на законодательном уровне обозначить основные принципы разграничения компетенции прокуроров. Для этого раздел 2 Закона о прокуратуре необходимо дополнить статьей «Общие принципы разграничения компетенции прокуроров», где указать, во-первых, что Генеральный прокурор РФ осуществляет все полномочия, предусмотренные законом, на территории Российской Федерации и в ходе международного сотрудничества в полном объеме. Во-вторых, компетенция нижестоящих прокуроров разграничивается по территориальному (территориальные прокуратуры: городские, районные, межрайонные, окружные (в городах), прокуратуры субъектов Федерации) и функциональному (специализированные прокуратуры: природоохранные, транспортные, военные и др.) принципам. При конкуренции компетенций территориального и специализированного прокурора предпочтение отдается специальной компетенции последнего. В-третьих, компетенция внутри системы специализированных и территориальных прокуратур разграничивается по принципу «правового соответствия» [6] (уровень прокурора должен соответствовать уровню суда, государственного исполнительного органа, организации, в отношении которых реализуются функции прокуратуры, независимо от территории, на которой расположен поднадзорный объект). В-четвертых, при необходимости допускается делегирование компетенции вышестоящих прокуроров нижестоящим путем издания соответствующего приказа, поручения, а также выполнение действий, входящих в компетенцию нижестоящих прокуроров, вышестоящими прокурорами. В-пятых, перераспределение компетенции по решению прокурора на постоянной основе не допускается.

Исходя из указанных принципов, можно выделить индивидуальную внешнюю (связанную с реализацией внешних функций прокуратуры) компетенцию каждого структурного подразделения органов прокуратуры. Так, внешнюю компетенцию прокуратуры субъекта Федерации составляют:

1) все полномочия, связанные с реализацией функций прокуратуры, предусмотренные Законом о прокуратуре (статьи 7–10, 27, 30);

2) полномочия прокуратуры субъекта Федерации действуют в пределах соответствующего административно-территориального деления;

3) полномочия прокуратуры субъекта Федерации ограничиваются компетенцией специализированных прокуратур, дислоцирующихся на ее территории;

4) прокуроры субъектов федерации при необходимости вправе делегировать часть своих полномочий нижестоящим прокурорам, а также

выполнять по своему усмотрению любые предоставленные им полномочия. При этом перераспределение компетенций носит разовый (для поддержания государственного обвинения по конкретному уголовному делу, проведения разовой проверки на отдельном предприятии) или временный (для выполнения отдельной функции прокуратуры субъекта Федерации или проверки исполнения законов на отдельном предприятии областного значения в течение определенного периода) характер.

Как известно, организационная структура органа государственной власти также является элементом его правого статуса. В системе управления организационная структура выполняет роль остова того или иного органа (организации). Она отражает уровень, особенности управления, свидетельствует о стратегии управления. Каждая прокуратура имеет свою организационную структуру. Из сравнительного анализа статей 14, 15 Закона о прокуратуре следует, что организационная структура прокуратуры субъекта Российской Федерации фактически воспроизводит структуру Генеральной прокуратуры РФ. Особенностью организационной структуры прокуратуры субъекта Федерации является то, что, в отличие от Генеральной прокуратуры, в прокуратуре субъекта Федерации не могут образовываться главные управления и, в отличие от прокуратур районного звена, она может иметь в своем составе управления.

Основным принципом построения организационной структуры прокуратуры субъекта Федерации является принцип специализации. Каждое структурное подразделение прокуратуры субъекта Федерации специализируется на том или ином виде деятельности. Эта деятельность может быть связана с реализацией внешних (управление (отдел) по надзору за исполнением законов, управление (отдел) по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами, управление (отдел) по надзору за оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельностью и др.) и внутренних функций прокуратуры (отдел кадров, отдел материально-технического обеспечения, отдел статистики и др.). Внешние функции реализуются всеми структурными подразделениями прокуратуры Российской Федерации, внутренние – лишь прокуратурами среднего и высшего звена. Таким образом, в аппарате прокуратуры субъекта Федерации выделяются структурные подразделения вспомогательного характера, выполняющие внутренние функции, которые распространяются и на городские, районные прокуратуры. Наличие таких подразделений в структуре прокуратур субъектов Федерации также обусловлено особенностью правового статуса прокуратур среднего звена: правом прокурора субъекта Федерации принимать на работу и увольнять подчиненных работников, за исключением своих заместителей и прокуроров районов, а также наличием у него полномочий по распоряжению в пределах своей компетенции вверенным имуществом прокуратуры на подведомственной территории и выделяемыми из федерального бюджета на ее нужды денежными средствами. Данными полномочиями прокуроры районного звена не обладают.

С учетом изложенного, прокуратуру субъекта Российской Федерации можно определить как территориальный орган государственной власти, являющийся самостоятельным юридическим лицом и представляющий собой среднее звено централизованной системы прокуратуры, непосредственно подчиненный Генеральному прокурору РФ и обеспечивающий руководство нижестоящими прокуратурами районного звена, основное назначение которого состоит в организации и осуществлении в пределах своей компетенции надзорных и иных функций прокуратуры; в организационном, кадровом, материально-техническом и ином вспомогательном обеспечении своей функциональной деятельности, а также деятельности нижестоящих прокуратур.

Библиографический список

1. Словарь иностранных языков. – М., 1990. – С. 482.

2. *Бойков А., Скворцов К., Рябцев В.* Проблемы развития правового статуса Российской прокуратуры (в условиях переходного периода) // Уголовное право. – 1999. – №2. – С. 25.

3. Прокурорский надзор: учебник / под ред. Ю.Е. Винокурова. – М.: Юрайт-издат, 2003. – С. 74.

4. *Ергашев Е.Р.* Организация работы городской (районной) прокуратуры: Дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 49.

5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., 2004. – С. 288.

6. *Ергашев Е.Р.* Указ. соч. – С. 61.

УДК 340

Рощин Борис Евгеньевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pravoborise@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА И МЕТОДА РОССИЙСКОГО ТРУДОВОГО ПРАВА В ПЕРИОД С ОКТЯБРЯ 1917 ПО 1920-Е ГОДЫ: ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В предлагаемой работе рассматриваются некоторые основные особенности таких сущностных категорий российского трудового права, как предмет и метод правового регулирования, в период зарождения и формирования отраслевой системы советского трудового права на основе марксистско-большевистской идеологии и программных установок РСДРП. В статье анализируются основные нормативно-правовые акты социально-трудовой сферы, принятые советской властью в период радикальных революционных преобразований.

Ключевые слова: *российский пролетариат, диктатура пролетариата, социалистическая организация труда, идеология большевизма, политика «военного коммунизма», предмет трудового права, метод трудового права, отраслевая система трудового права.*

Согласно общей теории права, деление права (единого в своей основе) на отрасли, подотрасли, институты и т.п. осуществляется на основе такого объективного критерия, как предмет правового регулирования. Предмет любой отрасли права включает в себя круг разнообразных (достаточно однородных) общественных отношений, которые «объективно по своей природе могут “поддаваться” нормативно-организационному воздействию и в данных социально-политических условиях требуют такого воздействия, осуществляемого при помощи юридических норм, всех иных юридических средств, образующих механизм правового регулирования», – отмечает крупный учёный-правовед С.С. Алексеев в своём классическом труде «Общая теория права» [1, с. 231]. В свою очередь, предмет правового регулирования, в значительной степени, предопределяет специфику таких сущностных (системообразующих) правовых категорий, как метод правового регулирования, отраслевые принципы права, отраслевые источники права, функции отрасли и т.д. Что касается предмета современного российского трудового права, то круг общественных отношений, связанных с трудовыми функциями, должен отвечать определённым критериям (укладываться в триединую формулу). Труд, с процессом которого связаны именно первоначальные трудовые правоотношения, а также производные общественные отношения, непосредственно связанные с трудовыми (их возникновение, изменение, прекращение), составляющие предмет трудового права, должен обладать рядом признаков: 1) данный труд является наёмным (то есть юридически оформленным в виде свободно заключаемого договора трудового найма); 2) зависимым (но не принудительным); 3) коллективным (как правило). Зависимый (несамостоятельный) труд работника, регулируемый нормами трудового права, означает, что, во-первых, работник не является собственником средств производства и, следовательно, заключает договор личного трудового найма с собственником (или иным титульным владельцем) этих средств производства (в широком понимании данной категории). Во-вторых, наёмный работник не занимается самостоятельной организацией своего труда, так как организационно-управленческие функции возложены на работодателя. В-третьих, наёмный работник лишён возможности самостоятельного распоряжения результатами своего труда и, соответственно, лишён возможности распределения прибыли. В-четвертых, наёмный работник, в процессе выполнения трудовой функции, обязан подчиняться «работодательской власти» (то есть правилам внутреннего трудового распорядка). «В реальности наёмный, зависимый, коллективный труд, – отмечал известный исследователь социально-трудовой сферы И.Я. Киселёв, – это миллионы людей, которые зарабатывают себе на жизнь, реализуя способности к труду работой по найму… В России из 145 млн. человек населения работает по найму 58 млн. человек (95% занятого населения или примерно треть общей его численности). Они составляют главный экономический потенциал нашей страны, основу её благополучия и процветания» [2, с. 62].

 © Рощин Б.Е., 2011

Кроме предмета правового регулирования, каждая правовая отрасль (в т.ч. трудовое право) характеризуется особенностями своего метода, который на практике представляет определённую совокупность способов, средств, приёмов правового воздействия на общественные отношения, составляющие предмет отраслевой системы трудового права. По этому поводу М.Н. Марченко пишет: «Метод правового регулирования не устанавливается произвольно законодателем или правоприменительными органами, а обусловливается объективными жизненными обстоятельствами. Он непосредственно определяется характером и содержанием регулируемых отношений, предметом правового регулирования» [4, с. 567]. Для современного отраслевого метода правового регулирования социально-трудовых отношений (реализация которого осуществляется через нормы трудового законодательства) характерно комплексное использование своеобразной правовой триады: предписания, запреты, дозволения. Подобные способы регулирования являются базовыми сегментами метода, его, так сказать, «квинтэссенцией». Очевидно, специфика предмета и метода правового регулирования социально-трудовой сферы российского общества непосредственно обусловлена особенностями (соответствующими ключевыми процессами) определённого исторического периода. Современное (постсоветское) трудовое право России возникло не с «чистого листа», а прошло свой, достаточно сложный и противоречивый эволюционный путь (связанный с объективными экономическими, идеологическими, социальными, культурными процессами) и уходит своими «генетическими» корнями в историческое прошлое нашей страны. Любая актуальная проблема (рассмотренная в отдельности) современного трудоправового регулирования имеет свою историю. Изучение определённого исторического опыта позволяет наглядно обозреть соответствующую проблему, осуществить её объективную оценку, выявить основные причины, определить пути решения, а также предостеречь от тождественных ошибок.

Целью нашей работы является краткий анализ основных особенностей предмета и метода правового регулирования (как сущностных трудоправовых категорий) отраслевой системы российского трудового права на первоначальном этапе организации (и правового обеспечения) системы социалистического труда, в условиях реального осуществления государственной политики, известной под названием «военный коммунизм».

Социалистическая организация труда (как исторически новая форма, призванная в кратчайшие сроки построить экономические основы социализма) объективно нуждалась в качественно новом правовом обеспечении. Как справедливо констатировал И.Я. Киселёв, «советское трудовое право было рождено в результате революционных преобразований в России после захвата власти большевиками 25 октября 1917 г. Советская власть без промедления стала формировать новое трудовое законодательство на основе программных установок и требований РСДРП» [2, с. 29]. В первый год становления пролетарской диктатуры принимается ряд ключевых нормативно-правовых актов, определивших особенности (характер и степень) предмета правового регулирования трудовых отношений российских работников. Среди важнейших правовых нормативов следует отметить: 1) декрет Совета народных комиссаров (далее СНК) «О восьмичасовом рабочем дне, продолжительности и распределении рабочего времени» (от 29.10.1917 г.); 2) положение «О страховании на случай безработицы» (от 11.12.1917 г.); 3) декрет СНК «О страховании на случай болезни» (от 22.12.1917 г.); 4) декрет СНК «О рабочем контроле» (от 14.11.1917 г.); 5) положение «О Биржах труда» (от 31.01.1918 г.); 6) положение «Об Инспекции труда» (от 18.05.1918 г.); 7) положение «О порядке утверждения коллективных договоров (тарифов), устанавливающих ставки заработной платы и условий труда» (от 2.07.1918 г.); 8) декрет СНК «О воспрещении безработным отказываться от работы» (от 3.09.1918 г.); 9) декрет СНК «О трудовых книжках для нетрудящихся» (от 5.10.1918 г.); 10) положение СНК «О социальном обеспечении трудящихся» (от 31.10.1918 г.); 11) постановление Народного комиссариата труда (далее НКТ) «О проведении трудовой повинности» (от 11.12.1918 г.); 11) Кодекс Законов о Труде РСФСР (далее КЗоТ) 1918 г.

Ключевым структурным элементом предмета трудового права, обеспечивающим его единство, является трудовое правоотношение. И.Я. Киселёв утверждал: «Применение трудового права, как комплекса установленных или санкционированных государством норм, вызывает к жизни трудовое правоотношение, представляющее собой совокупность субъективных прав

и обязанностей работника и работодателя и превращающее бумажные нормы объективного права в живую реальность…» [2, с. 62]. Анализ вышеупомянутых (и ряда других) нормативно-правовых актов, позволяет определить юридические признаки (структурный состав) индивидуально-трудовых отношений в рассматриваемый период. Любое правоотношение, согласно общей теории права (в т.ч. и трудовое), состоит из трёх структурных элементов: сторон, объекта, содержания. Сторонами трудовых отношений являются работник и работодатель. Работником, в рассматриваемый период, признавалось физическое лицо, осуществлявшее определённые виды трудовой деятельности за вознаграждение. Так, первый в российской истории КЗоТ РСФСР, принятый в декабре 1918 г. и систематизировавший ряд основных нормативно-правовых актов регулирования социально-трудовой сферы, принятых с октября 1917 г., устанавливал общую норму, согласно которой «все трудоспособные граждане имеют право на применение труда по своей специальности и за вознаграждение, установленное для этого рода работы» [5, ст. 905]. Трудоспособное физическое лицо могло стать субъектом трудовых правоотношений при достижении (как правило) возраста 16 лет, и, более того, именно с этого возраста КЗоТ устанавливал обязанность российских трудящихся нести всеобщую трудовую повинность. Однако, до принятия первого российского КЗоТ, трудовая правосубъектность (то есть правоспособность, дееспособность, деликтоспособность работника) устанавливалась (в определённой степени) известным декретом СНК «О восьмичасовом рабочем дне», принятым через три дня после захвата большевиками государственной власти. Согласно данному документу, к работам по найму не допускались малолетние (до 14 лет), а несовершеннолетние (до 18 лет) имели право выполнять трудовые функции не более 6-ти часов в сутки [6, с. 177]. Следует отметить, что данная норма имела (в значительной степени) лишь декларативный характер. Работодателями (и, следовательно, субъектами трудового права) признавались все предприятия, учреждения, хозяйства, независимо от формы собственности и организационно-правовой формы (то есть советские, общественные, частные, домашние), а также все частные лица, применявшие чужой труд за вознаграждение. Объектом трудовых правоотношений являлась трудовая функция (по определённой специальности), выполняемая работником за установленное вознаграждение. Содержанием трудовых правоотношений являлись права и обязанности сторон (их трудоправовой статус), которые могли быть реализованы на соответствующих стадиях трудового процесса (при приёме на работу, при переводах, охране труда и т.п.). Анализ трудовых правоотношений, составлявших своеобразное ядро предмета российского (советского) трудового права в период первоначального этапа организации соцтруда, позволяет отметить их основные специфические особенности: 1) договор личного трудового найма работника (как юридический факт, на основании которого возникают, изменяются и прекращаются трудовые отношения) утрачивает своё предназначение, не упоминается в советских трудоправовых актах и, более того, объявляется совершенно ненужным советскому работнику; 2) трудовое отношение утрачивает свободный (добровольный) характер, так как первая Конституция РСФСР (принятая 10.07.1918 г.) провозгласила всеобщую трудовую повинность (в целях организации хозяйства и «уничтожения паразитических слоёв общества»), а первый КЗоТ РСФСР 1918 г. легализовал трудовую повинность (то есть фактическое применение принудительного труда); 3) утрачивается один из главных признаков трудового правоотношения – работа по специальности, так как, согласно примечанию к ст. 10 КЗоТ, при неимении работы по специальности, органы по распределению рабочей силы имели право (заручившись формальным соглашением с профсоюзами) направлять «отдельных трудящихся и их группы на работы другой специальности» [5, ст. 905]; 4) трудовые отношения возникали (изменялись, прекращались) в условиях многоукладной экономики, так как советское государство (по объективным обстоятельствам) не могло сразу стать единственным работодателем-монополистом; 5) трудовая функция утрачивает своё главное свойство – выполнение работы за вознаграждение, так как, во-первых, денежные купюры (в реальных условиях данного периода) утратили (в значительной степени) свои функции, во-вторых, на практике (в производственной сфере) превалировала сдельная система оплаты труда (то есть российский трудящийся получал вознаграждение по результатам своего труда, «по факту» произведённой продукции, а не за выполнение трудовой функции как таковой); 6) трудовые правоот-

ношения наполняются новым (идеологическим и политическим) классовым содержанием, создаются всевозможные представительные рабочие организации (фабрично-заводские комитеты, расценочные комиссии, органы рабочего контроля и т.п.), среди которых российские профсоюзы (в процессе своего тотального «огосударствления») наделялись определёнными властными полномочиями по соответствующим вопросам организации социалистического труда; 7) при отсутствии гражданского кодекса (первый советский гражданский кодекс был принят только в 1922 г.) любые отношения, связанные с трудом за вознаграждение, фактически являлись трудовыми, даже те, которые явно имели гражданско-правовой характер.

Кроме трудовых (первоначальных) отношений, понимаемых в собственном смысле, предмет правового регулирования также включает в себя отношения, непосредственно связанные с трудовыми (то есть производные), которые, в свою очередь, классифицируются по трём основаниям: 1) предшествующие трудовым (предтрудовые); 2) существующие параллельно трудовым (сопутствующие); 3) следующие за трудовыми (посттрудовые). Законодатель не устанавливал чёткого перечня производных отношений, но анализ соответствующих трудоправовых нормативов (в первую очередь КЗоТ РСФСР 1918 г.) даёт возможность обозначить эти отношения и выделить пять основных видов: 1) отношения, возникавшие по поводу занятости и трудоустройства. Такие отношения возникали между потенциальными работниками, не имевшими оплачиваемой работы и готовыми приступить к ней, и государственными органами занятости, уполномоченными осуществлять учёт и распределение рабочей силы (биржи труда, отделы распределения рабочей силы, комитеты по всеобщей трудовой повинности); 2) отношения представительных рабочих органов с администрацией работодателя, возникавшие по организационно-управленческим вопросам (в т.ч. по вопросам осуществления советской производственной демократии). Такие отношения были необходимы (в период «красногвардейской атаки на капитал») для оживления «революционного творчества масс». Так, декрет СНК «О рабочем контроле» (от 14.11.1917 г.) отменял коммерческую тайну, устанавливал рабочий контроль (осуществляемый рабочими через свои выборные учреждения) над производством, финансами, куплей-продажей (а также хранением) продуктов и сырых материалов «во всех промышленных, торговых, банковых, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных, производственных товариществах и пр. предприятиях, имеющих наёмных рабочих или же дающих работу на дом» [6, с. 174]; 3) отношения, возникавшие по поводу надзорно-контрольных мероприятий за соблюдением норм трудового законодательства и охраны труда. Такие отношения возникали между работодателем и соответствующими контрольно-надзорными органами. Так, согласно ст. 127 КЗоТ, охрана жизни и здоровья работников, «занятых какою бы то ни было хозяйственной деятельностью», возлагалась на инспекцию труда, технических инспекторов, а также на представителей санитарного надзора [5, ст. 905]; 4) отношения, возникавшие по вопросам социальной защиты российских трудящихся. Данные отношения возникали между определёнными категориями работников, предусмотренных законодателем (безработные; беременные женщины; временно нетрудоспособные и др.) и соответствующими уполномоченными органами (больничные кассы, органы по распределению рабочей силы и др.). Система рабочего страхования (не успев окончательно сформироваться) была трансформирована (на теоретическом уровне) в систему государственного социального обеспечения в 1918 г. Начало формирования данной системы определило положение СНК «О социальном обеспечении трудящихся» (от 31.10.1918 г.), согласно которому государство принимало на себя обязанность осуществлять финансирование «всех видов социального обеспечения» и отпускать необходимые средства «из Государственного Казначейства в сметном порядке, по смете Народного Комиссариата Труда» [7, ст. 906]; 5) отношения по разрешению трудовых споров. Данные отношения возникали между отдельными работниками (или их группами), полагавшими, что их трудовые права нарушаются, и работодателями. Однако наличие в трудовом коллективе конфликтных ситуаций ещё не свидетельствует о наличии трудовых споров. Трудовые споры возникают с момента передачи возникших конфликтов (разногласий) в соответствующий юрисдикционный орган, который, в свою очередь, обязан принять и рассмотреть трудовой спор, а также вынести итоговое (мотивированное) решение по спору, обязательное к практическому исполне-

нию. Таким компетентным государственным органом, уполномоченным разрешать трудовые споры, являлся НКТ (и в этом ещё одна яркая особенность предмета правового регулирования трудовой сферы), а судебная защита трудовых прав российского пролетариата (в рассматриваемый период) практически полностью отсутствовала.

Современные исследователи трудоправовой сферы М.В. и А.М. Лушниковы отмечают важную особенность: «Производные отношения в своём субъектном составе имеют лишь одного из участников трудового отношения: либо работника, либо работодателя. Другим участником выступает третья организация в лице профсоюзного органа, органа по трудоустройству, органа контроля и надзора за соблюдением трудового законодательства и др.» [3, с. 361]. Кроме того, производные отношения непосредственно обусловлены трудовым отношением и являются необходимыми «соучастниками» процесса организации и регулирования трудовой сферы. Следует отметить, что предмет российского (советского) трудового права (доктринальную дефиницию которому дал известный советский учёный-трудовик К.М. Варшавский в 1924 г.) изначально формировался как гетерогенный (сложный и разнородный), включавший в себя разнообразные отношения: материальные, процессуальные, имущественные, индивидуальные, коллективные, организационно-управленческие и др.

Отраслевой метод российского трудового права (включающий в себя характерные приёмы и способы правового воздействия на отношения, составляющие его предмет) обусловлен спецификой предмета данной правовой отрасли. Анализ соответствующих трудоправовых источников, принятых на первоначальном этапе организации новой (социалистической) формы труда, позволяет выявить четыре главных признака метода трудоправового регулирования. Это: 1) преобладание (количественное и качественное) централизованного регулирования над локальным, так как в рассматриваемый период произошло неизбежное зарождение и формирование основ административно-командной системы, нацеленной на централизованное (императивное) регулирование всех сфер общественной жизни (в т.ч. и социально-трудовой сферы); 2) реальное участие в организации трудового процесса представительных органов работников. Так, согласно КЗоТ РСФСР 1918 г., российские профсоюзы наделялись (на законодательном уровне) полномочиями по разработке тарифных положений, в которых детально регламентировались условия труда российских рабочих; 3) применение к работнику дисциплинарной ответственности, как меры по обеспечению надлежащей трудовой дисциплины и производительности труда. Так, согласно ст. 119 КЗоТ, за невыполнение работником соответствующей нормы выработки (по причине «недобросовестности или грубой небрежности трудящегося»), он мог быть уволен без предварительного предупреждения (за две недели); 4) наличие дифференциации в регулировании труда. Такая дифференциация (различие) была обусловлена рядом факторов, среди которых: а) вредные условия труда; б) специфика труда женщин и несовершеннолетних; в) особенности труда служащих советских учреждений; г) труд иностранных работников и другие объективные факторы.

В заключение следует отметить, что в рассматриваемый исторический период сформировались (в определённой степени) теоретические основы советского трудового права (как самостоятельной отрасли отечественного права) и достаточно чётко наметились основные (магистральные) пути дальнейшего развития данной правовой отрасли. Система правового регулирования по-советски (основанная на марксистско-большевистской идеологии), в целом, отвечала запросам своего времени (несмотря на ряд существенных несовершенств) и достаточно гармонично функционировала в определённом историческом контексте. Данная система является (в определённой степени) «правопредшественницей» современного российского трудового права, её диссонирующие отголоски можно отчётливо услышать и на постсоветском этапе развития российского общества. Очевидно, предмет и метод трудоправового регулирования определяют сущность данного правового феномена и являются, своего рода, альфой и омегой отраслевой системы российского трудового права. Несмотря на то что предмет и метод трудового права России являются сущностными категориями, они подвержены определённым изменениям. Переход российского общества на рыночную (капиталистическую) модель экономического развития объективно требует организации более совершенного правового механизма регулирования социально-трудовой сферы, способного эффективно обеспечивать современные процессы регулирования и охра-

ны труда, а также социально-трудовые гарантии и защиту трудовых прав работников. Вероятно, для более успешного осуществления современных реформ: модернизации производственной сферы; инновационных процессов; развития нанотехнологий и т.д., необходимо объективно проанализировать как безусловно позитивные стороны (аспекты), так и явные ошибки прошлого.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права. – М.: Проспект, 2009. – 576 с.

2. *Киселёв И.Я.* Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда. – М.: Эксмо, 2005. – 608 с.

3. *Лушникова М.В., Лушников А.М.* Очерки теории трудового права. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 940 с.

4. *Марченко М.Н.* Теория государства и права. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 640 с.

5. Собрание Узаконений. – 1918. – № 87-88.

6. Вестник Народного Комиссариата труда. – 1918. – № 1.

7. Собрание Узаконений. – 1918.– № 89.

Сиверская Людмила Анатольевна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

LSiverskaya @mail.ru

РЕГИСТРАЦИЯ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: НОВЕЛЛЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье автор рассматривает регистрацию сообщения о преступлении как обязательный элемент алгоритма действий должностных лиц и вносит предложения по законодательному регулированию.

Ключевые слова: *регистрация сообщения о преступлении, алгоритм действий должностного лица, рассмотрение сообщения о преступлении.*

УПК РФ устанавливает обязанность должностных лиц правоохранительных органов принять, проверить сообщение о совершенном или готовящемся преступлении и принять по нему процессуальное решение. Прием сообщения представляет собой совокупность двух действий: получение и регистрацию его в документах первичного учета, поэтому в интерпретации законодателя в ч. 1 ст. 144 УПК РФ термин «регистрация» отсутствует. Более подробно действия должностных лиц регламентированы ведомственными нормативными актами, предписания которых детализируют выраженные абстрактно дефиниции УПК РФ и раскрывают понятийный аппарат. Так, в соответствии с п. 3 ст. 5 «Типового положения о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях» [13] (далее – «Типовое положение»), «регистрация сообщения о преступлении – внесение уполномоченным должностным лицом в книгу, предназначенную для их регистрации краткой информации, содержащейся в принятом сообщении о преступлении, а также отражение в этом сообщении сведений о его фиксации в вышеуказанной книге с присвоением соответствующего регистрационного номера». Изучение теоретического аспекта показало, что большинство авторов не дают доктринального толкования понятия регистрации, а лишь воспроизводят ее определение, содержащееся в Типовом положении. Принципиальным спорным вопросом, по мнению ученых-процессуалистов, является выделение «регистрации» как самостоятельного элемента в процессуальном механизме порядка рассмотрения сообщений и внесение его понятия в новеллы УПК РФ. В юридической литературе встречаются различные мнения относительно места «регистрации» в системе действий по рассмотрению сообщения. Одни считают «регистрацию» составляющим элементом деятельности по приему сообщения [14, с. 26]. Сторонники другой позиции, полемизируя, справедливо, на наш взгляд, относят регистрацию к самостоятельному элементу деятельности по рассмотрению сообщений о преступлении [15; 8; 3]. Нам представляется, что их суждение более близко к истине, а доводы с большей объективностью отражают и содержание этой деятельности, и ее назначение. Регистрация имеет большое теоретическое и важное практическое значение. С нее начинается соблюдение законности, реализация права граждан на доступ к правосудию, она является одним из правовых средств разрешения проблемы укрытия преступ-

© Сиверская Л.А., 2011

лений от учета. Представляется справедливым включить регистрацию в порядок рассмотрения сообщений о преступлении, предусмотренного ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Это соответствует требованиям законности и отражает тенденции современной юридической науки. Окончательное разрешение процессуальных коллизий федерального и ведомственного законодательства видится в изменении диспозиции ч. 1 ст. 144 УПК РФ и изложении ее в следующей редакции: «Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, зарегистрировать, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3-х суток со дня поступления указанного сообщения» Предложенная корректировка органично впишется в конструкцию статьи, позволит устранить разночтения в толковании ученых-процессуалистов, сделает норму обязательным правилом для всех правоприменителей независимо от ведомственной принадлежности, будет способствовать снижению нарушений учетно-регистрационной дисциплины.

Об актуальности и значимости регистрации, как самостоятельного и важного элемента алгоритма действий по рассмотрению сообщения, говорит тот факт, что многие ученые-процессуалисты использовали ее в качестве предмета исследования, предлагали свое видение проблемных вопросов и путей их разрешения не только с научной точки зрения, но и с учетом потребностей практических работников. Так, Ф.Ф. Анюров полагает, что от «полноты регистрации и учета преступлений зависит не только реальное состояние преступности в стране», но и возможность «прогнозировать дальнейшее развитие событий, планировать борьбу с преступностью в целом и по отдельным направлениям, рассчитывать необходимое количество сил и средств для осуществления реального контроля над преступностью» [1, с. 12]. А.М. Никитин аргументированно обосновывает утверждение о том, что «существующий в настоящее время учет преступлений не в полной мере отражает объективную картину состояния преступности в стране» [11, с. 39]. В. Овчинский называет официальную опубликованную статистику зарегистрированных преступлений «чудесами с регистрацией», «когда при ежегодном стабильном росте числа заявлений, сообщений и иной информации о случившихся криминальных происшествиях «зарегистрированная» преступность за эти же годы удивительным образом снижается», и считает, что «наведение порядка в учете и регистрации преступлений – одно из определяющих начал в реформировании правоохранительной системы» [12]. По мнению Б.Я. Гаврилова, «порядок учета и регистрации преступлений базируется на принципах, которые были сформированы более 40 лет назад и не отвечают потребностям сегодняшнего дня», что вызывает насущную «необходимость принятия действенных мер по совершенствованию механизма регистрации заявлений и сообщений о противоправных деяниях и их учета в качестве преступлений» [2]. При различии во взглядах на основные концептуальные теоретические положения, связанные с регистрацией преступлений, большинство ученых-процессуалистов единодушны в том, что «процессуальные отношения, связанные с приемом, регистрацией и разрешением сообщений о преступлениях, не в достаточной мере урегулированы нормами института возбуждения уголовного дела» [4, с. 11], «нормативно-правовая база на сегодняшний день не в полной мере регулирует регистрационно-учетную работу в органах внутренних дел» [1, с. 12], «действующие межведомственные нормативные акты далеки от совершенства» [11]. Как следствие этого, в практической деятельности при реализации «несовершенных» нормативных правоположений регистрация сообщений по-прежнему остается «камнем преткновения». Не спасает ситуацию и подробная регламентация порядка осуществления регистрации в ведомственных нормативно-правовых актах. По мнению ведомственного законодателя, подробно прописанная «стратегия» действий должностного лица, информация о конкретных персоналиях исполнителей, осуществляющих рассмотрение сообщения, наличие элементов ведомственного контроля в лице «руководителя» должны способствовать безусловному выполнению данной нормы правоприменителем. Несомненно, все это исключительно важно для обеспечения «де-юре» прозрачности механизма регистрации, и законодатель, формулируя информационное содержания нормативного правила данной новеллы, искренне на это рассчитывал. Однако анализ текстового и смыслового содержания норм ведомственных предписаний показал, что основной акцент в них сде-

лан на подробном описании мелких, незначительных действий правоприменителя, которые не играют определяющей роли в процедуре рассмотрения сообщения о преступлении. Регламентация привычных стереотипных действий, выполняемых должностными лицами ежедневно, в совокупности с отсутствием в текстах ведомственных инструкций действительно важных моментов, размывают сущность и значимость регистрации сообщений о преступлении. Так, в п. 23 Типового положения к числу обязательных реквизитов Книги регистрации сообщений о преступлении относятся сведения о датах приема, регистрации и принятия решения, о должностных лицах, принявших, зарегистрировавших, проводивших проверку по сообщению о преступлении и принявших решение. В интерпретации ведомственных законодателей таковые реквизиты в книгах и журналах либо вообще отсутствуют [5–7], либо отсутствует информация о дате регистрации и сведения о должностном лице, зарегистрировавшем сообщение. При таком подходе к формулированию законодательных норм правоприменители получают в распоряжение «суррогат» нормативных предписаний, отличный от Типового положения, что делает невозможным действие «де-факто» его законоположений. Как следствие, этап регистрации сообщения не имеет законодательных средств защиты, которые являются своеобразной «антивирусной программой» от совершения должностных злоупотреблений. Мы полагаем подобный «волюнтаризм в законодательстве» [2] недопустимым и с целью совершенствования норм Инструкций федеральных ведомств предлагаем дополнить перечень реквизитов книги учета сообщений о преступлениях информацией о датах приема, регистрации и принятия решения, о должностных лицах, принявших, зарегистрировавших, проводивших проверку по сообщению о преступлении и принявших решение.

Необходимость детальной нормативной регламентации процедурного порядка приема сообщения о преступлении обусловлена еще и тем, что регистрация выступает в качестве обязательного правового средства системного государственного механизма, который обеспечивает получение гражданами реальной возможности осуществить свое право на судебную защиту. В сфере уголовного судопроизводства свободный доступ к правосудию, закрепленный в Конституции РФ и общепризнанных нормах международного права, обеспечивается законодательно предоставленной гражданам возможностью обратиться в компетентные органы с информацией о совершенном преступлении и нормативным регулированием порядка реагирования. Прием и регистрация сообщения о преступлении являются начальным звеном в цепочке действий, обеспечивающих беспрепятственный доступ граждан к правосудию, ибо «правосудие, по мнению В.В. Лунева, начинается не с совершения преступлений, а с их регистрации» [9, с. 83]. В УПК РФ отсутствуют правила, регулирующие процедуру принятия и регистрации сообщения о преступлении, а это значит, что нет единой нормативной дефиниции, являющейся основой для формирования межведомственных и ведомственных законоположений, нет правовой базы для дальнейшего их расширения. Следствием этого является отсутствие единообразного подхода к формулированию нормативных конструкций, их содержанию, полноте и объему регулирования. В правовых актах различных ведомств эта деятельность отражена фрагментарно, превалирует «узковедомственная направленность» в прочтении и трактовке процедуры приема и регистрации сообщения. В совокупности создаются условия для использования должностными лицами различных способов укрытия преступления от регистрации и учета. Соглашаясь с мнением Н.С. Мановой и Ю.В. Францифорова, которые полагают что «основные положения, касающиеся приема и регистрации поступающей в правоохранительные органы информации о преступлениях, должны найти отражение в уголовно-процессуальном законодательстве» [10], и учитывая общественную значимость проблемы обеспечения доступа граждан к правосудию на первоначальном этапе уголовного судопроизводства, предлагаем использовать в качестве способа ее разрешения оптимальное средство из арсенала уголовно-процессуальной науки, а именно, нормативное урегулирование, в связи с чем считаем необходимым дополнить ч. 1 ст. 144 УПК РФ нормативным правилом следующего содержания: «Регистрация сообщения о преступлении осуществляется в “Журнале рассмотрения сообщений о преступлениях” единого стандартного образца, который содержит сведения о движении сообщения (датах приема, регистрации, назначения проверки и ее продления, принятия решения), должностных лицах, его рассматривающих и осуще-

ствляющих ведомственный процессуальный контроль». Внедрение в практику предложенных законодательных конструкций обеспечит социальную прозрачность этапу приема сообщения о преступлении. Во-первых, наличие единого стандартизированного журнала с соответствующими графами, отражающими основные этапы движения сообщения, позволит точно зафиксировать конкретные даты приема, регистрации, проверки и принятия решения, персонифицировать должностное лицо, осуществляющее его рассмотрение. Во-вторых, данная нормативная дефиниция станет законодательным средством «принуждения» правоприменителя к выполнению требования о незамедлительной регистрации и выдаче талона-уведомления, дополнительной гарантией безусловного выполнения этого требования и существенно снизит факты профессионального очковтирательства. В-третьих, изменение ныне существующего названия на «книгу рассмотрения» будет способствовать изменению правосознания правоприменителя, формированию новой «служебной идеологии», позволяющей воспринимать рассмотрение сообщения о преступлении как единый алгоритмический процесс. Структурно-процессуальные изменения, оптимизирующие механизм приема сообщения о преступлении, устранят «виртуальный» барьер, блокирующий доступ граждан к правосудию, систематизируют и упорядочат процесс приема сообщений, выступят в качестве обеспечительной гарантии законных прав и интересов граждан в стадии ВУД.

Анализируя порядок регистрации сообщения, следует обратить внимание на этап его завершающий, где существует еще одна серьезная проблема, носящая практический характер. В соответствии с ч. 4 ст. 144 УПК РФ «заявителю выдается документ о принятии сообщения о преступлении с указанием данных о лице, его принявшем, а также даты и времени его принятия». Ведомственные акты конкретизируют норму и вводят понятие такого документа, называя его уведомлением [13], а в Инструкциях федеральных ведомств он именуется как «талон-уведомление» [5–7]. Однако ни в одном законодательном акте нет четкого ответа на вопрос: после какого из действий, приема или регистрации, он выдается и кто обязан его выдавать? Несмотря на противоречивый характер нормативных предписаний, регламентирующих порядок выдачи компетентными органами документа о получении сообщения, логичный вывод может быть только один: талон-уведомление является результатом фиксации (регистрации) в документах установленного образца факта принятия сообщения и выдается только после него. В соответствии с ч. 4 ст. 144 УПК РФ в документе имеются «данных о лице, его принявшем, а также даты и времени его принятия». Аналогичные нормы содержатся и в ведомственных нормативных актах. Однако, на наш взгляд, информационное содержание и правовую значимость талона-уведомления необходимо расширить за счет внесения в него в обязательном порядке записи о разъяснении заявителю порядка обжалования незаконных действий должностных лиц органов, принявших сообщение о преступлении. Полагаем, что субъекты, чьи права защищаются, должны знать о предусмотренных законом правозащитных элементах. Это полностью соответствует ч. 1 ст. 11 УПК РФ, которая для реализации принципа «охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» обязывает «суд, прокурора, следователя и орган дознания разъяснять участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность». Кроме того, это нивелирует «несправедливое, предвзятое» отношение к заявителю, который в соответствии с ч. 6 ст. 141 УК РФ «предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ, о чем в протоколе делается отметка, которая удостоверяется подписью заявителя».

Согласно ч. 4 ст. 144 УПК РФ уведомление выдается «заявителю». На наш взгляд, использование в данной норме слово «заявитель» не вполне корректно, поскольку в УПК РФ нет такой процессуальной фигуры и участника уголовно-процессуальных отношений Мы полагаем, что данная правовая неточность требует устранения. К числу лиц, которым реально может быть вручено уведомление, следует отнести не только тех, кто непосредственно обратился в компетентные органы с устным или письменным сообщением, но и лиц, сделавших заявление о явке с повинной или при проведении следственного действия. Одним из вариантов разрешения неудачной юридической конструкции действующей нормы УПК РФ, устранения законодательного пробела и приведения ведомственной нормативной базы в соответствие с федеральным законодательством,

исключения неоднородной практики среди правоприменителей, является корректировка ч. 4 ст. 144 в части детализации лица, которому выдается уведомление, и расширения его информационной составляющей. В связи с вышеизложенным мы предлагаем следующий вариант законодательной новеллы ч. 4 ст. 144 УПК РФ: «Лицу, сообщившему о преступлении в устном или письменном виде, в заявлении о явке с повинной или при проведении следственного действия, выдается документ о принятии сообщения о преступлении с указанием данных о лице, его принявшем и зарегистрировавшем, даты и времени его принятия и регистрации, а также разъяснения порядка обжалования». На наш взгляд, подобные нововведения позволят детально упорядочить процедуру приема сообщения, обеспечить четкое функционирование механизма, оптимизировать правовое регулирования уголовно-процессуальной деятельности на первоначальном этапе. С точки зрения праксиологического аспекта, нормативное закрепление послужит фундаментом для разработки и принятия мер организационно-управленческого характера по стабилизации существующей негативной ситуации с соблюдением учетно-регистрационной дисциплины и изменению ее качественных и количественных показателей. Кроме того, будут способствовать достижению позитивного социального эффекта, поскольку позволят усовершенствовать механизм обеспечения прав личности в стадии ВУД, что с учетом их приоритета весьма актуально. Следует заметить, что выдача документа лицу, чье сообщение о преступлении было зарегистрировано, имеет большое значение. С одной стороны – это «документальное подтверждение» обязательства государства, выдаваемое его уполномоченными органами, в каждом конкретном случае реализовать такие конституционные принципы судопроизводства, как обеспечение защиты прав граждан, доступ к правосудию и неотвратимость наказания. С другой стороны, фиксация в талоне-уведомлении сведений о должностном лице, принявшем сообщение, даты, времени приема и регистрации, подписи заявителя позволяет иметь максимально объективные данные о статистике преступлений, ее качественных показателях, планировать и реализовывать эффективные меры по профилактике преступности, осуществлять действенный ведомственный контроль и прокурорский надзор за соблюдением порядка рассмотрения сообщения. И, наконец, граждане, получившие талон-уведомление, уверены, что найдут адекватное правовое реагирование со стороны этих органов, что их заявление будет рассмотрено, проверено в установленный законом срок и принято решение, о котором они будут уведомлены. Кроме того, талон-уведомление служит своеобразным правовым основанием для обращения граждан с жалобой на незаконные и необоснованные действия должностных лиц. Подводя итог вышесказанному, мы полагаем, что предусмотренная нормами УПК процедура регистрации сообщения о преступлении и выдача документа о совершении этого действия представляет собой не что иное, как акт выполнения государством принятых на себя обязательств по защите граждан от преступных посягательств.

Библиографический список

1. *Анюров Ф.Ф.* Регистрация и учет преступлений в органах внутренних дел: Правовые и организационные аспекты: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 12.

2. *Гаврилов Б.Я.* Современная уголовная политика России: цифры и факты. – «Велби», «Проспект», 2008 (для системы «Консультант-плюс»).

3. *Гирько С.И.* Уголовно-процессуальные функции милиции: Теоретические, правовые и прикладные проблемы: Дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2004.

4. *Головащук Е.М.* Процессуальное противодействие укрытию преступлений органами внутренних дел: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Красноярск, 2003. – С. 11.

5. Инструкция о порядке приема, регистрации и проверки в таможенных органах РФ сообщений о преступлениях, утв. Приказом ФТС РФ от 12 января 2007 г. №23 (доступ из справ.-правовой системы «Консультант-плюс»).

6. Инструкция о порядке приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах УИС сообщений о преступлениях и происшествиях, утв. Приказом Минюста РФ от 11.07.2006 № 250 (доступ из справ.-правовой системы «Консультант-плюс»).

7. Инструкция о порядке приема, регистрации и разрешения в ОВД РФ заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях, утв. Приказом МВД РФ № 333 от 04.04.2010 г. (доступ из справ.-правовой системы «Консультант-плюс»).

8. *Ковалева М.Г.* Возбуждение уголовного дела и обеспечение его законности и обоснованности: Дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2005.

9. *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. – М.: Изд-во Норма, 1999. – С. 83.

10. *Манова Н.С., Францифоров Ю.В.* Проблемные аспекты стадии возбуждении уголовного дела по новому УПК РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www. lawmix.ru › comm/3974/.

11. *Никитин А.М.* О некоторых концептуальных аспектах развития милиции в третьем тысячелетии // Закон и право. – 2001. – № 7. – С. 39.

12. *Овчинский В.* Тревожная статистика: число отказов в возбуждении уголовных дел выросло до 5 млн. 641 тысяч [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www. anna-center.ru (16.03.10 14:34.)

13. Типовое положение о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, Приказ Генпрокуратуры РФ N 39, МВД РФ N 1070, МЧС РФ N 1021, Минюста РФ N 253, ФСБ РФ N 780, Минэкономразвития РФ N 353, ФСКН РФ N 399 от 29.12.2005 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 30.01.2006. – № 5.

14. *Удовыдченко И.В.* Процессуальные способы проверки сообщения о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела: Дис. … канд. юрид. наук. – Волгоград, 2008. – С. 26.

15. *Химичева Г.П.* Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: Монография. – М.: Изд-во «Экзамен», 2003.

УДК 34 (091)

Сироткин Алексей Геннадьевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
sir_mail@mail.ru

УЗУФРУКТ (ПОЛЬЗОВЛАДЕНИЕ) В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

В статье приводится обзор работ отечественных правоведов дореволюционного периода, исследовавших узуфрукт (пользовладение) в римском и русском гражданском праве. Изучение их взглядов на данный институт приобретает в настоящее время особую актуальность в связи с планирующимся включением узуфрукта в перечень вещных прав в процессе реформирования гражданского законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: *узуфрукт, личный сервитут, полное право пользования, история гражданского права.*

Любая наука как система научного знания, и юридические науки не являются исключением, немыслима без деятельности ученых, направленной на получение новых знаний и развитие науки. Полученное знание с помощью языковых средств выражается на материальных носителях, получает объективную форму, содержанием которой являются результаты научных исследований. Фиксация данных результатов позволяет не только использовать научное знание, но и исследовать историю развития той или иной отрасли науки. Единство знания и научной деятельности обусловливает необходимость обращения при изучении истории развития какого-либо правового явления к истории развития научной мысли о данном явлении. Изучая исторические аспекты того или иного института, требуется не только исследовать различные документальные источники, но и провести анализ взглядов ученых соответствующего периода.

Исследование российской наукой гражданского права XIX – начала XX веков представляет особый интерес, поскольку именно в этот период она сформировалась как самостоятельная правовая наука. Систематизация законодательства, находившегося ранее в хаотическом состоянии, экономические и правовые реформы второй половины XIX века, в первую очередь судебная реформа 1864 года, создание системы юридического образования явились причинами развития научной юридической мысли в России. Именно в этот период благодаря трудам таких российских цивилистов, как К.Н. Анненков, Д.И. Мейер, К.П. Победоносцев, В.И. Синайский, Г.Ф. Шершеневич, и других ученых дореволюционной России были теоретически обоснованы многие институты гражданского права.

 © Сироткин А.Г., 2011

В первую очередь необходимо обратить внимание на те работы, в которых исследуются конструкции, которые имели место в дореволюционном праве, но от них отказались в советский период нашей истории и которые предлагается восстановить в настоящее время. К их числу относится узуфрукт. Концепция развития гражданского законодательства предполагает существенным образом изменить и дополнить положения о вещных правах, в том числе и путём включения в их перечень узуфрукта под именем личного пользовладения. В Гражданский кодекс Российской Федерации планируется включить специальную главу, посвященную институту личного пользовладения (узуфрукту).

Правовая конструкция узуфрукта не является новой для отечественного права. Дореволюционное законодательство содержало положения, которые рассматривались учеными как нормы о пользовладении (узуфрукте), степень сформированности которого в отечественном праве поразному оценивалась в юридической литературе рассматриваемого периода.

В конце XIX века, отмечая недостаточность законодательных положений об этом сервитуте, К. Анненков указывал также на сравнительно слабую и недостаточную разработанность данной конструкции в научных трудах наших ученых [2, с. 381]. Для оценки соответствия данного утверждения уровню состояния научных представлений о данном правовом явлении в целом проанализируем работы отечественных цивилистов XIX – начала XX веков, акцентируя при этом внимание на определении понятия узуфрукта.

Но прежде обратимся к используемой в то время терминологии. Латинское «ususfructus» заменяли русскими словами «плодонаслаждение», «пользовладение», «пользование», «право пользования полное». Термин «плодонаслаждение» критиковали за юридическую неопределенность слова «наслаждение», неудобство термина «пользовладение» видели в том, что указанное словосочетание не отражает особенностей владения при узуфрукте [7, с. 1–2].

При разработке проекта Гражданского уложения было предложено назвать этот институт правом отдельного временного владения и пользования [5, с. 372]. Но Редакционная комиссия данное название отклонила по причине его сложности и неопределенности и посчитала возможным ввести термин «пользовладение» как более удобный для употребления и уже использовавшийся при переводе на русский язык местных гражданских законов Привисленских губерний.

Таким образом, наиболее употребительным для обозначения узуфрукта в российском праве рассматриваемого периода являлся термин «пользовладение». Соответственно, и в настоящей статье термины «узуфрукт» и «пользовладение» используются как равнозначные.

Напомним, что классическое определение узуфрукта дал римский юрист Павел: «Ususfructus est ius alienis rebus utendi fruendi salva rerum substantia (D. 7.1.1.). – Узуфрукт есть право пользоваться вещами и извлекать из них плоды с сохранением в целости субстанции вещей» [6, с. 198–199].

Первое упоминание о субъективном праве, соответствующем узуфрукту в праве российском, мы встречаем в сочинении В.Г. Кукольника «Российское частное гражданское право» (1815). Среди вещных прав («прав в вещи») им выделялись: обладание (речь идет о праве собственности), наследство, повинность (сервитуты) и закладное право [10, с. 149]. Не выделяя отдельно узуфрукт как вещное право, В.Г. Кукольник разделяет право собственности (обладание) на полное и неполное. Последнее имеет место тогда, когда «право располагать сущностью вещи, или так называемая *собственность* принадлежит одному; право же владения со всею пользою, или по крайней мере с частью оной принадлежит другому лицу» [10, с. 180]. В качестве обстоятельства, при котором обладание становится неполным, автор приводит дожизненное владение, какое имели по древним правам вдовы в родовом и выслуженном имении, оставшемся после их мужей. Отметим, что именно пожизненное владение родовым имуществом рассматривалось в дальнейшем в качестве разновидности пользовладения (узуфрукта) в русском праве. Таким образом, мы можем утверждать, что В.Г. Кукольник первым из отечественных цивилистов упоминает об отдельном от права собственности вещном праве владения и пользования чужим имуществом (фактически о пользовладении, с учетом указания им конкретного примера). Но при этом заметим, что право владения и пользования, отделенное от права собственности, ученый не соотносил с личными сервитутами: в разделе о повинностях он пишет о разделении их на личные и вещные, но примеров личных повинностей не приводит, объясняя,

что данный вид прав нашими действующими законами в точности не определён [10, с. 183–184].

В 30-х годах XIX века русская юридическая наука под влиянием главы исторической школы Фридриха Карла фон Савиньи, у которого обучались многие будущие профессора российских университетов, обращается к историческим исследованиям [14, с. 47]. Среди исторических сочинений мы встречаем такие, которые содержат разделы, посвященные действующему праву. Таковым является «Начертание российского гражданского права в историческом его развитии» А.И. Кранихфельда (1843). В данной работе к узуфрукту он относит право пользования полное, которое постороннее лицо приобретает по воле собственника и по которому это лицо получает право на все произведения и доходы имущества. Право пользования неполное даёт право на получение части произведений и доходов и рассматривается автором как узус [8, с. 79].

Во второй половине XIX века появляются догматические труды в сфере гражданского права, среди которых следует отметить исследование Н.В. Варадинова о вещественных правах по русскому законодательству (1855). В данной работе автор рассматривает помимо права собственности право владения и право пользования. Н.В. Варадинов определяет пользование по русскому праву следующим образом: «Самостоятельное или отдельное пользование или право такого пользования есть власть извлекать выгоды из чужого имущества на точном основании Высочайшего повеления, договора, земской давности и закона» [3, с. 37]. Следует отметить, что исследователь выделяет отдельные виды пользования в отечественном законодательстве по различным критериям; узуфрукту наиболее соответствует пользование полное, под которым понимается извлечение из чужого имущества свойственных ему произведений и употребление как имущества, так произведений и непременных доходов его в свою пользу. При этом ученый считает, что пользование (как он называет узуфрукт) не может рассматриваться как сервитут (сервитуты он называет угодьями), поскольку последний есть ограничение собственности, а узуфрукт есть отдельное и самостоятельное право [3, с. 17]. Включение пользования в число сервитутов ученый рассматривает как недостаток иностранных кодексов.

В курсе «Русское гражданское право» Д.И. Мейера термины «пользовладение», «узуфрукт» не используются. Вместе с тем в разделе о праве собственности говорится о предусмотренной законодательством возможности выделения из права собственности права владения и права пользования. В результате такого выделения возникает вещное право. Таким правом является право пожизненного владения, которое включает в себя право владения и право пользования без права распоряжения. Полагаем, что Д.И. Мейер рассматривал пожизненное владение именно как вещное право, а не в качестве ограничения права собственности, как считает М.В. Ксенофонтова [9, с. 79]. Известный цивилист даёт четкое разграничение вещного права на чужую вещь и ограничения права собственности: «Ограничения не составляют права на чужую вещь, потому что право на чужую вещь есть уже выдел из права собственности, а ограничения составляют его предел: ограничения устанавливают для сторонних лиц только право на совершение известных действий, которые не считаются нарушениями права собственности» [11, с. 347]. Мера пользования пожизненного владельца определяется не перечнем действий, а обязанностью сохранения существа вещи – salva rei substantia. То обстоятельство, что положения о пожизненном владении излагаются в параграфе об ограничении права собственности относительно каждой составной его части, не является определяющим при решении вопроса о том, как Д.И. Мейер рассматривал право пожизненного владения. Окончательный вывод может быть сделан только из содержания данной части его работы, в которой говорится, что право пожизненного владения нельзя отождествлять с правом собственности, ограниченным относительно распоряжения [11, с. 357]. По нашему мнению, учитывая взгляды Д.И. Мейера на ограничения права собственности, право пожизненного владения определяется им как самостоятельное вещное право, отличное от права собственности.

В 1868 году была издана первая часть «Курса гражданского права» – «Вотчинные права» – К.П. Победоносцева, составленная по лекциям, которые он читал в московском университете. К.П. Победоносцев рассматривает узуфрукт, который обозначает термином «право пользования полное», как полнейшее из личных прав на чужую вещь и определяет его как «право употреблять чужую вещь себе на пользу, без вреда и ущерба для экономической ее сущности» [10, с. 541].

Экономическое значение этого права ученый видит в том, что пользователю предоставляются все хозяйственные выгоды от вещи.

Наиболее подробно исследовал пользовладение в законодательстве Российской империи К. Анненков. Первоначально ученый опубликовал отдельное исследование под названием «Сервитут пользовладения» (1892), затем повторил эти положения в «Системе русского гражданского права» (1895), а затем сделанные выводы и заключения в краткой форме были изложены в «Началах русского гражданского права» (1900). В указанных работах К. Анненков анализирует понятие пользовладения и отличие его от сходных правоотношений, предмет пользовладения и способы его установления, взаимные права и обязанности пользовладельца и собственника имущества, прекращение пользовладения.

К. Анненков рассматривает узуфрукт в качестве права полного пользования чужим имуществом, определяя его «как право такого полного пользования чужим имуществом, в силу которого пользователю должно принадлежать не только пользование самой чужой непотребляемой вещью, но и извлечение из нее плодов» [2, с. 405]. На основе анализа понятия узуфрукта в римском, итальянском и саксонском праве, исследователь приходит к выводу, что отечественное законодательство также содержит положения об узуфрукте (пользовладении) и предлагает следующее его определение: пользовладение – это «такой личный сервитут, которым пользовладелец управомочивается лично пользоваться чужим имуществом и извлекать из него в свою пользу, как сказано в 536 ст. X т., “все произведения имущества и доходы с оного”, т.е. все плоды имущества, как естественные, так и гражданские, но с обязанностью сохранения находящегося в пользовании его имущества в целости и возвращения, затем, собственнику без изменения его существа» [1, с. 11].

Е.В. Васьковский называет пользовладением или узуфруктом пожизненное владение, которое считает видом права полного пользования [4, с. 363]. При этом права отдельного владения и пользования он относит к категории личных сервитутов, которые представляют собой вещные права на чужое имущество, принадлежащие индивидуально определенным лицам.

В «Учебнике русского гражданского права» Г.Ф. Шершеневича положения о пользовладении содержатся в параграфе о сервитутах. При этом узуфрукт именуется личным сервитутом пользовладения. Г.Ф. Шершеневич даёт следующее определение данного сервитута: «Пользовладение есть обусловленное сроком или продолжительностью жизни вещное право определённого лица пользоваться чужою вещью и извлекать плоды без изменения её существа» [15, с. 382]. Характерно, что известный российский ученый, уделивший значительное внимание правилам о пользовладении в действующем законодательстве (почти половину параграфа, учитывая, что речь идёт об учебнике), подчеркивает особенную важность пользовладения в бытовом отношении. Е.В. Васьковский также обращает внимание на особую важность данного права в практическом отношении [4, с. 363]. В связи с этим необходимо критически подойти к утверждениям о том, что данные отношения были мало распространены и этим объясняется недостаточность законодательных положений о данном институте.

В.И. Синайский к пользовладению (узуфрукту) в российском праве относит право пожизненного владения, право пользования полное и право пользования неполное [13, с. 257–259]. При этом два последних вещных права он рассматривает как сервитутные права, содержание которых ограничивается пользованием чужою вещью без изменения существа и назначения вещи. В данном случае мы наблюдаем некоторое противоречие в том, что право пользования есть узуфрукт и относится к сервитутам, а пожизненное владение, которое тоже есть, в сущности, узуфрукт, к таковым не относится.

В конце XIX века вышел целый ряд работ, в которых обращается внимание на институт пользовладения. В монографии И. Гороновича «Исследование о сервитутах» (1883), посвященной сервитутам в римском частном и русском гражданском праве, уделено внимание не только вещным, но и личным сервитутам. Н.А. Полетаев и В. Умов провели сравнительный анализ пользовладения и найма имущества, первый по российскому законодательству («Пользовладение и наем имущества в их взаимных отношениях» (1903)), второй – по римскому праву и французскому законодательству («Договор найма имуществ по римскому праву и новейшим иностранным законодательствам» (1872)). М.В. Шимановский исследовал некоторые вопросы, связанные с пожизненным владением («К вопросу о пожизненном владении» (1888)).

Об узуфрукте в римском праве писали Д.Д. Гримм («Лекции по догме римского права), С.А. Муромцев («Гражданское право Древнего Рима»), И.А. Покровский («История римского права»). Л.Б. Дорн провел специальное исследование, в котором подробно рассмотрены природа и определение узуфрукта в римском праве, права и обязанности узуфруктуария и собственника вещи [7].

Приведенный обзор работ российских ученых дореволюционного периода свидетельствует о том, что узуфрукт (пользовладение) исследовался и в общих курсах гражданского права, и в монографиях, и в отдельных статьях. Степень его разработанности в отечественной юриспруденции соответствовала общему уровню развития юридической мысли в российской науке гражданского права. Итогом научной деятельности в этом направлении можно считать подробное регулирование института пользовладения в проекте Гражданского уложения (разрабатывался в период с 1882 года по 1905 год), в котором пользовладению была посвящена глава четвертая раздела четвертого книги третьей (статьи 951–993).

Библиографический список

1. *Анненков К.* Сервитут пользовладения // Журнал гражданского и уголовного права. – 1892. – Кн. 8, октябрь. – 86 с.

2. *Анненков К.* Система русского гражданского права. Т. II. Права вещные. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1895. – 670 с.

3. *Варадинов Н.* Исследования об имущественных или вещественных правах по законам русским: Ст. 1: О праве собственности; Ст. 2: О праве владения; Ст. 3: О праве пользования. – СПб.: В Типографии II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1855. – 500 с.

4. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского права. – М.: Статут, 2003. – 382 с.

5. Гражданское уложение. Кн. 3. Вотчинное право: проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии) / под ред. И.М. Тютрюмова; сост. А.Л. Саатчиан. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 1024 с.

6. Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. II. – М., 2008. – 622 с.

7. *Дорн Л.* Об узуфрукте по римскому праву. Т. 1. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1871. – 509 с.

8. *Кранихфельд А.И.* Начертание российского гражданского права в историческом его развитии. – СПб.: В Типографии III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1843. – 354 с.

9. *Ксенофонтова М.В.* Сервитут пользовладения в русском законодательстве XIX века // Аспирантский вестник Поволжья. – 2009. – № 1–2. – С. 78–81.

10. *Кукольник В.* Российское частное гражданское право. Часть 1. – СПб.: В Типографии Департамента Внешней торговли, 1815. – 368 с.

11. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право: В 2 ч. – М.: Статут, 2003. – 831 с.

12. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. – М.: Статут, 2002. – 800 с.

13. *Синайский В.И.* Русское гражданское право. – М.: Статут, 2002. – 638 с.

14. *Шершеневич Г.Ф.* Наука гражданского права в России. – М.: Статут, 2003. – 250 с.

15. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. Т. 1. – М.: Статут, 2005. – 461 с.

УДК 347.97/99

Смирнова Елена Викторовна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
smirnovaleno4ka@mail.ru,

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ТЕРМИНА «АППАРАТ РАЙОННОГО СУДА»

Статья посвящена анализу действующего законодательства и существующих в юридической литературе представлений об аппарате районного суда, обсуждается проблема его структуры. Изложены признаки аппарата районного суда, которые помогают раскрыть его правовую природу. Дано определение аппарата районного суда через призму понятий «аппарат государства», «аппарат органа государственной власти» и «аппарат суда».

Ключевые слова: *аппарат государства, аппарат органа государственной власти, аппарат суда, аппарат районного суда, обеспечение деятельности районного суда, структура аппарата районного суда.*

В связи с отсутствием в отечественной юридической науке фундаментальных трудов, полностью или частично посвященных исследованию термина «аппарат районного суда», его трактовка остается недостаточно определенной и требует уточнения. Однако прежде чем вести речь об аппарате районного суда, необходимо проанализировать значение однородных ему понятий, таких как «аппарат государства», «аппарат органа государственной власти», «аппарат суда», и затем, обратившись к существующим в юридической науке подходам к законодательству, сформулировать искомое определение.

Слово «аппарат» происходит от латинского «apparatus», что означает «совокупность работников какой-либо организации, учреждения»[10, с. 62]. В теории государства и права отсутствует единый подход к пониманию государственного аппарата. Так, В.А. Четвернин, рассматривая аппарат как «совокупность управленческих должностей или органов управления организацией, делами организации» или как «совокупность лиц, замещающих эти должности (совокупность должностных лиц), и лиц, подчиненных должностным лицам, помогающих должностным лицам, обеспечивающих выполнение функций должностных лиц», делает вывод, что аппарат государства – это «иерархическая организация, осуществляющая государственную власть» [15, с. 565]. А.Б. Венгеров считает, что «аппарат государства – это система государственных органов, взаимосвязанных общими принципами, единством конечной цели и взаимодействием, наделенных властными полномочиями, а также располагающих материально-техническими возможностями для осуществления своих функций» [6, с. 95]. Под аппаратом государства также понимают «систему органов государства, с помощью которых осуществляется государственная власть, выполняются основные функции, достигаются стоящие перед государством на различных этапах его развития цели и задачи» [12, с. 113].

Некоторые исследователи придерживаются точки зрения, согласно которой аппарат государства – это составная часть механизма государства, представляющая собой совокупность государственных органов, наделенных властными полномочиями для реализации государственной власти [11, с. 70; 17, с. 94; 18, с. 16]. Помимо государственного аппарата в механизм государства теоретики права включают и другие структурные компоненты, такие как государственные учреждения, государственные предприятия, государственные организации, государственных служащих и организационные, финансовые средства, необходимые для обеспечения деятельности аппарата государства [11, с. 70; 12, с. 52; 13, с. 201]. Механизм государства иногда отождествляется с его аппаратом. Так, Т.В. Кашанина пишет, что «государственный аппарат (механизм государства) – это иерархическая система государственных органов, осуществляющих практическую работу по реализации функций государства [10, с. 37].

В связи с тем что основные структурные компоненты аппарата государства авторами именуются по-разному: «орган государства, с помощью которого осуществляется государственная власть», «орган государственной власти» или «государственный орган», – возникает вопрос об их соотношении [7, с. 19–20]. Для разрешения спорной ситуации необходимо обратиться к позиции Конституционного Суда Российской Федерации [6], в соответствии с которой следует разли-

© Смирнова Е.В., 2011

чать органы государственной власти и государственные органы, не обладающие статусом органов государственной власти. И те, и другие охватываются общим понятием «орган государства».

Представляется возможным определить аппарат государства как основанную на единых принципах организации систему органов государственной власти и государственных органов, не обладающих статусом органов государственной власти, посредством которых реализуются функции государства и достигаются стоящие перед ним цели.

Независимо от того, насколько широко в юридической литературе понимается аппарат государства, его первичным элементом, структурно обособленным звеном выступает орган государственной власти, который создается государством в целях осуществления строго определенного вида государственной деятельности, для чего наделяется соответствующей компетенцией и государственно-властными полномочиями.

В теории государства и права раскрытию термина аппарат органа государственной власти не уделяется достаточного внимания и, как правило, рассматривается сущность самого органа государственной власти, а не его аппарата. Для уяснения значения данного понятия представляется возможным обратиться к имеющему место в литературе определению аппарата организации. В.А. Четвернин пишет, что «аппарат организации – это тоже организация, или организация в узком смысле, управляющая организация в более широкой иерархической организации – это организация, управляющая общими делами более широкого объединения людей, нежели те, кто служит в аппарате» [15, с. 565]. В приведенной трактовке понимание термина зависит от того, насколько многочисленна по составу и сложна по организации данная структура.

Аппарат органа государственной власти также можно понимать в нескольких значениях:

во-первых, как государственный орган, образованный для обеспечения деятельности соответствующего органа государственной власти (например, Аппарат Правительства Российской Федерации [3], аппараты исполнительных органов субъектов Федерации [4]);

во-вторых, как структурное подразделение данного органа, скрепленное единством целей, ради достижения которых образовано (например, Аппарат Совета Безопасности Российской Федерации [2]);

в-третьих, как совокупность работников соответствующего органа (например, Аппарат Счетной Палаты Российской Федерации [1]).

В структуре судов судебной системы Российской Федерации как органов государственной власти, основная функция которых заключается в отправлении правосудия, также существуют аппараты.

Впервые термин «аппарат суда» законодатель употребил в ст. 78 Закона РСФСР от 8 июля 1981 г. «О судоустройстве РСФСР», установив, что «в целях обеспечения работы судов по осуществлению правосудия, обобщению судебной практики и иной деятельности в судах действуют аппараты судов».

Статья 32 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» дает общее определение аппарата суда, закрепив, что он «осуществляет обеспечение работы суда и подчиняется председателю соответствующего суда. Работники аппарата суда являются государственными служащими, им присваиваются классные чины и другие специальные звания».

Содержащаяся в ст. 11 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» норма об аппарате Конституционного Суда Российской Федерации устанавливает лишь в общем виде обеспечивающую направленность его деятельности.

Организация и деятельность военных судов, входящих в систему судов общей юрисдикции, регулируется Федеральным конституционным законом от 23.06.1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации». Часть 1 статьи 33 данного Закона расширяет положения Закона о судебной системе, определив направление деятельности аппарата военного суда как обеспечение осуществления правосудия военным судом, обобщение судебной практики, систематизацию законодательства и выполнение других функций. Организационная сторона деятельности аппарата военного суда находит закрепление в ч. 2 ст. 33 Закона, где определяется, что аппарат военного суда возглавляется его руководителем, который осуществляет свои полномочия под контролем председателя военного суда. Законом также устанавливается порядок определения структуры и штатной

численности аппарата военного суда и регламентируется статус его работников как федеральных государственных гражданских служащих.

Подобные положения нашли отражение в ст. 9 Федерального закона от 17.12.1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации».

Что касается аппарата арбитражного суда, то содержащиеся в ст. 45 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» нормы более детально определяют структуру аппарата и конкретизируют направления его деятельности.

Названным законом предусмотрено введение в арбитражных судах должности администратора, который является руководителем аппарата соответствующего суда. На администратора возлагаются достаточно широкие организационные полномочия, которые укрепляют его положение как управленца.

Организационным обеспечением деятельности арбитражных судов занимается Высший Арбитражный Суд Российской Федерации и аппараты соответствующих арбитражных судов, возглавляемые администраторами, в отличие от судов общей юрисдикции (за исключением Верховного Суда Российской Федерации), для организационного обеспечения которых специально создан Судебный департамент при Верховном Суде РФ с управлениями (отделами) в субъектах Федерации.

Выбор существующей в современной России модели организационного обеспечения деятельности судов общей юрисдикции объясняется тем, что выполнение указанных полномочий Министерством юстиции Российской Федерации привело к тому, что суды попали в еще большую зависимость от органов исполнительной власти, а также обусловлено их многочисленностью и широкой компетенцией.

Несмотря на принципиально разные подходы к организации деятельности данных судов, в целом, определение сущности аппарата арбитражного суда так же, как и аппарата суда общей юрисдикции, сводится к обозначению его функции – обеспечению судебной деятельности, и к включению в его состав работников.

Организация и деятельность аппарата районного суда как суда общей юрисдикции до недавнего времени регулировалась нормами Закона РСФСР о судоустройстве в части, не противоречащей действующему в Российской Федерации законодательству. Принятый 7 февраля 2011 года Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (далее – Закон) в ч. 1 ст. 38 устанавливает, что организационное обеспечение деятельности федерального суда общей юрисдикции по осуществлению правосудия осуществляет аппарат этого суда.

До принятия нового Закона в юридической литературе являлась распространенной точка зрения о включении в аппарат районного суда работников – государственных гражданских служащих [8, с. 67; 14, с. 88], поскольку именно о них шла речь в Законе РСФСР о судоустройстве. Часть 6 статьи 38 нового Закона регламентирует принципиально новый подход к составу аппарата федерального суда общей юрисдикции, соответственно, и аппарата районного суда. Помимо федеральных государственных гражданских служащих, замещающих должности федеральной государственной гражданской службы, в него включаются работники, которые замещают должности, не являющиеся должностями федеральной государственной гражданской службы. При этом отмечается, что права и обязанности последних устанавливаются трудовым законодательством.

В связи с вышеизложенным, структуру аппарат районного суда можно рассматривать, как минимум, в двух значениях:

в узком смысле – как совокупность государственных гражданских служащих, осуществляющих обеспечение деятельности суда;

в широком смысле – как совокупность федеральных государственных гражданских служащих, замещающих должности федеральной государственной гражданской службы, осуществляющих обеспечение работы суда, и работников, которые замещают должности, не являющиеся должностями федеральной государственной гражданской службы.

Представляется, что структуру аппарата районного суда следует представить как совокупность государственных гражданских служащих, так как именно для них характерно осуществление должностных полномочий в тесном взаимодействии друг с другом. Единые цели и задачи, стоящие перед государственными гражданскими служащими, и общие принципы организации и деятельности аппарата районного суда гарантируют постоянное и непрерывное выполнение функции аппарата районного суда по обеспечению судебной деятельности.

Принципы организации и деятельности аппарата районного суда – это основополагающие начала и руководящие идеи, которыми должны руководствоваться работники аппарата районного суда в процессе своей профессиональной деятельности. Они определяют правовое содержание, практическую организацию и реальное функционирование аппарата суда, характер взаимоотношений его работников. Принципы организации и деятельности аппарата районного суда находят отражение в Конституции Российской Федерации, Федеральном конституционном законе «О судебной системе в Российской Федерации», Федеральном конституционном законе «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», Федеральном законе от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», Федеральном законе от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и в других нормативных правовых актах.

Таким образом, термин «аппарат районного суда» можно определить как совокупность работников районного суда – государственных гражданских служащих, осуществляющих свои полномочия на основе общих принципов организации и функционирования районного суда в целях обеспечения его деятельности.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 11.01.1995 № 4-ФЗ «О Счетной Палате Российской Федерации» // Российская газета. – 14.01.1995. – № 9–10.

2. Указ Президента РФ от 07.06.2004 № 726 «Об утверждении положения о Совете безопасности Российской Федерации и аппарате Совета Безопасности Российской Федерации, а также об изменении и признании утратившими силу отдельных актов Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 14.06.2004. – № 24. – Ст. 2392.

3. Постановление Правительства РФ от 01.06.2004 № 260 «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 07.06.2004. – № 23. – Ст. 2313.

4. Устав Пермского края от 27.04.2007 № 32-ПК // Российская газета. – 04.05.2007. – № 94.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 1997 г. № 55-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности Указа Президента РФ от 2 октября 1996 г. № 1412 «Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1997. – № 22. – Ст. 2664.

6. *Венгеров А.Б.* Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.

7. *Вожова Е.М.* Органы государственной власти как субъекты права // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 7. – С. 17–25.

8. *Гуценко К.Ф., Ковалев М.А.* Правоохранительные органы / под общ. ред. К. Ф. Гуценко: Учебник для юридических вузов и факультетов. 5-е изд, перераб. и доп. – М.: Изд-во «Зерцало», 2000. – 400 с.

9. *Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В.* Новый словарь иностранных слов: 25000 слов и словосочетаний. – 2-е изд-е, стер. – М.: ООО Издательский центр «Азбуковник». – 2006. – 784 с.

10. *Кашанина Т.В., Кашанин А.В.* Основы российского права. Учебник для вузов. – М.: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – 624 с.

11. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 1997. – 416 с.

12. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. – М., 2000. – 309 с.

13. Общая теория права и государства: Учебник / под ред. В.В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – 520 с.

14. Правоохранительные органы: Учебник / под общ. ред. Н.А. Петухова и Г.И. Загорского. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2006. – 576 с.

15. Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2004. – 832 с.

16. Теория государства и права: Учебник для вузов / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2004. – 800 с.

17. *Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю.* Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М., 1997. – 526 с.

18. Юридический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – М.: Институт новой экономики, 2007. – 1152 с.

ЭКОНОМИКА

УДК 330.111.64

Бабаев Бронислав Дмитриевич,
Николаева Елена Евгеньевна
Ивановский государственный университет
politeconom@rambler.ru

О РАСШИРИТЕЛЬНОЙ ТРАКТОВКЕ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются распределительные отношения, деформация которых в условиях современной экономики России оказывает негативное влияние на ее социально-экономическое развитие. Авторы выдвигают идею идеальных пропорций, обеспечиваемых соответствующими «финансовыми» фондами, и увязывают ее с проблемой корректирующей роли рынка.

Ключевые слова: *распределительные отношения, внутрипроизводственные пропорции, общественно нормальный уровень пропорций, образование фондов, корректирующая роль рынка.*

Многие исследователи (Д.С. Львов, П.Г. Игнатовский, С.С. Губанов и др.), с которыми солидаризируются авторы этой статьи, с достаточным основанием утверждают, что в современной России в ходе непродуманного и стихийного реформирования экономики произошла резкая деформация распределительных отношений. В этом случае в центре внимания оказывается вопрос о дифференциации населения по имуществу и доходам, который в нашей стране явно избыточен и сопровождается многообразными искажениями и деформациями. Такой подход в литературе достаточно широко и обстоятельно представлен. Существует масса статей, сборников трудов, монографий, раскрывающих эту тему. Все сходятся на том, что деформация распределительных отношений с точки зрения разделения имущества и доходов – это наиболее глубокая причина несовершенства нашего общества и существующего в нем раскола. Мы эту тему не затрагиваем, считая, что она достаточно исследована.

Есть другой подход к пониманию как содержания распределительных отношений, так и определения их места и роли в системе общественного воспроизводства. В связи с этим мы обращаемся к работе К. Маркса «Экономические рукописи 1857–1859 годов» [2, с. 33]. Маркс указывает, что наряду с распределением результатов труда, как бы отстоящим от непосредственного производства, необходимо выделять условия и предпосылки производства, которые составляют его сегмент. В этом случае производство как стадия получает расширительную трактовку, поскольку в собственно производство как непосредственный процесс создания продукции включен распределительный момент, трактуемый как условия и предпосылки производства. Вместе с тем у Маркса есть и другие формулировки, согласно которым непосредственно процессу производства «предшествует распределение факторов производства». Мы полагаем, что при кажущемся внешнем противоречии вряд ли следует эти два определения противопоставлять друг другу. Введение понятия «факторы производства» в сам процесс производства и воспроизводства уже предполагает, что производство как процесс трактуется расширительно. На этот момент обращали внимание различные исследователи, включая экономистов-математиков (А.И. Ноткин, П.Н. Федоренко и др.). Этот аспект мы также не будем затрагивать, но будем учитывать, что такой подход существует.

Наша постановка вопроса носит иной характер, хотя и идет все в том же воспроизводственном русле. Мы выделяем ***внутрипроизводственные пропорции***, формирование которых идет на основе ***фондообразования***. Проще излагать эту тему, беря за основу производственное предприятие (микроуровень экономики), но имея вместе с тем в виду тот факт, что установленное для предприятия верно и для национальной экономики в целом (макроуровень). Это предполагает, что производственное предприятие рассматривается как элементарная ячейка общественного производства и воспроизводства (мы вычленяем реальный сектор экономики).

Мы ограничиваем свое суждение выделением понятных и известных фондов, имеющих вос-

© Бабаев Б.Д., Николаева Е.Е., 2011

производственный характер, – фонд амортизации, фонд оборотных материальных средств, фонд оплаты труда в его расширительном толковании, прибавочный продукт. Эти фонды выполняют определенные функции, вследствие чего мы говорим об их ***функциональном назначении***. Это еще одно ключевое слово в нашем суждении. Сами внутрипроизводственные пропорции и стоящие за ними фонды мы рассматриваем в ***учетно-нормативном ключе***, учитывая, что они формируются не произвольно, а имеют объективную основу[1].

Следующий шаг в рассуждениях состоит в том, что мы, опираясь на предыдущий тезис, считаем, что эти пропорции должны иметь некий ***общественно нормальный уровень*** (в реальной жизни пропорции на производственных предприятиях индивидуальны, но имеют тяготение к общественно необходимому уровню, поскольку к этому уровню тяготеют характеристики применяемой техники используемых технологий, затраты оборотных материальных средств, качество и иные характеристики применяемой рабочей силы и др.)[2].

Этот уровень применительно к технике, технологиям, организации труда, системам управления, используемым на предприятии, определяется самими условиями производства (мы здесь используем известное исследовательское положение «при прочих равных условиях»).

Каков общий экономический смысл в наших рассуждениях, в выделении нами производственного аспекта в распределительных отношениях?

Во-первых, само понимание воспроизводственной цепи предполагает уточнение взаимодействий между отдельными составляющими, в данном случае между производством и распределением. Практически мы формируем модель процесса производства, вбирающую в себя с «левой стороны» условия и предпосылки производства, его факторы (по Марксу), «с правой стороны» – внутрипроизводственные пропорции и фондообразование (наша трактовка). В итоге предлагается новая расширительная трактовка самого производства с учетом двусторонности распределения. Это приводит к тому, что расширяется круг проблем, подлежащих исследованию, что само по себе позитивно, исследователь получает возможность более глубоко проникнуть в само производство (мы опираемся на материальное производство, поскольку именно на его основе проще решить тот круг задач, которые мы ставим перед собой).

Во-вторых, если при рассмотрении условий и предпосылок мы предопределяем характер производства, вид экономической деятельности, то при рассмотрении внутрипроизводственных пропорций и фондообразования мы структурируем процесс производства и указываем на потенциальные источники развития самого производства (фонд амортизации, фонд оплаты труда и пр.).

В-третьих, мы предлагаем на рассмотрение общественности суждение о возможности и целесообразности трактовки внутрипроизводственных процессов и адекватных им «финансовых» фондов в качестве механизма распределения в рамках производства. Напомним, что мы исходим из того, что наши суждения относительно распределительных отношений, сформулированные на базе абстрактного производственного предприятия, верны в целом для национальной экономики. Через категорию механизма распределения мы выходим на уровень экономического закона. Мы формулируем **экономический закон формирования объективно складывающихся экономических пропорций** (уровень предприятия и уровень национальной экономики) под влиянием уровня развития техники и технологии, структуры и качества совокупной рабочей силы, вида и характера производимой продукции, реализуемых предприятием целей, зависящих в решающей степени от формы собственности. Следует говорить об «эталонном» значении экономического закона, соблюдение требований которого есть предпосылка нормального хода воспроизводства. Возникают идеальные пропорции, обусловленные требованиями экономического закона (экономических законов), и реальные пропорции, которые могут либо приближаться к идеальным, либо заметно от них отклоняться.

В-четвертых, сам переход от идеальных пропорций к реальным будет означать учет (таково наше суждение) ***корректирующей роли рынка***. Суть разрабатываемой нами концепции как раз и состоит в том, что мы выдвигаем идею идеальных пропорций, обеспечиваемых соответствующими «финансовыми» фондами, рассматриваемыми в рамках сугубо производственных отношений, и увязываем ее с проблемой корректирующей роли рынка. Такой подход, на наш взгляд, чрезвычайно актуален для России. Ведь, исходя

из действия объективных экономических законов, пропорции должны складываться определенным образом, например, заработная плата должна быть достаточна для того, чтобы выполнять и воспроизводственную, и стимулирующую функции. А на деле возникают многообразные деформации. Так, та же зарплата для многих работающих больше напоминает социальное пособие (об этом много пишут Н.М. Римашевская, Л.С. Ржаницына, Ю.П. Кокин, Р.А. Яковлев и др., авторы этой статьи [см.: 1]). В нашей действительности много примеров, которые наглядно показывают, что деформация распределительных отношений выступает в качестве одного из наиболее значимых факторов сложностей и трудностей хозяйственной жизни. Причем круг таких вопросов «деформационного характера» чрезвычайно широк, начиная от заработной платы и цен на жилье и заканчивая структурными диспропорциями и деформациями в экспортно-импортных отношениях.

Вторая часть нашей статьи – это обращение к теме корректирующей роли рынка, что естественно и никаких дополнительных вопросов не вызывает.

Разрабатывая какую-либо проблематику, мы всегда обращаемся к истории экономической мысли в поисках аналогичных ситуаций. Маркс в первом томе «Капитала» дал определение общественно необходимых затрат труда в узком смысле слова, что можно трактовать как затраты живого и овеществленного труда на единицу продукта. В третьем томе «Капитала» он дает трактовку этой категории в рамках национальной экономики с учетом функционирующего рынка. Он понятие общественно необходимых затрат распространяет на отрасль народного хозяйства. Соответственно, встает вопрос о соотношении спроса и предложения. Уже действующий рынок признает общественную значимость затраченного в данной отрасли труда. При этом может сложиться ситуация, когда часть произведенного продукта не признается обществом, труд в этой части является бесцельно затраченным. По сути, в данном случае имеет место сведение уже не индивидуального труда к общественно необходимым затратам, а труда отрасли в целом (по нынешней терминологии – «вида экономической деятельности»). Таким образом, Маркса можно считать предтечей той научной темы, которую мы предлагаем вниманию читателя и которая посвящена корректирующей роли рынка.

Необходимость разработки данной темы связана с тем, что на рынок падает функция завершающей оценки индивидуального и общественного труда как с точки зрения затрат, так и с позиции результатов труда. Суть «рыночного признания», то есть корректирующая роль рынка, не может быть обозначена однозначно. Ее следует представить как некий веер.

1. Сведение затрат предприятий, отраслей к «рыночным» общественно необходимым затратам (к равновесной рыночной цене).

2. По сути, рынок вводит такое понятие, как общественно нормальное качество того или иного продукта или услуги. С этой позиции он оценивает деятельность агентов. В этом качестве, к примеру, могут выступать национальные или международные стандарты, а также стихийно складывающие общественные оценки потребителей.

3. Рынок настолько всесилен, тотален и гибок, что ему под силу оценить соответствие структуры производимых товаров и услуг предъявляемому общественному спросу на них.

4. Универсальный рыночный механизм фиксирует, что не нужно обществу, что морально устарело, и в то же время подает сигналы о нужде в новых товарах и услугах (важна роль цены, но не только).

5. Сфера обращения через показатели рыночной эффективности дает ориентировку, куда и в каком объеме направлять инвестиции (это чрезвычайно важный момент, особенно для современной России).

6. Рынок играет выдающуюся роль в регулировании экспортно-импортных отношений, приспосабливая их к нуждам национальной экономики.

7. Определяя роль рынка, мы не можем обойти вопрос о соотношении реального и финансового секторов экономики (на этом примере, равно как и на многих других, несложно показать, что у рынка свои критерии оценки, далеко не всегда совпадающие с теми критериями, которые мы называем народнохозяйственными. На этом покоится наше представление о деформациях в экономике в связи с распределительными отношениями).

Раскрывая суть корректирующей роли рынка посредством выдвижения широкого круга направлений, мы можем затронуть и еще целый ряд аспектов, однако сказанного достаточно, чтобы понять, в чем корень вопроса. Суть дела в том,

что в обобщенном виде корректировке подлежит конечный результат деятельности предприятия, отрасли, экономики, выраженный формулой «издержки/результаты» или «результаты/затраты» (показатели эффективности). В этом есть некоторая урезанность подхода, но такое решение можно признать. В данном случае можно сказать, что «производственная» эффективность сводится к «рыночной» эффективности. Например, предприятия-лидеры в выпуске новой продукции, имея одни производственные результаты, получают другие, рыночные, результаты за счет технологической сверхприбыли.

За счет каких же инструментов, рычагов, механизмов идет корректировка рынком сложившихся внутрипроизводственных пропорций? Основным инструментом, безусловно, является цена (механизм ценообразования с учетом спроса и предложения). Цены оказывают непосредственное воздействие на формирование фондов возмещения затрат – фонд оплаты труда, амортизационный фонд, фонд оборотных средств. В ходе проведения реформ 90-х годов в России инфляция стала первым каналом перераспределения доходов населения и предприятий. Механизм ценообразования предполагает не только многоуровневое формирование цен, но и использование различных скидок, надбавок, штрафных санкций, различных методов расчета (предоплата, оплата при поставке и т.п.).

Другими важными элементами рыночного распределения являются *прибыль* как разница между ценой и издержками производства, выступающая основой формирования фондов предприятий, валового продукта (ВВП, ВРП) по методу добавленной стоимости; *товарно-конкурентный механизм,* предполагающий *конкуренцию, спрос, предложение, эластичность спроса и предложения, полезность товара, мотивы деятельности производителя и покупателя.* Эти рыночные элементы достаточно хорошо разработаны неоклассиками. В условиях открытой экономики возникает и такой элемент рыночного механизма распределения, как *валютный курс.* Инструментарий разнообразен, он развивается, появляются все новые и новые элементы. Мы не исчерпали весь перечень рыночных рычагов.

Искажения цен под влиянием различных факторов (спроса, предложения, конкуренции и др.) ведут к деформациям распределительных отношений и различным социально-экономическим последствиям в экономике и обществе. Так, многократное снижение платежеспособного спроса в условиях гиперинфляции 90-х годов привело, по выражению С.М. Уланова, к «выдавливанию» из цен затрат воспроизводственного характера: из цен на нефть – на геологоразведку; из цен на зерно – на обновление парка тракторов и комбайнов; из цен на все товары – на обеспечение необходимого уровня квалификации рабочей силы и в известной мере даже на ее физическое воспроизводство [3, с. 11–12]. А это привело к банкротству многих предприятий материального производства, резкой дифференциации производителей, а следовательно, и зарплат работников предприятий разных отраслей и регионов, сильной зависимости предприятий от конъюнктуры на мировых рынках сырья, старению основных фондов из-за отсутствия инвестиций в отрасли реального сектора, дефицитам бюджетов всех уровней и др.

Субъекты должны по возможности заблаговременно учитывать рыночные изменения, текущие и перспективные требования рынка в ходе производственного процесса (действие механизма обратных связей). Таким образом, если определены пропорции, фонды воспроизводственного плана внутри предприятия, региона, народного хозяйства, зафиксирована корректирующая роль рынка с обратной связью, то распределение можно трактовать расширительно как распределительно-обменные отношения.

Примечания

[1] Можно провести аналогию (любая аналогия относительна) с функцией денег как меры стоимости, которую, как говорит Маркс, они выполняют идеально, ибо не обязательно иметь в кармане определенное количество денежных знаков, чтобы сказать, что эта вещь имеет такую цену. Процесс ценообразования носит объективный характер. Цены (при прочих равных условиях) формируются на основе стоимости как затрат живого и овеществленного труда. В последующем, естественно, ставится вопрос об отклонении цен от стоимости под влиянием различных факторов, что сами рассуждения заметно приближает к реальной действительности.

[2] Маркс был одним из первых экономистов, который в своих исследованиях использовал понятие общественно необходимого уровня затрат

труда на производство товара. Это понятие, которое может быть использовано и применительно к другим объектам, а не только к затратам труда, естественно связано с идеей равновесности рынка. Уже в советское время термин «общественное необходимое» стал применяться к другим объектам исследования, например, к качеству продукции, уровню техники и пр.

Библиографический список

1. *Бабаев Б.Д., Перевалова Т.Ю., Николаева Е.Е.* Заработная плата (очерки теории). – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1999. – 200 с.

2. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала») // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 46. – Ч. 1.

3. Стратегия экономического развития России. По материалам общероссийской дискуссии, проведенной Комитетом Государственной Думы по экономической политике и предпринимательству, Отделением экономики РАН, Российским торгово-экономическим союзом и «Российским экономическим журналом». Доклады на расширенных заседаниях Комитета Государственной Думы по экономической политике и предпринимательству // Рос. экон. журн. – 2000. – № 7. – С. 3–48.

УДК 332.14

Березиков Сергей Александрович
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (г. Апатиты)
bsa@iep.kolasc.net.ru
Цукерман Вячеслав Александрович
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (г. Апатиты)
tsukerman@iep.kolasc.net.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ – ПУТЬ К ПОВЫШЕНИЮ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНОВ

В статье анализируются возможности повышения конкурентоспособности регионов за счет диверсификации технологической структуры региональной экономики.

Ключевые слова: *технологическая структура экономики, конкурентоспособность, регион, региональная экономика.*

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года отмечается, что одним из основных долговременных системных вызовов, стоящих перед российской экономикой в середине текущего десятилетия, является «усиление глобальной конкуренции, охватывающей не только традиционные рынки товаров, капиталов, технологий и рабочей силы, но и системы национального управления, поддержки инноваций, развития человеческого потенциала» [4]. Необходимо отметить, что, по мнению экспертов, в новом международном разделении труда важнейшими источниками конкурентоспособности станут технологические возможности и технологическая инфраструктура, доступ к знанию и высококвалифицированный человеческий капитал [2]. При этом дальнейшее развитие глобальной конкуренции дополнится усилением геополитического соперничества за контроль над невозобновляемыми природными ресурсами.

Очевидно, что существует объективная необходимость повышения конкурентоспособности экономики России в целом и отдельных регионов. В то же время, несмотря на ускорение технологического прогресса и ужесточение условий конкуренции между регионами, по мнению экспертов, методология исследования конкурентоспособности регионов в настоящее время не сформирована [5]. В частности, В.В. Окрепилов [3] указывает на тот факт, что «до сих пор термин “конкурентоспособность” не стандартизирован, хотя приняты на международном уровне стандартизированные термины и определения в области метрологии, управления качеством, подтверждения соответствия и др.». В этих условиях становится очевидной необходимость уточнения сущности понятия «конкурентоспособность региона», а также совершенствования методических подходов к ее исследованию.

Формирование технологической структуры исторически обусловлено процессом разделения труда на основе разделения функций на основные

© Березиков С.А., Цукерман В.А., 2011

и вспомогательные, и в дальнейшем, приобретая более широкие масштабы, – вплоть до возникновения транснациональных корпораций. Ее развитие зависит от региональной специфики и происходит в соответствии с появлением базисных инноваций в сфере материального производства.

Сформированная во времена существования СССР технологическая структура экономики большинства регионов Севера характеризуется сосредоточением производственного потенциала на начальных стадиях цикла: в добывающей и перерабатывающей промышленности. Стоит отметить, что экономические связи отдельных секторов и стадий единого технологического цикла, существовавшие прежде, в настоящее время нарушены, что осложняет нормальное функционирование ряда отраслей и предприятий [7, с. 1].

Исчезновение действовавших в плановой экономике институтов, обеспечивавших приемлемый уровень бюджетной, финансовой, производственной, социальной стабильности, отрицательно повлияло на экономику северных регионов, в которых промышленность изначально организовывалась в форме территориально-производственных комплексов, а не отдельных предприятий [6]. В работе [1] показано, что существующая структура экономики не отвечает требованиям устойчивого развития и не способствует сохранению текущего уровня региональной конкурентоспособности, не говоря уже о его повышении.

Региональная конкурентоспособность есть «способность региона в условиях свободной конкуренции производить товары и услуги, удовлетворяющие требованиям рынка, реализация которых увеличивает благосостояние региона, страны и отдельных ее граждан» [8].

Для повышения конкурентоспособности экономики регионов Севера требуется реформирование технологической структуры их экономик с концентрацией основных производственных мощностей на срединных и завершающих стадиях технологического цикла: в перерабатывающей и обрабатывающей промышленности, сфере услуг, производстве конечной продукции, включая товары народного потребления. Подобные изменения в структуре экономики не только соответствуют требованиям устойчивого развития, но и обеспечивают значительное повышение конкурентоспособности экономики регионов, за счет формирования более прибыльной и эффективной системы организации экономики.

Для Мурманской области характерна деформация технологической структуры промышленности – наличие старых (традиционных) отраслей, соответствующих третьему технологическому укладу, и новых, порожденных пятым технологическим укладом. Этим определяются общая направленность, приоритеты и ориентиры структурных преобразований, соответствующих технико-экономической парадигме модели устойчивого развития. Приоритеты региональной технологической политики должны обеспечить минимизацию экологической нагрузки за счет снижения материалоемкости производства и трансформации технологической структуры экономики, то есть максимизацию суммарной полезности внешнеторгового обмена области при минимизации экологического ущерба. Реализации этой политики будет способствовать наличие значительного научного потенциала области.

По мнению авторов, основу стратегии повышения конкурентоспособности в регионах Севера должны составить следующие принципы:

1. Полное и комплексное использование добываемого минерального сырья. Наиболее целесообразной, как с экономической, так и с экологической точки зрения, формой организации общественного производства являются не отдельные узкоспециализированные предприятия, а полиморфные структуры, объединяющие на различных принципах производства различной отраслевой принадлежности. Сосредоточение в низовом звене многоотраслевых структур будет способствовать комплексному и более глубокому освоению природных ресурсов, повысит эффективность их использования.

2. Вовлечение в хозяйственный оборот техногенных месторождений. На горнодобывающих и перерабатывающих предприятиях ежегодно образуются сотни миллионов тонн промышленных отходов. Увеличение масштабов переработки отходов позволит, помимо облегчения решения проблем ресурсного обеспечения, снизить экологическую нагрузку на окружающую среду.

Реализация указанных принципов объективно вызовет «цепную реакцию»: повышение спроса со стороны ГПК на новые технологии – увеличение исследований – повышение степени инновационности экономики.

Наибольшее внимание в процессе отраслевой реструктуризации должно уделяться государственной поддержке дальнейшего развития науч-

но-технической инфраструктуры северных регионов. Осуществление территориального протекционизма процессов в цепочке «наука – производство» не представляется возможным без создания сети «полюсов» роста. Стимулирование развития кооперации науки и производства является одним из основных направлений региональной технологической политики. Ускорению развития высокотехнологичных отраслей должна способствовать разработка региональных и муниципальных программ становления инфраструктуры, обслуживающей инновационный процесс.

Невозможность проведения единой технологической политики для всех сфер хозяйствования и отраслей народного хозяйства должна учитываться при выборе форм и методов управления технологическим развитием региона. Поскольку в настоящее время отсутствуют возможности жесткого государственного регулирования технологического развития экономики, поэтому необходимо использование рыночных механизмов для решения поставленных задач и достижения конечной цели – перехода к новому технологическому укладу.

В процессе разработки и принятия решений по вопросам повышения конкурентоспособности территорий потребуется согласование интересов субъектов различных уровней управления, с этой целью в рамках законодательного акта должен быть сформирован единый понятийный и методический аппарат. Его возможности должны позволить производить оценку конкурентоспособности субъектов рынка, как изолированно друг от друга, так и в системе иерархии уровней управления.

Учитывая высокий уровень неоднородности экономического пространства России, для каждого из ее регионов требуется индивидуальный подход к решению обусловленных его спецификой проблем повышения конкурентоспособности. Однако, по нашему мнению, научное обоснование решения этих проблем должно осуществляться с использованием единого понятийно-методического аппарата.

Библиографический список

1. *Березиков С.А.* Технологическое развитие как фактор перехода к инновационной экономике // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2004. – №2. – С. 31–34.

2. *Кастельс М.* Глобальный капитализм и Россия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.archipelag.ru/geoeconomics/soobshestva/power-identity/capitalism/ (дата обращения 23.05.2011).

3. Развитие российских регионов: новые теоретические и методологические подходы / Институт проблем региональной экономики РАН; отв. ред. Е.Б. Костяновская. – СПб.: Наука, 2006. – С. 315.

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2008 г. №1662-р (в ред. Распоряжения Правительства РФ от 08.08.2009 №1121-р) «О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (доступ из справ.-правовой системы «Консультант-плюс»).

5. *Ушвицкий Л.И., Парахина В.Н.* Конкурентоспособность региона как новая реалия: сущность, методы оценки, современное состояние // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Серия «Экономика». – 2005. – №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://science.ncstu.ru/articles/econom/14/01.pdf (дата обращения 28.02.2011).

6. *Цукерман В.А., Березиков С.А.* Интегрированные структуры в горнопромышленном комплексе и их роль в экономике регионов Севера // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2005. – №9. – С. 53–57.

7. *Цукерман В.А., Березиков С.А.* Технологическое развитие экономики регионов Севера в контексте перехода к устойчивому развитию (на примере Мурманской области) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2006. – №4. – С. 46–50.

8. *Чайникова Л.Н.* Методологические и практические аспекты оценки конкурентоспособности региона: монография. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – С. 5.

УДК 339.923 : 338.45

Голикова Юлия Александровна
кандидат экономических наук
Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов
golikova_ulia@mail.ru

УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ КОРПОРАТИВНЫХ ПРОЕКТОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ И В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

В статье характеризуются потенциал и перспективы развития корпоративного сотрудничества Дальнего Востока России и стран азиатско-тихоокеанского региона (АТР), раскрываются основные перспективные направления налаживания и оптимизации международных деловых контактов, выделяются блоки расширения межкорпоративного сотрудничества с транснациональными корпорациями стран АТР.

Ключевые слова: *азиатско-тихоокеанский регион, вертикально интегрированные конгломераты, кооперация и сотрудничество, корпоративная интеграция, природно-ресурсный потенциал, реализация совместных международных проектов.*

Сибирь и Дальний Восток являются основной пространственной и ресурсной частью современной России. По занимаемой территории Дальневосточный федеральный округ является самым большим в России, в состав которого входят Приморский и Хабаровский края, Республика Саха (Якутия), Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Корякский и Чукотский автономные округа, Еврейская автономная область. Население округа составляет 4,6% от населения России. Кроме того, Дальний Восток можно смело назвать богатейшей кладовой России. Здесь сосредоточено 80% российских запасов алмазов и обеспечивается 100% их добычи, 40% запасов золота – тоже здесь, объем добычи составляет 55% от общероссийского; 92% запасов олова и 100% его добычи; 23% вольфрама и 60% общероссийского объема добычи. Дальневосточный федеральный округ располагает богатыми запасами свинца, железной руды, полиметаллов, некоторыми уникальными видами ископаемых.

Амурская область осуществляет внешнеэкономические связи примерно с 40 странами мира, однако географическое положение области предопределяет развитие и укрепление внешнеэкономических связей именно со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). На территории области успешно реализуется ряд совместных инвестиционных проектов; наибольший объем инвестиций направляется в металлургию, дереводобывающую, деревообрабатывающую и легкую промышленности и торговлю. В области вместе с федеральным законом действует Закон «Об инвестициях в Амурской области», предусматривающий гарантии, налоговые льготы инвесторам в размерах сумм, поступающих в областной бюджет.

Республика Саха (Якутия) располагает огромным потенциалом осуществления совместных экономических проектов. Саха является одним из мировых лидеров по добыче алмазов, в перспективе – лидером по добыче золота, нефти, газа, древесины и мехов в России. Местные власти уделяют особое внимание проблемам привлечения инвестиций, в республике реализуется эффективная стратегия управления, сочетающая государственные инвестиции и контроль основных отраслей, использование природных ресурсов с поддержкой предприятий малого и среднего бизнеса.

Республика Бурятия наделена уникальными природными ресурсами, полезными ископаемыми, целебными источниками. Наиболее развитыми отраслями промышленности являются машиностроение, приборостроение, авиационная, лесная и добывающая промышленности. Несмотря на небольшой опыт ведения экономических отношений со странами АТР, правительство республики предпринимает действия по привлечению иностранных инвесторов в регион. Для реализации высокоэффективных инвестиционных проектов создан Фонд реализации Федеральной Программы социально-экономического развития РБ до 2005 года, залоговый фонд республики. Особые перспективы связываются с возможностью реализации проектов производства товарного кварцита, разработки месторождения металлов, производства лекарственных препаратов по рецептам тибетской медицины, развития туризма.

© Голикова Ю.А., 2011

Читинская область имеет обширные запасы природных ресурсов, включающих богатую минеральную базу и большой потенциал лесных ресурсов. Область осуществляет внешнеэкономические операции с 43 странами мира. Особый интерес для иностранных партнеров представляют черная, цветная металлургия и лесозаготовительная промышленность. Муниципальные власти оказывают значительную поддержку инвестиционной деятельности в области. Приняты Законы «О государственной поддержке инвестиционной деятельности на территории Читинской области», «О стимулировании привлечения иностранных инвестиций в экономику Читинской области».

Еврейская Автономия обладает не менее привлекательным инвестиционным потенциалом, область богата обширными плодородными землями и запасами древесины. На территории ЕАО выявлены и разведаны месторождения более 20 видов полезных ископаемых, в том числе крупные месторождения железа, марганца, олова, золота, графита, магнезитов, цеолитов, имеются целебные минеральные источники. По насыщенности месторождений, рудопроявлений и концентрации полезных ископаемых область является одной из богатейших территорий России.

Основными компонентами природно-ресурсного потенциала Дальнего Востока являются лесной и рыбо-хозяйственный комплексы. На территорию Дальнего Востока и Забайкалья приходится 43% площади лесов и 33% запаса древесины Российской Федерации. Почти все субъекты Дальневосточного региона, кроме Чукотского автономного округа и Магаданской области, обладают лесными ресурсами, значительно превышающими их потребности в лесном сырье. Потенциал и мощности лесной промышленности не только обеспечивают внутренний спрос, но и позволяют отправлять продукцию на экспорт. На долю рыбной отрасли приходится 12,4% объема промышленного производства в Дальневосточном федеральном округе и более 68% – в пищевой промышленности региона. Преимущественными особенностями рыбного хозяйства Дальнего Востока являются: значительность и уникальность водных биологических ресурсов, наилучшие возможности организации их воспроизводства, близость расположения основных районов промысла от портов базирования флота и перерабатывающих предприятий. Однако в 90-е годы разрушение стабильных и налаженных хозяйственных связей, значительный рост цен на энергоносители и материально-технические ресурсы, постоянное увеличение транспортных тарифов и издержек на транспортное обслуживание, взаимные неплатежи и другие причины привели к снижению добычи и, соответственно, к спаду в рыбопромышленном производстве. Выход на внешний рынок не решил проблем отрасли. В настоящий момент из-за отсутствия современного оборудования и новейших технологий рыбная промышленность Дальнего Востока не в состоянии выступать на Азиатско-Тихоокеанском рынке в качестве равноправного партнера; экспортные возможности отрасли часто ограничиваются поставками сырья и мороженых полуфабрикатов по заниженным ценам. Ситуация усугубляется неоправданно жесткой налоговой, кредитной и таможенной политикой, отсутствием доступной государственной поддержки, старением рыбопромыслового флота.

Большие возможности при разумной эксплуатации имеет и рекреационный ресурс. Края и области Дальнего Востока – по большей части территории, не тронутые «грязными» производствами, располагающие уникальными памятниками природы. Особый интерес инвесторов вызывают – теплое море, вулканы, горячие источники, этнографические памятники. Туристические возможности территории презентуют Камчатская область и Корякский автономный округ, Приморский и Хабаровский края, Амурская область. Компании приглашают инвесторов для совместной работы по созданию инфраструктурного комплекса активного отдыха и экологического туризма. Совместное корпоративное сотрудничество в данной области является не просто экономически состоятельным, но и представляет реальные прибыльные перспективы.

Благоприятное географическое положение отдельных регионов Дальнего Востока располагает к развитию интенсивного внешнеэкономического сотрудничества со странами АТР, который должен стать в ближайшие десятилетия одним из ведущих центров мировой экономики. На основе тесных международных корпоративных связей могут быть созданы высокоэффективные предприятия по глубокой переработке сырья и выпуску конкурентоспособной продукции, пользующейся спросом на внешнем рынке. Сейчас важнейшим условием дальнейшего развития

промышленности региона является вовлечение его в широкую межрегиональную и международную промышленную кооперацию. Перспективным видится создание крупных межрегиональных корпораций, а также национальных холдингов или совместных предприятий-комплексов в целях реализации международных проектов и обеспечения социально-экономического развития региона в целом. Сырьевая специфика Дальнего Востока благоприятствует формированию ресурсно-промышленных вертикально интегрированных структур, в состав которых войдут предприятия, обеспечивающие полный технологический цикл – от добычи (заготовки) и переработки сырья по современным технологиям до реализации конечной продукции. Создание вертикально интегрированных конгломератов по принципу максимальной кооперации местных предприятий вокруг проектов по производству «лидирующих» продуктов позволяет компаниям адаптироваться к постоянно меняющимся условиям и обострившейся конкурентной борьбе. Мировой опыт подтверждает целесообразность образования мощных структур холдингового типа. Действительно, создание международных интегрированных корпораций экономически обосновано. Транснациональная интеграция повышает эффективность производства за счет снижения транзакционных издержек, уменьшения косвенного налогообложения; кроме того, объединение предприятий в одну компанию позволяет значительно снизить затраты и оптимизировать распределение прибыли внутри компании. Высокая ликвидность продукции, значительные основные фонды и конкурентоспособность производства являются гарантией того, что иностранные инвесторы рассматривают вертикально интегрированную структуру как надежного партнера, проекты которого можно уверенно финансировать. В свою очередь такие объединенные корпорации способны обеспечить этим инвестициям должную отдачу.

На наш взгляд, основные перспективы эффективного производственного сотрудничества Дальнего Востока России и стран АТР связаны с возможностями реализации совместных производственных и инфраструктурных проектов международного уровня с целью создания региональной экономической и инженерной инфраструктуры. Совокупность перспективных базовых проектов, определяющих концепцию торгово-промышленной стратегии Дальневосточного региона России в АТР, можно условно разделить на следующие блоки.

1. Проекты, направленные на создание производственной и транспортной сети в СВА – нефтегазовые проекты на шельфе Сахалина и Якутии, строительство магистрального нефтепровода с производительностью от Ангарска до Находки с возможным отводом на Дацин, развитие межсистемных и системообразующих линий электропередачи, освоение Эльгинского месторождения каменных углей Южно-Якутского угольного бассейна. Ряд совместных проектов, включенных в Федеральную целевую программу «Модернизация транспортной системы России до 2010 г.», связан с развитием инфраструктуры; среди них программы реконструкции авиационного сообщения, автомобильных дорог, проект ЗАО «Востокинфокосмос» (Хабаровский край) по созданию спутниковой мультисервисной телекоммуникационной сети. Особое внимание уделяется развитию современной системы контроля воздушного пространства, расширению функций действующих аэропортов, развитию системы международных контейнерных перевозок из Восточной Азии в Западную Европу.

2. Проекты ресурсного блока:

2.1. Электроэнергетика – развитие приграничной торговли электроэнергией, проекты создания крупных электроэнергетических мостов.

2.2. Горнорудная промышленность – увеличение объемов использования ресурсов для целей экспорта: отработка нижних горизонтов Фестивального месторождения, освоение Правоурмийского месторождения оловянных руд, строительство экологически чистого Гаринского ГОКа в Амурской области, разработка новых железорудных месторождений в ЕАО, строительство разреза на Ушумунском месторождении, строительство карьера для добычи руды и реконструкция обогатительной фабрики в Приморском крае. Хабаровский край предлагает проекты для развития производства диоксидов циркония, бадделеитовых и цирконо-бадделеитовых концентратов, а также проекты создания совместных производств по развитию угледобычи на базе реконструкции действующей шахты «Ургал».

2.3. Золотодобыча – самыми «дорогими» и привлекательными в этом блоке выглядят проекты развития золотодобычи ЗАО «АЛРОСА» (Республика Саха (Якутия)), Магаданской области, Чукотского автономного округа (на базе СРП).

2.4. Нефтегазодобыча – формирование в районах Дальнего Востока нового центра нефтяной и газовой промышленности на основе ряда месторождений восточных районов: нефти – Талаканское и газа – Чаяндинское, нефтегазодобыча в Еврейской автономной области. Топливно-энергетический комплекс имеет важнейшее значение для развития социально-экономической системы региона. Сейчас на Дальнем Востоке функционирует семь акционерных обществ энергетики и электрификации. Перспективное развитие топливно-энергетического комплекса ДФО опирается на «Энергетическую Стратегию России на период до 2020 года».

2.5. Лесная промышленность – формирование вертикально интегрированных структур в целях комплексной заготовки и глубокой переработки древесины, реализация проектов сортировки экспортного леса.

2.6. Рыбная промышленность – развитие производств рыбопродукции на основе глубокой заморозки, развитие перерабатывающих производств.

Очевидно, что все территории Дальнего Востока обладают огромным потенциалом, но освоение дальневосточных богатств без значительных инвестиций невозможно. Имеющиеся инвестиционные предложения дальневосточников в разной степени готовы к реализации, некоторые явно рассчитаны на отдаленную перспективу, другие – уже сегодня являются реальной основой для успешного развития бизнеса на Дальнем Востоке. Однако большинство проектов не реализуются по причине отсутствия целевых потребителей и, самое главное, инвестиций. Такие крупные проекты не могут быть обеспечены только собственными средствами Дальнего Востока и Российской Федерации, возникает необходимость привлечения иностранных инвестиций. К сожалению, опыт создания компаний со смешанным российско-иностранным капиталом показал, что иностранные фирмы заинтересованы не в передаче российской стороне передовых технологий и новой техники, а в первую очередь – в приобретении сырья. Постоянный недостаток ликвидных активов в российском корпоративном секторе определил специфику межкорпоративного сотрудничества в АТР – его ярко выраженную кредитную направленность. Практика привлечения прямых иностранных инвестиций в ДФО началась вместе со всей Россией еще в 1989 году, с 1998 года начали поступать средства и в виде несвязанных иностранных кредитов, причем объем таких кредитов постоянно возрастает. В сложившихся условиях сохраняющаяся зависимость внешней торговли от экспорта сырьевых ресурсов не только затрудняет экономическое развитие региона, но и создает реальную перспективу окончательно превратиться в «сырьевой придаток». Пока Дальний Восток не в силах полностью отказаться от экспорта сырья, да это совсем и не обязательно. Главное, не попасть в экспортно-сырьевую зависимость. Логично предположить, что в сложившихся условиях основой устойчивой работы промышленности Дальневосточного региона может и должно стать именно развитие сырьевой базы, что, однако, невозможно без ощутимой государственной поддержки. В данной ситуации особо важна позиция федеральных органов власти по отношению к крупным корпорациям, обладающим мощным промышленным потенциалом, способным конкурировать на внешнем рынке с транснациональными корпорациями. Со стороны региональных властей требуется определение приоритетов в области привлечения иностранного капитала. Необходима разработка долгосрочной стратегии, направленной на развитие отраслевой науки, укрепление экспериментальной базы и, соответственно, развитие местного производства и промышленности. Здесь целесообразно придерживаться политики импортозамещения, направленной на всестороннюю поддержку тех отраслей и предприятий, которые позволяют снизить уровень импортной зависимости при условии поддержания конкурентного уровня качества и цены продукции, и в перспективе обеспечить выход продукции краевых предприятий на внешний рынок.

Библиографический список

1. *Ишаев В.И.* Стратегия развития российского дальнего Востока // Вестник Российской Академии Наук. – 2001. – Т. 71. – №11.

2. *Минакир П.А.* Тихоокеанская Россия: вызовы и возможности экономической кооперации // Пространственная экономика. – 2005. – №4.

3. *Митыпов Е.* Восточноазиатская интеграция: плюсы и минусы для России // МЭиМО. – 2004. – №10.

4. *Семенихин Я.* Ручное управление. На дальнем Востоке нужны комплексные проекты развития портовых транспортных узлов // Российская бизнес газета. – 2011. – №786 (4).

5. *Чащихин С.А.* Глобализация в региональном измерении // Российский Дальний восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков: Политика, экономика, безопасность / под общ. ред. М.Ю. Шинковского. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005.

6. *Шинковский М.Ю.* Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков: политика, экономика, безопасность. – Владивосток: Из-во ВГУЭС, 2005.

7. Байкальский форум «Перспективы развития Сибири и Дальнего Востока в XXI веке» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.povestka.ru/shkr/vlad/an/sta3.htm (дата обращения март 2011 г.).

8. Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.assoc.fareast.ru/fe.nsf/ (дата обращения март 2011 г.).

9. Официальный сайт постоянного представительства республики Саха (Якутия) при президенте Российской Федерации. Стенографический отчёт о совещании по социально-экономическому развитию Дальнего Востока и сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sakha.msk.ru/archives/695 (дата обращения март 2011 г.).

УДК 336

Зинчук Юрий Юрьевич
Костромская областная больница
z_uu@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАСЧЁТА В РАБОТЕ ОБЛАСТНОЙ БОЛЬНИЦЫ

Апробированная на практике и подтвердившая свою эффективность методика обеспечивает стабильное финансовое состояние учреждения, его готовность к работе в условиях одноканального финансирования, а следовательно – и способность к оказанию качественной медицинской помощи населению.

Ключевые слова: *оплата труда по конечному результату, ресурсосбережение, эффективность использования финансовых средств, качество медицинской помощи.*

Введение нового хозяйственного механизма в 1989 году происходило в условиях единой государственной системы здравоохранения с финансированием из государственного бюджета. В этот период страна уже приступала к рыночным преобразованиям в экономике, шире стали использоваться экономические методы управления [5]. Введение нового хозяйственного механизма в здравоохранении было связано с хозрасчетом во всех сферах народного хозяйства. Полный хозяйственный расчет, основанный на самоокупаемости и самофинансировании, в здравоохранении был невозможен, так как единственным реальным источником финансирования в 1989 г. оставался государственный бюджет. Однако необходимость повышения эффективности использования ограниченных ресурсов здравоохранения, включения здравоохранения в комплексное реформирование экономики требовали внедрения тех элементов хозрасчета, которые были возможны и необходимы для решения проблем здравоохранения в новых экономических условиях.

Специфическая форма хозяйственного расчета в государственном здравоохранении СССР и получила название «новый хозяйственный механизм» в здравоохранении [4].

Основными направлениями НХМ в здравоохранении стали:

– распределение средств по подушевому нормативу, а не на отрасль и ее службы, учреждения;

– оплата труда с учетом его количества и качества;

– разрешение платных услуг;

– предоставление экономической самостоятельности руководителям учреждений.

НХМ должен был повысить эффективность использования ресурсов и качество медицинской помощи путем интенсификации труда и увеличения заинтересованности работников учреждений здравоохранения в его результатах.

Основным источником финансирования учреждения здравоохранения являлись средства бюджета, выделяемые по долговременным экономическим нормативам, устанавливаемым на 5 лет с распределением по годам. Поликлиникам

 © Зинчук Ю.Ю., 2011

бюджетные средства выделялись по дифференцированным подушевым нормативам, а другим учреждениям поступали как оплата в соответствии с объемом и качеством выполненной работы или по смете расходов. Дополнительные средства зарабатывались коллективом путем оказания сверхнормативных услуг по договорам с различными государственными, кооперативными и общественными предприятиями, учреждениями и организациями, оказания сверхнормативных услуг населению на платной основе, выполнения заказов органов управления.

Основными элементами нового хозяйственного механизма, необходимыми для преобразований, стали ценообразование, взаиморасчеты, контроль качества медицинской помощи, заинтересованность в экономии ресурсов – повышении экономической эффективности.

Но в 90-х годах прошлого столетия начало развиваться медицинское страхование, формировались различные направления и концепции развития здравоохранения. Опыт регионов, работавших в НХМ, был незаслуженно забыт. Однако стационары и амбулаторно-поликлинические учреждения, а также собственно врач по-прежнему испытывают финансовые затруднения, что явилось причиной поиска такой новой системы оплаты труда в лечебно-профилактическом учреждении по достигнутому результату, при котором была бы найдена возможность выплачивать должностной оклад и надбавку за качественное оказание медицинской помощи гражданам [2; 3; 4].

В связи с вышесказанным представляет интерес опыт решения проблемы экономической эффективности лечебного процесса, управления качеством медицинской помощи через внедрение «оплаты труда по конечному результату» в МУЗ «Сходненская городская больница» (СГБ) городского округа Химки Московской области с января 2007 года (Здравоохранение РФ. – №4. – 2009. – С. 3–10; Экономика здравоохранения. – № 2. – 2009. – С. 9–17), который был применён в Костромской областной больнице.

При реорганизации экономических отношений в МУЗ «Сходненская городская больница» ставилась задача ввести принципы хозяйственного расчёта не только в целом для учреждения, но и для отделений в стационаре и работников поликлиники (как участковой службы, так и специалистов).

Кроме этого, был реализован принцип «условного (виртуального) фондодержания» для этого же структурного уровня больницы. Оплата труда сотрудников диагностических, вспомогательных и обслуживающих кабинетов, отделений складывается из фактической суммы перечислений основной группы подразделений за параклинические исследования и процедуры исходя из внутренних цен на эти услуги. Руководители отделений стационаров, участковые терапевты (педиатры) и специалисты поликлиники выступают в роли «условных (виртуальных) фондодержателей». При назначении ими тех или иных диагностических или лечебных процедур в других подразделениях больницы «фондодержатели» «оплачивают» их из своего фонда – из собственных заработанных средств (то есть имеет место реализация принципа «нового хозяйственного механизма» на уровне структурных подразделений учреждения и отдельных специалистов).

В условиях отсутствия экономической самостоятельности государственных и муниципальных ЛПУ невозможно применение ни одной из моделей хозяйственного расчёта, реализованных в НХМ. Использование принципов «хозяйственного расчёта» и «фондодержания» осуществлено через механизм оплаты труда «по конечному результату», обеспечившему достоверную оценку экономической эффективности деятельности конкретных сотрудников, отделений с учётом качества исполнения ими своих обязанностей и привязавшему величину заработной платы к конкретному экономическому результату. При этом показатель интенсивности труда становится в один ряд с другими индикаторами, определяющими эффективность и качество медицинской помощи.

Таким образом, реализован главный принцип хозяйственного расчета: затраты учреждения не превышают объём заработанных средств, потребности отделений и специалистов – их доходы, то есть обеспечивается рентабельность экономики ЛПУ. В этом случае можно говорить об основах экономики учреждения как системы, направленной на эффективное функционирование, достижение рентабельности (безубыточности) лечебно-профилактического учреждения, а не «экономики» – отражающей потребительское отношение к выделяемым финансовым средствам и не обеспечивающей эффективного функционирования структурных подразделений и специалистов ЛПУ.

В данной ситуации значительно возрастает роль заместителя главного врача по медицинской части, заведующих отделениями в контроле

за выполнением стандартов с целью поддержания необходимого уровня обследования и лечения. А также государственных (регионарных) органов управления здравоохранением – в плане создания стандартов, отражающих «золотую середину» между интересами пациентов, нуждающихся в качественной медицинской помощи, и лечебно-профилактическими учреждениями, обременение которых завышенными объёмами исследований может стать для них фатальным.

Принцип «хозяйственного расчета» и «условного фондодержания» в условиях дефицита финансирования лечебно-профилактического учреждения обеспечивает реализацию механизмов «ресурсосбережения», приобретающих всё большую актуальность.

Заработная плата в Костромской областной больнице (головном многопрофильном лечебном учреждении области со стационаром на 701 койку и консультационной поликлиникой) до марта 2010 года, как и в советские времена, исчислялась в «ставках». Свободные (незанятые) ставки разбирались («разрабатывались»), то есть фонд заработной платы учреждения полностью разбирался независимо от результатов труда как конкретного работника, так и учреждения в целом. Кроме того, оплата за интенсивность труда планировалась на квартал вперёд. В такой ситуации говорить об экономии средств, ресурсов учреждения вообще не приходилось. В этих условиях трудно думать о заинтересованности персонала в конечных результатах своего труда.

Такая ситуация является следствием неэффективной «экономики» ЛПУ, отсутствия экономического анализа деятельности отделений и специалистов учреждений, рациональных управленческих решений администрации, основанных на процессном подходе, заинтересованности сотрудников в конечном результате своего труда (то есть качестве медицинской помощи). При этом действия большинства руководителей учреждений здравоохранения сводятся к реализации «концепции выживания» [1]. В то время как в условиях дефицита финансирования ЛПУ, необходимости введения механизмов «ресурсосбережения» руководители учреждений здравоохранения должны занять позицию менеджера [6].

Внедрение системы оплаты труда, ориентированной на конечный результат, была осуществлена в Костромской областной больнице, так же как в МУЗ «Сходненская городская больница», на основе требований 129, 132, 135, 143 статей новой редакции Трудового Кодекса РФ и Положения оплаты труда работников здравоохранения Костромской области.

Для внедрения данной системы оплаты труда потребовалось:

– Проводить учет и контроль доходов и расходов структурных подразделений (отделений) в стационаре и каждого специалиста в поликлинике.

– Осуществить расчёт внутренней стоимости оказываемых услуг.

– Использовать принципы хозяйственного расчёта и фондодержания для отдельных подразделений (отделений) в стационаре и каждого специалиста в поликлинике.

– Объединить коллективы отделений единой задачей, выплачивая общий процент премирования для всех.

– Повысить эффективность использования ресурсов больницы.

– Разделить фонд оплаты труда больницы, состоящий преимущественно из средств ОМС, на три части: основной оклад по занимаемой должности, оплату за интенсивность, качество, высокие результаты труда и её дополнительный объём (% ИНТ) и премиальные выплаты по итогам работы.

Расчет оплаты интенсивности труда для работников поликлиники и отделений стационара стал проводиться по следующей методике:

1. Определение суммы средств, заработанных отделением или специалистом по данным страховых медицинских организаций, отделения статистики, отчетов подразделений и врачей с учетом штрафных санкций за дефекты оказания медицинской помощи.

2. Учет средств на закупку медикаментов, продуктов питания, мягкий инвентарь, оплату работы внешних консультантов.

3. Определение суммы средств, заработанных отделением или врачом.

4. Расчет суммы и исключение из оплаты ЕСН – 26,2% – в 2010 году, 34,2% – в 2011 г.

5. Исключение (из оставшейся суммы) затрат на параклинические процедуры по конкретному числу анализов, сделанных рентгеновских снимков, физиотерапевтических процедур, работу операционных, реанимаций, приёмного отделения и т.д. (через внутреннюю стоимость этих услуг).

6. Исключение из оплаты административно-хозяйственных расходов, премиального фонда, фонда дополнительной заработной платы.

7. Размер оплаты за интенсивность труда определяется полученной суммой за вычетом расчетной основной заработной платы.

Использованная методика расчета оплаты интенсивности труда обеспечивает достоверную оценку экономической эффективности деятельности конкретных сотрудников, отделений с учетом качества исполнения ими своих обязанностей и привязывает заработную плату к конкретному экономическому результату.

Система оплаты труда по конечному результату позволила решать проблему назначения (в том числе дублирования) ненужных анализов, физиотерапевтических процедур и т.д., заставляет действовать специалиста в рамках стандарта и здравого смысла, ответственнее относиться к выполнению своих обязанностей, ведению документации, не допускать дефектов и начисления штрафных санкций.

Оплата труда сотрудников физиотерапевтического и диагностических подразделений складывается из фактической суммы перечислений основной группы подразделений за параклинические исследования и процедуры исходя из внутренних цен на эти услуги. Это привело к оптимизации численности работающего персонала, улучшению качества оказания медицинской помощи, повышению производительности труда.

Внедрение «хозяйственного расчёта» в Костромской областной больнице уже через девять месяцев (с марта до декабря) позволило увеличить количество поступивших средств обязательного медицинского страхования с 12,8 до 19,1 млн. рублей в месяц. Соответственно вырос фонд оплаты труда: с 7,9 до 10,28 млн. рублей. Если разница между доходами и расходами больницы в средствах обязательного медицинского страхования в марте 2010 года составляла **-674155 рублей** (то есть расходы не перекрывались объёмом заработанных средств), то в декабре она уже составляла **+375990 рублей.** Произошел прирост процента выполнения плана-задания с 99,2% до 110,6%, производительности труда сотрудников больницы с **28508 до 42087 рублей** при практически неизменном количестве сотрудников.

При поквартальной оценке доходов и расходов средств обязательного медицинского страхования за 2010 год выявлено, что до введения «оплаты труда по конечному результату» в первом квартале это соотношение было худшим **-7,49 млн. рублей**, в последующем рост доходов (с 35,2 до 55,7 млн. рублей) и значительно меньший прирост расходов (с 42,7 до 46 млн. рублей) позволил в четвертом квартале 2010 года получить положительное соотношение доходов и расходов (**+8,6 млн. рублей).** При этом фактические расходы на заработную плату возросли с 34,8 до 36,3 млн.рублей, на медикаменты – с 4,9 до 6,8 млн.рублей, на питание больных – с 2,69 до 3,56 млн.рублей.

Реформа соответствует интересам сотрудников: средняя заработная плата врачей в 2010 году выросла до 21,6 тыс. руб., а среднего медицинского персонала – до 10,5 тыс. руб.

Увеличение прибыли от приносящей доход деятельности позволило расширить размер социальной помощи сотрудникам (при заболеваниях, несчастных случаях, смерти родственников, тяжелом материальном состоянии и т.д.) с 20 тыс. рублей в 2009 году до 250 тыс. рублей в 2010 году.

Таким образом, внедрение отраслевой системы оплаты труда, ориентированной на конечный результат, в Костромской областной больнице стимулировало:

1. Прирост заработанных средств за счет интенсификации труда, ресурсосбережение, а значит, формирование положительного баланса между доходами и расходами больницы в средствах обязательного медицинского страхования, позволило направить бо́льшие средства для улучшения медикаментозного обеспечения и питания больных.

2. Увеличение фонда оплаты труда, величины заработной платы сотрудников и размеров социальной помощи, оказываемой администрацией.

Статистические показатели работы областной больницы говорят о более эффективном использовании стационарной койки по сравнению с предыдущими 2008 и 2009 годами: при уменьшении количества проведенных больными койко-дней до 237 тыс. имеется увеличение числа пролеченных больных – до 19416, за счет увеличения работы койки – до 334, оборота койки – до 27, уменьшения простоя койки – до 1,2 и средней длительности лечения – до 12,2 дней. Число оперированных больных и хирургическая активность по сравнению с предыдущим годом практически не изменились, при этом увеличилось количество выполненных операций – до 8454.

Увеличение нагрузки на приёме в поликлинике до 97785 посещений произошло в первую очередь за счёт приёма в рамках обязательного медицинского страхования (до 85239 посещений)

и в меньшей степени – ДМС и «платных» больных, соответственно до 2541 и 9822 посещений.

Таким образом, статистические показатели работы Костромской областной больницы в условиях «оплаты труда по конечному результату» подтверждают положительные изменения в организации работы больницы: повысилась эффективность использования стационарной койки, интенсификация труда сотрудников в амбулаторно-поликлиническом звене.

В заключение необходимо сказать следующее.

1. Необходимость реформирования системы оплаты труда, механизмов оценки индивидуального вклада сотрудника в общем результате, организации и стимулирования труда в ЛПУ, адаптации их к современным требованиям товарно-денежных отношений является объективной потребностью здравоохранения.

2. Сохранение уравнительной системы оплаты труда (расчет её в ставках), без оценки и учета конечных результатов, способствует ухудшению качества медицинской помощи, финансовым потерям как для учреждения, так и сотрудников. Реформирование системы оплаты труда соответствует интересам сотрудников, так как обеспечивает их стабильной заработной платой, привязывая её к конкретному трудовому вкладу работника, необходимой социальной помощью.

3. С введением в Костромской областной больнице принципов «хозяйственного расчёта» и «фондодержания», реализованных через механизм «оплаты труда по конечному результату», уже через девять месяцев получен быстрый положительный эффект, проявившийся в повышении производительности труда, росте эффективности использования финансовых средств, улучшении качества медицинского обеспечения населения, повышении заработной платы врачей и медицинских сестер, улучшении статистических показателей учреждения.

4. Данная апробированная на практике и подтвердившая свою эффективность методика обеспечивает стабильное финансовое состояние учреждения, его готовность к работе в условиях одноканального финансирования, а следовательно – и способность к оказанию качественной медицинской помощи населению.

5. Предлагаемая методика, разработанная в рамках действующего законодательства, может быть тиражирована и применена в ЛПУ государственного и муниципального звена здравоохранения.

Библиографический список

1. *Калмыков А.А., Сенченко А.Ю.* «Концепция выживания» как основная форма существования большинства лечебно-профилактических учреждений России // Здравоохранение РФ. – 2005. – № 6. – С. 46–48.

2. *Линденбратен А.Л.* Некоторые организационно-методические аспекты оценки качества медицинской помощи в Российской Федерации. – М., 1997. – С. 63–67.

3. *Линденбратен А.Л., Шипова В.М.* Организационно-экономические аспекты введения обязательного медицинского страхования // Проблемы социальной гигиены и истории медицины. – 1996. – №4. – С. 20–23.

4. Проблемы экономики, финансирования, маркетинга и управления в здравоохранении. Раздел «Формы собственности, новый хозяйственный механизм, предпринимательство в здравоохранении» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: maffia medical.

5. *Стародубов В.И., Дубынина Е.И., Зенков В.Е.* Тенденции развития здравоохранения на регионарном уровне // Регионарная политика в условиях реформирования здравоохранения: Сб. науч. трудов организаторов здравоохранения / Министерство здравоохранения РФ, Департамент здравоохранения правительства Свердловской области и др. – Екатеринбург, 1998. – С. 13–17.

6. *Тихомиров А.В.* Отправные начала идеологии реформирования здравоохранения // Здравоохранение. – 2006. – № 4. – С. 37–42.

7. *Щепин О.П., Стародубов В.И., Линденбратен А.Л., Галанова Г.И.* Методологические основы и механизмы обеспечения качества медицинской помощи. – М.: Медицина, 2002. – 176 с.

УДК 332.146.2

Кондратович Дмитрий Леонидович
кандидат экономических наук
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (г. Апатиты)
k_dim@iep.kolasc.net.ru

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ МОНОГОРОДОВ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА*

В статье рассматриваются социально-экономические аспекты модернизации монопрофильных городов российского Севера. Подчеркивается роль государства в решении проблем модернизации на региональном уровне в контексте технологического развития и ключевых проблем диверсификации бизнеса.

Ключевые слова: *социально-экономическое развитие, монопрофильный город, градообразующее предприятие, модернизация экономики, социологический мониторинг, человеческий потенциал.*

В современной России моногорода являются одним из ключевых элементов экономики северных территорий. Север России характеризуется высокой степенью хозяйственного освоения и развитой производственной и социальной инфраструктурой. Регион обладает значительным природно-ресурсным потенциалом, где основную роль играют минерально-сырьевые и биологические рыбные ресурсы, что определяет промышленную специализацию области, представленную горнопромышленным, металлургическим и рыбопромышленным комплексами.

Возникновение в структуре российской экономики моногородов является определенной закономерностью периода плановой экономики, которая как таковая не может быть однозначно оценена положительно или отрицательно. Это специфичный для России способ адаптации размещения производительных сил к особым климатическим и географическим условиям страны.

Из-за особенностей отраслевой специализации экономики региона, природно-климатических условий малый бизнес на Севере развивается гораздо меньшими темпами, чем в центральных регионах России. В результате социальные последствия любого экономического кризиса (рост безработицы, сокращение продолжительности жизни, падение уровня реальных доходов населения) сказываются на жителях Севера России в большей степени, чем в среднем по стране [1].

В Институте экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН, в Мурманской области в период с 2007 по 2010 гг. исследовалась зависимость населения от градообразующего предприятия в муниципальных образованиях. В результате было установлено, что наблюдаются существенные различия и в оценке людьми собственных доходов: чем более диверсифицирован бизнес в муниципальных образованиях, тем выше проживающее там население оценивает свой социально-экономический статус.

Основная масса «богатых» людей области концентрируется в Мурманске, Кандалакше и Апатитах. Следует также отметить, что наибольший удельный вес «нищих» (около 7% от численности населения в 2010 г.) наблюдается районных центрах области, где сосредоточены градообразующие предприятия.

В период экономического кризиса в стране высвободилось большое количество рабочей силы, что спровоцировало общее снижение уровня заработной платы и сказалось в целом на уровне жизни (рис.1).

Дифференциация доходов жителей различных муниципальных образований Мурманской области определяет различие населения по другим показателям уровня жизни: структуре и характеру расходов, уровню сбережений и потребления продуктов и услуг, качеству питания, жилищной и имущественной обеспеченности, способам проведения свободного времени и т.д. Различия в структуре потребительских расходов населения заключаются в большей доле расходов населения на приобретение продуктов питания (33,0% в структуре потребительских расходов населения в 2010 г.) и доли расходов населения, имеющего возможность помимо продуктов питания приоб-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ №110218009е «Мониторинг экономического положения и социального самочувствия жителей монопрофильных городов Крайнего Севера».

© Кондратович Д.Л., 2011

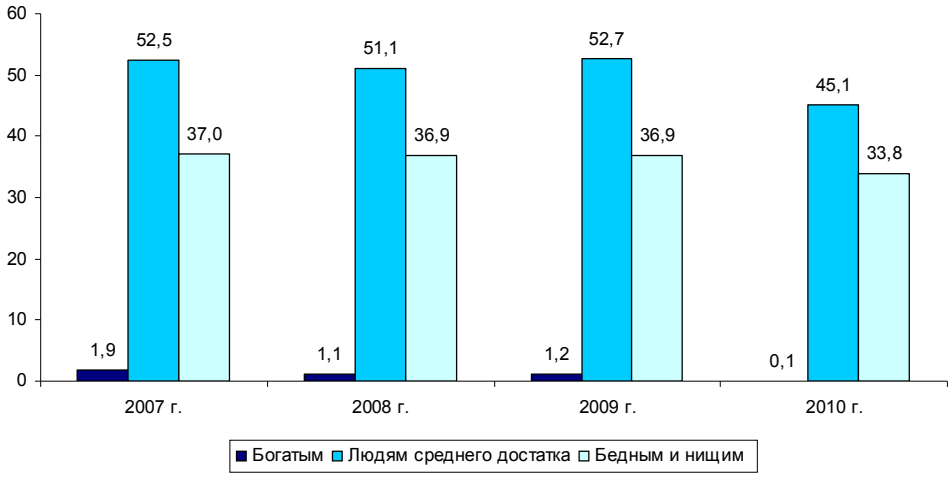


Рис. 1. Социальная дифференциация населения Мурманской области

рести одежду (42,9%). Однако сравнительно большая доля расходов на покупку продуктов у населения не обеспечивает лучшего качества его питания.

Чем сильнее муниципальное образование зависит от градообразующего предприятия, тем больше доля жителей, которые обходятся покупкой только самых необходимых продуктов питания. И, напротив, среди населения Мурманска, Кандалакши и Апатитов чаще встречаются люди, которые могут позволить себе приобретение любых (или почти любых) продуктов. Однако в целом следует констатировать ограниченность возможностей населения области в приобретении продуктов питания [2].

Результаты проведенных исследований в Мурманской области свидетельствуют о неустойчивости и уязвимости муниципальных образований, ориентированных только на градообразующие предприятия.

В настоящее время целью региональной политики в области экономики должно стать создание технологически современной, конкурентоспособной промышленности на базе диверсификации бизнеса в муниципальных образованиях Мурманской области. Развитие различных направлений предпринимательской деятельности послужит основой решения задач оздоровления экономической и социальной обстановки в регионе.

В региональном разрезе общий портрет периферийных сообществ Крайнего Севера определяется тем, какой тип или относительно равномерное сочетание типов доминирует в регионе. Эти вопросы рассматривает известный российский ученый А.Н. Пилясов, разработавший типологию северных периферийных сообществ. А.Н. Пилясов в своей типологии выделяет монофункциональные поселения, на уклад которых оказывает существенное влияние наличие тесной связи между функционированием поселения и градообразующим предприятием, влияющим на все основные аспекты жизни сообщества. К ним относятся монофункциональные поселения, возникшие на основе заводских поселков и фабричных сел, со временем, как правило, сменивших сферу своей специализации, наукограды, ЗАТО (созданные вследствие проводимой оборонной политики СССР), поселения, ставшие монофункциональными в процессе своего развития [3]. Оказывая приоритетную поддержку таким образованиям, государство создает определенные центры новых экономических отношений, инноваций, положительных структурных сдвигов монопрофильных городов. Одновременно с концентрацией ресурсов в этих «центрах развития» необходимо создавать и механизмы распространения, передачи инноваций в экономику регионов.

Позитивные результаты «центров развития» будут способствовать выходу из кризиса монопрофильных территориальных образований страны. Результатом этого мультипликативного процесса должно стать общее повышение уровня развития монопрофильных городов.

Монопрофильный город представляет собой сложную структуру, в которой город и предприятие неразрывны. Как правило, предприятия несут на себе не только экономическую, но и социальную нагрузку, в преобладающей мере обес-

печивая условия жизнедеятельности в населенном пункте. При такой ситуации расходы на содержание социальной инфраструктуры включаются в себестоимость продукции, делая продукцию во многих случаях неконкурентоспособной.

В настоящее время рост, демонстрируемый экономикой Мурманской области в 2010 году, связан с внешними факторами: увеличился спрос на сырье, добываемое на Кольском полуострове, выросли доходы и прибыль у компаний, занятых в этой сфере. Но зависимость от внешней экономической конъюнктуры часто оценивается экспертами как фактор возможной социально-экономической нестабильности в Мурманской области.

Преодолеть ее можно только формируя подушку устойчивости благодаря развитию деятельности малых и средних предприятий. Также стоит не забывать, что главный ресурс монопрофильных городов – не активы градообразующего предприятия, а население. В настоящее время в Российской Федерации нет четко отработанных методик активизации этого ресурса, раскрытия его потенциала. Однако если программы реформирования монопрофильных городов будут запущены без учета необходимости такой активизации людских ресурсов, то с большой степенью вероятности можно прогнозировать распыление ресурсов, точно так же, как если все ресурсы будут выделены на выведение из кризиса только собственно градообразующего предприятия.

Сложность задачи заключается в том, что из-за лежащей на градообразующем предприятии социальной нагрузки не всегда применимы критерии, которые можно использовать для других предприятий. Градообразующее предприятие нельзя рассматривать в отрыве от того населенного пункта, в котором оно расположено, и без учета социально-экономического положения, дальнейших судеб и возможного поведения людей, в нем проживающих. Поэтому, говоря о проблеме реструктуризации такого предприятия, нужно параллельно анализировать возможность реструктуризации и моногорода в целом.

В результате данная задача из чисто экономической превращается в междисциплинарную, требующую решения также социальных, психологических, правовых и даже политических проблем. Это очевидным образом усложняет поиск приемлемых схем и моделей модернизации экономики моногородов. Необходимо понять, в чем причины нестабильной работы предприятий, наметить возможные пути усиления и улучшения эффективности общественного управления, обеспечения условий для финансирования коммунальных и социальных услуг на муниципальном уровне и возможные стратегии преобразования градообразующих предприятий, а также ускорения развития форм экономической активности и альтернативной занятости в монопрофильных городах.

Поэтому представляется очевидной необходимость проведения комплексного исследования социально-экономического положения монопрофильных городов и, прежде всего, посредством социологического мониторинга, позволяющего определить структуру проблемного поля, провести ранжирование проблем и предоставить объективные данные для разработки управленческих решений, способствующих более эффективному развитию монопрофильных городов.

Проведение социологический мониторинга позволяет комплексно оценить потенциал города. Причем оцениваются не только его экономические, но и социальные возможности, которые рассматриваются как взаимозависимые. На основе

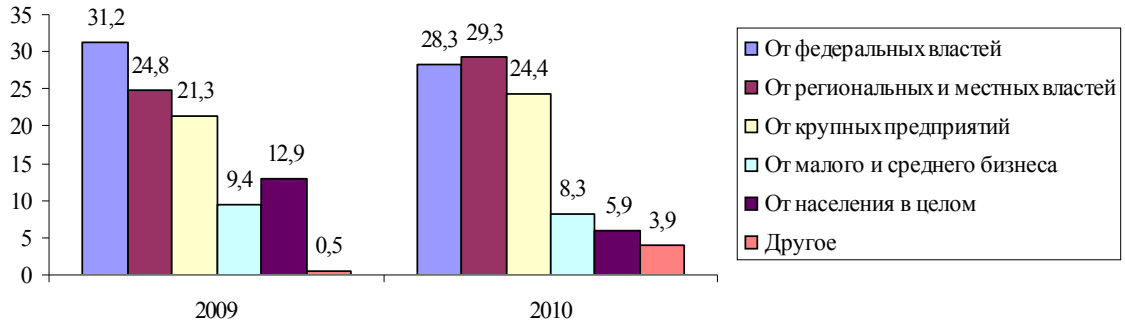


Рис. 2. Факторы, от которых зависит благополучие региона (по мнению жителей моногородов) [4]

этих данных можно выделить два-три наиболее перспективных направления развития города.

В результате анализа социологической информации, полученной в ходе проведения социально-экономического мониторинга моногородов в Мурманской области, мы пришли к выводу о том, что в условиях значительных изменений в промышленности, в политической и социальной сферах, ценностях и ориентирах общества резко меняется пространство эффективного существования градообразующих предприятий.

Оценивая факторы, от которых зависит благополучие монопрофильных городов Мурманской области, мы убедились, что население связывает благополучие региона во многом с развитием малого и среднего бизнеса, а также с самим собой (рис. 2). Тем не менее все еще достаточно высока роль крупных промышленных предприятий, что в целом отражает специфику данных населенных пунктов.

Среди основных направлений развития монопрофильных городов респонденты отмечают, прежде всего, предприятия сферы обслуживания и улучшение качества их работы. Опросы показали явную неудовлетворенность количеством и качеством оказываемых в этой сфере услуг. Кроме того, необходимо увеличивать долю предприятий и организаций малого и среднего бизнеса в структуре ВРП Мурманской области, в особенности – в производственной и инновационной сферах.

Решение проблемы модернизации моногородов неприемлемо и неэффективно в рамках возможностей локальных населенных пунктов, поскольку необходимо не только привлечение государственных ресурсов, но и поиск соразмерных корпоративных ресурсов, способных к инвестированию проектов совместно с градообразующим предприятием. При этом корреляция экономической, социальной, политической обстановки муниципальных образований и планов агломерационной реструктуризации и развития градообразующего предприятия усиливает динамику положительных изменений во всем моногороде.

По определению инновационная модернизация, изменение структуры экономики регионов Крайнего Севера должны охватывать социальные, экономические и институциональные аспекты развития монопрофильных городов. В этом смысле актуально звучит положение из Послания Президента Федеральному собранию РФ от 12 ноября 2009 года: «В XXI веке нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация. И это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии. Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания, новые вещи и технологии, вещи и технологии, полезные людям» [5]. В данном контексте промышленная политика, федеральная и региональная, направленная, в том числе, и на модернизацию моногородов, становится основой системной модернизации российской экономики.

Освоение Севера России, ее арктических территорий требует пересмотра подходов как со стороны государства, так и крупных промышленных предприятий в отношении монопрофильных городов, которые зачастую рассматриваются как колониальные владения, из которых полагается только получать сырьевые ресурсы и налоги, ничего не давая взамен.

Следует также учитывать и активнее перенимать накопленный опыт организации социально-экономической жизни в аналогичных природных условиях соседних Норвегии, Финляндии и Швеции, осваивать управленческую культуру, построенную на уважении мнения большинства.

Модернизация монопрофильных городов предполагает развитие как уже сложившегося экономического потенциала Севера России (горнодобывающая, химическая и нефтехимическая промышленность, металло- и деревообработка, энергетика и теплоснабжение, строительство и т.д.), так и диверсификацию и переориентацию части городов на новые направления в сфере добычи нефти и газа, инвестиционных проектов в сфере высоких технологий, туризма, транспортного комплекса. При этом основные усилия следует сосредоточить в сфере малого и среднего бизнеса. Участвовать в осуществлении масштабных проектов представители малого бизнеса могут на условиях субподряда. Такое взаимодействие муниципальных органов власти, представителей крупных промышленных компаний будет способствовать выведению общего уровня предпринимательства на самые высокие рубежи.

Социально-экономическая модернизация моногородов в первую очередь связана, на наш взгляд, с сохранением и воспроизводством человеческого потенциала. Она понимается нами как долгосрочное качественно определенное направление развития его социальных параметров для создания потенциала будущего.

Таким образом, в обозримом будущем для создания и сохранения положительной динамики социально-экономической модернизации моногородов, в соответствии с требованиями НТП, необходима активная государственная политика в отношении российского Севера. Вместе с тем сохраняется различный подход по ключевым проблемам развития многопрофильных городов, таким как приоритетные направления развития, способы стимулирования этих направлений, механизмы реализации управленческих решений и политика на различных уровнях власти и управления.

Библиографический список

1. *Дидык В.В.* Мурманская область: экономические и социальные процессы в период рыночных преобразований // Север промышленный. – 2008. – № 1–2.

2. *Кондратович Д.Л.* Диверсификация бизнеса в Мурманской области как форма обеспечения устойчивого развития человеческого потенциала // Менеджмент XXI века: стратегии, технологии, человеческие ресурсы: сб. науч. ст. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2009. – С. 185–187.

3. *Пилясов А.Н.* И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 544 с.

4. Отчет Института экономических проблем им Г.П. Лузина КНЦ РАН о проведении научно-исследовательской работы «Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Мурманской области», 2010.

5. Официальный сайт Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.kremlin.ru/transcripts/5979

УДК 130.2+330.16

Кружкова Татьяна Ивановна
кандидат исторических наук
Российский государственный профессионально-педагогический университет» (г. Екатеринбург)
rustale@yandex.ru

Комарова Оксана Викторовна
кандидат экономических наук
Российский государственный профессионально-педагогический университет» (г. Екатеринбург)
okkomarova@yandex.ru

ДЕЛОВОЙ МИР КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В статье рассматриваются деловые связи как значимый элемент общественных отношений, рассматривается категория «делового мира» как социокультурный и социально-экономический феномен; выделяются значимые черты делового мира: традиционность, самобытность, экономическая активность и благотворительность.

Ключевые слова: *деловые связи, деловой мир, предпринимательство, исторические традиции, социокультурный феномен, социально-экономический феномен, экономическая активность.*

Роль предпринимательства в социально-экономическом развитии страны общеизвестна. Однако в современных исследованиях все больше внимания уделяется анализу предпринимательства в краткосрочном периоде: его влияние на текущее производство и занятость, социально-экономическую и политическую устойчивость общества и др. При этом роль неэкономических факторов, во многом определяющих развитие бизнеса и его эффективность, остаются нерассмотренными.

В качестве одного из важных факторов развития предпринимательства является формирование положительного образа предпринимателя, основными чертами которого являются самостоятельность и независимость в бизнесе, творческий характер предпринимательства. Использование данного фактора возможно, если государство стимулирует изменения в общественном сознании, ориентирует его на жизненные интересы и ценности среднего класса, формирует позитивное отношение различных слоев и групп населения к предпринимательской деятельности, причем не только как к источнику доходов с целью удовлетворения потребностей, но и как к возможному жизненному пути.

© Кружкова Т.И., Комарова О.В., 2011

Образ российского предпринимателя является достаточно негативным: российский предприниматель представляется склонным к махинациям и жульничеству, движим в основном жаждой наживы, имеет низкий уровень культуры и т.д. – показал опрос, проведенный в мае 2010 Аналитическим Центром Юрия Левады [1].

Большое значение имеет развитие позитивного самосознания предпринимателей, исходя из принципов социальной ответственности и деловой этики. Представляется, что только в этом случае предприниматели могут образовать самостоятельную социально-активную группу со специфическими общими интересами, способную стать опорой государства и неотъемлемым элементом гражданского общества. Именно поэтому представляется актуальным рассмотрение сущностных черт деловой среды предпринимательства.

Основу деловой среды образуют деловые связи, которые предстают не только как единичные взаимодействия между предпринимательским сообществом и государством, гражданами страны, они образуют устойчивые системы связей. Поэтому, на наш взгляд, следует рассматривать проблему не развития деловых связей, а проблему формирования и развития делового мира. Однако, получив широкое распространение, само понятие «делового мира» не раскрывается.

Целью нашего исследования является рассмотрение делового мира как феномена общественного развития, при этом различные черты делового мира можно выделить на основе различных методологических позиций.

Базис исследования составляет философская концепция делового мира, которая вбирает в себя все аспекты философии хозяйства и общественно-экономического бытия. От понимания целей предпринимательства, способов обретения богатства зависят мотивационные и поведенческие направления хозяйственной деятельности человека.

Определяющим условием понимания делового мира является постижение сущности предпринимателя (делового человека), взятого в единстве и целостности природно-биологических, социокультурных и духовно-нравственных компонентов личности. Так, в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова даются следующие толкования признаков «делового человека» [7]:

– деловитый – толковый, серьезный, предприимчивый;

– деловой – знающий дело, толковый, дельный;

– дельный – серьезный, заслуживающий внимания.

Характеристики представителей делового мира позволяют лишь выявить некоторые черты, присущие такому феномену, как деловой мир.

Главной чертой является сила личности, которая характерна для большинства представителей делового мира. Она не может быть привнесена извне, а приобретается лишь собственными усилиями. Силу личности определяют четыре фактора:

1) жизненная сила, дело всей жизни. Немецкий философ К. Ясперс отмечал – человек есть то, что он есть благодаря делу, которое он сделал своим;

2) самооценка, то есть взвешивание своих сил и способностей;

3) желание преодолевать трудности;

4) нравственные ценности и принципы.

Поведение человека индивидуально, каждый мыслит по-своему, у каждого свое мнение, своя позиция. В то же время нельзя личность рассматривать вне общества. Устройство жизненной среды человека, организация успешных взаимоотношений, форм поведения в тех или иных обстоятельствах – это сущностные проблемы делового мира.

На основе такого подхода можно выделить несколько аспектов анализа делового мира: социокультурный, исторический и социально-экономический.

С точки зрения экономической, деловой мир представляет собой совокупность деловых партнерских отношений, способствующих утверждению деловой репутации предпринимателя и обеспечивающих устойчивость экономической и социальной структуры общества. Важнейшие характеристики делового мира как экономического явления проявляются в экономической активности представителей делового мира, не только предпринимателей, но всех участников деловых отношений.

Деловой мир рассматривается нами как особая система формирования и развития предпринимательских качеств, способов взаимодействия с окружающей социально-экономической средой и связанный с развитием предпринимательства как явления. Значимый аспект понимания делового мира как исторического феномена представлен нами в ряде работ [2–4].

Деловой мир, как социокультурный феномен, выступает как особая культура отношения к делу. Деловому миру присуща деловитость в качестве способности трансформировать знания, умения, личный опыт, нравственную культуру в профессиональный и деловой успех.

В реальности деловой мир представляет собой комплексное воплощение всех обозначенных аспектов. Анализ делового мира невозможен только с помощью описания объективных закономерностей, необходимо обязательно учитывать субъективное личностное начало. Для того чтобы проявлять деловую активность, то есть заниматься экономическим творчеством, человек должен обладать специфическим набором качеств.

Творчество, в том числе в сфере экономики, традиционно рассматривается как процесс индивидуальный. Если бы предпринимательство было простым делом, ни один представитель делового мира не смог бы в течение определенного времени получать прибыль, дающую возможность дальнейшего развития предприятия. Это качество предпринимателя является индивидуальным, и его трудно передать другому лицу.

В западной философской и экономической литературе существует множество различных описаний личностных качеств представителей делового мира. Ж.Б. Сэй отмечал, что деловым людям необходимы здравый ум, знание психологических особенностей личности, умение верно оценить необходимость производимого продукта, обладание талантом управления и т.д. М. Вебер связывал предпринимательский дух с религиозностью.

Значительный анализ личностных качеств представителей делового мира имеется в трудах Й. Шумпетера, который выделяет три основных мотива деловой активности [10, с. 193]. Первый – потребность в господстве, власти, влиянии. Эта цель материализуется в накоплении имущества. Второй – воля к победе, стремление к успеху, достигнутому в борьбе с соперниками и с самим собой. И, наконец, третий важный мотив – это радость творчества, которую представитель делового мира получает от самостоятельного ведения дел. Однако для идеального представителя делового мира достижение больших прибылей не должно являться основной целевой функцией. Это подчеркивает и Ф. Хайек: «Любой предприниматель, которому рынок подсказывает тот или иной конкретный способ увеличения прибыли, может одновременно действовать в собственных интересах и вносить в производство совокупного продукта… вклад больший, чем в любом другом случае, любым из других имеющихся способов» [9, с. 173]. Представители делового мира должны быть готовы, особенно на стадии становления рынка, не к максимальным, а к минимальным прибылям и даже временным (несколько лет) убыткам.

Подобное понимание деловитости выходит далеко за рамки деятельности конкретного слоя людей. Делом можно назвать любой вид деятельности, в котором человек стремится достичь успеха за счет энергии, умения, предприимчивости. Деловой человек – тот, кто серьезно относится к поставленным целям, умело мобилизует усилия для их осуществления, добивается позитивных результатов.

Удовлетворение неразумных, иррациональных потребностей людей, отрицательного или нерационального спроса вряд ли способствует развитию деловой культуры.

Сказанное выше позволяет понимать под культурой делового мира все то, что поднимает, возвышает и развивает человека, формирует в нем подлинно человеческое, расширяет возможности нравственного выбора, достойного самоопределения, раздвигает границы реальной свободы хозяйственного и социального творчества, развивает стремление человека творить добро, формирует волю, способную воспринимать совершенное,и стремиться к совершенству во всех своих проявлениях.

Масштабом личности, глубиной внутреннего духовного мира и творческим созидательным потенциалом определяется и достигается действительная деловитость человека.

В философско-экономических параметрах может быть полнее и глубже представлена и осмыслена сама субстанция делового мира в его предметно-вещном наполнении, духовно-нравственном состоянии и субъективной оценке человека (отдельного представителя делового мира).

Деловой мир как социокультурный феномен на современном этапе развивается на основе традиций. Традиция детерминирует поведение представителей делового мира в том смысле, что они соблюдают определенный, установленный на протяжении длительного времени, доказавший свою жизненность порядок. Этот порядок определяет их особое мироощущение и мировосприятие.

Традиция есть процесс передачи наследства от одних представителей делового мира другим. С этой точки зрения, она выступает универсально-всеобщим основанием сохранения и развития делового мира. Традиции делового мира, рассматриваемые в этом аспекте, предстают перед нами как культурно-историческая целостность.

Традиции есть исторически сложившаяся система социокультурной самоорганизации делового мира. Сохранение опыта, его передача, восприятие и актуализация выступают основными этапами целостности самой традиции как культурно-исторического процесса, как социокультурного коммуникатирования. Социокультурное содержание в деятельности делового мира продолжает определяться и обусловливаться традициями.

Мы согласны с мнением современных историков, философов, занимающихся исследованиями в области традиций, что сегодня «культурные нормы, традиции, образы, хранимые и почитаемые в народной памяти, негативируются, извращаются, перетолковываются» [8, с. 40].

Несмотря на различия в содержании и смыслах конкретных традиций, традиция как обобщающее понятие, как некий философский абстракт предполагает освоение, усвоение и творческую переработку всего того позитивного, что дает всякая иная традиция. Традиционными чертами делового мира являются софийность, соборность, семейственность, артельность, кооперация.

Анализируя деловой мир, как некую особую субкультуру, следует отметить меценатство как организационную деятельность предпринимателя, направленную на развитие образования, культуры и духовной жизни населения. Меценатство в данной среде объяснялось как эгоистическими, так и альтруистическими мотивами одновременно, а также гражданским и нравственным долгом представителей делового мира. Такой подход подтверждает исследование деятельности представителей делового мира Урало-Сибирского региона [8]. В данном исследовании выявлено, что:

– формирование русского делового мира в догосударственный период и после образования Киевской Руси происходило на основе традиций, обычаев, менталитета, культуры. Хозяйственные традиции и обычаи являлись духовным началом, объединяющим представителей делового мира;

– в конце XIX века в ряде купеческих династий начинает осознаваться некая кастовость своего круга, происходит кристаллизация своей социальной идентичности;

– из православия в практику деловых людей органически вливались такие свойства личности, как терпение, смирение, упорство, совестливость, добросердечие, достойность, умеренность, порядочность, опрятность, рачительность и т.п. Религиозность способствовала упрочению деловой репутации представителей делового мира;

– одной из черт русского делового мира является его самобытность.

Несомненным является факт взаимосвязи экономического сознания представителей делового мира и корпоративной психологии. Под влиянием корпоративной психологии представители делового мира начинали ощущать свою неразрывную связь с будущим народа, которое в тот период было невозможно без развития просвещения и культуры.

В отличие от делового мира Запада представители российского делового мира стремились добиться от правительства почетных званий, дававших определенные привилегии. Награды пользовались высоким авторитетом в обществе и являлись своеобразной маркой респектабельности представителей делового мира. Это подтверждает совершенно особый алгоритм развития нашего общества. Социокультурное развитие в России осуществлялось неритмично, не эволюционно. Не случайно И.А. Ильин писал о том, что «из века в век наша забота была не о том, как лучше устроиться или как легче прожить; но лишь в том, чтобы как-нибудь прожить, продержаться, выйти из очередной беды, одолеть очередную опасность» [1, с. 13]. Это выработало такую черту у представителей делового мира, как постоянная готовность к действию, поступку. Они не терпели бездействия и, когда возникали проблемы, стремились решать их немедленно. Кроме того, они мгновенно реагировали на каждое изменение ситуации на рынке, в экономической политике государства. В условиях перехода к новым экономическим отношениям представители делового мира опасались предоставлять возможность приказчикам, управляющим действовать самостоятельно, отстаивать целесообразность и необходимость принятых ими решений. Подобные качества были присущи купцам и предпринимателям А. Текутьеву, Н. Мешкову, И. Любимову, Рязановым, Злоказовым и т.д.

Российский деловой мир существенно отличается от западного. Н. Бердяев постоянно отме-

чал поляризованность русского характера, в котором странным образом совмещаются совершенно противоположные черты: доброта и жестокость, душевная тонкость и грубость, крайнее свободолюбие и деспотизм, альтруизм и эгоизм, самоуничтожение и национальная гордыня.

Одной из черт современного делового мира России является прерванность традиций, поскольку после Октябрьской революции 1917 г. (исключая годы нэпа) купеческое сословие и предпринимательский способ хозяйствования были ликвидированы, а процесс формирования предпринимательской деятельности начался лишь в «перестроечной» России.

За последние годы в нашем сознании сложился образ делового человека – предприимчивого, ориентированного на самостоятельное принятие решений и их выполнение, заинтересованного в максимальной свободе выбора, готового и умеющего рисковать, быстро оценивать ситуацию. Подобное принято связывать с вполне конкретным типом экономического поведения – предпринимательством. Речь идет о социальном слое людей, ставших в современных условиях собственниками, выдержавших рыночную конкуренцию благодаря своим деловым качествам. Конечно, деловой мир России формируют различные по масштабам деятельности предприниматели: крупный, средний и малый бизнес, индивидуальное предпринимательство.

Образ предпринимателя во многом определяет отношение общества к предпринимательству, силу или слабость бизнеса. В такой ситуации, которая сложилась в России объективно, влияние малого и среднего бизнеса на развитие страны мало, что определяется также его социально-политической и духовной силой.

В целях развития и становления предпринимательства необходимо не только регулировать его развитие экономическими методами, но и воздействовать на деловую среду, формируя деловой мир.

Современная цивилизация – цивилизация динамичная, бурно развивающаяся, которая, на первый взгляд, недостаточно дорожит традициями. Но, тем не менее, они остаются, сохраняя духовность в обществе. В условиях бурного развития новых технологий в XXI веке только человеческий ресурс является неисчерпаемым источником созидательных возможностей. Интеллектуально-информационный, социально-профессиональный, инновационный, культурно-образовательный, духовно-нравственный потенциал поистине безграничен, универсален, а главное – конструктивен.

Таким образом, масштабом личности, глубиной внутреннего духовного мира, творческим, созидательным потенциалом личности достигается дальнейшее развитие делового мира.

Библиографический список

1. *Ильин И.А.* О России. Статьи и речи. – М.: Студия «Тритэ» – «Рос. архив», 1991. – 32 с.

2. *Кружкова Т.И.* Деловой мир России как исторический и социальный феномен (ч. 1) // Российское предпринимательство. – 2003. – № 12. – С. 8–13.

3. *Кружкова Т.И.* Деловой мир России как исторический и социальный феномен (ч. 2) // Российское предпринимательство. – 2004. – № 1. – С. 52–57.

4. *Кружкова Т.И.* Деловой мир России как исторический и социальный феномен (ч. 3) // Российское предпринимательство. – 2004. – № 3. – С. 86–90.

5. *Кружкова Т.И.* Деятельность представителей делового мира Урало-Сибирского региона (во второй половине XIX – начале XX вв.). – Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2002. – 351 с.

6. Образ отечественного и западного предпринимателя в глазах россиян. Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.levada.ru/press/2010060101.html#poll (дата обращения 30 апреля 2011 г.)

7. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

8. *Рыбаков Н.С.* Мутации мировоззрения? // Мировоззрение и культура: сб. ст. / Урал. гос. ун-т; под общ. ред. В.В. Кима. – Екатеринбург: Банк культур. информ., 2002. – С. 39–50. (Философия образования; Вып. 27).

9. *Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма: пер. с англ. Е. Осиповой / под общ. ред. У.У. Бартли III. – М.: Новости, 1992. – 304 с.

10. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. Воспроизведение. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. – 401 с.

УДК 33

Мамон Наталья Владимировна
кандидат экономических наук
Костромской государственный технологический университет
mamon@kostroma.ru
Смирнова Юлия Александровна
Костромской государственный технологический университет
yuliasmir@rambler.ru

РАСЧЕТ СТАТИСТИЧЕСКОЙ МЕРЫ СВЯЗИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ СТЕПЕНИ ВАЖНОСТИ ЭЛЕМЕНТОВ ИМИДЖА

В статье с целью изучения актуальной проблемы управления имиджем предприятия приводятся результаты исследования оценки значимости элементов имиджа социально-экономическими структурами и органами власти и управления, полученные путем экспертного опроса. Интерпретация результатов проведена с учетом оценки согласованности мнений экспертов. Кроме этого, в статье сделано заключение о статистической мере связи по результатам исследования степени важности элементов имиджа.

Ключевые слова: *имидж, элементы имиджа, целевые аудитории, согласованность мнений экспертов, статистическая мера связи, регрессионный анализ.*

В рамках изучения проблем управления имиджем предприятия нами был проведен экспертный опрос таких целевых аудиторий, как политические структуры / потенциальные политические структуры и социально-экономические / потенциальные социально-экономические структуры (10 экспертов из каждой целевой аудитории) с целью изучения степени важности элементов имиджа по пятибалльной шкале (1 – не имеет никакого значения, … 5 – очень важно). Результаты исследования представлены в таблице 1 и на рисунке 1.

Для характеристики согласованности мнений экспертов при наличии связанных рангов используется коэффициент конкордации [1, с. 106; 3, с. 161].

$$W = \frac{S}{\frac{1}{12}m^2(n^3-n) - m\sum_{T'} T'}, \qquad (1)$$

$$T' = \frac{1}{12}\sum_t (t^3 - t), \qquad (2)$$

где S – сумма квадратов отклонений; m – количество экспертов; n – число ранжируемых объектов; t – число равных рангов.

Оценка значимости коэффициента конкордации W при $n > 7$ производится по критерию χ^2 Пирсона. При наличии связанных рангов [1, с. 111]

$$\chi^2_{расч} = \frac{S}{\frac{1}{12}mn(n+1) - \frac{1}{(n-1)}\sum T'}. \qquad (3)$$

Расчетное значение $\chi^2_{расч}$ сравнивается с табличным $\chi^2_{табл}(P,v)$ с уровнем значимости P и числом степеней свободы $v = n-1$. Если $\chi^2_{расч} \geq \chi^2_{табл}$, то гипотеза о согласии экспертов в ранжировках принимается.

Кроме того, такие авторы, как С.Б. Крымский, Б.Б. Жилин, В.И. Паниотто, предлагают использовать упрощенный вариант коэффициента конкордации [4, с. 305–306]:

$$W = 1 - \frac{12\sum_i\sum_j (x_{ij} - \bar{x}_j)^2}{m^2(n^3-n)}, \qquad (4)$$

где x_{ij} – оценка i-го эксперта по j-му объекту; $\bar{x}_j$ – средняя оценка по j-му объекту; m – число экспертов; n – число ранжируемых объектов. Коэффициент конкордации изменяется в диапазоне $0 < W < 1$, причем 0 – полная несогласованность, 1 – полное единодушие. Согласованность мнений экспертной группы считают высокой при $W \geq 0{,}8$ [5, с. 41].

Часть исследователей предлагают кроме этого показателя рассчитывать показатель меры согласованности оценок экспертов по заданной шкале оценок [4, с. 304–305]:

$$E_n = 1 - \frac{2\sum_i^m \sum_j^n \left|x_{ij} - \bar{x}_j\right|}{mn(Q-q)}, \qquad (5)$$

где m – число экспертов; n – количество оцениваемых объектов; q и Q – соответственно минималь-

 © Мамон Н.В., Смирнова Ю.А., 2011

Таблица 1

Результаты исследования мнения целевых аудиторий с целью изучения степени важности элементов имиджа

Элементы имиджа	Средние оценки целевых аудиторий		Ранги	
	политические структуры / потенциальные политические структуры	социально-экономические / потенциальные социально-экономические структуры	политические структуры / потенциальные политические структуры	социально-экономические / потенциальные социально-экономические структуры
Добросовестность ведения бизнеса (своевременное выполнение обязательств, соблюдение норм деловой этики)	4,9	4,8	1	1,5
Значения финансовых показателей, эффективность бизнеса	4,8	4,6	2	3,5
Стабильность, надежность предприятия	4,7	4,5	3,5	5,5
Качество продукции/услуг	4,7	4,4	3,5	7,5
Легитимность (законопослушность)	4,6	4,6	6	3,5
Уровень заработной платы, наличие социального пакета, системы материальных вознаграждений	4,6	4,3	6	9,5
Участие в региональных и государственных программах, выполнение государственных и муниципальных заказов	4,6	3,9	6	16
Отношение компании с государственными структурами	4,5	3,4	8	28,5
Квалификация, компетенция, отзывчивость сотрудников	4,4	4,8	10	1,5
Отношение к сотрудникам, социально-психологический климат	4,4	4,5	10	5,5
Конкурентоспособность товаров/услуг предприятия	4,4	3,7	10	19,5
Предоставление компанией достоверной информации	4,3	4,2	13	12
Создание необходимых условий для работы персонала	4,3	4,2	13	12
Качество обслуживания (в т.ч. постоянное наличие продукции/услуг, удачное размещение в точке продаж), послепродажное обслуживание	4,3	3,9	13	16
Деловая активность предприятия (деятельность предприятия, направленная на развитие и расширение сфер деятельности)	4,2	4	15,5	14
Миссия, цели, стратегия развития предприятия	4,2	3,7	15,5	19,5
Открытость, готовность идти на контакт, лояльность компании	4,1	4,4	17,5	7,5
Симпатия, доверие, мнение о компании, товарах/услугах предприятия среди различных групп населения	4,1	4,2	17,5	12

Окончание таблицы 1

Инновационная, научно-исследовательская деятельность предприятия	4	3,3	19	30,5
Обучение персонала	3,8	4,3	22	9,5
Стиль управления, стиль ведения переговоров	3,8	3,9	22	16
Широта ассортимента товаров/услуг	3,8	3,6	22	23,5
Рекламная деятельность компании, спонсорство, проведение различных акций	3,8	3,5	22	26,5
Корпоративная культура	3,8	3,5	22	26,5
Участие компании в различных выставках, ярмарках	3,7	3,7	26	19,5
Экологическая политика	3,7	3,6	26	23,5
Ценовая политика предприятия	3,7	3,6	26	23,5
Упоминание о компании в СМИ, в сети Интернет	3,6	3,3	28	30,5
История развития предприятия	3,4	2,7	29	35,5
Уровень содержательности труда (творческие возможности работы)	3,2	3,7	31	19,5
Возможность карьерного роста	3,2	3,4	31	28,5
Участие в культурных мероприятиях, в реставрации архитектурных памятников	3,2	3	31	33,5
Благотворительная деятельность компании	3,1	3,6	33	23,5
Дизайн фирменного символа, логотипа, упаковки	2,9	3	34,5	33,5
Политическая ориентация руководства компании	2,9	2,7	34,5	35,5
Стилистическое единство оформления	2,7	3,2	36,5	32
Наличие униформы, следование «дресс-коду»	2,7	2,6	36,5	37
Архитектура офиса	2,6	2,4	38	38

Таблица 2

Результаты расчета согласованности мнений экспертов

Показатель	**Целевая аудитория**	
	Органы власти и управления	**Социально-экономические структуры**
W (1)	0,537	0,336
$\chi^2_{расч}$	198,75 При 0,1%-м уровне существенности величина $\chi^2_{табл} = 73,40$ при $v = n - 1 = 37$ степенях свободы. Полученное нами значение больше этого числа, стало быть, оно «в точности существенно» при уровне существенности в 0,1%. Таким образом, гипотеза о согласии экспертов в ранжировках принимается	124,31 При 0,1%-м уровне существенности величина $\chi^2_{табл} = 73,40$ при $v = n - 1 = 37$ степенях свободы. Полученное нами значение больше этого числа, стало быть, оно «в точности существенно» при уровне существенности в 0,1%. Таким образом, гипотеза о согласии экспертов в ранжировках принимается
W (4)	≈1 (полное единодушие)	≈1 (полное единодушие)
E_n	0,69 (эксперты солидарны в оценках)	0,59 (эксперты солидарны в оценках)

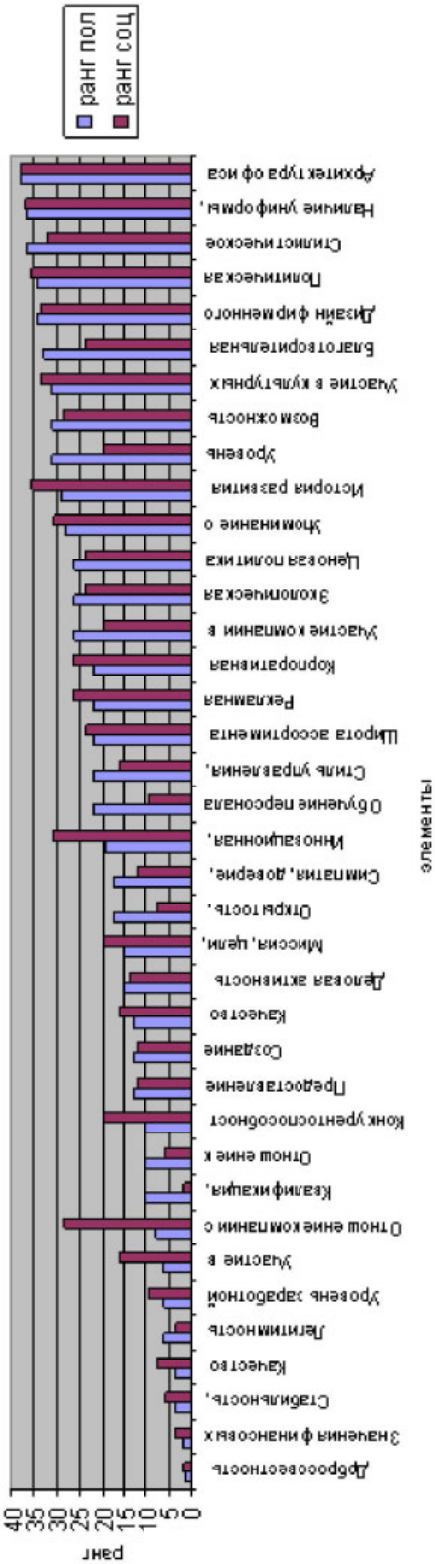


Рис. 1. Сравнительный анализ распределения рангов элементов имиджа по мнению исследуемых целевых аудиторий

Таблица 3

Результаты вычисления статистической меры связи по результатам исследования

Показатель	Формула	Результат
Коэффициент Кендэла τ, [2, с. 165]	$\tau = \frac{P-Q}{\frac{1}{2}N(N-1)}$, (7) где P – сумма чисел, показывающая, сколько рангов образовавшегося рангового ряда Y превышают ранги, занимаемые первым, вторым и т.д. N-ным, а Q – аналогичная сумма, показывающая, сколько рангов ряда Y ниже рангов, записанных первым, вторым и т.д. N-ным. Если τ > 0 – связь прямая, если τ < 0 – связь обратная, если τ = 0 или близко к 0 – это говорит об отсутствии связи [2, с. 107, 113-114]. В случае объединения рангов: $\tau = \frac{P-Q}{\sqrt{(\frac{N(N-1)}{2})-U_x)(\frac{N(N-1)}{2}-U_y)}}$, (8) $U_x = \sum_{v=1}^{p}\frac{t_v(t_v-1)}{2}$, (9) $U_y = \sum_{w=1}^{q}\frac{u_w(u_w-1)}{2}$, (10) где p – число объединенных рангов x, t_v – число объединенных рангов в v-ом объединении по X, q – число объединенных рангов y, а u_w – число объединенных рангов в w-ом объединении [2, с. 115]	τ=0,7 – тесная положительная связь между оценками двух целевых аудиторий

ное и максимальное значение оценок на шкале; x_{ij} – оценка i-го эксперта по j-му объекту; $\bar{x}_j$ – средняя оценка по j-му объекту:

$$\bar{x}_j = \frac{\sum_i^m x_{ij}}{m}, x_{ij} \in [q, Q]. \quad (6)$$

Чем ближе E_n к единице, тем согласованность больше.

Нами были произведены расчеты выше приведенных показателей (см. табл. 2).

Стоит отметить, что программа «STATISTICA» дает те же результаты при расчетах показателей $W(1)$ и $\chi^2_{расч}$.

По результатам расчета видим, что согласованность оценок экспертов достаточно высокая, поэтому данные, полученные в ходе исследования, можно считать достоверными. Учитывая это, нами была проведена оценка степени взаимозависимости элементов имиджа и целевых аудиторий (см. табл. 3).

По результатам исследования видим, что между оценками двух изучаемых целевых аудиторий наблюдается прямая положительная связь.

Результаты исследования, представленные в таблице 1, были исследованы с помощью регрессионного анализа по средствам программы Minitab16, где за Y – принимались средние оценки важности элементов имиджа целевой аудитории политические структуры / потенциальные политические структуры, а за X – средние оценки важности элементов имиджа целевой аудитории социально-экономические / потенциальные социально-экономические структуры (см. табл. 4).

Кроме того, с помощью данной программы было построено поле корреляции для определения формы зависимости между переменными X и Y. В результате коэффициент корреляции получился равным 0,834, что говорит о достаточно сильной, прямой зависимости между оценками двух целевых аудиторий.

Учитывая результаты, представленные в таблицах 3 и 4, можно сделать вывод о том, что меж-

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа

Уравнение регрессии	Y=0,620+0,807X1
Теснота связи, (r^2)	0,695 Полученное значение свидетельствует о наличии прямой связи между оценками рассматриваемых целевых аудиторий
Значимость связи, (F)	81,98, т.к. P=0,000 регрессия признается статистической значимой

ду оценками двух целевых аудиторий существует прямая зависимость.

Библиографический список

1. *Кендэл М.Дж.* Ранговые корреляции. Зарубежные статистические исследования. – М.: Издательство «Статистика», 1975. – 216 с.

2. *Паниотто В.И.*, *Максименко В.С.* Количественные методы в социологических исследованиях. – Киев: Наукова думка, 1982. – 272 с.

3. Рабочая книга по прогнозированию / отв. ред. И.В. Бестужев-Лада. – М.: Мысль, 1982. – 430 с.

4. Экспертные оценки в социологических исследованиях / С.Б. Крымский, Б.Б. Жилин, В.И. Паниотто и др.; отв. ред. С.Б. Крымский; АН УССР, Ин-т философии. – Киев: Наукова думка, 1990. – 320 с.

5. Экспертные оценки и их применение в энергетике / И.С. Вартазаров, И.Г. Горлов, Е.В. Минаев, Р.М. Хвастунов; под ред. Р.М. Хвастунова. – М.: Энергоиздат, 1981. – 188 с.: ил.

6. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности: учеб. пособие. – 4-е изд., стер. – М.: Издательство «Омега-Л», 2009. – 567 с.

УДК 338.24:334

Попов Денис Дмитриевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
djpopoff@gmail.com

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В СЕТЕВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ

В статье показана методика выявления механизма конвертации социального капитала на микроуровне хозяйствования экономического субъекта.

Ключевые слова: *социальный капитал, макро- и микроуровень хозяйствования, сетевые связи, конвертация капитала.*

Отношения между экономическими агентами, к которым относятся люди, организации, государства, складывающиеся в границах институтов, имеют свою структуру. О структуре отношений можно говорить как о сети, связывающей между собой всех ее участников. Институты определяют выбор экономических агентов и обусловливают формирование устойчивых связей между ними, которые, в свою очередь, приводят к возникновению устойчивых структурных отношений. В институциональной теории под сетью понимают совокупность связей между группой экономических агентов, которые находятся друг с другом в тех или иных отношениях.

В работах П. Бурдье показано, что действие социального капитала ограничено общественным пространством экономического агента. Он подчеркивает, что в понятии «социальный капитал» слово «капитал» имеет не метафорический характер, а экономический. Он подвержен инфляции, узурпации, конвертации в другие виды капитала. Будучи реальной экономической категорией, социальный капитал растворен в экономических отношениях. Неравномерность распределения социального капитала между экономическими агентами определяется: положением индивида в социальной сети; размером сети связей, которые он может эффективно мобилизовать; объемом капитала (экономического, культурного и социального), которым обладает каждый из тех, кто с ним связан [1, с. 258].

Структурная укорененность социального капитала является его фундаментальным свойством. Это связано с его неотделимостью от социальных сетей, несводимости к личным качествам индивидов. Он является свойством социальных сетей и структур, так как связан с институциализированными отношениями. Важно, с точки зрения нашего исследования, то, что сами по себе доверие, отношения, нормы и другие ком-

© Попов Д.Д., 2011

поненты социального капитала не становятся продуктивным ресурсом (социальным капиталом) вне определенной структуры социальных связей.

В социальных науках о сетях говорят в двух различных смыслах: как о феномене, который существует в реальности, и как об инструментарии, с помощью которого можно анализировать существующую реальность. Изучение сети как феномена связано с пониманием содержания и структуры связей между экономическими агентами. Рассматривая сети как инструментарий, исследователи оценивают силу и частоту связей, возможности участников отношений.

Задачей нашего исследования является проанализировать, каким образом неформальные отношения между экономическими агентами влияют на результаты деятельности.

Есть разные определения понятия «социальные сети». «Сети – это стабильные модели непосредственного взаимодействия между людьми, институты – это правила, посредством которых такие взаимодействия совершаются (набор взаимосвязанных норм), а доверие – это ожидание, что другие будут действовать в наших интересах» [2, с. 396–411]. Существует и такое определение: «Социальная сеть – набор социальных взаимоотношений и социальных связей между определенными индивидами и сами индивиды» [3, с. 141–145].

Социальная сеть может быть рассмотрена как сеть целого общества, представляющая собой полную структуру ролевых отношений в социальной системе, ограниченной формальной рамкой.

Она может рассматриваться как персональная, где рассматриваются отношения между акторами, то есть персональные связи, и такая сеть ограничивается неформальными рамками личных отношений.

С практической точки зрения исследование социальных сетей важно с точки зрения определения роли и влияния социальных сетей на механизмы социального действия. В качестве акторов социальных сетей могут выступать индивиды, социальные группы, организации. Под связями понимаются не только коммуникации между акторами, но и связи по обмену различными ресурсами. Сетевые модели рассматривают экономические структуры как устойчивые шаблоны взаимодействия между акторами. Поэтому сетевой анализ концентрирует внимание на описании возникающих в ходе взаимодействия связей различной плотности и интенсивности.

Социальные сети являются не только источником информации и доверия, но и каналом, по которому происходит реализация экономического, культурного, социального и символического капитала, а также их конвертация.

К наиболее значимым для экономического анализа отношениям относятся:

– дружеские, доверительные связи;

– трансакции или трансфер материальных ресурсов (заем-кредит, купля-продажа);

– трансфер нематериальных ресурсов (коммуникация, обмен информацией);

– движение физическое (миграция) и движение социальное (смена социального статуса);

– родственные связи.

В настоящее время в анализе социальных сетей выделяют четыре подхода:

1. Структурный подход. Рассматривает геометрическую форму сети и интенсивность взаимодействий.

2. Ресурсный подход. Рассматривает возможности акторов по привлечению индивидуальных и сетевых ресурсов для достижения определенных целей и дифференцирует акторов, находящихся в идентичных структурных позициях социальной сети, по их ресурсам. Под сетевыми ресурсами понимаются влияние, статус, информация, капитал.

3. Нормативное направление изучает уровень доверия между акторами, а также нормы, правила и санкции, которые влияют на поведение акторов в социальной сети и процессы их взаимодействий.

4. Динамический подход акцентирует внимание на изменениях в сетевой структуре с течением времени.

Еще раз обратим внимание на то, что способность социального капитала выступать в качестве свойства социальных сетей имеет два аспекта: реляционный и структурный.

Реляционный аспект заключается в том, что социальный капитал представляет собой определенный тип отношений между индивидами. Индивиды, поддерживающие определенный тип связей, получают доступ к благам, добиваются результатов, которых они не могли бы добиться вне сложившихся отношений. Для этого нужно, чтобы социальный капитал был включен в социальные сети в виде нормативных представлений.

Структурный аспект социального капитала состоит в том, что особый тип отношений между индивидами оформлен в рамках определенной

социальной структуры – совокупности статусных позиций социальной сети. Вне такой структуры эти отношения невозможны, они утрачивают характер производственного ресурса. Объем социального капитала, доступного индивидам, определяется тем, какое место они занимают в системе социальных позиций той или иной сети, а также объемом и структурой социальных сетей, в которых он участвует.

Исследование социального капитала непосредственно связано с теорией социальных сетей. Это происходит от понимания социального капитала как функции совокупности связей, оформленных в виде социальных сетей. Сетевая теория рассматривает социальный капитал как эффект социальных сетей и распространяет принципы сетевого анализа на изучение процессов воспроизводства и накопления социального капитала. Это направление исследований было дополнено еще ресурсной теорией социального капитала, в соответствии с которой социальный капитал нужно рассматривать не только как сеть отношений, но и ресурсы, которые она делает доступными ее участникам. Поэтому объем социального капитала может быть определен путем определения размера социальной сети и объема ресурсов, которые она в состоянии привлечь [4, с. 28–51]. К настоящему времени сетевая теория социального капитала, а также ее ресурсная версия являются наиболее разработанными с точки зрения возможностей теоретического анализа и эмпирического исследования социального капитала и его функции. В современной теории социального капитала нет эффективного объяснения воспроизводства и функций социального капитала в отношении макросоциальных объектов и общества в целом.

Социальный капитал зависит от свойств социальной структуры, в частности, замкнутости социальных сетей, продолжительности социальных отношений и множественности социальных отношений. Замкнутость социальной сети проявляется в относительной автономности (дистанцированности) участников сети по отношению к другим индивидам, не являющимся ее участниками. Если отношения между участниками социальной сети интенсивны, многочисленны и связывают в той или иной мере всех ее членов, то отношения с не включенными в такую сеть индивидами избирательны и поддерживаются не всеми членами социальной сети. Социальные сети относительно устойчивы – они складываются длительное время, а продолжительность взаимоотношений между участниками сетей является фактором, определяющим высокий уровень взаимного доверия индивидов, принадлежащих к одной социальной сети. Исходя из описанных структурных факторов формирования социального капитала, можно сказать, что определенные типы социальных структур генерируют обширный социальный капитал, а другие – нет. Сам же он является, по Дж. Коулману, не столько достоянием отдельных индивидов, сколько свойством структуры социальных отношений. «Признанием того, что капитал присущ не только физическому предприятию и индивидуумам, но также социальным отношениям, существующим между людьми, теория рационального выбора дает экономическому анализу ценное концептуальное орудие – социальный капитал. <…>. Социальный капитал имеет свойства (такие, как его характер общественного блага), которые дают иные побуждения к инвестированию в социальный капитал по сравнению с побуждениями инвестировать в физический или человеческий капитал» [5, с. 170]. Определяя социальный капитал в терминах его функции, Дж. Коулман не дает однозначного объяснения источников его возникновения и форм проявления. С одной стороны, социальный капитал – свойство социальных сетей, с другой стороны – он проявляется тогда, когда социальные связи позволяют генерировать ресурсы и другие блага участникам сетей.

Библиографический список

1. *Bourdieu P.* The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J.G. Richardson. – N.Y.: Greenwood, 1986.

2. *Рона-Тас А.* Устойчивость социальных сетей в посткоммунистической трансформации Восточной Европы // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. – М.: Логос, 1999.

3. *Emirbayer M., Goodwin J.* Network Analysis, Culture and the Problem of Agency // American Jornal of Sociology. – 6. – V. 99.

4. *Lin N.* Building a Network Theory of SocialCapital // Connections. – 1999. – Vol. 22 (1).

5. *Coleman J.S.* A Rational Choice Perspective on Economic Sociology // The Handbook of Economic Sociology / Ed. by N.J. Smelser and R. Swedberg. – Princeton University Press, 1994.

УДК 33

Горбачев Олег Геннадьевич
докторант кафедры экономики труда и институциональной теории
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Gorbachevog@mail.ru

СТРАХОВОЙ КАПИТАЛ В СТРУКТУРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В современных условиях идет активный процесс формирования социально ориентированной модели национального хозяйства. Это предопределяет необходимость создания теоретико-методологической и практико-ориентированной базы, способствующей созданию адекватной модели динамики страховых экономических отношений. Все это определяет необходимость научного поиска совершенствования рынка страхового капитала как целостного многофункционального сегмента механизма совершенствования экономических отношений.

Ключевые слова: *экономические отношения, рынок страхования, динамика страхового капитала, институциональная защита.*

Страхование можно трактовать так: а) систему общественных (экономических, финансовых, правовых, информационных, психологических и т.д.) отношений; б) систему действий страховщика по созданию страхового фонда и возмещению ущерба страхователю в связи с наступлением определенных договором событий; в) вид коммерческой деятельности, позволяющий страховщику в результате использования временно свободных ресурсов фонда получать прибыль на финансовых рынках; г) способ защиты страхователем своих экономических интересов от гипотетических убытков (ущербов) путем заключения договора страхования. Страховой капитал связан с обеспечением страховой защиты носителей имущественных экономических интересов – страхователей – путем перераспределения обусловленных их деятельностью страховых рисков. Перераспределение возможно только в отношении случайных событий, наступление которых влечет за собой причинение вреда жизни и здоровью индивидуумам или нанесение ущерба имуществу, имущественным интересам индивидуумов и юридических лиц и характеризуется одновременно случайностью и вероятностью их наступления. Отношение между страхователем и страховщиком, называемые страховыми, возникают в связи с существованием у страхователя страхового экономического интереса к обеспечению страховой защитой принадлежащего ему имущества или иных имущественных интересов. Страховой экономический интерес, если обстоятельства, связанные с его предметом, могут причинить вред заинтересованному лицу, в том числе каким-либо выгодам. Чем значимей интерес и чем выше оценка угрожающей опасности, тем больше желание защититься от них [2, с. 22]. «Это относится, в первую очередь, к правовым и квазиправовым институтам, к институтам защиты прав собственности и контактов. Ясно, что они будут работать лучше, если область их компетенции не будет слишком узкой. То же можно сказать об увеличении числа агентов, партнеров и отделений. Важны далее такие конкретные формы защиты контрактов, как страхование и хеджирование. Возможности применения и повышения эффективности этих форм возрастают по мере увеличения масштабов рынка» [5, с. 73]. Страховой капитал выражает объективную и реальную сферу экономических отношений между государством, хозяйствующими субъектами, населением и страховыми компаниями. Объективный характер страхования выражается, с одной стороны, в противоречии между индивидуумом и природой, связанном с борьбой со стихийными силами природы и другими чрезвычайными явлениями, с другой – в противоречиях, возникающих внутри национального хозяйства, вытекающих из различий имущественных экономических интересов субъектов, вступивших в экономические отношения, из усложнения производственных связей между людьми. Это – противоречия между возможностями общественного развития и самим развитием. Они создают объективные условия для наступления случайных событий и непредвиденных ранее обстоятельств и имеют негативные последствия. «каждый человек сам по себе не в состоянии удовлетворить как следует всякую потребность, которая может наступать, в особенности, если ее наступление в известной степени зависит от случая. Напротив, целая группа людей могла бы удовлетворить такую потребность, но, конечно, только в том случае, если она не наступает для всех одновременно…» [3, с. 37].

 © Горбачев О.Г., 2011

Страховой капитал устанавливает эффективный режим использования экономических ресурсов посредством распределения убытков между хозяйствующими субъектами. Следовательно, страховой капитал – единственный капитал, в основе которого лежит общий принцип борьбы со случайными опасностями, угрожающими или самому субъекту, или его богатству. Социально-экономическая сущность страхового капитала в том, что фонды возмещения убытков создаются многими участниками, подверженными страховым рискам, а расходуются на возмещение убытков только пострадавшим. В современных условиях страхование считается целесообразным способом сохранения материального благополучия, когда требуется соответствующая компенсация. Однако для применения страхования необходимы условия, когда оно становится экономически целесообразным: а) случайный характер опасности, угрожающий субъекту или имуществу; б) понимание характера опасности события, известного равномерностью действия во времени и экономическом пространстве; в) возможность стратегического учета опасностей, их измерения и оценки; г) образование страхового капитала для организации защиты от рисков [6, с. 9–10].

С развитием товарно-денежных отношений появилась возможность формирования страхового капитала в денежной форме. С помощью денежного эквивалента страховой капитал преодолевает материальные границы и выходит в широкий хозяйственный оборот. Это придает ему признак универсальности. Экономические предпосылки возникновения и сущности стразового капитала трактуются в основном двумя теориями: марксовой и амортизационной. Первая рассматривает страховой капитал в разрезе формационного подхода. К. Маркс отмечал: «…коллективный трудовой доход окажется совокупным общественным продуктом. Из него надо вычесть: во-первых, то, что требуется для возмещения потребленных средств производства; во-вторых, добавочную часть для расширения производства; в-третьих, резервный или страховой фонд для страхования от несчастных случаев, стихийных бедствий и т.д. эти вычеты из «неурезанного трудового дохода» – экономическая необходимость, и их размеры должны быть определены на основе наличных средств и сил, отчасти на основе теории вероятности, но они никоим образом не поддаются вычислению на основе справедливости» [4, с. 17]. Согласно марксовой теории, страховой капитал нельзя заранее отнести ни к фонду потребления, ни к фонду накопления из-за вероятностного характера страхуемых рисков. Поэтому расходы на страхование должны компенсироваться за счет прибавочной стоимости. В основе амортизационной теории лежит идея о формировании страхового капитала путем переноса части стоимости средств производства на готовый продукт, обусловленного закономерным процессом постепенного износа любого имущества. Поэтому расходы на страховые взносы должны относиться на издержки производства. Источником образования страхового капитала выступает не увеличение стоимости в результате труда, а лишь обновление стоимости капитала, переход ее на продукт. Масштабом, определяющим величину переходящей с капитала на продукт и, таким образом, обновляемой доли стоимости, является в амортизационном фонде мера изнашивания, а в страховом – мера риска, которому подвержено имущество. Прав Т. Гварлиани в том, что в амортизационной теории определяются страховые экономические отношения в рамках формирования и использования фонда возмещения. Таким образом, и амортизационные отчисления, и расходы на страхование средств производства – составляющие фонда возмещения [1, с. 45]. Развитие экономических отношений существенным образом меняет соотношение между общегосударственным резервным капиталом широкого назначения (дополнительные капитальные вложения в оборону страны и другие проекты непроизводственной сферы) и страховым капиталом, связанным с применением страхования. Характерное для прежней плановой и административной системы преобладание вертикальных распределительных отношений уступает место горизонтальным связям между производством, обменом и потреблением. Образование страхового капитала разрешает противоречие между основными экономическими интересами страхователя и страховщика. Страховой капитал служит всем страхователям данной компании: из него производится выплата по любому наступившему застрахованному риску. Благодаря страхованию страхователь обеспечивает себе такое же экономическое положение, как в случае, если бы риск не наступил. Целью страхового капитала является восстановление ситуации [6, с. 17–18]. Страховой капитал становится органическим эле-

ментом расширенного воспроизводства. Как экономическая категория он выступает в качестве совокупности экономических отношений по формированию и использованию материальных и денежных накоплений, предназначенных для возмещения ущерба. Поскольку воспроизводство включает и воспроизводство материальных благ, и воспроизводство рабочей силы, то экономическая категория страховой защиты состоит из двух элементов: страховой защиты материальных благ и страховой защиты рабочей силы (жизни, здоровья, имущества индивидуумов). Социально-экономические элементы защиты взаимосвязаны и призваны обеспечить страховому лицу соответствующую компенсацию с помощью финансовых, организационных и правовых механизмов. Именно здесь реализуются экономические отношения, складывающиеся между хозяйствующими субъектами в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. Страховой капитал как элемент экономических отношений является самостоятельным в экономической системе, занимает особое место и определяет другие стадии воспроизводства. Он выполняет в общественном воспроизводстве специфические функции, обусловленные рисковыми обстоятельствами предпринимательской, любой иной деятельности хозяйствующих субъектов, жизни индивидуумов. Особенность развития страхового капитала – его двойственная зависимость от внешней среды. С одной стороны, потребность в страховых услугах определяется наличием рисковых обстоятельств и их осознанием хозяйствующими субъектами, с другой – возможностями отвлечения средств от производственного и личного потребления с целью приобретения этих услуг.

Библиографический список

1. *Гварлиани Т.* Дискуссионные вопросы теории страхования // Финансы. – 1998. – № 9.

2. *Зубец А.* Потребительская оценка риска // Страховой ревю. – 2000. – № 9.

3. *Манэс А.* Основы страхового дела. – М.: Анкил, 1992.

4. *Маркс К.* Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. – Т. 19.

5. *Хикс Дж.* Теория экономической истории. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2003.

6. *Юлдашев Р.* Организационно-экономические основы страхового бизнеса. – М.: Анкил, 2002.

УДК 338.4

Ерофеева Татьяна Павловна
Ярославский филиал Академии труда и социальных отношении
erofeevatp@mail.ru

ГАРМОНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Ключевая проблема современного бизнеса состоит в разбалансировании промышленной и торговой политики, особенно ярко проявляющемся в условиях кризиса, когда в отсутствии учета интересов потребителей при разработке и изготовлении продукции производство опережает реализацию, происходит затоваривание продукцией, возникает дефицит оборотных средств и, как следствие, предприятия становятся неплатежеспособными. В настоящей статье рассмотрено место и роль промышленной политики в современной экономике, показано ее влияние на развитие промышленных предприятий.

Ключевые слова: *промышленная политика, субъекты промышленной политики, государственное регулирование.*

В последнее время все более актуальной становится проблема разработки осмысленной промышленной политики в Российской Федерации [2]. На наш взгляд, это связано с тем, что последний десятилетний период экономических реформ в стране осуществлялся с позиции финансовой стабилизации, как условия массированного притока в экономику России иностранного и частного капитала. Одновременно решались задачи институциональных преобразований форм собственности, либерализации внешнеэкономической деятельности. В значительной степени перечисленные проблемы в той или иной мере за прошедшее время решены. Однако необходимого уровня, темпов и перспектив экономического роста, к сожалению, мы не достигли. Особенно этот вывод мы относим к промышленности, промышленному развитию, промышлен-

 © Ерофеева Т.П., 2011

ной политике, имея в виду сферу национального производства материальных благ, материального продукта. Что же такое промышленная политика? В работе мы анализируем два подхода. Один – радикально-либеральный заключается в том, что никакой промышленной политики как таковой в национальной экономике быть не должно [4]. Отраслевые пропорции, проблемы перелива капитала межсекторального, межрегионального, многие другие проблемы должны решаться на стыке спроса и предложения в процедурах саморегуляции рынка [4]. Это крайняя позиция. Она вряд ли выглядит убедительно, хотя бы потому, что сами механизмы и институты рыночной экономики в российском случае далеко еще не являются зрелыми и в полной мере функционирующими и сами должны быть предметом активного регулирования и поддержки. Второй подход тяготеет к традициям огосударствленной экономики, ведомственного администрирования, исключительно бюджетного дотационного механизмов [5]. Очевидно, что такой подход также далек от требований жизни. Более взвешенной, хотя также не оптимальной позицией является узкое понимание промышленной политики как структурного маневра, т.е. определенных усилий, направленных на перелив капитала из одной отрасли в другую.

Промышленную политику иногда сводят к внутриотраслевому подходу в регулировании отдельных секторов промышленного производства [1]. Это характерно в частности для отраслевых министерств. Так разработаны программы и стратегии развития автомобильной и металлургической промышленности, лесопромышленного комплекса, медицинской промышленности, инновационного развития. Но этот подход также не выглядит эффективным. Причина в том, что он даже не ставит проблемы универсального управленческого характера, имеющей отношение в равной степени к разным отраслям промышленности. Именно той основной проблемы, которая является самой острой в российской экономике.

Мы считаем, что промышленная политика, как набор мер и действий, должна отвечать на проблемы и вызовы реального промышленного состояния и развития. Она должна давать решения наиболее острых реально существующих проблем промышленного развития, а также механизмы их реализации.

В истории на примерах целого ряда индустриально и постиндустриально развитых стран можно видеть, что активная промышленная политика решает двойственную задачу. С одной стороны, задачу конъюнктурной модернизации экономики путем решения ее самых острых текущих проблем и стимулирования экономического роста. А с другой стороны, задачу определения долговременной стратегии экономического развития страны [3]. Значит, говоря о промышленной политике, мы должны иметь в виду пакет взаимосвязанных документов, включающий следующие: концепцию промышленной политики (идейные ориентиры); программу промышленной политики (набор и порядок решений, мер и действий), пакет проектов нормативно-правовых актов по ее осуществлению (реализация государственно-управленческих решений).

По мнению руководителей промышленных предприятий России, основные проблемы, с которыми они сталкиваются – это отсутствия оборотных и инвестиционных средств [7]. Действительно, проблема номер один функционирования промышленности в России – это неотлаженность в новых условиях механизма воспроизводства. Межсекторальный перелив капитала из банковского в промышленный сектор зачастую малоэффективен, а порой и вовсе не работает. Недостаточно, так называемых, длинных денег, учетные ставки кредитования на финансовом рынке существенно выше, чем реальная рентабельность в промышленности, не вовлекаются накопления населения. Не решая вопрос о механизме воспроизводства, невозможно говорить о дальнейшем управляемом развитии отраслевых пропорций и промышленности в целом. В частности, мы видим, что субъектами промышленной политики выступают уже не только органы государственного управления но и крупный бизнес, у которого есть достаточно мощные корпоративные интересы, возникает ответственность за целые регионы и обстановку в них, есть потребность в выходе на мировые рынки и в поддержке государством этой деятельности, есть интеллектуальные ресурсы. В качестве субъектов промышленной политики очень активно начинают выступать регионы. Можно сказать, что они даже опережают федеральное правительство в изменении своих управленческих ориентиров. В десятках субъектов Российской Федерации, таких, как, например, Ярославская, Свердловская, Тульская, Пермская области, Башкортостан и других, уже разработаны стратегии и программы промышленной политики соответ-

ствующего региона, и в тех пределах и с теми ресурсами, которыми эти регионы располагают, они пытаются поменять вектор развития на устойчивый промышленный рост. Очень важным субъектом промышленной политики выступают крупные промышленные ассоциации и союзы, такие, как Российский союз промышленников и предпринимателей, Торгово-промышленная палата, отраслевые объединения. На наш взгляд и по опыту развитых стран, в России необходим специальный федеральный закон о взаимоотношениях российских промышленных союзов и объединений с федеральным правительством по тем вопросам, которые входят в сферу ответственности тех или иных промышленных союзов. Есть вторая, не менее важная и принципиальная проблема существующей промышленной политики. Созданный в стране в 90-е годы прошлого века государственный правовой и экономико-управленческий механизм фактически не включает в себя набора эффективных инструментов управления и реализации промышленной политики. Выход из создавшейся ситуации мы видим в переходе от узкой постановки проблемы промышленной политики к более масштабной задаче восстановления, точнее реконституирования государственного правового механизма регулирования проблем промышленной политики [9]. Для этого необходимы методы государственно-правового регулирования, а это экономические и финансовые методы, включая лизинг, кредитование, гарантирование, валютное и инвестиционное регулирование, механизмы субсидирования. Это налоговые методы, имея в основном в виду специальные, стимулирующие налоговые режимы, вопросы амортизационной политики, целевых отчислений на поддержку науки, недропользования, подготовки кадров, решения сопутствующих социальных проблем. Это таможенные тарифные и нетарифные методы регулирования. Вопросы тарифной политики по услугам естественных монополий. Вопросы банковского регулирования, стимулирующего межсекторальный перелив капитала. Существует и возможность институциональных подходов. Таких, как создание новых инвестиционных инструментов при использовании пенсионных, страховых фондов, целевых бюджетных фондов, стимулирующих развитие промышленности. Могут получить развитие специальные операции на фондовых рынках, позволяющие через эмиссию ценных бумаг, выпуски облигационных займов заимствовать финансовые ресурсы для промышленности. Это методы эффективного управления государственным имуществом в промышленности. Оно будет всегда в сфере обороны, специальных задач государства, для казенных и государственных унитарных предприятий, равно как и для предприятий смешанного капитала. Это бюджетно-законодательные методы, которые включают в себя федеральные и региональные целевые программы, целевые адресные федеральные законы. Наконец, это и административные методы, такие, как государственное управление, деятельность специально уполномоченных органов регулирования, координации, консалтинга.

Среди других важных проблем, которые лежат в повестке дня российской промышленной политики, кроме упомянутых двух основных проблем оптимизации механизма воспроизводства и механизма управления, есть и ряд более частных проблем [8]. Изношенность основных фондов, низкое качество продукции и производительность труда, неприемлемая фондоемкость, технологическая отсталость. Они ведут к низкой конкурентоспособности российской промышленной продукции и на внутреннем и на внешнем рынках. В российском экспорте низка доля продукции обрабатывающих отраслей, слаб и не имеет стимулирующего характера спрос на внутреннем рынке, нет целенаправленных и эффективных механизмов импортозамещения. Структура российской промышленности утяжелена, недостаточна доля производства продукции конечного потребления, доминируют топливно-сырьевые сектора, добывающая промышленность. Отсутствуют государственно-правовые и экономические механизмы поддержки экспорта, решения региональных проблем, сопутствующих промышленным социальных проблем, механизмов гармонизации структурных отраслевых пропорций. Слабо развита инфраструктура, отсутствуют современные навыки сбыта и сервиса. Слабы менеджмент и финансовая дисциплина, неоптимальна структура промышленности по величине предприятий – крупных, крупнейших и малых, средних. Несбалансирована с промышленной экономикой торговая и тарифная политика естественных монополий. Российская промышленность теряет инновационный характер, утрачивается научно-технический потенциал ее воспроизводства. По каждой из этих частных проблем необходимо и, конечно, существует свое конкретное решение, свои способы регулирования,

стимулирования развития и реструктуризации. Главное, чтобы не была забыта ни одна конкретная проблема и для каждой было предложено решение. Набор этих решений и составляет существенную часть промышленной политики.

Для оптимизации существующей промышленной политики нами предлагается следующая технология:

1. К постановке задач можно переходить только после констатации проблем и определения целей и ценностей, во имя которых будут ставиться задачи и находиться их решения.

2. Нужно согласованное в обществе решение по целям и ценностям промышленной политики. Когда-то, в 90-е годы, эти цели не выходили за рамки устанавливаемого процента приватизированного имущества. Сейчас необходимо ставить иные цели – промышленного роста, устойчивого развития, преодоления спросовых ограничений, конкурентоспособности, ресурсосбережения, экологичности и т. д.

3. Создание системы государственного регулирования.

4. Создание системного механизма, состоящего из упомянутой выше обратной связи промышленного бизнеса и государственной власти, а также прямой связи: управления, стимулирующего воздействия, координации, консалтинга со стороны государства в отношении объектов промышленной политики.

5. Устойчивое экономическое развитие, для чего необходимо создание механизма государственного правового и экономического регулирования промышленного развития. Реконституирование в рыночных условиях механизма воспроизводства в промышленности.

6. Создание механизма межотраслевого и межсекторального перелива капитала (управлением, регулированием, стимулированием).

7. Структурный межотраслевой маневр. Вскрытие всех имеющихся финансовых источников развития промышленности.

Реализация вышеперечисленных основных составляющих технологии выработки промышленной политики должно осуществляться с целью создания общественно-государственного механизма формирования и реализации промышленной политики, включая систему государственных органов, функций и инструментов, законодательно определенный равноправный диалог бизнеса и власти, стимулирование и включение рыночных механизмов промышленного развития, таких, как обеспечение опережающей разведки месторождений полезных ископаемых, финансирования прикладной и фундаментальной науки, НИОКР, разработки новых технологий, подготовки кадров, переход к регионально-зонированному подходу стимулирования промышленного развития, учитывающему большие размеры и климатические особенности страны, государственная поддержка российского экспорта, изменение структуры экспорта в сторону продукции высокой нормы передела, поддержка наукоемкой промышленности и промышленности высокого передела, поддержка модернизации основных фондов в переходный период, стимулирование внутреннего спроса, импортозамещения, лизинга, в том числе государственного, оборудования, поддержка интеграции, диверсификации и транснационального характера крупнейших российских промышленных компаний.

Приведенное проблемное и целевое поле не является исчерпанным, но дает представление о том, что проблема промышленной политики существенно шире, чем отраслевой маневр, чем просто федеральная бюджетная поддержка, чем просто административные меры. Таким образом, промышленную политику – мы понимаем как согласованную систему законодательных, административных, финансово-экономических государственных решений и мер, позволяющих управлять развитием промышленности в стране и регионах в соответствии с поставленными целями такого развития.

В соответствии с этим мы предлагаем целями и ценностями промышленной политики считать:

Важнейшие цели: 1) стратегическая цель – это устойчивое экономическое развитие страны на основе воспроизводимых (в приоритетном порядке интеллектуальных) ресурсов; 2) создание государственно-правового механизма управления и регулирования промышленного развития; 3) реконституирование в рыночных условиях России механизма воспроизводства в промышленности; 4) создание механизма межотраслевого и межсекторального перелива капитала (управления, регулирования, стимулирования); 5) проведение структурного межотраслевого маневра.

Основные цели: 1) создание общественно-государственного механизма реализации промышленной политики (государственных органов, функций и правовых инструментов, организация ди-

алога бизнес-власть); 2) стимулирование внутреннего спроса; 3) стимулирование рыночных механизмов обеспечения:

– финансовых ресурсов (оборотных и инвестиционных);

– разведки месторождений полезных ископаемых;

– науки, НИОКР, новых технологий, роялти;

– кадров;

4) создание регионально-зонированного подхода для обеспечения конкурентоспособности отдаленных промышленных предприятий; 5) решение специфических региональных промышленных проблем; 6) экономический пакт бизнеса и государства (монопрофильные города, социальная проблематика); 7) государственная поддержка экспорта; 8) поддержка и приоритет развития наукоемкой промышленности, промышленности высокой нормы передела; 9) поддержка модернизации промышленности в переходный период (государственный лизинг, стимулирование внутреннего спроса, импортозамещение); 10) стимулирование интеграции, диверсификации и транснационального характера предприятий.

Библиографический список

1. *Глазьев С.Ю.* Тенденции и проблемы экономического развития России // Современная конкуренция. – 2007. – С. 28–50.

2. *Губанов С.* К политике неоиндустриализации // Экономист. – 2009. – № 9. – С. 3–20.

3. *Гринберг Р.Г.* О промышленном развитии России // Экономика и управление: Российский научный журнал. – 2008. – № 5. – С. 2–7.

4. *Завадников В.О.* О промышленной политике в Российской Федерации // Промышленная политика в Российской Федерации. – 2007. – № 5. – С. 3–9.

5. *Кондратьев В.* Промышленная политика или политика конкурентоспособности. Структурные и секторальные аспекты // ЭКО. – 2008. – № 3. – С. 122–131.

6. *Опалева О.И., Черенкова Ю.В.* Инновационный потенциал российского предпринимательства // Финансы и кредит. – 2009. – № 4. – С. 57–66.

7. *Романова О.А.* Промышленная политика: эволюция механизмов реализации // Современная конкуренция. – 2008. – № 6. – С. 32–44.

8. *Смирнов Е.* Инновационный вектор промышленной политики Европейского Союза // Международная экономика. – С. 54–59.

9. *Татаркин А.И., Романова О.А., Филатова М.* Структурная перестройка промышленности как элемент длинного нового процесса // Финансы. – 2007. – № 4. – С. 12–26.

УДК 33

Степанов Евгений Борисович
кандидат экономических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
estepanov@hotbox.ru
Симонов Роман Дмитриевич
Костромской государственный университет им. Н.А.Некрасова

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Ориентация на разностороннее, равновесное развитие личности означает не только отказ от рассмотрения человека как фактора производства, но и углубленное изучение социокультурной составляющей индивида. Экономическая культура, с одной стороны, должна выступать целостной стабильной институциональной системой, которая путем согласования экономических интересов обеспечивает качественное развитие человеческого капитала, а с другой стороны, ее необходимо постоянно тестировать на соответствие критериям эффективности, современным тенденциям развития экономики и в случае необходимости корректировать. В связи с этим исследование экономической культуры, анализ существующей системы ценностей, формирование трендов национальной модели экономического развития, институциональной структуры экономической системы и новых социокультурных процессов в дискурсе развития теории человеческого капитала представляются актуальными и своевременными.

Ключевые слова: *экономическая культура, человеческий фактор, качество человеческого капитала.*

Развитие рыночной организации общественного хозяйства показало неспособность существующего теоретического знания объяснить протекание целого ряда экономических и социальных процессов в новых условиях хозяйствования, а также объяснить их взаимосвязь и взаимозависимость. Это связано с тем, что прежняя экономическая парадигма, исходившая из ортодоксальных (неоклассической и марксистско-ленинской) методологий исследования, основанных на таких краеугольных положениях как: целостность экономической системы и ее замкнутость; самодостаточность этой системы; представление её как «часового механизма», то есть как инженерной конструкции, представление о гомогенности и делимости труда [7, с. 87], его абсолютной текучести, лишенной какой либо внутренней основы [3, с. 25] и т.д., оказались неспособными дать исчерпывающие ответы на такие вопросы как: почему произошел спад производства в российской экономике, когда малоэффективная общественная собственность была заменена на более эффективную частную собственность; почему экономический рост в общественном производстве имеет своим следствием не устойчивое развитие человеческого капитала[1], а тенденцию его деградации. Объяснить эти процессы можно лишь при использовании новой экономической парадигмы и методологических приемов, которые, сняв с себя ортодоксальные постулаты, могли расширить и углубить теорию экономического знания и механизмы исследования хозяйственных процессов. Данную мысль в своей работе отмечает и Л. Шарин. «Марксов анализ двойственной природы труда, – пишет Л. Шарин, – вскрывший трудовую природу стоимости и сущность товарно-денежных отношений, в том числе и капитала, выполнил свою историческую научно-практическую роль и должен уступить место новым подходам в исследовании труда, диктуемым технолого-информационным способом производства, вскрыть новое содержание, сущность и формы реализации современного материального труда» [8, с. 59]. На необходимость современной теории, объясняющей многогранность и многообразие современных социально-экономических процессов, их причины, динамику и пути развития, указывает К.В. Молчанов, который в своем «Цикле политэкономических очерков» пишет: «В XXI высокоиндустриальном и ядерном веке в качестве одного из факторов уменьшения негативных тенденций необходимо иметь современную и полную теорию общественных, социальных, политических и экономических процессов, служащую реальному демократическому и прогрессивному развитию, недопущению антагонистических, антисоциальных и антиобщественных процессов и ликвидации их последствий. Её целями являются прогресс демократического общественного развития, обеспечения достойного (нормального) существования каждого человека в любой

© Степанов Е.Б., Симонов Р.Д., 2011

стране и поиск путей по продвижению к обществу без бедных» [5, с. 4]. Традиционная классическая политическая экономия, как основополагающая теоретическая концепция, исходила из линейного подхода к объяснению социально-экономических явлений, то есть, рассматривала их в причинно-следственной зависимости. Этот подход не отвергается нами и сегодня, но он не может быть ни единственным приемом научного анализа, ни все объясняющей моделью. Достаточно воспользоваться методологическими принципами этого направления к поиску ответов на выше поставленные вопросы, чтобы убедиться, что данная методология в этом случае не работает. Эту же мысль подчеркивает и Ю.М. Осипов в своей «Теории хозяйства». Он пишет: «Возвращение к классике не означает ее некритического воспроизведения. Классика, слава богу, еще не забыта, ее не надо заново восстанавливать, ее можно продолжать, преодолевая свойственные ей противоречия и выходя из ее концептуальных тупиков. Наука не просто нуждается в классическом наследии, в его сущностной, а соответственно и стоимостной парадигме, она нуждается в обновленном классическом знании, в новых парадигмальных решениях» [6, с. 769].

Экономическая наука и практика с целью объяснения и решения новых народнохозяйственных задач пошла по пути преодоления ограниченной ортодоксальной методологии, используя при этом следующие подходы: а) выход за пределы самой экономики для объяснения явлений и процессов, в ней происходящих, на основе теории систем; б) привлечение теоретических воззрений западных научных школ, рассматривающих экономику с позиций неоклассицизма, маржинализма, монетаризма, институциализма, как апробированных на практике приемов; в) реанимирование известных российских научных школ, внесших общепризнанный вклад в мировую экономическую науку и отвергнутых, в свое время, официальной российской наукой (труды А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева, М.И. Туган-Барановского, С.Н. Булгакова и др.); г) заимствование методов исследования других неэкономических наук для объяснения хозяйственных процессов. Это «общая теория систем», «теория бифуркаций и катастроф», «термодинамика», «синергетика» и др. Именно эти подходы в экономической науке заставили смотреть на общественное хозяйство не как на инженерную конструкцию, а как на живой организм, со своей конституцией, культурой и т.д., то есть подходить к экономике с позиций системности и плюрализма методологических принципов.

Главным принципом системного подхода, во многом определяющем глубину анализа и степень реализации всех остальных принципов, является принцип цели. Этот принцип означает, что любой сложный объект (а человеческий капитал – именно такой объект) должен рассматриваться только с точки зрения решения определенной задачи, стоящей перед исследователем. Выбранная исследователем цель будет диктовать способ и форму описания объекта, определять выбор уровня обобщения, фиксировать набор компонентов, целостные свойства которых и составят границу подробности описания системы. В данном случае мы используем системный подход для выяснения механизма взаимодействия экономических и социальных процессов, а точнее говоря, для объяснения взаимосвязи экономической культуры и качества человеческого капитала.

Для анализа взаимосвязи экономической культуры и качества человеческого капитала необходимо использовать не только традиционный детерминистский подход как методологическую предпосылку, но и экономический синергетический подход. Если детерминистский подход предполагает выяснение сущности и закономерностей исследуемого явления на основе причинно следственной зависимости, используя метод восхождения от абстрактного к конкретному, то синергетический подход, не отрицая детерминистской оценки изучаемых явлений, исследует их взаимодействие внутри сложной многоуровневой самоорганизующейся и саморазвивающейся системы. Другими словами, синергетика как методологический подход, основана на обязательном исследовании взаимодействия структурных элементов сложных систем. Как условия движения в развитии и становлении этих систем [2, с. 30]. Синергетический подход поднимает анализ экономических явлений и процессов на качественно новый уровень, подготавливает переход от «логоцентризма, сводящего эмпирическое многообразие явлений, их свойств и отношений к некоторому выделенному ядру, трактуемому в качестве сосредоточия всего наиболее существенного, жизненно важного в исследуемом явлении, как основы (фундамента) всех многообразных его свойств и проявлений» [1, с. 32] к мно-

гомерному. Идея многомерности как субстанциональной сущности отдельных экономических явлений встречается у В. Алтухова, который утверждает, что вопреки утвердившемуся в марксистской диалектике мнению, разнообразие не является только чем-то вторичным, производным от некоторой единой сущности. Внешнее, видимое на поверхности процесса развития разнообразие – скорее результат, следствие разнообразия внутреннего, сущностного, субстанционального, проявление своеобразной плюралистической природы вещей [1, с. 33]. Концепция многомерности исходит из того, что мир разнообразен не только в своих бесконечных проявлениях, но и в своих фундаментальных основах, а наблюдаемое разнообразие вещей не всегда следует из какого-либо общего начала или обусловлено деятельностью какого-то общего центра. На определенных уровнях организации мира внешнее разнообразие связано с разнообразием внутренним, сущностным, субстанциональным, с разнообразием принципов, особым образом сопряженных друг с другом [1, с. 33].

Общая тенденция современного развития экономических, социальных, политических систем заключается в переходе от немногомерных форм к многомерным, в сужении сферы немногомерного и соответствующем расширении сферы многомерного. Важное замечание, определяющее научные параметры новой парадигмы, высказал в свое время Б.С. Лисовик: «У недифференцированного подхода к экономической форме рабочей силы нет будущего. Без рассмотрения различных ее модификаций и таких, нетрадиционных <...> характеристик экономических форм, как многоуровневость, превращенность, иррациональность, противоречивость и т.п., ни о каком научном познании экономической природы личного фактора производства в целях его всемерной активизации сегодня уже не может идти речи» [4, с. 81]. Таким образом, осознана потребность в нетрадиционном подходе к изучению взаимосвязей развития производительных способностей человека и экономического роста, но и к изучению их деформаций, которые возникают в трансформационных экономиках.

Например, как утверждают специалисты Финансовой академии при Правительстве Российской Федерации, «материальной основой увеличения доходов населения и улучшения качества жизни служат темпы экономического роста – ежегодного прироста национального дохода страны. Эта вполне очевидная зависимость требует между тем некоторого пояснения. Дело в том, что некоторые экономисты в связи с экономическими реформами в постсоциалистических странах рассчитывают на улучшение качества жизни при низких темпах экономического роста или вообще на основе перехода к простому воспроизводству в интересах качества жизни» [9, с. 23–24]. Приведенную точку зрения вряд ли следует оспаривать, особенно в части зависимости качества жизни населения от темпов экономического роста. Но дело всё в том, что в реальной жизни приходится сталкиваться с ситуацией, когда данная закономерность совершенно не срабатывает, и темпы экономического роста не ведут к росту уровня и качества жизни населения, а соответственно и к развитию человеческого капитала, как это произошло в России[2]. Рассмотрение человеческого капитала как социально-экономическое явление с таких методологических позиций, позволяет сделать вывод о том, что экономические и социальные процессы, связанные с формированием экономической культуры как фактора воспроизводства человеческого капитала, тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Более того можно сделать предположение, что именно экономическая культура является структурообразующим элементом качества человеческого капитала.

Примечания

[1] Под устойчивым развитием человеческого капитала мы понимаем процесс непрерывного сбалансированного расширения человеческих возможностей, связанных с долголетием и здоровьем, образовательным и профессиональным ростом, а также с поддержанием достойного уровня благосостояния, адаптирующихся к изменениям внешнего мира в условиях свободы выбора.

[2] Опосредованная взаимосвязь экономических и социальных сфер через распределительные отношения приводит нередко к тому, что хотя экономический рост расширяет возможности для развития человеческого капитала, однако эта возможность не всегда превращается в действительность. Как показывает практика, не всегда высокому уровню экономического развития соответствует высокий уровень социального, человеческого развития. Так, например, в 2003 году по уровню ВВП в расчете на душу населения Канада за-

нимала 11 место, а США – 9 место, но по индексу социального развития она стоит на первом месте, а США – на 6 месте. Объединенные Арабские Эмираты по показателю ВВП в расчете на душу населения приближаются к индустриально развитым странам – 10 место, а по уровню социального развития находятся на 62 месте – ниже, чем многие развивающиеся страны мира.

Библиографический список

1. *Алтухов В.* Многомерный мир третьего тысячелетия // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 7.

2. *Евстигнеева Л., Евстигнеев Р.* От стандартной экономической теории к экономической синергетике // Вопросы экономики. – 2001. – № 10.

3. *Курганский С.* Основы теории человеческого капитала: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во СПб. ГУЭФ, 1999.

4. *Лисовик Б.С.* Труд и рынок. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1991.

5. *Молчанов К.В.* К обществу без бедных людей. Цикл политэкономических очерков. – М., 2001. – Ч. I.

6. *Осипов Ю.М.* Теория хозяйства. Учебник в трех томах. Т. II. – М., 1997.

7. *Радаев В.* Социологические подходы к анализу рынка труда: спрос на труд // Российский экономический журнал. – 1995. – № 3.

8. *Шарин Л.* Метаэкономика: интеграция материального и научного производства // Общество и экономика. – 2000. – № 1.

9. Эффективный экономический рост. – М.: Финансовая академия при Правительстве РФ, 2001.

SUMMARY

CONGRATULATE

Marina A. Alekseyeva
Dean of Art-Graphic Faculty, Professor of Department of Teaching Arts, Handicraft and Decorative Apply

Role and significance of Kostroma art-graphic faculty in the region's social, cultural life

During the 50 years of its existence, Kostroma art-graphic faculty gave start in life to a lot of talented people. Successful upbringing of creative-minded people to a large extent determines the cultural level of the region.

SYSTEM ENGINEERING

Boris T. Vorob'yov
Nekrasov Kostroma State University
Roman S. Avramenko
Nekrasov Kostroma State University
Viktor N. Kozlov
Military academy of radiation, chemical and biological defense and engineer troops named after Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko

Research of of signal attenuation in fiber-optic cable at cable line nonlinear lining

The results of experimental researches of signal attenuation by transferring it on fiber-optic cable are given in the article.

Keywords: opt-electronics, optic signal, fiber-optic cable, attenuation.

Artyom R. Denisov, Mikhail V. Belyankin
Nekrasov Kostroma State University
Inf_service@ksu.edu.ru

Design processes scheduling for small-scale machine-building manufacture

Construction questions of design processes scheduling system for small-scale machine-building manufacture are considered.

Keywords: design processes, scheduling, configuration management, small-scale machine-building manufacturing.

Yuriy K. Monakhov, Konstantin G. Abramov
The Stoletovs Vladimir State University

Modeling the spread of malicious information through social media

This article represents the results of experimental research of spreading of malicious information through social media. Social networks topology classifications are considered, parameters suitable for the identification of topological type of the real network fragment are determined. The algorithm for searching for the percolation cluster is offered.

Amar Ali Azazi, Boris I. Margolis
Tver State Technical University
borismargolis@yandex.ru

Compound curves images processing and recognition system

Informational system meant for compound curves recognition in dermatoglyphical investigations automation is described in the article. Methods of palmatogram and fingerprints computer processing used in the system are observed.

Keywords: informational system, computer processing, images recognition.

NATURAL SCIENCE

Yekaterina V. Garas'ko
Ivanovo State Medic Academy
Svetlana V. Chulovskaya
Russian Science Academy institution "Solutions Chemistry Institute", City of Ivanovo, Russia
Vladimir I. Parfenyuk
Russian Science Academy institution "Solutions Chemistry Institute", City of Ivanovo, Russia

Nano-sized Ag particles biocide properties

Possibilities of nano-sized Ag particles usage for traditional medic materials modification aiming them biocide properties are shown. Nano-sized Ag particles applied in the research are obtained by the method of cathode reduction from water-organic electrolyte solutions.

Keywords: nanotechnology, electrolysis, nano-sized Ag powders, biocide properties.

Dmitriy V. Gunin, Yevgeniy Yu. Lapko
Soviet Union Marshal Timoshenko State Military Academy of Chemical, Biological and Radiation Defense and Engineer Troops, City of Kostroma
dmigunin@yandex.ru

Interaction between 2-thia-bicyclo[2.2.1]hepten with polyfluorinated sulphenil halides

Structural range of compounds is obtained on the basis of modifications of bonding of 5-6 2-thiabicyclo[2.2.1]heptens with polyfluorinated sulphenil halides synthesized on the basis of fluorinated spirits-telomers and freons. Peculiarities of Cl atom and polyfluorinated sulphenil halides radical distribution in the carcass of bicyclic structure are examined.

Tamara A. Palkina
Kostychev Ryazan State Agro-Technologic University
t.a.palkina@mail.ru

Ecological-coenotic origin of ruderal plants of agrocoenoses in southern part of non-Chernozem zone

255 species of weed plants are revealed in agrocoenoses of Ryazan Region; among them, 47 are widespread. In their composition, groups of segetal, ruderal and natural communities plants are allocated. The role of these groups in modern agrocoenoses is shown. The increase of inactive species (ruderal and meadow) in composition of weed component is observed.

Keywords: segetal flora, agrocoenoses, species composition, origin, ruderal plants.

Artyom S. Radionov

Why the Land of Kostroma can and should become ecologic tourism zone?

Physic-geographic characteristics of Kostroma Region is ascertained. Peculiarities of geo-ecologic monitoring are observed. Results of suburb territories investigations of a few districts of Kostroma Region and Kostroma City are presented. Attempt to analyze potential position of Kostroma Region as eco-tourism object was undertaken on the basis of general data and investigations results.

Keywords: monitoring, natural territory, ecotourism, natural potential.

Valeriy S. Sekovanov
Nekrasov Kostroma State University

On Mandelbrot and Julia sets for polynomials of complex variable

This article discusses Julia sets and Mandelbrot set for polynomials of any degree of complex variable and studies their properties.

Keywords: Julia set, Mandelbrot set, orbit of point, fractal.

Marina V. Sirotina
Nekrasov Kostroma State University
mvsirotina@gmail.com
Aleksandr V. Baranov
Nekrasov Kostroma State Univeresity
knicx@kosnet.ru

The research of dermatophens of cattle

The history of the research in dermatophens of nasolabial muzzle in Russia and other countries is described in this article. We pay attention to the epigenetic basis of phenetics. The contribution of authors to the improvement of phenetics of cattle is also mentioned.

Keywords: phenetics, nasolabial muzzle, dermatoglyphs, epigenetics.

Nikolay V. Sokolov
Russian Agricultural Science Academy
Research Institute of Kostroma
knicx@kosnet.ru

What taming and domestication of elks mean

Taming and domestication of animals have always been a prerogative of cattle-breeders – inhabitants of open territories. Developing new lands, fishermen and hunters didn't have opportunities to domesticate animals and preferred to use the accustomed ones. More often, taming of animals is considered from a mercenary aim of people. However, in our practice reasons of catching young wild elks by people can be explained mainly by sympathy and compassion towards elks.

Keywords: animals, wild, tamed, domestication.

Irina Yu. Averkiyeva, Irina V. Priputina
Institute of Physico-Chemical and Biological Problems in Soil Science of Russian Academy of Sciences

Nitrogen oxides (NOx) technogenic emission influence on Moscow Region forest biogeocoenoses trophic regime assessment

Nitrogen oxides (NOx) technogenic emission influence on Moscow Region forest biogeocoenoses soils trophic regime (nitrogen availability) is considered in the article on the basis of edaphic-geochemical, geo-botanical and other eco-systemic showings.

Keywords: nitrogen oxide, trophic regime, forest ecosystems.

PHILOSOPHY

Aleksandr B. Belozyorov
Vologda State Pedagogic University

Concept of the communications of K. Jaspers' existential philosophy

Difference of non-classic understanding of the communications as dialogue from classical as contracts is shown in the article. The analysis of the existential concept of the communications of K. Jaspers as coordination existentia and reason through dialogue is given by means of philosophic belief.

Keywords: post-non-classic science, science philosophy, communication, communication conceptions, existentialism, existence, existential communication, philosophic belief.

Natal'ya A. Vlasova
Russian State Trade-Economic University
Perm Institute (branch)
kaf_gum_dis@mail.ru

Philosophy of education in post-modern understands

The article is devoted to the meaning of the philosophy of education for post-modern theory. This text contains the problem of ontologic pluralism. The author considers criteria of scientific knowledge, which must be included to content of education. The article is focused on axiologic pluralism and relativism.

Keywords: philosophy of education, post-modern, ontologic pluralism, axiologic relativism.

Marina G. Zelentsova, Ol'ga A. Torosyan
Ivanovo State Chemical-Technologic University

Human nature universality and value substantiation problem

The criticism of the subjectivistic approach to the analysis of values which is characteristic for philosophy of the 20th century is given in the article. However, it is necessary to note the fact that all values have the objective bases. They root into universal human needs. The article concludes that the values, including moral ones, may be and should be drown from human nature.

Keywords: morals, value, human nature.

Ye. A. Kostrova

God as the Other one in the philosophy of F. Rosenzweig, F. Ebner, M. Buber

F. Rosenzweig, F. Ebner, and M. Buber are the representatives of dialogue philosophy. Dialogueists criticize traditional approaches to understanding God in theology and philosophy and suggest to begin from the situation of dialogue between God and man where God acts as the Other one. This dialogue becomes the base of inner unity and wholeness of human existence in his (her) existential and social dimensions.

Keywords: dialogue philosophy, Other one, religion, onthology.

Vyacheslav G. Mushich-Gromyko
Interregional Centre of Dialectic Materialistic Cosmology Study
cosmolîgy@cosmologia.ru

Irreducible-outlook rationalism (logic, gnoseologic, social, cultural, practical aspects)

The aim of this article is to view the ways of the development of philosophy via referring to origin and basic components of rationality (which is named as an old one and a new one at the same time, in the notion of "limited world outlook rationalism of Higher World outlook Stylistics").

Keywords: rationalism, irreducibility, motivation, true knowledge, logic, practice, cognition, culture.

Dmitriy G. Smirnov
Ivanovo State University
dissovet_212@mail.ru

Semiotic bases of the universum evolution

The article deals with system analysis of interaction between noosphere and semiosphere in the context of the modern information society. Semiosphere as the representation of noosphere opens to the person in the understanding discourse the orientation of civilization development and the sense of transition of biosphere into noosphere.

Keywords: noosphere, semiosphere, universal semiotic law, noogenic biogeochemical principles, semio-consciousness, noospheric education.

Dmitriy S. Shagako
Voronezh Technical State University
dmitrii-shagako8@mail.ru

War and violence – the socially-philosophic characteristic of interaction

The author analyzes categories «war» and «violence», give methodological specifications to them and brings original version of understanding peculiarity of their intrinsic interrelationship in this article. Besides, these categories are considered during social interaction of subjects in this article; that is proved by social-philosophic examples.

Keywords: war, violence, social interaction, human.

Svetlana S. Kasatkina
Cherepovets State University
svetlanach5@rambler.ru

City daily occurrence as social philosophy investigation field

Attempt to consider complex of directions of researches about daily city life is undertaken in the work. The purpose of studying of city daily occurrence is representation of its structure, the semantic maintenance, the relation to it of townspeople. In the urbanized and globalized society, understanding sense of city daily occurrence is especially topical.

Keywords: city, daily occurrence, city life, city space studying theories, urbanization, urbanization philosophy.

CULTURE AND ARTS SCIENCE

Larisa A. Aymaletdinova
Alekseyev Nizhny Novgorod State Technical University
larisa.colesova@yandex.ru

The problem of values reorientation of Russian society of the second half of the 19th – early 20th centuries on Nizhny Novgorod Fair

The problem, discussed in this article, is value re-orientation of Russian society of 19th – early 20th centuries, the change of its axiological (values) scale under the influence of merchant class activation by the example of subcultural formation – Nizhny Novgorod Fair. Understanding of all those cultural and esthetic changes that took place in the past today has a great importance for the adequate perception of similar social-cultural changes taking place in Russia today.

Keywords: value analysis, deviating behavior, valuable scale, Nizhny Novgorod fair, social control.

Yelena Yu. Borisova, Natal'ya Yu. Pogorelova
Nekrasov Kostroma State University
vestnik@ksu.edu.ru

Spiritual-musical heritage by P.G. Chesnokov – representative of the New wave of Russian sacred music

The spiritual-musical literature of the late 19th – early 20th centuries, in comparison with other genres of this epoch, for quite clear reasons, is least studied. Concentration of our musicology exclusively on one part of creative work by P.G. Chesnokov at perfect oblivion of the other part stirs correct understanding of both spiritual, and secular music and, finally, disguises scientific true. Therefore, in the article, we put forward the problem in more details to cover spiritual-musical heritage of Chesnokov.

Keywords: Russian sacred music, old Russian singing traditions, mutual influence of spiritual and secular music, influence of western European art on the Russian sacred music, new type of concert sacred music.

Valeriy V. Dzyuban
Bryansk State Technical University
bryanskstudzuban@mail.ru

Traditions, culture and crafts of the Cossacks of Russia: methodological and scientific-practical aspects of the research

The article discusses the features of upbringing in the families of the Cossacks, which had a great influence on the culture of the Cossacks as a whole.

Keywords: Cossack, society of Cossacks, culture, traditions, customs, upbringing, family.

Natal'ya K. Kashina

Home mythologeme in works by V. Rozanov

In V. Rozanov's creative work, the home theme is special. Into tradition of the Russian literature to symbolize home image, the writer has brought the maintenance. His home is a mythologeme, generating a plot about possibility of realization of harmony. It is awarded by epithets "warm", "blessed". Such home can become temple. Goethe's, Lermontov's homes visited by Rozanov were understand by him as an embodiment of attitude of their well-known inhabitants. In Rozanov's creative work, mythologeme "home" is identified with the world which has been rendered habitable and cozy.

Keywords: archetypal myth, microcosm, spiritual constituent, wholeness, harmony, image reliable basis, philosophy of understanding, life philosophy.

Yelena V. Rovenko
Tchaikovsky Moscow State Conservatory
rovenko-lena@mail.ru

The time and the space in the painting of E. Delacroix and O. Redon

Odilon Redon, the remarkable painter of boundary of 19th–20th centuries, created his own world. But his art very many is obliged to art of Eugиne Delacroix, whose works Redon copied in a youth and whose creative method Redon studied attentively. In this article the author attempts to analyze the parameters of the time, the space and the painting material in Redon's and Delacroix's masterpieces. The temporal and spatial conceptions of these two masters are compared on purpose to reveal the common qualities of organization of art ensemble.

Keywords: O. Redon, E. Delacroix, time in art, coloristical space, material development.

Mariya K. Shemyakina
Nekrasov Kostroma State University
mary-ru2004@mail.ru

Peculiarities of embodiment of Revival concept in cultural tradition (theoretic analysis)

The term "revival" in the cultural ambiguity can be considered as a model of the historic dynamics of the existence of culture. In this meaning, the concept "revival" should be considered as a natural mechanism of cultural variety, based on the occurrence of the subjects of the development of elements of culture.

Keywords: concept "revival", culture being historical dynamics, cultural variety mechanism.

Natal'ya V. Shestyorkina
Mordovian State University, City of Saransk
nvshest@mail.ru

Interaction of paganism and Christianity in German texts of charm

The article deals with the difference in the origin and treatment of diseases according to the mythological and Christian conceptions. The analysis is based on German texts of charm having the motif of "a dead hand", which reflect the archaic cult of the dead.

Keywords: text of charm, paganism, Christianity, “dead hand” motif.

LINGUISTICS

Nikolay F. Alefirenko
Belgorod State University
alefirenko@bsu.edu.ru
Yelena G. Ozerova
Belgorod State University
ozerova@bsu.edu.ru

Peculiarities of lyric-prosaic creation of poetic prose

The article considers the principles of lyric and prosaic text creation as a produce of discourse activity of word artist. The message is that the poetic prose discourse is a definite world model in which the past life not only remains esthetically by the creative feeling but also continues in author’s plots of text creation.

Keywords: text creation, poetic prose, egotope, discourse, linguosynergy, speech semantics, memory.

Mikhail A. Bakulin
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
mabakulin81@gmail.com

Gender stereotypes in conceptosphere of modern detective novel

The following points are under consideration in this article: gender stereotypes in modern male and female novels, reflection of gender information on different social behavior models, which has become the basis of personal image creation and expression of their gender identity.

Keywords: a detective novel, conceptosphere, gender stereotype, social roles.

Il'ya G. Goncharenko
Russian State Professional Pedagogic University (City of Ekaterinburg)
insomniai@mail.ru

Of some errors at referring scientific texts and ways of avoidance

The main aim of the paper is to describe and classify errors in abstracting scientific texts. The proposed classification of errors in abstracting is based on the notion of linguistic identity. The devices for errors prevention are described.

Keywords: referring, academic style, speech errors, communicative-pragmatics errors, linguistic identity.

Tamara A. Dorogova

Hyperbole function in German advertising

This article is devoted to the problem of the study of hyperbole in German advertising. Different views on this fact promote to the applicability of this theme. The intention of this article is to denote the essence of hyperbole as communicative – semantic instrument, to denote features of advertising texts and to express the function of hyperbole in German advertising. The object of our research is hyperbole, the subject is German advertising.

Keywords: hyperbole, German, advertising, litotes, meiosis.

Nadezhda V. Dubinkina
Kostroma State University
rakunova_nadezhd@mail.ru

Plot developing role of idioms in the novel of L. Tolstoy «Anna Karenina»

This article is devoted to the description of phraseological facilities of the plot development in the novel of L. Tolstoy "Anna Karenina". Idioms in the novel are used as means of creation of transverse images and key characters, that gives the opportunity to trace the storyline of heroes and to reveal the features of plot conflict.

Keywords: idiom, phraseological configuration, plot developing role, transverse image, semantic dominant.

Anna V. Pavlova
Murmansk State University for the Humanities
andrey0269@yandex.ru

To the question of words with root *-губ-* functioning areas in White sea region dialects

The article is devoted to research of lexicon of dialects of White sea region and has the purpose to show heterogeneity of the named dialect at a lexical level. The group of words with the root ***-губ-*** naming gulfs was determined; areas of functioning of these words in dialects of White sea region was found. The lexical material which has been not noted in dictionaries of other regions is presented and described.

Keywords: dialectology, patois of White sea region, nominations of gulf, areas of words' functioning.

Yelena A. Petrova
Ufa Law Institute of the Interior of Russia
eleina.froloff@yandex.ru

The pragmatic aspect of the intra-dictum cohesion

The article is devoted to the pragmatic (communicative) aspect of the textual analysis of the Compound Sentence with the Predicate Clause, that is to its role in the realization of the intra-dictum cohesion. The methodological basis of the study is the theory of the paradigmatic syntax. The author considers dictum as the topical unit of the text thematization.

Keywords: paradigmatic syntax, theme, rheme, presupposition, contact and distant relations, dictem.

Sharapatdin B. Khozhanov
Berdaq Qaraqalpaqi State University, City of No'kis
sharap_05@mail.ru

Antonyms stylistic functions in Qaraqalpaqi language

The article deals with the use of antonyms as an antithesis, a stylistic distinctive figure, a stylistic uniting figure, a neutral figure, the stylistic figure reflecting joint action between contrasts, a figure of stylistic alternation and an oxymoron is considered. Antonyms, being used in the given functions, carry out an aesthetic problem in works of art. This results from the fact that antonyms are one of the basic graphic-expressive means of language. The article is devoted to the attempt of the decision of such problems in modern Qaraqalpaqi literary language.

Keywords: Qaraqalpaqi language, antonyms, context, effect influence, art perception, contrast concepts, stylistic functions, proverbs and sayings, phraseological expressions, oral folk creative work, folklore, syntactic designs, factor, art source, effective transfer, opposite or inconsistent concept, stylistic designs and oppositions, antithesis.

Nataliya P. Galkina
Nekrasov Kostroma State University
gnpav@mail.ru

Russian conjunctions *поскольку* and *так как* as qualifiers of causal relations in natural sciences cycle texts

The article is focused on the conjunctions *поскольку* and *так как* and peculiarities of their usage; these are the most productive conjunctions in causal complex sentences in natural science texts. The author analyzes the configuration of their functioning that provides specification of the causality type.

Keywords: conjunctions, cause, effect, cause causal-effect relations, actualizer, meaning, scientific style.

SCIENCE OF LITERATURE

Inabat Kh. Allambergenova
Berdaq Qaraqalpaqi State University, City of No'kis
inabat306@rambler.ru

On the questions of Qaraqalpaqi traditional stories genre peculiarities and classification

The article is devoted to the investigation of analyzing problems of origins of legends in Qaraqalpaqi folklore, problems of Qaraqalpaqi folk legends, genre peculiarities and classification of Qaraqalpaqi legends. There were also analyzed opinions of qaraqalpaqi scientists: N. Davkarayev, K. Ayyimbetov, N. Zhapakov, K. Maksetov, S. Bakhadyrova. And also Kazakh folklorist S. Kaskabasov, Turkmenian scientist A. Baymyradov, Russian scientists V. Sokolov and K. Chistov. These scientists' opinions in Qaraqalpaqi traditional stories classification are given.

Keywords: traditional stories, genre peculiarities, classification, questions of investigation and studying.

Tamara P. Batalova
Moscow Regional State Social Institute for the Humanities
slava964964@mail.ru

Nekrasov's motif of Frost in literary perspective

The author of this article analyzes the Frost in Nekrasov's works and Blok's poem "The Twelve". On this base, the author concludes, that Blok continues Nekrasov's tradition in describing Russian life peculiarity.

Keywords: motif, Frost, despotism, Pushkin, Nekrasov, Blok.

Alexander K. Kotlov
Nekrasov Kostroma State University

Modern Russian prose and category of people-appeal in literature

The article's author substantiates possibility of use such category as people-appeal concerning modern Russian "traditional" prose on the basis of ontological approach.

Keywords: modern Russian literature, "traditional" prose, people-appeal in literature, ontological approach.

Yelena M. Krivolapova
Kursk State University
elena_vroblevska@mail.ru

The spatial-temporal picture of the world in M. Prishvin's early diaries

This article considers the specificity of spatial-temporal relations in M. Prishvin's early diaries. The

author's creative method, style peculiarities, categories of space and temporal are investigated. Comparison of empiric and spirit space in M. Prishvin's diaries allows to reveal the nature of author's poetic world perception and his spatial-temporal picture of the world.

Keywords: diary, categories of space and time, artistic method, style, picture of world, author's poetic world-look.

Anna V. Loksha
Russian Far East State University
fox1108@mail.ru

Velimir Khlebnikov's poetic cosmology

The article is devoted to the analysis of V. Khlebnikov's cosmology and proves that the astral figurativeness is like a "mirror" which reflects the main world – shaped concepts of the creative works of one of the leading representatives of Russian futurism.

Keywords: poetic cosmology, astral vertical, urbanistic horizontal, onto-poetics, world pattern, "upper" and "lower" world.

Yelena V. Makarova
The Stoletovs Vladimir State University
lama28@mail.ru

The narrative space in Ivan Turgenev's shortstory-book 'A Sportsman's Sketches'

This work is dedicated to research of narrative space in Ivan Turgenev's book of shortstories 'A Sportsman's Sketchers'. Characteristics of author's using category of space in the text are pointed out. Interconnection between its heroes and the space surrounding them is analyzed. Several specific circles of space represented in the book: the village, the country estate and the provincial town are also analyzed. The special role of the image of the road in the book is highlighted.

Keywords: narrative space, book of shortstories, village, country estate, provincial town, road image, choice of national development strategy.

Svetlana S. Nashatyryova
Voronezh State University
dyshenka@yandex.ru

Typology of gestures in L.N. Andreev's early prose and its refraction in the short story «Silence»

The article is devoted to consideration of the gesture's peculiarities in the L. Andreev's early prose of 1890 – 1900-years. We offered the classification of the gestures according to intensity of the expressive principle in them. The essence of the classification is illustrated by analysis of the short story "Silence".

Key words: gesture, psychologism, portrait, expressionism.

Nina I. Petrova
Nevelskoy Marine State University (City of Vladivostok)
petrova.nina.i@gmail.com

On the question of young Osip Mandelstam's religious-cultural self-identification

The article reveals the regularity in forming of O. Mandelstam's cultural religious notions. It proves that the religious categories in early O. Mandelstam's creative works have become the models generated by sense in his myths. In particular, nudism has appeared as foundation of primary mythicized poetic model of culture and the author's myth about "patrimonial" chaos which repels the idea of national religious elements.

Keywords: religious belief, chaos of Judaism, hasidism, patrimonial womb, Christianity, author's myth, philosophic world outlook.

Yulia S. Popova
Voronezh State University
buka1621@rambler.ru

Patrimonial and personal groundings in hero by I.A. Bunin (on stories of the 1910ies)

Parity of the personal and patrimonial groundings in the heroes of the stories by I.A. Bunin «Zakhar Vorob'ev», «A Merry Courtyard», «Loopy Ears» is investigated in the article on the basis of three key categories: the natural beginning, kinship and socially-patrimonial.

Keywords: Bunin, internal «I», external «I».

Ol'ga A. Savinskaya
Nekrasov Kostroma State University
olgasavinskaya83@mail.ru

Stoic and Buddhist motifs in the lyrics by B.Yu. Poplavsky

The article reflects the features of the philosophic views of B.Yu. Poplavsky (on the example of lyrics in 1920–1935).

Keywords: existence, stoicism, Buddhism, fear, despair, doubt, abandonment, alienation, loneliness, suffering.

Alla P. Sklizkova
The Stoletovs Vladimir State University
burelomy@list.ru

Comedian aspects of the 19th century and their transformation in a new drama of Hauptmann «Beaver Fur-Coat»

In the 19th century in Germany, light folk comedies and dramas where much attention was paid

to comedian plot were of great popularity. Hauptmann created new style of contemporary comedies and dramas in which he marked out, distinguished character sketches, gave their characteristics throughout the play. His characters are strong and clever, capable of finding way in spite of force of circumstances. The refusal normal poetics gives him new way and undercurrents play great role. It is a new comedy of characters.

Keywords: farce, patlenation, undercurrent, dialect, folk drama.

Anna A. Fedotova
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
gry_anna@mail.ru

Nikolay Leskov's legend "Beautiful Aza" in literary context of 1860ies – 1880ies

Leskov's legend "Beautiful Aza" (1888) is examined in the article as a complex artistic unity, semantic and style features of which are formed on the basis of a dialog of several literary systems. Leskov's methods of actualization and principles of art interpretation of the «someone else's» text are analyzed, functions of the story's inclusion in a wide dialogical context are defined.

Keywords: Leskov, Tolstoy, Polonsky, dialogue, context, intertextuality.

Ol'ga A. Chekhunova
Ammosov North-Eastern Federal State University
olga_chehunova@mail.ru

Cyclization as way of reflection of the poet's attitude: Georgy Ivanov's emigrant poetic cycles

The article describes value and specific of a phenomenon of a poetic cycle and ways of reflection of the world picture in emigrant lyrical cycles by Georgy Ivanov. On the hypothesis of the author of the article, studying of emigrant cycles of the poet as super-genre phenomenon allows to understand complete system of views by Ivanov, to recreate the author's world-outlook, to embody a complicated structure of his attitudes and an existential attitude of the poet.

Keywords: cycle, cycle-forming frames, world attitude, world picture, leit-image, leitmotif, heading.

Natal'ya G. Sharapenkova
Petrozavodsk State University
natshar@mail.ru

'The dream that changes destinies'. The oneurosphere of the novel 'Moscow' by Andrey Bely

The article determines the oneurosphere (dreams, hallucinations, visions) of the novel 'Moscow' (1925–1930) by Andrey Bely and indicates possible ways of interpretation of functions of the dreams. The oneurosphere of the novel is put in the context of anthroposophical views of R.Steiner, whose influence on the writer's outlook was extremely great, and analytical psychology of C.-G. Jung.

Keywords: Andrey Bely, oneuropoetics, oneurosphere, dream, novel 'Moscow'.

Ekaterina L. Muratkina
Kostroma State University
entelehia@ksu.edu.ru

Tolstoy and Dickens about university education

The actuality of the article is proved by the reforms happening in the current educational process of Russia. The 19 th century has presented excellent examples of educational systems that found their place in works of Tolstoy & Dickens.

Keywords: Tolstoy, Dickens, education, university

HISTORY

Yelena D. Borshchukova
Herzen Russian State Pedagogic University

The Russian Orthodox Church activities in organizing medical help to the wounded at the early period of World War I

The article is about the role of the Russian Orthodox Church in the events and at the battle-fronts of the World War I. It deals with charity activities of the different religions institutions and organizing military hospital service; it also shows the activities of the Russian Orthodox Church in giving help in ceremonial rites and rehabilitation of the victims of military actions. The article is on materials of the State Historical Archives and some fundamental monographs and theses on the problem.

Key words: state and church under conditions of Russian Empire, Holiest Synod and charity, eparchial activities during World War I, Church and charity, Russian Orthodox Church and its mission in Russian Army.

Il'ya V. Golotin
Demidov Yaroslavl State University
ilya_golotin@mail.ru

Main principles of the Soviet state policy for the protection of monuments of history and culture in the 1953–1964 years

Analysis of influence of the Soviet government policy on formation of the relation to history and

culture monuments is given in the article. Besides, estimation of actions of principals of specific state structures of the nation-wide and local value deciding destinies of specific objects of a national heritage is given.

Keywords: architectural monument, cultural heritage, subjectivism, voluntarism, atheistic propaganda.

Vera L.Yeremeyeva
Nekrasov Kostroma State University
gera_wolf@mail.ru

Provincial Statistical Committee in 1860–1890 years and the development of historic science in the Russian provinces (based on materials of Kostroma and Yaroslavl Provinces)

The article describes the main areas of work, unique for its time administrative agencies – Provincial Statistical Committee. These committees not only collected and analyzed statistical data, but they also organized extensive work on local history in the province. Thanks to their vigorous activity, the state received in a timely manner the necessary statistics, and provincial intelligentsia had the opportunity to express their scientific and creative potential.

Keywords: Provincial Statistical Committee, local history, provincial intelligentsia, scientific societies, scientific works and publications.

Pyotr P. Kotov
Syktyvkar State University
kotovpetr@mail.ru

The Czar family's peasants land allotment problem during the reform of 1863 in Soviet historiography

The article gives an analysis of research degree of the reform of the 1863. The author shows erroneous assessing of Czar family's peasants land allotment problem in some regions of Russia and the reasons of its strengthening in Soviet historiography.

Keywords: Czar family's peasants, reform of 1863, land allotment, historiography.

Ivan A. Kuz'michyov
Nekrasov Kostroma State University
vlastimil86@rambler.ru

Social-economic development of the town Galich in the first quarter of the 17th century

During the Time of Troubles, Galich has been attacked and devastated repeatedly, and it was the cause of changing of the social-economic development of the town during the reign of the first Romanovs. Study of the financial position of urban population in the early years of Mikhail will help to appreciate the degree of success of government measures in the restore the urban economy. As a result of this work, the author concludes that by the 30-ies of the 17th century, the devastating effects of the Time of Troubles have not been overcome. A significant increase in quit-rent payments without positive changes in financial position of suburban tractors' population in Galich gives image of the state priorities of the new dynasty.

Key words: Time of Troubles, Galich, town population, watch book, rents, artisans.

Roman Yu. Mal'tsev
Kostroma State Historical, Architectural & Arts Museum Reserve
malt-rom@mail.ru

Cooperation of the private entrepreneurs and the bodies of local self-government in Kostroma at the beginning of the 20th century: tax problem

For the private entrepreneurs, discharge of tax has always been problematic. At the beginning of the 20th century, the taxation depended on the bodies of local self-government, namely municipal Dumas. The taxation was an imperfect and tangle system. This fact allowed the private entrepreneurs to exert influence on the quantity of budget payments. The participation in the municipal Dumas` activities was one of the ways to diminish the repayment of taxes.

Keywords: private entrepreneurs, municipal Duma, taxation, arrears.

Il'ya N. Matviyevskiy
Nekrasov Kostroma State University
matvievskayaoksana@mail.ru

Constitutional democrats and local authorities in Kostroma Province, 1905–1914

The purpose of this study is to investigate the relationship between the Department of Constitutional Democratic Party and local authorities in Kostroma Province. The object of study – the local branch of the Constitutional Democratic Party. The item – socio-political activities of the constitutional democrats in Kostroma Province, and the reaction to her provincial authorities. Relevance of the work lies in the fact that it investigates such the issue as pre-revolutionary activities of the liberal parties on the regional level.

Keywords: constitutional democrats, governor, Kostroma Province, local committee, election, State Duma.

Il'ya S. Nagradov
Nekrasov Kostroma State University
nastavnik_kim@rambler.ru

Activities of the provincial secret advisory committees concerning the schismatics: from the "dismal seven-year period" till the Great Reforms (on materials of Kostroma Committee)

The purpose of the work is to determine the composition, the place in government, main directions of the activities and especially functioning of the Secret advisory committees concerning the schismatics in 1850-ies – early 1860-ies.

Keywords: confessional policy, Old Believers, provincial secret advisory committees concerning schismatics.

Ye. M. Petrovicheva
Vladimir State University for the Humanities

The Zemstvo public in the context of forming democratic culture in the period of the Duma monarchy (on the material of Kostroma Province)

The article is devoted to the Zemstvo activity at the beginning of the 20-th century. The author investigates its role at the establishing of the democracy culture and the elements of the civil society in Russia.

Keywords: Zemstvo self-government, civil initiatives, democracy culture, dialogue of Zemstvo public and reign.

Nikolay A. Tyukachyov
Petrovsky Bryansk State University
olga.tyukacheva@mail.ru

Liberal Historiography of Revolutionary Populism

This article is devoted to the Narodniks' movement. The analysis of works by B.N. Chicherin, A.A. Kornilov, B.B. Glinsky, V.Ya. Bogucharsky is given. The author shows not only general features but also examines certain distinctions in liberal historians' positions of the Narodniks' movement.

Keywords: Narodniks' movement, terrorism, historiography, liberal conception.

Andrey V. Chibisov (hegumen Manuel)
Nekrasov Kostroma State University
andrvlad1@yandex.ru

The living conditions of the OLD-believers' church in the USSR (1950–1980)

In this article, changes in relations to the Old Believers' church in the policy of the Soviet state have been shown. "Trends for stagnation" of its development have been revealed.

Keywords: Old Believers' orthodox church with good attitude to Belokrinitskaya hierarchy, Moscow Archiepiscopacy, peace-making activity, metropolitan establishment.

PSYCHOLOGY

Ol'ga V. Rudyhina
Novosibirsk State Technic University
olga.rudyhina@gmail.com
Ol'ga S. Shemelina
Novosibirsk State Technic University
olga-shem@yandex.ru

Parity of styles of thinking and psychological types in structure of the person of students of higher school

In the given work, psychological types under K.G. Jung theory are considered in interrelation with intellectual styles of thinking. The significant results testify to possibility and expediency of consideration of psychological types of the person in quality the styles determining individual picture of the world.

Keywords: intellectual styles of thinking and styles determining individual world outlook, typology of person by C.G. Jung.

Georgiy M. Sordiya
State Academic University of the Humanities, City of Moscow, Russia
geo2006-84@mail.ru

The correlation of user's personality characteristics with his (her) activity on the Internet

The personality of an Internet user is being studied by many experts. However, the results of their studies involve only few personality traits of users. Our target is to study the integrated characteristics of the Internet user and their influence on the user's Internet activity.

Keywords: Internet, personality features, user's identity, motivation, immersion.

Svetlana Yu. Zhdanova, Yelena L'. Alikina
Perm State University
alikinart@rambler.ru

Mother's social characteristics influence on peculiarities of the method of child's individuality cognition

The Other being something Significant individuality cognition problem is considered. The peculiarities of the method of child's individuality cognition by mother research results in dependence with age, respondents' education, children quantity in family and family configuration are presented.

Keywords: Other being something Significant individuality cognition, meta-individuality, dispersal analysis, factors' interrelation

Aleksandra A. Men'shikova
Russian State Social University, City of Moscow
menalex2008@rambler.ru

Features of psychological readiness to motherhood of pregnant women with oncological diseases

The aim of study was detecting of features of psychological readiness to motherhood of pregnant women with oncological diseases. High prevalence of malignances during pregnancy and lack of data in native science about psychological statement of pregnant women with onco-pathology are determining choice of this topic.

Key words: psychological readiness, motherhood, pregnancy, oncological diseases.

Mariya V. Saporovskaya
Nekrasov Kostroma State University
saporov35@mail.ru

Inter-generational relations and interaction in families of different structure

Results of the series of researches in which communications between representations of parents and children-teenagers about their interpersonal relations and interaction as the factor of the actual and potential inter-generational conflict in families with the different structural organization are analyzed are presented

Keywords: generations in family; inter-generational interaction in family; inter-generational conflict; generations representations of each other as intra-family conflict factor.

PEDAGOGY

Larisa A. Artyushina, Mikhail Yu. Monakhov
The Stoletovs Vladimir State University
larisa-artusina@yandex.ru

Reflexive competencies in third generation higher vocational education standards

The inclusion question in the maintenance of Federal state educational standards of the higher vocational training reflective competencies, as necessary condition of preparation of highly skilled experts at level of the world standards is discussed in the article.

Keywords: reflexion, reflexive abilities, competence, reflexive competence.

Ol'ga R. Vorontsova, Svetlana F. Katerzhina
Kostroma State Technologic University
svetakaterzhina@mail.ru

Steps of designing of control and measuring materials within the limits of formation of competences

The authors consider algorithm of designing of controlling and measuring materials and estimated fund, its realization on an example of common cultural competence of the subject "Higher Mathematics" in the given article .

Keywords: competences, controlling and measuring materials, informative activity.

Yuliya A. Dorogova, Ol'ga A. Dyomintseva, Tat'yana N. Belkina
Mari State University, City of Yoshkar-Ola
julya_dorogova@rambler.ru

The organization of training loadings of female biathletes in the conditions of mid-highlands taking into account biochemical changes

The features of the training camp of female biathletes of high sports resultativeness in mid-highlands are considered in this article. The importance of training loadings in conditions of mid-highlands taking into account biochemical indicators of sportswomen is shown.

Keywords: biathlon, training loadings, conditions of mid-highlands, adaptation, vital capacity of lungs, hemoglobin, lactic acid (lactate).

Yelena A. Maksimova
Saratov State Social-Economic University
maksimolena@yandex.ru

Historic-cultural continuity as context for pedagogic research

The significance of context for pedagogic research is analyzed in the article, types of context are given. Sociocultural situation is understood as a bifurcation point of historic-cultural continuity. The system of professional education is characterized as a social institution. The conclusion of necessity to take into account historic-cultural continuity in pedagogic research is drawn.

Keywords: education development context, context types, continuity as context, professional education as social institution.

Anna N. Smolonskaya
Nekrasov Kostroma State University
ipp@ksu.edu.ru

Features of social development of children of the senior preschool age with the limited possibilities of health

The article is devoted to physically disabled senior schoolchildren's social development problem. It is shown that physically disabled children's development performs as process of permanent interaction and interdependence between such child and surrounding social media. Peculiarities of social development of different categories of special

children of senior school-age are described.

Keywords: social development, physically disabled children, social media, social skills, communicative interaction, verbal and nonverbal communication.

Tat'yana Fadeyeva
Chernyshevsky Saratov State University
Fadej_TU@rambler.ru

Conceptual basis of pedagogic tolerance formation among students in process of their professional training

The definition of "pedagogic tolerance", its structure, criteria and key figures are clarified in this article. The author step-by-step describes and theoretically explains the model of pedagogic tolerance formation among students in a process of their professional training.

Keywords: pedagogic tolerance, personality, formation, developing model, components, conditions, criteria, structure.

Lubov A. Kukushkina
Kostroma State University named after N.A. Nekrasov
Lub-kuku@mail.ru

Forming of legal competence of profile legal classes of students

Essence of forming of legal competence of profile legal classes of students is examined in the article. The terms of process of forming of legal competence of profile legal classes of students are determined and characterized.

Keywords: Competense, competence, legal competence, pupils.

SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE

Aleksandr V. Zaytsev
Nekrasov Kostroma State University
aleksandr-kostroma@mail.ru

Dialogue in the institutional environment of interaction between state and civil society

This paper describes the institutional dialogue cooperation between the state and civil society in Russia. We'll compare and contrast the institutional political discourse and the institutional dialogue between the state and civil society. The author's definition of the concept of "dialogue between the state and civil society" is given.

Keywords: institution, civil society, dialogue, communication, interaction, state.

Yelena V. Il'chenko
North Caucasus State Technical University,
City of Stavropol, Russia
elena1chirk@yandex.ru

Criteria for institutional analysis of social care services for people with disabilities

The article presents the development of criteria and indicators for institutional analysis of social care services for people with disabilities.

Keywords: social institution, social service, criteria, indicators of social services.

Aleksandr A. Maksimenko
alex-maximenko@yandex.ru

Sociological interpretation of rationality conception

In this article, the author highlights the process' rationality conception foundation in sociological theories as well as in management sociology.

Keywords: interpretation of rationality conception, axiological approach, sociology theories, sociology of management.

Valentina N. Osipova
Nekrasov Kostroma State University
valenssya@yandex.ru

The constructive dialogue between migrants and hosting side in Kostroma Region organization peculiarities

Kostroma Region authorities pay great attention to the problem of interaction of migrants and local residents of the hosting territory. This article dwells on some forms of organization of a constructive dialogue between migrants and local residents.

Keywords: migrants, hosting side, constructive dialogue, national policy, national social units, international relations.

Olga S. Petrova
Herzen State Pedagogical University
of Saint-Petersburg

The problems of social adaptation of the Central Asian labor migrants in St. Petersburg

Currently, the main group of labor migrants are migrants from the CIS countries. In megapolis cities like St. Petersburg, labour migration substantially exceeded the limits that can be requlated. The problem is not limited only to growth of quantitative indicators: with a vengeance the question arises about the social adaptation of migrants in the host community. Conducted by the author in-depth

interviews with labor migrants and expert interviews with representatives of the controlling bodies, have allowed to reveal the main problems and to suggest possible directions, which can contribute to effective social adaptation of labour migrants.

Key words: migration, migrant labour, social adaptation, integration, the host community.

Anna A. Khlekhanova

Civil society formation peculiarities: regional aspect

Peculiarities of civil society institutions formation and functioning, their activity juridic regulation, specifics of certain, especially active, institutions are enlightened in the article. Dynamics of their interaction with bodies of state power and local self-government is followed as well as main problems hindering their normal functioning in Russian regions.

Keywords: civil society, public unities, non-commerce organizations.

JURISPRUDENCE

Alla V. Kudryashova
Nekrasov Kostroma State University
alla880@mail.ru

On legal status of the Russian Federation subject prosecutor's office court

The article is devoted to the research of the place of the Subject of Federation in the prosecution system, special features of its legal status on the basis of which the author proposes her own definition. The author also proposes to complete the Law on the Judiciary by adding the rate of the principles of distribution of competences in the prosecution system and of the rate of amount of the competences of the subject of Federation.

Keywords: prosecution of Subject of Federation, organizational structure, legal status, credentials, competence.

Boris Ye. Roshchin
Nekrasov Kostroma State University
pravoborise@mail.ru

Peculiarities of the Russian labour law object and methods in October 1917–1920: legal aspect

The article discusses certain main peculiarities of such core categories of the Russian labour law as the object and method of law regulation, in the times of initiation and development of Soviet labour law based on Marxist-Bolshevik ideology and directions of the Russian Socialist Democratic Workers' Party. The article analyses the core standards and regulations in labour and social relations, adopted by the government in the times of radical revolutionary transformations of society in Russia, namely, at the initial stage of socialist labour organization under the state policy, later known as military communism.

Keywords: Russian proletariate, proletariate dictatorship, socialist labour organization, Bolshevik ideology, war communism state policy, labour law object, labour law methods, labour law sectoral system.

Lyudmila A. Siverskaya
Nekrasov Kostroma State University
lsiverskaya@mail.ru

Registration of reported crime: novel normative legal regulation

The author considers the registration of reported crime as a compulsory element of the algorithm of actions of officials and proposes legislative regulation in the article.

Keywords: report crime registration, algorithm of officials action, consideration of report about crime.

Aleksey G. Sirotkin
Nekrasov Kostroma State University
sir_mail@mail.ru

Usufruct in publications of Russian scientists in the 19th – early 20th centuries

This article provides an overview of the Russian legal scholars' work of the prerevolutionary period investigating the usufruct of the Roman and Russian civil law. The study of their views on the institution acquires now special urgency in connection with the plan to include usufruct in the list of rights in rem in the process of reforming the civil legislation of the Russian Federation.

Keywords: usufruct, personal servitude, full right of use, history of science of civil law.

Yelena V. Smirnova
Nekrasov Kostroma State University
smirnovaleno4ka@mail.ru

Problems of definition of the legal nature of the term «the district court device»

The article is devoted to analysis of the current legislation and representations existing in the legal literature on the district court device. The problem of structure of the device of district court is discussed. Signs of the device of district court which help to open its legal nature are stated in the article. Definition of the device of district court through a

prism of concepts the state device, the device of public authority and the court device is made.

Keywords: state device, public authority device, court device, district court device, district court activity maintenance, district court device structure.

ECONOMY

Bronislav D. Babayev, Elena E. Nikolaeva
The Ivanovo state university, Ivanovo, Russia
politeconom@rambler.ru

About broad treatment distributive relations

In article the distributive relations which deformation in the conditions of modern economy of Russia makes negative impact on its social and economic development are considered. Authors put forward idea of the ideal proportions provided with corresponding "financial" funds and coordinate it to a problem of a correcting role of the market.

Keywords: distributive relations, intraindustrial proportions, socially normal level of proportions, formation of the funds, a correcting role of the market.

Sergey A. Berezikov, Vyacheslav A. Tsukerman

Modernization of technological structure of economy – the way to increasing competitiveness of regions

The article analyzes the potentialities of increasing competitiveness of regions at the expense of diversification technological structure of regional economy.

Keywords: technological structure, competitiveness, region, regional economy.

Ulia A. Golikova
St. Petersburg state university of the economy and finances
golikova_ulia@mail.ru

Conditions of the realization of corporate projects in the Far East of Russia and in the Asian-Pacific region

Here are characterized the potential and the prospects for the development of the corporate collaboration of the Far East of Russia and countries of Asian-Pacific region (APR), revealed the main promising trends of adjusting and optimization of international business connections and marked out the blocks of corporate collaboration with the transnational corporations of APR.

Keywords: Asian-Pacific region, cooperation and collaboration, corporate integration, natural-resource potential, realization of joint international projects, vertically integrated conglomerations.

Yury Yu. Zinchuk
Kostroma regional hospital, Kostroma
z_uu@mail.ru

Realization of cost accounting principle in the work of the regional hospital and its results

Approved in practice technique which confirmed the efficiency, ensures stable financial condition of the establishment and readiness to work under single – channel financing conditions, and consequently, an ability to rendering qualitative medical aid to the population.

Keywords: final results payment, resource savings , efficiency of use of financial assets, quality of medical aid.

Dmitry L. Kondratovich
The Institute of Economic Problems, Apatity,
k_dim@iep.kolasc.net.ru

The state's role in the social and economic modernization of monoprofile towns of the Russian North

The article devotes to the social and economic aspects of modernization of monoprofile towns of the Russian North. Author describes the state's role in the solve of problems of the modernization at the regional level in the context of technological development and key problems of business diversification which should be solved.

Keywords: social and economic development, monoprofile town, city-forming enterprise, modernization of economy, sociological monitoring, human potential.

Tatjana I. Kruzhkova
Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
rustale@yandex.ru
Oxana V. Komarova
Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
okkomarova@yandex.ru

Business world as socio-cultural and socio-economic phenomenon

The article examines business ties as a significant element of social relation, investigates the category of "business world" as a socio-cultural and socio-economic phenomenon, singles out important features of the business world: tradition, identity, economic activity and charity.

Keywords: business ties, the business world, business, historical traditions, social and cultural phenomenon, the socio-economic phenomenon, economic activity.

Natalya V. Mamon
Kostroma State Technology University
mamon@kostroma.ru.
Yulia A. Smirnova
Kostroma State Technology University
yuliasmir@rambler.ru.

Calculation of statistical measure of relations according to the result of the image components siginificance research

In the article there are results of the image components significance research made by socio-economic structures and authorities with the help of experts' interrogation to study a topical problem of management of companies' image. The interpretation of results was made with the assessment of coordination of experts' opinions. Besides the article includes also findings about statistical measure of relations due to results of the image components significance research.

Keywords: image, image components, target group, coordination of experts' opinions, statistcal measure of relations, regressive analysis.

Denis D. Popov
Kostroma State University n.a. N.A. Nekrasov
djpopoff@gmail.com

Social capital in the network economic structures

The problemacy of the social capital became the subject of the analysis only hot long ago in the modern theory of the social capital there is no effective explication of the reproduction and of the functions of the social capital in regard to the macrosocial subjets and of the society in general. The operationalisation and the measurement of the social capital is a difficult task. The methodology and the methods of the researches of the social capital remain the subject of the discussions. The article shows the methods of the revelation of the mechanism of the social capital on the microlevel of the management of the economical subject.

Keywords: social capital, microlevel, macrolevel, economical subject.

Oleg G. Gorbachev
Kostroma state university of N.A. Nekrasov
Gorbachevog@mail.ru

The insurance capital in structure of economic relations

In modern conditions there is an active process of formation of socially focused model of a national economy. It predetermines necessity of creation of the teoretiko-methodological and praktiko-focused base promoting creation of adequate model of dynamics of insurance economic relations. All it defines necessity of scientific search of perfection of the market of the insurance capital as complete multipurpose segment of the mechanism of perfection of economic relations.

Keywords: economic relations, the insurance market, dynamics of the insurance capital, institutional protection.

Tatyana P. Yerofeev
The Yaroslavl branch of Academy of work and social relations
erofeevatp@mail.ru

Harmonization of an industrial policy in modern economy

The key problem of modern business consists in unbalancing industrial and a commercial policy, especially brightly shown in the conditions of crisis when by working out and manufacturing of production manufacture advances realization in absence of the account of interests of consumers, there is an overstocking by production, there is a deficiency of circulating assets and, as consequence, the enterprise become insolvent. In the present article the place and a role of an industrial policy in modern economy is considered, its influence on development of the industrial enterprises is shown.

Keywords: the industrial policy, subjects of an industrial policy, state regulation.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре. Электронный вариант статьи может быть представлен на диске (CD-R) или вложением в электронное письмо.

2. **Электронный вариант статьи** выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc)

3. **Компьютерный набор статьи** должен удовлетворять следующие требования: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. **Построение статьи**:

4.1. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).

4.2. Отрасль науки и шифр научной специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

– фамилия, имя, отчество (полностью) ***(на русском и английском языке)***;

– полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора ***(на русском и английском языке)***;

– адрес электронной почты для каждого автора;

– почтовый адрес с индексом и контактный телефон (можно один для всех соавторов);

4.4. Название статьи (сокращения в названии недопустимы) ***(на русском и английском языке)***.

4.5. Аннотация, объясняющая цель работы, актуальность проблемы (не более 6 строк) ***(на русском и английском языке)***.

4.6. Ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) ***(на русском и английском языке)***.

4.5. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется вручную).

5. **Оформление библиографического списка**:

* *Статья в журнале*: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. от–до.

* *Статья в сборнике трудов*: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.).

* *Монография или книга*: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до (или число страниц в книге __с.).

* *Авторские свидетельства и патенты*: А. с. номер. Название.

* *Автореферат*: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

* *Диссертация*: Фамилия и инициалы. Название: Дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – с.

* *Интернет источники*: Фамилия и инициалы. Название [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://... (дата обращения …).

6. **Библиографические ссылки** в тексте статьи оформляются квадратными скобками с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например [2, т. 5, с. 25–26].

7. **Максимальный объем** текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – 17 тыс. знаков, включая пробелы, но не более 10 страниц машинописного текста.

8. **Единицы измерения** приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. **Рисунки, схемы, диаграммы.** В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2). Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах tif, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. **Таблицы**. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и располагаются в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.

11. **Математические и физические формулы** выполняются только в редакторе MS Equation.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

ИД №03618 от 25.12.2000
Подписано в печать 16.07.2011
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 42,0 л.
Тираж 999 экз.
Изд. № 146.

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 39-16-04,**
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**
Отпечатано: **КГУ им. Н.А. Некрасова**

Цена свободная